

Литкой

р. Полная

Волной

вшедени ретрандеме
хтороренная верберд
и малая Хартиго

А рѣка московѣя

Л

Е

Мегети

В р. Мегетная

итомъ великий

лучъ

рѣка покснѣе воева

В

р. томмаиъ

томмаиъ

аде вѣтшаа ераница 1700. году

р. Малаинѣе порѣ

Малаинѣе порѣ

Малаинѣе порѣ

Араинѣ

Нарсаиъ тѣла

р. бердинна

средняя бердинна

не орога нога

А. В. МАКИДОНОВ

**ИСТОРИЯ г. ЗАПОРОЖЬЯ (АЛЕКСАНДРОВСКА).
НАЧАЛО**

Запорожье
СТАТУС
2024

УДК 94:372(825)
ББК Т8(8)8
М15

В оформлении обложки, форзаца и нахзаца использованы карты, и планы первого проекта Днепровской пограничной линии (13 февраля 1770 г.), план крепости Александровской от 18 октября 1770 г., и «Карта течения рек Днепра и Буга...» 1775 г.

Макидонов А. В.
М15 **История г. Запорожья (Александровска). Начало** — Запорожье : СТАТУС, 2024. —
280 с. : илл.

ISBN 978-617-8040-70-3

В книге собраны работы, создававшиеся автором на протяжении ряда лет, посвященные начальной истории г. Запорожья (Александровска).

УДК 94:372(825)
ББК Т8(8)8

ISBN 978-617-8040-70-3

© А. В. Макидонов, 2024

ОТ АВТОРА

В настоящей книге представлены работы автора, посвященные начальной истории г. Запорожья (Александровска), которые создавались им на протяжении ряда лет. Ныне, почти все они подверглись некоторой правке и были дополнены новой информацией. Так например, помимо прочего, приоткрылась, завеса над прусским периодом службы и отставкой одного из основателей г. Запорожья (Александровска), первого коменданта крепости Александровской, полковника Вилима-Людвига фон Фредерздорфа (1715/17/19-после 1774).

Помимо статей посвященных истории г. Запорожья (Александровска), в книге, в качестве приложения, публикуются: статья о создателе Украинской оборонительной линии военном инженере Петре Петровиче де Бриньи (ок. 1690-1742), статья о дипломате Андрее Дмитриевиче Константинове (1740-1818) и две работы по истории старообрядчества нашего края в XVIII в.

Начиная с 90-х годов XX в. некоторые украинские историки пытаются доказать, что основание г. Запорожья (Александровска) никак не связано с крепостью Александровской на Днепровской линии, начатой строением в 1770 г. Причем тема эта намеренно идеологизируется. Так, чтобы исключить из начальной истории г. Запорожья (Александровска) его «имперскую» составляющую, наиболее активно продвигается идея, что начало городу было положено некими поселениями у Крарийской переправы через Днепр, которые якобы упоминаются в трактате византийского императора Константина VII Багрянородного (905-959). Другие историки считают, что отсчет своей истории г. Запорожье должен вести от летописного поселения X в. «Протолче» на острове Хортице. Ныне предлагается еще один вариант истории основания города, который, однако, не менее абсурден чем предыдущие два варианта. Согласно ему, г. Запорожье (Александровск) возник из некоего симбиоза крепости Александровской и запорожских зимовников. Приводимые этому доказательства под стать самой идее: «карта Александровского ретраншемента 1770 г.» и некий «рапорт» коменданта крепости Александровской полковника В.-Л. фон Фредерздорфа (см.: «Нариси з історії освоєння Південної України XV-XVIII ст.». Київ, 2020. Стр. 273, 285 и «Просторові межі українського світу: комплекс уявлень та їхня реалізація в ранньомодерній Україні (XVI-XVIII ст.)». Львів-Київ, 2023. Стр. 365-366, 368-369, 372). На «карте», на которую ссылаются эти исследователи, изображена не реально существовавшая крепость Александровская, а всего лишь неосуществленный проектный план этой крепости, по ее расположению между речками Кушугумом и Мокрой Московкой. Что касается «рапорта», в котором комендант якобы сообщает о том, что он 25 августа 1770 г., заняв под жилье своих офицеров несколько казацких зимовников, крепко стал лагерем на речке Московке, то это совершенно мифический, выдуманный документ. Приводя его содержание историки ссылаются на работу александровского (запорожского) историка Якова Павловича Новицкого (1847-1925) «История города Александровска...» (1905). Однако, во-первых, «рапорта» коменданта под указанной датой и с таким текстом, в книге этого историка, нет. Во-вторых, то что авторы названных монографий могли принять в тексте Я.П. Новицкого за «рапорт» коменданта, является не более как очень произвольной трактовкой Я.П. Новицким событий XVIII в. на основании имевшихся у него документов, которые он впоследствии опубликовал в 1909 г. в «Летописи Екатеринославской ученой архивной комиссии. Вып. V.». В указанном «научном издании» «Просторові межі українського світу...» порой высказываются совершенно нелепые, не имеющие никакого отношения к науке, вещи. Так, один из авторов этой монографии, фактически обвиняет умершего почти сто лет назад Я.П. Новицкого в том, что его книга, в которой утверждается, что начало г. Александровску (Запорожью) было положено крепостью Александровской, работает на современную российскую концепцию «Новороссии» (Ibid., 359).

Иллюстративный материал книги, помимо прочего, включает в себя фотокопии документов отображающих, буквально, первые шаги по созданию Днепровской пограничной линии и в частности, первой крепости Александровской, давшей начало нынешнему г. Запорожью. Это материалы «Архива Коша нової Запорожської Сечи», которые ныне находятся в Центральном государственном историческом архиве Украины, г. Киева (Ф. 229. Оп. 1. Д. 260). Этими документами пользовался при написании своей «Истории города Александровска...» Я.П. Новицкий. В 1887-1888 гг. он получил их, во временное пользование, от историка Аполлона Александровича Скальковского (1808-1898), владевшего в то время этим архивом. В число иллюстраций к книге вошли также фотокопии челобитной В.-Л. фон Фредерздорфа от 1750 г. на имя императрицы Елизаветы Петровны, в которой он просит принять его в российскую воинскую службу и доклад Военной коллегии от 1774 г. императрице Екатерине II, по поводу отставки коменданта крепости Александровской, полковника В.-Л. фон Фредерздорфа.

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ, АЛЕКСАНДРОВСК?

Известно, что до 1921 г. город Запорожье назывался Александровском и что Александровск, в свою очередь, получил это имя в наследство от одной из семи крепостей Днепровской пограничной линии- Александровской.

Днепровская линия, тянувшаяся от устья реки Мокрой Московки по пограничным рекам Конским Водам и Берде до Азовского моря, призвана была защищать от крымских татар участок русско-турецкой границы длиной примерно в 200 км. Строительство крепости Александровской, заложенной в 1770 г. недалеко от Днепра на правом берегу реки Мокрой Московки, в 1771 г. было остановлено из-за неудачного выбора ее месторасположения. Так как местность между Днепром и крепостью отличалась сильно развитой плавневой зоной Днепра, а также была изрезана извилистыми руслами и протоками речек Мокрой Московки и Кучугума. Что вместе, особенно во время половодья, являлось естественным препятствием, которое осложняло путь между крепостью и рекой Днепр для доставки продуктов питания, питьевой воды и строительных материалов. Поэтому, чтобы ускорить сооружение крепости Александровской и всей Днепровской линии в целом, строительство крепости в 1771 г. перенесли на новое, более удобное для этого место- ближе к Днепру, в сторону реки Сухой Московки [1]. Оставленная же первая крепость Александровская, на то время, представляла собой только контур крепости, который был образован валом и рвом перед ним. Вот за этим валом, внутри несостоявшейся крепости, был создан форштадт Александровский служивший, ведь шла русско-турецкая война, защитой от возможного нападения неприятеля проживавшему в нем населению. Прошли годы, и в 1806 г., тогда уже не форштадт, а посад Александровский стал городом Александровском.

Понятно, что город, а до этого форштадт и посад, получили свое имя в наследство от крепости. И поэтому, чтобы узнать, почему наш город так назывался, нужно прежде выяснить- почему крепость Александровская была названа именно этим именем, а не как-нибудь иначе.

Достоверно известно, что имена всем семи крепостям Линии дала лично императрица Екатерина II. 10 мая 1770 г. императрица утвердила двенадцать «докладных пунктов» Военной коллегии. В 11-м «докладном пункте» стоял вопрос о наименовании семи крепостей и фортификационного объекта между двумя крепостями- линии с редутами. На который императрица Екатерина II вынесла резолюцию, что крепости должны называться: Кирилловская, Александровская, Петровская, Никитинская, Захарьевская, Григорьевская и Алексеевская, а линия с «ея редутами»- Днепровской [2, 60-61]. То есть названия получили как крепости, так и укрепленный участок Линии между крепостями Кирилловской и Алексеевской, который рассматривался как отдельный фортификационный объект- линия в Линии. После 1771 г. название- «Днепровская линия» стало применяться уже ко всей Линии крепостей.

Первым историком, который попытался объяснить смысл топонимов крепостей Линии стал Аполлон Александрович Скальковский (1808-1898). В 1846 г., во втором издании своей работы «История Новой-Сечи или последняго Коша Запорожскаго. Часть III» историк высказал предположение, что крепости Линии были названы в честь «важнейших государственных сановников того времени». По мнению А.А. Скальковского крепости Линии могли быть названы, «например Александровская в честь князя Александра Вяземскаго, Никитинская в честь князя Никиты Трубецкаго или графа Никиты Панина, Кирилловская в честь гетмана Кирилла Разумовскаго и проч.» [3, 127-128].

Блестящую догадку А.А. Скальковского полностью поддержал в изданной в 1905 г. книге «История города Александровска...» александровский историк Яков Павлович Новицкий (1847-1925). Со своей стороны Я.П. Новицкий высказал предположение, «что Петровская крепость названа в честь генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева, Алексеевская- в честь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, и Григорьевская- в честь Григория Александровича Потемкина, впоследствии светлейшего князя Таврического» [4, 3-4].

Следует отметить, что первый историк г. Александровска ничего не знал о существовании первой крепости Александровской. Я.П. Новицкий ошибочно считал, что форштадт Александровский, а впоследствии и г. Александровск образовавшийся на его месте, были основаны не на территории оставленной первой крепости Александровской, а на месте ретраншемента времен Русско-турецкой войны (1735-1739). Пользуясь доступной ему картой 1798 г. («Геометрической специальной план...»), Я.П. Новицкий принял очертания первой крепости Александровской на ней, за «Миниховский ретранжамент» [4, 34]. Об этом же собственно идет речь и на других страницах его работы [4, 8-11]. Эта его ошибка время от времени всплывает в современных работах историков и краеведов Запорожья. Так например, в 2007 г., в своих «примечаниях и комментариях» к новому изданию книги Я.П. Новицкого, опубликованной в 1-м томе «академического» собрания сочинений историка, запорожские историки Анатолий Васильевич Бойко (1960-2010) и Юрий Петрович Князьков утверждали вслед за Я.П. Новицким, что форштадт Александровский возник на месте бывшего Миниховского ретраншемента [5, 439-440].

Эстафету по объяснению значения названий крепостей Днепровской линии продолжил уже в 60-х гг. XX в. запорожский краевед Виктор Гаврилович Фоменко (1900-1976). Он предположил, что семь

крепостей Линии были названы именами «шести генерал-фельдмаршалов- высших военачальников русской армии и одного генерал-аншефа (высший генеральский чин, выдающегося флотоводца...». По мнению краеведа крепости были названы: «Центральная Кирилловская- по имени Кирилла Разумовского, последнего гетмана Украины; Правофланговая Александровская- по имени Александра Голицына, командовавшего 1-й русской армией в первые годы войны с Турцией; Левофланговая Петровская- по имени Петра Румянцева, впоследствии- Задунайского, генерал-губернатора Украины, командовавшего войсками 2-й, а потом 1-й армии в происходившей тогда войне; Никитинская- по имени Никиты Трубецкого, Президента Военной коллегии (председателя военного совета при императрице) перед войной; Захарьевская- по имени Захара Чернышева, Президента Военной коллегии во время войны; Григорьевская- по имени Григория Орлова, фаворита Екатерины Второй, главного участника дворцового переворота, возведшего ее на императорский престол России, и Алексеевская- по имени Алексея Орлова, впоследствии- Чесменского, командовавшего русским флотом в бою у Чесмы при разгроме турецких военно-морских сил» [6, 15-16].

В 2002 г. запорожский историк Анатолий Иванович Карагодин (1938-2003) предложил собственную, кардинально отличавшуюся от прежней, трактовку этого вопроса (в 1995 г. он еще придерживался в этом вопросе взглядов А.А. Скальковского [7, 7]). Этот историк в своей версии всецело опирался на утверждение Я.П. Новицкого, что у крепости Петровской было еще одно имя: крепость «Святого Петра» (А.И. Карагодин не знал, что первым крепость Петровскую назвал этим именем А.А. Скальковский [3, 128; 8, 85]). Исходя из этого ошибочного посыла своих предшественников А.И. Карагодин посчитал, что императрица, давая имена крепостям, «особо не ломала голову над таким простецким вопросом», а открыв церковный календарь за первую половину 1770 г., выбрала из него «имена святых и близких к ним лиц», которыми и назвала семь крепостей Линии. При этом историк не объяснил, почему императрицей Екатериной II были взяты из календаря именно те имена, которые теперь известны нам как названия крепостей Линии, а не какие-нибудь другие. Ведь в подобного рода изданиях имен «святых и близких к ним лиц» огромное количество. Историк даже составил список выдуманных им имен для крепостей Днепровской линии. Крепость Александровская, по мнению этого ученого, была названа в честь «свт. и прп. Александра» (надо понимать- святителя и преподобного Александра.- А.М.) [4, 3; 9, 82-88]. Однако гипотеза эта изначально была мертворожденной, так как ни в одном документе XVIII в. названия (имена) семи крепостей Линии не пишутся с приложением- «святой». И потом, в резолюции к «докладным пунктам» императрицей Екатериной II было однозначно указано, как должны именоваться семь крепостей Линии.

Относительно наименования крепости Петровской. Действительно, А.А. Скальковский считал, что у крепости Петровской было название- крепость «Св. Петра» [3, 128; 8, 85]. Возможно историк, работая с «Полным собранием законов Российской империи», которое было для него, как он сам отмечал, «главным руководством, источником и хронологическим указателем» при написании «Хронологического обозрения...», встретил в 43 томе издания («Книга штатов») на странице 134, таблицу: «Штат обер-комендантов, комендантов и плац-майоров...» за 1769 г. В этой таблице, кроме прочего, представлен перечень крепостей и оборонительных Линий Империи за указанный год. На странице 136, в указанном списке, напечатано: «По Новой линии Святого Петра...». Вероятно А.А. Скальковский, по ошибке, принял Тоболо-Ишимскую линию, которая имелась ввиду, за Днепровскую линию, а крепость Святого Петра на Тоболо-Ишимской линии, за еще одно название Петровской крепости [8, X; 10, 134-136]. Я.П. Новицкий, доверившись авторитету мэтра, также назвал крепость Петровскую еще одним именем- крепость «Святого Петра». В свою очередь, А.И. Карагодин, поверив «Нестору украинской этнографии», что крепость Петровская носила имя «Святого Петра», написал статью, в которой высказал ошибочную мысль, что и все остальные крепости Линии носили имена «святых и близких к ним лиц».

Помимо вышеуказанных историков, в разные годы XX-XXI вв. существовало значительное количество исследователей, также принявших в вопросе о наименованиях крепостей Днепровской линии концепцию А.А. Скальковского. Все они, писавшие в основном о крепости Александровской, считали, ничем правда не подкрепляя своих утверждений, что название этой крепости было дано от имени, или генерал-фельдмаршала, князя Александра Михайловича Голицына (1718-1783), или от имени генерал-прокурора Сената, князя Александра Алексеевича Вяземского (1727-1793) [11; 12; 13; 14, 10; 15; 16, 15; 17, 25; 18, 9; 19; 20, 55; 21, 218; 22, 6; 23, 12; 24; 25, 42].

Однако попытки всех перечисленных историков и краеведов, в том числе и самого А.А. Скальковского, пытавшихся хоть как-то связать названия крепостей Линии с именами конкретных людей, делались фактически наугад. Так как под название почти каждой крепости можно подвести сразу по несколько имен государственных деятелей екатерининского времени.

Казалось бы, вопрос о названии крепостей- неразрешимая задача. И все же, на наш взгляд, эта историческая головоломка, которая не дает покоя историкам вот уже более 170 лет, имеет свое решение, стоит только выяснить обстоятельства, которые сопутствовали созданию Днепровской линии.

25 сентября 1768 г. Османская империя объявила войну России. С 4 ноября 1768 г., под председательством императрицы Екатерины II, начинает действовать, законодательно утвержденный 17 января 1769 г., Совет при Высочайшем Дворе (Совет). Созданный на время войны, Совет рассматривал и решал: вопросы по ведению военных действий и обороне государства, мероприятия по внешней политике и внутригосударственным делам. В состав Совета в 1769 г. вошли представители высшего эшелона власти, отвечавшие за военную мощь и оборону государства, за внешнюю политику и внутреннее состояние страны (финансы, юстиция, контроль за органами власти) [26, 802].

В 1769 г. охрана государственной границы на крымском направлении осуществлялась, входившими в состав 2-й армии, форпостными командами Ее Императорского Величества казачьего Войска Запорожского Низового и подразделениями корпуса генерал-поручика Магнуса-Иоганна (Максима Васильевича) фон Берга (1720-1784). Что, однако, не помешало татарским ордам в 1769 г. совершить ряд опустошительных набегов на территорию России: в Запорожье и в Новороссийскую губернию (запорожские казаки, которые на подконтрольной им огромной приграничной территории должны были быть «стражами границ государства российского», из-за своей малочисленности просто физически не могли обеспечить надежную защиту жителям края от диверсий противника [27, 164; 28, 160]). «Прозрачность» южной границы Государства убедительно свидетельствовала в пользу скорейшего создания для нее эффективной защиты.

27 июля 1769 г. на заседании Совета, член Совета, руководивший Военной коллегией вице-президент, генерал-аншеф, граф Захар Григорьевич Чернышев (1722-1784) предложил создать пограничную оборонительную Линию «от Днепра до Азовского моря». С лета 1769 г. по весну 1770 г. на заседаниях Совета рассматривались вопросы и принимались по ним решения: об отправлении на место предполагаемого строительства Линии инженера, который сделал бы проект и планы Линии, определил количество строителей и возможные способы доставки материалов для строительства, вычислил примерную стоимость всей работы, а также об обеспечении военной безопасности работ на Линии. В этот же период времени на заседаниях Совета были рассмотрены два проекта по строительству оборонительной Линии генерал-поручика Михаила Алексеевича Деденева (1721-1786). И в конце концов один из них был принят к исполнению. 26 апреля 1770 г. на Совете были рассмотрены представленные Военной коллегией «докладные пункты», являвшиеся как общим планом мероприятий по организации строительства Линии «по рекам Берде и Московке», так и списком действий по ее военному устройству и функционированию. На этом же заседании Совета генерал-поручик М.А. Деденев был назначен Главным командиром Линии [29, 31/ 338/ 340-341]. А 10 мая 1770 г. императрицей Екатериной II эти двенадцать «докладных пунктов» были утверждены, а крепости Линии получили свои имена.

Поэтому, когда встал вопрос о названиях для крепостей Днепровской линии, императрицей для этого были взяты имена членов Совета, которые в период с января 1769 г. по первую половину мая 1770 г. заседали в Совете и имели самое непосредственное отношение к выработке решений по созданию этой Линии.

В этот период времени членами Совета были восемь человек: три Александра, один Кирилл, один Петр, один Никита, один Захар и один Григорий. Следовательно, крепость Кирилловская была названа именем члена Совета, сенатора, действительного камергера, Ее Императорского Величества генерал-адъютанта, генерал-фельдмаршала, графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1724/28-1803); крепость Александровская названа коллективным именем трех членов Совета (так сказать именем в кубе): вице-канцлера Коллегии иностранных дел, действительного камергера, действительного тайного советника, князя Александра Михайловича Голицына (1723-1807), генерал-прокурора Сената, князя Александра Алексеевича Вяземского (1727-1793) и действительного камергера, генерал-фельдмаршала, князя Александра Михайловича Голицына (1718-1783) (введен в Совет 26 октября 1769 г.); крепость Петровская названа именем члена Совета, сенатора, генерал-аншефа, графа Петра Ивановича Панина (1721-1789) (в Совете находился до 13 августа 1769 г.); крепость Никитинская названа именем члена Совета, первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел, сенатора, действительного камергера, действительного тайного советника, графа Никиты Ивановича Панина (1718-1783); крепость Захарьевская названа именем члена Совета, вице-президента Военной коллегии, генерал-аншефа, графа Захара Григорьевича Чернышева (1722-1784); крепость Григорьевская названа именем члена Совета, Ее Императорского Величества генерал-адъютанта, действительного камергера, генерал-фельдцейхмейстера и над фортификациями генерал-директора, графа Григория Григорьевича Орлова (1734-1783) [29, VII-IX]. И только крепость Алексеевская, как представляется, названа, за количественным исчерпанием имен членов Совета, именем, не входившего в Совет, но значимого на то время для императрицы военачальника- Ее Императорского Величества генерал-адъютанта, генерал-аншефа, графа Алексея Григорьевича Орлова (1737-1807), который был родным братом члена Совета Г.Г. Орлова. И это последнее обстоятельство могло стать решающим при выборе имени для этой крепости.

Итак, крепость Александровская, а за ней, последовательно во времени: форштадт Александровский (1771 г.), посад Александровский (1785 г.), город Александровск (1806 г.), получили свое название в 1770 г. от имени Александр, которое имели три члена Совета при Высочайшем Дворе. Свое имя город Александровск носил до 1921 г., в котором оно, после переименования коммунистами города, кануло в Лету. А в 1932 г. в поднятых плотинами водах Днепра исчезли пороги, которые фактически дали новое имя нашему городу. Все течет, все изменяется.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1175 (Ф. 3. Д. 1178)- «План местоположения между речками Сухой и Мокрой Московки и около лежащей сетуации с показанием в прошетшем 770-м году по наружным линиям заложенной Александровской крепости. Также и ныне вновь прожектированной ближе к реке Днепру» // Запорожская областная универсальная научная библиотека (коллекция В.Г. Фоменко).
2. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (ПСЗ). Том XIX. 1770-1774. Санкт-Петербург, 1830.
3. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последняго Коша Запорожскаго. Часть III. Одесса, 1846.
4. Новицкий Я.П. История города Александровска (Екатеринославской губ.) в связи с историей возникновения крепостей Днепровской линии. 1770-1806 г. Екатеринослав, 1905.
5. Яків Новицький. Твори у 5 томах. Том 1. Запоріжжя, 2007.
6. Фоменко В.Г. Днепровская линия крепостей. Запорожье, 2008.
7. Карагодин А.И. Создание Новой Днепровской линии крепостей (К 225- летию основания г. Александровска) // Культурологічний вісник. Випуск 2. Запоріжжя, 1995.
8. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийскаго края 1730-1823. Часть 1. С 1730 по 1796. Одесса, 1836.
9. Карагодин А.И. К вопросу о названиях крепостей Новой Днепровской линии // Матеріали перших Новицьких читань. Запоріжжя, 2002.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Том XLIII. Часть первая. Книга штатов. Отделение первое. Царствование государыни императрицы Анны Иоанновны. 1730-1740. Царствование государыни императрицы Екатерины II. 1762-1796. Царствование государя императора Павла I. 1796-1800. Санктпетербург, 1830.
11. Александров В.Г. Далеке минуле Запоріжжя // «Червоне Запоріжжя». 10 августа 1946 г.
12. Пешанов В. Запоріжжю 150 років: Чи знаєш ти історію свого міста? // «Червоне Запоріжжя». N 211. 26 жовтня 1956 р.
13. Жигалов А. Мунько Т. 1. Столітній... початок біографії [Заснування Олександрівська та його розвиток у дореформений період (1770-1860 роки)]: Від фортеці на Мокрій Московці до гіганта індустрії на Дніпрі. Цикл нарисів до 200-річчя міста Запоріжжя // «Запорізька правда». N 140. 19 липня 1969 р.
14. Запоріжжю 200. Дніпропетровськ, 1970.
15. Василенко И. Остановите же ковш! // «Индустриальное Запорожье». N 132. 8 июля 1988 г.
16. Горбань Г.В. Свято-Покровський собор. Запорожье, 1991.
17. Волова Лия. Чуприна Анна. Александровск-Запорожье. Запорожье, 1997.
18. Кузьменко Наталья. Чернолуцкий Валерий. Популярные очерки истории Александровска. Том I. Рождение города (1770-1820). Запорожье, 1997.
19. Сокол Николай. С днем рожденья, Александровск! // «Запорозька Січ». N 146. 29 серпня 2000 р.
20. Сокур Анатолій. Вознесенівська гора. Історичні нариси. Запоріжжя, 2003.
21. Супруненко В.П. Запорожский край. Популярная энциклопедия... Запорожье, 2007.
22. Дровосекова О. Фортеці Дніпровської укріпленої лінії: рубіж на південних землях. [Запоріжжя, 2008].

23. Беляева Л.Г. Прогулки по любимому городу: Посвящается 240-летию Запорожья. Запорожье, 2010.
24. Шиханов Р. 3 Днем народження, Олександрівськ! 3 Днем народження, Запоріжжя! // «Запорозька Січ». N 160-162. 25 августа 2011 г.
25. Матеріали до тому «Звід пам'яток історії та культури України. Запорізька область». Кн. 1. м. Запоріжжя. Київ, 2016 // http://history.org.ua/LiberUA/ZvidZap1_2016/ZvidZap1_2016.pdf
26. ПСЗ. Том XVIII. 1767-1769. Санкт-Петербург, 1830.
27. Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Ново-Сербию // Киевская старина. Том VII. Сентябрь и октябрь. Киев, 1883.
28. Шпитальов Г.Г. Військова служба запорозького козацтва в російсько-турецьких війнах 1735-1739 та 1768-1774 років. Запоріжжя, 2004.
29. Архив Государственного Совета. Том первый. Совет в царствование императрицы Екатерины II. (1768-1796 гг.). Санкт-Петербург, 1869.

ЧТО ЗНАЛ ПЕРВЫЙ ИСТОРИК г. АЛЕКСАНДРОВСКА (ЗАПОРОЖЬЯ) ОБ ОСНОВАНИИ ЭТОГО ГОРОДА

119 лет назад, в 1905 г. была издана первая книга об истории г. Александровска (Запорожья)- «История города Александровска (Екатеринославской губ.) в связи с историей возникновения крепостей Днепровской линии. 1770-1806 г.» (далее: «История...»). Автором ее был первый летописец этого города- Яков Павлович Новицкий (1847-1925) [1]. В книге был рассмотрен тридцатилетний период истории Александровска, от его основания до получения им статуса города. Книга эта до сих пор востребована как запорожскими историками и краеведами, так и широким кругом читателей интересующихся родной историей. Без преувеличения можно сказать, что практически все исследователи, касавшиеся после Я.П. Новицкого начальной истории г. Александровска (Запорожья), в той или иной мере, пользовались его наработками, изложенными в этой книге.

Но что же знал «отец» запорожской истории» об основании г. Александровска (Запорожья)? И что он поведал об этом в своей книге?

Ныне, большинство историков и краеведов г. Запорожья знают, что летом 1770 г. на правом берегу речки Мокрой Московки, была заложена первая крепость Александровская (находилась она в границах нынешних улиц г. Запорожья: Тургенева, Жуковского, Земского врача Лукашевича и Академика Амосова). Знают они также, что весной 1771 г. эта недостроенная крепость, из-за ее неудачного месторасположения, была оставлена, и что тогда же, примерно в километре от этой крепости, у речки Сухой Московки была заложена новая крепость Александровская (местонахождение и этой крепости также ни для кого не является загадкой, территория на которой находилась вторая крепость Александровская ныне окружена: Украинской улицей, Соборным проспектом, Крепостной улицей и Прибрежной автомагистралью). Всем им также известно, что на месте первой крепости образовался форштадт, который со временем перерос в г. Александровск (Запорожье). Но знают они об этом благодаря публикациям выдающегося запорожского краеведа Виктора Гавриловича Фоменко (1900-1976), а не книге Я.П. Новицкого, чего многие из них, вероятно, даже не осознают. Так как, без сомнения, большинство из них «Истории...» Я.П. Новицкого толком и не читали [2; 3; 4, 113; 5, 24].

Все эти многочисленные историки и краеведы XX-XXI вв., не имели ранее, и не имеют до сегодняшнего дня, верного представления о том, как именно Я.П. Новицкий видел события, приведшие к возникновению г. Александровска (Запорожья). Причем вопрос о том, насколько правильно он мыслил себе эти события, ни у кого из них даже не возникал. Настолько высоким и неоспоримым авторитетом обладал и обладает донныне автор «Истории...».

Проживая в г. Александровске Я.П. Новицкий, начавший активно заниматься историей края с начала 1880-х гг., не мог не заинтересоваться остатками звездообразной крепости на окраине города, в его предместье Слободке, земляные валы которой и глубокие рвы вокруг них были тогда еще в очень неплохом состоянии. О том кто и когда построил эту крепость у местной образованной публики XIX в. было весьма туманное представление (о том, что это была уже вторая крепость Александровская тогда еще никто не знал). Так проезжавший в 1830 г. через г. Александровск ректор Екатеринославской духовной семинарии архимандрит Иаков (Иосиф Иванович Вечерков, 1792-1850) записал, что крепость эту «устроил» «Петр Великий» [6, 75]. Бывший в Александровске в 1880-х гг. екатеринославский историк Дмитрий Иванович Яворницкий (1855-1940), отмечал, что «по всем соображениям» «укрепления» на окраине этого города были созданы «в царствование императрицы Екатерины II, во время одной из войн русских с турками». И он же пишет, что «некоторые» считают, что «укрепления» эти были делом запорожских казаков [7, 247-248].

Несомненно, что интерес Я.П. Новицкого вызывали и остатки валов первой крепости Александровской, которые он видел в самом центре тогдашнего города у речки Мокрой Московки. Однако он так никогда и не узнал, что это было за укрепление, как оно называлось, кем, и когда оно было создано. Так как это фортификационное сооружение он ошибочно отнес к совсем иному времени.

Возможно, что первые сведения об этих укреплениях Я.П. Новицкий получил от местного старожила, проживавшего в предместье города Карантинке, Василия Ивановича Москаленко (Нагирного) (1781-30.12.1886 (дата погребения 02.01.1887)) [1, III/ 10-12; 8, 43-47]. Примечательно, что в сохранившихся метрических книгах города за 1774-1788 гг. сведений об отце и деде В.И. Москаленко (Нагирного), которые по словам Я.П. Новицкого, были «живыми свидетелями основания Александровска- первыми его поселенцами», насколько можно судить, нет (не исключено, что какие-то данные о них были в утраченных метриках за 1778 и 1779 гг.). Вероятно отцом В.И. Москаленко (Нагирного) был умерший 2 марта 1818 г., живший в г. Александровске «поселянин», Иван Нагирный, которому на то время было 60 лет. Да и точная дата рождения самого «старца» остается невыясненной. На 19 декабря 1884 г., то есть на день, когда Я.П. Новицкий записал «воспоминания» «деда», он указал, что тому было тогда 96 лет. Следовательно годом его рождения должен был быть 1788 г., но в «Истории...», ее автор приводит уже другую дату- 1798 г. Однако в метрической книге соборной церкви Покровской за 1887 г., в разделе об умерших, указано, что В.И. Москаленко, на момент смерти, было 105 лет [1, III/ 10-12; 8, 43-47; 9, 199 об.]. Не исключено, что именно сведения

полученные от «деда», в одной своей части довольно предметные, в другой просто фантастические (так рассказчик утверждал, что на строительстве крепости Александровской работало «сорок тысяч лопатныкив» и что зима с 1770 на 1771 гг. была настолько суровой и снежной, что «с пид снигу видно було тико верхы дубив» [8, 44]), позволили понять Я.П. Новицкому, что крепость у города была построена во время царствования российской императрицы Екатерины II. Что видимо и дало ему направление для его дальнейших изысканий по этому предмету. Нельзя конечно исключить и того, что первым было все-таки слово печатное. О чем речь пойдет ниже.

Повествуя об истории г. Александровска в 1884 г., В.И. Москаленко (Нагирный) сообщил историку, что город был «заложен» в «старой крепости» (например, на «Карте течению реки Днепра...» 1776 г. и на «Плане крепости Александровской» 1798 г., первая крепость Александровская обозначена как: «Старая Александровская крепость» и «Старая крепость» [10, 236; 11, 467].- А.М.). Наиболее вероятно, что «старец» под «старой крепостью» имел в виду недостроенную первую крепость Александровскую, находившуюся на правом берегу речки Мокрой Московки. Однако Я.П. Новицкий, безапелляционно, в специально сделанной сноске, отметил, что «Под Старой крепостью, рассказчик понимает ретранжемент, построенный графом Минихом в 1736 г.» (то есть речь шла о фортификационном укреплении, которое было создано во время Русско-турецкой войны (1735-1739), когда российскими войсками командовал генерал-фельдмаршал, граф Бурхард-Кристоф фон Миних (1683-1767).- А.М.). И далее историк называет размеры «этого обширного» укрепления: «56 дес.», и его месторасположение в координатной сетке улиц тогдашнего г. Александровска. «Следы» этого «ретранжемента» Я.П. Новицкий зафиксировал в тогдашних городских кварталах «расположенных по длине улиц Московской, Николаевской, Екатериновской и Соборной» (ныне это улицы: Академика Амосова, Святого Николая, Почтовая и Соборный проспект.- А.М.). То есть отмечаем, что Я.П. Новицкий о первой крепости Александровской, которая располагалась именно в этом месте, ничего не сообщает, зато он считал, что здесь находился больших размеров ретраншемент времен Русско-турецкой войны (1735-1739). Историк называет улицы, в которых тогда можно было увидеть сохранившиеся остатки «нижней» части первой крепости Александровской. Вторая ее «верхняя» половина, видимо уже к 1905 г. утраченная, находилась «по длине» тогдашних улиц города: Александровской, Гоголя и Жуковского [1, 10-12].

Во второй половине 1880-х гг. Я.П. Новицкий познакомился с работами Аполлона Александровича Скальковского (1808-1898): «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730-1823. Часть 1. С 1730 по 1796» (далее: «Хронологическое обозрение...»), изданной в 1836 г. в Одессе и вышедшей третьим изданием трехтомной «Истории Новой-Сечи или последняго коша запорожскаго», опубликованной в той же Одессе в 1885-1886 гг. [1, III].

Из этих книг он почерпнул сведения об основании Днепровской линии и внес их впоследствии в свою «Историю...». Именно так в его книге и оказались данные: 1) о названии Линии, 2) об указе от 10 мая 1770 г., учреждавшем Линию, 3) о руководителе работ на Днепровской линии генерал-поручике Михаиле Алексеевиче Деденеве (1721-1786), 4) о количестве, названиях и расположении крепостей Линии, 5) о повелении императрицы Екатерины II, данном 2 сентября 1770 г. губернатору Слободско-Украинской губернии генерал-майору Евдокиму Алексеевичу Щербинину (1728-1783), 6) о селах «Конском», «Жеребце» и «Камышеватом», в которых поселялись отставные солдаты, 7) об объяснении названий крепостей Линии [1, 2-4/ 46; 12, 84-86; 13, 130].

Причем некоторые сведения о Линии из «Хронологического обозрения...» Я.П. Новицкий фактически копировал, правда, несколько изменяя их. Приведем для сравнения тексты обоих историков. У А.А. Скальковского: «...лишь только война перешла за рубеж Губернии (Новороссийской.- А.М.), лишь только войска укрепились на Таганрогской линии, то и повелено Сенату устроить новую Линию крепостей». У Я.П. Новицкого в его «Истории...» читаем: «...когда война с Турцией перешла за рубеж Новороссийской губернии и русския войска укрепились на Таганрогской линии, Екатерина II повелела Сенату устроить Новую Днепровскую линию...» [1, 2 ; 12, 84].

Отметим, что Я.П. Новицкий, сам того не желая, заложил в историографии Днепровской линии превратную «традицию» использовать наряду с официальным, историческим именем этой Линии, еще одно название- «Новая Днепровская линия» [1, 2/ 9/ 14/ 15]. И это притом, что никакой другой Днепровской линии в XVIII веке не было (правда некоторые историки, например профессор Анатолий Васильевич Бойко (1960-2010), всерьез считали, что Линия укреплений с таким названием существовала в 1730-х гг. [14, 73]). Действительно, в некоторых исторических документах это словосочетание встречается. Однако обозначает оно не имя этой Линии. В нем попросту, наряду с самим именем Линии, фиксируется и временной фактор ее создания. Так иногда и Украинскую линию называли: «старой Украинской линией» или «Старой линией». В данном же случае Я.П. Новицкий явно отталкивался от текста «Хронологического обозрения...» А.А. Скальковского, который он неверно истолковал [12, 84]. Как ни странно, это абсурдное, с точки зрения современной историографии,

название- «Новая Днепровская линия», прижилось и его довольно длительное время использовали «историки запорожской школы» в своих работах [15, 20-21].

От знакомства с «Хронологическим обозрением...» у Я.П. Новицкого имеется еще несколько, более значимых, исторических ляпов. Так, он повторил вслед за А.А. Скальковским, что строительство Линии велось «под наблюдением» губернатора Слободско-Украинской губернии генерал-майора Е.А. Щербинина. Дело в том, что А.А. Скальковский неверно интерпретировал указ от 2 сентября 1770 г. Он посчитал, что на генерал-майора Екатериной II было возложено общее управление строительством Линии. На самом деле этим указом императрица велела губернатору, как опытному государственному деятелю, составить, на будущее, план административно-территориального устройства и хозяйственного освоения края лежавшего между Украинской и Днепровской линиями, рекой Кальмиусом и г. Бахмутом, т.е. в нем шла речь только об устройстве территории будущей Азовской губернии [1, 2-3; 12, 84-86; 16, 126-127].

В своей работе Я.П. Новицкий список крепостей Днепровской линии и их «координаты» приводит, во многом опираясь на текст «Хронологического обозрения...». Однако у Я.П. Новицкого местоположение крепостей указано более точно чем у «Геродота Новороссийского края». Так например, если А.А. Скальковский помещает крепость Никитинскую «не далеко от Запорожской Поланки Никиты (ныне Никополь)», т.е. в совершенно абсурдном для этой крепости и Линии в целом месте. То александровский историк указывает верное, вероятно знакомое ему не понаслышке, местонахождение крепости «Никитовской»: правый берег реки Конки, в 20 верстах (21,3 км) от ее устья. И все-таки и здесь он пошел на поводу у автора «Хронологического обозрения...». Так А.А. Скальковский приводит в своей работе еще одно название для крепости Петровской - крепость «Св. Петра» (это название приведено и в третьем томе его «Истории Новой-Сечи...» за 1846 и 1886 гг.). Вероятно историк, работая с «Полным собранием законов Российской империи», которое было для него, как он сам отмечал, «главным руководством, источником и хронологическим указателем» при написании «Хронологического обозрения...», встретил в 43 томе издания («Книга штатов») таблицу: «Штат обер-комендантов, комендантов и плац-майоров...» за 1769 г. В этой таблице, кроме прочего, представлен перечень крепостей и оборонительных Линий Империи за указанный год. На странице 136, в указанном списке, напечатано: «По Новой линии Святаго Петра...». По всей видимости, А.А. Скальковский, по ошибке, принял Тоболо-Ишимскую линию, которая имела в виду, за Днепровскую линию, а крепость Святого Петра на Тоболо-Ишимской линии, за еще одно название Петровской крепости. Я.П. Новицкий, доверившись авторитету мэтра, также назвал крепость Петровскую еще одним именем- крепость «Святаго Петра» [1, 3; 12, X/ 85; 13, 130; 17, 136; 18, 127-128].

Также, Я.П. Новицкий безоговорочно принял блестящую догадку А.А. Скальковского относительно возникновения названий у крепостей Днепровской линии, изложенную им в вышедшем в 1886 г. третьем томе «Истории Новой-Сечи...». Напомним, что историк предположил, что крепости были названы императрицей Екатериной II именами, приближенных к ней, «государственных сановников» (впервые эту идею он высказал в 1846 г. во втором издании этой работы [18, 127-128]). По мнению А.А. Скальковского крепости Линии могли быть названы, «например Александровская в честь князя Александра Вяземского, Никитинская в честь князя Никиты Трубецкого или графа Никиты Панина, Кирилловская в честь гетмана Кирилла Разумовского и проч.» [13, 130]. Впоследствии, в собственной книге Я.П. Новицкий предложил для неупомянутых А.А. Скальковским крепостей Линии свои имена «важнейших сановников». Я.П. Новицкий «допустил догадку», «что Петровская крепость названа в честь генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева, Алексеевская- в честь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского и Григорьевская- в честь Григория Александровича Потемкина, впоследствии светлейшаго князя Таврического» [1, 3-4]. Правда, оба эти историка называли имена конкретных людей фактически наугад, так как у них не было понимания того, что крепости Линии были названы именами государственных деятелей непосредственно причастных к созданию этого фортификационного объекта.

Когда встал вопрос о названиях для крепостей Линии, императрицей для этого были использованы имена членов Совета при Высочайшем Дворе, которые в период с января 1769 г. по первую половину мая месяца 1770 г. заседали в Совете и имели самое непосредственное отношение к выработке решений по созданию Линии. В этот период времени членами Совета были восемь человек: три Александра, один Кирилл, один Петр, один Никита, один Захар и один Григорий. Поэтому крепость Кирилловская была названа именем члена Совета, сенатора, действительного камергера, Ее Императорского Величества генерал-адъютанта, генерал-фельдмаршала, графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1724/28-1803); крепость Александровская названа коллективным именем трех членов Совета (так сказать именем в кубе): вице-канцлера Коллегии иностранных дел, действительного камергера, действительного тайного советника, князя Александра Михайловича Голицына (1723-1807), генерал-прокурора Сената, князя Александра Алексеевича Вяземского (1727-1793) и действительного камергера, генерал-фельдмаршала, князя Александра Михайловича

Голицына (1718-1783) (введен в Совет 26 октября 1769 г.); крепость Петровская названа именем члена Совета, сенатора, генерал-аншефа, графа Петра Ивановича Панина (1721-1789) (в Совете находился до 13 августа 1769 г.); крепость Никитинская названа именем члена Совета, первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел, сенатора, действительного камергера, действительного тайного советника, графа Никиты Ивановича Панина (1718-1783); крепость Захарьевская названа именем члена Совета, вице-президента Военной коллегии, генерал-аншефа, графа Захара Григорьевича Чернышева (1722-1784); крепость Григорьевская названа именем члена Совета, Ее Императорского Величества генерал-адъютанта, действительного камергера, генерал-фельдцейхмейстера и над фортификациями генерал-директора, графа Григория Григорьевича Орлова (1734-1783). И только крепость Алексеевская, как представляется, названа, за количественным исчерпанием имен членов Совета, именем не входившего в Совет, но значимого на то время для императрицы Екатерины II, руководившего Архипелагской экспедицией военачальника- Ее Императорского Величества генерал-адъютанта, генерал-аншефа, графа Алексея Григорьевича Орлова (1737-1807), который был родным братом члена Совета графа Г.Г. Орлова. И это последнее обстоятельство могло стать решающим при выборе имени для этой крепости [10, 146-149].

Вероятно, что уже после ознакомления с книгами А.А. Скальковского Я.П. Новицкий решил лично обратиться к их автору. В 1886 г. у Я.П. Новицкого завязалась переписка со А.А. Скальковским. Началом которой возможно послужило обращение александровского историка к своему одесскому коллеге, с просьбой помочь ему материалами по истории Днепровской линии [1, III-IV; 19, I-II]. Семидесятивосьмилетний А.А. Скальковский живо откликнулся и поделился с Я.П. Новицким документами из «Запорожского Сечевого архива», содержащими, в том числе, и нужную тому информацию о Линии. Это были документы из архива Коша Запорожской Сечи (Новой Сечи), которые впоследствии были приведены Я.П. Новицким в его «Истории...», редко- полностью, чаще- в виде выдержек или в пересказе. А.А. Скальковский, владевший этими материалами, как впрочем и всем архивом, в 1887-1888 гг. предоставил их во временное распоряжение Я.П. Новицкого. Сам А.А. Скальковский, когда писал о Днепровской линии в «Хронологическом обозрении...» с этими источниками вероятно знаком еще не был. Иначе бы он непременно воспользовался той информацией о Линии, которая заключалась в них. Документы эти, в количестве 62 единиц, по снятии с них копий, были в апреле 1888 г. возвращены их владельцу. В 1909 г. Я.П. Новицкий опубликовал эти документы уже полностью, в пятом выпуске «Летописи Екатеринославской ученой архивной комиссии» («ЛЕУАК») [18, I-98]. Ныне оригиналы этих документов, их большая часть, находятся в киевском Центральном государственном историческом архиве (ЦГИАК), Ф. 229. Оп. 1. Д. 260, а копии снятые с них Я.П. Новицким в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУВ), Ф. II. Д. 24904-24908. В 1889 г. Я.П. Новицкий получил от А.А. Скальковского еще несколько архивных документов, освещавших историю Новороссийского края XVIII века, которые он тогда же и скопировал. Это были «Описание границ Азовской губернии (1775-1783). Описание прилежащих к Азовской губ. частей» и «Описание городов Азовской губернии» (далее: «Описание городов...»). Оба эти документа были им опубликованы в 1904 г., в первом выпуске «ЛЕУАК» (в сноске к тексту «Описания городов...» историк отметил, что г. Александровск основан «в одно время с крепостью, на месте Миниховского ретранжамент» [20, 76]). Вероятно до 1889 г. Я.П. Новицкий с публикацией «Описания городов...», сделанной Николаем Никифоровичем Мурзакевичем (1806-1883) в третьем томе «Записок Одесского общества истории и древностей» («ЗООИД»), знаком не был [20, 62-93].

Из документов Сечевого архива Я.П. Новицкий получил совершенно конкретные сведения касавшиеся основания крепости Александровской и в целом Днепровской линии. Так из этих документов он узнал, что летом 1770 г. началась подготовка к строительству новой Линии, что руководителем ее строительства был назначен генерал-поручик М.А. Деденев. Что Линия должна была состоять из семи крепостей и что крепость, которую решено было строить «при устье Московки», называлась Александровской. Я.П. Новицкий также узнал, что в первой половине августа 1770 г. (историк называл даже конкретную дату- «13-го августа») полковник Вилим-Людвиг фон Фредерздорф (1715/17/19-после 1774), назначенный комендантом крепости Александровской, с обозом состоявшим из военнослужащих и их семей, «и прочаго народа» отправился, в сопровождении проводников из казаков, из казацкой Новоселицы «на речку Московку» для строительства этой крепости. Где комендант и полковник В.-Л. фон Фредерздорф, и его команда были уже к 16 августа (реконструируя события, Я.П. Новицкий считал, что «15 августа, в день Успения Богородицы, Фредерздорф был уже на р. Московке и, заняв Миниховский ретранжамент и несколько бывших здесь запорожских зимовников, утвердился лагерем») [1, 4-9/ 27]. Здесь историк впервые упоминает «Миниховский ретранжамент», по поводу которого следует отметить, что в документах Сечевого архива полученных Я.П. Новицким от А.А. Скальковского, сведений о каких либо укреплениях времен Русско-турецкой войны (1735-1739) на речке Мокрой Московке нет.

Комментируя эти документы автор «Истории...» дает понять читателю, что летом 1770 г. крепость Александровскую и форштадт Александровский основали одновременно и независимо друг от друга. То есть Я.П. Новицкий полагал, что в августе 1770 г. крепость начали возводить у левого берега речки Сухой Московки и тогда же, как он считал, на правом берегу речки Мокрой Московки был заложен форштадт. По его мнению, пока шло строительство крепости Александровской, воинский контингент крепости находился в форштадте. И только в 1775 г., когда как он думал, было завершено сооружение, занимавшей «целую квадратную версту (105 десятин)» крепости, военнотружущие обосновались в ней [1, 9/ 27-28].

Что касается дат приведенных историком. С ними можно согласиться, если признать, что «обоз полковника Фредерздорфа» отправился в путь 13 августа, а 15 августа, потратив на дорогу примерно два дня, прибыл к месту назначения. Однако, можно создать еще несколько пар дат отправки и прибытия «обоза»: 12-14, 12-15, 12-16, 13-16, 14-16. То есть о дате прибытия полковника В.-Л. фон Фредерздорфа и его «команды» к месту назначения, а тем более о дате начала строительства крепости мы можем пока только гадать. Несомненно однако, что строительство первой крепости Александровской началось до 25 августа, т.к. существует документ за подписью полковника В.-Л. фон Фредерздорфа, датирующийся этим днем, в котором он упоминает первую крепость Александровскую уже в качестве реально существовавшего, пусть и строившегося, фортификационного объекта.

Недалеко от места строительства крепости действительно были пять казацких зимовников, оставленных их хозяевами в начале Русско-турецкой войны (1768-1774), из-за опасности жить в них в виду вероятного нападения неприятеля. Все они не входили в черту строительства крепости. Я.П. Новицкий знал о существовании зимовников у речки Мокрой Московки из двух известных ему документов, датирующихся 1771 г. Первый, это доклад Войска Запорожского командующему Второй армией генерал-аншефу, князю Василию Михайловичу Долгорукову (1722-1782), второй, является прошением Войска Запорожского на имя императрицы Екатерины II. В обоих документах казаки, помимо прочего, жаловались на то, что во время строительства крепости Александровской, их зимовники у речки Московки (Мокрой Московки), были «разобраны», т.е. разрушены [1, 17-19/ 22-25]. О конкретном месторасположении зимовников историк знать не мог. Использовались ли эти зимовники под жильем вновь прибывшими или нет - неизвестно. В тех краях стены строений зимовников делали, по большей части, «плетневыми». Использовались для этого ветки вербы, которые впоследствии обмазывались глиной. Крыши таких зимовников покрывались камышом. Трудно сказать в каком состоянии были эти зимовники, простояв бесхозно около двух лет. Зато доподлинно известно, что подавляющее большинство из многотысячного контингента гражданских строителей и военнотружущих, прибывших к речке Мокрой Московке, проживало внутри строившейся крепости, в землянках (капонирах).

Помимо трудов А.А. Скальковского, Я.П. Новицкий для написания своей книги использовал сведения и из других печатных источников. Так вероятно в конце 1880-х, начале 1890-х гг. Я.П. Новицкий познакомился: с «Географическим лексиконом Российского государства...», изданным в Москве в 1773 г. и несколькими томами «Географического словаря Российского государства...», выпущенными в той же Москве в 1801, 1804 и 1805 гг., с третьим томом «ЗООИД», напечатанным в Одессе в 1853 г., с двухтомником «Сочинений Гавриила, архиеп. Тверского и Кашинского», изданным в Москве в 1854 г., с опубликованной в 1880 г. в Екатеринославе второй частью («выпуском») «Материалов для историко-статистического описания Екатеринославской епархии...», написанных Екатеринославским и Таганрогским епископом Феодосием (Александр Григорьевич Макаревский, 1822-1885), и наконец, с «Журналом военных действий армией Ея Императорского Величества. 1769-1771», напечатанных в Санкт-Петербурге [1, III]. Конечно же это были не все работы, которые привлекал Я.П. Новицкий для создания своей книги. Так например, он пользовался, не отмеченным в «Предисловии», трудом историка Николая Ивановича Костомарова (1817-1885) «Руина» [1, 16].

Так как нас интересует, какими сведениями обладал автор «Истории...» об основании г. Александровска и где он их почерпнул, кратко рассмотрим, что могли дать в этом плане Я.П. Новицкому вышеперечисленные книги.

В первых двух письменных источниках указывалось, что Днепровская линия была учреждена в 1770 г. и что в ее составе находилось семь крепостей (названия их приводились), приводилось также их местонахождение и расстояния между этими крепостями («верст около 30 и меньше» и что между крепостями Кирилловской и Алексеевской «есть не много больше»). Упоминалось, что 26 мая 1776 г. при крепости Александровской была учреждена пограничная таможня [1, 3/ 79-80; 21, 7 / 85; 22, 105-106; 23, 225-226; 24, 1114].

В 1853 г. в 3-м томе «ЗООИД» был напечатано и прокомментировано Н.Н. Мурзакевичем «Описание городов...», с которым, как указывалось выше, Я.П. Новицкий познакомился в рукописном виде в 1889 г., а в 1904 г. сам его опубликовал. В «Истории...» александровский историк из «Описания городов...» привел полностью текст касавшийся крепости Александровской и Днепровской линии. Для

нас же особенно интересно то, как прокомментировал этот источник Я.П. Новицкий. В «Описании городов...», которое было составлено в начале 1780-х гг., говорилось, что при крепости Александровской имеется «укрепленный форштадт» с церковью, в котором проживают купцы мещане и «разного звания» жители. В сноске под N 2, относящейся к «укрепленному форштадту», историк отметил, что здесь имеется в виду современный ему г. Александровск, который был основан «внутри Миниховского ретранжамент, построенного при Анне Иоанновне в 1736 г.». И что площадью этот «ретранжамент» был в 56 десятин, и что часть его, прилегавшая к речке Мокрой Московке, в 1770 г. «занята была под построение города». В подтверждение этому Я.П. Новицкий отсылал читателя к «Геометрическому специальному плану Павлоградского уезда посада Александровского...» за 1798 г., находившемуся тогда в архиве Александровской городской управы. Однако читателю, чтобы ознакомиться с этим планом, обращаться в архив было не нужно, так как историк опубликовал, несколько отличавшуюся от подлинника, его копию в своей книге в качестве приложения. Ныне оригинал этого плана находится в Государственном архиве Запорожской области [1, V / 33-36; 10, 242; 20, 62-93; 25, 289-305; 26].

То есть Я.П. Новицкий уже в третий раз указывает читателю на то, что г. Александровск был основан «внутри» укрепления времен Русско-турецкой войны (1735-1739). Что же заставило историка думать, что на правом берегу речки Мокрой Московки был некий «Миниховский ретранжамент»? Я.П. Новицкий не знал о существовании первой крепости Александровской. Но зато из работы военного инженера, князя Семена Ивановича Мышецкого (1716-после 1773) «История о казаках запорожских...», ему было известно, что на реке «Московке-Великой», находившейся в 20 верстах от «Московки-Сухой» (вероятно, несмотря на указанное расстояние между этими двумя речками, князь имел в виду именно речку Мокрую Московку.- А.М.), в 1736 г. был построен российскими военными «ретрашамент». Возможно, что Я.П. Новицкого в этом вопросе «подвел», указанный выше, «Геометрической специальной план...» 1798 г., которым он пользовался. Обозначенные на нем очертания первой крепости Александровской, образованные ее валом, внутри которых находился тогда «посад Александровской», он принял за «Миниховский ретранжамент», построенный в 1736 г. (был историку известен и «План реки Днепра с разделением островов...», выполненный в 1780 г. Новороссийской губернии губернским землемером, премьер-майором Егором Семеновичем Араповым (ск. 1782), на котором были изображены, помимо прочего, крепость Александровская и форштадт Александровский, причем, и крепость, и форштадт на нем были показаны в виде звездообразных фортификационных укреплений, что также могло натолкнуть Я.П. Новицкого на мысль, что форштадт был образован на месте «Миниховского ретранжамент».- А.М.). Не последнюю роль в его превратном представлении о начальной истории города сыграли и слова В.И. Москаленко (Нагирного) о том, что Александровск был основан в «старой крепости», которые он вероятно неправильно истолковал, думая, что «старец» имеет в виду «ретранжамент, построенный графом Минихом в 1736 г.» [1, 8/ 11/ 34; 10, 238; 27, 60; 28, 45/ 203].

В действительности же, не имевшее никакого отношения к основанию первой крепости Александровской, небольшое земляное укрепление («ретрашамент», «шанец»), возведенное в 1736 г. во время Русско-турецкой войны (1735-1739), находилось не на правом, а на левом берегу речки Мокрой Московки [11, 447/ 448/ 450; 27, 60; 29, 524; 30]. Ныне это место локализуется в районе: Запорожской автобусной станции (Соборный проспект, 20), электроподстанции «Александровской-1» (Соборный проспект, 18) и «Исследовательско-экспериментального механического завода» (Соборный проспект, 20 В). Это примерно в 170 м от моста через речку Мокрую Московку. Недалеко от этого, уже находившегося не в лучшем состоянии укрепления, в 1770 г., для прикрытия моста через речку Мокрую Московку, был создан, близкий по размерам первому, но отличавшийся конфигурацией, второй земляной шанец (редут). Находился он примерно в 400 м от моста через Мокрую Московку, рядом с нынешним перекрестьем Соборного проспекта и улицы Сергея Серикова, приблизительно на месте нынешнего Прессово-сварочного корпуса Запорожского автомобилестроительного завода, который, в свою очередь, находится недалеко от Дома культуры этого завода.

В том же 3-м томе «ЗООИД», было опубликовано и сочинение архиепископа Гавриила (Василий Федорович Розанов, 1781-1858) «Отрывок повествования о Новороссийском крае...С 1751 по 1786-й год». Вероятно, это же сочинение архиепископа, а также его продолжение, были переизданы в 1854 г. и в упоминаемом Я.П. Новицким, двухтомнике «Сочинений Гавриила, архиеп. Тверского и Кашинского» [1, III; 24, 79-129]. В этом произведении архиепископа, посвященном, в основном, церковному устройству Новороссии, «Новая Днепровская линия» лишь упоминается. Гораздо больше говорится в нем об устройстве в 1777 г. в Павловской провинции Павловского духовного правления с центром в форштадте Александровском [1, 51-52; 25, 96/ 116-117].

Во 2-м выпуске «Материалов для историко-статистического описания Екатеринославской епархии...» епископа Феодосия описания конкретных событий приведших к основанию крепости Александровской не имеется. Однако кое-какими сведениями о церковных делах на Линии из этой

книги Я.П. Новицкий воспользовался. Так например, он упоминает, вслед за епископом Феодосием, двух священников, служивших при крепости Александровской и умерших в 1771/72 г. «от моровой язвы» [1, 27-28/ 52; 31, 248/ 253/ 255].

В «Журнале военных действий армей Ея Императорского Величества. 1769-1771» крепость Александровская впервые упоминается в распоряжении командующего Второй армией генерал-аншефа, князя В.М. Долгорукова от 26 февраля 1771 г. Поэтому найти в этом источнике что-либо касающееся основания крепостей Днепровской линии не представляется возможным [32].

Первые три главы «Истории...», т.е. именно те где описывается основание в 1770 г. крепости Александровской и форштадта и впервые упоминается «Миниховский ретранжамент», как отмечает сам Я.П. Новицкий, написаны, «главным образом», по документам Сечевого архива и «отчасти» по печатным трудам. Следующие шесть глав его книги, с IV по IX, «составлены по материалам, почерпнутым на месте из старейшего архива Покровского Собора (с 1774 г.)» г. Александровска (с этого года в церкви Покровской стали вестись метрические книги, которые являются самыми древними письменными документами г. Запорожья (Александровска).- А.М.) и «архивов Предводителя Дворянства, Городской Управы и Уездного казначейства» (как зафиксировал сам Я.П. Новицкий, документы этих трех архивов начинались с 1797 г.- А.М.). То есть даты обозначенные самим историком говорят о том, что в документах указанных архивов, сведений о начальной истории города найти было нельзя [1, IV].

К слову, Я.П. Новицкий обладал огромным количеством исторических документов, которые до его смерти находились у него дома. Ныне эти материалы составляют в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского так называемую коллекцию документов Я.П. Новицкого. Сразу же после смерти историка в 1925 г., практически весь его личный архив и в том числе хранившиеся у него материалы архивов церковных и светских учреждений г. Александровска, были изъяты у его родственников членом Этнографической комиссии при Всеукраинской академии наук Владимиром Васильевичем Билым (1894-1937), который специально приехал, по поручению Академии, за архивом Я.П. Новицкого из Киева в г. Запорожье. Наличие большого количества архивных источников, в том числе и церковных, хранившихся у Я.П. Новицкого, ныне пытаются объяснить тем, что историк якобы в конце 1924-начале 1925 гг., будто бы ввиду «ликвидации» Запорожского архива (в разное время: губернский, уездный, окружной.- А.М.), заведующим которого он был с 1922 г. (в феврале 1925 г. Я.П. Новицкий еще подписывался как «заведующий окружным архивом Запорожья».- А.М.), перенес к себе домой часть документов Архива, спасая их от якобы неминуемого уничтожения. Этот идеологизированный миф, созданный и растиражированный в 1992 г. Василием Иринарховичем Ульяновским и Светланой Викторовной Абросимовой (1953-2011), был поддержан большинством исследователей жизни и наследия Я.П. Новицкого [33, 352]. Однако, в Запорожском архиве, который, к слову, продолжал действовать и в 1925 г., и во все последующие годы, а архивное дело в Запорожье росло и крепло, на то время (1922-1925 гг.- А.М.), хранились документы только светских учреждений города, что нераз письменно подтверждал и сам историк. Это документы, самые ранние из которых датируются 1790-ми гг., Александровской городской ратуши (ныне- фонд 1), Александровского уездного казначейства (ныне- фонд 12) и др., которые с тех пор и поныне находятся в целостности и невредимости в фондах Государственного архива Запорожской области. Т.е. из Архива в 1924-1925 гг. церковные документы к Я.П. Новицкому попасть не могли. Поэтому не вызывает сомнения, что документы архива собора Покровского г. Александровска и не только они, оказались у историка гораздо раньше 1920-х гг. Очевидно, что Я.П. Новицкий собирал собственную коллекцию архивных документов, которая должна была обеспечить его историческим материалом для исследовательской работы на многие годы вперед. И начал он ее собирать вероятно тогда, когда его служебное и общественное положение открыли перед ним двери церковных архивов города, а именно с конца 1880-х - начала 1890-х гг. В начале XX в. Я.П. Новицкий получил доступ к архивам и некоторым светских учреждений города.

Таким образом, ни указанная литература, ни документы Сечевого архива и Покровского собора, ни тем более документы «архивов Предводителя Дворянства, Городской Управы и Уездного казначейства», исчерпывающего ответа на вопрос, каким образом был основан г. Александровск, дать Я.П. Новицкому не могли. Не был в этих источниках упомянут и пресловутый «Миниховский ретранжамент». Историк пришлось самому реконструировать эти события на основании той информации которая у него имела. К сожалению, Я.П. Новицкий не смог правильно сложить этот исторический пазл.

Ошибки Я.П. Новицкого не избежало большинство запорожских краеведов и историков затрагивавших тему основания города. Так в 1940 г. в газете «Большевик Запорожья», в публикации посвященной 170-летию г. Запорожья, ответственный секретарь газеты, писатель и краевед Иннокентий Петрович Грязнов (1893-1976), опираясь на «Историю...» Я.П. Новицкого, поведал, в общих чертах, читателю, историю основания города. Не забыл он упомянуть и «ретраншамент

Миниха», в котором, якобы, полковник «Фредездорф утвердился военным лагерем» [34]. В 1956 г. старший научный сотрудник Запорожского областного краеведческого музея Виктор Федорович Пешанов (1909-1978) написал статью приуроченную к дате обретения в 1806 г. посадом Александровским статуса города. В ней историк утверждает, что местом размещения форштадта Александровского стала территория «в середине старинного ретраншемента», которая на 1956 г. занимала «сквер Пионеров» и улицы: Чекистов, Свердлова, Ильича, Анголенко, Артема и Кирова [35]. Краевед В.Г. Фоменко, в своей работе «Звідки ця назва?», изданной в 1969 г., указывал, что крепостной форштадт был создан на месте построенного в 1736 г., на правом берегу речки Московки, «ретрашемента» [36, 36]. Однако, справедливости ради, надо сказать, что эта работа была создана им гораздо ранее 1969 г. К этому времени в его взгляде на историю основания г. Александровска (Запорожья) произошли существенные изменения. И случилось это, вероятно, после его ознакомления с картографическим материалом, который он получил, под заказ, из Российского государственного военно-исторического архива. Так как в написанных в 1968-1969 гг. работах В.Г. Фоменко уже довольно точно указывал- когда, где, и как был основан наш город. Главное, он первым узнал и стал об этом писать, что до крепости Александровской построенной на речке Сухой Московке, была недостроенная первая крепость Александровская, находившаяся на правом берегу речки Мокрой Московки [2; 3; 4, 113; 5, 23-24]. Однако традиция освещения основания города заложенная Я.П. Новицким была настолько сильна, что и в статье посвященной 200-летию Запорожья, опубликованной в 1970 г. в газете «Индустриальное Запорожье», В.Г. Фоменко снова упомянул, созданный «в 1737 г.», «старый Московский редут», в котором будто бы в 1770 г. разместился обоз полковника В.-Л. фон Фредерздорфа. Правда теперь он верно указал, что это укрепление находилось на левом берегу речки Московки (Мокрой Московки), «в районе нынешнего автовокзала» [37]. В 1969 г. в газете «Запорізька правда» была опубликована статья учителя истории Алексея Кузьмича Жигалова и краеведа Тихона Мунько, приуроченная к грядущему 200-летию Запорожья, в которой они утверждали, что вторая крепость Александровская, о первой крепости они тогда еще ничего не знали, была построена «на месте Миниховских редутов». В 1970 г. А.К. Жигалов, познакомившийся к этому времени с публикациями В.Г. Фоменко, уже знал о существовании первой крепости Александровской. Однако от мифа о «Московском редуте», в котором якобы разместились «первые здешние жители», он не отказался [38; 39, 10-11]. В 1992 г. краевед Юрий Аркадьевич Вилинов в своей газетной статье посвященной выдуманной им дате основания г. Запорожья, также утверждал, что форштадт Александровский построен на месте «Миниховских редутов» [40]. Пожалуй, из запорожских историков самым большим путаником был Анатолий Иванович Карагодин (1938-2003). Уже в XXI в., в книге «Александровск-Запорожье: этапы городской власти», изданной после его смерти, в 2004 г., он «поместил» первую крепость Александровскую между правым берегом речки Кушугум (Кучюгум, Кучугум) и левым берегом речки Московки (Мокрой Московки), а форштадт он расположил на правом берегу этой же речки, «в границах...Миниховского ретраншемента» [41, 5-7]. Помимо этого, этот историк считал, что крепости Григорьевской вообще не существовало, а у крепости Петровской, как он думал, всеяд за А.А. Скальковским и Я.П. Новицким, было еще одно имя- Святого Петра [42, 85/ 87-88]. В 2005 г. историк Александр Леонтьевич Олийник в работе где он оперирует данными о тысячах запорожских зимовников, не смог правильно определить местоположение одного фортификационного объекта- первой крепости Александровской («Александровского ретраншемента»), поместив ее ошибочно между речками Московкой и «Кушугумкой» [43, 113]. В 2007 г., в своих «примечаниях и комментариях» к новому изданию книги Я.П. Новицкого «История города Александровска...», опубликованной в 1-ом томе «академического» собрания Сочинений «Нестора украинской этнографии», историки А.В. Бойко и Юрий Петрович Князьков утверждали вслед за Я.П. Новицким, что форштадт Александровский возник на месте ретраншемента, возведенного в 1736 г. [44, 439-440]. В 2010 г. историк Руслан Борисович Шиханов писал, что прибывшие в 1770 г. к месту строительства крепости Александровской полковник В.-Л. фон Фредерздорф и его подчиненные, разместили свой лагерь на правом берегу Мокрой Московки, в «старом Миниховском или Московском ретраншементе», построенном в 1736 г. Он же, заблуждаясь, считал, что для крепости Александровской было заранее, на всякий случай, предложено два варианта ее расположения, один у устья речки Мокрой Московки, другой «поблизости» речки Сухой Московки [45, 14-17]. В том же 2010 г. сотрудники Государственного архива запорожской области Виталий Александрович Бондарь и Ирина Валентиновна Козлова в статье опубликованной в журнале «Архіви України», солидаризуясь с Я.П. Новицким, пересказали историю основания крепости Александровской и ее форштадта, изложенную в книге первого историка г. Александровска [46, 110]. В 2016 г. в многотомном издании «Звід пам'яток історії та культури України», в томе посвященном г. Запорожью, запорожские авторы, историки Маргарита Михайловна Ширяева (1936-2009) и Тамара Константиновна Шевченко в статье

о второй крепости Александровской сообщали, что первая крепость Александровская была заложена между левым берегом речки Мокрой Московки и правым берегом речки Кушугум. А вторая крепость Александровская, по их мнению, располагалась «между речками Мокрой и Сухой Московками, в районе «миниховского ретраншемент», западные валы которого проходили рядом с ул. Октябрьской (ныне ул. Земского врача Лукашевича) [47, 42]. В 2018 г. историк Владимир Анатольевич Лиников писал, что «Миниховский ретраншемент» был использован в 1770 г., «как основа» при строительстве крепости Александровской [48, 194]. В 2019 г. «историк архитектуры» Павел Павлович Кравчук поведал, что «Миниховский ретраншемент» находился «в районе расположения нынешнего сквера Пионеров». Такой же ахинеей является и его утверждение о том, что вторая крепость Александровская была возведена на «загодя» подготовленном «резервном месте» [49]. В 2020 г., историк Сергей Николаевич Биливненко, также как и большинство его предшественников, считал, что крепость Александровская была построена «на остатках российского ретраншемента первой половины XVIII века» [50, 122]. Точки зрения, что форштадт Александровский берет свое начало в границах «Миниховского ретраншемента» придерживался и историк Валерий Михайлович Стойчев. Эту мысль он высказал на «Международной научно-практической конференции «AB URBE CONDITA:...», проходившей в октябре 2020 г. в г. Запорожье. В том же году, историк Владимир Иванович Мильчев, писал, что к находившемуся на правом берегу речки Мокрой Московки ретраншементу времен Русско-турецкой войны (1735-1739), в 1770 г. была «достроена» первая крепость Александровская [51, 28-29]. И наконец, бывший запорожский, а ныне киевский историк Петр Анатольевич Бойко, тогда же, в 2020 г., вслед за А.И. Карагодиным и А.Л. Олийныком, «разместил» первую крепость Александровскую между речками Кушугумом и Мокрой Московкой [52, 273/ 285].

Правда, были и такие немногочисленные авторы, которые правильно указывали где находилось это укрепление. Например, в 2010 г. краевед Лариса Георгиевна Беляева в своей книге «Прогулки по любимому городу» верно отметила, что «старый московский редут» располагался на левом берегу речки Мокрой Московки. Однако и она, поддавшись на измышления Я.П. Новицкого, так и не смогла полностью отказаться от его концепции возникновения г. Александровска, и вслед за мэтром запорожской истории, «поселила» в этом укреплении военных и рабочих прибывших в 1770 г. к месту строительства крепости Александровской [53, 54; 54, 7; 55, 12].

Существовало и немало авторов, которые в своих публикациях, в целом придерживаясь традиции заложенной в этом вопросе Я.П. Новицким и В.Г. Фоменко, вообще обошлись без упоминания «Миниховского ретраншаемента» [56; 57; 58; 59; 60].

Подводя итог, констатируем, что Я.П. Новицкий имел превратное представление об истории основания г. Александровска. Однако особенной его вины в этом нет, так как сведениями, которые позволили бы ему правильно отобразить события приведшие к возникновению этого города, он не обладал. Правда ему можно вменить то, что та информация, которая у него имелась по этому вопросу, была им неверно истолкована. А были в его распоряжении, напомним: работы А.А. Скальковского, документы «Запорожского Сечевого архива», сочинение князя С.И. Мышецкого, «план» 1798 г., на котором были изображены крепость Александровская и посад Александровский, свидетельства о прошлом В.И. Москаленко (Нагирного), и «Описание городов...» 1780-х гг. Именно на этих материалах было сформировано представление этого исследователя о начальной истории г. Александровска.

Я.П. Новицкий не знал того, что на левом берегу речки Мокрой Московки, в районе нынешнего Автовокзала, было укрепление (ретраншемент, шанец) времен Русско-турецкой войны (1735-1739). Однако он считал, что упомянутый князем С.И. Мышецким «ретрашамент», возведенный в 1736 г. на реке «Московке-Великой», был не где-нибудь, а на правом берегу речки Мокрой Московки и что именно в нем, за его валом, был заложен форштадт Александровский.

Ко времени когда Я.П. Новицкий стал интересоваться историей города первая крепость Александровская, о существовании которой он ничего не знал, сохранилась лишь частично. Валы этой крепости в ее «нижней» части прилегавшей к речке Мокрой Московке, их остатки, Я.П. Новицкий видел в нынешних улицах: Академика Амосова, Святого Николая, Почтовой и Соборного проспекта. Вот эти остатки валов историк и принял за часть сохранившегося «Миниховского ретраншаемента». Без сомнения, что его уверенность в том, что перед ним «ретраншамент, построенный графом Минихом в 1736 г.» была подкреплена и «Геометрическим специальным планом Павлоградского уезда посада Александровского...» за 1798 г., с которым он ознакомился в архиве Александровской городской управы, и «Описанием городов...», в котором говорилось об «укрепленном», т.е. окруженном оборонительным валом, «форштате». «План» 1798 г. настолько впечатлил Я.П. Новицкого, что он поместил его в своей книге в качестве приложения.

На указанном плане «посад Александровской», предшественник г. Александровска, его жилые постройки и церковь, были обведены зубчатым валом. Поэтому Я.П. Новицкий и посчитал, что

г. Александровск был заложен «внутри Миниховского ретранжамента». То есть исследователь принял на плане вал первой крепости Александровской за укрепление времен Русско-турецкой войны (1735-1739).

На плане Я.П. Новицкий видел крепость Александровскую на левом берегу Сухой Московки и укрепленный валом посад Александровский на правом берегу Мокрой Московки. А так как исследователь ничего не знал о существовании первой крепости Александровской, у него сложилось мнение, что в 1770 г. крепость и форштадт (предшественник посада и города) появились одновременно и независимо друг от друга. Он думал, что форштадт в августе 1770 г. был основан на правом берегу реки Мокрой Московки, в границах ретраншемента построенного в 1736 г., а крепость, тогда же, начали возводить на левом берегу реки Сухой Московки.

Так возникло это ошибочное воззрение Я.П. Новицкого на историю основания г. Александровска (Запорожья), которое вот уже на протяжении многих лет бездумно транслируется последователями этого историка. Причем не смогли поколебать его даже изыскания В.Г. Фоменко. Парадокс, приняв открытие этого краеведа, заключающееся в том, что предшественницей форштадта Александровского была первая крепость Александровская, апологеты Я.П. Новицкого так и не смогли отказаться от мифического «Миниховского ретранжамента», якобы находившегося на правобережье реки Мокрой Московки.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Новицкий Я.П. История города Александровска (Екатеринославской губ.) в связи с историей возникновения крепостей Днепровской линии. 1770-1806 г. Екатеринослав, 1905.
2. Фоменко В. Откуда начался наш город: Навстречу 200-летию Запорожья // «Индустриальное Запорожье». N 178. 10 сентября 1969 г.
3. Фоменко В. Головна фортеця: До 200-річчя заснування Запоріжжя // «Комсомолец Запоріжжя». N 109. 13 вересня 1969 р.
4. Фоменко В.Г. Хортицкая старина // Заповідна Хортиця. Випуск 1. Запоріжжя, 2006.
5. Фоменко В.Г. Днепровская линия крепостей. 2-е издание, переработанное. Запорожье, 2008.
6. Путевыя заметки ректора Екатеринославской духовной семинарии, архимандрита Иакова Вечеркова, впоследствии епископа Саратовскаго, архиепископа Нижегородскаго // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Шестой выпуск. Екатеринослав, 1910.
7. Эварницкий Д.И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа. (Часть I). С.-Петербург, 1888.
8. Новицкий Я.П. Народная память о Запорожье. Предания и рассказы собранные в Екатеринославщине. 1875-1905 г. Екатеринослав, 1911.
9. Государственный архив Запорожской области (ГАЗО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 31.
10. Макидонов А.В. Первые метрические книги г. Запорожья (Александровска) (1774-1788). Запорожье, 2017.
11. Макидонов А.В. Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х-начала 1780-х гг. Запорожье, 2016.
12. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийскаго края 1730-1823. Часть 1. С 1730 по 1796. Одесса, 1836.
13. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последняго Коша запорожскаго. Издание третье. Часть III. Одесса, 1886.
14. Бойко А. «Переяславська метафора» у суспільному бутті Степової України останньої чверті XVIII-початку XIX ст. // Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник. Випуск. 9-10: Patria. Харків, 2008.
15. Молдавський Р.Л. Джерела з історії Нової Дніпровської лінії укріплень (1770-1791 рр.). Дисертація. Запоріжжя, 2007.
16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), с 1649 года. Том XIX. 1770-1774. Санкт-Петербург, 1830.
17. ПСЗ, с 1649 года. Том XLIII. Часть первая. Книга штатов. Отделение первое. Царствование государыни императрицы Екатерины II. Санкт-Петербург, 1830.

18. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последнего Коша запорожского. Издание второе. Часть III. Одесса, 1846.
19. Новицкий Я.П. Материалы для истории запорожских козаков // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Вып. V. Екатеринослав, 1909.
20. Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Год первый. Екатеринослав, 1904.
21. Географический лексикон Российского государства,.. Москва, 1773.
22. Географической словарь Российского государства,.. Часть I. А.-Г. Москва, 1801.
23. Словарь географический Российского государства,.. Часть вторая. Г.-К. Москва, 1804.
24. Словарь географический Российского государства,.. Часть четвертая. Отделение I. М.-П. Москва, 1805.
25. Записки Одесского общества истории и древностей. Том третий. Одесса, 1853.
26. ГАЗО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 938 а.
27. Мышецкий (князь) С.И. История о казаках запорожских,.. Одесса, 1852.
28. Новицкий Я.П. С берегов Днепра // Сборник статей Екатеринославского научного общества по изучению края. Екатеринослав, 1905.
29. Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). Запорожье, 2014.
30. «План произведенных наружных укреплений цитодели и внутри зделанных землянок в Александровской крепости. Сочинен 1770 года октября 18 дня». (РГВИА. Ф.349. Оп.3. Д. 1179) // Музей Национального заповедника «Хортица». (Коллекция В.Г. Фоменко). НДФ. 1190.
31. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Выпуск 2-й. Нынешние уезды- Бахмутский, Славяносербский, Ростовский на (Д.), Александровский и Мариупольский. Екатеринослав, 1880.
32. Журнал военных действий армей Ея Императорского Величества. 1769-1771. Санктпетербург, 1770-1773.
33. Ульяновський В.І. Абросимова С.В. Листи Я.П. Новицького до Д.І. Яворницького // Український археографічний щорічник. Вип. I. Київ, 1992.
34. Грязнов И. Основание Александровской крепости // «Большевик Запорожья». 28 августа 1940 г.
35. Пешанов В. Запоріжжю 150 років: Чи знаєш ти історію свого міста? // «Червоне Запоріжжя». N 211. 26 жовтня 1956 р.
36. Фоменко В.Г. Звідки ця назва? Дніпропетровськ, 1969.
37. Фоменко В.Г. Страницы летописи нашего города: К 200-летию Запорожья // «Индустриальное Запорожье». 17 мая 1970 г.
38. Жигалов А. Мунько Т. 1. Столітній... початок біографії [Заснування Олександрівська та його розвиток у дореформений період (1770-1860 роки)]: Від фортеці на Мокрій Московці до гіганта індустрії на Дніпрі. Цикл нарисів до 200-річчя міста Запоріжжя // «Запорізька правда». N 140. 19 липня 1969 р.
39. Запоріжжю 200. Дніпропетровськ, 1970.
40. Вилинов Ю. Городу Запорожье- 900 лет!? Новая концепция определения возраста нашего города // «Наш город». N 166. 24 июня 1992 г.
41. Карагодин А. Александровск-Запорожье: этапы городской власти. Пологи: б.и., 2004?
42. Карагодин А. К вопросу о названиях крепостей Новой Днепровской линии // Матеріали перших Новицьких читань. Запоріжжя, 2002.
43. Олійник О.Л. Запорозький зимівник часів Нової Січі (1734-1775). Запоріжжя, 2005.
44. Яків Новицький. Твори у 5 томах. Том 1. Запоріжжя, 2007.
45. Шиханов Р.Б. Жовтневий район міста Запоріжжя (1935-2010 роки): становлення та розвиток місцевих органів влади. Запоріжжя, 2010.

46. Бондар В.О., Козлова І.В. Архівні фонди православних церков міста Олександрівська Катеринославської губернії як історичне джерело // «Архіви України». N 5. Київ, 2010.
47. Матеріали до тому «Звід пам'яток історії та культури України. Запорізька область». Кн. 1. м. Запоріжжя. Київ, 2016 // http://history.org.ua/LiberUA/ZvidZap1_2016/ZvidZap1_2016.pdf
48. Лініков В.А. Про дату заснування міста Олександрівська в контексті інформаційної війни // Музейний вісник. N 18. Запоріжжя, 2018.
49. <https://timenews.in.ua/447023/pavel-kravchuk-aleksandrovskij-forshtat-stal-embrionom-iz-kotorogo-razrossya-ves-gorod-06.12.2019>. «Акценти»- Павло Кравчук, Олег Тубольцев // <https://www.youtube.com/watch?v=NxDBQWDHHDc> (10.12.2019).
50. Білівненко С.М. Фактори міського континуїтету в датуванні історії міста Запоріжжя // *Ab urbe condita: Урбаністичний простір Південної України в останній третині XVIII- першій половині XX ст. : збірка матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 250-й річниці м. Запоріжжя. Запоріжжя, 2020.*
51. Мільчев В.І. Запорозький чинник в історії Олександрівської фортеці (1770 / 80-ті рр.) // *Ab urbe condita: Урбаністичний простір Південної України в останній третині XVIII- першій половині XX ст. : збірка матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 250-й річниці м. Запоріжжя. Запоріжжя, 2020.*
52. Бойко Петро. Козацькі зимівники та слободи у формуванні мережі сіл та міст Південної України // Нариси з історії освоєння Південної України XV-XVIII ст. Київ, 2020.
53. Сокур Анатолій. Вознесенівська гора. Історичні нариси. Запоріжжя, 2003.
54. Дровосекова О. Фортеці Дніпровської укріпленої лінії: рубіж на південних землях. [Запоріжжя, 2008].
55. Беляева Л.Г. Прогулки по любимому городу: Посвящается 240-летию Запорожья. Запорожье, 2010.
56. Александров В.Г. Далекое минуле Запоріжжя // «Червоне Запоріжжя». 10 августа 1946 г.
57. Кузьменко Н. Натапов Є. «Степям нашим- вечная память...»: От Александровска до Запорожья // «Наш город». N 5. 10 января 1991 г.
58. Молдавський Р. Нова Дніпровська лінія укріплень (1770-1791 рр.) // Серія «Запорозька спадщина». Випуск 16. Запоріжжя, 2007.
59. Ковальський А. Олександрівськ у 1770-1914 роках // «Запорозька Січ». N 201. 21 жовтня 2008 р.
60. Ювас И. Запорожские истоки: Александровская крепость // «Суббота плюс». 26 ноября 2009 г.

НЕВЕРНЫЙ ОТВЕТ: 2024 – 1770 = ~~1072~~

27 июня 2014 г. на 48-й сессии Запорожского городского совета депутаты проголосовали за решение считать годом основания г. Запорожья- 952 г. То есть сейчас, согласно их постановлению, нашему городу должны быть не реальные 254 года, а мифические 1072 года.

Однако нет сомнения, что это абсурдное решение, намеренно и безосновательно «состарившее» наш город более чем на 800 лет, не имеет к истории основания Запорожья никакого отношения. В принципе, это событие можно, без натяжки, приравнять к действиям коммунистов, переименовавших в 1921 г. город Александровск в Запорожье. Ведь и нынешние «слуги народа», и тогдашние «строители светлого будущего», переписывая историю нашего города, руководствовались сугубо идеологическими установками. И у тех и у других были претензии к истории города. Коммунисты решили переименовать наш город для того, чтобы избавиться от его классово чуждого им названия. Нынешние же «либералы» и «патриоты», неприемля «имперское» прошлое Запорожья (Александровска) целиком и полностью, попытались «обесценить» его искусственным удревнением истории города на несколько сотен лет. Чтобы представить основание в 1770 г. крепости Александровской, давшей начало нашему городу, как некий незначительный эпизод в нарочито сконструированной ими истории.

Итак, 24 января 2008 г. решением Исполнительного комитета Запорожского горсовета за № 38 и подписью городского головы Евгения Григорьевича Карташова, была создана рабочая группа призванная решить вопрос по «окончательному» установлению «точной даты основания города Запорожья». В рабочую группу вошли: первый проректор Запорожского национального университета, профессор, доктор исторических наук Федор Григорьевич Турченко (руководитель группы), член Исполнительного комитета Городского совета Михаил Павлович Левченко (1956-2020), заместитель городского головы по вопросам деятельности исполнительных органов Запорожского городского совета, депутат городского совета Александр Сергеевич Кузьмин, директор Запорожского областного краеведческого музея, профессор, доктор исторических наук Георгий Иванович Шаповалов, генеральный директор Национального заповедника «Хортица» Максим Анатольевич Остапенко, заведующий экспозиционным отделом историко-культурного комплекса «Запорожская Сечь» Национального заповедника «Хортица» Владимир Петрович Кошлатый (1939-2022) (до 2011 г.), доцент Запорожского национального университета «В.Г. Шевченко» (ошибка?, в действительности это вероятно Виктор Григорьевич Ткаченко (1954-2014)) (до 2011 г.), заместитель генерального директора Национального заповедника «Хортица» Сергей Владимирович Сурченко (с 2011 г.), краевед и общественный деятель Андрей Иванович Авдеенко (с 2011 г.) [1]. Причем идеологические и политические взгляды подавляющего большинства членов группы позволяют считать, что эта команда изначально была нацелена на изменение исторической даты основания нашего города.

26 июня 2012 г. на 23-й сессии Горсовета рабочая группа представила окончательный отчет (до этого были отчеты от 2008 и 2009 гг.) о проделанной ею работе, который Горсоветом был принят к сведению. При этом, тогда же постоянной Коммисии по гуманитарным вопросам, решением Городского совета за № 45 и подписью мэра города Александра Ченсановича Сина, было поручено подготовить решение, касавшееся уточнения даты основания г. Запорожья, с соответствующими изменениями в программе проведения культурно-художественных мероприятий на 2012-2014 гг. Контроль за исполнением этого решения был возложен на заместителя городского головы по вопросам деятельности исполнительных органов Городского совета Юрия Владимировича Каптюха (1954-2014) и на главу упомянутой Комиссии Раису Васильевну Чухрай [2].

Ранее, в отчете за 2009 г., рабочая группа предложила считать датой основания Запорожья- 1103 г. Однако депутатам эта дата показалась, видимо, не очень древней, и потому на сессии Городского совета 2009 г. экспертам было предложено продолжить работу в направлении изучения материалов по поселениям X в. [2, «Отчет»]. Следует напомнить, что выводы отчета от 2009 г. «проросли» на уже, так сказать, унавоженной почве. В 1992 г. «известный запорожский краевед» Юрий Аркадьевич Вилинов, который еще в 1990 г. придерживался исторической даты основания города, вдруг «прозрев», предложил считать годом возникновения Запорожья- 1103 г. [3, 20; 4]. Причем и краеведу, и членам рабочей группы, чтобы прийти к такому заключению, было совершенно достаточно того, что в древнерусском летописном своде «Повесть временных лет» под этой датой упоминаются остров Хортица и Протолчий брод.

В 2012 г. главным аргументом в доказательной базе экспертной группы стал трактат византийского императора Константина VII Багрянородного (905-959) «Об управлении империей», созданный им в 948-952 гг. [5]. В труде императора, как следует из письменного отчета рабочей группы, якобы упомянуто некое (имя его не названо) «постоянное поселение», которое ныне де входит в городскую черту Запорожья, что и позволяло, по мнению экспертов, установить новую дату основания города- 952 г. [2, «Отчет»].

27 марта 2013 г. на 33-й сессии Запорожского городского совета, решением за № 44, рабочей группе было предложено и далее продолжать работу по «углубленному» изучению истории города. Контроль за этим решением был возложен на упоминавшихся выше Ю.В. Каптюха и Р.В. Чухрай [6].

27 июня 2014 г., Горсовет утвердил вывод исследователей представленный в их «Отчете» за 2012 г. И постановил своим решением за № 47 и подписью городского головы А.Ч. Сина считать 952 г. «датой возникновения первого поселения на территории современного города Запорожья». Основанием для вынесения этого решения послужил, как отмечалось в этом же документе горсовета, трактат византийского императора, «как первого известного письменного упоминания про городища существовавшие на обоих берегах Днепра и острове Хортице». Интересно, что если исходить только из текста этого документа, то можно подумать, что в нем идет речь лишь о констатации того факта, что на территории современного города Запорожья, в далеком прошлом, существовали некие поселения. Фактически же горсоветом была принята новая дата основания нашего города. И теперь все учреждения, организации и предприятия Запорожья должны отмечать День города согласно этому решению. Контроль за исполнением этого решения Горсовета был возложен на заместителя городского головы по вопросам деятельности исполнительных органов Сергея Михайловича Гладченко и Р.В. Чухрай [7]. Глава рабочей группы Ф.Г. Турченко призвал всячески популяризовать эту дату, чтобы она вошла «в плоть и кровь запорожцев» [8].

Однако, если мы обратимся непосредственно к тексту трактата императора, то при всем желании не обнаружим в нем каких-либо сведений о поселениях того времени, которые бы ныне находились в составе территории города Запорожья. Единственно, что хоть как-то может связывать современное Запорожье с реалиями X в., описанными в этом сочинении, это упоминание в нем природных географических объектов: острова «Св. Григория» (Хортицы) и узкой части Днепра называвшейся тогда переправой «Крария» (старая Кичкасская переправа) [5, 49]. Могло или же напротив не могло существовать в то время у этой переправы какое-либо поселение, об этом можно сделать вывод со слов самого императора. Так, говоря о переправе, он отмечает крайнюю небезопасность этого места из-за того, что здесь часто происходят стычки между переправляющимися через Днепр «росами» (русичами) и «пачинакитами» (печенегам). Также в тексте трактата, где идет речь о трудном и небезопасном движении «росов» на судах по Днепру, через пороги, император пишет, что во время вынужденного выхода людей на берег всегда выставлялась стража из-за опасности нападения печенегов [5, 47-49]. О проблематичности жить здесь оседло следует и из свидетельств авторов других времен. Так в трудах и австрийского дипломата Эриха Ляссоты фон Стеблау (ок. 1550-1616), побывавшего на Кичкасской переправе в 1594 г., и французского инженера Гийома Левассера де Боплана (ок. 1600-1673), бывшего здесь же в 1639 г., нет ни малейшего намека на существование у этой переправы какого-либо поселения с оседлым людом. Зато они, также как и византийский император, в один голос говорят об опасности, которой подвергаются, из-за постоянных набегов кочевников, все те кто попадает сюда [9, 166-167; 10, 183-187]. И о каком вообще постоянно существовавшем здесь поселении можно говорить, если даже в 1781 г. ученый Василий Федорович Зуев (1754-1794), во время своего путешествия в Херсон, обнаружил на правом берегу Днепра в районе Кичкасской переправы всего лишь одну избушку [11, 260]. Тем не менее, эксперты, манипулируя в отчете наукообразной информацией, пытаются уверить его читателя в том, что византийский император говоря о Крарийской переправе имел в виду некое «постоянное поселение».

Но даже если гипотетически допустить, что на правом или левом берегах Днепра, примерно в 2-х км выше нынешнего острова Сагайдачного, то есть там где историки локализируют бывшую Крарийскую переправу, некое поселение и существовало во времена византийского императора, то это никак не могло бы стать поводом для изменения даты основания нашего города. Так как время возникновения города не отсчитывается от возраста поселения (может быть даже и более древнего, чем сам город), которое по мере роста площади города оказалось включенным в его территориальные границы, но которое до этого с историческим центром города никак не было связано. В черту города бывшая Крарийская (Кичкасская) переправа и близлежащая к ней территория по правому и левому берегам Днепра, вошла в 1920-е гг. Следовательно и эта территория, и поселения, которые были на ней в разные времена, к основанию Запорожья (Александровска) никакого отношения не имеют.

В отчете рабочей группы представлены также, так сказать, и сопутствующие их главному доводу (трактат императора) аргументы. Все они, согласно вышеизложенному в предыдущем абзаце, также никак не могут повлиять на историческую дату основания нашего города, так как эти сведения относятся не к истории основания города, а к истории территорий, которые со временем стали его частью. Однако рассмотрим некоторые из этих аргументов, чтобы уяснить себе уровень компетентности и объективности составителей этого отчета.

1) Так в отчете есть отсылка к «Записке готского топарха», якобы написанной в конце X-начале XI вв. [2, «Отчет»]. В этом произведении, в числе прочего, упомянуто и некое поселение «Ворион» («Борион»), которое, как считается, находилось недалеко от Днепровских порогов (члены рабочей группы придерживаются именно этой версии) [12, 117]. Однако в ученых кругах до сих пор нет единого мнения об этом документе, так как существуют очень серьезные доводы считать его фальсификацией выполненной ученым Карлом Бенедиктом Газе (1780-1864) (см.: I.I. Ševčenko (Игорь Иванович

Шевченко (1922-2009)) [13, 115-188], Игорь Павлович Медведев [14, 160-172], Наталия Александровна Ганина [15, 331-353] и др.). Поэтому эксперты должны были, как минимум, сообщить об этом читателю отчета, а как максимум, вообще не принимать в расчет этот документ. Но ни первого, ни второго сделано не было. О «подлинности» «Записки готского топарха» косвенно свидетельствует и трактат Константина VII Багрянородного. Мог ли император, скрупулезно, в деталях описавший в своем труде путь «росов»-купцов через Днепровские пороги, забыть при этом упомянуть о поселениях рядом с порогами и на Крайской переправе, если бы те реально существовали там в то время?

2) Рабочая группа упоминает также некие «крепости с названиями Вольный и Винок» на карте Джованни Антонио Риччи-Заннони (1736-1814) 1767 г., в районе Днепровского порога Вольный (кстати, на этой карте крепости «Вольный» нет, а есть порог «Вольной») [2, «Отчет»; 16]. Почему-то экспертов не смутило то обстоятельство, что на более ранних картах этой местности, выполненных, например, Г.Л. де Бопланом в 1648 г. [17] и Даниилом Исааковичем де Боскетом (1705-1785) в 1742 г. [18], крепости с такими названиями отсутствуют. Налицо очевидная ошибка Д.А. Риччи-Заннони, который сам в этих местах, в отличие от упомянутых картографов, не был, а пользовался для составления своей карты в том числе и российскими картами. На которых он топоним порог «Вольной», запутавшись в названиях и обозначениях, прочел и понял и как тринадцатый по счету порог «Вольной», и как «Винок», обозначив его при этом, во втором варианте, как укрепление. То, что этот картограф допускал многочисленные ошибки при составлении карт, а порой приводил и совсем фантастическое отображение картографируемой территории, отметил в своей работе историк Александр Григорьевич Середа [19, 28]. О «компетентности» Д.А. Риччи-Заннони как картографа можно судить и по его карте Оттоманской империи 1774 г., на которой он крепость Александровскую (Днепровская линия) поместил примерно в районе нынешнего острова Таволжанского (Таволжаного) на Днепре. То есть в 24 километрах от верхней оконечности о. Хортицы [20].

3) Также из отчета можно понять, что его авторы придерживаются мнения, что «Вознесенский археологический комплекс», найденный в 1930 г. при строительстве Днепровской ГЭС у с. Вознесенки (Вознесенки, Вознесенского), является укрепленным воинским лагерем славян и даже укрепленным «поселением с чертами города» [2, «Отчет»] (следует отметить, что следов длительного использования и обживания этого сооружения не было выявлено). Причем делается ссылка только на Михаила Александровича Миллера (1883-1968) [21], Владимира Автономовича Гринченко (1900-1948) [22, 37-63] и Аллу Трофимовну Смиленко (1923-2006) [23, 116]. И это при том, что у других ученых, касавшихся этой темы, нет единого мнения: ни о времени возникновения этого «комплекса», ни о его назначении, ни об его этнической принадлежности (см.: Анатолий Константинович Амброс (1929-1985) [24, 204-222], Николай Николов Хрисимов [25, 9-42], Алексей Викторович Комар [26, 235-256], Светлана Александровна Плетнева (1926-2008) [27, 38-39] и др.). Фактически, ссылаясь на М.А. Миллера члены рабочей группы продемонстрировали, что соглашались с его интерпретацией «Кичкасского клада» (так М.А. Миллер называл этот археологический комплекс), как погребения «великого украинского князя» Святослава погибшего здесь в X в. Что собственно и подтвердил Г.И. Шаповалов своей, написанной совместно с Андреем Вячеславовичем Билецким, статьей: «Вознесенский (Кичкаский) «скарб»-похороненный-спаленный X ст.» [28, 285-304] (М.А. Миллер впоследствии изменил свое мнение об этнической принадлежности этого «комплекса» и не считал его уже ни могилой князя Святослава, ни славянским воинским лагерем [29, 145-165]).

4) И последнее. По поводу «больших славянских сел» находившихся «при Кичкасском перевозе с обеих сторон Днепра» [2, «Отчет»]. Действительно, в 1927 г. в районе строительства Днепровской ГЭС на правом берегу Днепра ниже села Кичкас, т.е. значительно ниже исторической Крайской (Кичкасской) переправы, археологом Аркадием Викторовичем Добровольским (1885-1956) было найдено 57 заполненных землей «ям». Все они были археологом идентифицированы как жильно-землянки [30, 144-149]. Всего археологами в 1927-1928 гг. было раскопано и исследовано 17 землянок. Считается, что и на левом берегу Днепра, напротив первого, было второе подобное поселение. Однако сколько было землянок точно не известно, так как все они, за исключением одной, частично сохранившейся, были, как считается, уничтожены при строительстве плотины. Алла Трофимовна Брайчевская (Смиленко) (1923-2006), ознакомившаяся с результатами раскопок у с. Кичкас изложила в 1962 г. свои выводы в статье «Древньоруські пам'ятки Дніпровського Надпоріжжя» [31, 157-167]. Ученый пришла к выводу, что это поселение славян (вероятно уличей) относится к XII- началу XIII вв. (также датировал это поселение и А.В. Добровольский [32, 91-95]), но никак не к X-XI вв., так как в это время на этой территории господствовали печенеги, что привело к запустению края (о чем собственно и свидетельствует трактат византийского императора). В XIII в. началось татаро-монгольское нашествие на Русь, что вызвало очередное обезлюдение этих территорий.

Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует о том, что утверждение рабочей группы о том, что трактат Константина VII Багрянородного фиксирует факт существования некоего поселения существовавшего в 952 г. у Крайской переправы, не выдерживает объективной критики. То есть

можно констатировать, что горсовет был введен экспертной группой, работавшей по его заданию над этим вопросом в течении нескольких лет, в заблуждение (за проделанную работу члены экспертной группы 10 сентября 2014 г. были отмечены Горсоветом медалями и благодарностями). То есть фактически решение отцов города об учреждении новой даты основания Запорожья, вынесенное на базе отчета рабочей группы за 2012 г., легитимизировало ложную информацию.

Нет сомнения, что экспертной группе было ведомо о методологии, согласно которой в европейских странах определяют «возраст» того или иного населенного пункта. Неизвестно только, почему эксперты не воспользовались ее положениями. В Украине она была изложена в 2009 г. историком Виталием Антоновичем Бабюхом в статье: «Методологічні критерії та принципи датування виникнення міст» («Методологические критерии и принципы датирования возникновения городов») [33, 261-272]. Принципы этой методологии просты и универсальны. Во-первых, о «возрасте» города судят по первому упоминанию названия этого города в письменном источнике. Подчеркнем, в письменном источнике должно быть зафиксировано имя конкретного города, а не упоминание каких-либо природных географических объектов на его территории или поселений никак не связанных с ним, но которые, со временем, по мере расширения границ этого города, вошли в его состав. Во-вторых, история города с этого момента (после первого упоминания его названия) не должна прерываться во времени. В-третьих, весь этот период, от первого упоминания о нем (городе) до настоящего дня, исторический центр города должен располагаться на одном и том же месте. Несомненно, что всем этим критериям соответствует дата основания нашего города, которая существовала до пресловутого решения Городского совета. Положения этих пунктов в полной мере приложимы и к другим городам Российской империи, основанным в XVIII в.: Елисаветграду (1754 г.), Екатеринославу (1-му) (1776 г.), Херсону (1778 г.), Симферополю (1784 г.), Екатеринославу (2-му) (1787 г.), Николаеву (1789 г.), Одессе (1795 г.) и др. Все эти города, как бы кто-то не пытался доказать обратное, были вновь основанными. Так как их исторические центры, давшие начало этим городам, никоим образом не были связаны с теми поселениями рядом с которыми они возводились. Была ли, например, какая-либо преемственность, связь (культурная, этническая, политическая, экономическая) между турецким Хаджибеем, который был за ненадобностью практически весь снесен и вновь заводимой рядом с ним российской Одессой? Вопрос конечно риторический.

Но если даже для кого-то критерий «первого упоминания» недостаточно убедителен, то все равно все изыскания рабочей группы, с точки зрения исторической урбанистики- науки, исследующей возникновение и развитие городских поселений, относятся к категории «образования города», а не к понятию «основание города». Образование, создание города- это, длящийся порой веками, процесс освоения окружающего пространства идущий от исторического центра города. Основание же города- это исторические события, свидетельствующие об учреждении и начале строительства исторического центра города, зафиксированные соответствующими документами (правовыми актами) [34, 125-126].

Относительно нашего города мы имеем следующее. Во-первых, существует письменная «резолуция» императрицы Екатерины II от 10 мая 1770 г., которой было утверждено решение о создании Днепровской пограничной линии состоявшей из семи крепостей. В ней названа и крепость Александровская, которая дала начало нашему городу [35, 60-61]. То есть, по сути, мы имеем документальное свидетельство (правовой акт) об учреждении крепости Александровской. Существует также известный историкам письменный источник (обращение первого коменданта крепости Александровской полковника Вильгельма-Людвига фон Фредерздорфа (1715/17/19-после 1774) к казацкому полковнику), в котором упоминается как крепость Александровская, так и лагерь на реке Московке, в котором расположились воинский гарнизон крепости и прибывшие для строительства этой крепости рабочие. Документ этот, который с полным правом можно считать первым свидетельством о начальном этапе строительства крепости, датируется 25 августа 1770 г. [36, 43-44]. Во-вторых, с 1770 г., то есть с момента основания крепости Александровской и до настоящего времени, история Запорожья- сначала как крепости (1770 г.), потом как форштадта (1771 г.), потом как посада (1785 г.), а с 1806 г. в статусе города, то есть на протяжении 254 лет, ни на миг не прерывалась. В-третьих, крепость Александровская была заложена в 1770 г. в месте, которое ныне ограничивается улицами Запорожья: Жуковского, Земского врача Лукашевича, Академика Амосова и Тургенева. Условным центром этой крепости можно считать нынешний городской собор Свято-Покровский. Эта территория и является историческим центром Запорожья, «откуда есть пошел» наш город. И на протяжении более чем двух веков исторический центр нашего города неизменно находился на одном и том же месте. Изменялись со временем, что естественно, лишь границы города, его размеры.

Все это общеизвестно и у «незаряженных» политически историков не вызывает сомнений. Однако члены рабочей группы прибегли к нехитрому подлогу. На словах они утверждали, что придерживаются европейского подхода в установлении возраста города, согласно которому одним из главных критериев, по которому определяется дата основания города, является первое письменное упоминание его имени в историческом документе. На деле же этот принцип экспертами был полностью

проигнорирован. Ведь в трактате византийского императора, который был представлен общественности как первое письменное свидетельство о нашем городе и на основании которого была изменена дата возникновения Запорожья (Александровска), имени нашего города нет. И это не удивительно, ведь найти в документе, которому более 1000 лет, имя города, что был основан менее 300 лет назад, невозможно. Зато нам подсунуты сведения о переправе на Днепре, подающиеся экспертами, вопреки здравому смыслу, но с умыслом, как главный аргумент в их изысканиях о дате основания Запорожья. При этом нас пытаются убедить в том, что раз в этом источнике упоминается эта переправа, то значит и городу столько же лет, сколько и трактату императора, в котором зафиксированы эти сведения. Правда, при этом они как-то не особенно акцентируют внимание на том, представляя это как само собой разумеющееся, что в черту города территория, на которой находилась Крайская переправа, вошла только во второй половине 1920-х гг. (на это время нашему городу уже было более 150 лет). Складывается впечатление, что в безумном отрицании очевидного, они могут даже признать, что начало нашему городу было положено первобытными людьми в каменном веке, или например, скифами в VII в. до н.э. Сделав это на том основании, что стоянки первых и городища вторых были в свое время обнаружены археологами на территории современного Запорожья.

Никто не подвергает сомнению того, что такие европейские города, как, например: Лондон, Москва, Париж, ведут свое летоисчисление от первого письменного упоминания их имени в исторических летописях. Однако Запорожью в этом местными «европейцами» было отказано. Правда, теперь члены рабочей группы, независимо от их воли, оказались в одном ряду с такими же как и они деятелями по ревизии исторической памяти как большевистские функционеры Иван Андреевич Гаврилов (1883-1937) и Степан Наумович Власенко (1888-1963), чьими стараниями город Александровск в 1920-х гг. был переименован в Запорожье [37, 30-31] (по поводу новой даты основания нашего города критически высказались запорожские историки: Олег Юрьевич Власов [38], Виктор Григорьевич Ткаченко [39], Валерий Михайлович Стойчев [40], Владимир Иванович Мильчев [41]. Исторической даты основания Запорожья придерживаются также историк Роман Борисович Шиханов и бердянский историк Виктория Николаевна Константинова [42; 43, 273-275]).

Итак, все вышеизложенное свидетельствует, что решение горсовета от 27 июня 2014 г., основанное на несостоятельных доводах рабочей группы, не более как идеологический выверт, который к реальной истории основания Запорожья не имеет никакого отношения (член рабочей группы «академик» А.И. Авдеенко это решение назвал «...идеологической победой над путинским проектом про «Новороссию»...» [41]).

Гримаса истории: в 2016 г. в Запорожье улицу, названную в честь И.А. Гаврилова, в связи с кампанией по декоммунизации, переименовали в Водограйную. То есть, с памятью об этом человеке, который фактически дал новое имя нашему городу, ныне расправились совершенно также как и он в свое время с историческим именем города.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Рішення Запорізької міської ради від 24.01.2008 року № 38 «Про створення робочої групи для встановлення точної дати заснування міста Запоріжжя» // <https://zp.gov.ua/uk/documents/item/6684>
2. Рішення Запорізької міської ради від 26.06.2012 року № 45 «Про звіт робочої групи з уточнення дати заснування міста Запоріжжя». Прикріплені файли: «Отчет» // <https://zp.gov.ua/uk/sessions/83/resolution/2800>
3. Вестник краеведа. Тезисы научных докладов и сообщений (апрель 1990 г.). Вып. I. Запорожье, 1990.
4. Вилинов Ю.А. Городу Запорожье- 900 лет!? Новая концепция определения возраста нашего города // «Наш город». 24 июня 1992 г.
5. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Москва, 1991.
6. Рішення Запорізької міської ради від 27.03.2013 року № 44 «Про продовження роботи робочої групи» // <https://zp.gov.ua/uk/sessions/73/resolution/3206>
7. Рішення Запорізької міської ради від 27.06.2014 року № 47 «Про затвердження звіту робочої групи із уточнення дати заснування м. Запоріжжя» // <https://zp.gov.ua/uk/sessions/57/resolution/3749>
8. Коммунальная война: скидку на квартплату оставили // «МИГ». N 38. 18 сентября 2014.
9. Мемуары относящиеся к истории Южной Руси. Выпуск I. (XVI ст.). Киев, 1890.
10. Гийом Левассер де Боплан. Описание Украины. Москва, 2004.

11. Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. Санктпетербург, 1787.
12. Записка готского топарха. С.-Петербург, 1910.
13. Ševčenko I. The Date and Author of the so-called Fragments of Toparcha Gothicus // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 25. 1971.
14. Медведев И.П. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // *Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения*. СПб., 2003.
15. Ганина Н.А. Оценка фальсификации: О статусе «Записки готского топарха» в корпусе источников по истории крымских готов // *Именослов. История языка. История культуры*. М., 2012.
16. «Carte des Frontières de Pologne depuis Balta jusques a la Riviere de Sina-Woda; contenant le Territoire des Kosaks de Human et de Zaporow; les Desert des Tatares d'Oczakow, de Bessarabie et du Nogai avec leurs Hordes telles qu'elles furent situées à la fin de 1767, par les ordenes du Khan de Krimée. On trouve de plus, la suite du Bog et du Dniester, avec le cours du Boristhene depuis les Cataractes jusques a son embouchure dans la Mer Noire». № 24 // *Carte de la Pologne divisée par provinces et Palatinats et subdivisée par districts construite d'après quantité d'arpentages d'observations par J.A.B. Rizzi Zannoni*. Paris, 1772.
17. «Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina...» G.L. de Beauplan. 1648.
18. «Карта реки Днепру от Киева до Хортицкого острова с показанием редутов и фарпостов и на оных число людей також и лежащих по оной реке местечек и городков 1742 году». Инженер майор Данила де Боскот.
19. Середа О.Г. Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турецьких джерелах XVIII ст. Одеса, 2015.
20. «Carte De La Partie Septentrionale De L'Empire Otoman...MDCCLXXIV». D.A. Rizzi Zannoni.
21. Міллер М. Могила князя Святослава. Winnipeg, 1951.
22. Грінченко В.А. Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // *Археологія*. Т. III. Київ, 1950.
23. Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди у степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). Київ, 1975.
24. Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре- вопрос интерпретации // *Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков*. М., 1982.
25. Хрисимов Н. Вознесенский комплекс: Проблемы хронологии и интерпретации // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 7. Донецк, 2009.
26. Комар А.В. Место гибели князя Святослава: Поиски, легенды, гипотезы, мистификации // *Stratum plus*. N 5. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2014.
27. Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII века). Воронеж, 2003.
28. Білецький А., Шаповалов Г. Вознесенський (Кічкаський) «скарб»- поховання-спалення X ст. // *Наукові студії: Збірник наукових праць. Культурні та поховальні пам'ятки у Вісло-Дніпровському регіоні: проблеми інтерпретації*. Вип. 7. Львів-Винники, 2014.
29. Міллер М. Дніпрельстанівська археологічна експедиція Наркомоса України (1927-1932) // *Науковий збірник Українського вільного університету*. Том VI. Мюнхен, 1956.
30. Добровольський А. Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану р. 1927 // *Дніпропетровський краєвий історично-археологічний музей*. Збірник. Том I. Дніпропетровське, 1929.
31. Брайчевська А.Т. Древньоруські пам'ятки Дніпровського Надпоріжжя // *Археологічні пам'ятки УРСР*. Том XII. Київ, 1962.
32. Добровольський А. Сліди перебування слов'ян XII-XIII ст. ст. у Надпоріжжі // *Археологічні пам'ятки УРСР*. Том I. Київ, 1949.
33. Бабюх В.А. Методологічні критерії та принципи датування виникнення міст // *Регіональна історія України. Збірник наукових статей*. Випуск 3. Київ, 2009.
34. Верменич Я.В., Дмитрук В.І., Архипова С.І. Міська історія України: проблеми початкового датування. Київ, 2010.

35. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том XIX. 1770-1774. Санкт-Петербург, 1830.
36. Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). Запорожье, 2014.
37. Шиханов Р.Б. Керівники міста Запоріжжя (1921-1939 роки). Запоріжжя, 2008.
38. Власов О. Скільки років місту, заснованому у 1770 році? // «МИГ». N 33. 16 августа 2012.
39. Запорожью прибавят веку. // «Вся власть». 10.09.2012. <http://www.vv.com.ua/articles/7578>
40. Стоноженко О. 1062-летие Запорожья: повод для гордости или историческая спекуляция. // «Акцент». 20.09.2014. <http://akzent.zp.ua/1062-letie-zaporozhya-povod-dlya-gordosti/>
41. Сечина К., Дядя В., Леховицер Д. Новый день рождения Запорожья: идеология или имидж? // «Пороги». 18.05.2015. <http://porogy.zp.ua/2015/05/novyy-den-rojdeniya-zaporozhya-ideologiya/>
42. Шиханов Р. 3 Днем народження, Олександрівськ! 3 Днем народження, Запоріжжя! // «Запорозька Січ». N 160-162. 25 августа 2011.
43. Константінова В.М. Про можливість зміни дати заснування міста Запоріжжя // Фронтири міста. Історико-культурологічний альманах. N 1. Дніпропетровськ, 2012.

КРАТКИЕ БИОГРАФИИ ОСНОВАТЕЛЕЙ г. ЗАПОРОЖЬЯ (АЛЕКСАНДРОВСКА)

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЕДЕНЕВ

Михаил Алексеевич Деденев принадлежал к дворянству Санкт-Петербургской губернии, Новгородского уезда (Шелонская пятина, Псковские пригороды (Набережская губа)). Его предки, уроженцы г. Невеля, проживали там и владели землей с первой половины XVII века.

Родословные связи М.А. Деденева выглядят следующим образом. Его отцом был Алексей Иванович Деденев (1701-1774?), который служил во флоте в младшем офицерском составе. В 1744-1747 гг. он был адъютантом 2-го Морского полка и имел в Копорском уезде 8 душ крестьян. Будучи поручиком, 15 января 1756 г., в числе других офицеров он, «за старостию и болезнями», был отставлен от службы и по отставке получил чин капитана. В 1757 г. капитан А.И. Деденев проживал в Санкт-Петербурге, на Васильевском острове в 5-й линии [1, 231; 2, 318; 3, 11/16-17 об.; 4, 3; 5]. У Алексея Ивановича была сестра Екатерина (р. 1705). Их отцом и матерью, а следовательно дедом и бабкой М.А. Деденева, являлись Иван Лукич Деденев (1671- после 1721, до 1738), который служил в Псковских выборных ротах, и Екатерина Алексеевна Деденева (1676- после 1738) (у Ивана Лукича была родная (двоюродная) тетка Татьяна Илларионовна Чихачева (р. 1630)) [3, 11; 6, 35; 7, 686 об.]. Супругой А.И. Деденева была Акилина (Акулина) Борисовна Деденева (1710?-1762). А.Б. Деденева умерла в Санкт-Петербурге 4 июня 1762 г. Перед смертью, 25 мая 1762 г. она была исповедана священником Иоанном Петровым церкви Воскресения Христова при Инженерном корпусе. Отпели ее 8 июня 1762 г. в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, что на Васильевском острове. Согласно завещанию усопшей, ее должны были похоронить «в вотчине», в Набережском погосте Псковской провинции при церкви Святого Николая Чудотворца. Поэтому гроб с ее телом был помещен в специальный ящик, который был засмолен и временно, до отправки, помещен в «склеп» при церкви, на что было дано разрешение архиепископа Санкт-Петербургского (1761-1762) Вениамина (Василий Григорьевич Пуцек-Григорович, 1706?-1785). Отметим, что в метрической книге, зафиксировавшей факт смерти и похорон Акилины Борисовны, много неверной информации. В метрике неправильно указано звание и имя ее мужа: «морского флота генерал-поручик Василий Деденив», а сама умершая названа «Акилиной Феодоровой дочерью» [8, 1-4; 9, 166]. На 1770 г. помещик А.И. Деденев владел 260 крестьянами мужского пола [10, 177 об.]. Прадедом М.А. Деденева был невлаянин Лука Осипович Деденев (ск. после 1685), участник Русско-польской (1654-1667) и Русско-турецкой (1672-1681) войн. 21 февраля 1685 г. Л.О. Деденев, за службу русским царям и отечеству, получил две царские грамоты на вечное владение землей. Первую, на земли в Псковском пригороде в Дубковском уезде в Набережской губе и в Пусторжевском уезде. Вторую, на земли в Новгородском уезде в Шелонской пятине в погостах: Жедрицком, Ясенском и Карачуницком, а также в Дубковском уезде в Набережской губе [3, 7-10]. У Луки Осиповича был брат Григорий Осипович Деденев (ск. после 1678, до 1684) женатый на Лукерье Никоновне Деденевой (ск. после 1684), и вероятно еще один брат Алексей Осипович Деденев [4, 3; 11, 206; 12, 118]. Прапрадедом был невлаянин Осип Иванович Деденев (ск. 1662?). О.И. Деденев являлся участником Русско-польской (Смоленской) войны (1632-1634), где 9 марта 1633 г., в сражении с «литовцами» под Полоцком, на озере Нещедре, был ранен (еще двое невлаян: Иван Алексеевич Деденев, который был «стар и от ран увечен и хром» и Константин Семенович Деденев также были участниками этой войны, возможно, что они являлись родственниками первого) [3, 11; 13, 143-144/ 157/ 158]. Далее, по нисходящей, пращурами М.А. Деденева были: Иван Злобыч Деденев (ск. 1624?) и его жена Варвара Деденева (ск. 1634?) (у Ивана Злобыча был родной брат Гордей Злобыч) и совсем уж легендарные: Злоба Захарович Деденев и Захар Кондратьевич Деденев [3, 5/11/37 об.; 4, 3].

Своим родоначальником Деденевы новгородщины и псковщины считали Захара Кондратьевича Деденева. У З.К. Деденева было трое сыновей: Парфила (Парфений, Порфирий), Алексей и уже известный нам Злоба. У Алексея Захаровича был единственный сын Иван. У Ивана, в свою очередь, было двое сыновей: Пимен Иванович, с внуком Кириллом Пименовичем и Лазарь Иванович, женатый на Ксении Деденевой. У Лазаря и Ксении был сын Дионисий Лазаревич, который впоследствии женился на Авдотье Деденевой (после смерти мужа Авдотья вышла замуж за Ивана Корсакова). У третьего сына Захара Кондратьевича- Парфила родился сын Влас. У Власа Парфильевича было двое сыновей: бездетный? Федор и давший многочисленное потомство Петр. Супругой Петра Власьевича Деденева, была Степанида Кондратьевна Деденева (ск. после 1688). У П.В. Деденева были трое сыновей: Кирилл, Алексей и Иван. Кирилл Петрович был женат на Авдотье Деденевой и вероятно был бездетен. У Алексея Петровича были сыновья: Марк и Ермолай. Марк Алексеевич (1672-после 1721) был женат на Ирине Деденевой (р. 1677), их дети: Марфа (р. 1700), Аксиныя (р. 1702), Григорий и Наталья (замужем за Тимофеем Корсаковым). Ермолай Алексеевич имел дочь Февронью (р. 1700). У Ивана Петровича был сын Максим. У Максима Ивановича (ск. до 1710) была супруга Мария Деденева (р. 1670), их дети: Яким (Аким) (1681-1719)- капитан (1708), Иван (р. 1695), Григорий и Марина. У Ивана Максимовича было пять дочерей: Агрофена (замужем за князем Александром Лукичем Костровым), Анна (замужем за Тимофеем Полибиным), Ульяна и Софья- девицы, и Мария (замужем за князем

Прокофием Степановичем Костровым). У Григория Максимовича был сын Семен. Коллежский советник Семен Григорьевич Деденев в 1781-1783 гг. служил предводителем дворянства в Порховском уезде Псковского наместничества. А до этого, в 1765-1767 гг., подполковник С.Г. Деденев возглавлял контору Канцелярии конфискации в Санкт-Петербурге. Был женат на Прасковье Максимовне Деденовой (ск. 1757) [4, 3; 14, 172/ 202/ 231; 15, 31/ 153/ 307/ 307 об./ 309/ 429; 16, 203; 17, 108; 18, 1-7]. Деденевы были породнены и со своими земляками Пушкиными. Так некая Н.И. Деденева во второй половине XVII века была первой женой Осипа Аристовича Пушкина. Оба супруга были из Шелонской пятины [19, 36].

У М.А. Деденева были братья: Матвей Алексеевич Деденев (поручик; капитан (5 сентября 1756) Батальона Канцелярии от строений государственных дорог [20, 461]) и Егор Алексеевич Деденев (1735-1799?), действительный статский советник, который статским советником в 1793-1795 гг. служил Псковским вице-губернатором и был женат на Марии Васильевне Деденовой (урожденной Аничковой). Дети Е.А. и М.В. Деденевых: Алексей Егорович, майор (статский советник), с 6 октября 1830 г. по 19 февраля 1837 г. он коллежским советником служил, как и его отец, Псковским вице-губернатором (супруга Александра Владимировна Деденева (07.02.1787?-20.07.1837?), их дети: София и Владимир (р. 28.04.1828)), Василий Егорович, 8-го класса (жена (второй брак) Екатерина Степановна Деденева (урожденная Стойкина), их дети: София (р. 1807) (от первого брака), Егор (р. 03.04.1814) (супруга София Николаевна Деденева (урожденная Голубцова) (07.03.1830-25.09.1874)), Анна (р. 15.12.1815) («смолянка»), Василий (р. 07.04.1821), Надежда («смолянка»)), Николай Егорович (коллежский секретарь), Анна Егоровна (22.01.1772-19.03.1840) (муж Павел Аполлосович Наумов (28.06.1764-20.04.1839)) [3, 26/ 27 об./ 28/ 31/ 41].

М.А. Деденев родился 3 ноября 1721 г. [21, 17]. 3 (7) июня 1732 г. поступил в Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Закончил обучение 23 (26) февраля 1741 г. в звании фурьер. При выпуске получил следующий аттестат: «разумеет и говорит по немецки, пишет по орфографии хорошо, геометрию, практику, регулярную и иррегулярную фортификацию окончил, и ныне обучается атаке, рисует ландшафты красками, имеет начало в фехтовании и танцовании, а 13 мая (1)1740 определен был помощником для обучения российского фортификационного класса» [22, 91; 23, 162]. В 1741 г. поступил в Инженерный корпус. Принимал участие в Русско-шведской войне (1741-1743) [24, 23 об.-24]. В 1742 г. инженер-подпоручик (9 июня 1741) М.А. Деденев находился в Выборге [25, 301]. В 1748 г. участвовал в Войне за австрийское наследство (1740-1748) (Рейнский поход) [24, 23 об.-24]. В 1750 г. инженер-капитан-поручик М.А. Деденев был одним из руководителей второго звена Инженерной школы [26, 30]. В том же 1750 г., М.А. Деденев участвовал в проектировании усиления крепостной ограды Кронштадта (проект утвержден не был) [27, 193]. В 1754 г. М.А. Деденеву было поручено составить проект потешной крепости Петерштадт в Ораниенбауме [28, 92; 29, 215/ 296-297]. 6 октября 1756 г. он был произведен из генерал-вагенмейстеров в артиллерии обер-кригс-комиссары, причем новое звание исчислялось с 25 декабря 1755 г. 18 марта 1757 г. артиллерии обер-кригс-комиссар М.А. Деденев был назначен в комиссию под председательством генерал-аншефа Вилима Вилимовича Фермора (1702-1771), образованную указом Сената, «для рассмотрения положения российских крепостей» [30, 742-743]. Возможно, что в 1758 г. М.А. Деденев был проектировщиком крепостцы Петер-Шанец находившейся у Риги, на левом берегу Двины (его воинское звание на то время не соответствует званию приведенному в источнике) [27, 298/ 319-320]. 11 мая 1758 г. инженер-полковником (исчислялся с 1 января 1758 г.) был определен к крепости Санкт-Петербургской [31]. С 1 января 1759 г. инженер-генерал-майор [32, 22]. С 1759 г. М.А. Деденев начальник Инженерной чертежной. С 1762 г. по 1782 г., с перерывами, был при проектировании и строительстве Вышневолоцкой водной системы (Сясьский канал) [33; 34, 356; 35, 20; 36, 6-9]. В 1762-1763 гг. участвовал в проектировании и строительстве, совместно с архитектором Антонио Ринальди (1709-1794), вместо сгоревших в 1761 г. деревянных, каменных пеньковых складов («амбаров») на Тучковом буяне в Санкт-Петербурге [33; 34, 341/356; 37, 175-177]. 2 августа 1763 г. был направлен в Астраханский департамент крепостей в крепость Святого Дмитрия Ростовского (дела по строительству пеньковых складов были переданы в ведомство Канцелярии строения) [37, 177]. Со второй половины 1763 г. снова был при строительстве канала от р. Волхов до р. Волги [37, 331-333; 38, 137-139/ 351-353]. Кавалер ордена святой Анны (1764?). На 1765 г. являлся владельцем 125 крепостных крестьян мужского пола [24, 23 об.-24]. С 18 мая 1766 г. генерал-поручик. Выключен из Инженерного корпуса. 22 января 1767 г. М.А. Деденев был избран одним из 26 «поверенных» от Васильевской части Санкт-Петербурга для участия в выборах городского головы и депутата от города в Комиссию для сочинения проекта Нового Уложения [39]. С 1767 г. член Военной коллегии [40, 16]. 4 августа 1769 г. генерал-поручик М.А. Деденев, по указу императрицы Екатерины II, был командирован «для осмотра положения мест от Днепра до Азовского моря и для прожектирования с той стороны границам империи... укрепления». В ноябре 1769 г. генерал-поручик М.А. Деденев возвратился из Приазовья и представил в феврале 1770 г. в Военную коллегию проект Днепровской пограничной линии состоявшей из семи крепостей. При строительстве крепостей Днепровской линии генерал-поручик М.А. Деденев проявил себя как инженер-новатор, он впервые, по

крайней мере в России, применил в фортификационном деле полигональный (капонирный) фронт. Вероятно он на практике осуществил то, что только в теории было представлено французским фортификатором маркизом Марком Рене де Монталамбером (1714-1800) в сочинении «Перпендикулярная фортификация», изданном в 1778 г. На заседании Совета при Высочайшем Дворе (Совет) от 22 апреля 1770 г. проект (второй по счету) Линии был одобрен и принят к исполнению. 26 апреля 1770 г. в Совете были рассмотрены представленные Военной коллегией «докладные пункты», являвшиеся как общим планом мероприятий по организации строительства Линии «по рекам Берде и Московке», так и списком действий по ее военному устройству и функционированию. На этом же заседании Совета генерал-поручик М.А. Деденев был назначен Главным командиром Линии. 10 мая 1770 г. императрица Екатерина II утвердила двенадцать «докладных пунктов» Военной коллегии и кандидатуру генерал-поручика М.А. Деденева на должность Главного командира Днепровской линии. Летом 1771 г. заболевшего М.А. Деденева сменил на этой должности генерал-майор Василий Алексеевич Чертков (1726-1793). М.А. Деденев по-праву является одним из главных основателей современного г. Запорожья (до 1921 г. - Александровск) (ныне Украина), так как именно он был автором проекта крепости Александровской, положившей начало этому городу. Он же выбрал место для строительства этой крепости [41, 31-34/ 37-39; 42, 161-200; 43, 45]. С 3 ноября 1771 г. М.А. Деденев «присутствующий» в 3-м департаменте Правительствующего Сената [21, 17; 44, 26-27]. 21 апреля 1773 г. стал действительным тайным советником. С 1774 г. участвовал в строительстве Лифляндских ворот в Санкт-Петербурге (архитектор А. Ринальди; в 1776 г. в строительстве ворот участвовал «за архитектора» Иван (Иоганн) Михайлович Лем (Лейм) (1738-1810)). С 1775 г. руководил строительством Большого каменного театра (вольного публичного театра) в Санкт-Петербурге (проект обер-архитектора А. Ринальди; в 1777 г. в строительстве театра участвовал архитектор И.М. Лем (Лейм)) [45, 23-24; 46, 44-46; 47, 226-227/ 252-253; 48; 49]. 10 июля 1775 г., «по случаю торжества о замирении с турками», стал кавалером ордена святого великого князя Александра Невского [50, 224]. 11 января 1786 г. М.А. Деденев был избран предводителем дворянства Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии [51, 127; 52, 1-6].

Скончался М.А. Деденев в Санкт-Петербурге 17 марта 1786 г. Дата его смерти зафиксирована в метрической книге церкви Владимирской Пресвятой Богородицы в Придворных слободах под № 23 (не исключено, что это дата его похорон, а умер сенатор, возможно, 14-15 марта. - А.М.). Дом, в котором проживал и умер действительный тайный советник, находился на территории прихода этой церкви, на улице Владимирской (в городе М.А. Деденеву, в разное время, принадлежало несколько домов, один из которых, двухэтажный, деревянный на каменном фундаменте, в 1771 г. был на Васильевском острове в 5-й линии [53; 54]). В метрике указано, что «Сенатор и кавалер Михаил Алексеевич Деденев» скончался в возрасте 70 лет «от старости». Сделана на полях и приписка: «В Невской». Очевидно имелось ввиду, что покойник похоронен в Александро-Невской лавре. Здесь же указано, что исповедовал М.А. Деденева священник (иерей) Иоанн Феодоров (1745-02.01.1789). Смерть М.А. Деденева нашла свое отражение и в дошедшем до нас эпистолярном наследии XVIII века. Так в письме от 17 марта 1786 г. Николай Александрович Львов (1751-1803) кратко проинформировал своего приятеля и коллегу по литературному цеху Гавриила Романовича Державина (1743-1816) о его кончине: «Деденев сенатор умер» [55; 56, 276 об.; 57, 445]. Похоронен сенатор был на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, недалеко от надвратной церкви во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радости». Надгробие на его могиле представляло из себя две горизонтально лежащие друг на друге плиты. Обе они имели вид равнобедренных трапеций, сужающихся на восток, к ногам погребенного. Первая плита, выполненная из известняка, была положена непосредственно на землю, она несколько больше чем вторая. Ее боковые стороны по 205 см, в голове она 105 см, а в ногах 86 см. Толщина (высота) ее 10 см. На этой плите, в неглубокой выемке (1 см), находилась, несколько выступавшая над «подложкой», мраморная плита (доска) с эпитафией в ее широкой части. Размеры боковых сторон этой плиты были по 172 см, в голове она была 92 см, а в ногах 78 см. На сегодня могила М.А. Деденева безымянна. От его памятника сохранилась только известняковая плита. Хотя в 1940-х годах мраморная плита еще существовала, но уже тогда была разбита, а ее нижняя часть была утрачена. По данным Государственного музея городской скульптуры г. Санкт-Петербурга, надпись на этой плите гласила: «Здѣсь погребено тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михаила Алексеевича Деденева, родившагося въ 1720 году...скончавшагося въ 1786 году». Правда в «Петербургском некрополе», изданном в 1883 г., приводятся другие данные. В нем его автором, Владимиром Ивановичем Саитовым (1849-1938), сообщается, что тогда на этой плите еще можно было прочесть: «Деденев Михаил Алексѣевич, д.т.с., сенатор, кавалер орд. св. Александра Невскаго и св. Анны...». На этом же кладбище, дочерью М.А. Деденева, был установлен памятник матери, супруге сенатора, умершей в апреле 1793 г. На этом надгробии была сделана следующая надпись: «Деденева Авдотья Петровна жена Михаила Алексеевича Деденева р. 4 мая 1735 + на 9 апреля 1793 во 2 часу пополудни. Жила 57 л. памятник ставила дочь Анна Михайловна Деденева 25 мая 1793». Согласно

тому же В.И. Саитову, этот памятник был «общим» для супругов. Памятник этот не сохранился [58, 20-21; 59, 41].

Супругой М.А. Деденева была Евдокия Петровна Деденева (04.05.1735?-09.04.1793), которая являлась дочерью историка Петра Никифоровича Крекшина (1692/93-31.08.1764) и его жены Анны Ивановны Крекшиной (по первому умершему мужу- Еремеевой, урожденной Румянцевой) (1718-1737?). Это уже был второй брак историка. Первой его женой была Акилина (Лаврентьевна/ Федоровна) Ладыженская (1698/1709-1734). Деденевы и Крекшины являлись земляками, у них была одна малая родина- Новгородщина [60, 352-367]. В 1766 г. М.А. Деденев судился с супругой по поводу ее имения, которым, как он считал, она была неспособна управлять «по слабости разума и дурному поведению». Он просил императрицу назначить к имению жены опекуна и ради их детей, запретить продажу принадлежавшей ей земли. М.А. Деденев выиграл этот суд, по результатам которого Евдокии Петровне было запрещено распоряжаться собственным добром [61, 125]. Непростые отношения между супругами в этот период времени зафиксированы в личной переписке литератора Дениса Ивановича Фонвизина (1745-1792) [62, 337]. Дети Михаила Алексеевича и Евдокии Петровны Деденевых: сын Алексей Михайлович Деденев (07.02.1754-13./15.09.1791 (умер «от паралича», его смерть зафиксирована в метрической книге церкви Владимирской Пресвятой Богородицы в Придворных слободах под N 83, похоронен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге [58, 21; 63, 253 об.]), полковник (21 апреля 1789) Софийского пехотного полка, был женат (с 4 февраля 1785 [63, 228]) на дочери генерал-майора Василия Ивановича Разумовского (1727-1800) и Александры Федоровны Разумовской (урожденной графини Апраксиной) (ск. 22.04.1806)- Александре (04.10.1761-19.04.1816) (их дети: София (09./20.05.1786 [55, 258 об.]-30.03.1833) (ее супруг Матвей Евграфович Храповицкий (09.08.1784-31.10.1847)- генерал-адъютант, генерал от инфантерии), Юлия (р. 11.05.1790 [65, 322 об.]), Михаил (06.08.1793?-21.01.1831)- камергер, коллежский асессор, кавалер орденов св. Владимира 4 степени и св. Анны 3 степени, служил в Коллегии иностранных дел, скончался в Дрездене (похоронен в Сергиевой пустыни у церкви Св. Сергия)) и дочь «девица» Анна Михайловна Деденева (25.01.1755-01.01.1796 (03.01.1796 (дата погребения)), умершая «чахоткою» (ее смерть зарегистрирована при церкви Святой Великомученицы Екатерины, что в Екатерингофе. Была похоронена на Васильевском острове, на Смоленском православном кладбище у церкви Смоленской иконы Божией Матери) [55, 258 об.; 66, 11/ 281; 67, 428-429; 68, 7-8; 69, 227 об.].

После смерти М.А. Деденева, примерно в 1786-1788 гг. и в 1791 г., архив историка П.Н. Крекшина, доставшийся семье Деденевых по-наследству, частями был приобретен собирателем и коллекционером русского исторического рукописного наследия графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным (1744-1817). В 1792-1793 гг. семья продала за 10 тысяч рублей часть архива уже самого М.А. Деденева. «Карты и планы» из этого архива были приобретены Екатериной II для императорского Кабинета. Эта сделка была осуществлена при посредничестве Г.Р. Державина, который являлся одним из опекунов детей умершего в 1791 г. полковника А.М. Деденева [70, 85-88].

Описание герба Деденевых: «В Щите имеющем голубое поле изображена золотая Лилия. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем Короною и пятью Павлиными перьями, по середине которых означена золотая Лилия. Намет на щите голубой подложенный золотом» [71, 113].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Черников С.В. Власть и собственность. Особенности мобилизации земельных владений в Московском уезде в первой половине XVIII века // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 53. N 1. Paris, 2012.
2. Материалы для истории русского флота. Часть X. Санктпетербург, 1883.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 792.
4. Центральный государственный исторический архив. Санкт-Петербург (ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 6. Д. 6847 а.
5. Санктпетербургския ведомости. N 45. (6 июня 1757 г.).
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 615. Оп. 1. Д. 8694.
7. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8510.
8. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5327.
9. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 53.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 490. Оп. 3. Д. 106.

11. Каталог древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Вып. 8: 1682-1685 гг. Л., 1988.
12. Псковские акты собрания А. Ф. Бычкова, 1623-1698 гг.": Каталог. СПб., 1997.
13. Малов А.В. Начальный период Смоленской войны на направлении Луки Великие-Невель-Полоцк (до 3 июня 1633) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006.
14. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8179.
15. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8593.
16. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества христово 1783. В Санктпетербурге.
17. Адрес календарь Российский на лето от рождества христово 1767. Показывающий о всех чинах... В Санктпетербурге.
18. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4265.
19. Модзалевский Б.Л. Муравьев М.В. Пушкины. Родословная роспись. Ленинград, 1932.
20. Татарников К.В. «Известно и ведомо да будет каждому...». Книги записи патентов выданных Военной коллегией в 1723-1796 гг. Т. 1-2. Москва, 2020.
21. Мурзанов Н.А. Правительствующий Сенат. (Господа сенат). 22 февраля 1711-22 февраля 1911. Список сенаторов. С.-Петербург, 1911.
22. Имянной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб-обер-офицерам и кадетам... Часть I. В Санктпетербурге, 1761.
23. Лузанов П. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й кадетский корпус). Исторический очерк. Выпуск 1-й. Период графа Миниха. (с 1732 по 1741). С.-Петербург, 1907.
24. РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 1159.
25. Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России. С.-Петербург, 1879.
26. Мельницкой Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России. (Сухопутного ведомства). Том I. Часть первая. Санктпетербург, 1857.
27. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Санктпетербург, 1865.
28. Записки Штелина... // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Октябрь-декабрь. Книга четвертая. Москва, 1866.
29. Горбатенко С.Б. Петергофская дорога. С.-Петербург, 2001.
30. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том XIV. 1754-1757. СПб., 1830.
31. Санктпетербургския ведомости. N 49. (19 июня 1758 г.).
32. Воинской календарь на 1765 год с приложением генералитетских и штабских списков. В Санктпетербурге.
33. Санктпетербургския ведомости. N 1. (3 января 1763 г.).
34. Сенатский архив. Т. XII. С.-Петербург, 1907.
35. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества христово 1782. В Санктпетербурге.
36. Петрашень И. Мариинская система 1810-1910. С.-Петербург, 1910.
37. Сенатский архив. Т. XIII. С.-Петербург, 1909.
38. Сенатский архив. Т. XIV. С.-Петербург, 1910.
39. Санктпетербургския ведомости. N 10. (2 февраля 1767 г.).
40. Список находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб-офицерам. На 1767 год. Санкт-Петербург, 1767.
41. Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). Запорожье, 2014.

42. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 123.
43. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 143. Ч. 1.
44. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества христова 1772. В Санктпетербурге.
45. Столпянский П.Н. Петергофская дорога и музыкальный Петербург. М., 2011.
46. Николаева Т.И. Театральная площадь. Ленинград, 1984.
47. Иванов А.А. История Петербурга в старых объявлениях. М., 2008.
48. Санктпетербургския ведомости. N 72. (6 сентября 1776 г.).
49. Санктпетербургския ведомости. N 64. (11 августа 1777 г.).
50. Бантыш-Каменский Д. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. Москва, 1814.
51. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества христова 1786. В Санктпетербурге.
52. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 26. Д. 97.
53. Санктпетербургския ведомости. N 78. (28 сентября 1764 г.).
54. Санктпетербургския ведомости. N 16. (25 февраля 1771 г.).
55. Санктпетербургския ведомости. N 72. (7 сентября 1781 г.).
56. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 100.
57. Сочинения Державина. Том пятый. Санктпетербург, 1869.
58. Петербургский некрополь. Том второй (Д-Л). С.-Петербург, 1912.
59. Саитов В. Петербургский некрополь или справочный исторический указатель лиц, родившихся в XVII и XVIII столетиях. По надгробным надписям Александроневской лавры и упраздненных петербургских кладбищ. Москва, 1883.
60. Кротов П.А. Писатель П.Н. Крекшин- человек переходной эпохи XVIII века (к вопросу о генезисе интеллигенции) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2011.
61. Маррезе М.Л. Бабые царство: дворянки и владение имуществом в России (1700-1861). М., 2009.
62. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М.; Л., 1959.
63. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 110.
64. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 97.
65. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 109.
66. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1830. Часть первая. В Санктпетербурге.
67. Петербургский некрополь. Том четвертый (С-Ф). С.-Петербург, 1913.
68. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 3. Д. 941.
69. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 120.
70. Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. Москва, 1988.
71. Общий гербовник дворянских родов Всероссийския империи, начатый в 1797-м году. Часть вторая.

ВИЛЬГЕЛЬМ-ЛЮДВИГ ФОН ФРЕДЕРЗДОРФ

Вильгельм (Вилим)-Людвиг фон Фредерздорф (von Fredersdorff) (примечательно, что он в своей подписи к документам фамильную приставку «фон» употреблял не всегда) родился, согласно его формулярным спискам разных лет, между 1715 и 1719 гг. С его слов известно, что отец его, умерший до 1757 г., 28 лет служил российской короне. Согласно послужным спискам, В.-Л. фон Фредерздорф принадлежал к лифляндскому шляхетству (дворянству) и был лютеранского вероисповедания. Однако его дворянство ничем собственно не подтверждается. Имеются две справки Санкт-Петербургской Государственной юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел, обе за 23 января 1750 г., непосредственно касающиеся этого вопроса. В первой из них, выданной на запрос Военной коллегии, является ли «Людвиг фон Фредерздорф» лифляндским шляхтичем, дан ответ за подписью секретаря Самуэля (Самойла) Ивановича Дена (Dehn) (1710-1782), что этой Коллегии, за неимением у нее списка «о шляхетных в Лифляндии фамилиях», об этом ничего неизвестно. В другой справке, составленной советником Эрнстом-Готлибом Гликом (Глюк/ Glück) (1698-1759/67), выданной непосредственно В.-Л. фон Фредерздорфу, говорилось, что податель ее, «по природе своей лифлянец и с тамошними фамилиями в родстве находитца». То есть и этот, второй, документ прямо подтверждает его шляхетства, однако формулировка, что он находится в родственных отношениях с лифляндским дворянством, а В.-Л. фон Фредерздорф был действительно женат на лифляндской дворянке Ядвиге-Елене фон Пальменбах (von Palmenbach) (1723-1778), позволяет толковать его по-разному, но все-таки, главным образом, в пользу его подателя. На выдачу такого, можно сказать двусмысленного, документа могло повлиять и то обстоятельство, что Э.-Г. Глюк являлся хоть и дальним, и не прямым, но все-таки родственником В.-Л. фон Фредерздорфа. Жена В.-Л. фон Фредерздорфа, имела двоюродного брата, в будущем, генерал-майора русской армии, Густава-Морица (Ивана Ивановича) фон Пальменбаха (von Palmenbach) (1707-30.11.1770, Игаста). Супруга которого (имя ее неизвестно), принадлежавшая к роду фон Граак (von Graak), приходилась племянницей Э.-Г. Глюку. Сестра Э.-Г. Глюка, Агнета-Августа Глюк (ск. после 1733) была женой Генриха-Беренда фон Граака (von Graak) (1674-1732). То есть, дочь фон Грааков, вышедшая замуж за Г.-М. фон Пальменбаха, была невесткой жены В.-Л. фон Фредерздорфа [1, 213-214/ 219-220/ 222-223/ 227-228; 2, 251-254; 3, 15-23; 4].

11 мая 1733 г. В.-Л. фон Фредерздорф был принят в российскую воинскую службу. И стал служить в чине вахмистра, в учрежденном 21 июня 1733 г. Лейб-Кирасирском полку (образован из Невского драгунского полка). В 1733 г. полку были определены постоянные квартиры в Эстляндии. Согласно указу Военной коллегии от 30 сентября 1733 г. полку, по укомплектовании, было назначено передислоцироваться в Ригу (на 2 октября 1733 г. в полку нехватало 617 человек, при полном штате в 974 человека). 4 октября 1733 г., по указу Военной коллегии, Лейб-Кирасирский полк должен был, вместе с другими двумя полками и частями рижского гарнизона, отправиться в Курляндию. Где перед ними была поставлена задача занять Митаву, Бауск, Либаву и Гольдинген. С этого времени Лейб-Кирасирский полк, находясь в Польском корпусе, стал участвовать в военных операциях, связанных с начавшейся Войной за польское наследство (1733-1735). С 1733 г. Польским корпусом командовал генерал-аншеф Петр Петрович (Пирс Эдмонд) Ласси (de Lacy) (1678-1751), в 1734 г. его сменил на должности генерал-фельдмаршал, граф Бурхард-Кристоф фон Миних (von Münnich) (1683-1767), а в 1735 г. руководство корпусом принял снова генерал-аншеф П.П. Ласси. 27 декабря 1733 г., по утвержденному императрицей (1730-1740) Анной Иоанновной докладу генерал-фельдмаршала, графа Б.-К. фон Миниха, недоукомплектованный Лейб-Кирасирский полк, находившийся в Курляндии, было решено комплектовать вольноопределяющимися курляндцами и «прочими иноземцами». В 1734 г. войсками находившимися в Курляндии командовал генерал-майор Лудольф (Рудольф)-Август фон Бисмарк (von Bismarck) (1683-1750). В конце 1734 г. команда генерал-майора Л.-А. фон Бисмарка находилась в Речи Посполитой, в Жмудском княжестве. По окончании войны Лейб-Кирасирский полк оставался еще какое-то время в Курляндии, в составе войск руководимых генерал-майором Л.-А. фон Бисмарком. Согласно послужным спискам В.-Л. фон Фредерздорфа, во время этой войны, в 1734-1735 гг. он был в походах и находился «в Полше под местечком Вилдах» (Вильда под Познанью?). Во время службы В.-Л. фон Фредерздорфа в Лейб-Кирасирском полку, этим полком командовали вице-полковники (полковниками этого полка были царствующие особы): в 1735-1741 гг.- полковник (23 ноября 1735); генерал-майор (14 февраля 1740) Эрнст-Иоганн фон Бутлер (von Buttler) (1690-1771) и в 1741-1749 гг.- полковник (23 февраля 1741) князь Семен Федорович Волконский (1703-1768). По окончании войны, по утвержденному императрицей докладу Кабинета министров от 23 декабря 1735 г., кирасирским полкам решено определить постоянные квартиры, вместо Лифляндии, Эстляндии и Пскова, в Малой России. Сделано это было с целью экономии средств на их содержание. Лейб-Кирасирский полк получил постоянную квартиру в пределах малороссийского Полтавского полка. В Русско-шведской войне (1741-1742) В.-Л. фон Фредерздорф вероятно не участвовал, хотя его родной полк в 1742 г. в военных операциях этой войны был задействован. В 1742 г. В.-Л. фон Фредерздорф был уволен «с апшитом», т.е. с официальным свидетельством об отставке, из Армии и отбыл за границу. При этом у него было, согласно его формулярным спискам, задание осуществлять в

«чужестранных государств» «присматривание тамошних порядков» (т.е. не исключено, что у него была некая разведывательная миссия) [1, 214/ 219-220/ 222-223/ 227-228; 2, 251-254; 5, 174-175/ 177-178/ 181-185/ 192-194/ 201-202; 6, 123/ 142/ 146/ 162/ 170; 7, 245/ 658-659; 8, 67/ 71].

Находясь за кордоном 8 лет, В.-Л. фон Фредерздорф служил в прусской армии. Служба его проходила в «Леманском пехотном полку» (воинское подразделение, которым командовал подполковник (1 августа 1740); полковник (28 мая 1743); генерал-майор (30 октября 1745) Иоганн-Георг фон Леман (von Lehmann) (1688-09.12.1750)). Со своим полком он участвовал в Первой (1740-1742) и Второй (1744-1745) Селезских войнах. Поначалу у него был чин гренадерского поручика (лейтенанта), а 16 января/ 9 февраля 1746 г. В.-Л. фон Фредерздорф получил патент на чин гренадерского премьер-поручика (обер-лейтенанта). Узнав из указа российской императрицы (1741-1761) Елизаветы Петровны, что «велено лифлянцам которые в чужих службах находятся», «в свою отчизну в Россию возвратится», причем с возможностью поступить на службу, он обратился к прусскому королю (1740-1786) Фридриху II (1712-1786) с прошением об отставке. Однако не получил ее. Тогда В.-Л. фон Фредерздорф в 1750 г. «тихим образом» оставил прусскую армию (т.е. фактически дезертировал) и возвратился из-за границы в Россию [1, 214/ 219-220/ 222-223/ 227-228; 2, 251-254; 3, 15-23].

В январе 1750 г. он обратился в Военную коллегию с челобитной (подана 22 января 1750 г.) на имя императрицы Елизаветы Петровны с просьбой о принятии его в русскую военную службу с тем же чином, который был у него во время службы в прусской армии. Примечательно, что в челобитной В.-Л. фон Фредерздорф почему-то ни словом не обмолвился, что он до 1742 г. 9 лет служил в российской Армии и имел при этом особое задание от своего руководства. 24 января 1750 г. решением Военной коллегии он был вновь принят в российскую воинскую службу поручиком (т.е. его просьба о сохранении ему чина была удовлетворена, 8 февраля 1750 г. В.-Л. фон Фредерздорф получил от Военной коллегии патент на этот чин) и отправлен в «полевые пехотные полки», находившиеся в Лифляндии, в команде генерал-фельдмаршала, рейхс-графа П. П. фон Ласси. В 1750 г. В.-Л. фон Фредерздорф поступил, в состоявший в «Лифлянском корпусе», Выборгский пехотный полк, куда он был зачислен по его собственной просьбе, высказанной им еще в челобитной. В 1747-1756 гг. командиром этого полка был двоюродный брат его жены полковник; генерал-майор (25 декабря 1755) Г.-М. фон Пальменбах. Это видимо и обусловило желание В.-Л. фон Фредерздорфа служить в полку, которым командовал его шурин. В 1750 г. полк располагался на квартирах в окрестностях Дерпта. С весны до зимы 1751 г. Выборгский пехотный полк находился в полевом лагере. Откуда снова возвратился к Дерпту и простоял там весь 1752 г. 25 апреля 1751 г. В.-Л. фон Фредерздорф становится капитаном. Служил он тогда во 2-ой роте. В 1753 г. полк располагался при озере Штенце, недалеко от Риги. Полк состоял из 3-х батальонов, в каждом из которых было по 4 мушкетерских роты и 1 гренадерская рота. У Риги полк находился до 24 августа 1755 г. В тот день в полку был получен приказ отправляться на зимние квартиры в Новгород. В конце 1755 г., уже секунд-майор (25 декабря 1755) В.-Л. фон Фредерздорф был определен в Казанский пехотный полк, которым командовал полковник (25 декабря 1755) Иван Петрович Леонтьев (ок. 1710-1783) [1, 213-214/ 219-220/ 222-223/ 227-228; 2, 251-254; 3, 15-23; 9, 364; 10, XVIII/ XXI/ XXII/ XXVI; 11, 56-58/ 61/ 63-64].

В 1756 г. В.-Л. фон Фредерздорф заболел. У него «в проходе» открылся аноректальный свищ («фистула»). Лечение мало помогало. Секунд-майор стал просить командование о переводе его в полк, который не должен был быть задействован на театре военных действий начавшейся Семилетней войны (1756-1763). На что командующий армией генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин (1702-1758) 20 декабря 1756 г. выдал ему «пашпорт» с тем, чтобы В.-Л. фон Фредерздорф после лечения в Дерпте, на которое ему отводилось 29 дней, отправился в г. Санкт-Петербург, в Военную коллегию для решения его дела. В 1758/59 г. секунд-майор В.-Л. фон Фредерздорф был определен Военной коллегией в Кабардинский пехотный полк. В этом полку В.-Л. фон Фредерздорф служил до 1764 г., сначала премьер-майором (25 апреля 1761), потом подполковником (1 мая 1763). В полку он находился на секунд-майорской вакансии. В 1756-1759 гг. командиром этого полка был полковник (25 декабря 1755) Яков Зотра (Sautreau) (ск. 03.05.1759). В 1760-1762 гг. полком командовал полковник (1 июня 1760) Франц фон Эттинген (von Oettingen) (1720?-1778?). В.-Л. фон Фредерздорф являлся участником Семилетней войны. Во время которой он, находясь в Пруссии, 19 августа 1757 г. был, очевидно со своим Казанским пехотным полком, в сражении при деревне Гросс-Егерсдорф, закончившемся победой русского оружия. С 15 августа по 12 сентября 1760 г., там же в Пруссии, уже в составе нового подразделения, он участвовал в неудачной осаде г. Кольберга. По результатам осады г. Кольберга, в которой российская армия не достигла успеха и потеряла при этом 600 военнослужащих пленными, часть артиллерии, и запасы провианта, и боеприпасов, было учинено расследование, и военный суд (кригсрехт), длившиеся с конца 1760 г. по 1762 г. При разбирательстве в суде этого дела, командовавший при осаде прибывшим к городу на судах десантом (сухопутными войсками) обер-цейхмейстер Иван Васильевич Демидов (1713-1792) (общее руководство операцией осуществлял адмирал Захар Данилович Мишуков (1684-1762)) всячески выгораживал себя, обвиняя, в

числе прочих и секунд-майора В.-Л. фон Фредерздорфа с его командой в невыполнении приказов, и бегстве от неприятеля, что могло грозить им всем смертной казнью. Однако, как показало расследование, именно впавший в панику, в виду приближавшегося неприятеля, обер-цейхмейстер, своими противоречивыми распоряжениями и указами, создал хаос в рядах своих подчиненных, что и стало одной из главных причин провала военной операции по осаде г. Кольберга. По результатам расследования, Военно-судовая комиссия при Военной коллегии в действиях, находившихся при осаде, «при пехотном лагере», «майора Фридездорфа» и прочих офицеров, вины не нашла. Напротив, обер-цейхмейстер И.В. Демидов был признан виновным, его лишили всех чинов и зачислили в рядовые. Однако в 1762 г. приговор всем осужденным по этому делу был смягчен, а в 1763 г. они были и совсем помилованы. По окончании войны Кабардинский пехотный полк был определен в Финляндскую дивизию (военный округ). Его постоянной квартирой был назначен г. Выборг [1, 214/ 219-220/ 222-223/ 227-228; 2, 251-254; 12, 645-653; 13, 177-184; 14, 57-64].

В 1764-1769 гг. В.-Л. фон Фредерздорф продолжил службу в бывшем ландмилицком Белевском пехотном полку (полк квартировал в Гадяче), которым командовал в эти годы полковник (17 апреля 1763); бригадир (22 сентября 1768) Николай Иванович Глебов (1716-1799) (его сын Павел Николаевич Глебов (1754-1834) служил в 1770-1773 гг. инженер-кондуктором 2-го класса (11 декабря 1768); инженер-прапорщиком (1 января 1771) на Днепровской линии, где в 1770 г. участвовал в закладке крепости Александровской). Полк входил в состав Украинской дивизии, командующим которой был генерал-майор Карл Федорович фон Штофельн (von Stoffeln) (ок. 1720-ок. 1771). В 1765/66 г. подполковник В.-Л. фон Фредерздорф был откомандирован «для командования», бывшим ландмилицким, той же Украинской дивизии, Ряжским пехотным полком (полк квартировал в Лубнах; командиром полка в 1765-1770 гг. был полковник; бригадир (12 октября 1770) Богдан Иванович Вассерман (von Wassermann) (1725-1798)). В то время полки Украинской дивизии отряжались в службу на Украинскую линию и в Киев. В 1769 г. В.-Л. фон Фредерздорф участвовал в «Турецкой компании», т.е. в Русско-турецкой войне (1768-1774). В 1768 г. полки Украинской дивизии, в которой он служил, вошли в состав Второй армии, которой командовал генерал-аншеф, граф Петр Александрович Румянцев (1725-1796). В конце 1768 г. Белевский пехотный полк квартировал в Городищах. В задачи Второй армии тогда входило прикрывать Юг России от набегов татар «с крымской стороны, или...от Бендер» и поддерживать в случае надобности действия Первой армии [1, 213-214/ 219-220/ 222-223/ 227-228; 15, 58; 16, 71; 17, 71; 18, 70; 19, 68; 20, 327; 21, 50-51/ 58-62].

1 января 1770 г. В.-Л. фон Фредерздорфу было присвоено очередное воинское звание полковник, он был отставлен от строевой службы и был определен «сверх комплекта» в должность коменданта. Некоторое время он находился «на пенсии в доме», т.е. на родине в Лифляндии, ожидая когда откроется свободная комендантская вакансия. В мае 1770 г. состоялось его определение на должность коменданта крепости Александровской на назначенную к строительству Днепровскую пограничную линию. Во время Русско-турецкой войны (1768-1774), в 1770 г., по решению российского правительства, началось возведение, состоявшей из семи крепостей (Александровской, Никитинской, Григорьевской, Кирилловской, Алексеевской, Захарьевской, Петровской), Днепровской пограничной линии, призванной защитить участок русско-турецкой границы на крымском направлении. Протяженность этой Линии, тянувшейся от устья речки Московки, впадавшей в реку Днепр, вдоль пограничных рек Конской и Берды, до устья Берды, впадавшей в Азовское море, составляла примерно 196 верст (ок. 209 км). Непосредственно на Линии командование всеми крепостями и их комендантами осуществлялось обер-комендантом Линии. Отдельными крепостями, соответственно, руководили коменданты. Коменданту подчинялись гарнизонный батальон (полк), инженерная и артиллерийская команды крепости. В его ведении находилось военное и хозяйственное функционирование крепости. То есть, обеспечение исполнения обязанностей гарнизонной службы и содержание крепости в должном оборонительном состоянии, надзор за арестантами, взаимодействие с воинскими командами временно находящимися при крепости, контроль за въезжающими в крепость и покидающими ее. В ведении коменданта также находились, до 1797 г. и казенные склады. На обер-комендантскую и комендантские должности назначались, как правило, офицеры «из отставных неимеющих пропитания, или в отставку желающих, или из находящихся в гарнизонах, или из них состоящих на пенсионе». По штату на Линии должны были быть 1 обер-комендант в звании бригадир и 7 комендантов в звании полковников, которые должны были получать жалованье в год: обер-комендант- 800 рублей, а коменданты- по 600 рублей. Комендантам денщики были не положены. Служителей себе они нанимали за собственные деньги. В середине августа 1770 г. вновь назначенный комендант во главе обоза, состоявшего из воинской команды и гражданских рабочих, прибыл к месту строительства крепости Александровской, к речке Мокрой Московке впадавшей в Днепр. В.-Л. фон Фредерздорф является одним из главных основателей как первой крепости Александровской, так и второй крепости Александровской. Первая крепость, из-за ее неудачно выбранного местоположения,

была в 1771 г. оставлена строительством. Внутри пространства недостроенной крепости, окруженного валом и рвом, образовался форштадт, с преимущественно гражданским населением, давший начало г. Александровску (Запорожью). Новую, вторую крепость заложили примерно в одном километре от первой крепости, ближе к Днепру и к речке Сухой Московке. Произошло это 23 мая 1771 г. Эта крепость, в общем и целом, была закончена в 1775 г. Полковник В.-Л. фон Фредерздорф находился в должности коменданта крепости Александровской до 1774 г. [1, 222-223/ 227-228; 22, 102; 23, 134; 24, 41-44].

В начале 1774 г. полковник В.-Л. фон Фредерздорф подал челобитную об отставке на имя императрицы Екатерины II. В челобитной он просил царицу об увольнении с воинской службы, в виду его старости (согласно формулярного списка за 1774 г. ему было 54 года) «и совершенной в здоровье слабости». Комендат также просил, «по долговременной и беспорочной ево службе», повысить его при отставке чином (следующим за чином полковника шел чин бригадира), разрешить жить в России там где он сам пожелает, и выдать ему, вместо положенной пенсии, «по неимению у него своих деревень и пропитания», единовременно, две тысячи рублей. Чтобы полученные деньги позволили, «по бедности» его, устроить ему «малейшее прибежище» и дали возможность, «сколко еще жить ему достанетца», просуществовать. К челобитной были приложены его аттестаты о службе и врачебное заключение о состоянии его здоровья. Челобитная, пошла по инстанциям. Сначала она была получена начальником коменданта Главным командиром Днепровской линии генерал-майором Василием Алексеевичем Чертковым (1726-1793). В свою очередь генерал-майор представил ее, со своим рапортом, на рассмотрение в Военную коллегию. В рапорте Главный командир Линии, помимо прочего, доносил, что комендат крепости Александровской к повышению чина достоин и просил, что в случае если челобитчик отставку получит, определить на его место той же Линии коменданта крепости Захарьевской, полковника Михаила Михайловича Караватку (Krawatke) (1723-1793). Со своей стороны Военная коллегия 21 марта 1774 г. составила доклад по делу об отставке полковника В.-Л. фон Фредерздорфа, где было изложено все вышеприведенное и представила его на рассмотрение императрице. Доклад подписали первые лица Военной коллегии: президент, генерал-фельдмаршал, граф Захар Григорьевич Чернышев (1722-1784), вице-президент, генерал-аншеф Николай Иванович Салтыков (1736-1816), генерал-майор Петр Григорьевич Языков (ок. 1715-после 1774), генерал-майор Петр Семенович Свистунов (1732-1808), обер-секретарь, бригадир Алексей Федорович Микешин (ок. 1715-после 1783). Через десять дней, 31 марта 1774 г., в Царском Селе, императрицей было вынесено решение по этому делу. На докладе Военной коллегии Екатерина II начертала: «Отставить, и Караватку на его место перевести». Так закончилось, длившееся 41 год, военное поприще В.-Л. фон Фредерздорфа. Еще некоторое время, пока не было окончательно решено его дело, он находился на Линии. О чем свидетельствует его послужной список за 24 апреля 1774 г. Новый чин он получил, так как в записи о смерти его жены указано- «госпожа бригадирша». С 1774 г. крепость Александровскую возглавил новый комендант полковник М.М. Караватка. Как сложилась дальше судьба бригадира в отставке, пока остается только гадать [1, 227-228/ 228-229; 25, 80-81].

Как указывалось выше, супругой В.-Л. фон Фредерздорфа была Я.-Е. фон Пальменбах (von Palmenbach), с которой он обвенчался 9 августа 1739 г. в Лифляндии, в Игасте (населенный пункт недалеко от Дерпта (ныне Ихаста пригород Тарту)). Она родилась вероятно в 1723 г. Ее родителями были подданные Шведского королевства, лифляндские дворяне: Иоганн-Густав фон Пальменбах (1672-ок. 1730) и Ядвига-Маргарита фон Пальменбах (урожденная фон Китхаузен (von Kijthausen)) (в 1733 г., уже вдовой, проживала в Игасте). И отец Ядвиги-Елены, и его родные братья: Отто-Генрих фон Пальменбах и Мартин-Андреас фон Пальменбах (отец Г.-М. фон Пальменбаха.- А.М.) офицерами служили в армии Карла XII, и были активными участниками Северной войны (1700-1721). О.-Г. фон Пальменбах погиб 14 июля 1708 г. в битве при Головчине, а М.-А. фон Пальменбах сложил голову 29 сентября 1708 г. под Лесной. Ее отец вероятно побывал в плену дважды. В 1703 г. он попал в плен под Дерптом, второй раз в 1709 г., после разгрома шведской армии под Полтавой. Под конец своей военной карьеры он служил в Лифляндском вербованном драгунском полку, которым командовал полковник Густав-Карл фон Шрейтерфельт (von Schreiterfeldt) (ск. 1711). В плену капитан И.-Г. фон Пальменбах находился до июня 1722 г. Местом его пребывания в плену был сибирский г. Тобольск (23 января 1715 г. он получил в Туринске 50 рублей, которые ранее были перечислены, возможно его родственниками, в Москву [26]). Впоследствии он вернулся в Лифляндию. У Ядвиги-Елены была сестра Шарлотта-София (р. 1724?) (в первом браке: за Густавом-Иоанном Стокенбергом (Stockenberg) (1718-25.12.1745), во втором: за Николасом Спектом (Specht)). «Госпожа бригадирша» Я.-Е. фон Фредерздорф скончалась в Новой Конготе и была похоронена 19 января 1778 г. в Кавелехте (в современной Эстонии: Конгута и Кавильда) [1, 532-533; 27, 496-497].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Макидонов А.В. История Днепровской линии. Новые документы и материалы (1770-1797). Запорожье, 2021.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2. Оп. 10. Д. 461. Получено автором от историка Кирилла Васильевича Татарникова.
3. РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Получено автором от историков К.В. Татарникова и Михаила Юрьевича Катина-Ярцева.
4. <https://www.geni.com/people/N-von-Palmenbach/600000025593053866?through=6000000191885832838>
5. Волынский Н. История Лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка. 1701-1901. Том I. Книга II. (1701-1733). Приложения. С.-Петербург, 1902.
6. Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. Москва, 2010.
7. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том IX. 1733-1736. Санкт-Петербург, 1830.
8. Марков. История Лейб-гвардии кирасирского Ея Величества полка. С.-Петербург, 1884.
9. Татарников К.В. «Известно и ведомо да будет каждому...». Книги записи патентов выданных Военной коллегией в 1723-1796 гг. Т. 1-2. Москва, 2020.
10. Список офицеров Выборгского полка с основания его. Новгород, 1901.
11. Очерки из 200-летия прошлого Выборгского полка. Новгород, 1900.
12. Затворницкий Н. Ко 2-й Кольбергской экспедиции // Русская старина. Том сто тридцать третий. Январь.-Февраль.-Март. С.-Петербург, 1908.
13. Затворницкий Н. Ко 2-й Кольбергской экспедиции (Окончание) // Русская старина. Том сто тридцать четвертый. Апрель.-Май.-Июнь. С.-Петербург, 1908.
14. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Бяратинского полка (1726-1880). Том 1. С.-Петербург, 1881.
15. Воинской календарь на 1765 год с приложением генералитетских и штабских списков. В Санктпетербурге.
16. Воинской календарь на 1766 год с приложением генералитетских и штабских списков. В Санкт Петербурге.
17. Список находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штабофицерам. На 1767 год. В Санкт-Петербурге, 1767.
18. Список находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штабофицерам на 1768 год. В Москве.
19. Список воинскому департаменту, и находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб-офицерам, на 1769 год. В Санктпетербурге.
20. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. Москва, 1958.
21. П.А. Румянцев. Том II. 1768-1775. Москва, 1953.
22. Список воинскому департаменту, и находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб-офицерам, на 1770 год. В Санктпетербурге.
23. Список воинскому департаменту, и находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб-офицерам, на 1771 год. В Санктпетербурге.
24. Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). Запорожье, 2014.
25. РГВИА. Ф. 2. Оп. 13. Д. 69. Получено автором от историка К.В. Татарникова.
26. Сообщено автору историком Галиной Викторовной Шебалдиной.
27. Lewenhaupt A. Karl XII: s officerare. Biografiska anteckningar. Andra delen. L-Ö. Stöckholm, 1921.

ИСТОРИЯ ДНЕПРОВСКОЙ ЛИНИИ (1770–1797)

Новая пограничная Линия (Днепровская линия). Начало

Начавшаяся 25 сентября 1768 г. война с Турцией, сделала для России вопрос об укреплении русско-турецкой границы на крымском направлении жизненно необходимым.

27 июля 1769 г. на заседании Совета при Высочайшем Дворе (Совет) (возглавлявшееся императрицей государственное учреждение, созданное для координации всех сил Государства на период войны, в состав которого входили государственные деятели высшего эшелона власти), член Совета, вице-президент Военной коллегии, генерал-аншеф, граф Захар Григорьевич Чернышев (1722-1784) поднял вопрос о создании пограничной оборонительной Линии, которая должна была тянуться «от Днепра до Азовского моря». Для этого дела он предложил «отправить немедленно» знающего инженерную науку человека, который бы на месте создал проект и планы той Линии. Ему же должно было быть поручено определить: необходимое количество строительных рабочих для этой задачи, способы доставки для будущей Линии «материалов и прочаго» и примерную стоимость всего проекта. Предложение графа З.Г. Чернышева было поддержано членами Совета и было решено обратиться к императрице за утверждением этих решений [1, 31].

30 июля 1769 г. на заседании Совета было принято решение составить рескрипт, в котором было бы предписано генерал-поручику Магнусу-Иоганну (Максиму Васильевичу) фон Бергу (1720-1784), командовавшему корпусом на крымском направлении, «удержаться» на Конских Водах для обеспечения безопасности «знающему инженерную науку генералу», который будет послан в те места для составления проекта Линии [1, 31].

4 августа 1769 г. последовал указ императрицы Екатерины II данный Военной коллегии, по которому член Военной коллегии, генерал-поручик Михаил Алексеевич Деденев (1721-1786), дослужившийся в 1759 г. до чина инженер-генерал-майора и числившийся по 1766 г. в инженерном ведомстве, был послан во главе команды военных инженеров «для осмотра положения мест от Днепра до Азовского моря, и для прожектирования с той стороны границам империи... укрепления» [2, 97].

Перед отправлением для выполнения порученной ему «комиссии», генерал-поручик М.А. Деденев был на аудиенции у императрицы, которая «изустно» поручила ему также осмотреть укрепления Таганрога и Азова [3, 209].

Возвратившись в Санкт-Петербург из Приазовья, где он пробыл неполный август, сентябрь и неполный октябрь месяцы, генерал-поручик М.А. Деденев представил 2 ноября 1769 г. в Военную коллегию рапорт о том, что согласно порученному ему делу, насколько позволило ему время (надвигающаяся зима не позволила воинскому корпусу, назначенному для прикрытия инженерных работ, находиться долее в степи), место будущего строительства Линии, «между Азовского моря и Днепра», он осмотрел, и что по его повелению были сняты «нужнейшим местам» планы [2, 98].

В Санкт-Петербурге генерал-поручиком М.А. Деденевым, по материалам приазовской экспедиции, были выполнены генеральная карта местности лежавшей между Азовским морем и Днепром, с показанием на ней проектируемых укреплений, а также отдельные планы большим и малым крепостям будущей Линии и фортификационному объекту между истоками рек Берды и Конские Воды- линии в Линии. Также им были составлены десять ведомостей, в которых было отражено: количество рабочих (с зарплатой и провиантом) требующееся для возведения в течение 6 лет фланговых и батальонных крепостей, укрепленной линии между истоками рек Берды и Конские Воды, и 20 плотин со спусками на тех же реках; количество и ассортимент материалов, припасов, инструментов и денежных средств для этого дела; количество войск требующееся как для охраны строительства, так и для постоянного нахождения в крепостных гарнизонах Линии; количество артиллерийских орудий и боеприпасов [2, 98].

13 февраля 1770 г. генерал-поручик М.А. Деденев представил в Военную коллегию рапорт (N 24) с отчетом о проделанной им работе и его соображениями по строительству Линии, а также карты, планы, и десять ведомостей. Ранее, 24 января 1770 г., генерал-поручик представил в Военную коллегию рапорт (N 19), в котором высказал свои соображения об оборонительных сооружениях Таганрога и Азова [2, 98; 3, 209].

20 марта 1770 г. Военной коллегией, от имени ее членов: генерал-аншефа, графа З.Г. Чернышева и генерал-поручика, барона Томаса-Юстуса (Фомы Григорьевича) фон Дица (1711-1771), на высочайшее рассмотрение был представлен доклад (под исходящим N 164), к которому были приложены: копии рапорта и ведомостей генерал-поручика М.А. Деденева, и оригиналы составленных им карт и планов Линии. В докладе был сделан общий обзор полученных Военной коллегией от генерал-поручика М.А. Деденева материалов и сообщалось, что все они были предварительно направлены на рассмотрение члена Совета, генерал-фельдцейхмейстера и над фортификациями генерал-директора, графа Григория Григорьевича Орлова (1734-1783). Который в ответном рапорте в Военную коллегию сообщил, что рассмотрел проект новой Линии совместно с членами Главной

канцелярии артиллерии и фортификации и находит, что выбор местоположения этого фортификационного объекта сделан удачно, что должно положительно сказаться на экономии средств и времени для его возведения. Им было отмечено, что в случае создания этой Линии, находившиеся перед границей, впереди Украинской линии, города Бахмут, Тор и Изюм будут тогда под надежной защитой. Также им была положительно оценена обороноспособность всех спроектированных крепостей Линии и отмечено, что фланговые крепости Линии могут, во время войны, служить как плацдармами для войск, так и армейскими складами. Генерал-фельдцейхмейстер сделал несколько критических замечаний о включенных в проект плотинах, указав, что прежде чем приступить к их устройству и получить от этого нужный эффект, требуется собрать достоверные сведения об их будущем месторасположении (свойства в тех местах грунта, как ведут себя реки, на которых планируются плотины, во время половодья и т.п.) и учесть, что и на их содержание и ремонт, в будущем, также потребуются определенные суммы. Со стороны Военной коллегии в докладе императрице было выражено согласие с мнением генерал-фельдцейхмейстера и была высказана мысль, что после высочайшего утверждения проекта Линии, тот кому ее строительство будет поручено, учтет все эти замечания, и уже непосредственно на месте строительства найдет решение, каким именно образом, плотинами, как планировал генерал-поручик М.А. Деденев, или как-нибудь еще, укрепить тот участок Линии. И об этом, а по высочайшему утверждению проекта Линии, и о составлении штатов, полагающимся на Линии войскам, Военная коллегия обязывалась доложить императрице. Военной коллегией сообщалось также, что на создание всего воинского гарнизона Линии и казацким командам при ней требуется сумма в 291451 рубль 40 копеек, а на ежегодное содержание этих воинских подразделений - 193162 рубля 82 копейки [2, 97-98].

22 марта 1770 г. на заседании Совета, в присутствии императрицы Екатерины II, были зачитаны доклад Военной коллегии и проект Линии генерал-поручика М.А. Деденева. По рассмотрении, проект Линии был найден выполненным по всем правилам инженерной науки. Но из-за его стоимости, признанной членами Совета, в виду существовавших «военных обстоятельств», чрезмерной, проект Линии было решено вернуть генерал-поручику М.А. Деденеву на доработку в сторону его удешевления. С тем однако, чтобы сохранилась и его обороноспособность против неприятеля [1, 32].

24 марта 1770 г. генерал-поручик М.А. Деденев был призван в Совет, где ему было объявлено решение Совета от 22 марта 1770 г. по созданию нового проекта Линии, с тем чтобы она «довольно была защитой от татар и не много потому стоила» [1, 32].

Первый проект новой пограничной Линии (Днепровской линии)

Рапорт

Рапорт генерал-поручика М.А. Деденева в Военную коллегию от 13 февраля 1770 г. (копия которого 20 марта 1770 г. была направлена на рассмотрение императрице Екатерине II), являлся по сути проектом новой пограничной Линии «между Азовского моря и Днепра», состоявшим из десяти разделов: от I) до X).

В I-ом разделе (введении) генерал-поручик сообщал о результатах порученного ему дела. А именно, что: 1-е, им сочинена «генеральная карта» территории по которой должна проходить новая Линия, с указанием где и какие укрепления должны быть построены; 2-е, всем этим укреплениям им составлены «особливые планы»: большим крепостям под литерой- А, малым под литерой- В, а линии в Линии под литерой- С; 3-е, им выполнены десять ведомостей (I-X) отражающих: I) количество работников требовавшихся, на первое время, к каждой фланговой крепости и им же зарплата и провиант на три месяца; II) требовавшейся на каждую фланговую крепость ассортимент материалов и инструментов и их примерная стоимость; III) количество войск необходимое для защиты рабочих в одной фланговой крепости и им же количество провианта (муки и круп) на три месяца; IV) количество, на первый случай, в одну фланговую крепость различных артиллерийских орудий, ружей и пистолетов и ко всему этому количество боеприпасов и артиллерийских материалов (указано также число ручных гранат); V) требовавшееся дополнительно для строительства одной фланговой крепости количество: рабочих, материалов и инструментов, провианта, денежных средств на все это; VI) необходимое на строительство одной батальонной крепости (на 14 месяцев) количество: материалов, инструмента, рабочих и им провианта, и заработной платы; VII) нужное (на 7 месяцев) для строительства укрепленной линии (восьмиверстный бруствер (вал), три ротных крепости и семь редутов) между истоками рек Берды и Конских Вод количество: работников и им провианта и зарплата, материалов и инструментов; VIII) требовавшееся для строительства на реках Берде и Конских Водах двадцати плотин со спусками количество: рабочих и им провианта и заработной платы, материалов и инструментов; IX) постоянное количество военнослужащих в гарнизонах двух фланговых и пяти малых крепостей, а также на укрепленной линии между истоками рек Берда и Конские Воды; X («генеральная») необходимое на 6 лет строительства всей Линии количество: рабочих и им провианта,

и зарплаты, средств на материалы и припасы. Отражены в ведомости также количество: провианта для строителей (на 6 лет) и для войск (на 3 месяца), требовавшихся для защиты строительства, и количество артиллерии на Линии.

Во II-ом разделе рапорта описаны природные объекты, по которым тогда шла русско-турецкая граница. Это реки Берда и Конские Воды, текущие, первая, на восток, а вторая на запад. Истоки этих рек начинались «в недалёком разстоянии» друг от друга из «разных крутых буераков». Генерал-поручик отмечал, что Берда, имеющая в длину «не больше 70-ти верст», течет «от запада несколько верст на восток». Далее, в месте где в нее впадает речка Каратыш она резко поворачивает на полдень к Азовскому морю, где впадает в озеро. Это озеро («Бердинское озеро».- А.М.) отделено от моря узким песчаным перешейком «сквозь которой видно прибывающая вода всегда свое движение имеет». Берега у Берды с самого начала «езде почти каменные и местами неприступны». О реке Конские Воды генерал-поручик М.А. Деденев приводит следующие сведения: длина ее «верст со ста», берега реки со стороны России, от истока до впадающей в нее реки Мечетной, т.е. на протяжении 50-ти верст, очень высокие, а с турецкой стороны до той же реки Мечетной, местность отлогая и ровная. Это приводит к тому, что именно в этом месте «татара» переходят границу для нападения на Украинскую линию и Бахмут. Далее от Мечетной, до самого Днепра лежит Великий Луг, а места здесь с обеих сторон границы лежат «высокия и болше гористыя». Все это и то что этот участок границы был относительно короток, привело его, как пишет автор рапорта, к мысли построить пограничную оборонительную Линию именно здесь.

В следующем, III-м разделе, генерал-поручик М.А. Деденев разъясняет где и по каким соображениям им намечены к строительству крепости и другие укрепления, обозначенные на приложенной к рапорту карте новой Линии. 1-е, на флангах Линии предполагались: на правом: у впадения реки Московки в Днепр крепость «средняго рояла (размера)», на левом: такого же размера крепость, у впадения реки Берды в Азовское море. По его мнению, обе эти крепости, помимо выполнения функции защиты границы, будут служить плацдармами и запасными магазинами (складами) для действующей армии. 3-е (так в тексте.- А.М.), при впадении Берды в Азовское море можно устроить «хорошую гавань». И, как следует из текста рапорта, он видит возможность возобновить гавань у острова Хортицы, действовавшую в 1737-1739 г. для базировавшейся там Днепровской флотилии, т.е. недалеко от места назначенного для правобережной крепости. В 4-х, он повествует о том, что в обе фланговые крепости, в одну Днепром, «по вычищении порогов», а в другую морем, удобно доставлять стройматериалы и продукты питания не только для этих крепостей, но и для всей Линии. И что этим крепостям, показанным на карте/плане под литерою «А», а также временным укреплениям, требующимся для защиты строителей, которые будут выполнять основную работу, сделаны планы и расчеты.

Между фланговыми крепостями, на реке Берде автор проекта полагал соорудить две «четвероугольные» «малого рояла (размера)» крепости (на карте/плане под литерою «В»). Которые должны были располагаться: одна у Мокрой Балки, другая у впадения речки Ратич в Берду.

Между истоками рек Конские Воды и Берда, где на несколько верст было «ровное» и потому удобное для пересечения границы неприятелем место, генерал-поручик считал нужным возвести непрерывную линию с двумя или тремя большими шанцами или ротными крепостями для ее усиления (на карте/плане под литерою «С»). Находившийся за российской границей, в семи верстах перед этой линией, курган «Могила Такмак» им предполагалось вначале занять усиленным воинским подразделением («деташаментом»), а со временем соорудить на нем блокгауз и сигнальный пост («мояк»). Что, по его мнению, даст возможность контролировать местность вдоль этой линии на несколько верст.

На реке Конские Воды, согласно проекту, нужно было возвести две или три крепости «малого рояла (размера)». Первую, у истоков этой реки, вторую, в 28-х верстах от первой и третью, на реке Мечетной или у Большого Луга (на карте/плане под литерою «В»).

Генерал-поручик М.А. Деденев также считал, что если устроить на этих реках плотины, то без непрерывной линии можно было бы и обойтись. Часть плотин он предполагал построить у описанных выше средних и малых крепостей, а другую часть между этих крепостей, с небольшим укреплением, чтобы можно было предотвратить внезапное нападение противника. Создание плотин, по его мнению, позволило бы поднять уровень воды в этих реках настолько, что они бы тогда преобразовались в «непроходимыя озера». Если же к тому по берегу устроить в разных местах небольшие укрепления, в которых смогут жить даже поселяне, то тогда летом «робкой татарин» переплывать их («озера») не отважится. Зимой же, чтобы лед в этих «озерах» был некрепким, дабы по нему ни пешему, ни конному нельзя было пройти, это можно сделать регулируя высоту воды в них с помощью тех же плотин, не давая замерзать ей на одном уровне.

Генерал-поручик также отметил, что на этих «озерах» можно будет построить, работающие от силы воды, лесопильные и мукомольные мельницы, «или какие фабрики завести».

Между реками Московкой и Конскими Водами, на протяжении 15 верст, тянулся Великий Луг. Автор рапорта считал нужным сделать проект «укреплениям», которые бы на этом расстоянии защищали границу в зимнее время, так как в летнее время эти болотистые и топкие места итак не дадут проехать неприятелю.

Отмечая плюсы и минусы сооружения на реках Конских Водах и Берде плотин, генерал-поручик писал, что на первой реке должно быть примерно восемь плотин, а на второй около десяти (всего около двадцати). А что устроить между плотинами- редуты или укрепленные селения?,- он пока сказать не мог. Устройство плотин, как он считал, обойдется казне в 51842 рубля.

Далее он приводил преимущества новой Линии, к которым относил: 1-е, новая Линия, расположенная на сравнительно коротком расстоянии, будет прикрывать местность и населенные пункты, которые до того были не защищены от набегов неприятеля. 2-е, на содержание этой Линии будет расходоваться меньше средств чем на Украинскую линию. 3-е, Линия будет прикрывать также «дистанцию» в 300 верст, от Изюма до Таганрога, что сделает ненужным строительство крепостей для защиты этой территории, которые были бы необходимы, если эту Линию не построить. 4-е, создание Линии обеспечит защиту незаселенной территории в несколько десятков тысяч квадратных верст, от Украинской линии до Конских Вод и от Таганрога до Берды, что позволит со временем освоить эти земли.

В IV-м разделе речь идет о количестве работников требовавшихся для возведения фланговых крепостей и о их проживании в условиях военного времени. Автор проекта полагал, что для строительства каждой из этих крепостей необходимо 2160 человек. Для жилья работников, которое служило бы им также и защитой от неприятеля, нужно было построить на прикрытом пути каждой возводимой крепости, расположенные в виде редантов капоныры, которые снаружи требовалось обнести рогатками (на отдельных чертежах под литерою «А»).

V-й раздел содержал соображения генерал-поручика по поводу заготовки рогатин и брусьев для фланговых крепостей. Для фланговой крепости на Азовском море эти деревоматериалы можно было, по его мнению, заготовить на Донце. А оттуда их требовалось доставить или в крепость Святого Дмитрия или в Таганрог. Далее на судах, по морю они должны были попасть к месту строительства на Берду. В случае же если за неимением пристани выгрузка там будет невозможна,- выгружаться в устье Калмиуса. На Белосарайской косе, на первое время, можно устроить склад с небольшим укреплением. И оттуда уже доставлять эти материалы посуху на волах или лошадях. Волон же к этому делу требовалось 300 пар. Впоследствии их можно было бы использовать на других работах.

Для фланговой крепости на Днестре эти же деревоматериалы он полагал доставлять Днестром на судах или плотами до реки Московки. Если же Днестровские пороги не позволят это осуществить, то перед ними необходимо было сделать склад и небольшое укрепление. Откуда провиант и все что требуется для строительства крепости, кроме леса, доставлять посуху. Для выполнения этой работы нужно было задействовать около 100 пар волон. Лес же, как считал генерал-поручик, можно сплавлять по воде. Также он предлагал весной или летом 1770 г. послать к порогам инженерную команду, которая бы составила проект приведения порожистого участка Днестра в судоходное состояние. К работам по строительству плотин и батальонных крепостей на Конских Водах нужно было задействовать, как и на Берде, 300 пар волон.

В VI-м разделе генерал-поручик предлагал, на первое время, для обеспечения безопасности строителей занятых на работах по возведению фланговых крепостей, привлечь, к каждой крепости, по два полка пехоты и по три тысячи нерегулярных войск. Это он обосновывал тем, что у крепости на Берде существовала опасность высадки с моря неприятельского десанта. Для фланговой крепости на Днестре требовалась такая защита, потому-что рассчитывать «на верность» (вероятно, как на военную силу) запорожских казаков, было мало надежды. Для центральной части Линии, точное количество работников и войск для их защиты генерал-поручик указать не смог. Так как это, по его мнению, зависело от развития ситуации на крымском театре военных действий. В целом, по его подсчетам, для защиты этого участка Линии и сообщения с фланговыми крепостями требовалось от пяти тысяч военнослужащих до войскового корпуса. Причем он указывал, что эти войска, согласно по проекту, будут располагаться в центре Линии, в ротных шанцах и их можно было бы задействовать, и в строительных работах.

В VII-м разделе автор рапорта приводил приблизительные суммы (так как сколько будут стоить точно материалы и припасы привезенные издалека к месту строительства он сказать не мог), в которые могут вылиться создание отдельных фортификационных объектов Линии, и всей Линии в целом. По его прикидкам, будут стоить: обе фланговые крепости среднего размера- 629198 руб., пять малых крепостей – 414292 руб., линия в Линии- 20354 руб., плотины- 51842 руб. А на всю Линию потребуется- 1178549 руб. 79 коп.

VIII-й раздел содержит данные о количестве воинского контингента требовавшегося для постоянной службы на Линии. Генерал-поручик полагал, что на Линии должно было быть: в каждой из

фланговых крепостей- 4 батальона (всего- 8), к этим же крепостям (к каждой), по 500 человек казаков; в каждую из пяти малых (батальонных) крепостей и в редуты к плотинам, которые будут у этих крепостей- по 1 батальону (всего- 5); на линии в Линии- 1 батальон; к каждой малой крепости и к линии, по 100 человек казаков (всего- 600). Итого получалось: 14 батальонов и 1600 казаков.

В IX-м разделе генерал-поручик делится своими соображениями о составе и функциях военно-административного аппарата на Линии. Так Главным командиром Линии и обер-комендантом, который должен был находиться во фланговой крепости у Днепра, он предлагал назначить генерал-майора с хорошим знанием инженерного дела. Ему же должно было быть поручено и командование всеми работами на Линии, и «чищение порогов». Во фланговой крепости на Берде должен был состоять комендант в звании бригадир «со знанием фортификации». На батальонных командиров пяти малых крепостей, по его мнению, можно было бы возложить и функции комендантов. Для строительства всей Линии необходимо было два инженерных штаб-офицера и к ним достаточное количество инженерных обер-офицеров. Артиллерийских служителей, на первое время, требовалось также два штаб-офицера с «пристойным» числом обер-офицеров. Артиллерийских рядовых должно было быть по числу артиллерийских орудий, количество которых во фланговых крепостях указывалось в IV-й ведомости. Военно-медицинский персонал Линии должен был состоять из: одного доктора, одного штаб-лекаря и батальонных лекарей. На Линии также должна была быть устроена полевая аптека с ее служителями.

В X-м, заключительном разделе рапорта генерал-поручик предлагал меры, которые могли бы, при общей скудости лесных угодий в этом крае, помочь сберечь лес в районе строительства Линии. 1-е, он отмечает, что по Днепру, выше и ниже реки Московки имелись немалые по площади леса, среди которых он особо выделяет дубравы. Он призывает всячески беречь этот лес от вырубки для нужд отопления как военнослужащих, так и рабочего люда. Генерал-поручик предлагает для этой цели собирать валежник и прорежать большие деревья ручными пилами, а молодые деревья вовсе не трогать. 2-е, он предлагает для экономии употребляемого для строительства леса не тесать бревна, а всегда распиливать их на доски, чтобы получаемый при этом горбыль шел на крыши строений. Что, по его мнению, можно будет делать двуручными пилами, пока там для этого не появятся «водяные и ветряные к тому машины». 3-е, генерал-поручик предлагает строить жилые дома и казармы не из бревен, а по типу каркасных мазанок (чертежи на листе под литерою «В», N 4). 4-е, крыши всех казенных и частных строений он рекомендует крыть не досками и дранью, а делать их, по примеру других стран (Швеции, Финляндии), из дерна. Так они, по его мнению, будут только прочнее и пожаробезопаснее. 5-е, вместо установки деревянных палисадов (частокола) в фортификационных сооружениях, он предписывает высаживать терновник. Если же есть острая необходимость именно в палисаде, то он предлагает делать его тогда «подвижным», т.е. съёмным и в мирное время хранить в помещении. 6-е, в крепостях он советует устанавливать пушки не на сплошные деревянные платформы, а только на два бруса под колеса лафетов. Толстые же доски, требующиеся для мощения в крепостях во время войны, в мирное время следует держать в «сараях» (чертеж под литерою «В», план N 3, профиль N 4). 7-е, он заверяет, что при устройстве новой Линии, выгорание из-за поджогов каждым летом степей и выпас татарами в российских границах скота, причинявшие росту лесного молодняка непоправимый ущерб, прекратятся. И тогда можно будет озаботиться о «размножении лесов».

В заключении своего рапорта генерал-поручик М.А. Деденев, обращаясь к Военной коллегии, отмечал «прилежность и труды» полевых и инженерных офицеров, которые находились вместе с ним в командировке [2, 98-102].

Проектные ведомости (I-X)

Десять проектных ведомостей графически представляют собой расчерченные на графы таблицы. Ведомости эти отражают:

I-я) Количество работников требовавшихся, на первое время, к каждой фланговой крепости и им же зарплата и провиант на три месяца. При каждой фланговой крепости должно было быть 2500 человек строителей. Из них: лопатников- 2160, столяров- 10, плотников- 100, кузнецов и слесарей- 20, каменщиков- 200 и оконных мастеров- 10. В день им должно было платиться: лопатникам по 5 копеек, всем остальным по 7 копеек. Также, при строительстве каждой из этих крепостей должно было быть по 300 пар волов с 300 погонщиками к ним. У погонщиков оплата в день должна была быть по 5 копеек.

II-я) Требовавшейся на каждую фланговую крепость ассортимент материалов и инструментов и их примерная стоимость. В ведомости перечислено огромное количество вещей на общую сумму: 8452 рубля 86 копеек. Также в ведомости была приведена сумма в 4000 рублей, необходимая на непредвиденные расходы.

III-я) Количество войск необходимое для защиты рабочих в одной фланговой крепости и им же количество провианта (муки и круп) на три месяца. Согласно ведомости, при одной крепости должно было быть два полка пехоты и 3000 человек «лежких войск».

IV-я) Количество, на первое время, в одну фланговую крепость различных артиллерийских орудий, ружей и пистолетов и ко всему этому количество боеприпасов и артиллерийских материалов (указано также число ручных гранат). Выходило, что при фланговой крепости должно было быть: пушек (3-х, 6-ти, 12-ти, 18-ти и 24-х фунтовых)- 170, мортир (1-го, 2-х, 5-ти и 9-ти пудовых)- 30, гаубиц (2-х пудовых)- 6, мортирок (6-ти фунтовых)- 100, шуцеров винтовальных- 500. На каждое орудие должно было быть пороха, бомб и ядер на 300 выстрелов. Картечи на каждую пушку на 30 зарядов. Гранат ручных- 96000 штук.

V-я) Требовавшееся дополнительно для строительства одной фланговой крепости количество: рабочих, материалов и инструментов, провианта, денежных средств на все это. По этой, уточняющей I-ю ведомость, ведомости, к строительству крепости требовалось: рабочих людей (лопатников)- 2160; мастеровых: столяров- 10, токарей- 2, резчиков- 2, маляров- 2, слесарей- 2 и их помощников- 6, кузнецов- 10 и к ним работников- 10, плотников- 80, «печников и кирпичников»- 166, фундаментщиков- 40, бочаров- 7 и оконных мастеров- 3. Выходили все те же 2500 человек строителей. Не изменилось в этой ведомости и количество пар волов и их погонщиков. Всего же стоимость одной фланговой крепости, в которую, исключая затраты на провиант, входили: цена материалов, припасов и инструментов, и заработная плата строителям, составляла 314597 рублей 11 копеек.

VI-я) Необходимое на строительство одной батальонной крепости (на 14 месяцев) количество: материалов, инструмента, рабочих и им провианта, и заработной платы. При каждой батальонной крепости должно было быть 1275 человек строителей. Из них, рабочих людей (лопатников)- 1105, токарей- 2, столяров- 6, маляров- 2, плотников- 50, слесарь-1 с 2-мя помощниками, кузнецов- 3, кирпичников и каменщиков- 100, бочаров- 2 и оконных мастеров- 2. В день им должно было платиться: лопатникам по 5 копеек, всем остальным по 7 копеек. При строительстве всех пяти батальонных крепостей должно было быть 1200? пар волов с 600 погонщиками к ним. Стоимость одной батальонной крепости, в которую, исключая затраты на провиант, входили: цена материалов и инструментов, и заработная плата строителям, составляла 80338 рублей 54 копеек. Все пять батальонных крепостей должны были обойтись казне в 414292 рубля 70 копеек.

VII-я) Нужное (на 7 месяцев) для строительства укрепленной линии (восьмиверстный бруствер (вал), три ротных крепости и семь редутов) между истоками рек Берды и Конских Вод количество: работников и им провианта и зарплаты, материалов и инструментов. На строительстве восьмиверстного бруствера (вала) должно было быть задействовано 1798 человек (1498 «рабочих людей» и 600 «повошников»). В день им должно было платиться по 5 копеек. Стоимость этой работы, исключая затраты на провиант, составляла: 20354 рубля 92 копейки. На строительстве одной ротной крепости должно было трудиться: лопатников- 242, столяров- 4, токарей- 2, кузнецов с помощниками- 8, плотников- 64, оконных мастеров- 4, бочаров- 4, кирпичников и каменщиков- 50 (на строительстве трех крепостей: 1134 человек). Казне стоимость (без затрат на провиант) строительства ротной крепости должна была обойтись в 16665 рублей 75 копеек. Все три ротных крепости должны были стоить, соответственно: 49997 рублей 25 копеек. На строительстве одного редута предполагалось задействовать 100 человек строителей (30 «рабочих людей» и 70 «мастеровых»). Строительство всех семи редутов должно было стоить (без стоимости провианта): 20762 рубля 84 копейки. При этом на строительстве и ротных крепостей, и редутов землекопы получали по 5 копеек в день, а «мастеровые» по 7 копеек за тоже время. Таким образом на всей линии должно было трудиться 3632 человека, а стоить она должна была 87965 рублей 1 копейку (91115 рублей 1 копейку.- А.М.).

VIII-я) Требовавшееся (на 7 месяцев) для строительства на реках Берде и Конских Водах двадцати плотин со спусками количество: рабочих и им провианта и заработной платы, материалов и инструментов. Для этой работы требовалось строителей: 1862 землекопа и 300 погонщиков с 300-ми парами волов, и 205 «мастеровых». Эта работа обошлась бы казне (без стоимости провианта) в 51842 рубля 86 копеек.

IX-я) Постоянное количество военнослужащих в гарнизонах двух фланговых и пяти малых крепостей, а также на укрепленной линии между истоками рек Берда и Конские Воды. Согласно ведомости, фланговую крепость у Днепра, которая должна была быть главной на Линии, должен был возглавлять обер-комендант в генерал-майорском звании. В этой крепости должен был быть гарнизон состоящий из 4 батальонов пехоты и 500 казаков. Вторая, фланговая крепость на Берде, должна была быть под началом коменданта в звании бригадир. Гарнизон этой крепости должен был быть подобен гарнизону первой крепости. В пять малых крепостей и на линию между истоками рек Берда и Конские Воды комендантами предполагалось назначить батальонных командиров. Во всех этих крепостях и на линии должно было быть по 1 батальону пехоты и по 100 казаков (всего: 14 батальонов и 1600 казаков).

X-я («генеральная») Необходимое на 6 лет строительства всей Линии количество: рабочих и им провианта, и зарплаты, средств на материалы и припасы. Отражены в ведомости также количество: провианта для строителей (на 6 лет) и для войск (на 3 месяца), требовавшихся для защиты

строительства, и количество артиллерии на Линии. Ведомость показывает, что строительство Линии должно было длиться 6 лет, и проходить в пять этапов. В первые два года должны были быть построены две фланговые крепости. На строительстве которых должно было быть занято 5000 человек строителей (4320- «рабочих» и 680- «мастеровых») и 600 погонщиков «при валах». Стоимость (без затрат на провиант) этих крепостей составляла- 629198 рублей 22 копейки. Во вторые два года планировалось возвести пять батальонных крепостей. На строительстве этих крепостей должно было быть задействовано 6375 человек строителей (5525- «рабочих» и 850- «мастеровых») и 600 погонщиков «при валах». Стоимость (без затрат на провиант) этой работы- 414292 рубля 70 копеек. Следующий (пятый) год требовалось потратить на возведение линии с тремя ротными крепостями и семью редутами. На строительстве которых должно было работать 2434 человек «рабочих людей» и 898 человек «мастеровых», и 300 погонщиков «при валах». И последний, шестой год должен был уйти на сооружение двадцати плотин со спусками. На их строительстве должны были быть задействованы 1862 человека «рабочих людей» и 206 человек «мастеровых», и 300 погонщиков «при валах». Вся эта работа по возведению линии с тремя ротными крепостями и семью редутами, и двадцати плотин со спусками, стоила (без затрат на провиант)- 135058 рублей 83 копейки. Предполагалось также, что высвободившиеся работники, которые не будут участвовать в строительстве линии между истоками рек Берда и Конские Воды и плотин на этих реках, могут быть направлены на неоконченные работы в батальонных крепостях. В «генеральной» ведомости приведена и сумма (без затрат на провиант) требовавшаяся на строительство всей Линии- 1178549 рублей 79 копеек. Заключает ведомость список артиллерийских орудий, которыми предполагалось оснастить всю новую Линию. Так, в двух фланговых крепостях должно было быть: пушек (3-х, 6-ти и 8-ми, 12-ти, 18-ти, и 24-х фунтовых)- 280, гаубиц (2-х пудовых)- 12, мортир (1-го, 2-х, 5-ти, 9-ти пудовых)- 60, мортирок (6-ти фунтовых)- 200 (всего: пушек- 292, мортир и мортирок- 260). Оснащение артиллерией пяти батальонных крепостей должно было состоять из: пушек (3-х, 6-ти и 8-ми, 18-ти фунтовых)- 520, мортир (2-х пудовых)- 40. Артиллерийский арсенал трех ротных крепостей должен был включать: пушек (3-х, 8-ми, 18-ти фунтовых)- 96, мортир (2-х пудовых)- 6. На семь редутов приходилось: пушек (3-х, 8-ми фунтовых)- 56. Итого, на всю Линию выходило: пушек- 1014, мортир и мортирок- 378 (на самом деле- 306.- А.М.) [2, 102-121].

Карта и планы первого проекта новой пограничной Линии (Днепровской линии)

Самое непосредственное отношение к первому проекту новой Линии имеют две цветные карты подписанные генерал-поручиком М.А. Деденевым и датированные, как и его рапорт в Военную коллегию, 13 февраля 1770 г. Обе карты находятся в одном архивном деле, в котором они представлены как лист 1 (карта) и лист 2 (карта / план) [2, 498-508].

Первая карта (лист 1), имеющая размеры (примерные) 65 x 138 см, называется: «Карта последней границе между Российской империи и Атаманской порты, от реки Буга до Азова, с показанием Украинской и вновь прожектированной теперь Линии, между Днепра и Азовского моря, по реке Конским Водам и Берде, какие где укрепления прожектированы а именно...». Т.е., судя по названию, эта карта была призвана показать место новой Линии в системе территориально-политических координат всего Северного Причерноморья. Если условно разделить эту карту по длине на две части, верхнюю и нижнюю, то в ее нижней части, находится картуш (в левом углу) в виде листа бумаги с подвернутыми и потрепанными краями, на котором помещена легенда карты с ее названием, с указанием месторасположения фортификационных объектов Линии, и линейным масштабом (мерная линейка разделена справа от нуля на 5 частей, каждая из которых составляет 10 верст, а слева от нуля на одну часть в 10 верст, которая в свою очередь разбита на 10 отрезков, каждый в 1 версту). Также в нижней половине изображены: часть Черного и Азовского морей, и «Часть европейской Турции». В верхней части представлены: «Молдавия», «Часть Польши» и «Часть Российской империи» без деления на губернии и уезды. Причем территории принадлежавшие и контролировавшиеся Турцией окрашены в желтый цвет, а Польша, Россия, и Барьерные земли показаны в белом цвете. На карте указаны как бывшие ранее границы между Россией и Турцией за 1700 и 1714 г., так и существовавшая на то время реальная, установленная в 1742 г., граница. Перед границей 1714 г. показана, тянувшаяся по реке Орели до реки Донец Украинская линия. И наконец, показан проект новой пограничной Линии, шедшей от реки Московки, впадающей в Днепр, по рекам Конским Водам и Берде, до Азовского моря. Две фланговые крепости среднего размера, обозначенные на карте литерой «А», показаны, одна при устье Московки, другая при устье Берды. Причем крепость на Московке изображена в двух вариантах: ее можно было возвести как на левом, так и правом берегу этой реки. Это зависело от того- какой из этих вариантов окажется лучше. Пять крепостей малого размера обозначены литерой «В». Две из них изображены на реке Берде: одна при балке Мокрой, другая при устье речки Ратыч впадающей в Берду. Три другие крепости показаны на реке Конские Воды. Одна недалеко от истоков этой реки, вторая почти по ее центру и третья на правом берегу (у устья) речки Мечетной впадающей в Конские Воды. Между истоков рек Конских Вод и Берды, под литерой «С», на карте представлена линия, которая

должна была состоять из вала, трех ротных крепостей и редутов. На карте две крепости, одна среднего размера у устья Берды и другая малого размера у балки Мокрой, показаны на территории, обозначенной как «Бывшая барьерная земля», находившейся за русско-турецкой границей 1742 г. (т.е. во время войны договоры между Россией и Турцией, определявшие статус барьерных земель, утратили для России свою актуальность) [2, 498-501].

Вторая карта / план (лист 2) имеет размеры (примерные) 106 x 140 см. Она разделена по длине на две части. Из которых нижняя часть несколько меньше верхней. В этой нижней части помещен проект новой пограничной Линии, подобный, но больший по масштабу, изображенному на листе 1-м. Однако здесь, во все поле этой части, показана только Линия сама по себе, без каких-либо административно-территориальных образований. Здесь же в правом нижнем углу помещен картуш (все картуши на карте / плане представлены в виде листа бумаги с подвернутыми и потрепанными краями) с экспликацией, в которой приведены: название карты («Карта части последней границы Российской империи с Атаманскою портою между Азовскаго моря и Днепра, с показанием прожектированной Линии, по рекам Берде и называемой Конские Воды, сколько каких крепостей и в каких местах по сим рекам располагается»), указание месторасположения фортификационных объектов Линии, и линейный масштаб (мерная линейка разделена на 4 части, каждая из которых составляет 100 верст, при этом первая часть в свою очередь разбита на 10 отрезков, каждый в 10 верст). В легенде карты также приведены сведения, совпадающие с данными из «генеральной» X ведомости, о необходимом количестве артиллерийских орудий на Линии и денежной сумме требующейся на возведение в течении 6 лет всей Линии.

Верхняя часть карты / плана разделена вертикальной чертой на две неравные, левую и правую части. В первой (левой), большей по размеру части, представлены картуши с планами укрепленной линии между истоками рек Конских Вод и Берды, и планами фланговых крепостей Линии. Во второй (правой части), за вертикальной чертой, также на картушах, приведены описания как этих фортификационных объектов, так и описание (с графическим планом) мер требующихся для защиты работ по строительству фланговой крепости на Азовском море. Здесь же показаны: план батальонной крепости и профиль фланговой крепости.

Первым в левой части идет картуш под литерой «С» и N IV. На нем изображена укрепленная линия между истоками рек Конских Вод и Берды и «генеральной» линейный масштаб для фланговых и батальонных крепостей, и линии. На плане эта укрепленная линия показана состоящей из семи редутов и трех ротных крепостей, две из которых должны были находиться на флангах линии (на флангах показано и расположение плотин), а третья в ее центре. На этом же картуше расположены два картуша меньшего размера. На первом, под литерой «D» и N V изображен план редута с отрезком сплошного вала (бруствера) и профилем этого вала и рва перед ним. На втором, под литерой «D» и N V показан план ротной крепости с линейным масштабом и ее профиль (с поперечным масштабом), идущий через главный вал, покрытый путь и разрезной гласис. Редут на плане показан, с наружной стороны: с фланками и фасадами, со стороны которых можно было вести фронтальный, фланговый и перекрестный огонь. С внутренней стороны редут был устроен «наподобие тенали», здесь можно было осуществлять фланговый огонь внутренней части линии. Вокруг редута должен был быть ров, а внутри его планировались казармы «для салдат, артиллеристов и казаков». Согласно профилю линии, глубина рва перед валом линии была 14 футов (4,2 м), а его ширина составляла 28 футов (8,5 м). В высшей точке высота вала (бруствера) была 7 футов (2,1 м). Ротная крепость была симметричной звездной крепостью с 16 лучами. Ее условные длина и ширина (с гласисом), составляли примерно по 146 сажени (311,5 м). Внутренняя часть этой крепости представляла из себя квадрат, четыре угла которого образовывали «главные бастионы», а по его сторонам, выступая за них, находились, создавая полигональный фронт, четыре небольших бастиона с «казематами». Внутри крепости располагались различные постройки для ее гарнизона. Это восьмиугольное сооружение окружал ров глубиной в 14 футов (4,3 м), далее шел прикрытый путь и далее разрезной гласис. На картуше также были указаны: количество артиллерийских орудий в ротной крепости (пушек- 32, мортир- 2) и стоимость ее строительства- 16665 рублей. Впоследствии, сколько можно судить, именно этот план ротной крепости явился прообразом для двуротных крепостей второго проекта Линии.

Из описания укрепленной линии, приведенного на картуше в правой части карты / плана за вертикальной чертой, следует, что укрепленная линия должна была быть длиной 8 верст 35 сажени (8,6 км). Здесь же опять приводились ширина и глубина рва перед валом линии, соответственно- 4 сажени (8,5 м) и 2 сажени (4,3 м). Причем автор проекта полагал, что эту линию можно и продолжить, если ее длина будет недостаточна, для достижения полноводных русел Берды и Конских Вод, на которых требовалось, по флангам линии, возвести плотины. Указывалось также, что гарнизон редута на линии должен был состоять из 25 человек.

Следующий картуш под литерой «А» и N I представляет план фланговой крепости на Азовском море. На нем изображена звездная крепость с 25 лучами, с тенальным начертанием главной ограды

(литера «В»), с одной осью симметрии. Внутри этого сооружения показано «цивильное строение» для гарнизона (литера «А»). Крепость была вытянута по длине вдоль «Бердинского» озера, а одной стороной вплотную прилежала к Азовскому морю. Условные длина и ширина крепости были примерно: 600 саженей (1280 м) и 500 саженей (1066,8 м). Со стороны Азовского моря и «Бердинского» озера гласис у крепости отсутствовал (со стороны моря не было даже рва), т.к. отсюда нападение неприятеля не предполагалось. Со стороны моря ограда крепости была с бастионом в центре. С этой же стороны крепости, в море, предполагалось устроить защищенную гавань (литера «С»). Также на плане указывалось место где требовалось прорыть перешеек между морем и Бердинским озером, чтобы в последнем вода «не застаивалась» (литера «D»).

В описании к этой фланговой крепости, приведенного под литерой «А» и N I на картуше в правой части карты / плана за вертикальной чертой, помимо прочего, даны сведения, подобные изложенным в проектных ведомостях (NN I, III, IV, IX и X), о требовавшемся количестве: военнслужащих для защиты строительства (2 полка пехоты и 3000 казаков), рабочих для возведения крепости (2500 человек), волов и погонщиков к ним (соответственно: 600 и 300). Указаны также: цена строительства (314599 рублей), состав гарнизона крепости (4 батальона и 500 казаков) и необходимое на крепость число артиллерийских орудий (пушек- 170, мортир- 30, гаубиц- 6, мортирок- 100).

Из приведенного в этой же части карты / плана профиля фланговой крепости следует, что главное укрепление крепости должно было состоять из двух валов (брустверов), из которых первый был высотой 16 футов (4,8 м), второй (фоссебрея) 11 футов (3,3 м), за ними шел ров (шириной примерно 105 футов (32 м), глубиной 14,5 футов (4,4 м)), далее прикрытый путь (шириной 70 футов (21,3 м)), а за ним разрезной гласис.

В этой же части карты / плана, на отдельном картуше, представлено под литерой «А» и N VI описание мер, с приложением графического плана, требовавшихся для защиты от неприятеля строительства фланговой крепости на Азовском море. Так первоначально, нужно было по всему периметру строящейся крепости поставить деревянные рогатки. Затем, в плацдармах будущей крепости требовалось соорудить капониры, в которых можно было жить и обороняться. После этого, по периметру должен был быть насыпан вал (бруствер) разрезного гласиса, который бы окончательно обезопасил строителей и гарнизон от нападения. Автор проекта полагал, что если к этой работе привлечь 2000 человек, то на создание первоначального укрепления понадобится чуть больше месяца. Для возведения капониров требовалось 29000 двухсаженных бревен, а для обороны- 2000 двухсаженных рогаток. Из артиллерии, на первое время, было необходимо: пушек- 54, мортир- 8, гаубиц- 2 и мортирок- 32.

На картуше под литерой «А» и N II в левой части карты / плана изображены два варианта расположения фланговой крепости на реке Московке (Мокрой Московке.- А.М.) у Днепра. На плане один из вариантов (под значком- «солнце») предусматривал строительство крепости между левым берегом реки Московки (Мокрой Московки) и правым берегом реки Кучугум (Кучюгум). При втором варианте (под значком- «месяц») крепость должна была располагаться на правом берегу реки Московки (Мокрой Московки). Главная ограда звездной несимметричной крепости под значком- «солнце» на сторонах обращенных к реке Московке (Мокрой Московке) и к реке Кучугум (Кучюгум), сколько можно судить, должна была быть бастионного типа. На этих же сторонах крепости гласис предусмотрен не был. Остальная ограда этой крепости была тенального начертания (литера «В»). Внутри этого сооружения показано «цивильное строение» для гарнизона (литера «А»). Условные длина и ширина этой крепости были соответственно: примерно 550 саженей (1173 м) и примерно 470 саженей (1002 м). Оборонительная ограда звездной крепости (с одной осью симметрии) под значком- «месяц», на правом берегу Московки (Мокрой Московки), со стороны этой реки должна была быть бастионного типа. Гласиса на этой стороне ограды не было. Остальная ограда этой крепости была тенального начертания (литера «В»). Внутри этого сооружения показано «цивильное строение» для гарнизона (литера «А»). Условные длина и ширина этой крепости должны были быть, соответственно: примерно 580 саженей (1237 м) и примерно 550 саженей (1173 м). Под литерой «С» на плане показаны два варианта расположения плотины. Один из этих вариантов был для крепости под значком- «солнце», другой для крепости под значком- «месяц». Также на плане, напротив фланговой крепости, было изображено под литерой «D» укрепление для защиты пристани на Днепре. Укрепление представляло из себя два фельдшанца, находившихся на берегу Днепра на расстоянии один от другого примерно в 300 саженей (640 м). Между этими фельдшанцами был, соединяющий их, непрерывный вал со рвом перед ним.

В описании к этой фланговой крепости, приведенного под литерой «А» и N II на картуше в правой части карты / плана за вертикальной чертой, генерал-поручик указывал, что определить какой из двух вариантов расположения крепости лучший можно будет только после тщательной рекогносцировки местности. Помимо этого в описании приведены сведения о количестве: военнслужащих для защиты строительства, рабочих для возведения крепости, волов и погонщиков к ним. Указаны также: цена

строительства, состав гарнизона крепости и необходимое на крепость число артиллерийских орудий. Все эти данные идентичны сведениям приведенным в описании к фланговой крепости на Азовском море. Указаны здесь также стоимость как одной плотины (2592 рубля), так и всех двадцати плотин (51842 рубля) [2, 502-508].

В описании к этой крепости на карте / плане не представлено плана действий, требовавшихся для защиты ее строительства от неприятеля. Но то, что такой план был и то что он был подобен плану предусмотренному для фланговой крепости на Азовском море, видно из ранее осуществленной нами публикации [4, 448].

На этой же половине карты / плана, на отдельном картуше под литерой «В» и N III приведены графический план батальонной крепости и описание к нему. Это была звездная симметричная крепость с 32 лучами (по гласису). Внутри крепости показано «цивильное строение» для гарнизона (литера «А»). Ее условные длина и ширина были примерно по 300 сажень (640 м). Главная ограда этой крепости представляла из себя квадрат, по центру всех сторон которого, выступая за них, находились по одному бастиону с двумя полубастионами на его флангах (сколько можно судить, здесь применена полигональная система начертания укрепления). Далее шли: главный ров, прикрытый путь и разрезной гласис (литера «В»). Здесь же даны сведения о требовавшемся для возведения крепости количестве: рабочих (1275 человек), волов и погонщиков к ним (соответственно: 300 и 150). Указаны также: цена строительства (80338 рублей), состав гарнизона крепости (1 батальон и 100 казаков) и необходимое на крепость число артиллерийских орудий (пушек- 104, мортир- 6) [2, 502-508].

Второй проект новой пограничной Линии (Днепровской линии)

22 апреля 1770 г. генерал-поручик М.А. Деденев представил в Совет новый (второй), переработанный в силу пожеланий членов Совета, проект Линии, который был одобрен и на том же заседании было решено направить его на высочайшее утверждение [1, 32].

О новом, втором, проекте Линии выполненном генерал-поручиком, текст которого пока еще не найден, можно судить по ряду документов, которые так или иначе отражают изменения, которые были внесены в первый проект.

1) В первом проекте Линией должен был командовать Главный командир в должности обер-коменданта и в звании генерал-майор, который должен был находиться во фланговой крепости на Днепре. В другую фланговую крепость на Азовском море назначался комендант в звании бригадир. Предполагалось, что в остальных пяти малых крепостях должности комендантов могут исполнять командиры гарнизонов, звания которых не указывались. Во втором проекте должность Главного командира Линии была уже самостоятельной должностью, которую получил сам автор проекта Линии-генерал-поручик М.А. Деденев. Обер-комендантом Линии должен был стать офицер в звании бригадир. И находиться он должен был уже не во фланговой крепости, а в центральной крепости Линии-Кирилловской. Во все семь крепостей Линии были назначены коменданты в звании полковников [5, 224-225; 6, 131-135].

2) В первом проекте намечались к строительству десять крепостей. Из них: две- средние по размеру и пять- малые по размеру должны были располагаться по всей длине Линии от речки Мокрой Московки до Азовского моря, и три- ротные, предназначались для усиления укрепленной линии между истоков рек Конских Вод и Берды. Во втором проекте было семь крепостей: три- батальонные и четыре-двуротные. Линия между истоками пограничных рек укреплялась в этом проекте редутами [5, 224-225/ 226-227].

3) Первый проект предполагал, что две фланговые крепости будут состоять из гарнизонов в 4 батальона каждая. А в каждой из пяти малых крепостей будет находиться гарнизон в 1 батальон. Помимо этого на линии в Линии, в каждой из ее трех крепостей должен был располагаться гарнизон в одну роту и здесь же, в каждом из ее семи редутов должно было находиться по 25 солдат. В измененном проекте, на Линии стало три батальонных крепости- две на флангах (Александровская и Петровская) и одна в центре («на вершинах Конских Вод») (Кирилловская). Остальные четыре крепости (Никитинская, Григорьевская, Алексеевская и Захарьевская) должны были быть двуротными [5, 224-225/ 226-227]. Впоследствии, правда и в крепости Никитинской образовался гарнизон в 1 батальон (5-й Днепровский батальон).

4) Если в первом проекте всего на Линии должно было служить 14 батальонов и 1600 казаков, то в новом проекте, согласно штата Линии, утвержденного 3 мая 1770 г., батальонов назначалось на всю Линию- 5, а казаков 3 полка (1551 человек) [1, 34-36; 2, 121-122]. Есть также данные, что на Линии планировалось разместить 1890 казаков [5, 226-227].

5) В первом проекте всего на Линии должно было быть 1014 пушек и 306 мортир и мортирок. Во втором: «артиллерии разных калибров» (пушек?)- 580, мортир (2-х пудовых)- 20, а мортирок (6-ти фунтовых)- 39 [5, 226-227].

6) Первый проект предусматривал, что укрепленная линия, длиной 8 верст 35 сажень (8,6 км), между истоками рек Конских Вод и Берды будет состоять из трех ротных крепостей и семи редутов. Второй проект крепости вовсе отменял, намечалось, что на этой линии будет три «двойных» и семь «одинаких» редутов [5, 226-227]. В других документах двойные редуты еще назывались двойными фельдшанцами [5, 228-231]. Также, если в первом проекте непрерывный вал (бруствер) этой линии был высотой 7 футов (2,1 м), а ров перед ним был глубиной 14 футов (4,2 м), то во втором проекте, высота вала (бруствера) линии составляла уже 5 футов (1,5 м), а ров должен был быть глубиной 9 футов (2,7 м). Во втором проекте эта линия тянулась 8 верст (8,5 км), от крепости Алексеевской до одного из истоков реки Конских Вод, а на Токмак Могиле планировалось возвести блокгауз. В истоках рек Конских Вод и Берды, генерал-поручик предполагал поднять уровень воды с помощью плотин. Если в первом проекте стоимость этой линии составляла 87965 рублей 1 копейку (91115 рублей 1 копейку.- А.М.), то во втором проекте на нее планировалось потратить 59000 рублей [4, 82; 7, 134-135].

7) По сравнению с первым проектом, фортификационные сооружения Линии во втором проекте претерпели, в инженерном отношении, существенные изменения. Так, если в первом проекте главная ограда фланговых четырехбатальонных крепостей на Московке (Мокрой Московке) и на Азовском море состояла из комбинации полигональных и тенальных фронтов, то во втором проекте главная ограда каждой из этих фланговых, уже однобатальонных крепостей (Александровская, Петровская), в общем виде, должна была представлять из себя квадрат, по всем четырем сторонам которого, по центру их, должны были находиться, выступающие за главную ограду, окруженные собственным рвом (т.е. деташированные) четыре цитадели в виде замкнутых с горжи горн-верков с рavelинами перед ними, образуя в начертании полигональные фронты. Каждая из этих крепостей должна была быть окружена рвом, за которым следовал прикрытый путь, а далее разрезной гласис. Также, в новом проекте, по центру Линии, появилась батальонная крепость (Кирилловская), подобная по размеру и устройству этим новым фланговым крепостям. В первом проекте на реках Конских Водах и Берде должно было быть пять батальонных крепостей с оградой полигонального начертания. Главная ограда такой крепости представляла из себя квадрат, со стороной примерно в 140 сажень (ок. 298,7 м), по центру всех сторон которого, выступая за них, находились по одному бастиону с двумя полубастионами на его флангах. В новом проекте четыре батальонные крепости на этих реках были заменены на четыре двуротные крепости (Никитинская, Григорьевская, Алексеевская, Захарьевская) также с оградой полигонального начертания. Эти крепости были меньшего размера, главная ограда каждой из них представляла собой квадрат, со стороной примерно в 90 сажень (ок. 192 м), четыре угла которого образовывали бастионы, а по всем четырем сторонам квадрата, по центру их, должны были находиться, выступающие за квадрат бастионы. Эти крепости должны были быть окружены рвом, за которым следовал прикрытый путь, а далее гласис. Также, во втором проекте, на линии в Линии (Днепровская линия) ротная крепость была заменена двойным фельдшанцем, который представлял из себя восьмилучевое замкнутое земляное укрепление (окоп) со рвом, прикрытым путем и гласисом. Главная ограда двойного фельдшанца состояла из 6 полубастионов. Инженерные особенности земляных крепостей нового проекта позволяли вести оборону Линии сравнительно небольшими силами. Надо отметить, что и после утверждения нового проекта в планы крепостей Линии вносились различные изменения.

8) Первый проект предусматривал завершение всех работ на Линии в течении 6 лет, тогда как во втором проекте на это отводилось 5 лет.

9) Стоимость всей Линии (без провианта не вошедшего в цену) в первом проекте должна была быть 1178549 рублей 79 копеек. Тогда как стоимость Линии (со стоимостью провианта для строителей, но без учета «гарнизону и артиллерии транспортов») во втором проекте была на 561585 рублей 40 копеек меньше- 616964 рублей 39 копеек [2, 166-167; 5, 226-227].

Главные нормативные документы по строительству, устройству и функционированию новой пограничной Линии (Днепровской линии)

«Докладные пункты» Военной коллегии

26 апреля 1770 г. в Совете были рассмотрены, представленные Военной коллегией на утверждение императрицы, двенадцать «докладных пунктов», являвшиеся как общим планом мероприятий по организации строительства новой Линии «по рекам Берде и Московке», так и списком действий по ее военному устройству и функционированию. На этом же заседании Совета генерал-поручик М.А. Деденев был назначен Главным командиром Линии [1, 33].

Первые три докладные пункта касались Главного командира Линии, в них говорилось: о выборе кандидатуры генерала на эту должность, о добавлении к его жалованью надбавки в 250 рублей, из-за некомфортных условий его будущей службы и об его подотчетности генерал-фельдцейхмейстеру, и Военной коллегии.

В четвертом пункте указывалось, что инженеров на строительство Линии должен определить генерал-фельдцейхмейстер, а остальные офицеры будут назначены Военной коллегией.

Пятый пункт предписывал направить к строительству каждой из фланговых крепостей по 300 пар волов с погонщиками из Слободской-Украинской, Белгородской и Малороссийской губерний. Причем когда и куда им требовалось прибыть должен был решить Главный командир.

В шестом пункте запрашивалось- откуда будут выделяться средства на строительство Линии. При этом указывалось, что сразу же требуется сумма в 100000 рублей, да 50000 рублей на провиант и 10000 рублей на артиллерию. Также указывалось, что с 1 ноября 1770 г., каждые четыре месяца, на Линию должно будет выделяться по 60000 рублей.

Седьмой пункт предписывал, чтобы на Линии количество артиллерийских орудий было согласно артиллерийским штатам. В первое время предполагалось доставлять артиллерию на Линию из ближайших к ней крепостей, а впоследствии нужное число артиллерийских стволов и места откуда они будут поступать должен был определить генерал-фельдцейхмейстер.

В восьмом пункте указывалось, что для интересов дела необходимо как можно быстрее назначить к крепостям комендантов, артиллерийских и инженерных офицеров, на что требовалось высочайшее повеление.

Из девятого пункта следовало, что вместе с «докладными пунктами», на высочайшее утверждение от Военной коллегии «подносится» и штат Линии, в котором расписаны требующиеся на Линию пять гарнизонных батальонов, коменданты и прочие чины. Предполагалось, что после принятия штата, на содержание этих чинов должны быть высочайше утверждены и денежные средства, которые будут выделяться Военной коллегией. Со своей стороны Военная коллегия доводила, что после утверждения этого штата, генерал-фельдцейхмейстеру будет приказано составить артиллерийские и инженерные штаты.

В десятом пункте отмечалось, что после высочайшего утверждения «докладных пунктов», Военная коллегия, со своей стороны, приложит все усилия по созданию Линии.

В одиннадцатом пункте Военная коллегия просила императрицу наименовать фортификационные объекты Линии: три батальонные крепости, четыре двуротные крепости и линию с редутами.

Двенадцатый, заключительный, пункт содержал в себе просьбу утвердить определение на Линию, для оказания медицинской помощи как военным служащим, так и ее строителям: медработников (1 доктора, 4 лекарей и 4 подлекарей) и двух аптек с медперсоналом [1, 33-34].

Штат Линии (Днепровской линии) от 3 мая 1770 г.

3 мая 1770 г. императрицей Екатериной II был утвержден, составленный Военной коллегией, штат новой Линии. В штате, за подписью членов Коллегии генерал-аншефа, графа З.Г. Чернышева и генерал-поручика, барона Т.-Ю. фон Дица, было подробно расписано количество комендантов и плац-майоров, писарей в обер-комендантской и комендантских канцеляриях, число воинских команд (гарнизонные батальоны, казацкие полки) и их состав, число музыкантов, священников и церковников, лекарей, а также приведены денежные суммы, назначенные как личному составу Линии на жалованье, провиант, мундиры, амуницию, музыкальные инструменты, так и на фураж для лошадей.

Согласно штату, возглавлять Линию должны были 1 обер-комендант в чине бригадир и 7 комендантов в чинах полковников. Вероятно, в шести крепостях должно было быть по 1 коменданту, а в седьмой, главной крепости, обер-комендант Линии и комендант. При обер-коменданте и при каждом коменданте, в их канцеляриях, должны были числиться по 2 писаря (всего 16). В трех батальонных крепостях была учреждена должность плац-майора. Причем, ни обер-коменданту, ни комендантам денщиков не полагалось.

На Линии должны были служить пять пограничных гарнизонных батальонов укомплектованные из рекрут и солдатских детей. В две фланговые и в одну центральную крепость назначались по одному батальону, а в четыре двуротные крепости, и в линию в Линии должен был быть распределен личный состав остальных двух батальонов. Несмотря на то, что батальоны на Линии значились как пограничные, они тем не менее были организованы как внутренние батальоны. То есть они состояли из 5 строевых и 1 инвалидной роты, в которой, в свою очередь, было 30 человек мастеровых. Таким образом, в каждом батальоне Линии должно было находиться по 775 человек военным служащих, а не по 772 человека, как было положено в пограничном гарнизонном батальоне, состоявшем из 4 строевых, 1 инвалидной и 1 мастерской рот. Однако все же жалованье гарнизонным военным служащим Линии начислялось по окладу пограничных батальонов. При каждом батальоне должно было состоять 9 лошадей. В штате также указывалось, что два батальона из пяти будут укомплектованы в крепости Азов.

Военные музыканты на Линии должны были быть представлены: 3 дирижерами (капельмейстерами), причем оговаривалось, что они должны были быть иностранцами, и 3 оркестрами («хорами») «русских гобоистов», по 6 человек в каждом.

Церковную деятельность на Линии должны были осуществлять: 8 воинских священников и 16 воинских церковников. То есть на каждого из священников приходилось по 2 церковника.

Медицинская помощь военнослужащим Линии должна была оказываться 8 гарнизонными врачами.

Также для охраны и обороны Линии на ней должны были находиться 3 полка Донских казаков. В каждом из этих полков должно было быть в наличии 517 человек. Согласно штату, личный состав каждого казачьего полка состоял из: командира полка (полковника), 5 есаулов, 5 хорунжих, 5 сотников, 1 квартирмейстера и 500 рядовых казаков.

В штате также указывалось, что и в вопросе отчислений, «с кого надлежит», на медикаменты и госпиталь, и по всем другим делам, следует руководствоваться гарнизонными штатами утвержденными в 1764 г. [1, 34-36; 2, 121-122].

Высочайшая конфирмация «докладных пунктов» Военной коллегии

10 мая 1770 г. императрица Екатерина II утвердила двенадцать «докладных пунктов» Военной коллегии. Причем императрица, рассматривая этот документ, по некоторым пунктам, в которых Военная коллегия, напрямую обращаясь к ней, просила разрешить тот или иной вопрос, сразу выносила свою резолюцию.

На первый пункт, где Военной коллегией был поставлен вопрос о кандидатуре на должность Главного командира Линии, императрицей было решено: «Генерал-поручика М. Деденева».

На шестой пункт, в котором спрашивалось об источнике финансирования Линии, Екатерина II ответила, что для решения этого вопроса Военной коллегии следует обратиться к генерал-прокурору Сената.

На содержащееся в восьмом пункте, пожелание Военной коллегии как можно быстрее определить к крепостям комендантов и других, положенных по штату офицеров, императрицей было вынесено решение назначить, «на первый случай», трех комендантов.

На одиннадцатый пункт, в котором была просьба к государыне дать имена, заявленным в проекте, фортификационным объектам Линии: трем батальонным крепостям, четырем двуротным крепостям и «линии с ея редутами». Императрица вынесла резолюцию, согласно которой крепости получили следующие имена: Кирилловская, Александровская, Петровская, Никитинская, Захарьевская, Григорьевская и Алексеевская, а линия с редутами стала именоваться- Днепровской. Таким образом, названия получили как семь крепостей Линии, так и укрепленный участок Линии между крепостями Кирилловской и Алексеевской, который рассматривался как отдельный фортификационный объект- линия в Линии [1, 33-34]. После 1771 г. название- «Днепровская линия» стало применяться уже ко всей, до этого безымянной, Линии крепостей.

И наконец, под всем документом, утверждая его, Екатерина II начертала: «Быть по сему» [1, 34].

Указ Военной коллегии генерал-поручику М.А. Деденеву от 10 мая 1770 г.

10 мая 1770 г. был составлен указ Военной коллегии на имя генерал-поручика М.А. Деденева, подписанный ее вице-президентом генерал-аншефом, графом З.Г. Чернышевым. Указ состоял из преамбулы и 15 пунктов. К указу также был приложен, в копии, штат Линии.

В преамбуле указа генерал-поручику доводилось содержание уже утвержденных императрицей «докладных пунктов». Из двенадцати «докладных пунктов» вице-президент Военной коллегии сообщил, генерал-поручику, практически дословно, девять (1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 11 и 12). Три пункта (6, 9 и 10), касавшиеся: источника финансирования Линии, утверждения штатов и заверений Военной коллегии о приложении всех усилий по созданию Линии, были им опущены. Здесь же, генерал-поручику М.А. Деденеву, уже как Главному командиру Линии сообщалось, что после получения этого указа, ему следует немедленно явиться, для получения распоряжений, к генерал-фельдцейхмейстеру, до которого уже было доведено указом Военной коллегии о высочайшем решении начать строительство новой Линии (к указу были приложены оригиналы карты и планов Линии, и копии X ведомостей).

Далее в указе генерал-поручику шли 15 пунктов, в которых ему детально доводилось о мерах предпринятых правительством для организации строительства новой Линии. В них же Главному командиру Линии указывалось, что он со своей стороны должен был предпринять, на первоначальном этапе этого дела.

В первом пункте сообщалось, что еще в январе 1770 г. высочайшим указом было велено Правительствующему Сенату распорядиться о наряде (строители отправлялись на Линию в рамках исполнения натуральной повинности для военных нужд) для строительства Линии 5 тысяч работников. Из которых 2,5 тысячи должны были прибыть в крепость Святого Дмитрия, а другая половина рабочих в Кременчуг. Вследствие этого указа Сенатом было велено организовать наряд работников из губерний: Смоленской- 429 человек, Нижегородской- 683 человека, Белгородской- 1234 человека, Казанской- 1864 человека и Слободской-Украинской- 790 человек. Из них казанские и нижегородские уроженцы должны были быть отправлены в крепость Святого Дмитрия, а смоленские, белгородские

и слободско-украинские жители в Кременчуг, с тем, чтобы прибыли они туда в мае месяце. Причем 1/3 из них должны были быть снабжены топорами, а 2/3 прибыть с железными лопатами. Здесь же отмечалось, что генерал-поручик, со своей стороны, должен был обратиться к обер-коменданту крепости Святого Дмитрия, генерал-майору Ивану Алексеевичу Потапову (1722-1791) и обер-коменданту Кременчуга, бригадиру Василию Алексеевичу Черткову (1726-1793), с тем чтобы они отправляли этих работников туда, куда он прикажет.

Во втором пункте говорилось, что согласно указу Сената в крепость Святого Дмитрия и в Кременчуг велено доставить: по 30 тысяч двухсаженных (ок. 4 м) бревен толщиной 6-7 вершков (ок. 30 см), предназначенных для строительства, а для изготовления рогаток, требующихся для защиты, по 2 тысячи двухсаженных (ок. 4 м) брусьев, и по 16000 односаженных (ок. 2 м) кольев толщиной не менее вершка (ок. 4 см), с тем чтобы на каждый брус приходилось по 8 кольев. Лесоматериалы должны были заготавливаться в Воронежской, Слободско-Украинской и Белгородской губерниях специальными командами из гражданских рабочих, возглавляемых штаб-офицерами. Причем доставку леса (был поставлен срок доставки: к маю месяцу), который с мест вырубки сплавлялся по рекам связанным в плоты, в крепость Святого Дмитрия должен был организовать воронежский губернатор (генерал-майор Алексей Михайлович Маслов (1715-1773)), а в Кременчуг- белгородский губернатор (тайный советник Андрей Матвеевич Фливерк (1705-1773)). Со стороны Главного командира требовалось связаться с обер-комендантами крепости Святого Дмитрия и Кременчуга, а при необходимости и с указанными губернаторами, и организовать поступление леса уже непосредственно на строительство Линии.

В третьем пункте до генерал-поручика доводилось, что согласно утвержденному штату Линии Военной коллегией даны распоряжения по формированию гарнизонных батальонов для Линии. Два батальона должны были быть сформированы из офицеров и солдат гарнизона крепости Азов, и по одному батальону из гарнизонных военнослужащих Киева и крепости Святого Дмитрия. Отмечалось также, что дано указание обер-комендантам этих гарнизонов, чтобы личный состав новых батальонов комплектовался не из рекрут, а из опытных солдат. Впоследствии, сформированный в Киеве батальон должен был прибыть в Кременчуг, а созданный в крепости Святого Дмитрия должен был отправиться в Таганрог. Где эти батальоны должны будут ждать указаний к дальнейшим действиям, уже непосредственно от генерал-поручика. По поводу же комплектации Линии инженерными и артиллерийскими служащими сообщалось, что насчет этого послан указ генерал-фельдцейхмейстеру.

Четвертый пункт указа извещал Главного командира о том, что согласно штату Линии на ней, круглый год, должны находиться три полка казаков Войска Донского. Каждый следующий год на службу должны были заступать новые три полка донских казаков. Пересмена назначалась на ноябрь месяц. Сообщалось также, что Войску Донскому уже послана грамота с тем, чтобы из трех конных полков казаков, полностью экипированных и получивших запас пороха, и свинца в крепости Святого Дмитрия, один полк прибыл в Кременчуг, а два других к реке Берде. Где они должны были находиться до получения указаний от генерал-поручика. По поводу жалованья казакам указывалось, что первым трем полкам оно должно начисляться со дня их прибытия на Линию, а уже их сменщикам с ноября месяца.

В пятом пункте Военной коллегией сообщалось, что генерал-кригскомиссару (генерал-кригскомиссар Александр Иванович Глебов (1722-1790)) было дано предписание об обеспечении трех батальонов назначенных на Линию (о двух батальонах формировавшихся в Азове речь не шла), амуницией из воинских складов и мундирами, которые должны были быть пошиты в Москве. Снабжение этих батальонов оружием было поручено генерал-фельдцейхмейстеру. Все это имущество должно было быть доставлено в Бахмут, на сохранение к тамошнему коменданту (на 1770 г. это мог быть или полковник Федор Петрович Кузьмин-Караваев (ск. 1779) или, сменивший его на должности в том же году, полковник Афанасий Афанасьевич Бабкин (ск. 1773)).

В шестом пункте до генерал-поручика М.А. Деденева доводилось, что денежные средства на строительство Линии и провиант рабочим будут отправляться непосредственно ему, следовало только обозначить место их доставки. Указывалось также, что содержание гарнизонных батальонов и казацких полков не входит в эту сумму и будет осуществляться отдельно. Предлагалось для фиксации прихода и расхода этих денежных средств завести специальные книги и назначить к этому делу офицера (с самого начала и на протяжении многих лет при казне Днепровской линии состоял капитан; секунд-майор Федор Алексеевич Наковальнин (1739/42/43-1801)).

В седьмом пункте сообщалось, что о необходимости наряда из Слободской-Украинской, Белгородской и Малороссийской губерний погонщиков с волами и телегами для строительства фланговых крепостей, до Сената уже доведено. Со стороны генерал-поручика требовалось сообщить начальству указанных губерний: когда и куда следует отправлять этих работников.

В восьмом пункте Военная коллегия информировала генерал-поручика о том, что Государственной медицинской коллегии уже сообщено насчет требовавшихся на Линию медицинских работников (доктора, лекарей и подлекарей) и двух аптек (предполагалось, что медицинская помощь на Линии будет оказываться примерно 8 тысячам человек). Причем доктор с половиной численности

медицинских работников и одной аптекой должен был быть отправлен в Кременчуг, а другая половина медперсонала, и вторая аптека должны были прибыть в крепость Святого Дмитрия. Где все они должны были ожидать дальнейших распоряжений Главного командира Линии. Относительно 8 гарнизонных лекарей, также долженствующих поступить на Линию, сообщалось, что Государственная медицинская коллегия проинформирована и о них. И что как только возникнет в лекарях нужда, эта Коллегия готова будет отправить их в указанное генерал-поручиком место.

В девятом пункте сообщалось, что «ныне» (вероятно 10 мая 1770 г.), согласно высочайшей резолюции на «докладные пункты», на утверждение императрицы, Военной коллегией будут представлены кандидатуры на должности комендантов в три крепости Линии. В центральную крепость (Кирилловскую): генерал-квартирмейстера-лейтенанта (14 мая 1770 г. получил звание бригадир) Андрея Ивановича Медера (1724-1792), а во фланговые крепости (Александровскую и Петровскую) полковников: Вилима (Вильгельма)-Людвига фон Фредерздорфа (1715/17/19-после 1774) и Франца Яковлевича де Роберти (1724-1801). Также до генерал-поручика доводилось, что он волен от себя представлять на рассмотрение Военной коллегии кандидатуры офицеров требующихся как для инженерного дела, так и к другим должностям на Линии.

В десятом пункте генерал-поручик уведомлялся о том, что относительно священнослужителей требовавшихся, согласно утвержденному штату, на Линию, Правительствующий Синод уже проинформирован. И что нужное количество священников и церковнослужителей будет назначено Синодом из Белгородской (Белгородской и Обоянской) епархии. Указывалось также, что для того чтобы эти священнослужители были отправлены на Линию, Главному командиру Линии следовало обратиться непосредственно в ту епархию.

В одиннадцатом пункте генерал-поручик М.А. Деденев информировался относительно провианта для строителей Линии и воинских команд. Ему сообщалось, что обер-коменданту крепости Святого Дмитрия генерал-майору И.А. Потапову было приказано годовой провиант на 2500 человек отправить из крепости Святого Дмитрия в Таганрог. А тамошнему коменданту бригадиру Никласу (Ивану Петровичу) де Жедерасу (Жедерасу) (ск. 1782) следовало, в свою очередь, тот провиант на лодках казацкого типа, которые он должен был получить от обер-коменданта, отправлять далее по назначению, на Линию. Для помощи в этом деле предлагалось также привлечь командующего Донской (Азовской) флотилией вице-адмирала Алексея Наумовича Сенявина (1722-1797). Для 2500 человек, которые должны были прибыть к строительству на другой фланг Линии, годовой провиант должен был поступить из Кременчуга. А для того чтобы провианта хватило, с учетом воинских подразделений, приблизительно на 5000 человек, киевского Провиантского департамента подполковнику, князю Дмитрию Михайловичу Ухтомскому (1726-1791/1801) было велено доставить недостающее из киевских складов. Кременчугскому обер-коменданту бригадиру В.А. Черткову было велено тот провиант на 5000 человек отправлять к реке Московке (Мокрой Московке), а если почему-либо сразу не получится доставить его к этой реке, то отправлять провиант в Самару (Старосамарский ретраншемент). Откуда он, то ли по Днепру, то ли посуху, уже будет доставлен к Московке (Мокрой Московке). Со своей стороны генерал-поручик должен был связаться с обер-комендантом Кременчуга и комендантом Таганрога, чтобы держать доставку провианта на Линию под своим контролем. Также Главному командиру Линии Военной коллегией вменялось из находившейся в его распоряжении казны Линии вернуть в Главную провиантскую канцелярию потраченные на провиант казенные средства. А на будущее, обеспечение провиантом строительных рабочих, гарнизонов крепостей и временно квартирующих в крепостях воинских команд, Военная коллегия целиком и полностью возложила на генерал-поручика, заверив его при этом в своей, и Главной провиантской канцелярии, в лице генерал-провиантмейстера Николая Алексеевича Хомутова (1704?-после 1774), поддержке.

В двенадцатом пункте генерал-поручику сообщалось, что положенные ему, согласно «докладным пунктам», помимо зарплаты, 250 рублей он будет получать из казны Линии.

В тринадцатом пункте Главный командир Линии информировался о том, что указом Военной коллегии от 10 мая 1770 г. командиру корпуса генерал-поручику М.-И. фон Бергу приказано защищать Линию от возможного вражеского нападения. И что даже в зимнее время, когда корпус должен будет находиться на зимних квартирах, из его пехотных полков будет выделено по одному батальону на каждую строящуюся крепость. При этом до генерал-поручика доводилось, что ему дано право использовать в строительных работах, находившихся на Линии, как гарнизонных солдат так и прикомандированных военнослужащих. С тем однако условием, чтобы при этом не пострадала обороноспособность Линии. За участие в строительстве солдатам полагалась такая же оплата как и гражданским рабочим.

В четырнадцатом пункте генерал-поручик обязывался ежемесячно, а в случае необходимости и чаще, присылать с нарочными в Военную коллегияю рапорты о состоянии дел: со строительством, с рабочими, с гарнизонными военнослужащими, и с казацкими полками.

В пятнадцатом пункте Военная коллегия выражала надежду на то, что Главный командир Линии генерал-поручик М.А. Деденев приложит максимум усилий по претворению в жизнь порученного ему дела [2, 122-126].

О названиях крепостей Линии

Наиболее вероятно, что крепости новой Линии были названы Екатериной II именами членов Совета при Высочайшем Дворе. Так как именно эти государственные деятели, заседаая в Совете в период с января 1769 г. по первую половину мая месяца 1770 г., имели самое непосредственное отношение к выработке решений по созданию этой Линии. В этот период времени членами Совета были восемь человек: три Александра, один Кирилл, один Петр, один Никита, один Захар и один Григорий. В таком случае, крепость Кирилловская была названа именем члена Совета, сенатора, действительного камергера, Ее Императорского Величества генерал-адъютанта, генерал-фельдмаршала, графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1724/28-1803); крепость Александровская названа коллективным именем трех членов Совета (так сказать именем в кубе): вице-канцлера Коллегии иностранных дел, действительного камергера, действительного тайного советника, князя Александра Михайловича Голицына (1723-1807), генерал-прокурора Сената, князя Александра Алексеевича Вяземского (1727-1793) и действительного камергера, генерал-фельдмаршала, князя Александра Михайловича Голицына (1718-1783) (введен в Совет 26 октября 1769 г.); крепость Петровская названа именем члена Совета, сенатора, генерал-аншефа, графа Петра Ивановича Панина (1721-1789) (в Совете находился до 13 августа 1769 г.); крепость Никитинская названа именем члена Совета, первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел, сенатора, действительного камергера, действительного тайного советника, графа Никиты Ивановича Панина (1718-1783); крепость Захарьевская названа именем члена Совета, вице-президента Военной коллегии, генерал-аншефа, графа Захара Григорьевича Чернышева (1722-1784); крепость Григорьевская названа именем члена Совета, Ее Императорского Величества генерал-адъютанта, действительного камергера, генерал-фельдцейхмейстера и над фортификациями генерал-директора, графа Григория Григорьевича Орлова (1734-1783) [8, VII-IX]. И только крепость Алексеевская, как представляется, названа, за количественным исчерпанием имен членов Совета, именем, не входившего в Совет, но значимого на то время для императрицы военачальника- Ее Императорского Величества генерал-адъютанта, генерал-аншефа, графа Алексея Григорьевича Орлова (1737-1807), который был родным братом члена Совета Г.Г. Орлова. И это последнее обстоятельство могло стать решающим при выборе имени для этой крепости.

Первым историком, который попытался объяснить смысл топонимов крепостей Линии стал Аполлон Александрович Скальковский (1808-1898). В 1846 г. во втором издании своей работы «История Новой-Сечи или последняго Коша Запорожскаго. Часть III» историк высказал предположение, что крепости Линии были названы в честь «важнейших государственных сановников того времени». По мнению А.А. Скальковского крепости Линии могли быть названы, «например Александровская в честь князя Александра Вяземскаго, Никитинская в честь князя Никиты Трубецкаго или графа Никиты Панина, Кирилловская в честь гетмана Кирилла Разумовскаго и проч.» [9, 127-128]. Предположение А.А. Скальковского полностью поддержал в изданной в 1905 г. книге «История города Александровска...» александровский историк Яков Павлович Новицкий (1847-1925). Со своей стороны Я.П. Новицкий «допустил догадку», «что Петровская крепость названа в честь генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева, Алексеевская- в честь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, и Григорьевская- в честь Григория Александровича Потемкина, впоследствии светлейшего князя Таврическаго» [10, 3-4]. Эстафету по объяснению значения названий крепостей Днепровской линии продолжил уже в 60-х годах XX века запорожский краевед Виктор Гаврилович Фоменко (1900-1976). Он предположил, что семь крепостей Линии были названы именами «шести генерал-фельдмаршалов- высших военачальников русской армии и одного генерал-аншефа (высший генеральский чин), выдающегося флотоводца...». По мнению краеведа крепости были названы: «Центральная Кирилловская- по имени Кирилла Разумовского, последнего гетмана Украины; Правобланговая Александровская- по имени Александра Голицына, командовавшего 1-й русской армией в первые годы войны с Турцией; Левобланговая Петровская- по имени Петра Румянцева, впоследствии- Задунайского, генерал-губернатора Украины, командовавшего войсками 2-й, а потом 1-й армии в происходившей тогда войне; Никитинская- по имени Никиты Трубецкого, Президента Военной коллегии (председателя военного совета при императрице) перед войной; Захарьевская- по имени Захара Чернышева, Президента Военной коллегии во время войны; Григорьевская- по имени Григория Орлова, фаворита Екатерины Второй, главного участника дворцового переворота, возведшего ее на императорский престол России, и Алексеевская- по имени Алексея Орлова, впоследствии-Чесменского, командовавшего русским флотом в бою у Чесмы при разгроме турецких военно-морских

сил» [11, 15-16]. В 2002 г. запорожский историк Анатолий Иванович Карагодин (1938-2003) предложил собственную, кардинально отличающуюся от прежней, трактовку этого вопроса. Этот историк в своей версии всецело опирался на утверждение А.А. Скальковского, которое вслед за ним повторил и Я.П. Новицкий, что крепость Петровская носила имя Святого Петра. Исходя из этого ошибочного посыла своих предшественников А.И. Карагодин посчитал, что императрица, давая имена крепостям, «особо не ломала голову над таким простецким вопросом», а открыв церковный календарь за первую половину 1770 г., выбрала из него «имена святых и близких к ним лиц», которыми и назвала семь крепостей Линии. При этом историк не объяснил, почему императрицей Екатериной II были взяты из календаря именно те имена, которые теперь нам известны как названия крепостей Линии, а не какие-нибудь другие. Ведь в подобного рода изданиях имен «святых и близких к ним лиц» огромное количество. Историк даже составил список выдуманных им имен для крепостей Днепровской линии. Крепость Александровская, по мнению этого ученого, была названа в честь «свт. и прп. Александра» (надо понимать- святителя и преподобного Александра.- А.М.) [9, 128; 10, 3; 12, 82-88]. Гипотеза эта мертворожденная, так как ни в одном документе XVIII века названия (имена) семи крепостей Линии не пишутся с приложением- «святой». И потом, в резолюции к «докладным пунктам» императрицей Екатериной II было однозначно указано, как должны именоваться семь крепостей Линии. Попытки указанных исследователей, пытавшихся хоть как-то связать названия крепостей с именами конкретных людей, были во многом гадательны. Так как под название почти каждой крепости Линии можно подвести сразу по несколько имен государственных деятелей екатерининского времени. И главное, у этих историков и краеведов не было понимания и знания того, что некоторые из тех «важнейших государственных сановников», имена которых ими были названы фактически наугад, реально приложили руку к созданию Днепровской линии.

Относительно наименования крепости Петровской. Действительно, А.А. Скальковский считал, что у крепости Петровской было еще одно название- крепость «Св. Петра». Возможно историк, работая с «Полным собранием законов Российской империи», которое было для него, как он сам отмечал, «главным руководством, источником и хронологическим указателем» при написании «Хронологического обозрения...», встретил в 43 томе издания («Книга штатов») на странице 134, таблицу: «Штат обер-комендантов, комендантов и плац-майоров...» за 1769 г. В этой таблице, кроме прочего, представлен перечень крепостей и оборонительных Линий Империи за указанный год. На странице 136, в указанном списке, напечатано: «По Новой линии Святого Петра...». Вероятно А.А. Скальковский, по ошибке, принял Тоболо-Ишимскую линию, которая имелась ввиду, за Днепровскую линию, а крепость Святого Петра на Тоболо-Ишимской линии, за еще одно название Петровской крепости [13, X; 14, 134-136]. Я.П. Новицкий, доверившись авторитету мэтра, также назвал крепость Петровскую еще одним именем- крепость «Святого Петра». В свою очередь, А.И. Карагодин, поверив «Нестору украинской этнографии», что крепость Петровская носила имя «Святого Петра», написал статью, в которой высказал ошибочную мысль, что и все остальные крепости Линии носили имена «святых и близких к ним лиц».

Подготовка и начало строительства

Назначенная к строительству Днепровская линия должна была проходить, большей частью, по границе между Россией и Крымским ханством, определенной Белградским мирным договором от 18 сентября 1739 г. и рядом конвенций (пограничных соглашений) 1739, 1740 и 1742 гг., заключенных между Россией и Турцией. Днепровская линия начинавшаяся недалеко от устья реки Мокрой Московки и тянувшаяся далее по пограничным рекам Конские Воды и Берде до Азовского моря, призвана была защищать участок государственной границы длиной в 196 верст (ок. 209 км) [4, 437-440].

Приграничная территория Российской империи, на которой возводились крепости Днепровской линии, с 1730-х гг. по 1775 г. была в ведении Войска Запорожского Низового. Как известно, во время русско-шведской войны, Войско Запорожское Низовое, возглавляемое кошевым атаманом Константином Гордеевичем Головки (ск. 1733), изменив присяге российскому престолу, встало в 1709 г. вместе с малороссийским гетманом Иваном Степановичем Мазепой (1639-1709) под знамена шведов (ныне, для обеления их предательства, киевский историк и пропагандист Тарас Васильевич Чухлиб придумал понятие- «украинский поливассалитет»). После уничтожения российскими войсками под командованием полковника Петра Ивановича Яковлева (ок. 1670-11.09.1718) запорожской Сечи (Чертомлыцкой) и поражения шведов, запорожские казаки были вынуждены бежать на территорию Османской империи. Где с 1711 г. они находились в подданстве Крымского хана- вассала Османской империи. Впоследствии, после неоднократных просьб запорожцев о принятии их под российскую «протекцию», они были официально, грамотой от 31 августа 1733 г., прощены императрицей Анной Иоанновной (1693-1740). А в 1734 г., в Лубнах запорожцы, на основании «договора» состоявшего из

7-ми пунктов, были приняты в российское подданство. Принимая под свою руку раскаявшихся предателей Государство вероятно преследовало цель иметь на своей южной границе хоть какую-то постоянную военную силу. По условиям «договора» казакам Войска Запорожского Низового разрешалось проживать и хозяйствовать (заниматься рыбным промыслом и охотой) на территории, которую они занимали до 1709 г. В обязанность же запорожцам вменялось «быть стражами границ государства российского». Согласно «договора», запорожцы находились «в зависимости от главнокомандующего генерала, в Малой России определенного» (тогда это был генерал-аншеф, граф Иоганн-Бернгард фон Вейсбах (1665?-1735)) [15, 449-451]. После утверждения условий «договора» и принятия присяги, Войско Запорожское Низовое фактически вошло в состав иррегулярных войск вооруженных сил Российской империи [16, 45-46].

Как и предполагалось, охрану государственной границы на крымском направлении, и создание условий для безопасности работ на Линии от неприятеля, обеспечивал со своим корпусом генерал-поручик М.-И. фон Берг, действовавший согласно указу от 10 мая 1770 г., который он получил 30 мая от командующего войсками на Украинской линии генерал-майора, графа Федора Андреевича Остермана (1723-1804). В свою очередь, этот указ был доставлен генерал-майору от обер-коменданта бригадира В.А. Черткова [1, 37-39].

Во второй половине июля 1770 г. в запорожскую Самарскую паланку, к Новоселице, прибыл (вероятно со стороны Кременчуга) один из трех полков Войска Донского назначенных на Линию (тогда же на службу у крепости Петровской должны были заступить еще два полка донцов). Полк, состоявший из 517 казаков, находился под началом полковника Петра Петровича Ребрикова. Донские казаки должны были расположиться «по Московки и протчим тамошним местам для закрытия российских границ от неприятельского нападения». Руководство Самарской паланки, в лице полковника Петра Норова, по просьбе донского полковника, выделило в Самаре, «на первой случай», донским казакам хаты с печами для постоя и дрова для печения хлеба [1, 40].

Одной из причин того, что на этом участке границы было сосредоточено такое значительное количество войск, было то, что запорожские казаки, которые на подконтрольной им огромной территории должны были быть «стражами границ государства российского», из-за своей малочисленности, просто физически не могли обеспечить надежной защиты жителям ближнего и дальнего приграничья от диверсий противника. Что и показали татарские набеги в 1769 г. [16, 160; 17, 164].

Само же строительство крепостей по государственной границе было встречено запорожскими казаками непониманием и неприятием. Дело, которое объективно служило безопасности Юга государства, оказалось для них чуждым. Очевидно, что такое отношение казаков к строительству Линии было вызвано тем, что землю своего проживания, на которой возводились крепости, они считали, согласно своей архаичной войсковой традиции, неотъемлемой собственностью Войска. И поэтому запорожские казаки, игнорируя истинное положение дел, видели в строительстве Линии только ущемление своих мифических прав на эту землю. А реалии были таковы, что само пребывание казаков на этих землях было обусловлено только тем, что в 1734 г. власть пошла навстречу их желанию быть в российском подданстве. Очевидно также и то, что у руководства страны были свои, несколько отличавшиеся от частного интереса Войска, общегосударственные интересы. Исходя из которых, правители России желали возведением пограничной оборонительной Линии навсегда обезопасить от неприятельского вторжения как приграничную территорию, на которой обитали казаки (по Белградскому мирному договору эта территория и де-юре, и де-факто находилась с 1739 г. в составе Российской империи.- А.М.), так и земли, которые лежали в глубине государства. Запорожские казаки могли справедливо опасаться, что создание Днепровской линии будет объективно урезать их роль в деле защиты государственной границы на крымском направлении. Для обоснования своих прав на землю выделенную им российской короной, запорожцы не гнушались даже фальшивыми документами. Так, для этого ими был использован Универсал малороссийского гетмана Богдана Зиновия Михайловича Хмельницкого (1595-1657) от 15 января 1655 г., со ссылкой на грамоту польского короля Стефана Батория (1533-1586), который является подделкой середины XVIII в., выполненной вероятно в сечевой канцелярии Войска Запорожского Низового [10, 22-25; 18, 141-142; 19, 638-639; 20, 250-251; 21, 198-233].

В начале августа 1770 г. по Днепру к Старосамарскому ретраншементу начали прибывать суда (байдаки), груженные всем необходимым для строительства и военного функционирования Линии. А уже оттуда груз, в зависимости от обстоятельств, шел далее по Днепру, через пороги, к реке Московке или перевозился сухим путем до строящейся Линии. Для прохождения судов через пороги нанимались лоцманы из Кодака. Причем, по прибытии на место строительства, деревянные конструкции судов планировалось разбирать для сооружения «казарм» [1, 41].

Летом же ожидалось прибытие на Линию и ее Главного командира генерал-поручика М.А. Деденева [1, 42].

В августе 1770 г. на строительство Днепровской линии стал поступать, сплавляемый по Днепру плотами, строевой лес, который заготавливался у городов Брянска и Трубчевска Севской провинции Белгородской губернии. Этот лес шел к Кременчугу, а далее к речке Мокрой Московке, где было намечено возведение крепости Александровской. Вероятно в то же время началась доставка строительного леса и из крепости Святого Дмитрия на другой фланг Линии, к строительству крепости Петровской. «Рабочим людям», которые сопровождали сплавляемый лес, платили «по летнему времени» по шесть копеек в день каждому, а «по зимнему времени» (до глубокой осени), по пять копеек «зарабочих денег». Заработная плата, которая оставалась невыплаченной из-за смерти работников, шла обратно в казну, «в линейную сумму». По окончании сплава рабочие возвращались домой, для чего им выделялись деньги «на путевые нужды». Командами сплавщиков руководили офицеры. Так, например, в команде секунд-майора Ивана Афанасьевича Удалова (1728/31-после 1796), сплавлявшей лес в 1770 г. из-под Брянска, состояло 165 человек «рабочих людей», а в команде секунд-майора? Ермакова, сплавлявшей лес, в том же году из под Трубчевска, было 429 человек [4, 278-279]. Для «проводительства» плотов и судов через Днепровские пороги нанимались в запорожских «Кодаках и в других местах» опытные сплавщики. К 11 августа 1770 г. к устью речки Мокрой Московки уже прошло 100 плотов [1, 41]. Одно время, из-за отсутствия сплавщиков и особенно тех из них, кто способен был провести плоты через пороги, доставка леса на Днепровскую линию была остановлена. Лес, сплавляемый по Днепру, встал у Усть-Самары и у Кременчуга. В виду чего, по требованию Главного командира Днепровской линии генерал-поручика М.А. Деденева, указом Правительствующего Сената, было велено Новороссийской губернской канцелярии и Малороссийской коллегии «приложить всевозможное старание» к поиску сплавщиков. Как следствие, Малороссийская коллегия разослала в различные подведомственные ей инстанции указы о поиске и наряде, к 25 апреля 1771 г., способных «к провозению» плотов надежных людей. Из малороссийских полков должно было быть наряжено 300 человек. Причем обычным сплавщикам-«работникам» была обещана зарплата «на день по пяти копеек», а «знающим силу препровождения на реки, и спуску чрез пороги вдвое» больше [1, 46-47].

12 августа 1770 г. к руководству Самарской паланки с письменным отношением обратился комендант будущей крепости Александровской полковник В.-Л. фон Фредерздорф, который следовал с обозом к речке Мокрой Московке для строительства крепости Александровской. Обоз двигался вероятно из Кременчуга. При полковнике были батальон солдат, который видимо был сформирован в Киеве и прибывший, вероятно из Смоленской, Белгородской и Слободской-Украинской губерний, рабочий люд (примерно 2500 человек). В этом обозе были также жены и дети военнослужащих, и все необходимое к поселению на новом месте. Полковник просил у начальства паланки двух надежных проводников из казаков до места назначения. Получив проводящих, полковник В.-Л. фон Фредерздорф и его «команда», уже к 16 августа 1770 г. были на месте [1, 41-42].

Я.П. Новицкий считал, что «обоз полковника Фредездорфа» отбыл из «Самары» 13 августа, а 15 августа, «в день Успения Богородицы, Фредездорф был уже на р. Московке и, заняв Миниховский ретранжамент и несколько бывших здесь запорожских зимовников, утвердился лагерем» [10, 8]. Ныне эти сведения кочуют из работы в работу историков и краеведов, обрастая новыми, выдуманными ими подробностями [22, 55; 23, 34]. Даты (13 и 15 августа) и события описываемые под ними Я.П. Новицким, ни в одном из бывших у него архивных источников не приведены. Они реконструированы историком на основе нескольких известных ему документов. Из документа, от 17 августа 1770 г., следует, что полковник В.-Л. фон Фредерздорф со своей «командой» держал путь к месту строительства крепости Александровской, 12 августа 1770 г. остановился в административном центре Самарской паланки- Новоселице. Где обратился к администрации паланки с требованием выделить ему двух проводников из казаков знавших дорогу к речке Московке (Мокрой Московке) [1, 42]. Другой документ датируется 16 августа того же года. В нем полковник В.-Л. фон Фредерздорф обращается к той же паланковой администрации с требованием сделать новые и починить уже имевшиеся мосты на речках, через которые шел путь к речке Московке (Мокрой Московке) [1, 42]. Этот документ действительно позволяет сделать вывод, что полковник В.-Л. фон Фредерздорф писал его уже прибыв к месту строительства крепости Александровской. С датами приведенными историком можно согласиться, если признать, что «обоз полковника Фредездорфа» отправился в путь 13 августа, а 15 августа, потратив на дорогу примерно два дня, прибыл к месту назначения. Однако, можно создать еще несколько пар дат отправки и прибытия «обоза»: 12-14, 12-15, 12-16, 13-16, 14-16. То есть о дате прибытия полковника В.-Л. фон Фредерздорфа и его «команды» к месту назначения, а тем более о дате начала строительства крепости мы можем пока только гадать. Несомненно однако, что строительство крепости Александровской (1-й) началось до 25 августа, т.к. существует документ за

подписью полковника В.-Л. фон Фредерздорфа, датирующийся этим днем, в котором он упоминает крепость Александровскую (1-ю) уже в качестве реально существовавшего, пусть и строившегося, фортификационного объекта [1, 43-44]. Недалеко от места строительства крепости действительно были пять казацких зимовников, оставленных их хозяевами в начале Русско-турецкой войны (1768-1774), из-за опасности жить в них в виду вероятного нападения неприятеля. Все они не входили в черту строительства крепости. Я.П. Новицкий знал о существовании зимовников у речки Мокрой Московки из двух известных ему документов, датирующихся 1771 г. Первый, это доклад Войска Запорожского командующему Второй армией генерал-аншефу, князю Василию Михайловичу Долгорукову (1722-1782), второй, является прошением Войска Запорожского на имя императрицы Екатерины II. В обоих документах казаки, помимо прочего, жаловались на то, что во время строительства крепости Александровской, их зимовники у речки Московки (Мокрой Московки), были «разобраты», т.е. разрушены [1, 47-48; 24, 89-91]. О конкретном месторасположении зимовников историк знать не мог. Использовались ли эти зимовники под жилье вновь прибывшими или нет-неизвестно. В тех краях стены строений зимовников делали, по большей части, «плетневыми». Использовались для этого ветки вербы, которые впоследствии обмазывались глиной. Крыши таких зимовников покрывались камышом. Трудно сказать в каком состоянии были эти зимовники, простояв бесхозно около двух лет. Зато подлинно известно, что подавляющее большинство из многотысячного контингента гражданских строителей и военнослужащих, прибывших к речке Мокрой Московке, проживало внутри строящейся крепости, в землянках (капонирах). По поводу «Миниховского ретранжамент» смотрите ниже по тексту.

Надо думать, что и на другом фланге Линии происходило нечто подобное. Ведь и туда, к строительству крепости Петровской, должны были прибыть из Таганрога, сформированный в крепости Святого Дмитрия батальон, и примерно 2500 строителей, уроженцев Казанской, и Нижегородской губерний из той же крепости Святого Дмитрия, которая являлась для них местом сбора.

Военно-административное управление Днепровской линии

Главные командиры и Командиры Линии

В обязанности Главного командира Линии входило осуществление общего руководства строительством и функционированием Линии. Он подчинялся непосредственно генерал-фельдцейхмейстеру и над фортификациями генерал-директору, и Военной коллегии, перед которыми должен был регулярно отчитываться в своих действиях, а в случае необходимости, обращаться к ним же за помощью [1, 33-34].

26 апреля 1770 г. Совет при Высочайшем Дворе назначил генерал-поручика М.А. Деденева Главным командиром учреждавшейся Линии. Кандидатура генерал-поручика была представлена на рассмотрение Совета Военной коллегией. 10 мая того же года императрица Екатерина II утвердила генерал-поручика М.А. Деденева на эту должность.

10 июня 1771 г. заболевшего Главного командира Днепровской линии генерал-поручика М.А. Деденева сменил на должности заместитель Главного командира Новороссийской губернии генерал-аншефа Федора Матвеевича Воейкова (1703-1778), бывший в г. Кременчуге обер-комендантом генерал-майор В.А. Чертков. Штаб-квартирой нового Главного командира Линии был административный центр Новороссийской губернии г. Кременчуг [2, 154; 25, 59].

11 января 1776 г. императрица Екатерина II назначила Главным командиром Днепровской линии Новороссийского и Азовского генерал-губернатора, генерал-аншефа, графа Григория Александровича Потемкина (1739-1791) [2, 140-141].

Азовский губернатор (с 10 июля 1775 г.) генерал-майор В.А. Чертков стал при этом Командиром (заместителем Главного командира) Днепровской линии [26, 352; 27, 413]. После учреждения Азовской губернии, с 31 августа 1775 г. по 1778 г. Командир Линии пребывал в крепости Белевской, а с 20 июля 1778 г. его ставкой стал г. Екатеринослав (1-й).

При Главном командире состояла, учрежденная в 1770 г., казна Линии («линейная сумма»). Первоначально казна Линии находилась при Главном командире, а когда в 1776 г. Главным командиром Линии стал генерал-аншеф, граф Г.А. Потемкин, который руководил Линией, в силу обстоятельств, издали, казной стал ведать, на месте, Азовский губернатор, Командир Линии генерал-майор В.А. Чертков.

Для более эффективной организации управления Линией и ее хозяйственного обеспечения была создана Комиссия Днепровской линии.

16 февраля 1782 г. Азовский губернатор, Командир Днепровской линии генерал-поручик В.А. Чертков был назначен Воронежским и Харьковским генерал-губернатором. Поэтому, некоторое

время, в 1782 г. обязанности Командира Линии исполнял обер-комендант Линии генерал-майор Николай Яковлевич Ланов (1720/24-1788).

27 сентября 1782 г. Днепровская линия отошла в ведомство Новороссийского губернатора генерал-майора Николая Даниловича Языкова (1740-1803), который стал ее Командиром [4, 245].

В 1783 г. губернатором Новороссийской губернии (впоследствии правитель Екатеринославского наместничества) становится генерал-майор Тимофей Иванович Тутолмин (1740-1809). Очевидно, что генерал-майор Т.И. Тутолмин, также как и генерал-майор Н.Д. Языков, являлся Командиром Днепровской линии. В том же 1783 г., согласно ордеру генерал-аншефа, князя Г.А. Потемкина, генерал-майор Т.И. Тутолмин был назначен главой Комиссии Днепровской линии.

5 октября 1791 г. скончался Главный командир Днепровской линии, Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор, генерал-фельдмаршал, Светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический. 25 июля 1793 г. его функции по управлению краем перешли к Екатеринославскому, Таврическому и Вознесенскому (27 января 1795) генерал-губернатору, генерал-поручику; генерал-фельдцейхмейстеру и над фортификациями директору (19 октября 1793), Главнначальствующему над Черноморским флотом (19 июля 1796), графу; князю (25 марта 1796) Плутону Александровичу Зубову (1767-1822). Который управлял Новороссией до 6 декабря 1796 г.

Главные командиры

Михаил Алексеевич Деденев (03.11.1721-17.03.1786) принадлежал к дворянству Санкт-Петербургской губернии Новгородского уезда (Шелонская пятина, Псковские пригороды (Набережская губа)). Его предки, уроженцы г. Неvelя, проживали там и владели землей с первой половины XVII в.

Родословные связи М.А. Деденева выглядят следующим образом. Его отцом был Алексей Иванович Деденев (1701-1774?), который служил во флоте в младшем офицерском составе. В 1744-1747 гг. он был адъютантом 2-го Морского полка и имел в Копорском уезде 8 душ крестьян. Будучи поручиком, 15 января 1756 г., в числе других офицеров он, «за старостию и болезнями», был отставлен от службы и по отставке получил чин капитана. В 1757 г. капитан А.И. Деденев проживал в Санкт-Петербурге, на Васильевском острове в 5-й линии. У Алексея Ивановича была сестра Екатерина (р. 1705). Их отцом и матерью, а следовательно дедом и бабкой М.А. Деденева, являлись Иван Лукич Деденев (1671- после 1721, до 1738), который служил в Псковских выборных ротах, и Екатерина Алексеевна Деденева (1676-после 1738) (у Ивана Лукича была родная (двоюродная) тетка Татьяна Илларионовна Чихачева (р. 1630)). Супругой А.И. Деденева была Акилина (Акулина) Борисовна Деденева (1710?-1762). А.Б. Деденева умерла в Санкт-Петербурге 4 июня 1762 г. Перед смертью, 25 мая 1762 г. она была исповедана священником Иоанном Петровым церкви Воскресения Христова при Инженерном корпусе. Отпели ее 8 июня 1762 г. в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, что на Васильевском острове. Согласно завещанию усопшей, ее должны были похоронить «в вотчине», в Набережском погосте Псковской провинции при церкви Святого Николая Чудотворца. Поэтому гроб с телом был помещен в специальный ящик, который был засмолен и временно, до отправки, помещен в «склеп» при церкви, на что было дано разрешение архиепископа Санкт-Петербургского (1761-1762) Вениамина (Василий Григорьевич Пуцек-Григорович, 1706?-1785). Отметим, что в метрической книге, зафиксировавшей факт смерти и похорон Акилины Борисовны, много неверной информации. В метрике неправильно указано звание и имя ее мужа: «морского флота генерал-поручик Василий Деденив», а сама умершая названа «Акилиной Феодоровой дочерью». На 1770 г. помещик А.И. Деденев владел 260 крестьянами мужского пола. Прадедом М.А. Деденева был невлаянин Лука Осипович Деденев (ск. после 1685), участник Русско-польской (1654-1667) и Русско-турецкой (1672-1681) войн. 21 февраля 1685 г. Л.О. Деденев, за службу русским царям и отечеству, получил две царские грамоты на вечное владение землей. Первую, на земли в Псковском пригороде в Дубковском уезде в Набережской губе и в Пусторжевском уезде. Вторую, на земли в Новгородском уезде в Шелонской пятине в погостах: Жедрицком, Ясенском и Карачуницком, а также в Дубковском уезде в Набережской губе. У Луки Осиповича был брат Григорий Осипович Деденев (ск. после 1678, до 1684) женатый на Лукерье Никоновне Деденевоy (ск. после 1684), и вероятно еще один брат Алексей Осипович Деденев. Прапрадедом был невлаянин Осип Иванович Деденев (ск. 1662?). О.И. Деденев являлся участником Русско-польской (Смоленской) войны (1632-1634), где 9 марта 1633 г., в сражении с «литовцами» под Полоцком, на озере Нещедре, был ранен (еще двое невлаян: Иван Алексеевич Деденев, который был «стар и от ран увечен и хром» и Константин Семенович Деденев также были участниками этой войны, возможно, что они являлись родственниками первого). Далее, по нисходящей, пращурами М.А. Деденева были: Иван Злобыч Деденев (ск. 1624?) и его жена Варвара Деденева (ск. 1634?) (у Ивана Злобыча был родной брат Гордей Злобыч) и совсем уж легендарные: Злоба Захарович Деденев и Захар Кондратьевич Деденев.

Своим родоначальником Деденева новгородщины и псковщины считали Захара Кондратьевича Деденева. У З.К. Деденева было трое сыновей: Парфила (Парфений, Порфирий), Алексей и уже известный нам Злоба. У Алексея Захаровича был единственный сын Иван. У Ивана, в свою очередь, было двое сыновей: Пимен Иванович, с внуком Кириллом Пименовичем и Лазарь Иванович, женатый на Ксении Деденева. У Лазаря и Ксении был сын Дионисий Лазаревич, который впоследствии женился на Авдотье Деденева (после смерти мужа Авдотья вышла замуж за Ивана Корсакова). У третьего сына Захара Кондратьевича- Парфила родился сын Влас. У Власа Парфильевича было двое сыновей: бездетный? Федор и давший многочисленное потомство Петр. Супругой Петра Власевича Деденева, была Степанида Кондратьевна Деденева (ск. после 1688). У П.В. Деденева были трое сыновей: Кирилл, Алексей и Иван. Кирилл Петрович был женат на Авдотье Деденева и вероятно был бездетен. У Алексея Петровича были сыновья: Марк и Ермолай. Марк Алексеевич (1672-после 1721) был женат на Ирине Деденева (р. 1677), их дети: Марфа (р. 1700), Акинья (р. 1702), Григорий и Наталья (замужем за Тимофеем Корсаковым). Ермолай Алексеевич имел дочь Февронию (р. 1700). У Ивана Петровича был сын Максим. У Максима Ивановича (ск. до 1710) была супруга Мария Деденева (р. 1670), их дети: Яким (Аким) (1681-1719)- капитан (1708), Иван (р. 1695), Григорий и Марина. У Ивана Максимовича было пять дочерей: Агрофена (замужем за князем Александром Лукичем Костровым), Анна (замужем за Тимофеем Полибиным), Ульяна и Софья- девицы, и Мария (замужем за князем Прокофием Степановичем Костровым). У Григория Максимовича был сын Семен. Коллежский советник Семен Григорьевич Деденев в 1781-1783 гг. служил предводителем дворянства в Порховском уезде Псковского наместничества. А до этого, в 1765-1767 гг., подполковник С.Г. Деденев возглавлял контору Канцелярии конфискации в Санкт-Петербурге. Был женат на Прасковье Максимовне Деденева (ск. 1757). Деденева были породнены и со своими земляками Пушкиными. Так некая Н.И. Деденева во второй половине XVII века была первой женой Осипа Аристовича Пушкина. Оба супруга были из Шелонской пятины.

У М.А. Деденева были братья: Матвей Алексеевич Деденев (поручик; капитан (5 сентября 1756) Батальона Канцелярии от строений государственных дорог) и Егор Алексеевич Деденев (1735-1799?), действительный статский советник, который статским советником в 1793-1795 гг. служил Псковским вице-губернатором и был женат на Марии Васильевне Деденева (урожденной Аничковой). Дети Егора Алексеевича и Марии Васильевны Деденевых : Алексей Егорович, майор (статский советник), с 6 октября 1830 г. по 19 февраля 1837 г. он коллежским советником служил, как и его отец, Псковским вице-губернатором (супруга Александра Владимировна Деденева (07.02.1787?-20.07.1837?), их дети: София и Владимир (р. 28.04.1828)), Василий Егорович, 8-го класса (жена (второй брак) Екатерина Степановна Деденева (урожденная Стойкина), их дети: София (р. 1807) (от первого брака), Егор (р. 03.04.1814) (супруга София Николаевна Деденева (урожденная Голубцова) (07.03.1830-25.09.1874)), Анна (р. 15.12.1815) («смолянка»), Василий (р. 07.04.1821), Надежда («смолянка»), Николай Егорович (коллежский секретарь), Анна Егоровна (22.01.1772-19.03.1840) (муж Павел Аполлосович Наумов (28.06.1764-20.04.1839)).

М.А. Деденев родился 3 ноября 1721 г. 3 (7) июня 1732 г. поступил в Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Закончил обучение 23 (26) февраля 1741 г. в звании фурьер. При выпуске получил следующий аттестат: «разумет и говорит по немецки, пишет по орфографии хорошо, геометрию, практику, регулярную и иррегулярную фортификацию окончил, и ныне обучается атаке, рисует ландшафты красками, имеет начало в фехтовании и танцовании, а 13 мая 1740 определен был помощником для обучения российского фортификационного класса». В 1741 г. поступил в инженерный корпус. Принимал участие в Русско-шведской войне (1741-1743). В 1742 г. инженер-подпоручик (9 июня 1741) М.А. Деденев находился в Выборге. В 1748 г. участвовал в Войне за австрийское наследство (1740-1748) (Рейнский поход). В 1750 г. инженер-капитан-поручик М.А. Деденев был одним из руководителей второго звена Инженерной школы. В том же 1750 г., М.А. Деденев участвовал в проектировании усиления крепостной ограды Кронштадта (проект утвержден не был). В 1754 г. М.А. Деденеву было поручено составить проект потешной крепости Петерштадт в Ораниенбауме. 6 октября 1756 г. он был произведен из генерал-вагенмейстеров в артиллерию обер-кригс-комиссары, причем новое звание исчислялось с 25 декабря 1755 г. 18 марта 1757 г. артиллерии обер-кригс-комиссар М.А. Деденев был назначен в комиссию под председательством генерал-аншефа Вилима Вилимовича Фермора (1702-1771), образованную указом Сената, «для рассмотрения положения российских крепостей». Возможно, что в 1758 г. М.А. Деденев был проектировщиком крепостцы Петршанец находившейся у Риги, на левом берегу Двины (его воинское звание на то время не соответствует званию приведенному в источнике). 11 мая 1758 г. инженер-полковником (исчислялся с 1 января 1758 г.) был определен к крепости Санкт-Петербургской. С 1 января 1759 г. инженер-генерал-майор. С 1759 г. М.А. Деденев начальник Инженерной чертежной. С 1762 г. по 1782 г., с перерывами,

был при проектировании и строительстве Вышневолоцкой водной системы (Сясьский канал). В 1762–1763 гг. участвовал в проектировании и строительстве, совместно с архитектором Антонио Ринальди (1709–1794), вместо сгоревших в 1761 г. деревянных, каменных пеньковых складов («амбаров») в Санкт-Петербурге. 2 августа 1763 г. был направлен в Астраханский департамент крепостей в крепость Святого Дмитрия Ростовского (дела по строительству пеньковых складов были переданы в ведомство Канцелярии строения). Со второй половины 1763 г. снова был при строительстве канала от р. Волхов до р. Волги. Кавалер ордена святой Анны (1764?). На 1765 г. являлся владельцем 125 крепостных крестьян мужского пола. С 18 мая 1766 г. генерал-поручик. Выключен из Инженерного корпуса. 22 января 1767 г. М.А. Деденев был избран одним из 26 «поверенных» от Васильевской части Санкт-Петербурга для участия в выборах городского головы и депутата от города в Комиссию для сочинения проекта Нового Уложения. С 1767 г. член Военной коллегии. 4 августа 1769 г. генерал-поручик М.А. Деденев, по указу императрицы Екатерины II, был командирован «для осмотра положения мест от Днепра до Азовского моря и для прожектирования с той стороны границам империи... укрепления». В ноябре 1769 г. генерал-поручик М.А. Деденев возвратился из Приазовья и представил в феврале 1770 г. в Военную коллегию проект новой пограничной Линии (Днепровской пограничной линии) состоявшей из семи крепостей. При строительстве крепостей Днепровской линии генерал-поручик М.А. Деденев проявил себя как инженер-новатор, он впервые, по крайней мере в России, применил в фортификационном деле полигональный (капонирный) фронт. Вероятно он на практике осуществил то, что только в теории было представлено французским фортификатором маркизом Марком Рене де Монталамбером (1714–1800) в сочинении «Перпендикулярная фортификация», изданном в 1778 г. На заседании Совета при Высочайшем Дворе (Совет) от 22 апреля 1770 г. проект (второй по счету) Линии был одобрен и принят к исполнению. 26 апреля 1770 г. на Совете были рассмотрены представленные Военной коллегией «докладные пункты», являвшиеся как общим планом мероприятий по организации строительства Линии «по рекам Берде и Московке», так и списком действий по ее военному устройству и функционированию. На этом же заседании Совета генерал-поручик М.А. Деденев был назначен **Главным командиром** (первым) Линии. 10 мая 1770 г. императрица Екатерина II утвердила двенадцать «докладных пунктов» Военной коллегии и кандидатуру генерал-поручика на должность Главного командира Днепровской линии. Летом 1771 г. заболевшего М.А. Деденева сменил на этой должности генерал-майор В.А. Чертков. М.А. Деденев по-прежнему является одним из главных основателей современного г. Запорожья (до 1921 г. - Александровск) (Украина), так как именно он был автором проекта крепости Александровской, положившей начало этому городу. Он же выбрал место для строительства этой крепости. С 3 ноября 1771 г. М.А. Деденев «присутствующий» в 3-м департаменте Правительствующего Сената. 21 апреля 1773 г. стал действительным тайным советником. С 1774 г. участвовал в строительстве Лифляндских ворот в Санкт-Петербурге (архитектор А. Ринальди; в 1776 г. в строительстве ворот участвовал «за архитектора» Иван (Иоганн) Михайлович Лем (Лейм) (1738–1810)). С 1775 г. руководил строительством Большого каменного театра в Санкт-Петербурге (проект обер-архитектора А. Ринальди; в 1777 г. в строительстве театра участвовал архитектор И.М. Лем (Лейм)). 10 июля 1775 г., «по случаю торжества о замирении с турками», стал кавалером ордена святого великого князя Александра Невского. 11 января 1786 г. избран предводителем дворянства Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии.

Скончался М.А. Деденев в Санкт-Петербурге 17 марта 1786 г. Дата его смерти зафиксирована в метрической книге церкви Владимирской Пресвятой Богородицы в Придворных слободах. Дом, в котором проживал и умер действительный тайный советник, находился на территории прихода этой церкви, на улице Владимирской (в городе М.А. Деденеву, в разное время, принадлежало несколько домов, один из которых, двухэтажный, деревянный на каменном фундаменте, в 1771 г. был на Васильевском острове в 5-й линии). В метрике указано, что «Сенатор и кавалер Михаил Алексеевич Деденев» скончался в возрасте 70 лет «от старости». Сделана на полях и приписка: «В Невской». Очевидно имелось ввиду, что покойник похоронен в Александрово-Невской лавре. Здесь же указано, что исповедовал М.А. Деденева священник (иерей) Иоанн Феодоров (1745–02.01.1789). Смерть М.А. Деденева нашла свое отражение и в дошедшем до нас эпистолярном наследии XVIII в. Так в письме от 17 марта 1786 г. Николай Александрович Львов (1751–1803) кратко проинформировал своего приятеля и коллегу по литературному цеху Гавриила Романовича Державина (1743–1816) о его кончине: «Деденев сенатор умер». Похоронен сенатор был на Лазаревском кладбище Александрово-Невской лавры, недалеко от надвратной церкви во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радости». Надгробие на его могиле представляло из себя две горизонтально лежащие друг на друге плиты. Обе плиты имели вид равнобедренных трапеций, сужающихся на восток, к ногам погребенного. Первая плита, выполненная из известняка, была положена непосредственно на землю, она несколько больше чем вторая. Ее боковые стороны по 205 см, в голове она 105 см, а в ногах 86 см. Толщина

(высота) ее 10 см. На этой плите, в неглубокой выемке (1 см), находилась, несколько выступавшая над «подложкой», мраморная плита (доска) с эпитафией в ее широкой части. Размеры боковых сторон этой плиты были по 172 см, в голове она была 92 см, а в ногах 78 см. На сегодня могила М.А. Деденева безымянна. От его памятника сохранилась только известняковая плита. Хотя в 1940-х годах мраморная плита еще существовала, но уже тогда была разбита, а ее нижняя часть была утрачена. Согласно данным Государственного музея городской скульптуры г. Санкт-Петербурга, надпись на этой плите гласила: «Здѣсь погребено тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михаила Алексеевича Деденева, родившагося въ 1720 году...скончавшагося въ 1786 году». Правда в «Петербургском некрополе», изданном в 1883 г., приводятся другие данные. В нем его автором, Владимиром Ивановичем Саитовым (1849-1938), сообщается, что тогда на этой плите еще можно было прочесть: «Деденев Михаил Алексѣевич, д.т.с., сенатор, кавалер орд. св. Александра Невскаго и св. Анны...». На этом же кладбище, дочерью М.А. Деденева, был установлен памятник матери, т.е. супруге сенатора, умершей в апреле 1793 г. На этом надгробии была сделана следующая надпись: «Деденева Авдотья Петровна жена Михаила Алексеевича Деденева р. 4 мая 1735 + на 9 апреля 1793 во 2 часу по-полуночи. Жила 57 л. памятник ставила дочь Анна Михайловна Деденева 25 мая 1793». Тот же В.И. Саитов утверждает, что этот памятник был «общим» и для М.А. Деденева, и для его супруги. Памятник этот не сохранился.

Супругой М.А.Деденева была Евдокия (Авдотья) Петровна Деденева (04.05.1735?-09.04.1793), которая являлась дочерью историка Петра Никифоровича Крекшина (1692/93-31.08.1764) и его жены Анны Ивановны Крекшиной (по первому умершему мужу- Еремеева, урожденная Румянцева) (1718-1737?). Это уже был второй брак историка. Первой его женой была Акилина (Федоровна / Лаврентьевна) Ладыженская (1698/1709-1734). Деденевы и Крекшины являлись земляками, у них была одна малая родина- новгородщина. В 1766 г. М.А. Деденев судился с супругой по поводу ее имения, которым, как он считал, она была неспособна управлять «по слабости разума и дурному поведению». Он просил императрицу назначить к имению жены опекуна и ради их детей, запретить продажу принадлежавшей ей земли. М.А. Деденев выиграл этот суд, по результатам которого Авдотье Петровне было запрещено распоряжаться собственным добром. Непростые отношения между супругами в этот период времени зафиксированы в личной переписке литератора Дениса Ивановича Фонвизина (1745-1792). Дети Михаила Алексеевича и Евдокии Петровны Деденевых: сын Алексей Михайлович Деденев (07.02.1754-13./15.09.1791 (умер «от паралича», его смерть зафиксирована в метрической книге церкви Владимирской Пресвятой Богородицы в Придворных слободах под N 83, похоронен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге)), полковник (21 апреля 1789) Софийского пехотного полка, был женат (с 4 февраля 1785) на дочери генерал-майора Василия Ивановича Разумовского (1727-1800) и Александры Федоровны Разумовской (урожденной графини Апраксиной) (ск. 22.04.1806)- Александре (04.10.1761-19.04.1816) (их дети: Софья (09./20.05.1786-30.03.1833) (ее супруг Матвей Евграфович Храповицкий (09.08.1784-31.10.1847)- генерал-адъютант, генерал от инфантерии), Юлия (р. 11.05.1790), Михаил (06.08.1793?-21.01.1831)- камергер, коллежский асессор, кавалер орденов св. Владимира 4-й степени и св. Анны 3-й степени, служил в Коллегии иностранных дел, скончался в Дрездене (похоронен в Сергиевой пустыни у церкви Св. Сергия)) и дочь «девица» Анна Михайловна Деденева (25.01.1755-01.01.1796 (03.01.1796 (дата погребения)), умершая «чахоткою» (ее смерть зарегистрирована при церкви Святой Великомученицы Екатерины, что в Екатерингофе. Была похоронена на Васильевском острове, на Смоленском православном кладбище у церкви Смоленской иконы Божией Матери).

После смерти М.А. Деденева, примерно в 1786-1788 г. и в 1791 г., архив историка П.Н. Крекшина, доставшийся семье Деденевых по-наследству, частями был приобретен собирателем и коллекционером русского исторического рукописного наследия графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным (1744-1817). В 1792-1793 г. семья продала за 10 тысяч рублей часть архива уже самого М.А. Деденева. «Карты и планы» из этого архива были приобретены Екатериной II для императорского Кабинета. Эта сделка была осуществлена при посредничестве Г.Р. Державина, который являлся одним из опекунов детей умершего в 1791 г. полковника А.М. Деденева.

Описание герба Деденевых. «В Щите имеющем голубое поле изображена золотая Лилия. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем Короною и пятью Павлиньими перьями, по средине которых означена золотая Лилия. Намет на щите голубой подложенный золотом».

Василий Алексеевич Чертков (01.03.1726-24.09.1793). Родился В.А. Чертков в г. Санкт-Петербурге в семье флотского капитана полковничьего ранга (18 января 1733) Алексея Никитича Черткова (1692-18.03.1737) и его супруги Анны Ивановны Чертковой (урожденной Львовой) (1702-14.04.1728). Имел брата Ивана (р. 1728), умершего в младенчестве. 10 апреля 1742 г. поступил в Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Капрал (22 декабря 1747), сержант (13 февраля 1748). В 1750 г. окончил обучение в Корпусе, но был оставлен при нем для обучения кадет. В 1758 г. назначен

преподавателем инженерного, артиллерийского, фортификационного искусств и командиром артиллерийской кадетской роты состоявшей при Корпусе. Поручик (армейский) (9 февраля 1750), капитан (армейский) (5 декабря 1751). С 1758 г. участвовал в цензурном надзоре над изданиями типографии Корпуса. Капитан (кадетский) (12 марта 1759), майор (кадетский) (5 января 1761), подполковник (11 июня 1761). С 8 мая 1764 г. в звании бригадир (8 мая 1764) служил в Новороссийской губернии комендантом в крепости Святой Елисаветы. В 1766-1775 гг. был на обер-комендантской должности в Кременчуге. С 1770? г. заместитель Главного командира Новороссийской губернии (до 1775 г. числился в присутствии Новороссийской губернской канцелярии). В 1767 г. был в числе дворян Московской губернии, Московского уезда подписавших наказы своему депутату генерал-аншефу Петру Ивановичу Панину (1721-1789), выбранному в Комиссию для сочинения проекта Нового Уложения. С 21 апреля 1771 г. генерал-майор. С 10 июня 1771 г. по 11 января 1776 г. **Главный командир** (второй) Днепровской линии. 6 ноября 1774 г. генерал-майор В.А. Чертков стал кавалером ордена святой Анны. С 10 июля 1775 г. по 16 февраля 1782 г. губернатор Азовской губернии. При этом, с 11 января 1776 г. по 1782 г. он был **Командиром** (первым) (заместителем Главного командира Линии) Днепровской линии. В 1776-1782 гг. генерал-майор В.А. Чертков шеф Луганского пикинерного полка (поселенного). В 1776 г. основал губернский центр Азовской губернии г. Екатеринослав (1-й). С 28 июня 1777 г. генерал-поручик. Командир регулярных и иррегулярных полков поселенных в Азовской губернии. В 1779 г. основал г. Мариуполь. В 1780-1782 гг. при Пограничной дивизии в Азовской губернии. С 16 февраля 1782 г. на должности генерал-губернатора Воронежского (по 1793 г.) и Харьковского (до 10 июня 1787 г.) наместничеств. Также, с 10 июня 1787 г. по 1793 г. генерал-губернатор Саратовского наместничества. С 24 ноября 1782 г. кавалер ордена святого Александра Невского. 13 апреля 1793 г. был освобожден от службы на год с сохранением жалованья. Скончался в своем имении в селе Хвощеватка Землянского уезда. Похоронен в воронежском Покровском девичьем монастыре (монастырь и могила не сохранились). Был женат (с 1752/53 г.) на дочери статского советника Дмитрия Ивановича Семичева (ск. 1756)- Наталии (1729-21.05.1790). В браке родилось 11 детей. Среди них: Мария (1753-1770), Дмитрий (01.05.1758-01./11.04.1831) (супруга (с 7 октября 1786) урожденная Евдокия Степановна Тевяшова (21.02.1769-24.05.1800)), Николай (1759-1838?) (супруга урожденная Наталия Алексеевна Хрушова (1773-1829)), Анна (1760-09.08.1796) (замужем за Андреем Яковлевичем Леванидовым (1747-26.02.1802)), Варвара (1763-1826) (в замужестве княгиня Урусова). В.А. Чертков известен на литературном поприще переводом комедии Жана-Батиста Руссо (1670-1741) «Кофейня», который был издан в 1765 г. в крепости Святой Елисаветы под названием «Кафейной дом».

Григорий Александрович Потемкин (-Таврический, 8 июня 1787) (30.09.1739-05.10.1791). Из смоленских дворян. Родился в селе Чижово, в семье участника Северной войны (1700-1721) прапорщика (1708); подпоручика, поручика (1709); капитан-поручика (1710); капитана (1712); майора (1728); подполковника (1742) Александра Васильевича Потемкина (1673/75-1746) (женат вторым браком, с первой супругой Мариной Ивановной Потемкиной был в разводе) и его супруги (с 1727 г.) Дарьи Васильевны Потемкиной (урожденной Кафтыревой) (ок. 1704-1780) (в первом браке (с 1720 г.) за Иваном Ивановичем Скуратовым (ск. 1724)). В службе с 1754 г. Во время службы в лейб-гвардии Конном полку, в чине вице-вахмистра, в 1762 г., принял активное участие в дворцовом перевороте приведшем Екатерину II на трон. Участник Русско-турецкой войны (1768-1774). Действительный камергер (22 сентября 1768). Генерал-майор (22 сентября 1768). Генерал-поручик (21 апреля 1773). Ее Императорского Величества генерал-адъютант (1 марта 1774). Член Совета при Высочайшем Дворе (5 мая 1774). Генерал-аншеф (30 мая 1774). Вице-президент (30 мая 1774); президент (2 февраля 1784) Военной коллегии. Новороссийский (31 мая 1774), Азовский (14 февраля 1775), Астраханский (1776), Саратовский (11 января 1780), Екатеринославский (30 марта 1783), Таврический (2 февраля 1784), Харьковский (10 июня 1787) генерал-губернатор. Сенатор (1776). В 1775 г. генерал-аншеф Г.А. Потемкин был инициатором и организатором упразднения Ее Императорского Величества Войска Запорожского Низового. С 11 января 1776 г. по 5 октября 1791 г. **Главный командир** (третий) Днепровской линии. Основатель городов: Херсона (1778), Севастополя (1783), Екатеринослава (1787), Николаева (1789). Граф (10 июля 1775). Светлейший князь (21 марта (16/ 27 февраля) 1776). Генерал-фельдмаршал (2 февраля 1784). Главноначальствующий над Черноморским флотом и Адмиралтейством (13 августа 1785). В 1787 г. организовал путешествие императрицы Екатерины II в Крым. Во время Русско-турецкой войны (1787-1791) командовал крупными воинскими соединениями (армиями и дивизиями). Великий гетман Екатеринославских и Черноморских казацких войск (10 января 1790). Был инициатором и исполнителем присоединения Крыма к России в 1783 г. Принимал самое деятельное участие в заселении и в хозяйственном освоении Северного Причерноморья. Кавалер российских орденов: святой Анны (1770); святого Георгия 3-го класса (27 июля 1770), 2-го класса (26 ноября 1775), 1-го класса (16 декабря 1788); святого Александра Невского (1774); святого апостола

Андрея Первозванного (25 декабря 1774); святого Владимира 1-й степени (22 сентября 1782) (был награжден также пятью иностранными орденами). 5 октября 1791 г. умер по дороге из Ясс в Николаев. Похоронен в Херсоне 23 ноября 1791 г. Не исключено, что в 1774 г. Г.А. Потемкин стал законным мужем императрицы Екатерины II. Возможно также, что у Г.А. Потемкина и императрицы Екатерины II был общий ребенок- Елизавета Григорьевна Темлицкая-Темкина (13.07.1775-25.05.1854) (с 4 июня 1794 г. замужем за Иваном Христофоровичем Калагеорги (1766- ок. 1841)). Г.А. Потемкин имел пять сестер: Марию (1726?-1774?) (замужем за Николаем Борисовичем Самойловым (1718-1791)), Пелагею (р. 1729/30) (замужем за Петром Егоровичем Высоцким (ск. после 1794), Марфу (Елену) (1732/34-1767/69) (замужем за Василием Андреевичем Энгельгардтом (1735?-до 1794)), Надежду (1740?-1757) (девица), Дарью (р. 1742/43) (замужем за Александром Александровичем Лихачевым).

Командиры

Николай Данилович Языков (1740-09.08.1803). Из дворян Московской губернии. Родился в семье полковника (18 апреля 1728); статского советника (6 ноября 1740); действительного статского советника (13 мая 1754) Даниила Степановича Языкова (1685-после 1761), который являлся участником Северной (1700-1721) и Русско-турецкой (1735-1739) войн (дед Н.Д. Языкова- Степан Семенович Языков). В 1740 г. Д.С. Языков был членом Санкт-Петербургской ратуши, а 28 сентября 1743 г. назначен Главным командиром в Ямскую канцелярию. 28 декабря 1761 г. уволен в отставку с чином тайного советника. Д.С. Языков был помещиком Переславль-Залесского, Вологодского, Белевского, Дмитровского и Казанского уездов. Н.Д. Языков в службе с 18 февраля 1752 г. Н.Д. Языков являлся участником Семилетней (1756-1763) и Русско-турецкой (1768-1774) войн. В 1773-1776 гг. полковник (13 декабря 1770); бригадир (22 сентября 1775) Орловского пехотного полка. В 1775 г. участвовал в ликвидации запорожской Сечи. Генерал-майор (7 июня 1777/ звание исчислялось с 22 сентября 1778). С 7 июня 1777 г. по 1783 г. губернатор Новороссийской губернии. С 27 сентября 1782 г. по 1783 г. был вторым, после генерал-поручика В.А. Черткова, **Командиром** Днепровской линии. Шеф Днепровского пикинерного полка. 28 сентября 1778 г. стал кавалером ордена святой Анны. В 1784-1795 гг. уволен из воинской службы «до определения к месту, с жалованьем». В 1785-1788 гг. предводитель дворянства Дмитровского уезда Московской губернии. В 1796 г. назначен «ко определению к делам». Н.Д. Языков был женат (с 1776? г.) на вдове Екатерине Николаевне Ушаковой (урожденной Репнинской (по другим данным Воейковой)) (1740-19.09.1810) (первый муж бригадир Александр Федорович Ушаков (ск. 1775?)). Имел сына Дмитрия (р. 1787), который в чине капитан Преображенского полка был убит 8 октября 1813 г. под Лейпцигом (его дочь (девица) София умерла 25 февраля 1817 г.), незамужнюю дочь Екатерину (1777-20.02.1846). Все пятеро были похоронены в Пешношском монастыре Дмитровского уезда Московской губернии. Н.Д. Языков имел также сына Петра и дочь Елену (р. 1795).

Тимофей Иванович Тутолмин (03.01.1740-01.11.1809). Из дворян Калужской губернии. В службе с 1750 г. кадетом Сухопутного кадетского корпуса. Участник Семилетней (1756-1763) и Русско-турецкой (1768-1774) войн. В 1766-1767 гг. премьер-майор (7 июля 1766) Ингерманландского карабинерного полка. В 1768-1770 гг. подполковник (1 января 1768) Ямбургского карабинерного полка. В 1771-1773 гг. полковник (8 июля 1770) Сумского гусарского полка. В 1774 г. участвовал в подавлении пугачевского восстания. С 30 ноября 1775 г. по 1776 г. бригадир (22 сентября 1775), поручик правителя Тверского наместничества. С 31 августа 1776 г. по 1783 г. генерал-майор (28 июня 1777), правитель Тверского наместничества. В 1783 г. губернатор Новороссийской губернии и **Командир** (третий) Днепровской линии, первоприсутствующий в Комиссии Днепровской линии. С 1783 г. по 26 марта 1784 г. генерал-поручик (22 мая 1784), правитель Екатеринославского наместничества. С 26 марта 1784 г. по 27 мая 1793 г. генерал-губернатор Архангельского и Олонецкого наместничеств. С 27 мая 1793 г. по 1 декабря 1796 г., сенатор 1-го департамента (20 июня 1793), генерал-аншеф (2 сентября 1795), генерал-губернатор Минской, Изяславской, Брацлавской и Волынской губерний, Подольского наместничества. С 9 февраля 1798 г. в отставке. С 3 (10) августа 1806 г. по 7 августа 1809 г. генерал от инфантерии, военный губернатор Москвы, управлявший и по гражданской части. Член Государственного Совета (с августа 1809). Кавалер орденов: святого Георгия 4-го класса (26 ноября 1775), святой Анны 1-го класса (март 1779), святого князя Владимира 2-й степени (1779), святого Александра Невского (1 апреля 1789), святого князя Владимира 1-й степени (1790), святого Андрея Первозванного (15 сентября 1807). Родился в семье корнета конной гвардии Ивана Ивановича Тутолмина (1706/07-1746) и его супруги Н. Михайловны Тутолминой (урожденной Павловой). Имел брата Никиту (р. 1732/33). Был женат: 1-м браком на Елизавете Михайловне Тутолминой (урожденной Арсеньевой); 2-м браком на Варваре Алексеевне Тутолминой (урожденной Вердеревской) (ск. 02.04.1808). Дети: сын Алексей (25.11.1770-18.11.1823) (был женат: 1-м браком (03.05.1794) на

Варваре Михайловне Тутолминой (урожденной Арсеньевой) (19.11.1774-12.11.1805); 2-м браком на Екатерине Николаевне Тутолминой (урожденной Языковой) (08.10.1784-06.04.1831)), дочь Мария (19.08.1775-11.07.1835) (с 10 ноября 1791 г. замужем за Иваном Тарасовичем Арсеньевым).

Обер-коменданты, коменданты и плац-майоры

Непосредственно на Линии командование всеми крепостями и их комендантами осуществлялось обер-комендантом Линии. Отдельными крепостями, соответственно, руководили коменданты. Коменданту подчинялись: гарнизонный батальон (полк), инженерная и артиллерийская команды крепости. В его ведении находилось военное и хозяйственное функционирование крепости. То есть: обеспечение исполнения обязанностей гарнизонной службы и содержание крепости в должном оборонительном состоянии, надзор за арестантами, взаимодействие с воинскими командами временно находящимися при крепости, контроль за въезжающими в крепость и покидающими ее. В ведении коменданта также находились, до 1797 г., и казенные склады. На обер-комендантскую и комендантские должности назначались, как правило, офицеры «из отставных неимеющих пропитания, или в отставку желающих, или из находящихся в гарнизонах, или из них состоящих на пенсионе» [14, 68-69]. По штату на Линии должны были быть 1 обер-комендант в звании бригадир и 7 комендантов в звании полковников, которые должны были получать жалованье в год: обер-комендант- 800 рублей, а коменданты- по 600 рублей (с 6 октября 1797 г. коменданты стали получать жалованье наравне с армейскими офицерами, только без рационов [28, 760-761]). При каждом из них, при комендантской канцелярии, должны были состоять 2 писаря. Также на Линии должны были служить 3 плац-майора. В обязанности плац-майора, который являлся помощником коменданта и был наделен полицейскими функциями, входило обеспечение порядка в крепости. Плац-майор должен был получать в год 166 рублей 66 2/3 копейки. Комендантам и плац-майорам денщики были не положены. Однако последнему «для услуг» позволялось привлекать на время одного солдата [1, 34-36; 2, 121-122]. Только после указа от 27 марта 1797 г. коменданты и плац-майоры получили право иметь при себе штатное количество денщиков [28, 516].

Мундир коменданта (до 1786 г.) в звании полковник был подобен мундиру штаб-офицера гарнизонного батальона. Мундир коменданта, обер-коменданта (до 1786 г.) в звании бригадир и генерал-майор отличался от мундира штаб-офицера, в основном, золотым шитьем кафтана, камзола и треуголки (см. ниже по тексту) [1, 98-99/ 473].

В течении 1770-1771 гг. ко всем крепостям строящейся Линии были определены обер-комендант и коменданты: в крепость Кирилловскую обер-комендант бригадир Андрей Иванович Медер (1724-1792) (обер-комендант Линии продолжал находиться «при Армии»), в крепость Александровскую комендант полковник В.-Л. фон Фредерздорф, в крепость Петровскую комендант полковник Ф. Я. де Роберти, в крепость Никитинскую комендант полковник Василий Степанович Волков (1727-1793), в крепость Григорьевскую комендант полковник Отто-Габриель фон Роткирх (1728-1776), в крепость Алексеевскую комендант полковник Отто-Рейнгольд Байер фон Вейсфельд (р. 1723), и в крепость Захарьевскую комендант полковник Михаил Михайлович Караватка (1723-1793). Причем полковник О.-Г. фон Роткирх должен был находиться «до окончания строением Линии в Яссах», где он был комендантом [6, 131-135].

Состав офицеров побывавших на обер-комендантских и комендантских должностях Линии, характеризуется большим национальным (в современном понимании этого слова) многообразием. В этих должностях на Днепровской линии служили: 9 немцев, 8 русских, 3 серба, 2 итальянца, 1 француз? и 1 румын. Сербы, итальянцы, француз? и румын были выходцами из других государств, но все они были российскими подданными, и до своего назначения на Линию прослужили в русской армии не менее 10 лет каждый. Большинство немцев были остзейцами, выходцами из Лифляндии, т.е. из российской Прибалтики.

Предполагалось, что ставка обер-коменданта Линии будет находиться в центральной крепости Линии- Кирилловской. Однако на деле обер-комендант, хотя и числился официально, согласно штату, при крепости Кирилловской, проживал и в других крепостях. Например, в крепости Александровской, как генерал-майор Н.Я. Ланов в 1783 г. и в 1786 г., или в крепости Петровской, как бригадир Густав Таубе (1730-1796) в 1795 г. Происходило это из-за того, что эта крепость была не совсем обустроена, так как ее строительство началось только в 1774 г. и находилась она к тому же в «степном и малолюдном месте» [1, 176/231/288].

Согласно штату Линии в крепостях должны были служить 7 комендантов и один обер-комендант (в крепости Кирилловской должны были находиться комендант и обер-комендант). Во все крепости Днепровской линии назначались согласно штату коменданты. Даже в крепость Григорьевскую и в крепость Алексеевскую, которые как фортификационные объекты не действовали.

Судя по документальным источникам, в крепости Григорьевской гарнизона никогда не было. Крепость эта была начата строением в 1771-1772 гг., но потом, вероятно к 1773 г., ее сооружение было прекращено. Так, проезжавший осенью 1773 г. вдоль Днепровской линии и остановившийся на ночевку в крепости Григорьевской академик Иоганн-Антон Гюльденштедт (Гильденштедт) (1745-1781) отметил, что у этого укрепления «уже частично есть валы, но оно пусто» [1, 52]. В 1777 г. было составлено описание состояния крепостей Днепровской линии, где было отмечено, что крепость Григорьевская «за невыгодным местоположением» была оставлена. А намеченная к строительству вместо нее крепость Ново-Григорьевская, как следовало из того же описания, была только в проекте, и гарнизона при ней не было [4, 138-139]. И как видно из других документов, строительство крепости Ново-Григорьевской так и не было начато [4, 248-250].

Начатое в 1771-1772 гг. строительство крепости Алексеевской было прекращено, также вероятно к 1773 г. Рабочие к этому времени уже успели насыпать крепостные валы, но этим все и ограничилось. В 1773 г. академик И.-А. Гюльденштедт записал, что эта крепость стоит совершенно пустой и что при ней имеется только почтовая станция, которая находится в ведении Донских казаков [1, 52]. Предполагалось на другом месте построить новую крепость, но это так и не было осуществлено. Воинского гарнизона ни до 1773 г., ни после, при этой крепости не состояло [4, 138-139]. Однако в крепость Алексеевскую, как и в крепость Григорьевскую, регулярно назначались коменданты.

Поэтому для того чтобы коменданты этих не действующих крепостей находились при деле, они определялись служить в другие места. Например, третий комендант крепости Алексеевской бригадир Андрей Андреевич Пеутлинг (1723-1787) служил в 1776 г. в Комиссии Днепровской линии, а потом был командирован служить комендантом в Таганрогскую крепость. За неимением своей крепости, коменданты крепости Алексеевской служили также комендантами в крепости Кирилловской. Как тот же бригадир А.А. Пеутлинг и бригадир Алексей Яковлевич Обернибесов (р. 1727). Относительно комендантов крепости Григорьевской, надо отметить, что автору пока не встретилось ни одного документа, в котором бы фиксировалось их присутствие на Линии.

В крепостях Днепровской линии жилье для обер-коменданта и комендантов должно было представлять собой комплекс построек жилого, служебного и хозяйственного назначения. Но не во всех действовавших крепостях Линии это удалось осуществить целиком и полностью. Так, в крепости Александровской для коменданта и плац-майора должны были быть построены отдельные «кварталы». Но в результате, комендант этой крепости проживал в «крестообразном» доме, который при проекте планировался как дом для приезжих [4, 248-250]. В крепости Никитинской (2-й) на 1779 г. дом для коменданта уже был построен, но еще не были готовы все служебные и хозяйственные постройки к нему [1, 526]. В крепости Кирилловской на 1783 г. еще только планировали находившийся в Васильевской цитадели «инженерной дом со службами» переоборудовать «для жительства коменданта» [1, 528]. В крепости Захарьевской (2-й), которая начала строиться в 1777 г., а в 1779 г. все работы в ней были прекращены, комендант в 1777 г., как и все остальные, проживал в «худой» землянке [4, 138-139]. В крепости Петровской на 1780 г. фиксируется деревянный дом для коменданта [1, 531].

28 января 1797 г. должность обер-коменданта была упразднена. И обер-комендант Линии стал обычным комендантом [28, 304-305]. В конце того же года была ликвидирована и Днепровская линия. Из всей бывшей Линии в строю остались только две крепости: Александровская и Петровская, в которых институт комендантов просуществовал до 1800 г.

Крепость Кирилловская (8 июля 1774-1797 гг.)

Андрей (Иоганн-Андреас) Иванович Медер (Meder) (1724-17.10.1792). Сын мекленбургского врача. В службе с 1 августа 1741 г. В 1742 г. инженер-кондуктором 3-го класса при Инженерной школе. Во время Семилетней войны (1756-1763), в 1762-1763 гг., А.И. Медер находился, в должности обер-квартирмейстера, при Лифляндской дивизии. 15 марта 1766 г. обер-квартирмейстер А.И. Медер (из Эстляндской дивизии) и дивизион-квартирмейстер поручик Николай Ефимьев были командированы для обмежевания земли Войска Донского. 14 мая 1770 г. бригадир (14 мая 1770) А.И. Медер был определен **обер-комендантом** (первым) на Днепровскую пограничную линию. Однако на Линии он не был, но в должности числился до 1775 г. В 1770 г., во время Русско-турецкой войны (1768–1774), был в действующей армии и участвовал во взятии крепостей Килии и Аккермана. 27 августа 1770 г. бригадир А.И. Медер был награжден, за отличие, («за учиненное представление к употреблению себя самопроизвольно в должности инженера при осаде Килии и оказанное при том отменное усердие и труды, подаванием способом к овладению помянутым городом»), орденом святого Георгия 4-го класса. С 13/27 ноября 1771 г. по 1774 г. находился в должности губернатора Валахии. После окончания войны и до своих последних дней генерал-майор (14 августа 1775) А.И. Медер был

«у производства крепостного строения, в землях войною вновь приобретенных». Был женат (бра́к был заключен 15 сентября 1754 г. в Пассау) на Анне-Катарине Христофоровне Медер (урожденной фон Химмельауф (Himmelauf)) (крещена 14.02.1732 в Пассау). Имел сына Андрея (13.04.1760-после 1808) и вероятно сыновей: Александра (1770-13.06.1823), который был женат на Татьяне Николаевне Медер (ск. 02.04.1822) и Петра, женатого на Элеоноре Медер. Братом А.И. Медера был бригадир (24 ноября 1794); генерал-майор (1797); генерал-лейтенант (30 октября 1798) Федор Иванович Медер (ск. 1811), который был женат на Марии (Луизе) Ивановне Медер (урожденной фон Герард) (1762-1828). Возможно его братом был также Виктор (Иван-Виктор) Иванович Медер, который находился при Инженерном корпусе с 17 сентября 1739 г., впоследствии он служил в Сибири на горных заводах. Его детьми были Петр Иванович Медер (1769-13.04.1826) и Александр Иванович Медер (ск. 25.05.1848). На 1781 г. А.И. Медер в Херсонском уезде Новороссийской губернии, «при реке Ингуле с левой стороны и озере Балацковом», владел 6000 десятинами земли.

Николай Яковлевич Ланов (1720/24-1788). Происходил из дворян. Его отец, Яков Васильевич Ланов, был из дворовых людей стольника Ивана Федоровича Башева (ск. 1711). Я.В. Ланов, начавший служить в армии с января 1703 г., являлся участником Северной (1700-1721), Русско-турецкой (1735-1739) и Русско-шведской (1741-1743) войн. Значительную часть своей службы Я.В. Ланов провел в Остзейских гарнизонах. До 1737 г. он служил в Кронштадте, а 23 июня 1737 г. подполковник (1 марта 1737) Я.В. Ланов был переведен в Кексгольмский гарнизон. С 25 мая 1741 г., в звании полковник (25 мая 1741), он уже командовал Корельским полком Выборгского гарнизона. В 1746-1748 гг. был комендантом Фридрихсгамской крепости. В 1749 г. он снова в Выборгском гарнизоне. В 1750 г. Я.В. Ланов командует Фридрихсгамским гарнизонным полком. В 1751-1752 гг. командир Кюменегорского гарнизонного полка. В 1753-1762 гг. командир Полтавского гарнизонного полка. Н.Я. Ланов в 1745 г. поручиком служил в Выборгском гарнизоне. В чинах: премьер-майор (13 марта 1757); подполковник (1 января 1759) и полковник (1 января 1760) участвовал в Семилетней войне (1756-1763). С 1 января 1760 г. по 17 апреля 1763 г. командовал Псковским пехотным полком. В 1763 г. Н.Я. Ланов, по болезни, был освобожден от строевой службы (сказалась рана полученная 1 августа 1759 г. в левую руку в сражении под Кунерсдорфом). С 1763 г. до своей отставки (11 августа 1772) генерал-майор Н.Я. Ланов являлся обер-комендантом Оренбургской крепости. Недалеко от Оренбурга, на берегу реки Сакмары генерал-майор владел хутором, который продал в 1772 г., осужденному за уголовное преступление на вечную ссылку в Оренбургскую губернию, дворянину Федору Ивановичу Сукину (р. 1722). Повторно в Армию генерал-майор был определен 14 января 1775 г. В 1775-1788 гг. служил **обер-комендантом** (вторым) на Днепровской линии. На Линию прибыл 29 декабря 1775 г. Н.Я. Ланов был женат на Евдокии Михайловне Лановой (1744-после 1795) (в следующем браке-Жеклинова). В их семье было два сына: Иван (1771-после 1834) и Александр (1776-после 1834), и дочь: Надежда (1780-1790). У Н.Я. Ланова был родной брат Петр (р. 1730/31), который также был военным, являлся участником Семилетней войны (1756-1763), а в 1765-1767 гг. был командиром Сумского гусарского полка. Скончался обер-комендант Днепровской линии генерал-майор Н.Я. Ланов вероятно в начале 1788 г. (возможно он умер в крепости Кирилловской и был там же похоронен, так как данных о его смерти в метрических книгах церкви Свято-Покровской нет). С восточной стороны цитадели Васильевской (это все что успели построить в крепости Кирилловской) до 1963 г. существовал кирпичный памятник в виде пирамиды. Не исключено, что это был памятник на могиле генерал-майора Н.Я. Ланова. На 1787 г. в Новомосковском уезде Екатеринославского наместничества генерал-майору принадлежали: земля в количестве 9765 десятин 174 кв. сажень с деревней Николаевкой (Лановкой) с крепостными крестьянами (68 душ м.п. и 43 души ж.п.) и пустош Песок с 2686 десятинами земли.

Иван Яковлевич Старого/ Старово (1733/34-09.07.1789). Происходил из старинного дворянского рода. В 1785 г. у отца И.Я. Старого в Брянском уезде было 20 душ м.п. В военной службе состоял с 1749 г. Был участником Семилетней (1756-1763) и Русско-турецкой (1768-1774) войн. Служил: в 1770-1771 гг. секунд-майором (12 января 1770) в Селенгинском пехотном полку, в 1773-1776 гг. премьер-майором (1 января 1772) в Белевском пехотном полку, в 1779-1785 гг. подполковником (28 июня 1777) в Старооскольском пехотном полку. В 1787 г. полковник (12 февраля 1786) И.Я. Старого командовал 3-м Сибирским мушкетерским батальоном. В 1788 г. Бригадир (24 февраля 1788) И.Я. Старого был назначен **обер-комендантом** (третьим) Днепровской линии. И.Я. Старого был вдов. Его дочь Лукерья, с 6 февраля 1788 г. была замужем за сержантом Кирилловского пограничного батальона Антоном Антоновичем фон Миллером (р. 1761). Бригадир И.Я. Старого состоял в должности недолго. 9 июля 1789 г. обер-комендант, находившийся в крепости Александровской, скончался. Похоронен 11 июля 1789 г.

Густав (Георг-Густав?) (Егор Егорович) Таубе (Taube) (1730-11./22.01.1796). Г. Таубе происходил из лифляндского дворянства, был лютеранином. В службе с 1744 г. Участник: Войны за

австрийское наследство (1740-1748), Семилетней войны (1756-1763), Русско-турецкой войны (1768-1774). Во время продолжения своей службы в армии Г. Таубе служил: в 1765-1768 гг. секунд-майором (10 декабря 1764) в Ладожском пехотном полку, в 1769-1770 гг. премьер-майором (4 декабря 1768) в Брянском пехотном полку, в 1771-1773 гг. подполковником (12 января 1771) в Курском пехотном полку, в 1776 г. полковником (12 сентября 1775) в Копорском пехотном полку (сверх комплекта). В 1771-1774 гг. он исполнял должность коменданта в крепостях Еникольской и Керченской. В 1775-1778 гг. полковник Г. Таубе командовал двуротными командами в Украинской дивизии. 22 (26) ноября 1772 г. подполковник Г. Таубе, за участие во взятии крепости Арабатской был награжден орденом святого Георгия 4-го класса. 16 августа 1778 г. ему было присвоено очередное звание- бригадир. В 1779 г. он числился сверх комплекта и ожидал когда откроется свободная вакансия на должность коменданта. 31 января 1779 г. бригадир Г. Таубе был назначен временно исполнять обязанности коменданта крепости Петровской на Днепровской линии, подменяя ушедшего в отпуск коменданта этой крепости полковника Ф.Я. де Роберти (полковник Ф.Я. де Роберти в крепость Петровскую уже не вернулся, так как 22 июня 1781 г. был определен комендантом в Балтийский Порт). С 1781 г. по 1790 г. бригадир Г. Таубе стал исполнять должность **коменданта** (второго) крепости Петровской, на постоянной основе. 22 сентября 1785 г. награжден, «за тридцати пяти летнюю и безпорочную службу», орденом святого князя Владимира 4-й степени. С 1789 г. стал исполнять обязанности обер-коменданта Линии, оставаясь еще некоторое время, до окончательного утверждения на должность, комендантом крепости Петровской. С 3 апреля 1790 г. по 1796 г. находился в должности **обер-коменданта** (четвертого) Линии (крепость Кирилловская). Скончался Г. Таубе 11 января 1796 г. (по другим данным: 22 января 1796 г.). На 1787 г. в Мариупольском уезде Екатеринославского наместничества бригадир принадлежала пустошь Веселая с 3300 десятинами земли.

Алексей Яковлевич Обернибесов (р. 1727). Происходил из российских дворян. На 1791 г. за ним числилось 29 душ крепостных крестьян. В военной службе с 1739 г. А.Я. Обернибесов прошел: Русско-турецкую войну (1735-1739), Русско-шведскую войну (1741-1743), Семилетнюю войну (1756-1763), Русско-турецкую войну (1768-1774), в 1774 г. участвовал в подавлении Пугачевского бунта. Служил: в 1765-1766 гг. секунд-майором (10 декабря 1764) в Казанском кирасирском полку, в 1767 г. премьер-майором (1 января 1767) в Рижском карабинерном полку, в 1768–1769 гг. в Тобольском карабинерном полку, в 1770 г. подполковником (19 июля 1769) в Вятском карабинерном полку, в 1770-1771 гг. в Наследника кирасирском полку (где был лишен чинов), в 1771-1773 гг. подполковником (25 мая 1771, повторно после разжалованья) в Архангелогородском карабинерном полку. В 1774-1775 гг. полковник (17 марта 1774) А.Я. Обернибесов служил командиром Владимирского драгунского полка. В 1775-1786 гг. комендант в крепости Изюмской. С 4 ноября 1786 г. полковник А.Я. Обернибесов комендант г. Селенгинска. С 1788 г. и до своего назначения на обер-комендантскую должность (1796), бригадир (12 января 1788) А.Я. Обернибесов служил **комендантом** (четвертым) крепости Алексеевской на Днепровской линии, но так как эта крепость не действовала и гарнизона в ней не было, он проживал и служил в крепости Кирилловской, которой и управлял. 7 октября 1796 г. указом Военной коллегии комендант крепости Алексеевской бригадир А.Я. Обернибесов был определен на место умершего **обер-коменданта** Днепровской линии бригадира Г. Таубе. Став пятым и последним обер-комендантом Линии, т.к. 28 января 1797 г. эта должность была упразднена, и с этого времени бригадир стал исполнять обязанности **коменданта** крепости Кирилловской. А.Я. Обернибесов являлся кавалером ордена святого князя Владимира 4-й степени. 9 января 1797 г. Кирилловский гарнизонный батальон был преобразован в полк, который стал именоваться- гарнизонным полком Обернибесова. 4 июня 1797 г. А.Я. Обернибесову было присвоено очередное воинское звание генерал-майор, а 17 сентября 1797 г. он становится шефом своего полка. 17 ноября 1797 г. Высочайшим приказом, крепости Кирилловской гарнизонный полк генерал-майора А.Я. Обернибесова был переведен в крепость Петровскую, а крепость Кирилловская была упразднена. Новым приказом от 15 февраля 1798 г. гарнизонный полк Обернибесова из крепости Петровской был отправлен в крепость Судакскую. Вероятно в марте 1798 г. генерал-майор А.Я. Обернибесов был отставлен от службы, так как с 13 марта 1798 г. гарнизонным полком крепости Судакской стал командовать комендант полковник (13 марта 1798) Петр Яковлевич фон Фалкенклоо (фон Кенклоо) (1746-после 1807), а с 11 мая 1798 г. по 4 марта 1800 г. продолжил командование шеф полка, комендант, полковник (11 мая 1798); генерал-майор (8 июня 1799), барон Георг Францевич фон Вимпфен (12.10.1760-27.06.1807).

Плац-майором в крепости Кирилловской служил: с 24 мая 1795 г. по 1797 г.- секунд-майор (13 февраля 1785) **Николай Николаевич Ларуй**.

Крепость Александровская (1-я: август 1770-23 мая 1771 гг.; 2-я: 23 мая 1771-1800 гг.)

Вильгельм (Вилим)-Людвиг фон Фредерздорф (von Fredersdorff) (1715/17/19- после 1774) (примечательно, что он в своей подписи к документам фамильную приставку «фон» употреблял не всегда) родился, согласно его формулярным спискам разных лет, между 1715 и 1719 гг. С его слов известно, что отец его, умерший до 1757 г., 28 лет служил российской короне. Согласно послужным спискам, В.-Л. фон Фредерздорф принадлежал клифляндскому шляхетству (дворянству) и был лютеранского вероисповедания. Однако его дворянство ничем собственно не подтверждается. Имеются две справки Санкт-Петербургской Государственной юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел, обе за 23 января 1750 г., непосредственно касающиеся этого вопроса. В первой из них, выданной на запрос Военной коллегии, является ли «Людвиг фон Фредерздорф» лифляндским шляхтичем, дан ответ за подписью секретаря Самуэля (Самойла) Ивановича Дена (Dehn) (1710-1782), что этой Коллегии, за неимением у нее списка «о шляхетных в Лифляндии фамилиях», об этом ничего неизвестно. В другой справке, составленной советником Эрнстом-Готлибом Гликом (Глюк/ Glück) (1698-1759/67), выданной непосредственно В.-Л. фон Фредерздорфу, говорилось, что податель ее, «по природе своей лифлянец и с тамошними фамилиями в сродстве находится». То есть и этот, второй, документ прямо не подтверждает его шляхетства, однако формулировка, что он находится в родственных отношениях с лифляндским дворянством, а В.-Л. фон Фредерздорф был действительно женат на лифляндской дворянке Ядвиге-Елене фон Пальменбах (von Palmenbach) (1723-1778), позволяет толковать его по-разному, но все-таки, главным образом, в пользу его подателя. На выдачу такого, можно сказать двусмысленного, документа могло повлиять и то обстоятельство, что Э.-Г. Глюк являлся хоть и дальним, и не прямым, но все-таки родственником В.-Л. фон Фредерздорфа. Жена В.-Л. фон Фредерздорфа, имела двоюродного брата, в будущем, генерал-майора русской армии, Густава-Морица (Ивана Ивановича) фон Пальменбаха (von Palmenbach) (1707-30.11.1770, Игаста). Супруга которого (имя ее неизвестно), принадлежавшая к роду фон Граак (von Graak), приходилась племянницей Э.-Г. Глюку. Сестра Э.-Г. Глюка, Агнета-Августа Глюк (ск. после 1733) была женой Генриха-Беренда фон Граака (von Graak) (1674-1732). То есть, дочь фон Грааков, вышедшая замуж за Г.-М. фон Пальменбаха, была невесткой жены В.-Л. фон Фредерздорфа.

11 мая 1733 г. В.-Л. фон Фредерздорф был принят в российскую воинскую службу. И стал служить в чине вахмистра, в учрежденном 21 июня 1733 г. Лейб-Кирасирском полку (образован из Невского драгунского полка). В 1733 г. полку были определены постоянные квартиры в Эстляндии. Согласно указу Военной коллегии от 30 сентября 1733 г. полку, по укомплектовании, было назначено передислоцироваться в Ригу (на 2 октября 1733 г. в полку нехватало 617 человек, при полном штате в 974 человека). 4 октября 1733 г., по указу Военной коллегии, Лейб-Кирасирский полк должен был, вместе с другими двумя полками и частями рижского гарнизона, отправиться в Курляндию. Где перед ними была поставлена задача занять Митаву, Бауск, Либаву и Гольдинген. С этого времени Лейб-Кирасирский полк, находясь в Польском корпусе, стал участвовать в военных операциях, связанных с начавшейся Войной за польское наследство (1733-1735). С 1733 г. Польским корпусом командовал генерал-аншеф Петр Петрович (Пирс Эдмонд) Ласси (de Lacy) (1678-1751), в 1734 г. его сменил на должности генерал-фельдмаршал, граф Бурхард-Кристоф фон Миних (von Münnich) (1683-1767), а в 1735 г. руководство корпусом принял снова генерал-аншеф П.П. Ласси. 27 декабря 1733 г., по утвержденному императрицей (1730-1740) Анной Иоанновной докладу генерал-фельдмаршала, графа Б.-К. фон Миниха, недоукомплектованный Лейб-Кирасирский полк, находившийся в Курляндии, было решено комплектовать вольноопределяющимися курляндцами и «прочими иноземцами». В 1734 г. войсками находившимися в Курляндии командовал генерал-майор Лудольф (Рудольф)-Август фон Бисмарк (von Bismarck) (1683-1750). В конце 1734 г. команда генерал-майора Л.-А. фон Бисмарка находилась в Речи Посполитой, в Жмудском княжестве. По окончании войны Лейб-Кирасирский полк оставался еще какое-то время в Курляндии, в составе войск руководимых генерал-майором Л.-А. фон Бисмарком. Согласно послужным спискам В.-Л. фон Фредерздорфа, во время этой войны, в 1734-1735 гг. он был в походах и находился «в Полше под местечком Вилдах» (Вильда под Познанию?). Во время службы В.-Л. фон Фредерздорфа в Лейб-Кирасирском полку, этим полком командовали вице-полковники (полковниками этого полка были царствующие особы): в 1735-1741 гг. - полковник (23 ноября 1735); генерал-майор (14 февраля 1740) Эрнст-Иоганн фон Бутлер (von Buttlar) (1690-1771) и в 1741-1749 гг. - полковник (23 февраля 1741) князь Семен Федорович Волконский (1703-1768). По окончании войны, по утвержденному императрицей докладу Кабинета министров от 23 декабря 1735 г., кирасирским полкам решено определить постоянные квартиры, вместо Лифляндии, Эстляндии и Пскова, в Малой России. Сделано это было с целью экономии средств на их содержание. Лейб-Кирасирский полк получил постоянную квартиру в пределах малороссийского Полтавского полка. В Русско-шведской войне (1741-1742) В.-Л. фон Фредерздорф вероятно не участвовал, хотя его родной полк в 1742 г. в военных операциях этой войны был задействован. В 1742 г. В.-Л. фон Фредерздорф был уволен «с апшитом», т.е. с официальным свидетельством об отставке, из Армии и отбыл за

границу. При этом у него было, согласно его формулярным спискам, задание осуществлять в «чужеземных государствах» «присматривание тамошних порядков» (т.е. не исключено, что у него была некая разведывательная миссия).

Находясь за кордоном 8 лет, В.-Л. фон Фредерздорф служил в прусской армии. Служба его проходила в «Леманском пехотном полку» (воинское подразделение, которым командовал подполковник (1 августа 1740); полковник (28 мая 1743); генерал-майор (30 октября 1745) Иоганн-Георг фон Леман (von Lehmann) (1688-09.12.1750)). Со своим полком он участвовал в Первой (1740-1742) и Второй (1744-1745) Селезских войнах. Поначалу у него был чин гренадерского поручика (лейтенанта), а 16 января/ 9 февраля 1746 г. В.-Л. фон Фредерздорф получил патент на чин гренадерского премьер-поручика (обер-лейтенанта). Узнав из указа российской императрицы (1741-1761) Елизаветы Петровны, что «велено лифлянтам которые в чюжих службах находятся», «в свою отчизну в Россию возвратится», причем с возможностью поступить на службу, он обратился к прусскому королю (1740-1786) Фридриху II (1712-1786) с прошением об отставке. Однако не получил ее. Тогда В.-Л. фон Фредерздорф в 1750 г. «тихим образом» оставил прусскую армию (т.е. фактически дезертировал) и возвратился из-за границы в Россию.

В январе 1750 г. он обратился в Военную коллегия с челобитной (подана 22 января 1750 г.) на имя императрицы Елизаветы Петровны с просьбой о принятии его в русскую военную службу с тем же чином, который был у него во время службы в прусской армии. Примечательно, что в челобитной В.-Л. фон Фредерздорф почему-то ни словом не обмолвился, что он до 1742 г. 9 лет служил в российской Армии и имел при этом особое задание от своего руководства. 24 января 1750 г. решением Военной коллегии он был вновь принят в российскую воинскую службу поручиком (т.е. его просьба о сохранении ему чина была удовлетворена, 8 февраля 1750 г. В.-Л. фон Фредерздорф получил от Военной коллегии патент на этот чин) и отправлен в «полевые пехотные полки», находившиеся в Лифляндии, в команде генерал-фельдмаршала, рейхс-графа П. П. фон Ласси. В 1750 г. В.-Л. фон Фредерздорф поступил, в состоявший в «Лифлянтском корпусе», Выборгский пехотный полк, куда он был зачислен по его собственной просьбе, выказанной им еще в челобитной. В 1747-1756 гг. командиром этого полка был двоюродный брат его жены полковник; генерал-майор (25 декабря 1755) Г.-М. фон Пальменбах. Это видимо и обусловило желание В.-Л. фон Фредерздорфа служить в полку, которым командовал его шурин. В 1750 г. полк располагался на квартирах в окрестностях Дерпта. С весны до зимы 1751 г. Выборгский пехотный полк находился в полевом лагере. Откуда снова возвратился к Дерпту и простоял там весь 1752 г. 25 апреля 1751 г. В.-Л. фон Фредерздорф становится капитаном. Служил он тогда во 2-ой роте. В 1753 г. полк располагался при озере Штенце, недалеко от Риги. Полк состоял из 3-х батальонов, в каждом из которых было по 4 мушкетерских роты и 1 гренадерская рота. У Риги полк находился до 24 августа 1755 г. В тот день в полку был получен приказ отправляться на зимние квартиры в Новгород. В конце 1755 г., уже секунд-майор (25 декабря 1755) В.-Л. фон Фредерздорф был определен в Казанский пехотный полк, которым командовал полковник (25 декабря 1755) Иван Петрович Леонтьев (ок. 1710-1783).

В 1756 г. В.-Л. фон Фредерздорф заболел. У него «в проходе» открылся аноректальный свищ («фистула»). Лечение мало помогало. Секунд-майор стал просить командование о переводе его в полк, который не должен был быть задействован на театре военных действий начавшейся Семилетней войны (1756-1763). На что командующий армией генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин (1702-1758) 20 декабря 1756 г. выдал ему «пашпорт» с тем, чтобы В.-Л. фон Фредерздорф после лечения в Дерпте, на которое ему отводилось 29 дней, отправился в г. Санкт-Петербург, в Военную коллегия для решения его дела. В 1758/59 г. секунд-майор В.-Л. фон Фредерздорф был определен Военной коллегией в Кабардинский пехотный полк. В этом полку В.-Л. фон Фредерздорф служил до 1764 г., сначала премьер-майором (25 апреля 1761), потом подполковником (1 мая 1763). В полку он находился на секунд-майорской вакансии. В 1756-1759 гг. командиром этого полка был полковник (25 декабря 1755) Яков Зотра (Sautreau) (ск. 03.05.1759). В 1760-1762 гг. полком командовал полковник (1 июня 1760) Франц фон Эттинген (von Oettingen) (1720?-1778?). В.-Л. фон Фредерздорф являлся участником Семилетней войны. Во время которой он, находясь в Пруссии, 19 августа 1757 г. был, очевидно со своим Казанским пехотным полком, в сражении при деревне Гросс-Егерсдорф, закончившемся победой русского оружия. С 15 августа по 12 сентября 1760 г., там же в Пруссии, уже в составе нового подразделения, он участвовал в неудачной осаде г. Кольберга. По результатам осады г. Кольберга, в которой российская армия не достигла успеха и потеряла при этом 600 военнослужащих пленными, часть артиллерии, и запасы провианта, и боеприпасов, было учинено расследование, и военный суд (кригсрехт), длившиеся с конца 1760 г. по 1762 г. При разбирательстве в суде этого дела, командовавший при осаде прибывшим к городу на судах десантом (сухопутными войсками) обер-цейхмейстер Иван Васильевич Демидов (1713-1792) (общее руководство операцией осуществлял адмирал Захар Данилович Мишуков (1684-1762)) всячески выгораживал себя, обвиняя, в числе прочих и секунд-майора В.-Л. фон Фредерздорфа с его командой в невыполнении приказов, и

бегстве от неприятеля, что могло грозить им всем смертной казнью. Однако, как показало расследование, именно впавший в панику, в виду приближавшегося неприятеля, обер-цейхмейстер, своими противоречивыми распоряжениями и указами, создал хаос в рядах своих подчиненных, что и стало одной из главных причин провала военной операции по осаде г. Кольберга. По результатам расследования, Военно-судовая комиссия при Военной коллегии в действиях, находившихся при осаде, «при пехотном лагере», «майора Фридездорфа» и прочих офицеров, вины не нашла. Напротив, обер-цейхмейстер И.В. Демидов был признан виновным, его лишили всех чинов и зачислили в рядовые. Однако в 1762 г. приговор всем осужденным по этому делу был смягчен, а в 1763 г. они были и совсем помилованы. По окончании войны Кабардинский пехотный полк был определен в Финляндскую дивизию (военный округ). Его постоянной квартирой был назначен г. Выборг.

В 1765-1769 гг. В.-Л. фон Фредерздорф продолжил службу в бывшем ландмилицком Белевском пехотном полку (полк квартировал в Гадяче), которым командовал в эти годы полковник (17 апреля 1763); бригадир (22 сентября 1768) Николай Иванович Глебов (1716-1799) (его сын Павел Николаевич Глебов (1754-1834) служил в 1770-1773 гг. инженер-кондуктором 2-го класса (11 декабря 1768); инженер-прапорщиком (1 января 1771) на Днепровской линии, где в 1770 г. участвовал в закладке крепости Александровской). Полк входил в состав Украинской дивизии, командующим которой был генерал-майор Карл Федорович фон Штофельн (von Stoffeln) (ок. 1720-ок. 1771). В 1765/66 г. подполковник В.-Л. фон Фредерздорф был откомандирован «для командования», бывшим ландмилициком, той же Украинской дивизии, Ряжским пехотным полком (полк квартировал в Лубнах; командиром полка в 1765-1770 гг. был полковник; бригадир (12 октября 1770) Богдан Иванович Вассерман (von Wassermann) (1725-1798)). В то время полки Украинской дивизии отряжались в службу на Украинскую линию и в Киев. В 1769 г. В.-Л. фон Фредерздорф участвовал в «Турецкой компании», т.е. в Русско-турецкой войне (1768-1774). В 1768 г. полки Украинской дивизии, в которой он служил, вошли в состав Второй армии, которой командовал генерал-аншеф, граф Петр Александрович Румянцев (1725-1796). В конце 1768 г. Белевский пехотный полк квартировал в Городищах. В задачи Второй армии тогда входило прикрывать Юг России от набегов татар «с крымской стороны, или...от Бендер» и поддерживать в случае надобности действия Первой армии.

1 января 1770 г. В.-Л. фон Фредерздорфу было присвоено очередное воинское звание-полковник, он был отставлен от строевой службы и был определен «сверх комплекта» в должность коменданта. Некоторое время он находился «на пенсии в доме», т.е. на родине в Лифляндии, ожидая когда откроется свободная комендантская вакансия. В мае 1770 г. состоялось его определение на должность коменданта крепости Александровской на назначенную к строительству Днепровскую пограничную линию. В середине августа 1770 г. вновь назначенный комендант во главе обоза, состоявшего из воинской команды и гражданских рабочих, прибыл к месту строительства крепости Александровской, к речке Мокрой Московке впадавшей в Днепр. В.-Л. фон Фредерздорф является одним из главных основателей как первой крепости Александровской, так и второй крепости Александровской. Первая крепость, из-за ее неудачно выбранного местоположения, была в 1771 г. оставлена строительством. Внутри пространства недостроенной крепости, окруженного валом и рвом, образовался форштадт, с преимущественно гражданским населением, давший начало г. Александровску (Запорожью). Новую, вторую крепость заложили примерно в одном километре от первой крепости, ближе к Днепру и к речке Сухой Московке. Произошло это 23 мая 1771 г. Эта крепость, в общем и целом, была закончена в 1775 г. Полковник В.-Л. фон Фредерздорф находился в должности коменданта крепости Александровской до 1774 г.

В начале 1774 г. полковник В.-Л. фон Фредерздорф подал челобитную об отставке на имя императрицы Екатерины II. В челобитной он просил царицу об увольнении с воинской службы, в виду его старости (согласно формулярного списка за 1774 г. ему было 54 года) «и совершенной в здоровье слабости». Комендат также просил, «по долговременной и беспорочной ево службе», повысить его при отставке чином (следующим за чином полковника шел чин бригадира), разрешить жить в России там где он сам пожелает, и выдать ему, вместо положенной пенсии, «по неимению у него своих деревень и пропитания», единовременно, две тысячи рублей. Чтобы полученные деньги позволили, «по бедности» его, устроить ему «малейшее прибежище» и дали возможность, «сколко еще жить ему достанетца», просуществовать. К челобитной были приложены его аттестаты о службе и врачебное заключение о состоянии его здоровья. Челобитная, пошла по инстанциям. Сначала она была получена начальником коменданта Главным командиром Днепровской линии генерал-майором В.А. Чертковым. В свою очередь, генерал-майор представил ее, со своим рапортом, на рассмотрение в Военную коллегию. В рапорте Главный командир Линии, помимо прочего, доносил, что комендант крепости Александровской к повышению чина достоин и просил, что в случае если челобитчик отставку получит, определить на его место той же Днепровской линии коменданта крепости Захарьевской, полковника М.М. Караватку. Со своей стороны Военная коллегия 21 марта 1774 г. составила доклад по делу об отставке

полковника В.-Л. фон Фредерздорфа, где было изложено все вышеприведенное и представила его на рассмотрение императрице Екатерине II. Доклад подписали первые лица Военной коллегии: президент, генерал-фельдмаршал, граф З.Г. Чернышев, вице-президент, генерал-аншеф Николай Иванович Салтыков (1736-1816), генерал-майор Петр Григорьевич Языков (ок. 1715-после 1774), генерал-майор Петр Семенович Свистунов (1732-1808), обер-секретарь, бригадир Алексей Федорович Микешин (ок. 1715-после 1783). Через десять дней, 31 марта 1774 г., в Царском Селе, императрицей было вынесено решение по этому делу. На докладе Военной коллегии Екатерина II начертала: «Отставить, и Караватку на его место перевести». Так закончилось, длившееся 41 год, военное поприще В.-Л. фон Фредерздорфа. Еще некоторое время, пока не было окончательно решено его дело, он находился на Линии. О чем свидетельствует его послужной список за 24 апреля 1774 г. Новый чин он получил, так как в записи о смерти его жены указано - «госпожа бригадирша». С 1774 г. крепость Александровскую возглавил новый комендант полковник М.М. Караватка. Как сложилась дальше судьба бригадира в отставке, пока остается только гадать.

Как указывалось выше, супругой В.-Л. фон Фредерздорфа была Я.-Е. фон Пальменбах (von Palmenbach), с которой он обвенчался 9 августа 1739 г. в Лифляндии, в Игасте (населенный пункт недалеко от Дерпта (ныне Ихаста пригород Тарту)). Она родилась вероятно в 1723 г. Ее родителями были подданные Шведского королевства, лифляндские дворяне: Иоганн-Густав фон Пальменбах (1672-ок. 1730) и Ядвига-Маргарита фон Пальменбах (урожденная фон Китхаузен (von Kijthausen)) (в 1733 г., уже вдовой, проживала в Игасте). И отец Ядвиги-Елены, и его родные братья: Отто-Генрих фон Пальменбах и Мартин-Андреас фон Пальменбах (отец Г.-М. фон Пальменбаха.- А.М.) офицерами служили в армии Карла XII, и были активными участниками Северной войны (1700-1721). О.-Г. фон Пальменбах погиб 14 июля 1708 г. в битве при Головчине, а М.-А. фон Пальменбах сложил голову 29 сентября 1708 г. под Лесной. Ее отец вероятно побывал в плену дважды. В 1703 г. он попал в плен под Дерптом, второй раз, в 1709 г., после разгрома шведской армии под Полтавой. Под конец своей военной карьеры он служил в Лифляндском вербованном драгунском полку, которым командовал полковник Густав-Карл фон Шрейтерфельт (von Schreiterfelt) (ск. 1711). В плену капитан И.-Г. фон Пальменбах находился до июня 1722 г. Местом его пребывания в плену был сибирский г. Тобольск (23 января 1715 г. он получил в Туринске 50 рублей, которые ранее были перечислены, возможно его родственниками, в Москву). Впоследствии он вернулся в Лифляндию. У Ядвиги-Елены была сестра Шарлотта-София (р. 1724?) (в первом браке: за Густавом-Иоанном Стокенбергом (Stockenberg) (1718-25.12.1745), во втором: за Николасом Спектом (Specht)). «Госпожа бригадирша» Я.-Е. фон Фредерздорф скончалась в Новой Конготе и была похоронена 19 января 1778 г. в Кавелехте.

Михаил Михайлович Караватка (Krawatke) (1723-15.03.1793). М.М. Караватка происходил из дворян «Полской Пруссии». В воинской службе с 1747 г. Будущий комендант являлся участником Семилетней войны (1756-1763), где в 1758 г. был тяжело ранен, а в 1759 г. был взят неприятелем в плен, в котором находился 2 года и 7 месяцев. В 1769 г., во время Русско-турецкой войны (1768-1774) он служил во Второй армии, которая находилась в то время в Польше. В 1760 г. премьер-майор (1 января 1760) М.М. Караватка служил в Ефремовском конном ландмилицком полку на Украинской линии. В 1765-1769 гг. подполковник (10 декабря 1764) М.М. Караватка проходил службу в Курском пехотном полку (Украинская дивизия). В 1770 г. он вышел в отставку со званием полковник (1 января 1770). Вновь принят на службу в 1771 г. в звании полковник (17 марта 1771) и назначен **комендантом** (первым) в крепость Захарьевскую, в которой служил до 1774 г. С 1774 г. по 15 марта 1793 г. полковник М.М. Караватка служил **комендантом** (вторым) в крепости Александровской. 1 ноября 1785 г. он был награжден орденом святого князя Владимира 4-й степени. М.М. Караватка был женат, первым браком, на Елизавете Ивановне Караватке, которая исповедовала лютеранство. От этого брака у супругов родилась дочь Христина (1763-22.01.1831), которая впоследствии вышла замуж (обряд венчания совершил 6 июня 1776 г. местный священник Иоанн Антонович Коваленский (1724-после 1793)) за дьячка церкви Покровской Федора Романовича Кошевского (1751/52-24.02.1822). Второй женой М.М. Караватки была Прасковья Арсентьевна Караватка (1740/1750-24.01.1812). комендант крепости Александровской 15 марта 1793 г. Похоронен он был 19 марта. На 1787 г. в Новомосковском уезде Екатеринославского наместничества полковнику принадлежали: д. Михайловка с крепостными крестьянами- 14 душ м.п. и 7 душ ж.п. и 6277 десятин 1260 кв. саженой земли.

Иван Семенович Аврамов (р. 1733). Происходил из сербских дворян. Воинскую службу будущий комендант начал в 1760 г. И.С. Аврамов являлся участником Русско-турецкой войны (1768-1774). В 1775 г. участвовал в ликвидации запорожской Сечи- военной ставки Ее Императорского Величества Войска Запорожского Низового. Служил: в 1763-1776 гг. в званиях от вахмистра до секунд-майора (24 ноября 1771) в Сербском (Старосербском) гусарском полку (сверх комплекта), в 1778-1784 гг. премьер-майором (8 февраля 1778) в Болгарском гусарском полку (поселенном), в 1784-1787 гг.

премьер-майором; подполковником (1 января 1786) в Ольвиопольском легко-конном полку (на премьер-майорской вакансии), в 1787-1790 гг. подполковником в Таврическом легко-конном полку. Перед назначением на должность коменданта подполковник И.С. Аврамов в 1790–1793 гг. служил в Таврическом конно-егерском полку (сверх комплекта). 26 октября 1793 г. И.С. Аврамову было присвоено очередное воинское звание полковник и он был назначен **комендантом** (третьим) крепости Александровской. 26 ноября 1793 г. полковник И.С. Аврамов был награжден «за выслугу 25 лет» орденом святого Георгия 4-го класса. 9 января 1797 г. Александровский гарнизонный батальон был преобразован в полк, который стал именоваться гарнизонным полком Аврамова. 17 сентября 1797 г. комендант И.С. Аврамов становится генерал-майором и шефом своего полка. При генерал-майоре И.С. Аврамове, в конце 1797 г., Днепровская линия была упразднена, но крепость Александровская как воинский объект продолжала действовать. 9 апреля 1798 г. он отставляется от службы с правом ношения мундира и половинным жалованьем. И.С. Аврамов был женат вторым браком (первая его жена Евдокия Федоровна Аврамова умерла) на сербке, вдове по первому мужу, Софье Пантелеймоновне Скопиковой (р. 1756), у которой был сын от первого брака Иван Михайлович Скопиковой (р. 1784) (первым мужем Софьи Пантелеймоновны был подпоручик (поручик) Михаил Скопиковой (Скопиев), служивший в 1786-1791 гг. унтер-цолнером на Ольвиопольской пограничной таможне). Дети И.С. Аврамова от первого брака: Павел (р. 1779) и Андрей (р. 1781). Возможно у отца И.С. Аврамова-Семена был брат Михаил, у которого были сыновья: Петр (1748-1834), Михаил (1752-1806), Василий (1760-1831), Евграф (1770-после 1800) и Александр.

Иван Петрович Вырубов 2-й (11.11.1766-18.11.1840). Вырубовым 1-м в армии, на то время, был его брат полковник (4 ноября 1797); генерал-майор (23 ноября 1798) Павел Петрович Вырубов (1765-после 1814), который с 4 ноября 1797 г. по 4 марта 1800 г. служил комендантом и шефом полка своего имени в крепости Святого Дмитрия Ростовского. Из дворян Тверского наместничества. В службе с 1773 г. И.П. Вырубов, служивший в 1773-1795 гг. в лейб-гвардии Измайловском полку, являлся участником Русско-шведской войны (1788-1790). В 1795-1798 гг. подполковник (1 января 1795) И.П. Вырубов служил в Херсонском гренадерском полку. В 1795-1796 гг. (сверх комплекта), а в 1797?-1798 гг. командиром этого полка. В 1795 г. он находился в войсках стоявших в Польше. С 9 апреля 1798 г. по 4 марта 1800 г., полковник (9 апреля 1798); генерал-майор (21 февраля 1799) И.П. Вырубов служил **комендантом** (четвертым и последним) и шефом своего имени гарнизонного полка в крепости Александровской, на уже упраздненной Днепровской линии. В 1799-1800 гг. полковник; генерал-майор И.П. Вырубов 2-й со своим гарнизонным полком принимал участие в Русско-французской войне (1798-1801). Правда, в каких-либо активных военных действиях полк не был. В марте 1800 г. гарнизонный полк крепости Александровской был упразднен и расформирован, а И.П. Вырубов 2-й, со званием генерал-лейтенанта и правом ношения мундира был отправлен в отставку. Известно, что впоследствии, в 1826-1828 гг., он был предводителем дворянства Московского уезда. И.П. Вырубов родился в семье камер-юнкера, Лейб-гвардии Измайловского полка капитана (впоследствии: сенатора, действительного камергера, действительного советника) Петра Ивановича Вырубова (14.07.1729-10.09.1801) и его супруги Натальи Алексеевны Вырубовой (вероятно урожденной Кологривовой и возможно по первому мужу Грецовою) (1739 (20.06.1746)-04.02.1791). У него было 8 братьев: Алексей (р. 1764) (супруга (с 20 августа 1787) урожденная княжна Екатерина Михайловна Елецкая (ск. 30.04.1814), дочь: Наталия (ск. 1856), замужем за Александром Никитичем Зацепиным), Павел (1765-после 1814), Сергей, Владимир, Всеволод (ск. 1792), Андрей (25.06.1771-23.01.1852), Александр (19.08.1772-12.03.1861), Василий (10.04.1776-22.08.1840) и 2 сестры: Анна (р. 1778?) и Софья (13.03.1780-06.08.1819) (замужем за Федором Дмитриевичем Колтовским (1739-11.12.1814?). И.П. Вырубов был женат на Елизавете Петровне Вырубовой (урожденной Свинойной) (15.04.1765-24.01.1821). В этом браке были рождены: Людмила (1802/08?-1840/41) (замужем за князем Павлом Ивановичем Гагариным (1798-22.05.1872), у которого был внебрачный сын Николай Федорович Федоров (1829-1903)), Петр (11.07.1807-04.04.1871) (супруга урожденная Мария Григорьевна Высоцкая (1819-27.10.1899), Клеопатра (05.03.1809-1888?) (замужем за Аполлоном Ильичем Бибиковым (08.11.1795-19.04.1866)), Наталья (р. 18.07.1810) (замужем за Евграфом Ивановичем Новосильцевым (1809-1870). Похоронен И.П. Вырубов в московском Новоспаском монастыре (могила не сохранилась).

Плац-майорами в крепости Александровской служили: с 26 января 1771 г. по 1774 г.- секунд-майор (1 января 1769) **Федор Алексеевич Карешин** (1726-после 1793), с 13 апреля 1774 г. по 7 мая 1777 г.- секунд-майор (1 января 1773) **Иван Лукьянов** (1738/42-07.05.1777), в 1789-1794 гг.- премьер-майор (24 марта 1789) **Богдан Иванович Банк** (р. 1739/42), с 1 июля 1797 г. по 1799 г.- премьер-майор (майор); подполковник (23 сентября 1797); полковник (1798) **Григорий Фролович Смирнов** (1740-17.12.1799 (дата погребения)), с 17 января 1800 г.- майор (28 октября 1798) **Иван Христофорович Зейглер** (р. 1761).

Крепость Никитинская (1-я: 1771-1774 гг.; 2-я: 1774-1797 гг.)

Василий Степанович Волков (1727-00.03.1793). Происходил из обер-офицерских детей. Воинскую службу начал в 1740 г. солдатом. Будущий комендант являлся участником Семилетней (1756-1763) и Русско-турецкой (1768-1774) войн. В 1765-1770 гг., вплоть до отставки, подполковник (23 сентября 1764) В.С. Волков проходил службу в Томском пехотном полку. В 1771 г., вышедший в отставку полковник (29 декабря 1770) В.С. Волков был назначен **комендантом** (первым) крепости Никитинской (1-й). Воинский гарнизон крепости Никитинской носил название 5-й Днепровский батальон. Полковник В.С. Волков являлся кавалером ордена святого князя Владимира 4-й степени. В 1774 г. первая крепость Никитинская «за худым местоположением» была оставлена и в 8 верстах от нее была заложена новая крепость с тем же наименованием. В марте 1793 г. 66-летний комендант скончался. В 1794 г. вдова коменданта Екатерина Ивановна Волкова подала прошение руководству Екатеринославского наместничества с просьбой «о выдаче ей вдовьего жалованья и за оставшейся после мужа ее орден св. кн. Владимира пенсии». После смерти мужа Е.И. Волкова проживала в посаде Александровском.

Петр Ильич (Михайлович) Гоголев (1747-1799). Происходил из солдатских детей. В службе с 1756 г. П.И. Гоголев являлся участником Семилетней (1756-1763), Русско-турецкой (1768-1774) и Русско-турецкой (1787-1791) войн. До своего назначения на должность коменданта П.И. Гоголев служил: в 1782-1783 гг. в звании секунд-майор (1 января 1780) в Елецком пехотном полку, в 1784 г. в Санкт-Петербургском пехотном полку (сверх комплекта), в 1785-1788 гг. секунд-майором; премьер-майором (1 января 1786) вновь в Елецком пехотном полку, в 1789-1794 гг. подполковником (14 июля 1788) в Козловском пехотном полку. 26 ноября 1789 г. подполковник П.И. Гоголев был награжден орденом святого Георгия 4-го класса. С 1794 г. полковник (13 июля 1794) П.И. Гоголев стал исполнять должность **коменданта** (второго) крепости Никитинской на Днепровской линии. 9 января 1797 г. 5-й Днепровский батальон был преобразован в полк, который стал именоваться- гарнизонным полком Гоголева. 17 сентября 1797 г. комендант П.И. Гоголев становится шефом своего полка, а 29 сентября 1797 г. ему присваивается звание генерал-майор. 17 ноября 1797 г. Высочайшим приказом, крепости Никитинской гарнизонный полк генерал-майора П.И. Гоголева был переведен в крепость Александровскую, а сама крепость Никитинская как военный объект была упразднена. Новым приказом от 15 февраля 1798 г. полк генерал-майора П.И. Гоголева был переведен из крепости Александровской в крепость Балаклавскую. Впоследствии, 3 сентября 1799 г. генерал-лейтенант (21 августа 1799) П.И. Гоголев был назначен комендантом в крепость Корфу. Скончался генерал-лейтенант П.И. Гоголев в том же 1799 г.

Крепость Григорьевская (1771/1772-1797 гг.)

Отто-Габриель фон Роткирх (von Rotkirch) (29.09.1728-1776). Происходил из лифляндского дворянства. В воинской службе О.-Г. фон Роткирх находился с 1741? г. С 21 апреля 1741 г. (по другим данным с 1 января 1742 г.) по 17 ноября 1743 г. он обучался в Сухопутном шляхетском корпусе, из которого, по болезни, был уволен. Являлся участником Семилетней (1756-1763), где в 1759 г. в битве под Цорндорфом был ранен, и Русско-турецкой (1768-1774) войн. В армии О.-Г. фон Роткирх служил: в 1765 г. секунд-майором (10 декабря 1764) в Ростовском карабинерном полку, в 1766 г. в Астраханском карабинерном полку, в 1767 г. премьер-майором (1 января 1767) в Тверском карабинерном полку, в 1768-1769 гг. снова в Астраханском карабинерном полку, в 1770 г. подполковником (1 января 1770) в Сибирском карабинерном полку. В 1770 г. полковник (29 декабря 1770) О.-Г. фон Роткирх был определен **комендантом** (первым) в крепость Григорьевскую на Днепровскую линию. При его назначении было оговорено, что он должен был находиться до окончания строительства Линии в Яссах, где он был комендантом. Из чего можно предположить, что он, скорее всего, на Линии никогда не был и крепостью Григорьевской не командовал. Судя по документальным источникам, можно сделать вывод, что в крепости Григорьевской гарнизона никогда не было. Хотя коменданты в нее регулярно назначались. Крепость эта была начата строением в 1772 г., но потом, вероятно к 1773 г., ее сооружение было прекращено. Так, проезжавший осенью 1773 г. вдоль Днепровской линии и остановившийся на ночевку в крепости Григорьевской академик И.-А. Гюльденштедт отметил, что у этого укрепления «уже частично есть валы, но оно пусто». В 1777 г. было составлено описание состояния крепостей Днепровской линии, где было отмечено, что крепость Григорьевская «за невыгодным местоположением» была оставлена. А намеченная к строительству вместо нее крепость Ново-Григорьевская, как следовало из этого описания, была только в проекте и гарнизона при ней не было. И как видно из других документов, строительство крепости Ново-Григорьевской так и не было начато. В 1776 г. полковник О.-Г. фон Роткирх служил комендантом в г. Воронеже, где и скончался. О.-Г. фон Роткирх родился 29 сентября 1728 г. в Лифляндии, в семье лейтенанта в отставке Адольфа

фон Роткирха (1691-1764) и его второй жены Анны-Марии (урожденной Розе (фон Розен?)). Он имел как родных братьев и сестер (почти все они умерли в детском возрасте), так и сводных братьев и сводную сестру от первого брака его отца с Марией-Елизаветой (урожденной Хек (Hock)) (р. 1695). Его родными братьями и сестрами были: Мария-Адольфина (р. 29.08.1729), Кристиан-Готтлиб (03.03.1730-00.02.1743), Ловиза-Елизавета, Анна-Доротея (1734-1736), Ядвига-София (03.03.1735-1736), Христер-Готтлиб (28.04.1737-1741), Ганс-Герхард (04.04.1739-1741). Его сводными братьями и сестрами были: Мария-Елизавета (1713-1713), Карл-Магнус (1714-1761) (первая жена: Анна-Елена (урожденная Крейч (Kreusch)) (р. 1720), вторая жена: Ядвига-Маргарита (урожденная фон Хаак (Haack/Hacke)) (ск. 18.01.1787)), Густав-Адольф (07.03.1716-1758), Иоганн-Габриель (14.11.1720-20.02.1721), Иоганн-Венцель (12.01.1722-1756), Фридрих-Лаукунель (14.02.1724-07.02.1789), первой супругой которого была (с 1750) Анна-Элеонора-Юлия (урожденная Луциус (Lucius)), второй (с 10 марта 1767), Гертруда-Вильгельмина (урожденная фон Фрейманн (Freymann)) (12.08.1736-1792). О.-Г. фон Роткирх был женат (31 августа 1764) на графине Беате-Элеоноре (урожденной фон Стенбок (von Stenbock)) (22.09.1737-18.07.1766 (дата похорон)). От брака с которой у него была дочь Эбба-Оттилия-Елизавета (р. 25.06.1766).

Граф Яков Капуани (Capuani) (ок. 1720-06.12.1793). Итальянец по национальности, уроженец Пьяченцы. В русской воинской службе с 1761 г. Участник Семилетней войны (1756-1763), где находился при Молдавском гусарском полку. В 1767 г. секунд-майор, граф Я. Капуани служил в должности комиссара при поселенных в Малороссии, на территории Нежинского полка, в Беловежской степи (колония Белые Вежи), иностранных (немецких) колонистах. Подполковник (1 марта 1774). 25 января 1776 г. генерал-фельдмаршал, граф П.А. Румянцев-Задунайский, в ведомстве которого служил граф Я. Капуани, письменно просил генерал-аншефа, графа Г.А. Потемкина позаботиться «о бедном старике и калеке графе Капуане» (это была уже его повторная просьба). Вероятно, что уже после первого обращения графа П.А. Румянцева к графу Г.А. Потемкину, в 1775 г. графу Я. Капуани был присвоен новый чин полковник (30 декабря 1775) и состоялось его назначение на должность **коменданта** (второго) в крепость Григорьевскую. Числился он комендантом крепости Григорьевской номинально. Во время Русско-турецкой войны (1787-1791) находился при генерал-фельдмаршале, графе П.А. Румянцеве-Задунайском. Бригадир (21 апреля 1787). 30 января 1764 г., в Риге, граф женился на Елизавете фон Аппель (von dem Appel). Во втором браке он, вероятно, был женат на графине Девиер, т.к. есть свидетельство, что его супруга, родившаяся примерно в 1744 г., была сестрой графини Елены Антоновны де Бальмен (урожденной графини Девиер) (ск. 01.12.1822?). На 1787 г. граф и графиня Капуани имели дом со службами в г. Нежине. В мае 1787 г. в гостях у графа и его супруги, в Нежине, побывал, во время своего путешествия в Россию в 1786-1787 гг., испанский революционер Себастьян-Франсиско де Миранда-Равело-и-Родригес-де-Эспиноза (1750-1816), оставивший в своем дневнике об этом событии несколько строк. Скончался граф Я. Капуани 6 декабря 1793 г. Надо отметить, что граф П.А. Румянцев был влюблен в графиню Капуани. После смерти коменданта, он даже пытался жениться на вдове. Их бракосочетание было назначено на 19 августа 1795 г., но по каким-то причинам это дело расстроилось. Писатель Николай Иванович Греч (1787-1867) в своих «Записках о моей жизни» пишет, что его мать, урожденную Екатерину Яковлевну Фрейгольд (29.06.1769-02.04.1842) в детстве учил музыке и итальянскому языку «старичок забавник и шут» граф Я. Капуани, который входил в круг знакомых и сослуживцев ее отца подполковника; полковника; статского советника Якова Филипповича Фрейгольда (1726/28-16/17/26.12.1786) (вероятно это происходило в Киеве, где в 1782 г. ее отец получил новую должность). Начальником Я.Ф. Фрейгольда, как и графа Я. Капуани, в те поры был граф П.А. Румянцев. Н.И. Греч, отмечая любвеобильность графа П.А. Румянцева, пишет, что его мать, родившаяся в Глухове, могла появиться на свет от связи его бабки Христины Михайловны Фрейгольд (урожденной Шне) (07.04.1747-1811) с генерал-аншефом.

Иоганн-Батист (Иван Игнатьевич) Рикорд (Ricord/ Ricort/ Ricordi) (19.06.1723-между 1796-1800?). В русскую воинскую службу новый комендант был принят 13 января 1772 г. До этого он служил в австрийской армии, позже в польской армии, где дослужился до звания подполковник. Являлся участником Русско-турецкой войны (1768-1774). С 1777 по 1780 гг. служил в Польше. В русской армии И.И. Рикорд служил: секунд-майором (13 января 1772) в 1773 г. в Борисоглебском драгунском полку (сверх комплекта), в 1776 г. в Белорусской дивизии в кавалерийских (карабинерных) полках, в 1779-1780 гг. в Рижском карабинерном полку (сверх комплекта), в 1782-1783 гг. премьер-майором (22 сентября 1779) в Ямбургском карабинерном полку (сверх комплекта), в 1784-1785 гг. в Софийском карабинерном полку, в 1787-1789 гг. подполковником (14 июля 1788) (на премьер-майорской вакансии) в Ингерманландском карабинерном полку. 15 февраля 1791 г. (по другим данным 1 апреля 1791 г.) вышел в отставку с чином полковника. 4 сентября 1794 г. вновь принят на службу с тем же чином и назначен **комендантом** (третьим и последним) в крепость Григорьевскую. В этой должности числился

вероятно до 1797 г. И.И. Рикорд родился 19 июня 1723 г. (крещен 20 июня 1723 г.) в Сардинском королевстве, в Ницце, в купеческой семье. Его родителями были Игнатий Рикорд (20.07.1678-17.08.1742) и его супруга (с 6 февраля 1706 г.) Онорина Рикорд (урожденная Конте (Contes)) (03.06.1686-1735). Дедом и бабушкой И.И. Рикорда были Жак Рикорд (26.11.1644-1729) и Анна-Мария Рикорд (урожденная Ребадо) (03.07.1660-1725) (в браке с 16 ноября 1675 г.). У И.И. Рикорда было 11 братьев и сестер: Анна-Мария (р. 04.01.1707), Анна-Мария-Франсуаза (р. 11.12.1707), Анна-Мария-Франсуаза (р. 23.02.1709), Виктория (р. 02.02.1711), Бернард (р. 1712), Тереза (р. 1713), Жак (р. 1715), Мария-Франсуаза (в браке Мурси) (р. 31.12.1717), Анжела-Мария (р. 05.04.1719), Мария-Маделена (р. 21.07.1724), Жозеф (р. 17.03.1726). Женой И.И. Рикорда была немка из Данцига, лютеранка, Мария Рикорд (урожденная Метцель (Metzel)). В семье И.И. Рикорда и М. Рикорд было 6 детей: Петр (29.01.1776-16.02.1855), Александр (1778-16.09.1842), Григорий (до 1795 г.- Константин) (1779-14.07.1818), Пелагея (ск. до 1856), Мария (ск. до 1856), Анна (ск. после 1856) («смолянка»).

Крепость Алексеевская (1771/1772-1797 гг.)

Отто-Рейнгольд Байер фон Вейсфельд (Bayer von Weisfeld) (р. 1723). Уроженец Лифляндии, лютеранин. В воинской службе находился с 1739 г. В 1748-1749 гг. был в Австрии, при русском вспомогательном корпусе, который на стороне «морских держав» (Англии и Нидерландов) действовал против Пруссии. О.-Р. Байер фон Вейсфельд являлся также участником Семилетней войны (1756-1763). В 1763-1766 гг. подполковником (1 января 1760); полковником (17 апреля 1763) О.-Р. Байер фон Вейсфельд служил в Вологодском пехотном полку. Вероятно в 1766 г. вышел в отставку. В 1771 г. полковник (17 марта 1771) О.-Р. Байер фон Вейсфельд был назначен **комендантом** (первым) в крепость Алексеевскую на Днепровской линии. Должность коменданта крепости Алексеевской полковник О.-Р. Байер фон Вейсфельд вероятно не исполнял, так как начатое в 1771 г. строительство этой крепости, уже к 1773 г., было, «за худым местоположением», прекращено. Рабочие к этому времени уже успели насыпать крепостные валы, но этим все и ограничилось. В 1773 г., проезжавший мимо крепости академик И.-А. Гюльденштедт записал, что она стоит совершенно пустой и что при ней имеется только почтовая станция, которая находится в ведении Донских казаков. После 1774 г. предполагалось на другом месте построить новую крепость, но это так и не было осуществлено. Своего воинского гарнизона ни до 1773 г., ни после, при этой крепости не состояло. Однако в крепость Алексеевскую регулярно назначались коменданты. О.-Р. Байер фон Вейсфельд был крещен 30 мая 1723 г. в церкви Святой Елизаветы в Пернау. Его родителями были капитан Арвед-Густав Байер фон Вейсфельд (ск. 1751) и Ядвига-Елизавета (урожденная фон Глазенапп (von Glasenapp)) (1691-1723). У него была сестра: Елена-Якобина (31.10.1711-1748) (первый муж- Густав-Фридрих фон Липхарт (von Liphart) (ск. 10.01.1743); второй ее супруг (с 30.12.1746) Каспар-Иоанн фон Брадке (von Bradke) (ск. 1761)) и родные братья: Карл-Иоанн (31.01.1716-09.05.1790), женатый с 1768 г. на Елене-Элеоноре (урожденной фон Анреп (von Anrep)) и Густав-Анектус (Аникита) (14.06.1719-01.01.1733), и сводные братья от брака (1727) его отца с Маргаритой-Ефимией (урожденной фон Липхарт (von Liphart)) (ск. 05.08.1778): Якоб-Иоанн (р. 03.11.1729); Кристоф-Густав (15.02.1737-26.05.1807), женатый с 5 августа 1771 г. на Анне-Шарлотте (урожденной фон Ренненкампф (von Rennenkampff)) (1754-02.03.1814), и Фабиан-Готтард (Фаддей) (21.01.1741-1790), женатый с 31 мая 1767 г. на Ульрике (урожденной фон Страйльборн (von Straelborn)) (р. 10.10.1726) (ее первый муж- фон Берендт (von Berendt)), вторая супруга Фабиана-Готтарда: Анна-Доротея (урожденная фон Шиневская (von Schinewsky)).

Филипп (Филипп-Каспар) Иванович Фрич (Fritsch) (1723-28.12.1788). Немец («саксонской нации»). Ф.И. Фрич служил: с 1746 г. в саксонской армии, с 1749 г. во французской армии, с 1751 г. в польской армии и, наконец, с 1753 г. в русской армии. В 1767 г. секунд-майор (17 мая 1764) Ф.И. Фрич служил в Елисаветградской провинциальной канцелярии Новороссийской губернии. Являлся участником Русско-турецкой войны (1768-1774). Во время которой он, в 1770-1773 гг., премьер-майором (1 января 1770); подполковником (1 января 1772) служил в Желтом гусарском полку (поселенном). 22 мая 1773 г. определен **комендантом** (вторым) в чине полковник (22 мая 1773) на Днепровскую линию. В 1774 г. был участником подавления Пугачевского бунта. В 1775 г. участвовал в событиях связанных с упразднением казачьего Ее Императорского Величества Войска Запорожского Низового. В 1777-1779 гг. полковник Ф.И. Фрич был в должности пристава при крымском хане Шагин Гирее (1746/48-1787). В связи со всем этим, можно предположить, что он находился в должности коменданта крепости Алексеевской, фактически номинально. 4 июня 1781 г. полковник Ф.И. Фрич был пожалован чином бригадир и назначен комендантом в г. Белгород. В этой должности бригадир Ф.И. Фрич находился до самой смерти. Ф.И. Фрич происходил из семьи лейпцигских книгоиздателей и книготорговцев. Книгоиздателями были: его дед Иоганн Фрич (1635-1680), женатый на Катарине-

Маргарете (урожденной Гетце (Gotze)) (1647-1720); его отец Иоганн-Каспар Фрич (28.03.1677-17.02.1745), женатый на дочери пастора Розине-Елизавете (урожденной Петцх (Petzsch/ Petsch)) (1698-1764) и его дядя Иоганн-Томас Фрич (15.12.1666-19.12.1726). У Ф.И. Фрича были сестра София-Елизавета (ск. 1734) и брат Захариас-Ремигиус (1737-1815).

Андрей (Генрих-Иоганн) Андреевич Пеутлинг (Peutling) (03.08.1723-18.04.1787). Родился в Лифляндии в г. Выборге. По вероисповеданию принадлежал к лютеранской Церкви. Вероятно его отцом был лейтенант артиллерии Пеутлинг, женатый (с 1723 г.) на Марии-Доротее (урожденной фон Ламбсдорф (von Lambsdorff)) (1700-25.12.1770). В воинской службе находился с 1736 г. А.А. Пеутлинг являлся участником: Русско-турецкой войны (1735–1739), Русско-шведской войны (1741-1743), Войны за австрийское наследство (1740-1748), Семилетней войны (1756-1763) и Русско-турецкой войны (1768-1774). В армии А.А. Пеутлинг служил: в 1763 г. секунд-майором (1 января 1760); премьер-майором (1 мая 1763) в Воронежском пехотном полку, а в 1765-1768 гг. во 2-м Гренадерском полку, в 1769-1770 гг. подполковником (23 сентября 1768) в Выборгском пехотном полку. 27 июля 1770 г. подполковник А.А. Пеутлинг был, за отличие, награжден орденом святого Георгия 4-го класса. 21 апреля 1771 г. ему было присвоено звание полковник. В 1771 г. служил во 2-м Московском пехотном полку. Бригадир (19 февраля 1773). В 1773-1774 гг. исполнял обязанности коменданта Бендер. Очевидно по отставке, в 1776 г. бригадир А.А. Пеутлинг находился, сверх комплекта, на должности коменданта. Вероятно из-за того, что тогдашний комендант крепости Алексеевской полковник Ф.И. Фрич в это время отсутствовал при крепости, бригадир А.А. Пеутлинг был назначен в 1776 г. исполнять обязанности **коменданта** (третьего) этой крепости. Но так как первая крепость Алексеевская была брошена, а новую крепость так и не начали строить, то он был определен присутствовать в Комиссии Днепровской линии. А когда в 1777 г. открылась комендантская вакансия в крепости Таганрогской, он был назначен в эту крепость комендантом, где и находился до 1781 г. Причем с 1781 г. бригадир А.А. Пеутлинг, числясь по штату Линии комендантом не действовавшей и безгарнизонной крепости Алексеевской, проживал в крепости Кирилловской и фактически управлял ею. В крепости Кирилловской вместе с ним жил и его внук Афанасий Петрович Белангов (р. 1776), отцом которого вероятно был лифляндский дворянин Петр Беланга (р.1750), служивший в 1762 г. подпоручиком (7 января 1761) в Астраханском пехотном полку. Скончался бригадир А.А. Пеутлинг 18 апреля 1787 г.

В 1788 г., на ставшее вакантным место коменданта крепости Алексеевской, был назначен бригадир **А.Я. Обернибесов**. Он также, как и его предшественник, числясь по штату Линии **комендантом** (четвертым) крепости Алексеевской, проживал в крепости Кирилловской, которой и управлял. 7 октября 1796 г. бригадир А.Я. Обернибесов был назначен обер-комендантом Днепровской линии, вместо умершего бригадира Г. Таубе.

Даниил Ефимович Ермаков (р. 1730/33). Из обер-офицерских детей. В воинской службе с 1747 г. Участник Семилетней (1756-1763) и Русско-турецкой (1768-1774) войн. В 1781-1784 гг. секунд-майором (24 ноября 1781) служил в Навагинском пехотном полку (в 1781 г. на капитанской вакансии и сверх комплекта), в 1785 г. продолжил службу в 3-м Харьковском мушкетерском батальоне, в 1787-1788 гг. он служил в Астраханском гренадерском полку, а в 1789 г. премьер-майором (1 января 1788) снова в Навагинском пехотном полку. 26 ноября 1788 г. премьер-майор Д.Е. Ермаков был награжден орденом святого Георгия 4-го класса. В 1792-1794 гг. премьер-майор Д.Е. Ермаков служил в Санкт-Петербургском гренадерском полку. В 1794 г. подполковник (30 марта 1794) Д.Е. Ермаков был определен комендантом в крепость Ильинскую на Оренбургской линии. С 18 июля 1796 г., перед своим назначением на Днепровскую линию, подполковник Д.Е. Ермаков служил комендантом в крепости Петропавловской той же Оренбургской линии. С 7 октября 1796 г. по 1797 г. подполковник (30 марта 1794) Д.Е. Ермаков служил **комендантом** (пятым и последним) в крепости Алексеевской на Днепровской линии. Так как старая крепость Алексеевская была оставлена, а новую крепость так и не начали строить, то можно предположить, что он, как и его предшественники, свое местопребывание имел в крепости Кирилловской. После упразднения в 1797 г. должности коменданта безгарнизонной крепости Алексеевской подполковник Д.Е. Ермаков некоторое время, в том же 1797 г., «квартировал» в крепости Александровской.

Крепость Захарьевская (1-я: 1771/1772-1777 гг.; 2-я: 1777-1797 гг.)

Первым **комендантом** крепости Захарьевской в 1771 г. был назначен полковник (17 марта 1771) **М.М. Караватка**, который находился в этой должности до 1774 г. После чего он был переведен в крепость Александровскую. К 1773 г. строительство крепости Захарьевской еще не было полностью завершено. Жильем на это время для гарнизона крепости, который состоял из одной роты, служили землянки (капониры) покрытые дерном.

Гендрик (Андрей) Тырк (Turk/ Turck) (1727-06.02.1786). Происходил из дворян Лифляндии. В воинской службе А. Тырк находился с 1749 г. Являлся участником: Семилетней войны (1756-1763), Войны с польскими конфедератами (1768-1772), Русско-турецкой войны (1768-1774). В 1765-1769 гг. капитан (1 января 1764); секунд-майор (22 сентября 1768) (звание получено «за отличный поступок при штурме замка Краковского») А. Тырк служил в Выборгском пехотном полку. В 1769-1771 гг. секунд-майор; премьер-майор (1 января 1770) А. Тырк продолжил службу в Новгородском пехотном полку. В 1771-1773 гг. служил в Черниговском пехотном полку. В 1774-1786 гг. полковник (6 мая 1774) А. Тырк служил **комендантом** (вторым) в крепости Захарьевской на Днепровской линии. Предположительно в 1776 г. крепость Захарьевская была оставлена, так как вместо нее было решено строить, в другом, более удобном месте, новую крепость с тем же названием. В связи с чем, для несения службы в этой новой крепости, военнослужащие в количестве 60 солдат, во главе с офицером, отряжались из гарнизона крепости Кирилловской. При этом и комендант и «протчия все» проживали на новом месте в «худых землянках». И если еще в 1777-1778 гг. здесь еще шло какое-то строительство, то в 1779 г. все работы по возведению этой крепости были окончательно прекращены. Скончался комендант крепости Захарьевской полковник А. Тырк 6 февраля 1786 г. Как версию рассмотрим голландское происхождение А. Тырка. Некий Гендрик ден Турк (Hendrik den Turk) родился 20 декабря 1726 г. в голландском Горинхеме. Его родителями были Августин ден Турк (1703-1761) и Элизабета ден Турк (урожденная ван Леент (van Leent)) (р. 1705). У Г. ден Турка были братья и сестры: Клаас (1728-1729), Класинтия (1730-1731), Фредрик (1732-1791), Класинтия (1734-после 1764), Клаас (1736-1737), Паулус (р. 1739), Мария (р. 1741), Клаас (1745-1821), Мария (р. 1745?). Супругой Г. ден Турка была, брак состоялся 23 мая 1751 г., Гендрика Келдерманс (Keldermans) (р. 1725). В их браке родились: Класинтия (р. 1752), Гертруйя (1753-1816), Фредерик (1755-1756), Гендрик (1757-1804), Августинус (р. 1759), Элизабета (1760-1825).

Петр Стефанович Стойков (1730/31/34-апрель 1807). Из сербских дворян. В воинской службе с 1752 г. Был участником Семилетней (1756-1763) и Русско-турецкой (1768-1774) войн. П.С. Стойков служил: в 1770-1776 гг. секунд-майором (17 сентября 1770); премьер-майором (29 июля 1771) в Черном гусарском полку (поселенном) (сверх комплекта), в 1777-1784 гг. премьер-майором; подполковником (8 февраля 1778) в Болгарском гусарском полку (поселенном). В 1784-1785 гг. полковник П.С. Стойков числился комендантом на Днепровской линии, ожидая свободной вакансии. 17 марта 1786 г. полковник (21 апреля 1784) П.С. Стойков становится **комендантом** (третьим) крепости Захарьевской. В 1793-1794 гг., после смерти коменданта крепости Александровской полковника М.М. Караватки, полковник П.С. Стойков исполнял обязанности коменданта крепости Александровской до прибытия в эту крепость нового коменданта. 16 июля 1797 г. коменданту крепости Захарьевской П.С. Стойкову было присвоено очередное воинское звание генерал-майор. А 9 сентября 1797 г. Высочайшим приказом генерал-майор П.С. Стойков был отправлен в отставку «с получением половинного жалованья и с ношением мундира». П.С. Стойков был женат на Марии Стойковой (1738-27.08.1814). В их браке были рождены, сыновья: Иосиф (р. 1752), Степан, Василий и дочери: Ульяна (в браке Михайлович), Анна (в браке Ульянова), Евдокия (в браке Прокопович) (1787-22.07.1827). Скончался генерал-майор в отставке П.С. Стойков в апреле 1807 г. в с. Петровом Елисаветградского уезда Херсонской губернии. На 1787 г. в Елисаветградском уезде Екатеринославского наместничества в собственности помещика П.С. Стойкова числились: с. Петрово и д. Кузминец с крепостными крестьянами.

Георгий Савинович Стратимирович (1733-после 1797). Предками Г.С. Стратимировича были сербские князья, которые участвовали, на стороне России, в 1711 г. в Прутском походе. Его родственниками являлись князь Антон (ск. 1786) и Марк Стратимовичи, служившие в 1760-х гг. в Слободском и Молдавском гусарских полках. Сам Г.С. Стратимирович в воинской службе был с 1755 г. Участник Семилетней (1756-1763) и Русско-турецкой (1768-1774) войн. Служил: в 1782 г. секунд-майором (1 января 1780) в Молдавском гусарском полку (поселенном), в 1782-1783 гг. в Далматском гусарском полку (поселенном), в 1784-1789 гг. секунд-майором; премьер-майором (14 июля 1788) в Александрийском легко-конном полку (сверх комплекта). 26 ноября 1788 г. премьер-майор Г.С. Стратимирович стал кавалером ордена святого Георгия 4-го класса. В 1792-1796 гг., вплоть до его назначения на должность коменданта, подполковник (5 июня 1790) Г.С. Стратимирович служил в крепости Елисаветградской, в Елисаветградском гарнизонном батальоне (сверх комплекта). 9 сентября 1797 г. полковник (9 сентября 1797) Г.С. Стратимирович был назначен **комендантом** (четвертым) в крепость Захарьевскую на Днепровскую линию. Должность он не исполнял, так как 22 октября 1797 г. вышел в отставку. Вероятно супругой полковника была Анна Степановна Стратимирович, а их сыновьями были: Федор Егорович Стратимирович, который был женат на Евдокии Стратимирович (1780-04.09.1821) и Иван Егорович Стратимирович женатый на Надежде Стратимирович.

Крепость Петровская (август 1770-1800 гг.)

Франц Яковлевич де Роберти (de Roberti) (1724-09.01.1801). В российской воинской службе Ф.Я. де Роберти находился с 1750 г. До этого он служил в австрийской армии, а перед принятием в русскую службу во французской армии. Ф.Я. де Роберти являлся участником Семилетней (1756-1763) и Русско-турецкой (1768-1774) войн. В российской армии будущий комендант служил: в 1750 г. поручиком (13 июня 1750) в Апшеронском пехотном полку, в 1755 г. капитаном (25 апреля 1755) в Санкт-Петербургском пехотном полку, в 1759-1768 гг. секунд-майором (1 января 1759); премьер-майором (1 мая 1763) в Шлиссельбургском пехотном полку, в 1768-1769 гг. подполковником (23 сентября 1768) в Великолуцком пехотном полку, из которого был переведен в Навагинский пехотный полк. В 1770 г. подполковник Ф.Я. де Роберти получил отставку и был определен со званием полковник (1 января 1770) **комендантом** (первым) в крепость Петровскую. Полковник Ф.Я. де Роберти являлся кавалером ордена святого князя Владимира 4-й степени. 31 января (1 мая) 1779 г. полковник Ф.Я. де Роберти был отпущен в отпуск «к теплым водам на полтора года» и уже не вернулся к своей должности на Днепровскую линию. 22 июня 1781 г. он был назначен комендантом в Балтийский Порт. Во время Русско-шведской войны (1788-1790), 6 марта 1790 г. комендант Балтийского Порта полковник Ф.Я. де Роберти капитулировал перед десантом с двух шведских фрегатов под командою капитана Улофа-Рудольфа Цедерстрема (1764-1833). Участник той войны, Павел Васильевич Чичагов (1767-1849), впоследствии писал об этих событиях: «...два шведских фрегата подошли к Рогервику, т.е. Балтийскому Порту, где их никак не ожидали. Гарнизон, застигнутый врасплох, не успел опомниться и собраться, а шведы тем временем высадили на шлюпках небольшой десант, достигли крепостных орудий, заклепали их, сожгли казенные магазины с амуницией, затем бросились на гарнизон и заставили коменданта, полковника де-Роберти, заключить капитуляцию, на основании которой несколько русских купеческих судов предали огню, так же, как и почти все остальные магазины. Жители заплатили 4 тысячи контрибуции. И это все случилось в то время, когда в порте имелось до 300 человек войска, а шведов высадилось не более 50-ти. Де-Роберти уверял впоследствии, что шведы его обманули, подняв голландские флаги, но трудно было ошибиться, когда они, подойдя, стали обстреливать нашу батарею, сильно вооруженную еще к тому 40 орудиями. В Ревеле, разумеется, подняли тревогу, немедленно выслали помощь, но все это оказалось слишком поздним». Императрица Екатерина II 10 марта 1790 г. высказалась по этому поводу в разговоре со своим статс-секретарем, действительным статским советником Александром Васильевичем Храповицким (1749-1801), таким образом: «Будут хвастать Шведы; негодяй полковник Роберти, комендант Балтийского Порта, сделал постыдную капитуляцию; магазейны выжжены, пушки заклепаны, и от города 4 тысячи заплачено; а Шведы тотчас уехали. Что же он спас? Хочу знать.- Себя только. Русской этого бы не сделал. Какая разница с Кузьминым в Нейшлоте! (имелся в виду комендант крепости Нейшлот в 1786-1790 гг. секунд-майор Павел Кузьмин, давший отпор шведам в 1788 г.- А.М.)». 11 марта 1790 г. полковник Ф.Я. де Роберти был отрешен от службы. Однако он не был уволен из армии и, по крайней мере, до 1796 г. еще числился как комендант. Скончался Ф.Я. де Роберти 9 января 1801 г. в г. Ревеле. Ф.Я. де Роберти родился в 1724 г. на территории Курпфальца (Священная Римская империя), происходил он «из дворян цесарской нации». По вероисповеданию был католиком. Его первой супругой (с 14 ноября 1751 г.) была Фридерика-Елизавета (урожденная фон Цанген (von Zangen)) (р. 26.05.1731). В этом браке были рождены: Фридрих-Андреас (р. 22.08.1752), Фридерика-Аврора (15.10.1755-30.04.1756), Катарина (р. 18.10.1756). Во втором его браке с эстляндской дворянкой Евой-Еленой (урожденной фон Фок (von Fock)) (р. 13.08.1748), родились: Магнус (Максим) (1766-12.07.1831), Ева-Доротея (р. 09.04.1768), Карл (р. 1768) (супруга (с 27 апреля 1800 г.) графиня Элеонора-Августа (Евгения Яковлевна) (урожденная де Кастро де ла Серда (de Castro de la Serda)), Екатерина-Наталия (28.02.1774-14.06.1858) (в браке (с 1792 г.) за бароном Петром-Августом фон Майделем (von Maydell) (13.05.1770-09.01.1850)), Вильгельм (р. 1776), Августина (р. 1777) (замужем (с 10 января 1793 г.) за Егором Павловичем фон Гетценом (von Gotzen) (ск. 1821)), Франц-Яков (р. 1779), Анна-Шарлотта-Магдалена (1781-15/18.11.1836) (замужем за Федором Васильевичем Повалишиным (1775-25.03.1857)), Александр (р. 1783), Отто-Петр-Яков (30.10.1785-27.12.1817).

В 1779 г. ушедшего в отпуск полковника Ф.Я. де Роберти временно заменил бригадир (16 августа 1778) **Г. Таубе**. В 1780 г. бригадир Г. Таубе был утвержден на должность **коменданта** (второго) крепости Петровской уже на постоянной основе. В 1789 г. бригадир Г. Таубе был назначен обер-комендантом Днепровской линии.

Андрей Николаевич Соколов (р. 1740). Происходил из российских дворян. В воинской службе числился с 1755 г. Был участником Семилетней (1753-1763), Русско-турецкой (1768-1774) и Русско-турецкой (1787-1791) войн. В армии служил: в 1771 г. секунд-майором (10/28 июня 1771) в Копорском пехотном полку (сверх комплекта), в 1773 г., тем же чином, в Низовском пехотном полку (сверх

комплекта), в 1776 г., тем же чином, в Куринском пехотном полку, в 1779-1784 гг. премьер-майором (12/28 декабря 1778) в Севском пехотном полку. 26 ноября 1784 г. подполковник (25 декабря 1783) А.Н. Соколов был награжден орденом святого Георгия 4-го класса. В 1785-1789 гг. его служба продолжилась подполковником; полковником (21 апреля 1789) в Апшеронском пехотном полку. В 1789 г. полковник А.Н. Соколов вышел в отставку и находился на комендантской должности (сверх комплекта), пока 8 января 1790 г. не был назначен на открывшуюся вакансию **коменданта** (третьего) крепости Петровской. В начале 1790-х гг. полковник А.Н. Соколов был удостоен ордена святого князя Владимира 4-й степени. 9 января 1797 г. Петровский гарнизонный батальон был преобразован в полк, который стал именоваться гарнизонным полком Соколова. 16 июля 1797 г. комендант А.Н. Соколов жалуется чином генерал-майор, а 17 сентября 1797 г. генерал-майор А.Н. Соколов становится шефом своего полка. В 1799 г. генерал-майор; генерал-лейтенант (29 января 1799) А.Н. Соколов со своим полком принимал участие в Русско-французской войне (1798-1801). 11 июля 1799 г. шеф гарнизонного полка крепости Петровской генерал-лейтенант А.Н. Соколов «за неисполнение данного ему повеления от начальника» был исключен из службы.

Алексей Степанович Гинкуль (Григораш-Гинкуль) (1766-23.09.1811). «Из волохского шляхетства». В воинской службе с 1773 г. 1 января 1786 г. А.С. Гинкулю было присвоено звание ротмистр, а 30 сентября 1787 г. он вышел в отставку со званием секунд-майор. 30 июля 1789 г. А.С. Гинкуль был снова принят на службу в армию в звании секунд-майор. Секунд-майор А.С. Гинкуль служил: в 1789 г. в Финляндской армии (сверх комплекта), в 1792-1795 гг. в Псковском драгунском полку (сверх комплекта), в 1796 г. в 8-м Московском полевом батальоне (на капитанской вакансии). 17 мая 1797 г. Московского гарнизона Архарова 2-го полка майор А.С. Гинкуль был назначен плац-майором в г. Москве. В 1799 г., перед его назначением на должность коменданта в крепость Петровскую, подполковник А.С. Гинкуль исполнял обязанности коменданта в крепости Одесской. 11 июля 1799 г. на должность **коменданта** (четвертого) крепости Петровской был назначен гарнизонного (Ивана Петровича) Архарова полка полковник (11 июля 1799) А.С. Гинкуль. 4 марта 1800 г. гарнизонный полк крепости Петровской был упразднен и расформирован, а его шеф полковник А.С. Гинкуль и часть офицеров его полка были направлены в г. Ахтиар (Севастополь) в гарнизонный полк генерал-майора, князя (Михаила Сергеевича) Вяземского. Другая часть офицеров этого полка была переведена в гарнизонный полк генерал-майора (Ивана Ивановича) Альвинцева. 16 мая 1803 г. полковник А.С. Гинкуль был произведен в следующий чин- генерал-майор. С 16 мая 1803 г. по 9 марта 1804 г. генерал-майор А.С. Гинкуль служил шефом 3-го Морского полка. В 1805-1809 гг. генерал-майор А.С. Гинкуль служил комендантом в г. Вильне (г. Вильнюс) и шефом Вильненского гарнизонного батальона. 22 сентября 1809 г. генерал-майор А.С. Гинкуль был определен шефом Белостокского мушкетерского (пехотного с 1810 г.) полка. Во время Русско-турецкой войны (1806-1812), 23 сентября 1811 г. генерал-майор А.С. Гинкуль погиб в перестрелке, которая завязалась между подразделениями российской армии, принявшими в ночное время, по ошибке, друг друга за противника.

Плац-майорам в крепости Петровской служили: в 1771-1775 гг.- секунд-майор (1 января 1769) **Гавриил Алексеевич Суханов** (1737-после 1792), в 1777-1793 гг.- секунд-майор, князь **Иван Чефаридзев** (1730-1793), с 8 августа 1795 г. по 1796? г.- секунд-майор (23 августа 1778) **Андрей Данилович Сибиряков**.

Вооруженные силы на Днепровской линии

Гарнизонные батальоны (полки) Линии

Первоначальный костяк вооруженных сил Линии составили батальоны сформированные и переведенные из Азова- два и по одному из Киева, и крепости Святого Дмитрия [29, 34]. Насколько можно судить, Александровский пограничный батальон был сформирован из военнослужащих Киевских гарнизонных батальонов. Кирилловский пограничный батальон был создан 1 июля 1770 г. в крепости Святого Дмитрия [4, 251]. Воинские подразделения при крепостях должны были именоваться «по тем местам, где они определены» [1, 471-473]. На Днепровской линии, во весь период ее существования, находилось четыре гарнизонных батальона. Три из них назывались по именам крепостей, в которых они служили: Александровский, Кирилловский и Петровский. Однако гарнизонная воинская команда в крепости Никитинской, когда в ней было укомплектовано подразделение численностью в батальон, стала именоваться как 5-й Днепровский батальон. В крепости Захарьевской гарнизон состоял из военнослужащих, которые откомандировывались в эту крепость из крепости Кирилловской. В крепостях Григорьевской и Алексеевской никогда гарнизонов не было. Я.П. Новицкий ошибочно считал, что на Линии находился один-единственный, некий «5 Днепровский баталион», который, по его мнению, «частями» располагался во всех семи крепостях Днепровской линии [10, 45].

Предполагалось, что батальоны на Линии, после их создания, будут комплектоваться за счет рекрут и солдатских детей [1, 34-36; 2, 121-122]. В рассматриваемое нами время армия формировалась на основе рекрутской повинности, которая осуществлялась через практически ежегодные рекрутские наборы. Служба в армии для солдат на то время была бессрочной (с 1796 г. она стала составлять 25 лет). Служба продолжалась до тех пор, пока только солдат способен был ее нести. С наступлением этого момента он получал отставку. Призывной возраст для рекрут был от 17 до 35 лет (на 1766 г.).

17 марта 1771 г. императрицей Екатериной II был утвержден герб гарнизонных батальонов Днепровской линии. Герб представлял собой золотой овальный щит, над которым была императорская корона. Внутри щита, вверху, в голубом поле, находился государственный герб (двуглавый орел), а под ним, в зеленом поле, от реки до моря, укрепленная Линия («От реки до моря Линия на зеленой земле а сверху государственной герб в голубом поле») [30, 18/ 801; 31, 84].

В каждом гарнизонном батальоне было положено иметь по знамени зеленого цвета с черными наугольниками, внутри которых были вензеля императрицы Екатерины II, а в центре флага должен был располагаться герб гарнизонных батальонов Линии [30, 57/ 881].

По «Генеральному наставлению» от 19 апреля 1764 г. служба гарнизонных батальонов должна была заключаться в следующем. Если при крепостях, помимо гарнизонных батальонов, были размещены другие воинские команды (полки), то в обязанность этих воинских команд входило «содержать» гауптвахты и все основные посты, а также борьба с уголовными преступниками и усмирение крестьянских бунтов. На долю же гарнизонных команд, в таком случае, оставалась караульная служба при церквях, складах, почтах, госпиталях, у школ, садов, у денежных сборов и т.п., а также служба на главных форпостах. Гарнизонные команды разрешалось также употреблять «в крепостную и городскую в государеву работу с заплатою». В обязанности военнослужащих гарнизонных батальонов входило также конвоирование «колодников» и сопровождение денежных средств (казны) при транспортировке. Если же при крепостях упоминавшиеся выше воинские команды (полки) отсутствовали, то все их обязанности должны были исполнять гарнизонные батальоны. Гарнизонные батальоны должны были безотлучно находиться при крепостях. Исключение делалось для случаев, если при крепостях не квартировали определенные к ним воинские команды (полки) [1, 471-473].

В общих чертах обмундирование и вооружение военнослужащих гарнизонных батальонов до 1786 г. было следующим. Каждый штаб-офицер, обер-офицер и строевой солдат гарнизона был обмундирован в зеленый кафтан с воротником, обшлагами рукавов и подкладкой красного цвета, двумя рядами пуговиц на нем и шерстяным погоном на левом плече. Камзол также был зеленого цвета, с двумя рядами пуговиц. На шее был повязан черный галстук. Штаны также были зеленого цвета. Обувь представляла собой круглоносые башмаки, а от ступней и поверх колен крепились пуговицами и ремешками с пряжками голенища, состоявшие из штибель-манжет и штиблет. Головной убор представлял собой треуголку с бантом (без плюмажа), прикрепленным у переднего угла шляпы. Рядовому строевой роты полагались: шпага, портупья, ружье (фузья) со штыком и патронная сумка с перевязью. Главными отличительными особенностями мундиров штаб и обер-офицера от рядового состава были: опущенные полы кафтана, шарф на талии (обер-офицерские – черного цвета с желтым, штаб-офицерские- золотого цвета), у штаб-офицеров в отличие от обер-офицеров на камзол нашивался, в зависимости от звания, в один или два ряда, галун золотого цвета. Офицерам полагалась шпага с темляком и портупеей [1, 98-99/ 471-473]. Рядовому пограничного гарнизонного батальона мундир выдавался на 3 года.

По штату 1770 г. на Линии должны были служить 5 пограничных гарнизонных батальонов назначенные, однако состоять, по примеру внутренних гарнизонных батальонов, из 5 строевых и 1 инвалидной роты в каждом. То есть в каждом батальоне должны были находиться 775 человек военнослужащих (т.е. 3875 человек, имелось в виду общее количество гарнизонных военнослужащих в крепостях Линии.- А.М.), а не 772 человека, как было положено в пограничном гарнизонном батальоне, состоявшем из 4 строевых, 1 инвалидной и 1 мастерской рот. Однако жалование военнослужащим начислялось по окладу пограничных батальонов. В инвалидной роте полагалось 30 человек мастеровых («рабочих»). При каждом батальоне должно было быть 9 лошадей. На Линии также должны были служить три казацких полка по 517 человек в каждом [1, 34-36; 2, 121-122; 29, 36]. Инвалидная рота должна была пополняться из строевых рот теми офицерами и солдатами, которые по старости и немощности или из-за фронтальных увечий уже не могли нести строевую службу. Их удел был исправлять необременительную караульную службу при школах, складах, у церквей и т.п. (без огнестрельного оружия). Им позволялось даже, «для лучшего ж им покою», нести службу сидя на лавках или стульях. Мастерские же при инвалидной роте должны были обладать мастерством «требуемому в крепости, а именно: кузнечному, слесарному, каменному, плотничному, дернокладству»

и пр. Мастерские солдаты были избавлены от несения караульной и конвойной службы. Их должно было привлекать «только для исправления работ при крепостях» [1, 471-473].

20 октября 1771 г., согласно высочайше утвержденному докладу Военной коллегии, к штату Днепровской линии, для ведения «следственных и крихсрехтных дел», была прибавлена должность аудитора [32, 349].

Согласно штату гарнизонного батальона состоявшего из 5 строевых и 1 инвалидной роты от 19 апреля 1764 г., военнослужащие которого при этом находились на окладе пограничного батальона, состав батальона Линии и годовой оклад его служащих должны были быть следующими. Штаб: командир батальона (подполковник или премьер-майор)- 1 (200 руб.). Унтер-штаб: адъютант- 1 (80 руб.), лекарь- 1 (120 руб.) (ему же полагалось на денщика и провиант- 9 руб. 40 1/3 коп.), провиантмейстер (сержант)- 1 (10 руб.), надзиратель для больных (сержант)- 1 (10 руб.), профосов- 12 (5 руб. 60 коп. каждому). Ротный прима-план: капитанов- 6 (133 руб. 33 1/3 коп. каждому), поручиков- 6 (60 руб. каждому) (опечатка, должно быть- 80 руб.- А.М.), прапорщиков- 6 (66 руб. 66 коп. каждому), сержантов (старших)- 18 (10 руб. каждому), каптенармусов- 6 (8 руб. каждому), подпрапорщиков- 2 (8 руб. каждому), фурьеров- 6 (8 руб. каждому), капралов- 24 (7 руб. 33 1/3 коп. каждому), цырюльников- 6 (5 руб. 52 коп. каждому), барабанщиков- 12 (5 руб. 52 коп. каждому), флейтистов- 6 (5 руб. 52 коп. каждому), рядовых- 660 (строевых- 550, инвалидов- 110) (5 руб. 52 коп. каждому). Всего в батальоне должно было состоять 775 человек. К окладу всем «чинам не офицерского ранга» полагалась также сумма на провиант- 3 руб. 88 1/3 коп. При этом из зарплаты военнослужащих делались обязательные отчисления на медицину. Так, из жалованья штаб и обер-офицеров, с каждого рубля, вычитались «на медикаменты» 1 1/2 копейки, а на подобные же расходы у унтер-офицерского и рядового состава уходила 1 копейка с рубля. Еще одна выплата- «на гошпиталь», которая составляла 1 копейку с каждого рубля, взималась со штаб-офицерского и унтер-офицерского состава. Деньги отчислявшиеся «на медикаменты» получала Медицинская коллегия, а средства перечислявшиеся «на гошпиталь» шли «в батальоны, на содержание больных» [14, 132-133]. Пограничный оклад военнослужащих гарнизонных батальонов составлял 2/3 от оклада армейского. Поэтому, вероятно в условиях отдаленного гарнизона, денег на нормальную жизнь не всегда хватало. Так, в 1777 г. отмечалось, что военнослужащие Александровского гарнизонного батальона «аммуницією и жалованьем весьма обижены, ибо получают по окладу гарнизонному чем по дороговизне и пустоте сего места, содержать себя никак не могут» [4, 138-139].

Согласно «Учреждению» от 1764 г., для вдов и детей умерших гарнизонных штаб и обер-офицеров, унтер-офицеров и рядовых Государством предусматривались определенные денежные выплаты и пенсионное содержание. Однако эти суммы исчислялись из жалованья, предназначавшегося для военнослужащих инвалидов, а не из текущих годовых окладов их умерших мужей и отцов. Инвалидное жалованье в год составляло: подполковнику- 120 рублей, майору- 100 рублей, капитану- 65 рублей, поручику- 40 рублей, подпоручику и прапорщику- 33 рубля, унтер-офицеру- 15 рублей и рядовому- 10 рублей. Так, штаб и обер-офицерским вдовам, возраст которых был до 40 лет, выдавался, разово, годовой оклад (инвалидный) их умерших мужей, а вдовам возрастом за 40 лет выдавалась (до замужества, или до пострижения в монастырь, или по смерти) восьмая часть годового оклада (инвалидного) их умерших мужей. Детям-сиротам была положена двенадцатая часть оклада (инвалидного) их умерших отцов. Причем мальчикам выплаты осуществлялись до 12-летнего возраста, после чего они должны были поступать «в школы, и к определению в военную службу». Девушки получали выплаты до 20-летнего возраста, после чего их, с полным годовым окладом (инвалидным), в качестве приданного, предполагалось выдавать замуж. Если же они из-за болезни или увечий выйти замуж не могли, то денежное содержание им продолжало выплачиваться и далее. Унтер-офицерским и солдатским вдовам, при условии, что они не вышли снова замуж или не определились в монастырь, выплачивалось, по смерти их, по 2 рубля в год, а их детям: мальчикам, до того времени пока они не поступили в школу, платилось 3 рубля в год, девочкам до 12-летнего возраста также выплачивалось по 3 рубля в год. С 12-летнего возраста выплаты девочкам прекращались, и их, если их не было кому содержать, отдавали в работу на фабрики [33, 565-569]. С января 1788 г. выдача средств инвалидам, пенсионерам, вдовам и сиротам была возложена непосредственно на обер-комендантов и комендантов, а не как ранее на Казенные палаты [34, 1025-1026].

С 1769 г. солдаты полевых полков и гарнизонных батальонов, которые привлекались к фортификационным работам, сверх получаемых ими оклада и провианта, стали получать следующее жалованье. Во внутренних (российских) крепостях военнослужащие занятые неквалифицированным трудом получали: летом- 2 копейки, а зимой- 1 1/2 копейки в день; каменщики получали: летом- 5 копеек, а зимой- 3 копейки в день; солдаты других специальностей (плотники, кузнецы и др.) получали: летом- 3 1/2 копейки, зимой- 2 1/2 копейки в день. В остзейских крепостях разнорабочие

получали: летом- 3 копейки, а зимой- 2 копейки в день; каменщики получали: летом- 7 копеек, а зимой- 5 копеек в день; солдаты других специальностей (плотники, кузнецы и др.) получали: летом- 5 копеек, зимой- 3 1/2 копейки в день [35, 995-996]. С 24 апреля 1775 г. оплата строительных работ несколько изменилась. Теперь в Киевском, Астраханском и Сибирском департаментах и в городах Великие Луки, Смоленске и Архангельске каменщики получали: летом- 6 копеек, зимой- 4 копейки в день; прочие специалисты стали получать: летом- 5 копеек, зимой- 3 копейки в день; и солдаты-разнорабочие стали получать: летом- 3 копейки, зимой- 2 копейки в день. В остзейских крепостях Финляндского и Лифляндского департаментов каменщики получали: летом- 7 копеек, зимой- 5 копеек в день; прочие специалисты стали получать: летом- 6 копеек, зимой- 4 копейки в день; и солдаты-разнорабочие стали получать: летом- 5 копеек, зимой- 3 копейки в день [36, 128-129].

После 1775 г., когда истек пятилетний срок наряда для «работных людей» («лопатников» и погонщиков), возводивших Линию с 1770 г., строительство должно было вестись силами гарнизонных солдат Линии и военнослужащих других подразделений, и сосланных на Линию преступников. Так, например, в 1776 г. на строительстве пристани на Азовском море у крепости Петровской предполагалось задействовать солдат-«мастеровых»: плотников- 3763 человека, каменщиков- 940 человек, кузнецов- 916 человек. Причем каменщикам предполагалось платить по 6 копеек в день, а всем остальным «мастеровым» по 5 копеек в день. Неквалифицированным рабочим из солдат, которые должны были быть привлечены «к битью свай к нагрузке камнем к вальвовым повоскам и к тасканию леса», оплата устанавливалась по 3 копейки в день [2, 163-165/ 169-173/ 188/ 196-197/ 198-200/ 202-203/ 211-212; 4, 87-89].

Источником пополнения солдат в гарнизоны Линии были, как уже отмечалось, рекрутские наборы. Но вероятно не во все годы когда назначались рекрутские наборы, даже несмотря на то, что на Днепровской линии была хроническая нехватка военнослужащих, на Линию определялись нижние чины. В «рописаниях» рекрутских наборов за 1781 г., 1783 г., 1784 г., 1785 г., 1786 г., 1787 г., 1788 г., 1790 г., 1793 г., 1794 г. и 1796 г. только в трех из них имеются сведения об определении рекрут в батальоны крепостей Линии. Так для устранения некомплекта военнослужащих на Днепровской линии в 1783 г. из Пермского наместничества на Линию было определено 1074 рекрута, в 1787 г. с той же целью на Линию было определено 1816 рекрут из того же наместничества и в 1796 г. из Нижегородского и Брацлавского наместничеств на Линию отправили 2282 рекрута [1, 69-70/ 73/ 76].

Также одним из основных средств комплектации офицерами и солдатами гарнизонных батальонов Линии были отставки военнослужащих в армейских полевых полках. То есть военнослужащие неспособные нести строевую службу из-за болезней, по старости, «дряхлости» и увечий увольнялись из полевых полков и определялись или в монастыри (до 1764 г.) и богадельни, или на поселение, или в гарнизонные подразделения, где служба была легче и спокойнее (11 сентября 1785 г. именным указом было велено в гарнизоны определять только служивших в армейских полках солдат [34, 451]).

Например, 10 марта 1779 г. генерал-поручик Александр Васильевич Суворов (1730-1800) рапортовал генерал-фельдмаршалу, графу П.А. Румянцеву-Задунайскому, что им, согласно Ордеру последнего от 3 ноября 1778 г., к которому была приложена копия указа Военной коллегии об отставке военнослужащих в армии, были отправлены в отставку из полевых полков и двуротных команд, находившихся в Крыму и на левой стороне Днепра, в гарнизонные батальоны состоявшие на Днепровской линии и в крепости Святого Дмитрия, неспособные к полевой службе нижние чины. Таковых оказалось 602 человека [37, 178-179]. Ранее, в 1777 г. отмечалось, что в Александровском батальоне служат солдаты «частью молодые из рекрут, а больше старики из полевых полков». В это же время гарнизон крепости Никитинской состоял «из одного баталиона старых солдат», а Петровский батальон был укомплектован военнослужащими «из рекрут но мало, а больше из полевых полков старых солдат» [4, 138-139]. В рапорте от 19 июля 1779 г. Азовский губернатор генерал-поручик В.А. Чертков сообщал Главному командиру Линии генерал-аншефу, князю Г.А. Потемкину, что военнослужащие в четырех батальонах Линии «многия есть определенныя из полевых полков старыя дряхлыя и увечныя, никакой службы почти нести не могуция» [4, 204-205].

Указом от 7 ноября 1780 г. Военная коллегия, учитывая нехватку военнослужащих в гарнизонных батальонах, подтвердила действие ранее утвержденных указов от 28 июля 1765 г. и 28 сентября 1767 г. Согласно этому указу нижние чины армейских полков, неспособные более, по состоянию здоровья, нести «полевую» службу, должны были отправляться служить в гарнизонные батальоны. Те же из них, которые и в гарнизонных батальонах не могли служить в строевых ротах, должны были определяться в инвалидные роты этих батальонов [36, 1012-1013].

Об удручающей демографической ситуации в рядах нижних чинов Линии говорят данные об их возрастном составе. В 1783 г. из 380 человек рядового состава Александровского батальона 246 военнослужащих были в возрасте 40 и более лет, причем предельный возраст составлял 78 лет

[1, 288-314]. В 1784 г. в Кирилловском батальоне ситуация была еще хуже. Из 139 рядовых этого батальона 122 человека были в возрасте 40 и более лет, при этом предельный возраст составлял 76 лет [1, 315-341]. В Александровском батальоне в 1790 г. из 342 человек рядового состава 289 военнослужащих были в возрасте 40 и более лет (предельный возраст- 82 года) [1, 356-368]. А в 1797 г. в Александровском гарнизонном полку Аврамова из 151 человека рядового состава 141 военнослужащий был в возрасте 40 и более лет (предельный возраст- 89 лет) [1, 403-427].

То есть из года в год комплектация гарнизонов Линии становилась все хуже и хуже, осуществляясь очевидно по остаточному принципу, при этом личный состав батальонов, в количественном выражении, становился с каждым годом все меньшим, а число пожилых и старых солдат в батальонах становилось все большим.

Во все время существования Днепровской линии в гарнизонах, которые были размещены по ее крепостям, наблюдался постоянный некомплект военнослужащих. Так, в Кирилловском пограничном батальоне в 1775 г. числился всего 441 военнослужащий из положенных 775 [4, 251-264]. В начале 1777 г. в гарнизонах Линии был следующий некомплект: в Александровском батальоне- 218 человек, в Кирилловском батальоне- 347 человек, в 5-м Днепровском батальоне (крепость Никитинская)- 391 человек и в Петровском батальоне- 119 человек. То есть всего недоставало- 1075 человек [4, 104]. В середине 1779 г. в четырех батальонах Линии недоставало- 1180 человек [4, 204-205]. На начало 1780 г. в крепость Захарьевскую, для несения службы, отряжалось из Кирилловского батальона всего 58 человек «нижних чинов». А в 5-м Днепровском батальоне (крепость Никитинская) по списку состояло всего: строевых рядовых- 131 человек и инвалидов- 100 человек. В Александровском батальоне некомплект строевых рядовых составлял 281 человек [4, 211-212]. Похожая картина в гарнизонных батальонах наблюдалась и во все последующие годы. В 1783 г. в Александровском батальоне состояло всего военнослужащих- 476 человек [1, 137-138]. В конце 1783 г. некомплект военнослужащих батальонов Линии составлял- 1074 человека [1, 69-70]. В 1784 г. в Кирилловском батальоне служило всего- 202 военнослужащих [1, 151-152]. На конец 1787 г. в крепостях: Александровской, Никитинской и Кирилловской некомплект военнослужащих в батальонах- 1816 человек [1, 73]. И далее, по годам, в Александровском батальоне состояло: 1788 г.- 461 человек; 1789 г.- 450 человек; 1790 г.- 409 человек; 1791 г.- 259 человек (без инвалидной роты); 1792 г.- 292 человека; 1793 г.- 286 человек [1, 139-147/186]. В 5-м Днепровском батальоне крепости Никитинской количество военнослужащих, по годам, было следующим: 1788 г.- 82 человека, 1789 г.- 91 человек, 1790 г.- 100 человек, 1791 г.- 100 человек, 1792 г.- 82 человека [1, 190/199/207/211/218]. На конец 1796 г. недоштат военнослужащих в батальонах крепостей Александровской, Никитинской, Кирилловской и Петровской составлял- 2282 человека [1, 76]. В 1797 г. в Александровском гарнизонном полку Аврамова служило- 225 человек [1, 147-149]. И только уже после упразднения Днепровской линии в Александровском гарнизонном полку Аврамова в 1798 г. наблюдается увеличение численности- 680 человек [1, 149-151].

Семейным солдатам было разрешено, чтобы их семьи (жены и дети) проживали рядом с ними по месту постоянной дислокации их подразделений. Неженатые же солдаты могли, по месту службы, создавать свои семьи. Так, например, на начало 1783 г. в крепости Александровской, в Александровском пограничном батальоне дело с семейными солдатами обстояло таким образом. Непосредственно при гарнизоне состояло: в 1-й роте (58 рядовых)- 9 семей; во 2-й роте (57 рядовых)- 9 семей; в 3-й роте (69 рядовых)- 11 семей; в 4-й роте (51 рядовой)- 11 семей; в 5-й роте (52 рядовых)- 9 семей и в Инвалидной роте (вместе с мастеровыми, 93 рядовых)- 16 семей. На эти 65 семей приходилось детей: мальчиков- 13 и девочек- 27. То есть из 380 человек рядового состава Александровского батальона 315 человек находились в гарнизоне, даже если предположить, что у кого-то из них семьи остались по месту их призыва, на положении холостяков [1, 288-314]. Не лучше обстояли дела с этим и в крепости Кирилловской, в Кирилловском пограничном батальоне. Так, на начало 1784 г. непосредственно при гарнизоне состояло: в 1-й роте (24 рядовых)- 0 семей (при этом 6 человек солдат числились женатыми, а 1 вдовым); во 2-й роте (19 рядовых)- 2 семьи (всего 8 женатых и 1 вдовый); в 3-й роте (24 рядовых)- 0 семей (всего 7 женатых и 4 вдовца); в 4-й роте (17 рядовых)- 2 семьи (всего 7 женатых и 2 вдовца); в 5-й роте (10 рядовых)- 0 семей (всего 3 женатых и 1 вдовец) и в Инвалидной роте (45 рядовых)- 1 семья (всего 15 женатых и 7 вдовцов). На эти 5 семей приходилось детей: мальчиков- 4 и девочек- 2. Таким образом, из 139 человек рядового состава Кирилловского батальона 134 человека находились в гарнизоне также фактически на положении холостяков [1, 315-341]. И в последующие годы тенденция, когда бессемейные солдаты Александровского батальона превалировали по количеству над теми своими сослуживцами, у которых семьи проживали в крепости, продолжала сохраняться. 1789 г.- 387 (всего рядовых) / 43 (семейных); 1790 г.- 342 (всего рядовых) / 56 (семейных); 1791 г.- 203 (всего рядовых, без Инвалидной роты) / 38 (семейных, без Инвалидной роты); 1792 г.- 227 (всего рядовых) / 58 (семейных); 1793 г.- 217 (всего рядовых) / 62 (семейных) [1, 343-403].

В 1797 г., т.е. в последний год существования Днепровской линии, солдаты Александровского гарнизонного полка Аврамова, которые проживали в крепости Александровской вместе с семьями, как и в прежние годы, были, к общему числу рядовых батальона, в меньшинстве. 1-я рота (20 рядовых)- 7 семей (всего 14 женатых и 1 вдовец); 2-я рота (20 рядовых)- 6 семей (всего 13 женатых и 1 вдовец); 3-я рота (24 рядовых)- 7 семей (всего 17 женатых); 4-я рота (28 рядовых)- 13 семей (всего 19 женатых и 1 вдовец); 5-я рота (20 рядовых)- 8 семей (всего 13 женатых и 2 вдовца) и Инвалидная рота (вместе с мастеровыми 39 рядовых)- 18 семей (всего 25 женатых и 2 вдовца). На эти 59 семей приходилось детей: мальчиков- 19 и девочек- 41. На 1797 г. из 151 человека рядового состава Александровского гарнизонного полка Аврамова 92 мужчины были или холостыми или их семьи находились вне расположения гарнизона крепости [1, 403-427].

Во всех крепостях Днепровской линии, где служили гарнизонные батальоны (полки), были, со временем, выстроены: для рядового состава казармы, а для старших офицеров, как правило, отдельные дома. Первоначально же военным служащим, впрочем, как и всем обитателям этих крепостей, приходилось довольствоваться землянками. К середине октября 1770 г. в строящейся крепости Александровской (1-й) для жилья военным служащим были построены: «главная квартира», представлявшая собой г-образный дом, комендантская «квартира» состоявшая из двух домиков, дом для штаб-офицеров, шесть больших «землянок» (блиндажей) для обер-офицеров и рядовых [2, 510]. Командовавший корпусом во время Русско-турецкой войны (1768-1774) генерал-майор, князь Александр Александрович Прозоровский (1733-1809) отмечал в сентябре 1771 г., что «на новоделающейся Линии нет еще никакого селения, кроме землянок для гарнизонов в Александровской и Петровской крепостях» [38, 427]. В крепости Александровской к 1780 г. для военным служащим гарнизонного батальона было готово 5 казарм, в которых были помещения и для ротных офицеров [1, 525]. В крепости Никитинской (2-й) к 1779 г. наземное жилье для 5-го Днепровского батальона, вероятно, было только в проекте [1, 526]. В крепости Кирилловской к 1783 г. уже были готовы: «службы» для батальонного командира, две солдатские казармы, два домика для батальонных капитанов и домик для батальонных поручика и прапорщика [1, 528]. В 1777 г. в строящейся крепости Захарьевской (2-й), отряжавшиеся для службы в ней из гарнизона крепости Кирилловской солдаты и офицер при них, проживали в «худых» землянках [4, 138-139]. В крепости Петровской на 1780 г. фиксируются 3 казармы: одна «ветхая», построенная в 1771 г., другая выстроенная в 1772-1773 гг. «с обмаскою стен глиною» и третья каменная, новая [1, 531].

После присоединения Крымского ханства к Российской империи, южные границы бывшего ханства автоматически стали границами России. Днепровская линия, проходившая по старой границе, оказалась от новой границы далеко внутри государства. 10 февраля 1784 г. императрица Екатерина II своим Указом, данным Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору, генерал-фельдмаршалу, князю Г.А. Потемкину, предписала, в связи с изменившимися границами государства, устроить новые пограничные укрепления и упразднить старые, которые оказались «внутри пределов государства». Под ликвидацию должны были попасть и крепости Днепровской линии. Согласно Указу, крепости Линии должно было обратиться в гражданские населенные пункты (города, посады и т.д.). Судьбу крепостных гарнизонов и артиллерии на Линии императрица предписала решить лично князю [1, 71-72]. Тем не менее, и после февральского Указа 1784 г. Днепровская линия продолжала существовать как единый военно-оборонительный комплекс. Однако, как представляется, именно новая Русско-турецкая война (1787-1791) сделала дальнейшее функционирование Днепровской линии актуальным, продлив, тем самым, ее существование на годы вперед.

С 1790 г. при крепости Александровской стала действовать походная воинская церковь во имя Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского (Александро-Невская). При церкви служили воинский священник и церковники. До учреждения в 1790 г. в крепости Александровской церкви Александро-Невской военным служащим гарнизона были прихожанами церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы (Покровской), действовавшей в форштадте Александровском. На Днепровской линии действовали также воинские церкви в крепостях: Никитинской, Кирилловской и Петровской.

28 июня 1794 г. именным указом военным служащим пограничных и внутренних гарнизонных батальонов было увеличено жалованье. Обер-офицеры, начиная от прапорщика до капитана включительно, получили прибавку к годовому окладу в размере 20 рублей. Нижним чинам этих гарнизонов было добавлено к окладу по 1 рублю [39, 535].

3 декабря 1796 г. Российская армия была территориально разделена на 12 дивизий (военных округов). Гарнизонные батальоны (полки) Днепровской линии вошли в состав Екатеринославской дивизии (с 22 сентября 1797 г.- Днестровская дивизия).

7 января 1797 г. в армии было введено звание штабс-капитан [28, 269]. 22 января 1797 г. жалованье военным служащим гарнизонных полков на внутреннем положении: генералитета, штаб

и обер-офицеров, унтер-офицеров и рядовых, строевых и инвалидных рот было уравнено с жалованьем, получаемым в полевых пехотных полках до 28 июня 1794 г. (штаб и обер-офицерам без рационов). Также с 22 января 1797 г. в гарнизонных полках на внутреннем положении должен был быть один аудитор, исполнявший помимо своих обязанностей и квартирмейстерскую должность [14, 11-12]. В феврале 1797 г. были упразднены звания: секунд-майор и премьер-майор. Вместо них было введено единое звание- майор. 28 февраля 1797 г. именным указом было разрешено комендантам, штаб и обер-офицерам гарнизонных полков на внутреннем положении использовать, без ущерба для воинской службы, рядовых солдат гарнизона «в свои услуги», соблюдая при этом их штатное количество [28, 506].

В ноябре 1797 г. Днепровская линия перестала существовать как единый оборонительный комплекс. Более того, к концу этого года от всей бывшей Линии остались в строю только крепость Александровская и крепость Петровская. Этой реорганизации предшествовал ряд указов и приказов. Так согласно указу от 9 января 1797 г. гарнизонные батальоны были преобразованы в гарнизонные полки, которые стали именоваться по фамилиям своих командиров (в крепости Александровской- Аврамова полк, в крепости Кирилловской- Обернибесова полк и в крепости Петровской- Соколова полк). С этого времени коменданты крепостей должны были обращаться с донесениями, минуя обер-коменданта, непосредственно к императору и в Военную коллегию [1, 77]. 28 января 1797 г. указом Военной коллегии была упразднена должность обер-коменданта [1, 304-305]. Согласно Высочайшему приказу от 17 сентября 1797 г. командиры гарнизонных полков становились их шефами, а сами полки стали именоваться по фамилиям своих шефов [1, 82]. Помимо должности шефа полка, в полку существовала и должность командира полка.

17 ноября 1797 г. инспектором гарнизонных полков Днестровской дивизии был определен генерал-лейтенант Николай Михайлович Бердяев (1744-1823) [1, 83-84; 40, 69].

Тогда же, 17 ноября 1797 г. Высочайшим приказом, крепости Никитинской гарнизонный полк генерал-майора П.И. Гоголева был переведен в крепость Александровскую, а крепости Кирилловской гарнизонный полк генерал-майора А.Я. Обернибесова был назначен к переводу в крепость Петровскую. То есть крепости Никитинская и Кирилловская были упразднены. А гарнизоны крепостей Александровской и Петровской стали на короткое время двухбатальонными. Последовавшим затем новым приказом от 15 февраля 1798 г. полк генерал-майора П.И. Гоголева был переведен из крепости Александровской в Балаклаву, а полк генерал-майора А.Я. Обернибесова был отправлен в Судак [41, NN 125, 126, 129, 130; 42, 54/ 57-58]. Тогда же вероятно были официально упразднены и двуротные крепости Линии. Еще до упразднения крепостей Алексеевской и Захарьевской, гарнизонная служба в которых не велась, коменданты этих крепостей: подполковник Д.Е. Ермаков и полковник П.С. Стойков в 1797 г. «квартировали» в крепости Александровской [1, 404; 43, 69]. С 1798 г. по январь 1799 г. гарнизонные полки бывшей Днепровской линии находились в составе Таврической дивизии (инспекции), которой командовали инспектора: по пехоте- генерал от инфантерии, граф Михаил Васильевич Каховский (1734-1800), по кавалерии- генерал от кавалерии Иван Иванович Михельсон 1-й (1740-1807) [44, 73].

По новому, утвержденному 5 января 1798 г. штату, гарнизонные полки на внутреннем положении, состоявшие из 5 мушкетерских и одной инвалидной рот, к которым относились и полки бывшей Днепровской линии, претерпели некоторые изменения. По новому штату состав полка и годовой оклад его служащих должны были быть следующими: командир- 1, батальонный командир- 1 (376 руб. 20 коп.), майор- 1 (290 руб. 90 коп.), капитанов- 2 в строевых ротах (207 руб. 60 коп.) и 1 в инвалидной роте (195 руб.), штабс-капитанов- 3 (207 руб. 60 коп.), поручиков- 5 в строевых ротах (123 руб. 30 коп.) и 2 в инвалидной роте (117 руб.), подпоручик- 1 в инвалидной роте (97 руб. 50 коп.), адъютант- 1 (103 руб. 80 коп.), прапорщиков- 5 (103 руб. 80 коп.), унтер-офицеров- 3 в инвалидной роте (35 руб. 28 коп., 14 руб. 70 коп., 11 руб. 76 коп.), фельдфебелей- 5 (35 руб. 28 коп.), подпрапорщиков- 5 (14 руб. 70 коп.), младших унтер-офицеров- 40 (11 руб. 76 коп.), рядовых- 500 в строевых ротах (7 руб. 42 1/2) и 100 в инвалидной роте (7 руб. 42 1/2), полковой барабанщик- 1 (10 руб. 89 коп.), барабанщиков- 10 в строевых ротах (7 руб. 42 1/2) и 2 в инвалидной роте (7 руб. 42 1/2), аудитор- 1 (103 руб. 80 коп.), лекарь- 1 (175 руб. 50 коп.), подлекарь- 1 (97 руб. 50 коп.), фельдшеров- 5 в строевых ротах (7 руб. 42 1/2) и 1 в инвалидной роте (7 руб. 42 1/2), лазаретных служителей- 5 в строевых ротах (7 руб. 42 1/2) и 2 в инвалидной роте (7 руб. 42 1/2), мастеровых с собственным платьем- 5 (7 руб. 42 1/2), ложник с собственным платьем- 1 (58 руб. 80 коп.) и его ученик- 1 (7 руб. 42 1/2), слесарь с собственным платьем- 1 (58 руб. 80 коп.) и его ученик- 1 (7 руб. 42 1/2), профос- 1 (7 руб.), денщиков- 29 в строевых ротах (6 руб. 30 коп.) и 4 в инвалидной роте (6 руб. 30 коп.) (причем количество денщиков одному лицу определялось его званием или должностью: генерал-майор- 8; полковник- 6; подполковник и майор (старший)- 3; майор (младший), капитан, штабс-капитан- 2; поручик, подпоручик, прапорщик,

квартирмейстер, аудитор, священник - 1; лекарю вместо денщика полагалось жалованье - 6 руб. 30 коп.). Итого, в полку должно было состоять 753 (754) человека. Из них 600 человек рядовых. Из оклада военнослужащих, как и ранее, производились вычеты на медикаменты и госпиталь [14, 112-117]. Так как в штате ничего не было сказано о полковых церковнослужителях, то понадобился особый указ Военной коллегии от 2 июня 1798 г., чтобы при гарнизонном полку крепости Александровской продолжали служить, как и прежде, священник и два церковника со старыми окладами [1, 86-87].

Согласно именному указу от 8 апреля 1798 г. роты в полках стали именоваться не по порядковым номерам, а по фамилиям своих командиров. А воинские звания: сержант, каптенармус, фурьер и капрал были упразднены, вместо них было велено употреблять звание унтер-офицер [45, 182].

В конце 1798 г. была образована 2-я антифранцузская коалиция в составе Российской империи, Османской империи, Великобритании, Неаполитанского королевства и Швеции. В 1799 г. к этим странам присоединилась Австрийская монархия. В 1799 г., в силу коалиционных обязательств России, на западной границе империи, от г. Полангена (ныне г. Паланга.- А.М.) на Балтийском море до г. Одессы на Черном море, были сосредоточены две армии: первая под руководством генерала от инфантерии Бориса Петровича де Ласси (1737-1820), вторая под началом генерала от инфантерии, графа Ивана Васильевича Гудовича (1741-1820) и корпус генерал-лейтенанта (генерала от кавалерии), барона Антона Осиповича фон Шица (1730-1810).

В задачу корпуса генерал-лейтенанта, барона А.О. фон Шица входило: оберегать пределы России со стороны Бессарабии и Молдавии, а в случае возникновения волнений и беспорядков на приграничной территории внутри Османской империи, вменялось перейти границу и помочь в их ликвидации союзной Турции [44, 129-130]. В силу Высочайшего повеления от 22 января 1799 г., крепости Александровской гарнизонный полк полковника И.П. Вырубова 2-го поступил под начало командующего корпусом генерал-лейтенанта, барона А.О. фон Шица (в состав корпуса вошел также гарнизонный полк крепости Петровской генерал-майора (позднее генерал-лейтенанта) А.Н. Соколова [1, 259-260; 44, 480]). В 1799-1800 гг. оба полка, на время военной кампании, числились в составе Днестровской инспекции.

6 марта 1799 г. полк выступил из крепости Александровской по направлению к турецкой границе к г. Тирасполю. Маршрут полка проходил вдоль Днепра и Буга, через города: Никополь, Бериславль, Херсон, Николаев и Вознесенск. 23 апреля 1799 г. полк прибыл в г. Тирасполь, где был временно расквартирован по обывательским домам, а 10 мая 1799 г. полк был расположен в крепости Тираспольской. В крепости Тираспольской полк находился до 25 февраля 1800 г. После чего полк маршем, который проходил через г. Балту, слободу Злынку, слободу Грузскую, слободу Аджамку, слободу Головковку, местечко Романков, слободу Лоцманскую Каменку и селение Неенбург, 16 апреля 1800 г. возвратился на свое постоянное место дислокации в крепость Александровскую [1, 264-267].

Высочайшими приказами, отданными при пароле, от 4, 5 и 7 марта 1800 г. гарнизонные полки крепости Александровской генерал-майора И.П. Вырубова 2-го и крепости Петровской полковника А.С. Гинкуля были упразднены (командовавший до этого гарнизонным полком крепости Петровской генерал-лейтенант А.Н. Соколов 11 июля 1799 г. был уволен за неповиновение начальству). Генерал-майор И.П. Вырубов 2-й вышел в отставку со званием генерал-лейтенант, а офицерский состав его полка был переведен в крепость Святого Дмитрия Ростовского, в гарнизонный полк коменданта, генерал-майора Ивана Ивановича Альвинцева (1756-1807). Полковник А.С. Гинкуль и часть офицеров его полка были направлены в г. Ахтиар (Севастополь), в гарнизонный полк коменданта, генерал-майора, князя Михаила Сергеевича Вяземского (1770-1848), другая часть офицеров этого полка была переведена в гарнизонный полк генерал-майора И.И. Альвинцева [1, 67/ 70/ 77/ 94-95/ 167-168; 42, 59-60]. По разным полкам были распределены и годные к строевой службе нижние чины этих гарнизонов.

После расформирования основного состава гарнизона крепости Александровской, в ней были оставлены служить Александровская инвалидная рота под командованием майора Трофима Прокофьевича Юмашева (р. 1749/51), состоявшая из чинов «совсем неспособных к службе», которая находилась в составе Крымской инспекции, и Александровская гарнизонная артиллерийская команда. В крепости также продолжал действовать и воинский лазарет [1, 95]. Аналогично и в крепости Петровской продолжали служить Петровская инвалидная рота под командованием подполковника Михаила Акимовича Фирсова (р. 1729) и Петровская гарнизонная артиллерийская команда, исполнял свои обязанности и воинский лазарет. В 1801 г. в этом гарнизоне числились 4 штаб и обер-офицера и 91 человек унтер-офицерского и рядового состава [1, 464-470]. С 1800 г. крепости Александровская и Петровская перестали числиться в штате крепостей Российской Империи.

Командиры Александровского гарнизонного батальона (полка)

Первым командиром Александровского пограничного батальона 15 июня 1770 г. был назначен подполковник (21 декабря 1761) **Андрей Петрович Панин** (1724-01.07.1775). Происходил из подьяческих детей. Подполковник А.П. Панин находился в воинской службе с 10 мая 1736 г., образование получил в Инженерной школе. Участник Русско-турецкой (1735-1739) и Семилетней (1756-1763) войн. По 1761 г. состоял при Инженерном корпусе. До своего назначения в крепость Александровскую подполковник с 1762 г. по 1770 г. командовал 3-м Киевским гарнизонным батальоном. Из чего можно предположить, что Александровский батальон был сформирован из военнослужащих, служивших в гарнизоне г. Киева. Состоял в Комиссии Днепровской линии [2, 279-280]. 1 июля 1775 г. подполковник А.П. Панин скончался, за покойным остались вдова Анисия Матвеевна Панина 26 лет и дочь Екатерина 6 лет. По смерти мужа, вдова подполковника обращалась с прошением к Азовскому губернатору генерал-майору В.А. Черткову о «выдаче ей вдовскаго мужняго годоваго а дочери сиротскаго жалованья» [4, 68-69; 5, 24]. У А.П. Панина был также сын Василий, который умер в пятилетнем возрасте 7 января 1774 г. [5, 10].

Следующим командиром Александровского пограничного батальона стал подполковник (22 ноября 1773) **Александр Афанасьев** (1732-1778). Из обер-офицерских детей. В воинской службе А. Афанасьев числился с 1744 г. Подполковник А. Афанасьев был по образованию военным инженером. Участник Семилетней (1756-1763) и Русско-турецкой (1768-1774) войн [2, 317-318]. К 1776 г. на его счету уже значились межевые работы в Елисаветградской провинции Новороссийской губернии и Азовской губернии. К этому времени он успел потрудиться уже в чертежной Днепровской линии, а также как им самим, «так и посылаемыми под смотрением ево афицерами» были «сняты»: «река Днепр от устья Орели до устья Конских Вод», реки «Орель, Самара и Волчьи Воды, с впадающими во оные речками с назначиванием и отводимых не занятых участков» [4, 94-95]. Командир Александровского батальона являлся также создателем проекта «машины», предназначавшейся для извлечения камней на Днепровских порогах [4, 465]. У командира батальона был родной брат инженер-поручик Федор Афанасьев. В Азовской губернии подполковнику с 1777 г. принадлежало 4500 десятин земли «по левую сторону Днепра, а по правую речки Волненки». Командовал батальоном подполковник А. Афанасьев недолго, т.к. в 1778 г. он скончался [4, 190].

В 1779-1783 гг. должность командира Александровского пограничного батальона исполнял подполковник (5 мая 1779) **Фридрих (Федор) Николаевич Штром** (1732-до 1789). Вновь назначенный командир батальона в воинской службе находился с 1746 г. До своего назначения на эту должность Ф.Н. Штром служил в чине инженер-капитан на Днепровской линии и руководил в 1775-1779 гг. инженерной командой крепости Александровской. У него был сын Петр, который также служил на Линии инженером. Отцом Ф.Н. Штрома был, принятый в 1713 г. в Копенгагене в русскую службу, российского военно-морского флота капитан подполковничьего ранга (18 января 1733) Никлас Штром (ск. 1736) [2, 358-359; 46, 430-431].

С 1783 г. по 1793 г. в должности командира Александровского гарнизонного батальона находился премьер-майор (14 февраля 1783) **Георгий Васильевич Рунич** (1738-1793). В российской воинской службе серб Г.В. Рунич числился с 1752 г. В 1757 г. он служил вахмистром в Славяносербском воинском корпусе в Шевича конном гусарском полку (поселенном), а в 1767 г. в чине подпоручика служил в Бахмутском гусарском полку (поселенном). До его назначения на должность Г.В. Рунич служил в 1782-1783 гг. в чине секунд-майор (1 января 1781) в Славянском гусарском полку (поселенном). Вторая его жена Мария Ивановна Рунич (р. 1758) принадлежала к лютеранской Церкви (его первая супруга Елизавета Георгиевна умерла и была похоронена 1 декабря 1787 г. [5, 97]). Его сын Пантелеймон с 24 декабря 1786 г. служил адъютантом в Кирилловском гарнизонном батальоне. В сентябре 1793 г. в возрасте 55 лет премьер-майор Г.В. Рунич скончался. Вдова М.И. Рунич в 1794 г. вышла замуж за адъютанта Александровского гарнизонного батальона Евграфа Ивановича Орловского (р. 1754) [1, 75/ 226].

В 1794 г. командиром Александровского гарнизонного батальона был назначен премьер-майор **Богдан Иванович Банк** (1739/42-1803?) (в 1793 г. он исполнял обязанности командира батальона). В воинской службе Б.И. Банк числился с 1757 г. В 1782-1783 гг. служил секунд-майором (1 января 1781) в Белорусском гусарском полку (полевом). В 1784-1787 гг. его служба проходила в Воронежском легко-конном полку, а в 1788 г. в Харьковском легко-конном полку. 26 ноября 1788 г. секунд-майор Б.И. Банк был награжден орденом святого Георгия 4 класса. В 1789-1794 гг. премьер-майор (24 марта 1789) Б.И. Банк служил плац-майором в крепости Александровской. 6 октября 1797 г. Б.И. Банку был присвоен очередной чин- подполковник. В должности командира Александровского батальона подполковник Б.И. Банк находился до 1797 г., т.е. до времени, когда Александровский батальон был преобразован в полк. Впоследствии, в 1798 г. он командовал ротой в полку крепости Александровской,

а в 1801-1803 гг. в подчинении у полковника Б.И. Банка была Инвалидная рота крепости. Лютеранин, сын ратушного комиссара г. Риги, Б.И. Банк был женат с 1784 г. на католичке, польке по национальности, дворянке Елене Матвеевне Банк (урожденной Вейнговской/ Венигровской) (р. 1765). В браке у них родились мальчик и девочка, которые умерли в детском возрасте [1, 254; 2, 424-425].

С 1797 г. гарнизонные батальоны Линии были преобразованы в полки. В 1798 г., непродолжительное время, командиром полка был майор (14 ноября 1797) **Трофим Прокофьевич Юмашев** (р. 1749/51). Происходил из рязанских дворян. В службе находился с 1771 г. В 1783-1784 гг. был «в походе» в Польше. В 1791-1798 гг. командовал 3-й ротой Александровского гарнизонного батальона. В 1798-1799 гг. командовал ротой своего имени в полку. В 1799-1801 гг. и 1806-1811 гг. командовал Александровской инвалидной ротой. Был женат на дочери алексопольского помещика Мелании Игнатьевне Юмашевой (урожденной Скибе). Дети: Екатерина (р. 18.11.1790), Клеопатра (р. 20.10.1794), Иван (р. 01.06.1796) [2, 427-429; 4, 366-369].

В 1798-1800 гг. должность командира полка занимал майор (28 октября 1798) **Степан Сергеевич Казмин (Козмин, Кузьмин)**.

Гарнизонные (батальонные) школы

В России гарнизонные школы, призванные готовить обученные кадры для регулярной армии из солдатских детей, появились в первой половине XVIII века. На Днепровской линии гарнизонные (батальонные) школы для солдатских детей возрастом от 7 (в некоторых особых случаях на содержании школы могли быть дети и меньшего возраста) до 16 лет, готовившие ребят к срочной службе, были учреждены при крепостных гарнизонах в первой половине 1770-х гг.

Школы учреждались только там, где гарнизон состоял не менее чем из одного батальона. Поэтому солдатские дети из небольших гарнизонов могли проходить обучение там, где эта школа была. В гарнизонные школы поступали также солдатские дети «от состоящих в тех местах дивизии полков». Содержание школы и ее учеников осуществлялось за счет того, что в каждой роте гарнизонного батальона учреждалась вакансия на 6 человек рядовых, деньги же, которые должны были идти на жалованье этих солдат, употреблялись на гарнизонную школу. Гарнизонные школы были всецело в ведении обер-коменданта и комендантов, которые в этом вопросе были подотчетны перед губернатором и Военной коллегией. Каждый месяц обер-комендант и коменданты крепостей отправляли рапорты о числе школьников в Военную коллегия [1, 471-473].

Здание школы должно было быть каменным, но на первый случай допускалась и деревянная постройка [1, 471-473]. Однако в крепостях Днепровской линии здания для школ, которые были предусмотрены проектами этих крепостей, вероятно так и не были построены. Так как в крепостях Александровской и Петровской к 1780 г., а в крепости Кирилловской к 1783 г. здания школ только намечались к постройке (небольшое здание школы в крепости Александровской должно было находиться рядом с цитаделью святого апостола Иоанна (литера «S»)) [1, 525/ 528/ 531]. Очевидно, что в этих крепостях школы были устроены в уже готовых зданиях, которые просто приспособили под школы.

В школе учителя, гарнизонные офицеры, преподавали детям военное дело, учили читать и писать, обучали арифметике и геометрии, у гарнизонных музыкантов дети обучались «музыке», игре на музыкальных инструментах: барабане и флейте. По субботам школьникам преподавали воинский артикул, а в воскресные и праздничные дни они посещали церковь. Учебный процесс в школах был обеспечен учебниками, церковными книгами, чертежными инструментами, писчей бумагой, чернилами и т.д. При школе был определен командир (надзиратель) [1, 471-473]. В крепости Александровской долгое время надзирателем при школе был сержант Иван Михайлович Цырков (р. 1749). Вопреки мнению Я.П. Новицкого, «Устав народным училищам в Российской империи» от 5 августа 1786 г., к организации обучения в воинских батальонных школах никакого отношения не имел [10, 48-50; 34, 646-669].

Гарнизонные школьники находились на полном государственном обеспечении. Деньги на питание учеников выдавались их родителям. Тем школьникам, у которых не было родителей, нанимались «гарнизонные бабы», которые должны были их «обшивать и обмывать». За внешним видом ребят должен был следить приставленный к ним командир. Школьнику полагался форменный мундир, представлявший из себя кафтан с красным воротником и такого же цвета обшлагами. В состав формы входили также: суконная шапка красного цвета с черным околышем и с шерстяной кистью, галстук, рубашка, штаны, чулки шерстяные и башмаки с пряжками. На зиму школьнику выдавалась овчинная шуба покрытая «суровым полотном». Учащиеся, которым исполнялось 16 лет, зачислялись в армейские полки и крепостные гарнизоны солдатами. Но на службу школьники могли попасть и ранее

этого возраста. Правда, тогда они служили флейтистами, барабанщиками, «музыкантами» и писарями [1, 471-473].

17 января 1774 г. высочайше утвержденным докладом Сената было позволено определять, по просьбе родственников, в гарнизонные школы «неимущих дворянских малолетних детей». Ранее, президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал, граф З.Г. Чернышев позволил зачислять в гарнизонные школы офицерских детей не дворянского звания [32, 893–895].

В школах Линии проходили обучение дети не только от гарнизонных батальонов, но и от других команд крепостных гарнизонов. Так, в крепости Александровской в 1792-1793 гг. числился школьником при Александровской артиллерийской команде 9/10-летний Ефрем Васильевич Шиловский [1, 379/391].

Количество школьников на Днепровской линии не было величиной постоянной. Так, в 1773 г. на Линии числилось 10 школьников [47, 167]. В крепости Александровской на 1775 г. в гарнизонной школе насчитывалось 5 учеников возрастом от 4 до 14 лет. В том же 1775 г. в школе крепости Петровской было 6 учеников возрастом от 6 до 9 лет [48, 481-482/ 562/ 705]. В крепости Александровской на 1788 г. в школе было 26 детей возрастом от 7 до 15 лет, а в 1789 г. 29 человек возрастом от 7 до 15 лет [49, 3-3 об./ 5-5 об./ 10-10 об.]. На 1790 г. в школе этой крепости было 30 детей (от 5 до 15 лет), в 1791 г. - 26 человек (от 7 до 15 лет), в 1792 г. - 22 человека (от 6 до 14 лет), в 1793 г. - 22 человека (от 5 до 13 лет) [1, 200-201/ 207-208/ 212/ 219]. А в 1797 г. - 15 человек (от 7 до 14 лет) и в 1798 г. - 28 детей (от 4 до 15 лет) [1, 406/ 429-430].

В 1797 г. гарнизонные школы были в крепостях: Александровской, Никитинской, Кирилловской и Петровской (осенью 1797 г. крепости Кирилловская и Никитинская были упразднены, а их гарнизоны переведены на иное место службы).

«Положение» Военной коллегии о гарнизонных школах и школьниках от 25 сентября 1797 г. внесло некоторые изменения в систему подготовки солдатских детей для службы в армии. Так, в службу, по новому положению, школьники зачислялись с 15 лет, причем только солдатами, а не музыкантами или писарями как было возможно ранее. Губернаторы и коменданты должны были отчитываться теперь о числе и состоянии школьников, и их нуждах перед императором, военными инспекторами и Военной коллегией. Так же родителям или родственникам позволялось, чтобы дети, до достижения ими 15-летнего возраста, находились при них и курс школьной науки проходили дома. По новым правилам учителями и обслуживающим персоналом при школе должны были быть или отставные военные или вольнонаемные. В школу позволено было принимать детей не только из местного гарнизона, но и из «губернских штатных воинских команд и от живущих по городам и уездам отставных военнослужителей...» [1, 492-494]. По новому положению надзиратель при школьниках получал 200 рублей в год. Изменилось и выраженное в денежном эквиваленте содержание школьников [1, 494-495].

23 декабря 1798 г. гарнизонные школы крепостей Александровской и Петровской были преобразованы в отделения Императорского Военно-Сиротского дома. Содержание и воспитание солдатских детей при этом существенно не изменилось. Правда, в полки юноши зачислялись теперь с 18 лет. Исключение делалось для барабанщиков и флейтистов, которые могли попасть в войска и с 15 лет [45, 488-496].

В 1800 г. в крепостях Александровской и Петровской были упразднены гарнизонные полки. Вместе с ними в этих крепостях прекратили свое существование и отделения Императорского Военно-Сиротского дома.

«Инженерные служители»

Руководили строительством Днепровской линии и выполняли наиболее квалифицированную работу по возведению фортификационных объектов «инженерные служители». Нужно на Линии число военных инженеров должен был определить, согласно «докладным пунктам» 1770 г., командовавший Инженерным корпусом генерал-фельдцейхмейстер и над фортификациями генерал-директор, граф Г.Г. Орлов. Предполагалось также, что недостающее число инженеров могло быть восполнено за счет не инженерных офицеров «ту науку знающих» [1, 33-34].

Строительство крепостей на Днепровской линии в 1770-1771 гг. начинали и вели следующие инженерные служители: инженер-подполковник; инженер-полковник Александр Иванович Ригельман (1714-1789), инженер-подполковник Петр Ильич Уваров (1732-после 1790), инженер-майор Николай Иванович Колюбакин (1734-1794), инженер-капитан; инженер-майор Михаил Макарович Карцов (р. около 1725), инженер-капитан Александр Иванович Вахтин (1725-после 1794), инженер-капитан Александр Григорьевич Алексеев (ок. 1724-1794), инженер-прапорщик Александр Семенович Мусин-Пушкин (1747-1819), инженер-прапорщик Матвей Степанович (Петрович) Буженинов, инженер-кондуктор 2-го класса Павел Николаевич Глебов (1754-1834), инженер-кондуктор 2-го класса Иван

Галкин, инженер-кондуктор 2-го класса Михаил Синельщиков (р. 1747/48), инженер-кондуктор 3-го класса Иван Луговской (р. 1747/48), инженер-кондуктор 3-го класса Петр Ларионов (р. 1747/48), инженер-кондуктор 3-го класса Никита (Андреевич) Андреев (р. 1743?), инженер-кондуктор 3-го класса Яков Назаров, инженер-кондуктор 3-го класса Иван Капарулин (ск. 1772), инженер-кондуктор 3-го класса Тимофей Чирков (ск. 1772) и многие другие.

При каждой строящейся крепости Линии действовала инженерная команда со своим командиром. На начало 1772 г. в инженерной команде крепости Александровской состояли: инженер-капитан А.Г. Алексеев и его денщик, инженер-кондуктор 3-го класса И. Капарулин, инженер-кондуктор 3-го класса Т. Чирков, писарь от крепостей Прокофий Гоняков (ск. 1772), писарь от крепостей Гавриил Хренов, подмастерье кузнеца Петр Пестов (ск. 1772), подмастерье плотника Федот Веридин (ск. 1772), дернокладчик Федор Тетерин, каменщик 1-го класса Наум Бочаров (ск. 1772), плотник 1-го класса Василий Первов (1719-1774), плотник 2-го класса Федор Корсаков (1718-1774), стекольщик 2-го класса Иев Купцов (1732-1774), пильщик 2-го класса Михаил Ковылин (1720-1782), пильщик 2-го класса Федор Скопин (ск. 1773), столяр 2-го класса Авдей Исаевич Зыков (р. 1744) и шесть пионеров 2-го класса: Григорий Шелтышев (ск. 1772), Григорий Осминин (ск. 1772), Кирилл Регунов (Резунов) (ск. 1772), Андрей Ступин, Иван Семенович Шатов (р. 1737/42-1788), Степан Чекменев.

Во второй половине 1772 г. в инженерной команде крепости Петровской числились: инженер-подпоручик Александр Михайлович Кемпен (1740/45-1799) и его денщик, инженер-кондуктор 1-го класса М. Синельщиков, инженер-кондуктор 1-го класса Петр Выезжев, инженер-кондуктор 2-го класса И. Луговской, инженер-кондуктор 2-го класса Федор (Теодор) Лидик (Лидике), дернокладчик Иван Шарыгин, дернокладчик Мартын Урванцев (р. 1718/19), кузнец 1-го класса Василий Кузнецов (р. 1719), столяр 2-го класса Спиридон Вахонин (р. 1745), каменщик 2-го класса Яков Матвеев (р. 1736/37), пионер 2-го класса Алексей Кузнецов, фурлейт Игнат Лукин [4, 299-348].

На протяжении ряда лет Александровской инженерной командой руководили: в 1771-1772 гг. инженер-капитан **А.Г. Алексеев**, в 1772-1774 гг. инженер-капитан **А.И. Вахтин**, в 1774-1779 гг. инженер-капитан **Федор (Фридрих) Николаевич Штром** (1732-до 1789), в 1780 г. инженер-подпоручик **Захар Захарович Фаншмит (фон Шмит)** (1750-после 1796), в 1780-1783 гг. инженер-поручик **Михаил Афанасьевич Баталзин** (1746-1783).

Штат инженерных служащих на Днепровской линии был составлен и утвержден Военной коллегией только 22 сентября 1774 (1773) г. В штат инженерного корпуса на Линии входили следующие инженерные чины: штаб и обер-офицеры, кондуктора, цейхвартеры, унтер-цейхвартеры, от крепостей писари, дернокладчики, плотники, кузнецы, каменщики, пильщики, стекольщики, столяры, резчики, пионеры и фурлейты. В штате инженерных служащих Днепровской линии, утвержденном в 1774 (1773) г., состояло: инженер-подполковник- 1, инженер-капитанов- 2, инженер-поручиков- 2, инженер-подпоручиков- 2, инженер-прапорщиков- 3, инженер-кондукторов 1 класса (в ранге армейского прапорщика)- 4, инженер-кондукторов 2 класса (в ранге сержанта)- 8, инженер-кондукторов 3 класса (в ранге каптенармуса)- 4, цейхвартер (в ранге инженер-поручика)- 1, унтер-цейхвартеров (в ранге инженер-прапорщиков)- 2, от крепостей писарей («для производства письменных дел»)- 10, дернокладчиков- 10, плотников 1-го класса- 3, плотников 2-го класса- 4, кузнецов 1-го класса- 3, кузнецов 2-го класса- 4, каменщиков 1-го класса- 3, каменщиков 2-го класса- 4, пильщиков 1-го класса- 3, пильщиков 2-го класса- 4, стекольщиков 2-го класса- 3, столяров 1-го класса- 3, резчиков 2-го класса- 4 и фурлейт («для присмотру лошадей»)- 16. Всего по штату на Днепровской линии должно было находиться 125 человек инженерных служащих [1, 56-57; 2, 130-133]. В инженерных корпус Линии входили также денщики штаб и обер-офицеров.

Однако не всегда реальное количество инженерных чинов на Линии соответствовало штатному расписанию. Например, в 1775 г. на Днепровской линии был некомплект инженер-кондукторов. Не хватало инженер-кондукторов: 1-го класса- 3-х, 2-го класса- 1-го и 3-го класса- 1-го [1, 57-58; 2, 134-135].

Жалованье инженерным служителям выдавалось «третьими» (за четыре месяца сразу). Инженерные штаб и обер-офицеры получали, помимо оклада, «рационные» (фуражные) и «денщичы» (на содержание денщика) деньги, нижние чины, помимо оклада, получали «мясные» и «соляные» деньги. И с тех и с других вимались деньги на «медикамент» и «гофшпиталь» (с рубля от одной до двух копеек с половиною). Инженерные служители получали также деньги на изношенные: «аммуницию», сапоги, башмаки, галстуки, «белые штаны» «и за подчёрнение шляп». Находившиеся в командировке инженерные служители получали прогонные деньги на казенных или наемных лошадей, на пользование подводами. Так, например, 23 июня 1772 г. писарю инженерной команды крепости Петровской каптенармусу Ивану Гавриловичу Бобылеву, следовавшему из крепости

Петровской в Санкт-Петербург, было выдано, «на заплату прогонных денег на две тысячи верст на каждую версту по копейке», 20 рублей [4, 319-348].

Каждый месяц от инженерных команд, находившихся при крепостях Линии, отправлялись в действующую при Азовской губернской канцелярии, но независимую от нее, подотчетную Командиру Линии, Комиссию Днепровской линии ведомости («табели») о личном составе и состоянии той или иной инженерной команды. В ведомостях показывалось: положенное по штату число инженерных служащих, наличное количество чинов инженерной команды при крепости, число убывших и прибывших, в течение месяца, инженерных служителей, количество находящихся в отпусках и в других отлучках, число больных и здоровых, а также сведения о лошадях и волах инженерного ведомства. Командир Линии, первоприсутствующий в Комиссии Днепровской линии, в свою очередь, ежемесячно, доводил эти сведения до Главного командира Линии, высылая на его имя оригиналы «табелей» инженерных команд [4, 116-127]. Командирами инженерных команд составлялись также «ведомости» и «рапорты» о проделанных при крепостях работах, и использованных при этом инструментах и материалах, а также о количестве и составе рабочих (инженерных служителей, гарнизонных солдат, каторжных) участвовавших в этих работах. При Комиссии Днепровской линии имелась «чертежная», в которой «у черчения планов» находились инженерные офицеры.

Количественный состав инженерной команды, наличие в инженерной команде тех или иных специалистов зависели от объема и характера работ выполнявшихся при той или иной крепости. К примеру, в августе 1777 г. в крепостях Днепровской линии было следующее количество инженерных служителей: в Александровской- 36, в Никитинской- 3, в Кирилловской- 24, в Захарьевской- 10 и в Петровской- 33. А в июле 1780 г. инженерных служителей в крепостях Линии было: в Александровской- 23, в Никитинской- 7, в Кирилловской- 23, в Захарьевской- 1 и в Петровской- 24 [4, 123-127]. Очень часто инженерные специалисты переводились из одной крепости Линии в другую. Общее число специалистов инженерного корпуса на Линии постоянно менялось. На Линию инженерные служащие как прибывали, так и переводились на новое место службы. Так, в июле 1780 г. на Днепровскую линию прибыл из крепости Святой Елисаветы инженер-кондуктор 1-го класса Григорий Грибанов, а убыло: в Киевскую инженерную команду инженер-кондуктор 2-го класса Алексей Унжин и в Переволоченскую инженерную команду инженер-прапорщик Петр Даронов с денщиком [4, 216]. Нижние инженерные чины могли, если тому позволяли их профессионализм, штат и начальство, менять профессию. Так, например, в августе 1777 г. плотник 1-го класса Потап Гилев стал «первоклассным» столяром, а столяр 2-го класса А.И. Зыков стал «второкласным» стекольщиком [4, 124].

Помимо выполнения работ по возведению крепостей Линии, инженерные служители Днепровской линии привлекались к строительству губернского города Екатеринослава, к межеванию земли, к укреплению морского берега у крепости Петровской, там же пристани, к строительству кирпичных и черепичных заводов, к составлению карт и планов местности и т.д. и т.п. Помимо этого инженерные служители прикомандировывались к различным «каммисиям». Известна, например, Комиссия возглавляемая инженер-подполковником Романом Никифоровичем Томиловым (1727/29-1796), занимавшаяся в 1770-х гг. картографированием Юга России [4, 101-102/ 116-117].

Во всех крепостях Линии, где существовали инженерные команды, для их персонала создавались, как правило, отдельные от других команд жилье и хозяйственные постройки. К 1780 г. в крепости Александровской для нужд инженерной команды крепости существовали: недостроенный «квартал» с жилыми постройками и мастерскими для артиллерийских и инженерных штаб и обер-офицеров, одна, из двух по проекту, казарма для артиллерийских и инженерных нижних чинов с помещениями для офицеров этих команд, отдельный временный дом для командира инженерной команды, временный «материальной» инженерный склад. Также, вне крепости, со стороны цитадели, была выстроена инженерная кузница и при ней изба для служителей и угольный сарай [1, 525]. В 1779 г. в крепости Никитинской (2-й) для местной инженерной команды, которую возглавлял инженер-прапорщик Алексей Домков, еще только планировалось устроить: «деревянной инженерной временной дом», каменный инженерный флигель и «фортификационную» кузницу [1, 526]. В крепости Кирилловской на 1783 г. в ведении инженерной команды состояли: дом со службами в Васильевской цитадели и в той же цитадели: временная кузница и временный склад, и внутри крепости: дом со службами для цейхвартера и кондукторов [1, 528]. В крепости Петровской на 1780 г. инженерной команде принадлежали: дом для штаб-офицеров, офицерский домик, временные склады в Михайловской цитадели, землянки для жилья и в инженерном квартале: дом для инженер-капитана со службами, в этом же доме были устроены чертежная и «кантора письменных дел» [1, 531].

В 1783 г. строительные работы на Линии были прекращены. Комиссия Днепровской линии в 1783 г. «со всеми инженерными чинами, письменными делами и архивом» была переведена в г. Полтаву, а в 1784 г. Комиссия Днепровской линии была перемещена сначала в административный

центр Екатеринославского наместничества г. Кременчуг, а в 1789 г. в г. Екатеринослав. Тем не менее, Днепровская линия продолжала находиться еще какое-то время в ведении Комиссии. Судя по всему, инженеры на Линии находились вплоть до ее окончательного упразднения. Так как в инженерном штате Империи, составленном на 1798 г., в «Южной части» (Южном инженерном округе), в крепости «Александровской при Днестре» должны были служить 21 человек инженерных служителей, а в крепости «Петровской у Азовского моря» службу должны были нести 8 человек инженерных служителей [50, 284/ 285-286].

Артиллерийские гарнизонные команды

По первому проекту в крепостях и редутах Линии планировалось разместить 1014 пушек и 306 мортир и мортирок [2, 120]. Однако этот проект был пересмотрен в сторону его удешевления, и было решено, что для Линии будет достаточно «артиллерии разных калибров- 580. Мортир 2-пудовых- 20. Мортирцов 6-фунтовых- 39» [5, 226-227].

Предполагалось, что первоначально какое-то количество артиллерийских орудий будет доставлено на Линию из близлежащих крепостей, а впоследствии нужное число артиллерийских стволов и места, откуда они будут поступать, определит командовавший Артиллерийским корпусом генерал-фельдцейхмейстер и над фортификациями генерал-директор, граф Г.Г. Орлов. При этом оговаривалось, что артиллерийские орудия должны быть «не всякаго калибра, но сколько возможно одинакого». На первое время для этого рода войск Линии было выделено 10 000 рублей [1, 33-34].

По первому проекту, в каждой из фланговых крепостей Линии, должно было быть: пушек- 170, мортир- 30, гаубиц- 6, мортирок- 100 [2, 508]. На 1776 г. в крепостях Александровской и Петровской было по 137 артиллерийских орудий [25, 5].

На Днепровской линии артиллерийские гарнизонные команды действовали с 1770 г. в крепостях Александровской и Петровской [4, 404]. В 1775 г. была учреждена небольшая артиллерийская команда в крепости Кирилловской, при которой на 1776 г. было 4 трехфунтовых пушки [2, 332-333; 4, 406]. Совсем крохотная, в два канонира, артиллерийская команда была в крепости Никитинской [2, 357].

В крепости Кирилловской на 1776 г. артиллерийская команда состояла из 2 канониров и 5 фузелеров [2, 332-333; 4, 407]. Состав артиллерийской команды крепости Александровской на 1779 г. был следующим: артиллерии капитан (командир), сержантов- 2, капралов- 2, бомбардир, канониров- 55, цирюльник, барабанщик, колесник, кузнец, слесарь, плотник, денщиков- 2. При артиллерийской команде было также 2 лошади [2, 355-357]. Далее по годам, состав Александровской артиллерийской команды был таков: 1783 г.- артиллерии капитан (командир), штык-юнкер, сержант, капралов- 2, бомбардир, канониров- 35, цирюльник, барабанщик, колесник, кузнец, денщиков- 2 [1, 290-291]; 1789 г.- артиллерии подпоручик (командир), штык-юнкер, сержант, канониров- 26, цирюльник, денщик [1, 341-343]; 1790 г.- артиллерии подпоручик (командир), сержант, капрал, бомбардиров- 5, канониров- 19, цирюльник [1, 354-356]; 1792 г.- артиллерии подпоручик (командир), сержант, цейхшрейбер, капралов- 2, бомбардиров- 5, канониров- 27, погонщиков- 2, школьник [1, 377-379]; 1793 г.- артиллерии подпоручик (командир), капралов- 2, бомбардиров- 5, канониров- 26, погонщиков- 2, школьник [1, 390-391]; 1797 г.- артиллерии подпоручик (командир), писарь, бомбардир, канониров- 10, бочаров- 2 [1, 404-405]; 1798 г.- артиллерии поручик (командир), фейерверкер, бомбардир, канониров- 9, бочаров- 2, денщик [1, 453-454].

Артиллерийские команды крепостей Линии формировались из военнотружущих-артиллеристов откомандированных из гарнизонов: крепости Алексеевской на Украинской линии, Киева, крепости Святого Дмитрия Ростовского, Изюма, Тора, Переволочной, Бахмута, Чернигова [2, 352/ 355-357].

Количественный состав артиллерийских команд Линии в разные годы был непостоянным. Причем тенденция была такова, что количество артиллерийских служителей, чем ближе было к концу существования Линии, неуклонно уменьшалось. Если, например, в 1770 г. (31 декабря) в крепости Александровской было 152 артиллерийских служителя, то в 1773 г. (2 декабря)- 102 человека, в 1775 г. (28 ноября)- 88 человек, в 1778 г. (3 мая)- 38 человек [4, 299-318/ 319-348/ 404-407], в 1783 г. (весна)- 47 человек, в 1789 г. (19 февраля)- 31 человек, в 1793 г. (10 марта)- 39 человек, в 1797 г. (весна)- 15 человек и в 1798 г. (весна)- 15 человек [1, 290-454; 4, 404-407]. Похожая ситуация наблюдалась и в крепости Петровской. Так, в 1770 г. (31 декабря) в этой крепости находилось 77 человек артиллерийских служителей, в 1772 г. (1 декабря)- 121 человек, в 1774 г. (1 декабря)- 75 человек и в 1776 г. (2 июля)- 68 человек [4, 299-318/ 319-348/ 404-407]. В крепости Кирилловской с 1775 г. по 1784 г. количество артиллерийских служителей колебалось от 9 человек в 1775 г., до 6 человек в 1784 г. [1, 316; 4, 299-318/ 319-348/ 404-407].

18 января 1772 г. артиллерийским служащим гарнизонных батальонов, высочайше утвержденным докладом генерал-фельдцейхмейстера и над фортификациями генерал-директора,

графа Г.Г. Орлова, было существенно увеличено жалование. В гарнизонах до 1772 г. «по российскому окладу» артиллерии майор получал 120 рублей в год, а штык-юнкер и унтер-цейхвартер получали по 28 рублей в год. Теперь же оклады гарнизонных артиллеристов на Днепровской линии должны были составлять 2/3 от оклада артиллеристов канонирских полков [32, 426-427]. То есть теперь оклады гарнизонных артиллерийских служителей Линии должны были быть: поручика- 120 рублей в год, подпоручика- 80 рублей в год, штык-юнкера- 56 рублей в год, бомбардира- 12 рублей в год и канонира- 10 рублей в год.

Из всех крепостей Линии только в крепостях Александровской и Петровской было выстроено жилье и хозяйственные постройки для артиллерийских команд этих крепостей. Так, в крепости Александровской на 1780 г. в квартале для артиллерийских и инженерных штаб и обер-офицеров было не совсем готовое жилье и мастерские. Из двух казарм для нижних чинов артиллерийских и инженерных служителей, при которых должны были располагаться и «покои» для офицеров этих команд, была готова только одна. Из четырех планировавшихся в крепости небольших пороховых погребов были готовы два. В бастионе святого апостола Марка находился временный сарай для артиллерийских орудий [1, 525]. Есть свидетельство, что в крепости была выстроена артиллерийская лаборатория [1, 536]. В крепости Петровской на 1780 г., в Михайловской цитадели, были два временные артиллерийские цейхгауза [1, 531]. К 1783 г. внутри крепости были построены «под валами два деревянные, и один кирпичной на извести пороховые погреба». Из которых один, «за ветхостию», был разобран. Имелись также сарай и погреба, которые использовались артиллерийской командой совместно с плац-майором [4, 248-250]. Отдельных жилых помещений для артиллерийских служителей в этой крепости не фиксируется. В крепости Кирилловской, где также была артиллерийская команда, к 1783 г. отдельных жилых и служебных помещений для артиллеристов построено не было [1, 528].

С 1770 г. по 1776 г. Александровскую артиллерийскую команду возглавлял артиллерии подпоручик (21 апреля 1768); артиллерии поручик (10 апреля 1771); артиллерии капитан (11 декабря 1775) **Иван Ильич Булгаков** (р. 1729/31/32). Происходил из российских дворян. До назначения на Днепровскую линию артиллерии подпоручик И.И. Булгаков служил на Украинской линии в крепости Алексеевской. Артиллерии подпоручик И.И. Булгаков стоял у истоков учреждения на Линии артиллерийского рода войск, занимаясь в первые годы создания Днепровской линии доставкой «на оную разных артиллерийских орудий с снарядами» [4, 210]. В середине 1770-х гг. находился в должности начальника Александровского карантин [4, 148]. Впоследствии надворный советник (1 января 1780); коллежский советник (21 апреля 1785) И.И. Булгаков служил в 1776-1780 гг. земским комиссаром Павловской провинции, с 9 июля 1780 г. по 1782 г. воеводой в Александровском уезде, в 1782-1783 гг. директором экономии Азовской губернии, в 1784-1786 гг. директором экономии Екатеринославского наместничества. В 1778 г. активно участвовал в выводе переселенцев-христиан из Крыма [4, 178-179/ 210]. 6 октября 1786 г. коллежский советник И.И. Булгаков вышел в отставку с пенсией в 600 рублей в год. Первой супругой И.И. Булгакова была Наталия Никитична Булгакова (1739/41-18.01.1774), у которой, вероятно, от первого ее брака, была дочь Анна (р. 1766). Вторым браком И.И. Булгаков был женат на Пелагее Степановне (Семеновне) Булгаковой (р. 1752). В их семье было трое мальчиков: Андрей (р. 1769) и Василий (р. 1772), Александр (р. 10.08.1785) и девочка, умершая сразу же после рождения (02.09.1784-02.09.1784). До 1785 г. И.И. Булгаков с семьей проживал в форштадте Александровском [1, 307].

В последующем Александровскую артиллерийскую команду возглавляли: в 1776-1784 гг.- артиллерии капитан **Иван Александрович Быков** (1740-после 1794), в 1784 г.- артиллерии майор **Василий Федорович Штокс** (р. 1726), служивший до этого на Украинской линии в крепости Алексеевской (супругой В.Ф. Штокса была Мавра Тимофеевна Штокс (р. 1731), их дети: Анна (р. 1757), Елизавета (р. 1761), Мария (р. 1764), Михаил (р. 1767)), в 1784-1787 гг.- вновь, артиллерии майор (24 сентября 1784) **Иван Александрович Быков**, в 1789-1793 гг.- артиллерии подпоручик **Егор Карпович Щепунов** (1734-01.09.1793 (дата погребения)) (супруга Анна Орестовна Щепунова (1740-11.03.1803)), в 1794 г.- артиллерии капитан **Иван Салков** (возможно: артиллерии капитан **Семен Мокеевич Салков** (р. 1742)), в 1794-1805 гг.- артиллерии штык-юнкер; артиллерии подпоручик (19 декабря 1796); артиллерии поручик **Иван Федотович Замотаев** (1762-до 1816) (супруга Евфросиния Семеновна Замотаева (р. 1772), дети: Дмитрий (р. 1792), Андрей (р. 30.11.1794), Максим (р. 07.08.1796)).

Петровская артиллерийская команда на протяжении своего существования была под управлением: в 1770-1773 гг.- артиллерии штык-юнкера; артиллерии подпоручика (1771) **Ивана Алексея**, в 1774 г.- артиллерии подпоручика **Ветошников**, в 1774-1779 гг.- артиллерии подпоручика **Е.К. Щепунова**, 1779-1797? гг.- артиллерии поручика; майора **Егора Алексея Кочерина** (р. 1740/41) (был женат на Елене Петровне Кочериной (р. 1739/40), дочь Ксения (р. 1770), его мать

Евфимия Григорьевна Кочерина (р. 1702/09)), в 1801 г. - унтер-цейхвартера **Тимофея Тимофеевича Новосильцева** (р. 1763) (супруга Мария Ивановна Новосильцева (р. 1781), сын Алексей (р. 1798)).

19 декабря 1796 г. было упразднено звание- артиллерии штык-юнкер. С 11 января 1797 г. артиллерийские и инженерные чины стали именоваться общеармейскими званиями. В артиллерии первый офицерский чин с 11 февраля 1797 г.- подпоручик [28, 245/ 271/ 328].

После ликвидации в 1797 г. Днепровской линии, а затем и упразднения в 1800 г. в крепостях Александровской и Петровской основных воинских гарнизонов (полков), при этих крепостях были оставлены служить инвалидные роты, воинские лазареты и гарнизонные артиллерийские команды. Александровская артиллерийская команда числилась, вероятно, сначала по Херсонской инспекции, а потом по Киевской инспекции. Просуществовала эта артиллерийская команда при крепости до 1805 г. Летом 1805 г. она была переведена в крепость Херсонскую [51, 199 об.-200]. В 1801 г. в крепости Петровской артиллерийская команда состояла из 17 человек: унтер-цейхвартера, фейерверкеро- 2, бомбардиров- 4, канониров- 9 и денщика [1, 467].

Иррегулярные войска на Линии

Помимо регулярных войск на Днепровской линии служили также и нерегулярные воинские формирования. Так, согласно штату Линии, для ее охраны и обороны, на ней должны были находиться постоянно 3 полка Донских казаков. В каждом из этих полков должно было быть в наличии 517 человек. Личный состав каждого казачьего полка должен был состоять из: командира полка- полковника, 5 есаулов, 5 хорунжих, 5 сотников, 1 квартирмейстера и 500 рядовых казаков. Казачьи полки прослужившие год на Линии, должны были сменяться новыми заступающими на дежурство полками [1, 34-36; 2, 121-122/ 122-126].

Ранее уже отмечалось, что первое подразделение Войска Донского, а именно казачий полк под командованием полковника П.П. Ребрикова, появилось на Линии уже летом 1770 г. [1, 40]. По всей Линии были устроены форпосты, между которыми курсировали казачьи разъезды. На Генеральной карте Днепровской линии, сочиненной 29 мая 1776 г., показаны 23 пикета Донских казаков, расположенных по пограничным рекам Конским Водам и Берде, в общем количестве- 185 казаков и при них 422 лошади (от 4 до 12 казаков в пикете, от 10 до 27 лошадей на пикет) [4, 441-444]. 8 июня 1776 г. генерал-аншеф, князь Г.А. Потемкин утвердил представление генерал-майора В.А. Черткова о нахождении на Линии «в квартирах» трех пехотных полков и «на форпостах для разъездов» трех полков Войска Донского [1, 61].

Кроме защиты Линии, Донским казакам вменялось в обязанность содержать вдоль всей Днепровской линии почтовые станции [1, 63-64]. Так например в 1773 г. при безгарнизонной крепости Алексеевской находилась почтовая станция Донских казаков [1, 51-54]. В 1789 г. в крепости Александровской «при почте» служило подразделение Войска Донского, состоявшее из 10 рядовых казаков и хорунжего во главе их [1, 196].

Помимо несения службы на Линии, составной частью службы казаков было также участие в военных операциях предпринимавшихся командованием русской Армии. Так, во время волнений крымских татар, противников союзника России хана Шагин Гирея, переходивших иногда в открытое вооруженное противостояние с русскими войсками находившимися в Крыму, генерал-фельдмаршал, граф П.А. Румянцев-Задунайский 9 января 1778 г. приказал генерал-поручику В.А. Черткову передать, находившиеся в его ведении, на Днепровской линии, два полка Войска Донского в Крымский корпус генерал-поручика, князя А.А. Прозоровского. Взамен на Линию должны были быть определены подразделения Гадячского и Миргородского полков малороссийских казаков [1, 64]. В 1773 г. на почтовых станциях у крепости Петровской служили как Донские казаки, так и малороссийские казаки Лубенского полка [1, 50-51].

Как следует из вышеприведенного абзаца, на Линии, кроме Донских казаков, служили и казаки малороссийских полков. Что подтверждается и ведомостью от 14 мая 1783 г. Согласно которой малороссийские казаки на Линии охраняли при крепостях каторжных, служили при таможах, карантинах и почтовых станциях, несли службу при пикетах и в разъездах. Всего в то время на Днепровской линии находилось более 1000 малороссийских казаков [4, 246-247].

Строители (гражданские) Днепровской линии

«Работные люди» («лопатники») и погонщики

Так как крепости Линии были земляными, то для их возведения: копания рвов, насыпки валов, гласиса и т.п., требовалось значительное количество рабочих- «работных людей», «лопатников». На это строительство крестьяне из разных губерний Великороссии и полков Малороссии отправлялись (наряжались), на срок, в рамках исполнения государственной натуральной повинности для военных

нужд. Повинности, отбываемые для воинских надобностей, оплачивались в установленном размере. Работники на Линии занятые неквалифицированным трудом получали по 5 копеек в день [2, 157-158].

Государство брало также на себя обязанность доставлять рабочих на Линию и отправлять их, по окончании срока повинности, обратно на место жительства. Рабочие доставлялись к строительству и возвращались домой за счет Государства [2, 157-158]. Так рабочим, «при отпуске в их дома на проход до их жилищ», выдавалась определенная сумма. Например, 273 «рабочим людям» из Смоленской губернии 31 октября 1770 г. было выдано «при отпуске в их дома за вычетом за полумесячной провиант» 567 рублей 84 копейки. А например, Московской губернии «лопатнику» Григорию Мазуру было выдано 25 апреля 1774 г. «на проход до оной губернии денег» 2 рубля, 12 декабря 1774 г. прапорщику Коробкову «на отправленных с ним в дома Малороссийской губернии лопатников ста человек на путевой проход» было выдано 150 рублей [4, 278-298]. Возвращающимся домой рабочим выдавался на дорогу и провиант. Так, в конце 1773 г. «бывшим для работ в крепости Александровской работным людям 115 человекам» был выдан, «на проход до их жилищ», провиант в количестве 28 четвертей, 6 четвериков муки и 1 четверти, 6 четвериков, 3 гарцов крупы [4, 265-278].

Если в 1770 г. на Линию должны были прибыть «работные люди» из Смоленской, Нижегородской, Белгородской, Казанской и Слободской-Украинской губерний, то в последующем они наряжались из разных провинций Московской, Архангелогородской, Белгородской, Воронежской, Смоленской, Слободской-Украинской губерний и полков Малороссийской губернии. Рабочие доставлялись на строительство Линии и отправлялись домой в сопровождении штатных воинских команд (штатных рот), в состав которых входили: штаб-офицеры, обер-офицеры, унтер-офицеры и рядовые тех губерний, откуда наряжались рабочие. Штатные команды (штатные роты) находились, в целом, в ведении гражданской администрации губерний и провинций и служили для караулов, разных командировок и т.п. Например, в 1771 г. в команде поручика Кубеникова было 7 человек военнослужащих, в команде подпоручика Крылова состояло 10 человек, а под началом прапорщика (Ивана) Заболоцкого было 7 человек военнослужащих [4, 265-278]. За сопровождение рабочих личному составу штатных команд (штатных рот) производилась оплата из «линейной суммы». Так, например, 20 сентября 1771 г. «находившемуся в крепости Александровской при рабочих людях Белгородской штатной команды подпоручику Баркову з будущими в команде ево чинами» было выплачено «за майскую треть» (май, июнь, июль и август) 37 рублей 2 копейки. Солдат штатной роты, согласно своему окладу, получал жалованье 62 копейки в месяц. Также военнослужащим штатных рот выдавался ежемесячно провиант: мука и крупа. Военнослужащий рядового состава получал на месяц 2 четверика муки и 1 гарнец крупы. Иногда, правда, сопровождение «лопатников» до их места жительства возлагалось на военнослужащих гарнизонов Днепровской линии. Например, в марте 1775 г. Петровского пограничного батальона поручик Василий Дерюгин (р. 1747) сопровождал «в дома» партию «лопатников» из 83 человек [4, 278-298].

Жильем на строительстве для всех категорий рабочих служили землянки. В некоторых из них могло поместиться до нескольких десятков человек. К середине октября 1770 г. в строящейся крепости Александровской (1-й), в ее цитадели, было построено для гражданского люда крепости десять больших «землянок» (блиндажей) [4, 450; 43].

Работы на Линии велись практически в течение всего года. Одни рабочие партии, в сопровождении штатных команд, уходили домой, другие и бывшие с ними «у присмотру» штатные команды оставались в крепостях на зимнее время. Так, в крепости Петровской в 1772 г. оставались «на зимнее время для работ»: 20 человек из Тульской провинции, 11 человек из Углицкой провинции, 4 человека из Юрьевской провинции, 14 человек из Галицкой провинции, 10 человек из Вологодской провинции, 11 человек из Шацкой провинции, 7 человек из Костромской провинции, 4 человека из Валуйской провинции и 3 человека из Белгородской провинции. Помимо них в крепости, в это же время, находились погонщики: 5 человек из Изюмской провинции, 12 человек из Ахтырской провинции и 12 человек из Сумской провинции [4, 278-298].

Количество рабочих в партиях, как в прибывавших на Линию, так и в отправлявшихся со строительства «до их жилищ», было разным. Например, в одной только партии «работных людей», которую возглавлял Глуховского гарнизонного батальона секунд-майор Лука Демидович Подгоредский (Подгорецкий), следовавших в конце октября 1771 г. домой, был 961 человек. А всего в конце октября 1771 г. было отправлено домой «работных людей» и погонщиков 3196 человек. В конце июля 1774 г. было отправлено «в дома», бывших «в Александровской крепости в крепостной работе», 866 человек «лопатников». А в партии «работных людей», «отправляемых из крепости Петровской в дома», в том же июле 1774 г., которую возглавлял подпоручик Горлов, было 200 человек [4, 278-298].

Случалось, что рабочие-«лопатники» прибывали к месту строительства больными. К примеру, в августе 1770 г. для больных «лопатников» были наняты «на прогоны» 10 подвод от Царичанки до

Усть-Самары и 5 подвод от Усть-Самары до крепости Александровской. Для них же были выделены деньги на покупку, «к степному переходу», двух куф (куфа- сорокаведерная бочка.- А.М.) воды. Строители, которых болезнь на Линии вывела из рабочего строя получали в день половину оклада. Заболевших на строительстве отправляли с Линии. Так, прапорщику Федору Вольскому в октябре 1770 г. «на проход отправлявшихся из крепости Петровской до Бахмута восьмидесяти человекам болным на каждого» было выдано по пятьдесят копеек [2, 157-158; 4, 278-298]. В начале 1770-х гг. на правом берегу реки Сухой Московки для «лопатников» был устроен лазарет. В 1774 г., вероятно из-за эпидемии чумы, при крепости Александровской умерло 56 человек «лопатников»: в марте- 14, в апреле- 6, в мае- 15, в июне- 12 и в июле- 9 [1, 537; 5, 11-15].

В 1775 г. последние «лопатники» были отправлены по домам и больше эта категория рабочих на строительстве Днепровской линии не употреблялась.

Однако по ряду причин работа, которую должны были выполнить по наряду, в течении 5 лет, «рабочие люди», оказалась незавершенной. Во-первых, только в первый год на строительство прибыло положенное количество рабочих (5000 человек), а во все остальные годы на Линию их отправлялось половинное число. Во-вторых, как правило, рабочие прибывали на Линию не вовремя и многие из них, почти половина, были больными. В-третьих, из-за эпидемий чумы («моровой язвы») в крае, которые не обошли стороной и Линию, работы на ней в течении почти двух лет (вероятно часть 1772 г., часть 1773 г. и часть 1774 г.) не велись совсем [2, 149-150].

Отдельную категорию среди строителей Днепровской линии составляли погонщики. На сооружение только фланговых крепостей Александровской и Петровской, «для возки материалов и припасов», намечалось, согласно «докладным пунктам», отправить из Слободской-Украинской, Белгородской и Малороссийской губерний по 300 пар волов с погонщиками и телегами. Погонщики работали на Линии как в «летнее», так и в «зимнее» время за определенную плату. По окончании работы, погонщикам, «при отправлении в их дома», выдавались деньги на корм волам во время пути. Так, 23 октября 1770 г. погонщикам Семену Мерещенко, Ивану Канивченко и Фитису Гостищеву, «с товарищи», было выдано, «на продовольствие в пути сорока осми пар волов на каждую пару по одному рублю», 48 рублей. И тем же погонщикам 27 октября 1770 г. был выдан 71 рубль на 71 пару волов, отправлявшихся с ними домой. Партии погонщиков с волами и прибывали на Линию и отправлялись домой в сопровождении воинских команд. Например, в конце октября 1774 г. Лубенского полка Малороссийской губернии 64 погонщика с волами были отправлены «в дома». До места назначения их сопровождал Лубенского полка войсковой товарищ Салимовский, которому были выданы, «на проход их и на прокормление волов», 192 рубля «награжденных» (наградных) денег [4, 278-298]. Вероятно из-за эпидемии чумы, в 1774 г. при крепости Александровской скончалось 46 человек погонщиков из Лубенского, Прилуцкого, Киевского, Стародубского, Переяславского, Гадячского и Нежинского полков Малороссии [5, 10-19].

После 1775 г. погонщики также перестали присылаться на Линию по наряду. Вместо них, при всех инженерных командах Днепровской линии, были заведены, использовавшиеся на строительстве, казенные лошади и волы. Так в июне 1778 г. при инженерных командах крепостей было: Александровской- 11 лошадей, Кирилловской- 10 лошадей и 25 волов, Захарьевской- 25 волов и Петровской- 6 лошадей и 74 вола [4, 168-171].

После 1775 г. строительство Линии велось, в основном, силами гарнизонных солдат и сосланных на Линию преступников [2, 163-165 / 169-173 / 188 / 196-197 / 198-200/ 202-203 / 211-212; 4, 87-89].

Медицина на Днепровской линии

С самого начала существования Днепровской линии на ней была организована военно-медицинская служба, которая включала в себя: аптеки, лазареты, госпитали, карантинные заставы и медицинский персонал при них, гарнизонных лекарей. Все это должно было обеспечивать лечение и профилактику болезней, защиту от эпидемий как военнослужащих воинских подразделений, так и гражданских обывателей, и строителей находившихся на Линии. Посильная медицинская помощь оказывалась также российской армии находившейся в то время на театре военных действий в Северном Причерноморье.

Медицинский персонал

Согласно майским 1770 г. «докладным пунктам» на Линию должны были быть определены «на первой случай»: «1 доктор, 4 лекарей, 4 подлекарей» и устроено две аптеки «с принадлежащими для услужения оных людьми». Жалованье медицинским работникам Линии предполагалось выдавать из суммы определенной на строительство и функционирование Линии [1, 33-34]. По общему же штату

Линии от 10 мая 1770 г. на ней должны были служить 8 гарнизонных лекарей. Годовой оклад лекаря должен был составлять 200 рублей [1, 34-36; 2, 121-122]. 23 марта 1771 г. Совет при Высочайшем Дворе, в ответ на требование Главного командира Днепровской линии генерал-поручика М.А. Деденева определить на Линию «несколько медицинских чинов для пользования употребленных на Днепровской линии работников и остережения их от опасной болезни», постановил «определить туда одного штаб-лекаря и четырех лекарей» [8, 396-397].

Эпидемические болезни (чума, тиф), приходившие на Линию уносили большое количество людей. Так, в 1774 г. в крепости Александровской скончалось, умерших в основном от эпидемии чумы, 470 человек военнослужащих и гражданских лиц. Это, вероятно, было самое большое число умерших в этой крепости за весь период ее существования (данные об умерших в 1770-1773 гг. и 1778-1779 гг. не сохранились) [5, 10-19]. Эпидемии несли обитателям Линии не только смерть, но и разорение. Так, генерал-поручик В.А. Чертков, во время посещения крепости Петровской, оказал денежную помощь двум офицерским вдовам, мужа которых умерли от эпидемии. Встреченные им женщины из-за того, что имущество их было, для предосторожности, «все без остатку позжено», не имели ни средств к существованию, ни одежды, кроме нательных рубах [4, 142]. Для многих служивших и работавших на Днепровской линии местные климатические условия были непривычными, что обуславливало высокую заболеваемость. В 1777 г. отмечалось, что речка Московка у крепости Александровской «весма нездорова», особенно для вновь прибывающих в крепость, и потому «солдат в гарнизоне бывает болных много, болшой частью самую силною лихорадкою, а иногда горячкою, но теперь по их привычке к воздуху и воде, болных бывает меньше; воду гарнизон берет из Днепра, опасаясь болезней». Тогда же отмечалось, что и при крепости Петровской «воздух весма нездоровой» [4, 138-139].

Предполагалось, что в крепости Александровской «доктор, лекари и их служители» будут проживать в особом, выстроенном специально для них «квартале», здесь же должна была находиться и аптека [1, 524]. Лекари назначались и переводились с одного места службы на другое Государственной медицинской коллегией. Однако Медицинская коллегия могла и изменить свое решение относительно того или иного лекаря. Так, в 1778 г., назначенные к переводу на новое место службы лекарь Александровского карантина **Федор Амосович Иванов** (1740-после 1804) и лекарь Александровского генерального госпиталя **Матвей Россинский**, по просьбе Главного командира Линии, были оставлены на своих прежних местах [4, 131/ 140]. При крепости Александровской в 1771-1774 гг. гарнизонными лекарями были: в 1771 г.- **Барзин** (вероятно **Иоганн (Иван) Иванович Брозин** (1751-после 1799)), в 1771-1772 гг.- **Крат**, в 1772-1774 гг.- **Пот**. В эти же годы при гарнизоне крепости Петровской служили лекари: в 1771 г.- **Карл Николаевич Бицов (Бюцов)** (1760-после 1797), в 1773 г.- **Иосиф Сергер** и в 1774 г.- **Афанасий Федорович Масловский** (1750/53-1804). В крепости Никитинской в 1772-1774 гг. служил лекарь **Крат**.

Аптеки

С 1770 г. при крепостях Александровской и Петровской начинают действовать аптеки (Я.П. Новицкий считал, что первая аптека на Линии появилась в 1776 г. [10, 47]). Лекарства, медицинские препараты, инструменты и материалы поступали в аптеки Линии из Московской главной аптеки и Лубенской полевой аптеки. Из Государственной медицинской коллегии аптекарям присылалась специальная литература. Так, например, в 1770 г. Александровская и Петровская аптеки получили, по решению Государственной медицинской коллегии, по 4 ящика с «лекарскими инструментами» каждая, на сумму 1208 рублей. Обе аптеки Линии обслуживали собственные: гарнизонные батальоны, инженерные и артиллерийские команды, лазареты и пограничные карантинные (Александровская аптека обслуживала также гарнизон крепости Никитинской, а Петровская аптека гарнизона крепостей Кирилловской и Захарьевской). Через них также шло снабжение всем необходимым по медицинской части различных воинских сухопутных и морских команд находившихся в Северном Причерноморье [4, 159-163]. 8 июля 1776 г. Главный командир Днепровской линии генерал-аншеф, князь Г.А. Потемкин сообщил генерал-майору В.А. Черткову, что Медицинская коллегия запретила снабжать из Александровской и Петровской аптек материалами и медикаментами находившихся вне штата Днепровской линии полки и воинские команды [4, 83]. Однако, как свидетельствуют документы, аптеки и далее продолжали снабжать всем необходимым «не принадлежащая до Линии команды» [4, 161-163]. Стоимость выдаваемых из Александровской и Петровской аптек медикаментов и медицинских материалов, предназначавшихся не на нужды Линии, шла в долг, на счет Государственной медицинской коллегии. Впоследствии, Медицинская коллегия возвращала свой долг деньгами или надобными на Линии «медикаментами так и разными материалами» [4, 200-201].

Провизором Александровской аптеки в 1771-1786 гг. служил **Иоганн-Готлиб (Иван/ Богдан) Шик**. Я.П. Новицкий в своей работе упоминает двух провизоров под этой фамилией, но с разными именами: Богдана Шика и Ивана Шика [10, 47-48]. На самом деле Богдан и Иван Шики это одно и то же лицо. Известно, что во время пребывания в запорожской Сечи И.-Г. Шик был символически принят товарищем в один из куреней Войска Запорожского Низового, в подтверждение чего ему был выдан «аттестат» за подписью кошевого атамана Петра Ивановича Калнышевского (1691?-1803) [52, 425-426]. Впоследствии И.-Г. Шик служил аптекарем: в 1786-1789 гг. в Кременчуге, а в 1789-1790 гг. в Херсонской полевой аптеке. 27 июля 1785 г. И.-Г. Шик был обвенчан (для него это был уже второй брак, вероятно первая супруга аптекаря умерла в 1778-1779 гг.; его дочь от первого брака- Мария, умерла в возрасте шести дней в 1776 г.) с дочерью Павлоградского протоиерея Федора Кузьмича Тисаревского (1736-1786)- Иулианией (р. 1765) [5, 27/ 74]. При аптеке также состоял(и) ученик(и) провизора. Провизор И.-Г. Шик был достаточно образованным человеком, обладавшим определенными познаниями в химии. Так в 1773 г. он определил, что доставленная ему для изучения порода, найденная около Старого Кодака, содержит серебро и другие ценные элементы-примеси. Об этом событии был даже составлен письменный отчет и послан, для сведения, в Военную коллегию [53, 114].

Лазареты и госпитали

Уже в 1770 г. внутри строящейся крепости Александровской (1-й) существовал воинский лазарет [2, 510]. В 1771 г. при крепости Александровской (2-й) действовал «опасной» лазарет, для заболевших «опасной болезнью». Для лазарета, для борьбы с эпидемией чумы, закупались ведрами уксус и «горячее вино», мед фунтами. Для борьбы с болезнью покупались также чеснок и лук. Для выздоравливавших «из опасной болезни разнаго звания людей», мужчин и женщин, вместо их уничтоженной одежды, для их «обмундирования», закупались: сукно, женщинам на юбки пестрядь и им же платки «простые», полотно на рубахи, сапоги. Как в лазарет, так и в карантин указанные товары закупались как у находившегося при крепости Александровской маркетентера, купца Федора Швалева, так и у других великороссийских и малороссийских купцов и частных лиц. В крепости Петровской, в это же время, подобными поставками, помимо прочих поставщиков, занимался и маркетентер Иван Шелудяков [4, 278-298].

В 1772 г. на правом берегу Мокрой Московки, недалеко от ретраншемента (форштадта), находился батальонный лазарет (предполагалось, что по завершению строительства новой (второй) крепости Александровской батальонный лазарет, состоящий из двух зданий, будет находиться внутри крепости [1, 524]), а на правом берегу Сухой Московки лазарет для «лопатников» [4, 437-440]. На 1780 г. здание батальонного лазарета находилось уже внутри крепости Александровской в бастионе святого апостола Матфея [1, 525]. При крепости Александровской во время Русско-турецкой войны (1768-1774) и в 1775 г. действовал также полевой госпиталь Второй армии. В полевом госпитале служили: в 1773-1774 гг.- лекарь **Илья Иванович Бречинский** и в 1774 г.- доктор **Альфонс (Альфери) Дементьевич Франций** (ск. 1798).

В 1777 г. на правом берегу реки Сухой Московки был построен Генеральный госпиталь, который просуществовал до 1784 г. Базой для этого госпиталя послужили многочисленные постройки бывшего здесь ранее лазарета для строителей крепости- «лопаточников». Причем часть построек бывшего лазарета, находившихся в некотором отдалении от Генерального госпиталя, стали использоваться как хлебопекарни. Генеральный госпиталь состоял из 12-ти домиков, часть из которых была выстроена вновь, а часть состояла из отремонтированных и утепленных домиков старого лазарета. Крепость и Генеральный госпиталь связывала дорога, проходившая через мост на реке Сухой Московке [1, 537]. В Генеральный госпиталь, помимо прочего, поставлялись для больных «питейныя припасы»: «горячее вино», спирт и пиво [4, 171-172]. В 1777 г. в Генеральном госпитале служил лекарь **М. Россинский**. Согласно указу генерал-фельдмаршала, графа П.А. Румянцева-Задунайского от 9 октября 1778 г., которым он предписал расформировать военные госпитали, удаленные от Крымского воинского корпуса, госпиталь в крепости Александровской был «весьма уменьшен» [37, 134].

Действовавший в крепости Петровской, в Егорьевской цитадели лазарет представлял собою на 1780 г. дом «построенной с обмаскою глиною» [1, 531]. Второй батальонный лазарет, находившейся в той же цитадели, в 1773 г. сгорел. Еще один лазарет в крепости Петровской находился на 1783 г. в Александровской цитадели [4, 248-250]. В крепости Кирилловской на 1783 г. действовал «для ссылочных лазарет» [1, 528].

12 марта 1798 г. было утверждено «положение», согласно которому при гарнизонных полках «на внутреннем содержании», должен был функционировать госпиталь или лазарет, в котором на один гарнизонный батальон должно было приходиться 20 койко-мест [14, 48-49].

После упразднения в 1800 г. в крепостях Александровской и Петровской основных воинских гарнизонов (полков) в них (крепостях), при оставшихся инвалидных ротах, остались действовать и воинские лазареты. Некоторое время по медицинской части при Александровской инвалидной роте служили лекарь **Стоцкий** и фельдшер **Иван Давидович Кузьмиченко**. В ведомости крепости Петровской за 1801 г. при Петровской инвалидной роте значатся два «лазаретных служителя» [1, 465].

Карантины

В 1771 г., в виду того, что в крае стала распространяться эпидемия чумы, на Днепровской линии, при крепостях Александровской и Петровской, были учреждены пограничные карантины. Александровская карантинная застава («карантинный дом») была устроена на левом берегу реки Мокрой Московки, примерно в 3-х верстах (3,2 км) от крепости Александровской [1, 51-54; 4, 437-440]. Здесь все прибывающие из Крыма должны были выдержать шестидневный карантин. Я.П. Новицкий считал, что карантин при крепости Александровской появился только в 1774 г. Ныне же запорожский историк Юлия Ивановна Головки утверждает, вопреки очевидному, что документальных свидетельств существования этого карантина до 1776 г., не выявлено [10, 30/ 47; 54, 226].

При карантине числились: начальник карантина и лекарь с учениками. С 1771 по 1781 гг. при Александровском пограничном карантине карантинными медиками служили: в 1771-1772 гг.- **Дмитрий Павлович Павловский**, в 1772 г.- **Степан Кошаровский**, в 1772-1773 гг.- **Ф.А. Иванов**, в 1773 г.- (**Петр-Иоганн**) **Кремпин**, в 1776-1777 гг.- **Ф. А. Иванов**, в 1777-1778 гг.- **М. Россинский** и в 1778-1781 гг.- вновь **Ф.А. Иванов**. В 1771 г. при Петровском пограничном карантине служил карантинный лекарь **Дмитрий Петров**. Карантинные медики имели 180-200-рублевый годовой оклад. «Денежное жалованье» выдавалось медикам, как правило, за четыре месяца (годовая треть), «за вычетом на медикамент и госпиталь» с рубля по две копейки с половиною. Получали они также деньги на жалованье для денщика и рационные деньги на фураж для лошади.

В 1773 г. начальником Александровского карантина был вероятно инженер-капитан **Александр Григорьевич Алексеев**. В середине 1770-х гг. на этой должности пребывал артиллерии капитан **И.И. Булгаков** [1, 53; 4, 148].

Для обработки («окуривания и обмачивания») приходившей из Крыма «и из протчих мест» корреспонденции (писем) и подорожных в карантине использовали уксус, который закупали для этой цели ведрами. Ведро уксуса стоило от 60 копеек до 1 рубля 20 копеек. Так как верхняя одежда и обувь у находившихся в карантине, «по опасности» распространения инфекции сжигались, то для того чтобы одеть и обуть проходящих через карантин, специально выделялись деньги, на которые закупались у разных купцов: рубахи, чулки, зипуны или кафтаны, «штаны», сапоги или лапти. Закупалась также ткань для пошива одежды, причем пошив тоже оплачивался. На находившихся в карантине выделялся и провиант. Так в октябре 1772 г., для пребывавших в Петровском карантине, вышедших из Крыма 54 человекам «грузин», был выделен на 15 дней провиант в размере 6 четвертей, 6 четвериков муки и 3 четвериков, 3 гарцов крупы [4, 265-278]. В 1778 г. через Александровский карантин прошло на поселение в Азовскую губернию 30 690 человек христиан разных национальностей, выведенных российским Правительством из Крымского ханства. Причем, ввиду особенных обстоятельств, распоряжением генерал-поручика В.А. Черткова, время пребывания переселенцев в карантине было сокращено до 3-х дней [1, 64-65].

Церковное устройство на Днепровской линии

Становление в России, во время правления царя Алексея Михайловича Романова (1629-1676), а потом и его сына царя; императора (1721) Петра I (1672-1725), регулярных армии и флота, привело к появлению института военных священников, который обеспечивал постоянное присутствие духовных пастырей в полках армии и на кораблях флота. Причем военное духовенство имело ряд отличий от духовенства приходского.

Во-первых, военные священники назначались в армию и во флот Святейшим Правительствующим Синодом (Синодом) по требованиям Военной коллегии и армейского руководства. Впоследствии, с 26 января 1758 г. (19 марта 1758 г.), воинским начальникам было предписано, для быстроты решения дела, обращаться по вопросу назначения священников в полки, непосредственно к епархиальному руководству той епархии на территории которой, в данный момент, находилось воинское подразделение [55, 316]. 18 февраля 1798 г. указом Синода было подтверждено право епархиального начальства назначать к полкам и увольнять из полков священников [45, 90-91]. Указами императора Александра I (1777-1825) от 14 и 19 апреля 1801 г. было подтверждено полное право Синода, как главной инстанции, назначать священников во флот и в армейские полки, которое было им временно утрачено в пользу полевого обер-священника

(армии и флота обер-священника) во время правления императора Павла I (1754-1801) [56, 611/ 616-617]. В полковые священники, на самом высоком уровне, требовалось назначать только «из ученых в школах», образованных и добропорядочного поведения (указы от 21 января 1723 и 16 ноября 1797 гг.) [28, 800; 57, 16].

Во-вторых, права, обязанности и материальное положение военных священников определялись воинскими уставами, военно-уголовными кодексами («Артикулами воинскими»), штатами воинских подразделений и конечно «Духовным регламентом»- законодательным актом, общим как для епархиального, так и воинского духовенства.

В-третьих, во время войны все полковые священники подчинялись полевому обер-священнику, находившемуся при штабе Армии. В функции которого, помимо исполнения им обычных церковных обязанностей, входил контроль как за бытовой так и служебной стороной деятельности подчиненных ему полковых священников [28, 700-702; 58, 240]. Помощниками полевого обер-священника в армии при дивизиях и инспекциях (военных округах) были «достоинейшие» (1797 г.) или «благочинные» (1800 г.) священники, на которых была возложена часть функций полевого обер-священника [28, 702; 59, 102-105]. В мирное время, согласно указу Синода от 15 января 1733 г. (подтверждено 20 апреля 1744 г.), военное духовенство было в ведении епархиального архиерея (Духовного правления) по месту постоянной дислокации воинского подразделения, в котором они служили [60, 6-8; 61, 77-78]. В 1763 г. было подтверждено, что полевые обер-священники армии нужны только во время войны. Указывалось также, что назначаются они лично Главнокомандующим, из действующих полковых священников [14, 9]. Однако, по указу императора Павла I, объявленным 4 апреля 1800 г. членом Синода, Санкт-Петербургским, Эстляндским и Выборгским архиепископом Амвросием (Андрей Иванович Подобедов, 1742-1818), все армейские священники, как в военное, так и в мирное время, стали находиться в ведении полевого обер-священника [56, 114]. Указом от 22 апреля 1800 г. под команду полевого обер-священника были введены и священники полков лейб-гвардии [56, 138]. 9 мая 1800 г. указом императора, объявленным членом Синода, полевым обер-священником (4/9 апреля 1800-12 мая 1807), протоиереем Павлом Яковлевичем Озерецковским (1758-12.05.1807), было предписано всем воинским чином обращаться по делам не в Консистории, а непосредственно к полковому обер-священнику [56, 155]. С того же времени все армейские и флотские священники стали находиться в ведении армии и флота обер-священника [59, 53]. Однако после смерти императора Павла I, благоволившего к протоиерею П.Я. Озерецковскому, указами нового императора Александра I от 14 и 19 апреля 1801 г., и предписаниями Синода армии и флота обер-священнику, власть его над военными священниками стала распространяться, как и прежде, только до тех пор, пока они, во время военных кампаний, были при своих полках или флотских экипажах [56, 611/ 616-617; 59, 60-61].

В-четвертых, все военные священники были на государственном обеспечении. При полках, в гарнизонах крепостей, на кораблях, они получали жалованье положенное им по штату военного подразделения при котором они служили. От совершения треб священники также имели доход.

В-пятых, в большинстве своем, военные священники служили в походных (передвижных) церквях. Воинская походная (передвижная) церковь представляла из себя палатку или намет (навес, полог), в которых находились: складной деревянный иконостас, с иконами написанными чаще всего на материи (холсте), престол, антиминс, церковная утварь и церковные книги. В первой половине XVIII в., церковные наметы при полках делались, как правило, из однослойного полотна и потому они были недолговечны. С 1731 г. было решено изготавливать церковные наметы из двухслойного грубого холста, чтобы они были «добрые и прочные» [14, 158]. В 1731 г., согласно штату, походная полковая церковь («намет церковной яричной с убором»), была рассчитана на 5 лет службы и обходилась казне в 25 рублей [14, 140]. Со второй половины XVIII в. церковный намет уже был «яринной двойной с убором», со сроком службы в 12 лет и стоимостью в 60 рублей. Для перевозки воинской церкви (иконостас, ризница и книги), которая при транспортировке хранилась в особых ящиках, использовалась повозка (повозки) на лошадиной тяге [14, 49/ 59].

Во время Русско-турецкой войны (1768-1774), в 1770 г., по решению российского правительства, началось возведение, состоявшей из семи крепостей (Александровской, Никитинской, Григорьевской, Кирилловской, Алексеевской, Захарьевской, Петровской), Днепровской пограничной линии, призванной защитить участок русско-турецкой границы на крымском направлении. Протяженность этой Линии, тянувшейся от устья речки Московки, впадавшей в реку Днепр, вдоль пограничных рек Конской и Берды, до устья Берды, впадавшей в Азовское море, составляла примерно 196 верст (ок. 209 км). Создание и функционирование Днепровской линии предполагало немалое число находящихся на ней как гарнизонных военнослужащих, так и гражданского люда. Поэтому уже на подготовительном этапе по ее созданию перед светской и церковной властью встала задача по организации на Линии церковной жизни.

Согласно утвержденному императрицей Екатериной II штату от 3 мая 1770 г., на Линии, тогда еще не имевшей названия, должны были служить 8 священников и 16 церковников. То есть, вероятно,

в семи крепостях Линии и на отдельном ее фортификационном объекте- линии («Днепровской линии») в Линии, должно было быть по одному священнику. На каждого же священника должно было приходиться по два церковника [1, 34-36; 2, 121-122].

Количество и состав приходского причта определялись Синодом. Так синодским указом от 10 августа 1722 г. было заявлено, что количество священников и церковников в приходе должно соотноситься с количеством приходских дворов следующим образом: на 1 священника должно приходиться 100-150 дворов, на 2 священников должно было быть 200-250 дворов, а в приходе где служило 3 священника должно было быть около 300 дворов. При этом на одного попа должны были приходиться 1 дьячок и 1 пономарь. Указ Синода от 8 октября 1778 г., посвященный этому же вопросу, уточнял указ 1722 г. По этому указу, в приходе состоявшем примерно из 150 дворов должен был служить 1 священник, в приходе с 200 дворами мог быть и 1 и 2 священника, в зависимости от обстоятельств. В приходе из 250-300 дворов должны были состоять 2 священника и в приходе из 300 дворов, и более, могло быть 3 священника, если 2, по службе, справиться не могли. Количество дьяконов на приход определялось следующим образом. При трех попах их должно было быть 2 человека, при 2 священниках- 1 дьякон и при одном священнике- 1 дьякон, если позволяло денежное положение церкви. Относительно количества дьячков и пономарей на приход, указ 1778 г. придерживался норм указа 1722 г. [36, 752-753; 62, 756-757].

Согласно указу Сената от 18 апреля 1765 г. за определение дьяконов в попы, а дьячков в дьяконы, устанавливался единовременный сбор в размере 2 рублей. С определяемых в дьячки и пономари бралось по 1 рублю. Эти деньги шли «на стол клиру». При выдаче церковного антиминса бралось 50 копеек- «только за один холст». Грамоты на строение и освящение церквей были бесплатными [63, 117-118].

Во всех крепостях Линии, где были приходы, годовое казенное жалованье (руга) священника составляло, согласно штату, 100 рублей. Жалованье это было таково, что позволяло ему иметь прислугу, состоявшую из одного-двух человек. Церковнику же полагалось в год 20 рублей жалованья и дополнительно, на провиант и фураж- 6 рублей 48 $\frac{3}{4}$ копейки [1, 34-36; 2, 121-122]. (в 1788 г. церковнику выдавалось «ис казеннаго армейскаго магазейна ежемесячно муки аржаной по два четверика, и круп по одному гарцу» [1, 187-189]). Еще одним немаловажным источником доходов священников была плата за совершение ими церковных треб. Плата за церковные требы была установлена указом Сената от 18 апреля 1765 г. Расценки за церковные услуги были следующими: «за молитву родильницы»- 2 копейки, «за крещение младенца»- 3 копейки, «за свадьбу»- 10 копеек, «за погребение» взрослых- 10 копеек, «за погребение младенцев»- 3 копейки. Исповедь и причастие были бесплатны, а за различные молебны и поминовение родителей можно было давать, кто сколько сможет или захочет [63, 117-118]. 3 апреля 1801 г. императорским указом расценки за исполнение церковных треб были увеличены ровно в два раза [56, 605-606].

Первоначально церкви и духовенство Днепровской линии находились в составе Белгородской епархии в ведении Белгородского и Обоянского архиерея. 24 сентября 1771 г. императрица Екатерина II обратилась в Синод с предложением рассмотреть вопрос об учреждении новой епархии с центром в Азове. По мысли императрицы, в составе этой епархии могли бы находиться Таганрог, Днепровская линия и крымские церкви «греческаго закона». Однако этот проект не был поддержан руководством Церкви. В свою очередь, Синод и Духовная Комиссия докладом императрице от 26 сентября 1771 г. предложили за лучшее приписать Днепровскую линию, «кафийския» и прочие церкви к Воронежской епархии, тем более, указывалось в этом докладе, что крепости Азов и Таганрог уже были в ведении этой епархии (с 27 октября 1770 г.) [64, 750-751]. Проект императрицы получил свое развитие через четыре года созданием Славянской и Херсонской епархий.

Прибывший в 1771 г. на Днепровскую линию Главный командир Днепровской линии генерал-майор В.А. Чертков, который сменил на этой должности заболевшего генерал-поручика М.А. Деденева, обнаружил в крепости Александровской двух священников (это была уже вторая крепость Александровская, первая крепость Александровская, начатая строительством в августе 1770 г. на правом берегу речки Мокрой Московки, из-за неудачно выбранного для нее места, была оставлена и вместо нее 23 мая 1771 г. на левом берегу речки Сухой Московки была основана новая крепость, а первая крепость была реорганизована в форштадт, ставший впоследствии посадом (1785), а потом городом (1806).- А.М.). Священники эти были «неученые» и не принадлежали к Белгородской епархии. Во время эпидемии чумы (моровой язвы), вероятно в 1772 г., эти священники умерли. В то же время (в 1771 г.) в крепости Петровской служил один «несколько ученый» священник Белгородской епархии, определенный туда Белгородским и Обоянским епископом Самуилом (Симеон Григорьевич Миславский, 1731-1796) [65, 248].

Согласно первоначальному плану 1770 г., в крепости Александровской церковь должна была быть расположена в ее центре. По этому же плану, внутри крепости, было отведено особое «место» под литерой «С», для дворов «церковных служителей» [4, 447]. Однако первая церковь в этой крепости стала действовать только по прошествии двух лет с начала строительства Линии.

В 1772 г. в крепости Александровской появляется церковь. 6 апреля 1772 г. Главный командир Днепровской линии генерал-майор В.А. Чертков обратился к Переяславскому и Бориспольскому епископу Иову (Иван Базилевич, 1723-1776) с просьбой чтобы тот распорядился передать в ведомство Днепровской линии, находившуюся на хранении в соборной церкви Святителя Христова Николая (Николаевской), в шанце Новомиргородском, воинскую походную церковь Святого Великомученика и Победоносца Георгия (Георгиевскую). Эта воинская походная церковь ранее принадлежала созданному 9 марта 1759 г. Болгарскому гусарскому полку, которым командовал премьер-майор Семен Степанович Пищевич (1731-1797). Болгарский гусарский полк входил в состав Новосербского воинского корпуса возглавляемого генерал-лейтенантом Иваном Самойловичем Хорватом (1722-18.11.1786). 26 июля 1762 г. этот полк был расформирован и вошел в состав Македонского гусарского полка. Вероятно эта походная церковь попала сначала на воинский склад в Новомиргороде. Откуда она, как сообщил генерал-майору В.А. Черткову командир Черного гусарского полка, штаб-квартира которого была в Новомиргороде, полковник, князь Сергей Юрьевич Баратов (ск. 1780), была передана на хранение в церковь Николаевскую. В итоге оказалось, что в церкви Николаевской имелся на хранении только иконостас церкви Георгиевской, без какой-либо другой церковной утвари, которая должна была быть при церкви. 10 мая 1772 г. церковь Георгиевская (иконостас), с описью, которую 7 мая 1772 г. составил новомиргородский протоиерей Петр Булич (1725-ок. 1793) (на 1766 г. у протоиерея была супруга Мария Булич (р. 1732) и дети: Мария (р. 1754), Екатерина (р. 1756), Василий (р. 1759), Григорий (р. 1762) (вероятно, будучи поручиком, с 20 февраля 1793 г. был женат на девице Екатерине Максимовне Чорбе), Ксения (р. 1763)), была передана в Черный гусарский полк, а уже оттуда, по инстанции, она была отправлена на Днепровскую линию [65, 246-247; 66, 190-193].

Иконостас воинской походной церкви Георгиевской был написан на холсте. Он состоял из шести местных икон, на которых были изображены: 1. «Спаситель», 2. «Богоматерь», 3. «С правой стороны» изображение «святого великомученика Георгия», 4. «С левой стороны» изображение «святого пророка Аарона», 5. «Царские врата», 6. «Тайная вечера». С правой стороны иконостаса были изображены «праздники»: «Преображение Господне» и «Крещение Господне». С левой стороны иконостаса изображались «праздники»: «Вознесение Господне», «Рождество Христово». «Вверху» было помещено «Коронование Богоматере» [65, 246-247; 66, 192-193].

Несмотря на то, что церкви Днепровской линии принадлежали Белгородской епархии, епископ Иов, из-за дела не терпящего отлагательства, поручил освятить на новом антиминсе воинскую походную церковь Георгиевскую, Новороссийской губернии, Крыловской протопопии протопопу Дмитрию Петрову. Церковь прибыла на Линию в июне 1772 г. Предполагалось, что эта походная церковь будет временной в крепости Александровской и что после постройки в крепости стационарной церкви, она будет перенесена в другую строящуюся крепость Линии [65, 247]. Днепровский архитектор Александр Викторович Харлан ошибочно считал, что эта воинская, походная церковь Георгиевская, по доставке ее в крепость Александровскую, была переименована (переосвящена) в церковь «Покрова Божьей Матери» [67, 445-446; 68, 296].

Промежуточной ступенью церковной власти между архиерейской Консисторией и Церковью Линии в то время было Екатерининское духовное правление с административным центром в слободе Водолаги, которым правил тогда протопоп Иоанн Семенович Сулима (1743-1810). Помимо этого, в 1772 г. на Линии был введен институт церковного Наместничества. Во главе этого Наместничества стоял священник (наместник), находившийся при церкви в форштадте Александровском, которому подчинялись все церкви и духовенство Линии. Церковное Наместничество Днепровской линии просуществовало до 1777 г.

5 августа 1772 г., по инициативе генерал-майора В.А. Черткова, первым наместником Днепровской линии становится, переведенный из Киевской епархии и рукоположенный в священника, в форштадт Александровский, бывший до этого в г. Кременчуге в церкви Спаса Преображения диаконом, **Евфимий Тимофеевич Савурский** (1738-1813) [65, 248/ 350]. Е.Т. Савурский был из духовного звания, его отец служил священником в Преображенской церкви г. Кролевец малороссийского Нежинского полка. Диакон Е.Т. Савурский характеризовался как «человек ученый» и в «проповедничестве и в истолковании Слова Божия рачительный» (Е.Т. Савурский обучался с 9 октября 1757 г. в Харьковском коллегииуме, где его учителем «пиитики» в 1759-1760 гг. был Григорий Саввич Сковорода (1722-1794) [65, 350; 69, 161]). Е.Т. Савурский был женат на Ирине Васильевне Савурской (р. 1744). Священник имел дочь Марию (25.03.1770-31.07.1844), которая в 1793 г. вышла замуж за архитектора работавшего в Николаеве,

капитана Петра Васильевича Неелова (01.10.1749-05.09.1846) (их дети: Анастасия (20.12.1794-23.11.1862), Александр (19.08.1796-25.06.1838), Елена (1802-14.05.1884)) и сына Петра (1774-22.11.1820), который был женат и имел в браке пятерых детей. П.Е. Савурский скончался в чине коллежского советника и был похоронен там же где и его сестра, на кладбище с. Большого Кузьмина под Царским Селом [70, 242-244; 71, 12]. У Е.Т. Савурского был также племянник Моисей (Николаевич) Сахновский (р. 1787).

Надо отметить, что ходатайствовать о назначении к церкви того или иного священника или церковника могло не только руководство Линии. Согласно положению «Духовного регламента», прихожане церкви также имели право заявления епархиальному епископу своего желания иметь известное им лицо членом причта своей церкви [1, 179-180; 72, 57-58].

В том же 1772 г. Екатеринбургским духовным правлением в крепость Александровскую был определен, служивший до этого на Украинской линии в крепости Борисоглебской, вторым священником, «сверх комплекту», в церкви Преображения Господня, **Роман Тихонович Кошевский** (1720/22/23/29-24.09.1786) [73, 434]. Священник Р.Т. Кошевский был «не учен», однако по характеристике данной ему генерал-майором В.А. Чертковым, он был «во исправлении по духовенству разных бываемых потреб неупустительно рачителен, состояния трезваго и порядочнаго». Женат священник был на Агрипине Яковлевне Кошевской (1739/41-после 1794). В семье Кошевских было четыре сына: Федор (1751/52-24.02.1822), Яков (1752/55-до 1799) (супруга Мария Степановна Кошевская, сын Василий (р. 25.03.1782)), Стефан (1758/61/62/63/64/66-11.04.1815) и Феодосий (03.05.1777-17.05.1780). Вероятно у Р.Т. Кошевского были братья: Михаил (из мещан) и Иван. В ведении священника Р.Т. Кошевского находились крепость Александровская и при ней: карантин, полевой лазарет Второй армии, гарнизонный лазарет, а также крепость Никитинская [1, 163/ 288].

С появлением в крепости Александровской Р.Т. Кошевского на Линии постепенно образовался семейный клан священно-и церковнослужителей Кошевских. Сыновья Р.Т. Кошевского: Федор и Стефан стали священниками, Яков в 1782-1783 гг. служил дьяконом при церкви Покровской, а с 1784 г. стал священником в церкви Преображенской, слободы Михайловки Павлоградского уезда. Дети братьев? Р.Т. Кошевского: Семен Михайлович Кошевский (1759/60-15.02.1796) (супруга мещанка Евфимия Семеновна Кошевская (урожденная Слюсаренко) (?-07.11.1788 (число погребения, умерла от родов), их дети: Александр ((12.03.1785-03.03.1818), который в 1815-1818 гг. служил священником при церкви Покровской и был женат с 25 августа 1810 г. на Екатерине Фоминичне Корбале, дочери протоиерея Фомы Корбалы (1758-30.09.1824); Афанасий (р. 04.07.1786)) в 1786-1789/92 гг. служил дьяконом при церкви Покровской; Максим Иванович Кошевский (1764-ск. до 1806) (его супругой была Анна Моисеевна Кошевская, их сын Иван (р. 1793) в 1806-1807 гг. исполнял обязанности пономаря при церкви Покровской) в 1784 г. был дьяконом при той же церкви, а позже, священником при церкви Вознесения Господня в с. Васильковке, Павлоградского уезда; Иван Иванович Кошевский (р. 1767) в 1784-1793 гг. был пономарем (нерукоположенным) в крепости Кирилловской при воинской, походной церкви во имя Святого Апостола и Евангелиста Матфея.

В 1771-1772 гг. из казны Днепровской линии, на устройство по Линии церквей и покупку церковной утвари, было потрачено 424 рубля 68 копеек [2, 151-153].

В 1773 г. инженерной командой крепости Александровской, по указанию генерал-майора В.А. Черткова, в форштадте Александровском была построена, «из казенных линейнаго ведомства материалов», «деревянная при помощи кирпича, а местами и дикаго камня, со взнесением за оную в линейную сумму в уплату из бываемых при оной церкви разных сборов денег», церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы (Покровская) [1, 182-183]. При основании этой церкви, вероятно под будущим алтарем, были водружены закладные камни: два грубоотесанных, положенные крестообразно друг на друга булыжника, с высечеными на них крестами [10, 40]. Со временем, рядом с церковью были посажены деревья, а вокруг нее была сделана ограда. Священникам и церковникам была отведена «усадебная» земля «близ оной церкви каждому порознь длиннику и поперешнику по дватцати сажень». Однако «пахатной» земли и земли для сенокоса при церкви не было. Священники и церковники пользовались беспрепятственно, как и прочие обыватели, угодыями, которые были отведены для крепости и форштадта [1, 179-180/ 183-184]. Церковь эта с самого своего начала находилась в центре форштадта (на планах форштадта 1771 и 1773 гг. стационарная церковь в нем предусмотрена еще не была [2, 511-512]). После того как она обветшала, ее разобрали и в 1789 г. на ее месте была построена новая (вторая) церковь Покровская.

Территория бывшего форштадта Александровского, в центре которого находилась церковь Покровская, а ныне стоит каменный собор Свято-Покровский (Соборный проспект, 37), вот уже более двух веков является историческим центром г. Запорожья, то есть местом «откуда есть пошел» наш город.

Интересно, что архитектор А.В. Харлан в 2020 г. самонадеянно полагал, что он является первооткрывателем места, на котором находилась деревянная церковь Покровская, выстроенная в 1789 г. После неких исследований, А.В. Харлан пришел к сенсационному по своей абсурдности выводу, что эта церковь стояла примерно в 100 м от нынешнего собора, т.е. там где раньше располагалось, известное многим запорожцам кафе «Снежинка» (на момент написания им статьи там было кафе «Посейдон».- А.М.). Там же он разместил и каменную колокольню при этом храме. То есть, согласно его выводу церковь и колокольня находились на земельном участке, который ныне находится в границах улиц: Троицкой, Почтовой, Покровской, и Соборного проспекта. Однако уже в 2021 г. поняв, что он ошибался, исследователь пошел на попятную и заявил, что все, что он писал и утверждал устно по этому поводу в 2020 г., было всего лишь его «гипотезой». И что теперь в 2021 г., после «комплексного исследования» этого вопроса он выяснил наконец, что деревянная церковь Покровская находилась там же где ныне стоит собор Свято-Покровский, построенный в 2007 г. То есть исследователю понадобилось 14 лет (А.В. Харлан по его утверждению занимался этим вопросом с 2007 г.- А.М.) на то, чтобы понять то, что было известно более чем за 100 лет до его прозрения. Имеется в виду вышедшая в 1905 г. книга Я.П. Новицкого «История города Александровска...», где первый александровский историк этот вопрос подробно рассмотрел. Может это произошло из-за того, что с данной работой днепровский архитектор был знаком опосредованно, так как он при написании своих статей пользовался не текстом Я.П. Новицкого, а его пересказом из брошюры «Свято-Покровский собор», написанной Галиной Викторовной Горбань. Но что удивительно, А.В. Харлан и в статье 2021 г. опять помещает «квартал с церковным комплексом» в пределах Соборного проспекта и улиц: Почтовой, Троицкой и Покровской. То, что А.В. Харлан не владеет темой о которой пишет, говорит и то, что он в своей работе, показанные на планах 1771 и 1773 гг. реальные контуры форштадта Александровского, образованные земляными валами бывшей первой крепости Александровской, считает проектными [10, 40; 68, 293-304; 74, 56-61; 75, 1-64].

Действительное месторасположение этой церкви никогда не было загадкой. Все четыре церкви Покровские, две деревянные и две каменные, были построены в разное время, сменяя одна другую, практически на одном и том же месте. Обширный архивный материал, в том числе и картографический, подтверждает это [1, 183-187/ 264; 4, 466-467; 5, 242-243/ 246/ 250-251]. Нынешний собор Свято-Покровский стоит фактически там же, где стоял до него и первый каменный собор Покровский, что является неоспоримым фактом, в виду найденных при его строительстве в 1993-2007 гг. остатков фундамента собора построенного в 1890 г. Поэтому и местоположение двух деревянных церквей Покровских определяется, можно сказать, автоматически.

Свое видение вопроса появления каменного собора Покровского оставил современник его закладки и строительства Я.П. Новицкий. Не доверять ему в этом как будто бы нет никаких оснований. Ведь на протяжении того времени пока шло строительство (1886-1890 гг.), он был личной судьбой связан с церковью Покровской. И потому, он не мог не знать о тех изменениях, которые происходили тогда с главным храмом города. В эти годы у него в деревянной церкви Покровской, а потом и в каменном соборе, были крещены дети: Мария (29.01.1885), Анна (26.11.1886), Павел (25.06.1889), Екатерина (24.11.1891), а ранее: Константин (19.06.1879) и Ольга (25.07.1882). В «Истории города Александровска...» историк свидетельствует, что деревянная церковь Покровская, вместо которой возводился каменный храм того же имени, была разобрана уже в 1886 г. и что на ее месте, во время закладки каменного собора, 22 мая 1886 г. были найдены закладные камни как первой (1773-1788) так и второй (1789-1890?) деревянных церквей Покровских [10, 40].

Однако вероятно, что события связанные с возведением нового храма происходили не совсем так, как их описывал Я.П. Новицкий (ранее в этом вопросе автор был солидарен с александровским историком [2, 62]). На сегодня автору известны два свидетельства, которые позволяют считать, что деревянная церковь Покровская простояла рядом с каменным собором Покровским, строительство которого закончилось в 1890 г., по крайней мере до 1891 г. и только потом была разобрана. Такой ход событий просматривается из публикаций «Екатеринославских епархиальных ведомостей» за 1891 и 1892 гг. В которых сообщается, что заседания Александровского миссионерского комитета в ноябре-декабре 1890 г., в феврале-марте и в июне 1891 г., проходили «в старой Соборной Покровской церкви города Александровска». Об этом же косвенно свидетельствует и описание («метрика») деревянной церкви Покровской, составленное в феврале 1887 г. священником этой церкви Иоанном Андреевичем Черным (1829/30-1894). Ничто в этом документе не говорит о том, что эта церковь уже не действовала. В нем упоминается и строившийся с 1886 г., рядом с каменной колокольней этой церкви, возведенной в 1870 г., новый каменный храм [2, 459-467/ 537; 76, 99/ 101; 77, 295/ 297/ 300; 78, 276].

Пока из этого можно сделать лишь предварительное заключение, что расположение деревянной церкви Покровской, построенной в 1789 г. и каменной колокольни при ней было таково, что позволило

пристроить в 1886 г. к этой колокольне каменный собор Покровский без демонтажа деревянной церкви. Тогда выходит, что закладные камни обеих деревянных церквей Покровских были найдены не в 1886 г., как пишет об этом Я.П. Новицкий, а в 1891 г. или даже несколько позже. Правда, можно предположить, что деревянная церковь Покровская была действительно демонтирована, как об этом пишет историк, а потом вновь собрана, но уже на новом месте, чтобы не мешать строительству каменного храма. В пользу этой версии говорит «План церковного места Соборной Покрова Пресвятыя Богородицы церкви...», выполненный в 1863 г. На котором проектировавшаяся каменная колокольня должна была стоять перед главным входом деревянной церкви Покровской [79, 322].

Известно, что первый каменный собор Покровский, в своей оси от колокольни до алтаря, был расположен перпендикулярно к тогдашним улицам Екатеринославской (ныне Почтовой) и Соборной (ныне Соборный проспект) (собор своей алтарной частью был сориентирован, примерно на северо-восток, нынешний собор, соответственно, примерно на юго-восток). Параллельно собор располагался Благовещенской улице и выходил своей колокольней, в которой был главный вход в этот храм, на Екатеринославскую (ныне Почтовую) улицу. Следовательно, можно предположить, что деревянная церковь Покровская, вместо которой возводился каменный собор, по отношению к указанной оси строящегося храма, была расположена под некоторым углом. А зная из утверждения священника И.А. Черного, что деревянная церковь своей алтарной частью была сориентирована строго на восток (т.е. на восходящее солнце в день закладки храма), ее примерное местонахождение можно попробовать определить. Сделать это, во многом, помогают фотографии собора, выполненные в первой половине XX в. (на них видно, что каменный собор Покровский располагался напротив доходного дома купца Ивана Афанасьевича Куржупова, ныне это дом под N 31 на Почтовой ул.) и знание размеров собора (длина: 21 сажень (ок. 45 м), ширина: 9,5 сажень (ок. 21 м). Если от предположительного местонахождения колокольни, а это вероятно точка находящаяся ныне примерно в 40-45 м от нынешней Благовещенской улицы и примерно в 15-20 м от Почтовой (бывшей Екатеринославской) улицы, провести линию на восток, то это и будет направление, указывающее как располагалась деревянная церковь Покровская. При этом надо учитывать, что деревянная церковь отстояла от своей каменной колокольни, согласно проектному чертежу, примерно на 17 м, и что диаметр этой церкви в своем основании был около 19 м. Тогда не исключено, что деревянная церковь Покровская 1789 г. постройки, стояла примерно там, где ныне располагаются «южный» вход в современный каменный собор Свято-Покровский и его глава, находящаяся справа от алтаря [2, 460; 79, 322; 80].

В приходе этой церкви находились как жители крепостного форштадта, так и гарнизон крепости Александровской (до 1789 г.). Содержание церкви осуществлялось за счет продажи свечей и кружечного сбора (добровольных пожертвований прихожан). Священник при церкви был обязан составлять, для отчета перед своим духовным Правлением, ежегодные ведомости о состоянии своей церкви «и священно и церковно-служителей, и их детей» при ней. Священник также вел метрические книги, куда заносились данные о рождении, бракосочетании и смерти прихожан церкви и составлял «исповедные росписи». В обязанности священника входило также вести письменный учет в «зашнурных книгах»: деньгам, как поступавшим «в приход», так и употреблявшимся «на церковные надобности в расход», и наличия богослужебного облачения и церковной утвари [1, 187-189].

В 1774 г. наместник, священник Е.Т. Савурский был переведен с Днепровской линии обратно в Киевскую епархию, где в мае месяце был произведен в сан протопопа в губернский центр-г. Кременчуг [65, 350-351]. Впоследствии он, по протекции генерал-фельдмаршала, князя Г.А. Потемкина-Таврического, с 1790 г. и до самой смерти, служил протоиереем в г. Николаеве в Адмиралтейском соборе.

В том же 1774 г. на место Е.Т. Савурского церковным наместником был определен священник **Иоанн Антонович Коваленский** (1724- после 1793) (запорожский историк Валерий Михайлович Стойчев в своей статье посвященной церковной истории г. Александровска, также как и церковный историк, епископ Феодосий (Александр Григорьевич Макаревский, 1822-1885), не упоминает этого священнослужителя [81, 111-127]). И.А. Коваленский принадлежал к дворянскому роду, который вел свое начало от киевского ловчего Станислава Коваленского. В 1740-1760-х гг. И.А. Коваленский служил на Украинской линии в ландмилициом Ефремовском конном полку полковым священником, в полковой церкви Николаевской при крепости Алексеевской. До своего назначения на Днепровскую линию, он и его семья проживали в той же крепости Алексеевской на Украинской линии, где И.А. Коваленский служил еще с двумя священниками в церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая (Николаевской). Священник был женат на Акилине Григорьевне Коваленской (р. 1725). В семье священника росли дети, сыновья: Василий (р. 1750), Иван (1766-1812?), Петр (1767-1829?) и дочери: Елизавета (р. 1758), Надежда (р. 1762), Мария (р. 1769), которые все на 1771 г. проживали с родителями. У И.А. Коваленского были также старшие сыновья: Григорий (ок. 1750-1824?) и Михаил

(16.02.1745-06.06.1807), который был другом, учеником, и первым биографом Г.С. Сковороды [1, 223; 5, 8-9; 73, 248].

В 1774 г. в форштадте Александровском при церкви Покровской служил также священник **Иоанн Веселовский** [5, 8-9].

9 сентября 1775 г. на территории края создается Славянская и Херсонская епархия с административным центром в г. Полтаве под юрисдикцию, которой, с 1776 г., подпала и Церковь Днепровской линии. В 1776-1777 гг. церковное устройство Линии находилось также в ведении, подчинявшегося Славянскому и Херсонскому архиепископу, Самарского духовного правления, административный центр которого был в крепости Белевской.

В 1776 г., после перевода священника И.А. Коваленского с Днепровской линии (в конце XVIII в., И.А. Коваленский, в сане протоиерея, служил в церкви Троицкой г. Змиева), в мае 1776 г., по ходатайству генерал-майора В.А. Черткова, на должность наместника церквей Линии был определен г. Нежина, Киевской епархии, церкви Крестовоздвиженской священник («половинный») **Федор Кузьмич Тисаревский** (1736-07./08.06.1786). Ранее Ф.К. Тисаревский служил священником в Севском пикинерном полку, а после в Днепровском пикинерном полку во Власовской роте. По характеристике генерал-майора В.А. Черткова, этот священник был «...учоный, к проповедям старательный так, что из оных его проповедей есть и тиснением изданныя, да и лет еще не престарелых, а сложения твердаго...» [65, 249-250]. При этом священник Ф.К. Тисаревский числился в штате крепости Кирилловской и жалованье получал по этой крепости (вероятно, что и предыдущие церковные наместники Линии числились в штате крепости Кирилловской). Священник Ф.К. Тисаревский был женат на Агафии Ивановне Тисаревской (р. 1746). В семье Тисаревских было шестеро? детей: Матвей (р. 1760), Иулиания (р. 1765) (27 июля 1785 г. вышла замуж за александровского аптекаря И.И. Шика), Анна (р. 1770), Павел (р. 1773), Анастасия (р. 04.11.1780), Иван (р. 27.01.1784) [1, 288; 5, 74].

На 1776 г. на Днепровской линии находились две церкви: одна- Покровская, в форштадте крепости Александровской (приходских дворов- 38), с двумя священниками (Ф.К. Тисаревским и Р.Т. Кошевским), и вторая- Святой Великомученицы Екатерины, с одним священником (**Андреем Кондратовичем (Кондратовым)**), в крепости Петровской. Помимо этого в безцерковных крепостях Никитинской и Кирилловской служило в часовнях по одному священнику. Согласно плану 1776 г. церковь в крепости Петровской должна была находиться не по ее центру, а ближе к цитадели Федоровской. Жилые дома для священника и церковнослужителей планировалось выстроить на противоположной стороне крепостного двора рядом с цитаделью Александровской [4, 486]. В крепости Кирилловской, по плану 1776 г., планировалось построить церковь в центре крепостного двора. Недалеко от этой церкви должен был быть и дом священника [4, 485].

В крепости Никитинской (приходских дворов- 11), в часовне, служил с 11 августа 1775 г. священник **Стефан Максимович Малинский** (1733-25.03.1812), который до этого был священником Белгородской епархии Архангельской (Архангела Михаила) церкви в слободе Малиновка, Чугуевского уезда. Священник С.М. Малинский в семинарии не обучался, происходил он из духовного звания, его отец был священником Белгородской епархии и тоже служил в церкви Архангельской (Архангела Михаила) в слободе Малиновка [1, 189-190]. На попечении этого священника состояли также жители слобод Камышевахи и Жеребца [65, 269]. Священник был женат на Агрипине Малинской (1729-08.09.1819). У четы Малинских были сыновья: Василий (р. 1768), который с 1785 г. служил дьячком в церкви Николаевской слободы Григорьевка Новомосковского уезда, впоследствии он служил, до 1794 г., в церкви святого Николая Чудотворца в крепости Святого Дмитрия Ростовского, а 18 мая 1794 г. был рукоположен к строящейся в воинской слободе Конской церкви Рождество-Богородичной, и Алексей (р. 1773), который с 1792 г. стал служить, вместе с отцом, в церкви при крепости Никитинской дьячком. По планам 1776 и 1779 гг. в крепости Никитинской (2-й) церковь должна была находиться в центре крепостного двора. Там же, недалеко от церкви, должны были быть выстроены жилые дома для священника и церковнослужителей [1, 526; 4, 484].

На 1777 г. в безцерковной крепости Кирилловской (приходских дворов- 21) служил священник **Иаков Грабовский (Грибовский)** (ск. 1780/81) [82, 179-182].

25 марта 1777 г. священник Р.Т. Кошевский был пожалован в сан протоиерея [1, 167-168].

17 сентября 1777 г. Церковь Линии была переведена из под начала Самарского духовного правления в ведение новоучрежденного для Павловской провинции Павловского духовного правления. Главой этого духовного Правления был назначен протопоп Ф.К. Тисаревский. Название этого духовного Правления объясняется как планом строительства города Павловска, так и уже реально существовавшей Павловской провинции, названных в честь наследника престола Павла Петровича. А поскольку город еще не был построен, административный центр провинции, а вместе с ним и Павловское духовное правление были временно размещены в форштадте Александровском.

В октябре 1777 г. в ведении Павловского духовного правления находились следующие церкви (приходы) на Днепровской линии. При крепости Александровской состояла: в форштадте- приходская церковь Покровская. В крепости Петровской находились: походная церковь Георгиевская (вероятно это была походная, воинская церковь перенесенная из крепости Александровской) и строившаяся, деревянная церковь во имя Святой Великомученицы Екатерины (на 1780 г. в крепости Петровской действовала, выстроенная в центре крепости, одна, «временная ис камыша» церковь и в это же время в крепости фиксируются два «фахверковые» домика для священников [1, 531]). В крепостях Никитинской и Кирилловской и в 1777 г. еще не было церквей, а служили при них по одному священнику на крепость. Гарнизон и обыватели крепости Кирилловской были причислены к приходу походной церкви Георгиевской, находившейся в крепости Петровской. К Павловскому духовному правлению в 1777 г. принадлежали также церкви (приходы): в Кальмиусе- походная во имя святителя Николая Чудотворца, в Ениколе- походная во имя Архангела Михаила, в Керчи- каменная Рождества Иоанна Предтечи и в Консководском уезде, в слободе Консководовке- священник без церкви, также и в Волководском уезде, в слободе Матвеевке- священник без церкви [65, 251-252].

В 1777 г. в крепости Александровской, в воинском лазарете (госпитале) при больных солдатах, оставленных для излечения следовавшими в Крым войсками, временно находился Рязского пехотного полка священник Петр Павлович Малиновский (в 4 томе «Сочинений» Я.П. Новицкого, 2020 г. издания, фамилия этого священника ошибочно пишется как- «Маликовский» [83, 247-248]). В его обязанности входило совершение церковных треб исключительно для солдат пребывавших в лазарете (госпитале). В том же году этот священник самовольно, нарушая церковные правила, которые запрещали без разрешения руководства епархии служить священнику в чужом приходе, установил в крепости Александровской воинскую походную церковь и начал в ней священнослужение. В этом ему содействовал, находившийся в крепости главным надзирателем (смотрителем) при больных солдатах подполковник (Василий) Путимцев. Это противозаконное дело было усугублено еще и тем, что священник использовал для службы не свою, которой у него не было, а походную, воинскую церковь Святителей Петра, Алексея и Ионы 2-го Московского пехотного полка. Церковь эта была оставлена, на хранение, в крепости Александровской в сентябре 1776 г. 2-м Московским полком, которым тогда командовал полковник, князь Павел Сергеевич Гагарин (1747-1789). После того как эта церковь была установлена в крепости Александровской, «в жилом покои», гарнизон крепости стал, что естественно, посещать ее, а не церковь Покровскую, находившуюся в форштадте, почти в километре от крепости. Начавшееся в апреле 1777 г. в Славенской духовной консистории расследование этого дела привело к запрету этому священнику выходить за рамки своих служебных обязанностей [1, 168-169; 84, 216].

3 декабря 1779 г. протоиерей Р.Т. Кошевский, вероятно из побуждений карьерного роста, «согласно его собственному желанию и прошению», был определен к походной церкви во имя Святителя Христова Николая (Николаевской) на Кальмиус, где должен был быть основан уездный г. Павловск. Но в одночасье планы властей предрержащих изменились и на Кальмиусе было решено, вместо Павловска, заложить уездный г. Мариуполь, и поселить в нем выведенных в 1778 г. из Крыма греков. Жителей же несостоявшегося Павловска в 1780 г. переселили во вновь учреждающийся на реке Волчьей г. Павлоград. Туда же в 1781 г. была отправлена и походная церковь Николаевская. По причине всех этих событий протоиерей Р.Т. Кошевский еще в 1780 г. был вынужден возвратиться в форштадт Александровский и продолжить свою службу в церкви Покровской [85, 461].

В 1780/81 г. в крепости Кирилловской умер священник И. Грибовский (Грабовский). Поэтому, когда Александровского форштадта, церкви Покровской дьякон **Федор Романович Кошевский** (1751/52-24.02.1822), служивший церковником в форштадте Александровском с 1772 г., подал прошение о своем назначении на его место, оно было 4 апреля 1781 г. удовлетворено. К приходу этого священника была приписана и воинская слобода Конская [65, 274-275]. Новоназначенный священник Ф.Р. Кошевский являлся сыном протопопа Р.Т. Кошевского. В семинарии этот священник не был, а обучался «в городе Кременчуге в казенной школе», где изучал греческий и немецкий языки, арифметику, рисование, и церковное пение [1, 266-267]. Ф.Р. Кошевский был женат на Христине Михайловне Кошевской (1763-22.01.1831), дочери коменданта крепости Александровской полковника М.М. Караватки (обряд венчания совершил 6 июня 1776 г. священник И.А. Коваленский [1, 223]). В браке у Федора Романовича и Христины Михайловны Кошевских родились дети: Евдокия (р. 1782) (26 апреля 1797 г. вышла замуж за прапорщика Климентия Даниловича Гайворонского (р. 1765)), Федор (1784-10.06.1788 (число погребения)), Сосанна (р. 11.08.1790) (была замужем (с 22 августа 1810 г.) за «уволненным» учеником богословия Екатеринославской духовной семинарии Тихоном Алексеевичем Мочульским, который впоследствии, с 1815 г., стал служить священником при церкви Покровской г. Александровска), Клеопатра (28.09.1794-13.07.1795 (число погребения)), Яков (08.10.1796-30.05.1797 (число погребения)), Дмитрий (24.10.1798-18.04.1803 (число погребения)),

Мариамна (р. 07.02.1803) (была замужем (с 22 января 1822 г.) за дьяконом Петром Кондратьевичем Билинским), Екатерина (р. 26.11.1804) (на 1839 г. была не замужем).

В 1782 г. на Линии действуют уже три церкви: Покровская- в форштадте крепости Александровской, походная Святого Апостола и Евангелиста Матфея (Матфеевская)- в крепости Кирилловской (на 1783 г. в крепости Кирилловской, вне цитадели Васильевской, действовала «временная деревянная» церковь [1, 528]) и «фаферковая...каменная» походная Георгиевская- в крепости Петровской (в крепости Петровской на 1783 г. для священника и церковников было выстроено два домика крытых камышом [4, 248-250]), и один безцерковный приход в крепости Никитинской. Церковь походная Матфеевская была куплена на средства военнослужащих Кирилловского батальона в слободе Матвеевке (Луганке) (с 1784 г.- г. Павлоград) и перенесена в крепость Кирилловскую, и с 30 августа 1782 г. священник Ф.Р. Кошевский в ней начал богослужение (священник Ф.Р. Кошевский, первоначально, по неимению в крепости Кирилловской собственной церкви, был причислен к походной церкви Георгиевской, находившейся в крепости Петровской, но был при этом в штате крепости Кирилловской [1, 187-189]) [65, 275].

29 июля 1783 г. указом Синода приходским священникам было запрещено венчать военнослужащих «без ведома и письменных свидетельств» их полковых командиров [86, 986].

В 1783 г. в крепости Александровской и в форштадте Александровском, в приходе церкви Покровской состояло, при 96 дворах, военнослужащих и гражданских лиц: 893 души мужского пола и 355 душ женского пола (всего- 1248 душ обоего пола) [1, 314]. В 1784 г. в крепости Кирилловской, в приходе походной церкви Матфеевской состояло: при 111 дворах, военнослужащих и гражданских лиц: 580 душ мужского пола и 194 души женского пола (всего- 774 души обоего пола) [1, 340-341].

В силу указов 1783-1784 гг. создается Екатеринославское наместничество, вместе с этим происходят административно-территориальные преобразования и в Славянской и Херсонской епархии. Указом Славянского и Херсонского архиепископа от 22 ноября 1784 г. упраздняется Павловское духовное правление, а вместо него создается, для вновь образованного Новомосковского уезда, Новомосковское духовное правление с административным центром в г. Екатеринославе-1 (г. Новомосковск). Под юрисдикцию этого правления подпали церкви и духовенство крепостей Александровской и Никитинской. Этим же указом, для нового Мариупольского (Мариупольского) уезда создается Мариупольское (Мариупольское) духовное правление с административным центром в г. Таганроге (с 1796 г.- г. Токмак). Под начало этого Правления были приняты церкви и духовенство крепостей Кирилловской и Петровской [85, 14-18].

В 1785 г. в посаде Александровском при церкви Покровской служил также священник **Павел Алексеев** (р. 1737). Однако из-за того, что при этой церкви по штату был положен только один священник на жалованье (протоиерей Р.Т. Кошевский), а священнику П. Алексееву его содержания, получаемого «половиною от доходов», не хватало, он был переведен в слободу генерал-майора Ивана Тимофеевича Балабина (1734- после 1804)- Петровскую, где должна была быть построена церковь [1, 173-174].

В конце 1785 г. священник Ф.Р. Кошевский, получив разрешение обер-коменданта Днепровской линии генерал-майора Н.Я. Ланова, но без разрешения духовного начальства, покинул свой «двуопный» приход при крепости Кирилловской (вторым священником при церкви в крепости Кирилловской состоял **Александр Федоров**) и прибыл в посад Александровский. Новомосковскому духовному Правлению свой поступок он объяснил стремлением помочь своему престарелому и больному отцу в исправлении церковной службы. На что Новомосковское духовное Правление 19 января 1786 г. отреагировало крайне негативно и предписало священнику «ни под каким видом» в крепости Александровской не находиться. Был упомянут даже 27-й пункт Духовного регламента, в котором не приветствовались родственные связи священника с другими духовными лицами в приходе, т.к. эта семейственность могла отрицательно сказаться на церковной службе [1, 174-178; 72, 86]. 24 сентября 1786 г. протоиерей Р.Т. Кошевский скончался, похоронен он был 27 сентября 1786 г. Дело же его сына, священника Ф.Р. Кошевского, закончилось, в конце концов, тем что Екатеринославская духовная Консистория, по просьбе этого священника, своим постановлением от 28 октября 1787 г., решила утвердить место священника при церкви Покровской за его младшим братом С.Р. Кошевским, который на то время учился в Екатеринославской (Славенской) духовной семинарии (с 1786 г.) (ранее С.Р. Кошевский проходил обучение в Харьковском коллегиуме). При этом священнику Ф.Р. Кошевскому Консисторией вменялось, до окончания учебы его младшего брата, находиться при церкви Покровской [1, 184].

Указом от 9 сентября 1786 г. вместо Славянской и Херсонской епархии создается Екатеринославская и Херсонеса Таврического епархия с тем же административным центром. В 1787 г. Новомосковское духовное Правление упраздняется и входит в состав Павлоградского духовного

Правления с административным центром в г. Павлограде (с 1790 г.- Самарский Пустынно-Николаевский монастырь, а с 1793 г.- м. Новоселица (г. Новомосковск)).

В 1786 г. в крепости Александровской и в посаде Александровском, в приходе церкви Покровской состояло, при 116 дворах, военнотружущих и гражданских лиц: 764 души мужского пола и 489 душ женского пола (всего- 1253 души обоого пола) [1, 179-180].

В 1787 г. священник Ф.Р. Кошевский начал хлопотать о постройке вместо «крайне обветшавшей» церкви Покровской- новой церкви. Так, в донесении Павлоградского духовного Правления к главе епархии архиепископу Амвросию (Авраам Никитич Серебренников (Серебряков), 1745-1792) от 27 августа 1787 г. за N 404, отмечалось, что церковь Покровская «пришла в крайнюю ветхость, более к стоянию ненадежна, да и подчинкою оной исправить нельзя, ибо во всем изготовилась к падению и требует неотменно перестройки». Для новой церкви были собраны деньги- 398 рублей 94 1/4 копеек и приготовлен лесоматериал (650 сосновых и дубовых бревен). 6 сентября 1787 г. архиепископ Амвросий дал разрешение на постройку на том же самом месте, с тем же наименованием, новой церкви. 9 сентября 1787 г. священнику Ф.Р. Кошевскому была выдана благословительная, храмозданная грамота на закладку этой церкви [65, 252-254].

В 1788 г. в крепости Александровской и в посаде Александровском, в приходе церкви Покровской состояло, при 141 дворе, военнотружущих и гражданских лиц: 968 душ мужского пола и 573 души женского пола (всего- 1541 душа обоого пола). К Покровскому приходу, в это же время, были причислены также владельческие деревни: Натальевка и Евдокиевка [1, 185-187]. В крепости Никитинской, при часовенном приходе, в том же году, значились: 83 военнотружущих и 18 крестьян [1, 189-190].

31 июля 1788 г. в посаде Александровском, вместо обветшавшей церкви Покровской, которая была уже разобрана, на том же самом месте и с тем же наименованием, павлоградским протоиереем Алексеем Демьяновичем Хандалеевым (1744-после 1791) была заложена новая церковь, а 1 августа 1788 г. начато ее строительство. Новая церковь была «преобширная», то есть, больше предыдущей. При закладке церкви, в склепе были положены одна на другую, две небольшие каменные плиты. На одной из них был высечен крест, по сторонам которого было изображение букв: «Ис» (Иисус), «Х» (Христос), «Ни» и «Ка» (Ника, т.е.- победа), а на другой плите: «1788 год». Там же была положена свинцовая «доска» со срезанными углами длиной: 12 1/2 дюймов (ок. 32 см) и шириной: 8 1/4 дюймов (ок. 21 см). Здесь же было положено несколько серебрянных и медных монет того времени. На свинцовой «доске» была следующая, выполненная рукописным почерком, под изображением креста, надпись. На лицевой стороне «доски»: «Освятися жертвенник Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во храм Покров Пресвятыя Богородицы, при державе (б)лагочистивейшия самодержавнейшия великия Государыни Нашей Императрицы Екатерины Алексеевны всея России и при наследнике ея благоверном Государе цесаревиче и Великом князе Павле Петровиче и супруге его благоверной Государыне Великой княгине Марии Федоровне и благоверных Государех и Великих князьях Александре Павловиче и Константине Павловиче и благоверных государынех и Великих князьях Александре Павловне, Елене Павловне, Марии Павловне и Екатерине Павловне, по благословению Святейшаго Правительствующаго Синода в Епархии Архиепископа Амвросия Екатеринославскаго и Херсониса Таврическаго, в лето от рожества Христова авпи (1778) (верно: азпи (1788).- А.М.) є индикта 5, месяца Июля ла (31) числа, на память святаго праведнаго Евдокима». На обратной стороне «доски» была надпись: «Заложен в Александровском посаде Павлоградским протопопом Алексеем Хандалеевым, старшаго священника Федора Кошевскаго и ктитора мещанина Андрея Драгана и коего общества коштом» [10, 40].

Богослужение, на время строительства новой церкви, велось в специально приспособленном для этого нежилом помещении. Там же хранились: ризница, церковная утварь, церковная казна, церковные и хозяйственные книги [1, 187-189]. В январе 1789 г. строительство церкви было закончено. В церкви был установлен деревянный иконостас из первой церкви, который как отмечалось в доношении Павлоградского духовного Правления епископу Амвросию от 31 января 1789 г., был еще «прочный, писанный искусным иконописным художеством» [65, 254]. В 1803 г. этот иконостас был заменен на новый, который выполнил новомосковский дьякон Федор Петрович Макаровский [10, 175]. В 1842 г. иконостас вновь обновили. В 1887 г. он был трехрусный. «Трочастный» алтарь находился за иконостасною стеною, в которой было три двери. В «предалтарях» были устроены: ризница, библиотека и пономарня. Престол был с сенью, а сделан он был из толстых дубовых досок. Его размеры: длина- 1 3/4 аршина (ок. 124 см), ширина- 1 аршин 10 вершков (ок. 111 см) и высота- 1 аршин 6 вершков (ок. 95 см) [2, 459-467]. Внутреннее устройство церкви Покровской на 1863 г. можно увидеть на чертеже проекта каменной церковной колокольни при церкви Покровской. По свидетельству священника церковь была ориентирована строго по сторонам света. Алтарь ее находился на Востоке,

главный вход в храм был на Западе и соответственно два других входа на Севере и Юге. На чертеже крестом обозначено Алтарное место, отделенное иконостасной стеной от Средней части церкви (Храм). Рядом с Алтарем на Севере и Юге от него, было два небольших помещения. В помещении на Севере располагалась Пономарка, соответственно на Юге- Ризница и Библиотека. Между Средней частью (Храм) и главным входом в церковь, находился Притвор [2, 459-467; 79, 322].

Так как церковь была деревянная, то в ней случались иногда и пожары. Так в 1792 г. в церковной пономарне сгорел простенок, а в 1800 г. огонь уничтожил в церкви простенок и четыре иконы [10, 172/174].

То как выглядела эта церковь во второй половине XIX в. снаружи можно увидеть, во-первых, на фотографии представленной в книге «История города Александровска...» александровского историка Я.П. Новицкого, во-вторых, на рисунке выполненном 12 апреля 1886 г. Рисунок этот, вернее его копия («синька»), в настоящее время хранится в фонде 202, Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Отметим, что в некоторых изданиях, изображенная в них, построенная в 1827 г. деревянная церковь Вознесения Господня (Вознесенская) с. Вознесенки, уезда Александровского, по ошибке, выдается за очень похожую на нее, 1789 г. постройки, деревянную церковь Покровскую посада Александровского. Так к примеру, в 1972 г. коммунист-казакоман Николай Петрович Киценко (1921-1982) в своей книге «Хортиця в героїці і легендах» фото церкви Вознесенской подписал: «Александровская церковь...». В 2002 г. архитектор Виктор Васильевич Вечерский свою историко-архитектурную справку «Александровская церковь», приведенную в его работе «Втрачені об'єкти архітектурної спадщини України», проиллюстрировал двумя фотографиями церкви Вознесенской, которую он идентифицировал как некую церковь Александровскую. В 2012 г. в книге «Путем апостола Андрея...» текст историка В.М. Стойчева в ней, сопровождается фотографией церкви Вознесенской, подписанной: «Покровская церковь в г. Александровске. 1789-1886 гг.» [2, 535-536/ 539; 10, XV-1; 87; 88, 477-478; 89, 255].

Церковь эта была ротондального типа, двенадцатигранной (священник в 1887 г. пишет ошибочно, что она была восьмигранной.- А.М.). В основном объеме храма были устроены двумя рядами окна, по 16 штук в каждом ряду: квадратные и меньшие по размеру- сверху, а прямоугольные и большие по размеру- внизу. Причем в нижнем ряду окна были оборудованы решетками. Крыша церкви держалась не на столбах, а на наружных и внутренних стенах. Основной купол храма венчал световой барабан о четырех прямоугольных окнах, на куполе светового барабана находился барабан поменьше, в котором также были четыре небольших ромбовидных окна, далее шла главка, на которой был установлен четырехконечный, без всяких украшений, железный крест. Крыша церкви на 1887 г. была покрыта листовым железом, выкрашенным в зеленый цвет. Церковь имела три входа, которые в XIX в. были оформлены снаружи в виде небольших прямоугольных пристроек (притворов) со ступенями и с двускатными крышами. Все двери в храме были деревянными, но при этом двери главного входа церкви, были обшиты металлическими листами. Снаружи бревенчатые стены храма и пристроек у входов были вертикально обшиты сосновыми досками. Высота церкви была 12 1/2 сажень (ок. 27 м), а ширина (диаметр) основного объема составляла 9 сажень (ок. 19 м) [2, 459-467/ 535; 10, XV-1]. 6 февраля 1789 г. архиепископ Амвросий благословил освятить новую церковь. 24 февраля 1789 г. новая церковь Покровская павлоградским протопопом А.Д. Хандалеевым была освящена и в ней было открыто богослужение [65, 254]. Новая церковь была «деревянная без колоколни со оградою в ней сосуды серебрянные и вызолоченные ризницею и колоколами достаточная» [1, 197-198].

Интересна история создания колокольни при церкви Покровской. После упразднения в 1822 г. воинской церкви Александро-Невской, находившейся в крепости Александровской, в этом здании временно, до своего построения в слободе Вознесенке уезда Александровского, была устроена церковь Вознесенская (Вознесения Господня). В 1827 г. церковь Вознесенская в этом селе была построена. Здание бывшей воинской церкви Александро-Невской освободилось. Это сооружение еще с 1803 г., по купле на аукционе, принадлежало титулярному советнику Евдокиму Павловичу Гранобарскому (1759-18.03.1828). Его он, вероятно в том же 1827 г., завещал купеческому и мещанскому обществу г. Александровска на слом, с тем, чтобы его материалы или вырученные за них средства пошли на сооружение колокольни при церкви Покровской. Небольшая деревянная колокольня была построена рядом с этой церковью после 1828 г. Каменная колокольня у церкви Покровской появилась в 1870 г. Историю создания этой колокольни можно проследить начиная с 1863 г. 28 ноября 1863 г. Главноуправляющий путей сообщений и публичных зданий инженер-генерал-лейтенант Павел Петрович Мельников (1804-1880) утвердил проект примерно 41-метровой, каменной, столпообразной, «двухэтажной», с луковичной главой колокольни при деревянной церкви Покровской г. Александровска. Согласно этого проекта колокольня должна была стоять перед главным, находившимся на западной стороне, входом церкви Покровской, примерно в 12 метрах от его ступеней. Проект этот был составлен

15 ноября 1863 г. Департаментом рассмотрения проектов и смет Главного управления путей сообщений. Копию чертежа колокольни, выполненную в цвете инженер-кондуктором Левченко, заверил начальник Чертежной при Особой канцелярии главноуправляющего, инженер-подполковник Иван Павлович Савловский (ск. 1896). Однако, на известных нам фотоизображениях этой колокольни, выполненных в XX в., можно видеть, что ее нижняя часть (первый ярус), сильно отличается от ее изображения на проектном чертеже. Это из-за того, что на чертеже представлена колокольня такой какой она просуществовала 16 лет, вплоть до 1886 г. Когда же в 1886 г. вместо деревянной церкви Покровской стал возводиться того же имени каменный, пятишатровый храм, близкий по архитектуре к типовым проектам церковей архитектора Константина Андреевича Тона (1794-1881), колокольню было решено вписать в этот проект. А для того, чтобы колокольня органично вошла в архитектурный ансамбль храма в форме «корабля», ее нижнюю часть, вплоть до яруса звона, перестроили и соединили с новым храмом трапезной. В 1887 г. на этой колокольне было шесть колоколов. Наибольший из них весил 108 пудов (ок. 1769 кг) [2, 459-467; 10, 54; 79, 322].

По поводу дальнейшей истории этой церкви высказался историк В.М. Стойчев на проходившей в октябре 2020 г. в г. Запорожье «Международной научно-практической конференции «AB URBE CONDITA:...». Аудитории Конференции, которую составляли профессиональные историки из разных городов Украины, он поведал, что деревянная церковь Покровская (2-я) простояла на своем месте вплоть до 1907 г. Вероятно, историк ошибочно перенес на александровскую церковь Покровскую данные, которые относятся к возведенной в 1827 г. деревянной церкви Вознесения Господня (Вознесенской) с. Вознесенки, уезда Александровского. Деревянная церковь Вознесенская действительно простояла со строившимся рядом с ней каменным храмом того же имени, вплоть до окончания его строительства в 1908 г. [90, 44].

Закончив обучение в Екатеринославской (бывшей Славенской) духовной семинарии (июль 1788 г.), вернулся домой младший брат Ф.Р. Кошевского- **Стефан Романович Кошевский** (1758/61/62/63/64/66-11.04.1815). 4 марта 1789 г. он был сначала посвящен Екатеринославским и Херсонеса Таврическим архиепископом Амвросием в дьяконы, а 5 марта 1789 г., тем же преосвященным, как и предполагалось ранее, он был посвящен в священника к церкви Покровской. Священник С.Р. Кошевский был женат (с 21 октября 1788 г.) на Анне Трофимовне Кошевской (р. 1771), дочери помещика, отставного прапорщика Трофима Яковлевича Домашнего (1736-26.11.1823) и его супруги Евгении Андреевны Домашней. В браке у Стефана Романовича и Анны Трофимовны Кошевских родились дети: Иван (р. 21.07.1789), Григорий (р. 22.01.1791), Александр (13.03.1793-28.10.1794 (число погребения)), Василий (04.02.1795-21.08.1796 (число погребения)), Лев (17.02.1797-1873) (служил при церкви Покровской в 1810-1814 гг.- стихарным пономарем, а в 1815-1818 гг.- стихарным дьячком; впоследствии был священником при церкви Николаевской, с. Михайловки, уезда Александровского), Павел (р. 18.06.1799) (в 1811-1816 гг. служил стихарным пономарем при воинской церкви Александро-Невской), Трофим (р. 19.09.1802) (служил в 1817-1842 гг. чиновником в канцелярии Александровского духовного правления, был женат на Кошевской Елизавете Кондратьевне), Иосиф (р. 04.04.1805), Елизавета (26.10.1807-06.05.1808), Яков (24.10.1809-03.01.1810), Петр (р. 01.07.1811), Евгения (р. 24.12.1813).

Некоторое время оба священника служили в новой церкви «по недельно, но разделяя между собою по способности прихожан, всяк своим преподавал христианские требы» [1, 264].

В 1789 г. в крепости Никитинской, вместо часовни, была создана походная церковь во имя Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова (Богословская), устроенная «за неимением намента в казенном нежилом доме» [1, 198-200].

В 1789 г., священник Ф. Романов (Кошевский) (с 1789 г. священник Ф.Р. Кошевский, практически во всех официальных документах стал именовать себя как священник Ф. Романов, а с 1800 г. даже как Ф.Р. Романов.- А.М.), заручившись поддержкой военнослужащих гарнизона крепости Александровской (2-й), стал ходатайствовать об учреждении на территории этой крепости походной воинской церкви во имя Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского (Александро-Невской). 1 ноября 1789 г. на имя Екатеринославского и Херсонеса Таврического архиепископа Амвросия, находившегося в Яссах, воинскими чинами крепости Александровской (2-й) было составлено прошение. В котором комендант и плац-майор крепости, командир Александровского гарнизонного батальона, офицеры гарнизона, руководители артиллерийской и инженерной команд крепости просили архиепископа дать разрешение на учреждение в крепости Александровской (2-й) воинской походной церкви Александро-Невской (эту церковь историк В.М. Стойчев, вслед за церковным историком, епископом Феодосием, ошибочно называет «лазаретной» [65, 255; 81, 115]) [1, 194-195; 91, 9-9 об.].

На первое время, до создания воинской церкви, в 1789 г. в крепости Александровской (2-й) священником Ф. Романовым (Кошевским) была устроена часовня, которая располагалась в нежилом, казенном, двухэтажном, кирпичном, крытом железом здании бывшей аптеки. В этом здании

предполагалось обустроить со временем и воинскую церковь Александро-Невскую (первоначально, когда в 1771 г. начала строиться вторая крепость Александровская, а первая крепость была обращена в форштадт, предполагалось, что церковь в новой крепости будет находиться между гауптвахтой, которая располагалась в центре крепости, и цитаделью святого апостола Иоанна [4, 451]). Рядом с часовой находилась церковная «караульня» [1, 204-206; 91, 2/ 5-6].

Здание аптеки можно увидеть на плане крепости Александровской выполненном в 1780 г. (на этот год аптека уже была выстроена). Оно находится в квартале обозначенном литерой «G». Этот квартал специально предназначался для проживания и работы в нем доктора, лекарей и их «служителей». Аптека была единственным двухэтажным зданием этого квартала. Второй этаж этого дома представлял собой надстройку, расположенную по центру двускатной крыши первого этажа. У этой надстройки были свои стены и двускатная кровля, вытянутые не на полную длину крыши первого этажа [1, 525]. О размерах этого строения и в какой-то мере о его внешнем виде, можно судить по строительной ведомости, составленной в 1778 г. Согласно этой ведомости длина аптеки составляла, примерно 25, 6 м, а ширина ее была, примерно 8,5 м. Высота первого этажа, от земли под потолок, была около 2,7 м. Насколько можно судить, внутреннее пространство первого этажа было разделено на четыре помещения. На 1778 г. в этом здании планировалось установить 6 наружных и внутренних дверей и 20 окон. Окна в здании располагались в два ряда, вероятно они были устроены в его обеих этажах [1, 525; 2, 208-209; 91, 175 об.].

Уже с 1789 г. сначала при часовне, а с 1790 г. при воинской церкви Александро-Невской, священником стали вестись церковные «прошнуренные» приходо-расходные книги, которые, «по скреплении листов и по приложении печати», выдавались из Духовного правления. Достоверность записей делаемых в этих книгах подтверждались подписями: священника, церковников, церковного старосты, гарнизонных офицеров, местных чиновников, благочинного священника. В конце года приходо-расходные книги отправляли в Духовную консисторию, где они проверялись и после этого возвращались в церковь [91, 1/ 18/ 63/ 121].

Необходимые для создания новой церкви денежные средства поступали «доброхотным подаянием» от воинских чинов Линии, жителей посада Александровского и от «посторонних людей» [1, 264-266]. Деньги на церковь шли как от отдельных жертвователей, так и от целых воинских подразделений крепости. Так например, 3 августа 1789 г. командиром 4-й роты Александровского гарнизонного батальона секунд-майором Василием Андреевичем Кузнецовым (1729/34-1790) было пожертвовано 25 рублей, а посадским штаб-лекарем Петром Петровичем Самойловичем (р. 1746) на это дело было дано 1 рубль. 13 августа 1789 г. командир Александровского гарнизонного батальона премьер-майор Г.В. Рунич внес на церковь 15 рублей. С военнослужащих гарнизона крепости Александровской деньги обычно собирались во время выдачи им жалованья. 25 августа 1789 г. 7 рублей 95 копеек поступило от инженерных служителей Линии. 24 декабря 1789 г. от военнослужащих Александровского гарнизонного батальона было принято 10 рублей 21 копейка. На церковь передавались и деньги оставшиеся от умерших солдат гарнизона. То, что можно было продать из вещей умерших военнослужащих, продавалось, а вырученные средства шли на будущую церковь. Также, как пример пожертвований, 30 марта 1790 г. на церковь поступило 73 рубля 50 копеек. Эти деньги были пожертвованы: комендантом крепости Александровской полковником М.М. Караваткой- 13 рублей 50 копеек и его супругой П.А. Караваткой- 25 рублей, управляющими именьями графини Скваронской и графа Разумовского- 30 рублей, поверенным купца Красноглазова- 5 рублей. Всего, как отмечено в церковной приходо-расходной книге, с августа 1789 г. по декабрь 1790 г., непосредственно на устройство церкви Александро-Невской, от различных лиц поступило денежных средств, примерно: 371 рубль [91, 1-4/ 18 об.-23 об.].

При церкви, для пополнения церковной кассы были заведены два деревянных ящика. Первый, предназначался для «кошельковых» денег, то есть денег, которые жертвовали прихожане на церковь. Второй, разделенный перегородкой на две половины, первая половина которого служила для сбора средств, которые выручались как за использование брачующимися церковных венцов, так и за выдаваемые из церкви на погребение усопших: крест «процесной», фонари, одр, покрывало и холст. Во вторую половину этого ящика поступали деньги за ладан использовавшийся при служении общих панихид. Добровольные пожертвования деньгами на церковь собирались также солдатом «с тарелочкою» на переезде через речку Сухую Московку, находившегося «на большой дороге», недалеко от казенного сада. Отдельной и существенной статьей дохода церкви до 1808 г. были свечные деньги. Которые выручались на разнице между денежной суммой потраченной на приобретение церковью готовых свечей или воска для них и денежной суммой получаемой от реализации этих свечей через церковь. Изготовлением свечей для церкви, в описываемое время, занимался, за отдельную плату, церковный староста, Инвалидной роты солдат; сержант; унтер-офицер

Иван Андреевич Попов (р. 1723). Как пример, в 1804-1805 гг. свечи делал канонир Иван Петрович Портнов. После 1808 г. деньги выручаемые в церкви за свечи, через благочинного священника, шли в епархию. Был при церкви и кружечный сбор, деньги от которого тратились на нуждающихся [91, 23 об./ 33 об./ 37-38/ 78 об./ 145/ 158; 92, 1; 93, 21 об.].

Собранные деньги использовались: на обустройство здания часовни/ церкви, на церковную утварь, а также, на церковные книги, на облачение служителей церкви, рейнское красное вино для службы, ладан, елей, свечи, уголь для кадила, муку для просфор и т.д. и т.п. Так, например, 10 октября 1789 г. александровскому купцу Ивану Кирилловичу Жегулину (1752/59-1807) было заплачено за купленные им, под заказ для церкви, на харьковской Покровской ярмарке: дароносный оловянный крест с чашечкой и ложечкой- 50 копеек, кадило медное литое- 1 рубль 60 копеек, большой жестяной подсвечник- 1 рубль 40 копеек. Им же, за приобретенные для церкви книги «церковного круга», из церковной казны было получено: за «Апостол»- 2 рубля 50 копеек, за два «Октоиха»- 5 рублей, за постную и цветную «Триоди»- 7 рублей, за «Служебник»- 1 рубль 10 копеек, за сборник благодарственных молебнов- 1 рубль 25 копеек, за «Минею общую»- 2 рубля. У него же был приобретен и черный лоскут юфти для покрытия аналоя, на котором должны были читаться купленные книги. 27 декабря 1789 г. у александровского купца Ивана Акимовича Зайцова (1762-1794) были приобретены для церкви: два медных колокола, один весом- 2 пуда 4 фунта (ок. 35 кг), а второй- 35 фунтов (ок. 14 кг), два железных языка к ним и бечева для подвески колоколов и языков. На все это было потрачено 41 рубль 2 копейки. Стекольщику, александровскому мещанину Петру Васильевичу Приходько за ремонт и изготовление окон в часовне и караульной 27 октября 1789 г. было заплачено 2 рубля 70 копеек. В 1790 г. у купца И.К. Жегулина были приобретены: два подсвечника за 1 рубль 35 копеек, восемь медных лампад для иконостаса и алтаря за 18 рублей 50 копеек, в качестве подставок для подсвечников на аналой и жертвенник три листа белой жести по 13 копеек каждый, Евангелие напрестольное оправленное медью и посеребренное за 16 рублей 50 копеек, кадило медное посеребренное стоимостью 3 рубля 50 копеек, медный чайничек за 1 рубль, блюдо оловянное для просфор за 95 копеек, медный тазик для омовения рук за 1 рубль, нож складной для очистки свеч и резки антидора ценою 25 копеек, большой хрустальный стакан для вина за 25 копеек, двое складных железных щипцов за 25 копеек, навесной замок на церковные двери ценою 20 копеек, кропило для окропления Святой водой за 35 копеек. В том же году были куплены церковные книги: «Церковный устав», «Минеи месячные», «Требник большой» и «Требник малый», «Ирмологий», «Псалтирь малая», «Малый Часослов», и некоторые другие. За которые было уплачено александровскому купцу Афанасию Михайловичу Захарину (1748/60-1830) 56 рублей. В октябре 1790 г. у продавца икон из г. Суздаля Василия Андреевича Щепова были куплены за 3 рубля 90 копеек три иконы, писанные на дереве: «Святаго благовернаго князя Александра Невского», «Плащаницы Христова положения во гроб» и «Архистратига Михаила». В декабре 1790 г. александровскому портному, донскому козаку Тарасу Ивановичу Сербинову (1747-1792) за изготовление: «одежд» напрестольных двух, «жертвенной» одной и на «столец» одной, за три ризы, за три епитрахили, за четыре пары поручей, за два пояса, за шесть «покрывцев» на сосуды и за три стихаря, было заплачено 12 рублей 95 копеек. В декабре того же года купцу И.А. Зайцову, за купленные у него «для церковных письменных дел» канцелярские товары был уплачен 1 рубль 45 копеек. Этой суммой было покрыто: писчей белой бумаги шесть дестей, шнурок синий в пять аршин и палочка красного сургуча. Все это пошло на изготовление: трех «зашнурных» книг, в две из которых вносился приход и расход «денежной казны церковной», а третья предназначалась «для описи церковных вещей», и на изготовление исповедных росписей, и метрических книг «в тройне сочиненных». В январе 1791 г. у купца И.К. Жегулина за 62 рубля 10 копеек были приобретены: серебряный, вызолоченный напрестольный крест весом 51 1/2 золотника (ок. 218 г), сосуды серебряные, вызолоченные (потир, дискос, звезда, лжица, две тарелочки для ладана, блюдо для «теплоты», копия стальное с черенком оправленным серебром), церковные книги («Ектении о победе», «Канонник», «Чин святаго миропомазания»). В апреле 1791 г. казенному поселянину Петру Васильеву было заплачено 3 рубля за изготовление двух фонарей «для церковных церемоний на крестные хождения». В апреле того же года у купца И.К. Жегулина за 43 рубля 51 1/2 копеек были куплены: серебряная вызолоченная дароносица с ящичком для даров, «ложечка для положения частиц», чашечка для вина, для крещения новорожденных медная «побеленная» купель, «большой четвероугольный» жестяной подсвечник, оловянные сосуды «на благословение хлебов» «с прибором». В 1791 г. для церкви, у купца И.А. Зайцова за 65 рублей 96 копеек был приобретен колокол весом- 4 пуда 7 фунтов (ок. 68 кг). 25 июля 1808 г. был составлен «Лист доброхотнаго подаания», в который священник внес имена 42-х «доброхотных дателей», пожертвовавших на церковь различные денежные суммы, варьирувавшиеся от 50 копеек до 100 рублей. Всего было собрано 395 рублей 75 копеек. На эти деньги летом 1808 г. была изготовлена ограда вокруг церкви из 91 соснового

столба, оплетенных «форостом», с западной стороны ограды были устроены распашные ворота, над воротами на четырех столбах, под крышей из драни, была сделана колокольня и лестница к ней. Помимо этого, в здании церкви были оборудованы, «по приличию храмов божиих», три наружных входа с притолоками, дверями и каменными крыльцами (два из них были пробиты вновь, третий отремонтирован). Так же, были вновь оштукатурены стены церкви, внутри алтаря был устроен камин и «умывальница» и в нем же, вместо старого «обветшалаго», вымощен новый дощатый пол, на церковные хоры была отремонтирована лестница, а в притворе был заменен дощатый пол. Тогда же у церкви, рядом с ее оградой, церковным старостой, солдатом Михаилом Алексеевичем Пяткиным (1765-1810), по собственной его инициативе и во многом на собственные средства, был выстроен фахверкового типа, под соломенной крышей, дом «для отдохновения в нем посетителям храма». Длинною он был 5,5 сажень (ок. 11 м), а шириною 3 сажени (ок. 6 м) [91, 5-7/ 26/ 64-65 об./ 67 об.-68/ 70/ 72 об.-73 об./ 75-76 об./ 80/ 171-173/ 176].

29 ноября 1789 г. священником Ф. Романовым (Кошевским) был заключен контракт с дьяконом Ф.П. Макаровским, служившим в церкви Свято-Троицкой местечка Новоселицы, Новомосковского уезда, на изготовление последним походного иконостаса для будущей церкви. Помимо этого дьякон обязывался доставить для церкви три деревянных образа. Два к Церковным вратам: «Спасителя» и «Богоматери» и «храмовый» на аналой. Согласно контракта, работа должна была быть выполнена дьяконом в течении трех месяцев. Контракт, к которому был приложен и эскиз будущего иконостаса, был заверен в Александровской ратуше. Для изготовления иконостаса у купца И.К. Жегулина были приобретены: клей для склеивания деревянных иконостасных рам, 32 аршина «белого фламского полотна широкаго» за 12 рублей 80 копеек (интересно, что стоимость полотна, которое должен был купить сам дьякон, входила в сумму контракта), гвозди [1, 195/ 218/ 538; 91, 10-11 об./ 63 об.-64].

К 19 апреля 1790 г. заказ дьяконом Ф.П. Макаровским был выполнен и он получил в тот день за свою работу причитавшиеся ему 200 рублей (согласно прихода-расходной книге за 1794 г. дьякон получил эти деньги, еще раз, 5 января 1794 г.). Иконостас воинской походной церкви Александро-Невской был написан дьяконом на фламском полотне (тонкой парусине.- А.М.) собственными красками. Холст с написанными на нем иконами крепился гвоздями на деревянные рамы, которые дьякон получил уже готовыми от заказчика. На первом (нижнем) ярусе иконостаса, называемого местным, по центру располагались Царские врата. На двух створках которых, вверху, вокруг изображения «Всевидающего Ока Божия» в треугольнике окруженного сиянием, были написаны иконы четырех евангелистов: «Луки», «Матфея», «Иоанна» и «Марка». Ниже их на вратах располагалась икона «Благовещение Богородицы». Еще ниже на вратах были иконы: «Фомино осязание» и «Целование Марии и Елисаветы». По бокам Царских врат находились иконы: справа- «Спасителя» (ниже нее была написана икона: «Вдовица в вергшая две лепты»), слева- «Богородицы с младенцем» (ниже написана икона: «Бежание во Египет Иосифа»). В этом же местном ряду были написаны, после «Спасителя», иконы: вверху- «Праотца Авраама», внизу нее- «Исаака закование». Местный ряд (ярус) справа завершали храмовые иконы, изображавшие святого, в честь которого был освящен храм: вверху- «Князь Александр Невский», внизу нее- «Перенесение его мощей». В том же ряду, после «Богородицы с младенцем», шли иконы: вверху- «Пророк Захария», внизу нее- «Служение его у олтаря кадилнаго». Далее в ряду, крайние слева, были иконы: вверху- «Святителя Николая», внизу нее- «Перенесение его мощей». Над Царскими вратами шел праздничный ряд (ярус) икон. В центре которого, над вратами, располагалась икона «Тайной Вечери». Справа от этой иконы были написаны: «Воскресение Христово», «Вход во Иеросалим Христа» и «Рождество Христово». Слева от «Тайной Вечери» располагались иконы: «Рождество Богородицы», «Вход во храм Богородицы» и «Успение Богородицы». Над этим рядом (ярусом), вверху, по центру, была помещена икона «Коронование Богородично» и там же, с левого края, находилась икона «Распятие Христово». Насколько можно понять из текста контракта, общий фон иконостаса должен был быть светло-зеленого цвета, каждая икона на нем обводилась золотой рамкой «с тушеваньем на углах каждой раковин». Размеры иконостаса были следующими: ширина- 8 аршин (ок. 5,7 м), высота- 4 аршина (ок. 2,8 м). Им же, дьяконом, для церкви был изготовлен «большой деревяной процесной крест», за который ему в январе 1793 г. было заплачено 25 рублей. И ему же в феврале 1793 г., за роспись плащаницы, изготовленной из шелка (лицевая сторона) и китайки (подкладка), купленных у купца А.М. Захарина, было уплачено 20 рублей [1, 195/ 218/ 538; 91, 10-11 об./ 84 об.-85/ 88-89/ 94].

Летом 1789 г. священник Ф. Романов (Кошевский) обратился с прошением к исполнявшему обязанности обер-коменданта Линии коменданту крепости Петровской бригадиру Е.Е. Таубе. В «доношении» священник просил коменданта посодействовать передаче, для заводимой в крепости Александровской воинской церкви церковных вещей из церквей крепостей Никитинской и Кирилловской. Речь шла о церковном облачении, церковной утвари и церковных книгах, которые,

в свое время, были безвозмездно переданы церквям этих крепостей из церкви Покровской. Священник Ф. Романов (Кошевский) считал, что вправе претендовать на эти вещи из-за того, что отданы они были в эти церкви бесплатно, были стары и по его мнению, ныне этим церквям «по излишеству и не нужны». Однако священники указанных церквей ответили, что эти вещи законно принадлежат их церквям и поэтому они отказались отдавать их священнику Ф. Романову (Кошевскому) [1, 191-194].

Весной 1790 г. учреждавшаяся церковь получила от архиепископа Амвросия, пребывавшего в то время в Яссах, холщовый, подвижный антиминс. Его доставил из Ясс церкви Николаевской, Новомосковского уезда священник Антоний Пироговский, который вероятно был в Яссах у архиепископа на собственной хиротонии. 8 апреля 1790 г. Павлоградское духовное правление своим указом, полученным в крепости Александровской 24 апреля 1790 г., «дозволила» проводить на этом антиминсе «священнослужения» (8 февраля 1799 г. вместо обветшавшего старого, из архиерейской ризницы был выдан новый антиминс). Воинская церковь Александро-Невская начала действовать с 27 апреля 1790 г. Однако приход новой церкви был сформирован уже в 1789 г., т.к. именно с этого года стали вестись метрические книги этой церкви (историк В.М. Стойчев и краевед Игорь Сергеевич Павелко в изобилующей большим количеством ошибок брошюре, изданной в 2018 г., утверждают, что эта церковь стала действовать с 1794 г.) [90, 38/ 41; 91, 14/ 66/ 127].

К своему открытию в 1790 г. воинская церковь Александро-Невская, располагавшаяся, как и было задумано, «в нежелом казенном каменном покрытом железом доме», то есть в здании бывшей аптеки, была «утварью, сосудами и ризницею достаточная». «Земли пашенной и сенокосной особо отведенной» при этой церкви не было. Сено священнослужители, по надобности, доставали «в помещичьих дачах за деньги». Священник и церковники этой церкви находились на казенном жалованье. Годовое казенное жалованье (руга) священника составляло 100 рублей [1, 204-206]. До 1793 г. при церкви не было официально рукоположенных: дьякона, дьячка и пономаря. Должности дьячка и пономаря временно исполняли светские люди, получая за это жалованье и провиант. Церковнику полагалось в год 20 рублей жалованья и дополнительно, на провиант «салдатского оклада, ежегодно» (например в 1793 г. на провиант выдавалось ежегодно: «муки аржаной по три четверти осьми четвериковых, да круп грешневых по восемнадцати гарцов» [1, 224-226]) [1, 215-217]. «Особливым указом» от 28 июня 1794 г. оклады (руга) священнослужителям церкви Александро-Невской были повышены: священнику на 20 рублей, а церковникам на 1 рубль [1, 249]. При этом в документах фиксируется, что с 1797 г. из полного оклада священника и церковников вычитались «на госпиталь и медикаменты с рубля по две с половиною копейки в год» [1, 246-248]. До 1795 г. просфоры для церкви пекла из собственной муки, вдова протопопша А.Я. Кошевская. С 1795 г. этим делом стали заниматься штатный; указный дьячок **Пантелеймон Федорович Чернявский** (р. 1766/67) и его жена Ирина Тимофеевна Чернявская, жена дьякона **Федора Матвеевича Пивоварова** (р. 1770). А во время воинского похода и пребывания воинской церкви Александро-Невской в 1799 г. со своим полком в Тирасполе, просфоры пекла также и местная вдова дьяконица Мария Лопушанская. В 1800 г. просфоры пекла церкви Покровской священника С.Р. Кошевского жена А.Т. Кошевская. В 1804 г. просфоры выпекала супруга стихарного дьячка; священника (с 1804 г.) П.Ф. Чернявского-И.Т. Чернявская. В 1804-1808 гг. печением просфор занималась дочь священника Ф. Романова (Кошевского)- Сосанна [91, 83/ 84/ 98/ 122 об.-123/ 127 об.-128/ 131/ 154/ 155/ 156/ 157 об.].

После того как в крепости Александровской (2-й) появилась воинская церковь, священникам и церковникам церкви Покровской перестала выплачиваться казенная зарплата (руга), и они стали существовать за счет «бываемаго за исправление христианских треб добротного подаяния» [1, 197-198].

Таким образом, в 1790 г. на Линии находилось и действовало пять церквей: в посаде Александровском- церковь Покровская (священник С.Р. Кошевский), в крепости Александровской-воинская, походная церковь Александро-Невская (священник Ф. Романов (Кошевский)), в крепости Никитинской- походная церковь Богословская (священник С.М. Малинский), в крепости Кирилловской-походная церковь Матфеевская (священник **Иоанн Сергеевич Слоновский**) и в крепости Петровской-походная церковь Георгиевская (священник **Аверкий Красовский** (1742-1792)).

В 1790 г. в посаде Александровском, в приходе церкви Покровской состояло: «приказных»- 11, «купцов и мещан»- 495, «цеховых»- 184, «владельческих поселян»- 42 «и всех означенных чинов дворовых служителей»- 90. В том же году в крепости Александровской, в приходе церкви Александро-Невской состояло: «военных»- 641 «и всех их дворовых служителей»- 35. В крепости Никитинской в 1790 г., в приходе церкви Богословской состояло: военнослужащих- «мужеска 100 женска 31», «поселян мужеска 204 женска 156», «владельческих поселян мужеска 31 женска 32», «работников малоросиян мужеска 4 женска 3», «крестьян мужеска 11 женска 8» [1, 203-207]. В 1791 г. в крепости Александровской, в приходе церкви Александро-Невской состояло: «военных»- 596 «и всех их дворовых

служителей»- 42. В крепости Никитинской в 1791 г., в приходе церкви Богословской количество прихожан осталось тоже, что и в 1790 г. [1, 209-211]. В 1792 г. в посаде Александровском, в приходе церкви Покровской состояло: «военных»- 473, «приказных»- 6, «купцов»- 85, «поселян»- 158 «и всех означенных чинов дворовых служителей»- 74. В том же году в крепости Александровской, в приходе церкви Александро-Невской состояло: «военных»- 560 «и всех их дворовых служителей»- 46. В крепости Никитинской в 1792 г., в приходе церкви Богословской состояло: военнотружущих- «мужеска 82 женска 33», «казенных поселян мужеска 144 женска 122», «владельческих поселян мужеска 25 женска 21», «работников в малоросиян мужеска 4 женска 2», «крестьян мужеска 7 женска 8» [1, 214-218].

В 1792 г. Екатеринославское наместническое правление прислало указ коменданту крепости Александровской (в указе ошибочно указана крепость Захарьевская), в котором ему доводилось, что правитель Екатеринославского наместничества генерал-майор Василий Васильевич Каховский (1738-1794), в связи с обращением к нему архиепископа Амвросия в 1790 г. по поводу того, что священники в крепостях и в селах, первые, комендантами и батальонными командирами, вторые, помещиками, не допускаются к распоряжению церковными деньгами, распорядился, чтобы коменданты и помещики ни в какие церковные дела не вмешивались. Что и было 1 мая 1792 г. доведено Губернским правлением до Нижних земских судов, комендантов и Управ благочиния. В свою очередь, 15 мая 1792 г. комендант крепости Александровской полковник М.М. Караватка, письменным доношением, ознакомил священника Ф. Романова (Кошевского) с положениями этого указа и предоставил ему его точную копию [91, 111-113 об.].

В 1792 г. в крепости Петровской скончался походной церкви Георгиевской священник А. Красовский, служивший в ней с 1784 (?) г. На этот год (1792 г.) в приходе этой церкви состояло 34 двора, а в них прихожан мужчин- 325, женщин- 149. 24 апреля 1793 г. к походной церкви Георгиевской был рукоположен в сан священника чиновник Екатеринославской духовной Консистории **Михаил Андреевич Мельницкий** (р. 1763) [65, 314-315]. Священник М.А. Мельницкий был женат на Елене Яковлевне Мельницкой (р. 1772). На 1801 г. в семье Мельницких было трое детей: дочери: Ирина (р. 1791) и Анна (р. 1793), и сын Георгий (р. 1799) и [1, 464].

В 1793 г. в крепости Александровской, в приходе церкви Александро-Невской состояло: «военных»- 561, «а их дворовых служителей»- 43. В 1794 г. в крепости Александровской, в приходе церкви Александро-Невской состояло: «военных»- 528, «а их дворовых служителей»- 28. В 1795 г. в крепости Александровской, в приходе церкви Александро-Невской состояло: «военных»- 521 «и всех их дворовых служителей»- 26. В крепости Никитинской в 1795 г., в приходе церкви Богословской состояло: военнотружущих- «мужеска и женска 98», «казенных поселян мужеска и женска 303», «подданных малоросиян мужеска и женска 40», «работников мужеска и женска 22», «крестьян мужеска и женска 15», «малоросиян живущих по пошпортам мужеска и женска 7» [1, 224-226/ 229-230/ 231-234].

В 1796 г. на правом берегу Днепра, у местечка Кичкас была заложена Екатеринославская днепровская верфь, предназначавшаяся для строительства транспортных судов, которая находилась в ведении Черноморского Адмиралтейства (верфь эта просуществовала до 1797 г.). В связи с чем, 31 августа 1796 г. комендантом крепости Александровской полковником И.С. Аврамовым было поручено священнику Ф. Романову (Кошевскому) отправление церковных треб для находившихся при верфи: военных моряков, адмиралтейских рабочих и военнотружущих Черноморского гренадерского корпуса назначенных для несения караульной службы [1, 236-237].

В 1796 г. в посаде Александровском, в приходе церкви Покровской состояло: «военных»- 206, «приказных»- 5, «купцов»- 207, «поселян»- 395 «и всех означенных чинов дворовых служителей»- 106. В 1796 г. в крепости Александровской, в приходе церкви Александро-Невской состояло: «военных»- 541 «и всех их дворовых служителей»- 34 [1, 238-242].

Согласно пункту 12 «Инструкции полевому обер-священнику» от 28 августа 1797 г. полковые священники могли венчать только военнотружущих своего полка. При этом требовалось письменное разрешение на брак полкового командира, который по полковым спискам должен был выяснить- не имеет ли вступающий в брак каких-либо препятствий к этому. Полковой священник должен был также о всех браках в полку и об умерших женатых солдатах у которых остались вдовы, сообщать в епархиальную Консисторию той епархии на территории которой находился полк. Также в Синод нужно было отправлять сведения об умерших солдатах с указанием уезда и селения их призыва [28, 701].

Осенью 1797 г. Днепровская линия как единый военно-оборонительный комплекс была упразднена. Были ликвидированы и некоторые ее крепости. Так 17 ноября 1797 г. высочайшим приказом крепости Никитинской гарнизонный полк генерал-майора П.И. Гоголева был переведен в крепость Александровскую, а крепости Кирилловской гарнизонный полк генерал-майора А.Я. Обернибесова был назначен к переводу в крепость Петровскую. При этом полк, переведенный из

крепости Никитинской, стал состоять в приходе церкви Александро-Невской, а полк переведенный из крепости Кирилловской в крепость Петровскую стал, вероятно, состоять в приходе походной церкви Георгиевской. Позже, в феврале 1798 г. полки генерал-майоров П.И. Гоголева и А.Я. Обернибесова были переведены в Крым. На 1798 г. в крепости Петровской деревянное здание церкви находилось в центре крепостного двора [4, 481; 41, NN 125, 126, 129, 130; 42, 54/ 57-58].

В 1797 г. в посаде Александровском, в приходе церкви Покровской состояло: «военных»- 115, «приказных»- 3, «купцов и мещан»- 110, «поселян»- 311, «и всех означенных чинов дворовых служителей»- 69. В 1797 г. в крепости Александровской, в приходе церкви Александро-Невской состояло: «военных»- 1100, «да в Екатеринославской днепровской верфи морских служителей»- 369, «и всех их дворовых служителей»- 44 [1, 244-248].

21 декабря 1797 г. Екатеринославская и Херсонеса Таврического епархия перестает существовать, а вместо нее, с административным центром в г. Новомиргороде, создается Новороссийская и Днепровская епархия, просуществовавшая до 1803 г. (4 декабря 1803 г. была создана Екатеринославская, Херсонская и Таврическая епархия, действовавшая до 1837 г.). Произошли некоторые изменения административно-территориального порядка и для Павлоградского и Мариупольского духовных правлений. 13 августа 1798 г. административный центр Павлоградского духовного правления переместился в г. Павлоград, а старое Мариупольское духовное правление было переименовано в Ростовское духовное правление. Вместо него было учреждено новое Мариупольское духовное правление с центром в г. Токмаке [1, 251-252]. Впоследствии, в 1799 г. из г. Токмака оно было переведено в г. Орехов.

После того как крепость Никитинская была в 1797 г. упразднена, священник С.М. Малинский и его сын дьячок А.С. Малинский находились с воинской походной церковью Богословской при своем гарнизонном полку. В мае 1798 г., уже в Балаклаве, куда был переведен полк генерал-майора П.И. Гоголева, священник и его сын дьячок были уволены. 30 июня 1798 г. по резолюции митрополита Гавриила (Григорий Григорьевич Банулеско-Бодони, 1746-1821), священник С.М. Малинский и его сын дьячок А.С. Малинский были определены в посад Александровский к церкви Покровской. С.М. Малинский стал вторым приходским священником, а его сын- дьячком. 25 марта 1812 г. 79- летний священник С.М. Малинский скончался от «водянки» в г. Александровске [1, 248-249/ 260-262/ 271-273; 94, 321].

5 января 1798 г. были высочайше утверждены штаты гарнизонным полкам. Однако о воинских «церквах священниках и церковниках» в штатах не было «ничего не объяснено». В связи с чем комендант крепости Александровской генерал-майор И.С. Аврамов 7 апреля 1798 г. обратился в Военную коллегию за разъяснением. 2 июня 1798 г. уже новый комендант крепости Александровской полковник И.П. Вырубов 2-й получил по этому поводу решение, состоявшееся в Военной коллегии 26 мая 1798 г., а до того вынесенное высочайшим повелением от 22 мая 1798 г., согласно которому служители воинской, походной, полковой церкви Александро-Невской: священник Ф. Романов (Кошевский) (протоиерей с 3 февраля 1799 г.), дьякон Ф.М. Пивоваров и дьячок **Даниил Кириллович Збуривский** (р. 1774/75) были при крепости и церкви «оставлены по-прежнему». Позднее, 14 июня 1798 г. подобное решение вынес и Святейший Синод [1, 86-87/ 96-97/ 249; 91, 138-139].

В 1798 г. в крепости Александровской, в приходе церкви Александро-Невской состояло: «духовных»- 3 м.п. и 6 ж.п., «военных»- 1034 м.п. и 325 ж.п., «дворовых служителей»- 18 м.п. и 26 ж.п. [1, 463].

13 мая 1798 г. указом Синода были подтверждены синодский же указ от 29 июля 1783 г. и пункт 12 «Инструкции полевому обер-священнику» от 1797 г. о запрещении приходским и полковым священникам венчать полковых военнослужащих без ведома их полковых командиров [45, 246-247].

Во время Русско-французской войны (1798-1800), с 6 марта 1799 г. по 16 апреля 1800 г., походная, полковая церковь Александро-Невская и ее священнослужители были со своим полком в военном походе к турецкой границе. Походная воинская церковь перевозилась при этом в «церковной фуре». Прибыв в г. Тирасполь полк был сначала расквартирован «по обывательским квартирам», а потом, с 10 мая 1799 г. по 25 февраля 1800 г., полк находился в крепости Тираспольской. Полковая церковь при этом была, на это время, поставлена «в казенном нежилом покое», где с 15 мая 1799 г. было начато священнослужение. В этой кампании участвовал и гарнизонный полк крепости Петровской. Вероятно, что и походная, полковая церковь Георгиевская с причтом была в походе со своим полком. Оба полка входили в корпус генерал-лейтенанта, барона А.О. фон Шица, который состоял, в свою очередь, в армии генерала от инфантерии, графа И.В. Гудовича. Очевидно, что прямым начальником протоиерея Ф. Романова (Кошевского) и священника М.А. Мельницкого в то время был полевой обер-священник протоиерей Василий Игнатович, определенный в 1799 г., на время военной кампании, в армию генерала от инфантерии, графа И.В. Гудовича [59, 31]. 16 апреля 1800 г.

гарнизонный полк крепости Александровской и церковь в церковном обозе, возвратились на свое постоянное место дислокации в крепость Александровскую (путь полка шел от Тирасполя через города Балту, Ольвиополь, Елисаветград, Новороссийск) [1, 259-260/ 266-267; 91, 130/ 167 об.].

В 1799 г. в посаде Александровском, в приходе церкви Покровской состояло: «приказных»- 4, «купцов и мещан»- 264, «поселян»- 366 «и всех означенных чинов дворовых служителей»- 120. В 1800 г. в том же приходе состояло: «военных»- 14, «приказных»- 3, «купцов и мещан»- 273, «поселян»- 507 «и всех означенных чинов дворовых служителей»- 111 [1, 260-262/ 271-273].

Высочайшими приказами, отданными при пароле, от 4, 5 и 7 марта 1800 г. гарнизонные полки крепости Александровской генерал-майора И.П. Вырубова 2-го и крепости Петровской полковника А.С. Гинкуля были упразднены. Личный состав этих полков, годный к службе, был расформирован по другим полкам. В каждой из этих крепостей остались на службе: инвалидная рота, артиллерийская гарнизонная команда и воинский лазарет. Воинская же, походная церковь Александро-Невская и при ней: протопоп Ф. Романов (Кошевский), дьячок П.Ф. Чернявский и пономарь **Стефан Гаврилович Златьковский** (р. 1782) остались в крепости Александровской «никуда не причисленными» (очевидно, что та же судьба постигла и причт воинской, походной церкви Георгиевской крепости Петровской). После череды ходатайств к представителям высшей военной и духовной власти как самого протопопа Ф. Романова (Кошевского), так и бывшего шефа гарнизонного полка крепости Александровской генерал-лейтенанта И.П. Вырубова 2-го, и командира инвалидной роты майора Т.П. Юмашева, дальнейшая судьба воинской церкви Александро-Невской и ее причта была, наконец, разрешена. Указом Военной коллегии от 31 октября 1800 г. командир инвалидной роты майор Т.П. Юмашев был уведомлен, что воинскую церковь Александро-Невскую и ее причт, с прежним его жалованьем, решено оставить на старом месте в крепости Александровской, при Александровской инвалидной роте, которая теперь числилась по инфантерии Крымской инспекции [1, 94-97]. В ведении воинской церкви остались также Александровская артиллерийская гарнизонная команда, числившаяся по артиллерии, вероятно, сначала по Херсонской инспекции, а потом по Киевской инспекции, возглавляемая артиллерии поручиком И.Ф. Замотаевым и воинский лазарет.

С 15 марта 1801 г. воинским священникам прослужившим в армии более 20 лет, престарелым, немощным, больным и нуждающимся, стала начисляться пенсия в размере 100 рублей в год (пенсии также удаивались воинские священники не выслужившие полные 20 лет, но многодетные). Вдовам воинских священников, супруги которых умерли не ранее 1797 г., выплачивалось ежегодное пособие: с детьми- 100 рублей, бездетным- 50 рублей [56, 589-590].

Александровскую инвалидную роту майор Т.П. Юмашев возглавлял до 1801 г. С 1801 по 1803 гг. ею руководил полковник Б.И. Банк, а с 1804 по 1806 гг. полковник Николай Николаевич Ларуй (1744-12.04.1806). Со смерти в 1806 г. командира Александровской инвалидной роты полковника Н.Н. Ларуя и до 1811 г. ею руководил снова майор Т.П. Юмашев. Инвалидная рота просуществовала в крепости до 1811 г. 27 марта 1811 г., согласно указу императора Александра I Военному министру, она, в числе других подобных воинских подразделений, была реорганизована в Инвалидную команду. Военным инвалидам в городе отводилось определенное место для поселения, при этом из казны, на заведение им домов, выдавалось одновременно по 50 рублей на человека. По указу, неспособные к службе инвалиды должны были получать, сверх жалованья, обмундирование и провиант. Служащие инвалиды обязаны были «отправлять всю внутреннюю гражданскую службу в уезде» [95, 593-597]. В 1812-1815 гг. уже Александровскую инвалидную команду возглавлял капитан Густав Адамович фон Шварц (супруга Надежда Андреевна фон Шварц (1787-17.02.1815)), а в 1818-1822 гг. командиром Инвалидной команды был поручик Денис Яковлевич Луканин (был женат на Прасковье Ивановне Луканиной (1795-24.12.1818)).

Как указывалось выше, в 1803 г. в г. Александровске был устроен аукцион по продаже, находившегося в бывшей крепости Александровской «ветхаго и ненужнаго казеннаго строения» (еще в 1800 г. Артиллерийской экспедицией Военной коллегии было решено здания, принадлежавшие воинскому гарнизону крепости Александровской, не состоявшей уже тогда в штате крепостей Империи, продать, оставя при этом казарму для артиллерийских служителей). В ходе торгов несколько домов приобрел Мариупольского (впоследствии Мелитопольского) уезда помещик, дворянин, губернский секретарь Е.П. Гранобарский. В их числе оказался и «каменной», двухэтажный, крытый железом дом бывшей аптеки, в котором располагалась воинская церковь Александро-Невская. 29 апреля 1803 г. Е.П. Гранобарский составил на имя протопопа Ф.Р. Романова (Кошевского) «уступочное письмо», согласно которому он, в память о своей покойной жене Анастасии, передал этот дом, «без всякой от кого-либо за оной дом заплаты», воинской церкви. Однако он, как владелец здания, поставил одно условие, по которому это строение должно было принадлежать церкви до тех пор, пока она будет действовать и находиться в нем. В случае упразднения церкви, или ее перевода на

новое место, дом должен был остаться за его владельцем, или за его наследниками. Документ этот был заверен 30 апреля 1803 г. в Мариупольском нижнем земском суде [91, 142-143]. Однако, почему-то протоиерей Ф.Р. Романов (Кошевский) во всех церковных «ведомостях» после 1803 г. утверждал, что этот дом он выкупил у Е.П. Гранобарского, заплатив ему за него «с излишком деньги» [51, 36 об./ 40 об./ 44 об.].

Летом 1805 г. Александровская артиллерийская гарнизонная команда, руководимая артиллерии поручиком И.Ф. Замотаевым, была упразднена и выведена из крепости на новое место дислокации в г. Херсон [43, 131 об.; 51, 199 об.-200].

24 февраля 1822 г. протоиерей Ф.Р. Романов (Кошевский) «скоропостижно» скончался, смерть его наступила от некоей «водяной брюшной» болезни (похороны состоялись 26 февраля 1822 г.). Дата его смерти и похорон зарегистрированы в метрических книгах воинской церкви Александро-Невской крепости Александровской и соборной церкви Покровской г. Александровска. В феврале 1822 г. священнослужителями при церкви Покровской были: первоприсутствовавший в Александровском духовном правлении, настоятель храма протоиерей Ф. Корбала (протоиерей был женат на Ирине Семеновне Корбала (1768/73-01.07.1841)), протоиерей Рафаил Иванович Варашков (Ворошков) (р. 1790) и священник Иоанн Колтуновский (Колтоновский), которые вероятно и проводили покойного в последний путь [96, 20; 97, 174 об.]. Вдова протоиерея, Х.М. Романова (Кошевская) с 1822 г. служила просфорней при той же церкви. Жалованье ее составляло 50 руб. в год и такую же сумму (пособие) она получала от попечительства. Она пережила своего мужа на девять лет и преставилась 22 января 1831 г. Умерла Х.М. Романова (Кошевская), как было отмечено в метрике, «натурально» и была похоронена на «общем кладбище» [10, 54; 98, 10 об.].

Воинская церковь Александро-Невская перестала существовать в 1822 г. Можно сказать, что год смерти протоиерея Ф.Р. Романова (Кошевского), стал и ее последним годом. После кончины протоиерея, воинская церковь Александро-Невская еще действовала до конца 1822 г., пока ее судьба не была решена окончательно. В это время службу в ней отправляли, попеременно, священники соборной церкви Покровской г. Александровска и священники церкви Николаевской села Жеребец (протоиереи: Ф. Корбала и Р.И. Варашков (Ворошков), священники: Т.А. Мочульский, И. Колтуновский (Колтоновский), Павел Цегельников, Феодор Мальцов и Иоанн Волков). Со следующего 1823 г. эта церковь в метрических книгах перестает упоминаться, хотя церковные приходно-расходные книги в 1823 и 1824 гг. еще велись по церкви Александро-Невской. С 1823 по 1827 гг. в метриках начинает фиксироваться церковный приход при строящейся в с. Вознесенке (Вознесенской), уезда Александровского, церкви Вознесения Господня (Вознесенской) (заложена 30 июня 1823 г.).

Вероятно, что причт новой церкви располагался, пока ее строительство не было завершено в 1827 г. (освящена 20 ноября 1827 г.), в здании бывшей воинской церкви Александро-Невской. В 1823-начале 1824 гг. причт церкви Вознесенской был без официально назначенного священника и состоял из дьякона Петра Кондратьевича Билинского, указного пономаря Евграфа Марковича Махатовского и церковного старосты Тимофея Гайдука. В 1823-1824 гг., до назначения в церковь Вознесенскую постоянного священника, в ней попеременно службу вели священники из ближайших населенных мест (протоиерей Ф. Корбала, священники: Иоанн Петрович Донцов, П. Цегельников, Павел Чернявский). С весны 1824 г. причт новой церкви возглавил священник Лев Федорович Станиславский (1797-16.12.1852) (впоследствии, с 1838 г. и до самой своей смерти, Л.Ф. Станиславский служил священником в соборной церкви Покровской г. Александровска). Священник был женат на Паволе Романовне Станиславской (1796/1808-21.02.1853). Дети: Мария (р. 1824), Василий (р. 1826), Анастасия (р. 1828), Георгий (р. 1830), Евдокия (р. 1832), Татьяна (р. 1834), Симон (р. 09.05.1839), Анисия (р. 05.01.1841), Дмитрий (р. 11.02.1843), Ефросиния (22.09.1845-25.07.1846), Алексей (р. 17.03.1849).

В церковь Вознесенскую из бывшей воинской церкви были перенесены: иконостас, библиотека и церковный архив [99, 12].

Но на этом история бывшей воинской церкви Александро-Невской не закончилась. После того как она перестала существовать, владелец здания, в котором располагалась эта церковь, титулярный советник Е.П. Гранобарский пожертвовал эту постройку на слом в пользу жителей г. Александровска. С тем, чтобы материалы разобранного здания пошли на сооружение колокольни при соборной церкви Покровской г. Александровска. Однако в августе 1828 г. восемнадцать жителей с. Вознесенское, видимо посчитав, что делают благое дело и вероятно зная о смерти Е.П. Гранобарского, разграбили это здание, поснимав с него: двери, окна, железо, доски и прочее. Все это было перенесено в с. Вознесенское для нужд вновь построенной церкви Вознесенской. По факту учиненного вознесенцами грабежа было заведено уголовное дело [10, 54].

Воинская, походная церковь Георгиевская, после упразднения крепости Петровской, вероятно просуществовала недолго. В 1803 г. священник церкви Георгиевской М.А. Мельницкий, по его просьбе,

был переведен в г. Мариуполь к церкви Марии Магдалины. В прошении о переводе, объясняя свое намерение, священник М.А. Мельницкий отметил, что причт церкви не получает жалованье уже со второй половины 1799 г. и что положение его ненадежно, так как военнотружачие, которые остались при крепости Петровской, «по времени выдут на свои места, поелику и Артиллерийская команда назначена в Ростовскую крепость» [1, 273].

Осужденные преступники на Линии

В XVIII веке Россия находилась в ряду тех государств Европы (Великобритания, Франция, и др.), которые для наказания преступников применяли каторжные работы.

30 ноября 1773 г., согласно Указу Сената, для работ на Днепровской линии было решено привлекать осужденных на каторгу из Смоленской, Белгородской и Украинско-Слободской губерний. Ранее колодники из этих губерний ссылались в каторжную работу в Оренбург и Сибирь. При этом Указ предписывал, чтобы на Днепровской линии находилось одновременно не более 1000 человек осужденных [1, 55]. На Линию отправлялись также каторжники и сосланные на поселение из губерний: Новороссийской, Азовской, Астраханской, Киевской и Малороссии.

Осужденные на каторгу, в казенную работу и на поселение стали прибывать на Днепровскую линию с 1774 г. Первые каторжники (колодники) и ссыльно-поселенцы появились в крепости Александровской в начале 1774 г. В крепости Петровской первые каторжники (колодники) появились во второй половине 1775 г. 31 марта 1775 г. Указом Сената действие Указа от 30 ноября 1773 г. было прекращено. Новым Указом было предписано «колодников», из указанных в старом Указе губерний, как и прежде, ссылать в Сибирь и Оренбург. Ранее же сосланных, по Указу 1773 г., преступников было решено, по-прежнему, «содержать в нынешних их местах» [4, 67].

К 1779 г. из должностующих находится на строительстве Днепровской линии 1000 человек ссыльно-каторжных на Линии осталось менее двухсот. Начальство Линии забило тревогу, т.к. фортификационные работы на Линии почти полностью остановились из-за недостачи рабочих рук [4, 204-205]. Рассмотрев рапорт Главного командира Днепровской линии генерал-аншефа, князя Г.А. Потемкина, Сенат 31 мая 1780 г. вынес постановление всем присутственным местам Империи, которые ранее посылали своих колодников на каторгу в г. Оренбург, отправлять их теперь на Днепровскую линию [1, 66].

В 1783 г. строительные работы на Линии были прекращены. Каторжники, находившиеся на Днепровской линии, стали партиями отправляться на строительство в Херсон. Колодники же, которые ранее ссылались на Линию, теперь перенаправлялись на строительство Херсона. Так Смоленское наместническое правление получило 27 февраля 1785 г. указ из Сената об отправлении колодников в работу не на Днепровскую линию, как прежде, а в Херсон. Ранее подобный указ получило и Орловское наместническое правление [1, 72].

Отправлявшиеся на Линию преступники были как гражданского, так и военного звания. Самыми распространенными преступлениями, которые наказывались каторжными работами, были: убийство, грабеж и неоднократное воровство. Наказывались каторжными работами также: родственное кровосмешение (инцест), шпионство в пользу другого государства, побеги из воинской службы и мест отбывания наказания, фальшивомонетничество и пр. Перед тем как отправить преступника на каторгу, его, как правило, подвергали наказанию кнутом или плетью, вырезали ноздри «до кости» и клеймили лоб, щеки, иногда руку (женщины, в описываемое время, клеймению и вырезанию ноздрей не подвергались). Как правило, на лоб и щеки преступника специальными штемпелями с иглами наносились литеры: «В», «О», «Р», или, например, на правую руку литера: «У» (убийца). После чего в поврежденную кожу втирался порох.

Так в 1775 г. Елисаветградской провинциальной канцелярией Новороссийской губернии был составлен список на 47 преступников, которые были двумя партиями (в 24 и 23 человека) отправлены в каторжную работу на Днепровскую линию. Из них 21 человек был осужден за «смертное убийство». Многие из списка были обвинены в грабежах, разбоях и воровстве. Малороссиянин Степан Шпак, из списка, был обвинен «в блудном кровосмешении з дочерью ево», а молдаванин Григораш Мунтян «в хождении от неприятеля шпионом», гусар Тодор Новак был осужден «за побег ис службы». К подавляющему большинству из 47 преступников были применены вышеуказанные способы наказания. Только беглого гусара наказали не кнутом, а шпицрутенами [4, 70-72].

Арестанты, мужчины и женщины, прибывали на Линию в сопровождении конвоя, как по одному человеку, так и партиями от нескольких человек до нескольких сот человек, как пешком, так и гужевым транспортом. Так в сентябре 1775 г. в крепость Александровскую прибыла партия колодников из 403 человек, осужденных за участие на стороне «изменника и самозванца Пугачева» в восстании 1773-

1775 г. [4, 265-278]. А, к примеру, летом 1776 г. в крепость Александровскую на 4 подводках были доставлены 8 «колодников». Подводки были наняты «под своз оных колодников рухляди (имущества.- А.М.) и на случай в пути болезни». В пути указанных колодников сопровождал Киевского батальона прапорщик Летагин, которому за прогоны было выдано 17 рублей 46 копеек [4, 278-298].

В крепостях Александровской и Петровской каторжные содержались в «остроге». В крепости Александровской острог и при нем «карауля» находились в бастионе святого апостола Луки. Этот острог представлял собой огороженную забором казарму [1, 525]. В крепости Петровской осужденные содержались, вероятно, в Александровской цитадели, в каменном здании «секверста» [1, 531]. В крепости Кирилловской преступники, вероятно, также содержались в помещении «секверста» [1, 528]. В начале 1780-х гг. (вероятно и ранее) охрана каторжных в крепостях Александровской, Кирилловской и Петровской и их сопровождение на этапах осуществлялись казаками малороссийских полков [4, 246-247]. Случались на Линии и побеги каторжных. Так, в провиантской ведомости фиксируется, что в сентябре 1776 г. «пойманному из бегов» каторжнику был выдан на питание провиант [4, 265-278]. Уже находясь на Линии, каторжные могли быть направлены на строительство и других объектов Азовской губернии. Так, в рапорте от 23 апреля 1776 г. губернатор, генерал-майор В.А. Чертков предлагал генерал-аншефу, князю Г.А. Потемкину направить на строительство «губернского города Екатеринослава на речке Килчене» 200 человек «колодников» из крепости Александровской [4, 80-81].

При каторжных и поселенцах в крепостях были определены смотрители. В период с 1774 по 1778 гг. в крепостях Линии были следующие смотрители. В крепости Александровской смотрителями при «каторжных и поселенных» были: в 1774-1775 гг.- исполняющий обязанности, сержант **Николай Чудинцев** (р. 1749), в 1775-1776 гг.- прапорщик **Иванов**, в 1776-1778 гг.- прапорщик **Кузьма Яковлевич Кученев** (р. 1736). С 1777 г. в крепости Александровской надзор за каторжными и поселенцами стали осуществлять уже два человека. Один был смотрителем при каторжных, другой при поселенцах. Причем поселенцы находились в ведомстве Земского комиссариата Павловской провинции. Смотрителями при поселенцах были: в 1777 г.- поручик **Иван Путищев** (р. 1722/27), в 1777-1778 гг.- временно, сержант **Никита Леонтьевич Давыдов** (р. 1749/50/51) и в 1778-1779 гг.- вновь поручик **И. Путищев**. В крепости Петровской, в те же годы, смотрителями при «колодниках» были: в 1775-1777 гг.- поручик **Василий Дерюгин** (р. 1747) и в 1777-1778 гг.- секунд-майор, князь **Иван Чефаридзев** (1730-1793) [4, 265-278/ 278-298].

Помимо прочего, смотрители были обязаны составлять ежемесячные именные списки заключенных. Смотрители при каторжных и поселенцах получали на осужденных «кормовые» деньги, деньги «на крупу» (деньги «на крупу»- от 0,07 копеек до 1 копейки, фиксируются в документах с конца 1775 г. по апрель 1777 г.- А.М.) и на соль. Выдача кормовых и соляных денег смотрителям производилась, как правило, ежемесячно. Кормовые деньги составляли: в крепости Александровской, до середины 1775 г., 1 копейка в день на человека, а после, как правило, 1,8-1,9 копеек в день на человека, а в крепости Петровской до сентября 1776 г. 1 копейка в день на человека, а далее, как правило, 2 копейки в день на человека. Деньги на соль составляли в крепости Александровской 0,06 копеек в день на человека. Продукты питания выдавались арестантам по обстоятельствам, как натурой, так и деньгами на них. В крепости Петровской в ноябре 1775 г. колоднику на месяц выдавалось 2 четверика муки и 1 гарнец крупы. С 1777 г. поселенцы, в отличие от каторжных, стали получать вместо кормовых «зарабочие» деньги, которые составляли 3 копейки в день на человека (в 1778 г. поселенцы стали получать по 1 копейке в день на человека). В документах фиксируется, что поселенцы получали свои «зарабочие» деньги, в том числе и состоя «у разводу лесов» [4, 265-278/ 278-298].

Для содержания осужденных за счет казны, покупались, на срок, верхняя одежда и обувь, предметы быта. К примеру, в мае 1774 г. «для варения каторжным каш» был приобретен казан, обошедшийся казне в 1 рубль 74 копейки. А, к примеру, в феврале 1778 г. на одежду и обувь для содержащихся «в остроге в крепостях Александровской и Петровской каторжным колодникам» было выделено 450 рублей 14 копеек. Заболевшие преступники не оставались без медицинской помощи. Так, например, в июне 1775 г. путивльскому купцу Маклакову было заплачено 3 рубля 10 копеек «за взятые у него на излечение болных каторжных разные припасы». А в августе 1776 г. поверенному человеку коронно-поверенного (откупщик питейных сборов.- А.М.) Василия Тимофеева (ск. 1785) было выдано 4 рубля 20 копеек «за купленные у него на лечение состоящих в крепости Александровской в остроге каторжных болных разные припасы». Из аптеки, находящейся в крепости Александровской, для лечения «каторжных колодников» состоящих при крепости Александровской было отпущено, по годам, «медикаментов, материалов и инструментов» на следующие суммы: в 1775 г.- 259 рублей 6 копеек, в 1776 г.- 214 рублей 48 копеек, в 1777 г.- 75 рублей 38 копеек и в 1778 г.- 298 рублей 29 копеек [4, 265-278/ 278-298].

Находившиеся на Линии «каторжные колодники», как и все прочие, могли законно создавать собственные семьи и заводить детей. Так в ноябре 1775 г. в крепости Александровской состоялось три бракосочетания каторжных. 18 ноября были повенчаны каторжник Савелий Трофимович Рудиченков и каторжная, вдова Наталья Сидяченкова, оба вторым браком; 19 ноября венчались каторжный Филипп Антонович Украинцов с каторжной, вдовой Ульяною Шестаковой, он первым, а она вторым браком и 20 ноября венчались каторжный Яков Степанович Жученков с каторжной, вдовой Татьяной Яковченковой, оба вторым браком [5, 20]. Однако содержание подрастающих детей было для каторжных тяжелым бременем. В связи с чем губернатор, генерал-майор В.А. Чертков 21 января 1777 г. обратился с рапортом к генерал-аншефу, князю Г.А. Потемкину, предложив детей каторжных содержать на положении малолетних солдатских детей, а по достижению семилетнего возраста определять их в гарнизонные школы при крепостях [4, 97].

Каторга для осужденных была как на срок, так и бессрочная. Например, в начале декабря 1775 г., отбыв срок, бывшие в заключении в крепости Александровской 155 человек, служившие до осуждения в нижних чинах в Первом фузелерном полку, были освобождены и отправлены «для определения по разным полкам». Или, например, в начале февраля 1776 г. преступник Артемий Чеканов, отбыв срок заключения в крепости Петровской, был отправлен служить в Азовский пехотный полк. Также преступник, по отбытии срока наказания, мог быть причислен «в число тамошних поселян» [4, 278-298].

Рабочих рук на строительстве Линии не хватало. И поэтому губернатор, генерал-майор В.А. Чертков в рапорте от 17 марта 1777 г. предложил генерал-аншефу, князю Г.А. Потемкину способ пополнения рядов строителей Линии, который заключался в том, чтобы преступникам вверенной ему Азовской губернии, взамен на облегчение или отмену вовсе телесного наказания, за не тяжкие преступления, вменить отбывание определенного срока (от нескольких месяцев до нескольких лет) в работе на Линии [4, 104].

Количеству каторжных на Днепровской линии велся постоянный учет. Коменданты крепостей Линии каждый месяц отсылали в Комиссию Днепровской линии «перечневые» ведомости о числе заключенных в их крепостях, Первоприсутствующий в Комиссии Днепровской линии, в свою очередь, отчитывался об этом уже перед Главным командиром Линии. Количество «каторжных колодников» и «поселенных» пребывавших на Линии не было величиной постоянной. На протяжении одного года количество осужденных в крепостях могло существенно, в силу разных причин (поступление новых осужденных, освобождение заключенных по отбытии срока наказания, смерть осужденных, побеги и т.д.), меняться.

Так, в мае 1774 г. в крепости Александровской было 23 «колодника» и 13 «поселенных», а в декабре того же года и тех и других осужденных насчитывалось уже 85 человек. В 1775 г. в крепости Александровской в январе «каторжных и поселенных» было 114 человек, в июне 143 человека, а в ноябре 550 человек. А в крепости Петровской, в том же 1775 г., в октябре «каторжных колодников» было 150 человек, а в конце декабря уже 81 человек. В 1776 г. в крепости Александровской «каторжных и поселенных» в январе было 292 человека, а в декабре 150 человек; в крепости Петровской в январе того же года был 81 «колодник», а в декабре уже 11 человек. В 1777 г. в крепости Александровской в апреле было 143 «каторжных» и 16 «поселенных», а в декабре соответственно: 140 и 13 человек; в крепости Петровской в том же году в июле «колодников» было 18 человек, а в декабре их же 13 человек. В 1778 г. в крепости Александровской в январе было 139 «каторжных» и 12 «поселенных», а в декабре «каторжных» 134, а «поселенных» 14. В крепости Петровской в 1778 г. в январе было 24 человека «колодников», а в декабре уже 58 человек осужденных на каторгу [4, 265-278/ 278-298]. В сентябре 1779 г. в крепости Александровской числились 155, а в крепости Петровской 63 «каторжных» [4, 209]. В июле 1780 г. в крепости Александровской находились 171, а в крепости Петровской 54 «каторжных» [4, 214]. В феврале 1781 г. в крепости Александровской было 279, в крепости Петровской 43, а в крепости Кирилловской 33 «каторжных» [4, 224]. В январе 1782 г. отбывали наказание: в крепости Александровской 273, в крепости Петровской 268 и в крепости Кирилловской 250 человек «каторжных» [4, 235]. Весной 1783 г. в крепости Александровской еще значились 75 человек «каторжных» [1, 304-306].

Фортификационные сооружения Днепровской линии

После того как генерал-поручик М.А. Деденев в 1771 г. сдал должность Главного командира Днепровской линии генерал-майору В.А. Черткову, задача по возведению этого фортификационного объекта полностью легла на плечи последнего. Генерал-майор, помимо прочих документов, получил от генерал-поручика общую карту Днепровской линии, на которой было изображено местоположение крепостей Линии и укрепления (линии в Линии) между истоками рек Конских Вод и Берды, а также

«планы и профили» фланговых крепостей Александровской (2-й) и Петровской, и один «план для двуротных крепостей».

В 1770-1772 гг., шести крепостям Линии, кроме седьмой Кирилловской, уже было положено начало и они находились на той или иной стадии строительства. Фланговые, батальонные крепости Александровская (1-я) и Петровская начали возводиться летом 1770 г. при генерал-поручике М.А. Деденева. Весной 1771 г. строительство крепости Александровской (1-й) на правом берегу реки Мокрой Московки, из-за неудачно выбранного местоположения, было остановлено. Главной причиной для этого послужило то, что плавневая зона лежавшая между крепостью и Днепром препятствовала весной и осенью подвозить от Днепра приходящие по нему грузы нужные для строительства. Вместо нее генерал-поручик М.А. Деденев заложил новую крепость с тем же названием на левом берегу, впадавшей в Днепр, реки Сухой Московки. Для этой крепости генерал-поручик создал проект кардинально отличавшийся от проекта первой крепости Александровской.

Двуротные крепости Никитинская, Григорьевская, Алексеевская и Захарьевская получили свое начало в 1771-1772 гг. при Главном командире Днепровской линии генерал-майоре В.А. Черткове. Эти крепости строились по плану безымянной двуротной крепости, полученному генерал-майором от генерал-поручика М.А. Деденева. Местоположение этих крепостей отличалось от того, что было обозначено на карте Днепровской линии, сочиненной генерал-поручиком. Новое местоположение указанных крепостей по пограничным рекам Конкие Воды и Берде было выбрано генерал-майором В.А. Чертковым с учетом того, чтобы с противоположного, заграничного берега, с его высоких мест, невозможно было безнаказанно обстреливать российские укрепления. Поэтому эти крепости им было решено возводить на расстоянии пушечного выстрела от границы. К 1773 г. двуротные крепости были фактически на начальной стадии строительства. В каждой из них к тому времени успели насыпать, в основном, только по четыре угловых бастиона высотой не более 5-6 футов (1,5-1,8 м). Колодцы в этих крепостях только планировалось выкопать. На октябрь 1773 г. из четырех двуротных крепостей реально действовали, только две: Никитинская и Захарьевская. То есть в этих двух крепостях были коменданты и несшие службу воинские гарнизоны. Недостроенные крепости Григорьевская и Алексеевская стояли пустыми [1, 51-54; 2, 127-130].

Предваряя нижеследующее следует отметить, что из-за того что большинство крепостей Линии меняли свое расположение на местности, то и карты Линии составленные в те или иные годы отражают ту ситуацию с крепостями, которая была на момент создания карты. Так общие карты Линии выполненные при генерал-поручике М.А. Деденева в 1770-1771 гг. являются проектными картами (не следует путать с отдельными планами крепостей Линии того времени). По ним нельзя судить о реальном положении дел на Линии после 1771 г. Генерал-майор В.А. Чертков отступил от первоначального проекта Линии и поэтому карты 1772-1775 гг. показывают часть крепостей Линии там где им назначил быть генерал-майор и где они реально были построены. С 1775-1776 гг. карты Линии изображают крепости в тех местах где им в 1774-1775 гг. было определено быть Военной коллегией и инженер-генералом.

Местоположение крепостей Линии к 1773 г. выглядело следующим образом.

К этому времени крепость **Александровская** (1-я), начатая строительством в августе 1770 г. на правом берегу реки Московки (Мокрой Московки), из-за неудачно выбранного для нее места, была оставлена. Вместо нее генерал-поручиком М.А. Деденевым была основана 23 мая 1771 г., на левом берегу реки Сухой Московки, крепость Александровская (2-я). Территория, на которой располагалась несохранившаяся крепость Александровская (1-я) (впоследствии: форштадт; посад; город) находится ныне, практически полностью, между улицами г. Запорожья: Жуковского, Земского врача Лукашевича, Академика Амосова и Тургенева. Ныне, условным центром этой крепости можно считать точку, находящуюся, примерно, на тротуаре, между проезжей частью Соборного проспекта и собором Свято-Покровским (Соборный проспект, 37). (N 47.811061, E 35.183043).

Первый историк г. Александровска Я.П. Новицкий ошибочно считал, что крепость Александровская, которая для него была первой и единственной и форштадт, были заложены одновременно, и независимо друг от друга. Он думал, что в августе 1770 г. крепость начали возводить у левого берега реки Сухой Московки, а форштадт основали тогда же на правом берегу реки Московки (Мокрой Московки). Причем он считал, что форштадт Александровский, а впоследствии и г. Александровск образовавшийся на его месте, были основаны на месте («внутри») укрепления («Миниховского ретранжамент») времен Русско-турецкой войны (1735-1739). Он ничего не знал о существовании крепости Александровской (1-й), которая и была для него тем самым мифическим «Миниховским ретранжаментом». Валы крепости Александровской (1-й) еще в 1905 г. можно было видеть среди улиц тогдашнего города: «Московской» (ныне Академика Амосова), «Николаевской» (ныне Святого Николая), «Екатериновской» (ныне Почтовой) и «Соборной» (ныне Соборный проспект).

Я.П. Новицкого видимо подвела карта 1798 г. («Геометрической специальной план...»), из архива Александровской городской управы, которой он пользовался. На ней он принял очертания крепости Александровской (1-й), ее вал, за «Миниховский ретранжамент», построенный в 1736 г. [10, 34]. Находясь в плену своих ошибочных представлений о начальной истории города, он также неверно истолковал слова местного старожилы Василия Ивановича Москаленко (Нагирного) (1781-30.12.1886 (дата погребения 02.01.1887)), который в 1884 г., повествуя об истории г. Александровска, сообщил историку, что город был «заложен» в «старой крепости». С большой долей вероятности можно говорить, что под «старой крепостью» В.И. Москаленко (Нагирный) имел в виду первую крепость Александровскую. Однако Я.П. Новицкий, заблуждаясь, в специально сделанной сноске, отметил, что «Под Старой крепостью, рассказчик разумеет ретранжамент, построенный графом Минихом...» [10, 11]. В действительности же, не имевшее никакого отношения к основанию крепости Александровской (1-й), небольшое земляное укрепление («ретрашамент», «шанец»), возведенное в 1736 г. во время Русско-турецкой войны (1735-1739), находилось не на правом, а на левом берегу реки Московки (Мокрой Московки) [1, 524; 2, 510; 4, 447/ 448/ 450; 100, 60]. Ныне это место локализуется в районе: Запорожской автобусной станции (Соборный проспект, 20), электроподстанции «Александровской-1» (Соборный проспект, 18) и «Исследовательско-экспериментального механического завода» (Соборный проспект, 20 В). Это примерно в 170 м от моста через речку Московку (Мокрую Московку). Недалеко от этого, уже находившегося не в лучшем состоянии укрепления, в 1770 г., для прикрытия моста через речку Московку (Мокрую Московку), был создан, близкий по размерам первому, но отличавшийся конфигурацией, второй земляной шанец (редут). Находился он примерно в 400 м от моста через Московку (Мокрую Московку), рядом с нынешним перекрестком Соборного проспекта и улицы Сергея Серикова, приблизительно на месте нынешнего Прессово-сварочного корпуса Запорожского автомобилестроительного завода, который, в свою очередь, находится недалеко от Дома культуры этого завода.

Ошибки Я.П. Новицкого не избежало большинство запорожских краеведов и историков затрагивавших тему основания города. Так в 1940 г. в газете «Большевик Запорожья», в публикации посвященной 170-летию г. Запорожья, ответственный секретарь газеты, писатель и краевед Иннокентий Петрович Грязнов (1893-1976), опираясь на «Историю...» Я.П. Новицкого, поведал, в общих чертах, читателю, историю основания города. Не забыл он упомянуть и «ретраншамент Миниха», в котором, якобы, полковник «Фредездорф утвердился военным лагерем» [101]. В 1956 г. старший научный сотрудник Запорожского областного краеведческого музея Виктор Федорович Пешанов (1909-1978) написал статью приуроченную к дате обретения в 1806 г. посадом Александровским статуса города. В ней историк утверждает, что местом размещения форштадта Александровского стала территория «в середине старинного ретраншамента», которая на 1956 г. занимала «сквер Пионеров» и улицы: Чекистов, Свердлова, Ильича, Анголенко, Артема и Кирова [102]. Краевед В.Г. Фоменко, в своей работе «Звідки ця назва?», изданной в 1969 г., указывал, что крепостной форштадт был создан на месте построенного в 1736 г., на правом берегу реки Московки, «ретрашамента» [103, 36]. Однако, справедливости ради, надо сказать, что эта работа была создана им гораздо ранее 1969 г. К этому времени в его взгляде на историю основания г. Александровска (Запорожья) произошли существенные изменения. И случилось это, вероятно, после его ознакомления с картографическим материалом, который он получил, под заказ, из Российского государственного военно-исторического архива. Так как в написанных в 1968-1969 гг. работах В.Г. Фоменко уже довольно точно указывал- когда, где, и как был основан наш город. Главное, он первым узнал и стал об этом писать, что до крепости Александровской построенной на речке Сухой Московке, была недостроенная первая крепость Александровская, находившаяся на правом берегу речки Мокрой Московки [11, 23-24; 104; 105; 106, 113]. Однако традиция освещения основания города заложенная Я.П. Новицким была настолько сильна, что и в статье посвященной 200-летию Запорожья, опубликованной в 1970 г. в газете «Индустриальное Запорожье», В.Г. Фоменко снова упомянул, созданный «в 1737 г.», «старый Московский редут», в котором будто бы в 1770 г. разместились обоз полковника В.-Л. фон Фредерздорфа. Правда теперь он верно указал, что это укрепление находилось на левом берегу речки Московки (Мокрой Московки), «в районе нынешнего автовокзала» [107]. В 1969 г. в газете «Запорізька правда» была опубликована статья учителя истории Алексея Кузьмича Жигалова и краеведа Тихона Мунько, приуроченная к грядущему 200-летию Запорожья, в которой они утверждали, что вторая крепость Александровская, о первой крепости они тогда еще ничего не знали, была построена «на месте Миниховских редутов». В 1970 г. А.К. Жигалов, познакомившийся к этому времени с публикациями В.Г. Фоменко, уже знал о существовании первой крепости Александровской. Однако от мифа о «Московском редуте», в котором якобы разместились «первые здешние жители», он не отказался [108; 109, 10-11]. В 1992 г. краевед Юрий Аркадьевич Вилинов в своей газетной статье

посвященной выдуманной им дате основания г. Запорожья, также утверждал, что форштадт Александровский построен на месте «Миниховских редутов» [110]. Уже в XXI в., историк Анатолий Иванович Карагодин (1938-2003), в книге «Александровск-Запорожье: этапы городской власти», изданной уже после его смерти, в 2004 г., «поместил» первую крепость Александровскую между правым берегом речки Кушугум (Кучюгум, Кучугум) и левым берегом речки Московки (Мокрой Московки), а форштадт он расположил на правом берегу этой же речки, «в границах...Миниховского ретраншемента» [111, 5-7]. В 2005 г. историк Александр Леонтьевич Олийнык в работе где он оперирует данными о тысячах запорожских зимовников, не смог правильно определить местоположение одного фортификационного объекта- первой крепости Александровской («Александровского ретраншемента»), поместив ее ошибочно между речками Московкой и «Кушугумкой» [112, 113]. В 2007 г., в своих «примечаниях и комментариях» к новому изданию книги Я.П. Новицкого «История города Александровска...», опубликованной в 1-ом томе «академического» собрания Сочинений «Нестора украинской этнографии», историки Анатолий Васильевич Бойко (1960-2010) и Юрий Петрович Князьков утверждали вслед за Я.П. Новицким, что форштадт Александровский возник на месте ретраншемента, возведенного в 1736 г. [113, 439-440]. В 2010 г. историк Руслан Борисович Шиханов писал, что прибывшие в 1770 г. к месту строительства крепости Александровской полковник В.-Л. фон Фредерздорф и его подчиненные, разместили свой лагерь на правом берегу речки Мокрой Московки, в «старом Миниховском или Московском ретраншементе», построенном в 1736 г. Он же, заблуждаясь, считал, что для крепости Александровской было заранее, на всякий случай, предложено два варианта ее расположения, один у устья речки Мокрой Московки, другой «поблизости» речки Сухой Московки [114, 14-17]. В том же 2010 г. сотрудники Государственного архива запорожской области Виталий Александрович Бондарь и Ирина Валентиновна Козлова в статье опубликованной в журнале «Архіви України», солидаризуясь с Я.П. Новицким, пересказали историю основания крепости Александровской и ее форштадта, изложенную в книге первого историка г. Александровска [115, 110]. В 2016 г. в многотомном издании «Звід пам'яток історії та культури України», в томе посвященном г. Запорожью, запорожские авторы, историки Маргарита Михайловна Ширяева (1936-2009) и Тамара Константиновна Шевченко в статье о второй крепости Александровской сообщали, что первая крепость Александровская была заложена между левым берегом речки Мокрой Московки и правым берегом речки Кушугум. А вторая крепость Александровская, по их мнению, располагалась «между речками Мокрой и Сухой Московками, в районе «миниховского ретраншемента», западные валы которого проходили рядом с ул. Октябрьской (ныне ул. Земского врача Лукашевича) [116, 42]. В 2018 г. историк Владимир Анатольевич Лиников писал, что «Миниховский ретраншемент» был использован в 1770 г., «как основа» при строительстве крепости Александровской [117, 194]. В 2019 г. «историк архитектуры» Павел Павлович Кравчук поведал, что «Миниховский ретраншемент» находился «в районе расположения нынешнего сквера Пионеров». Такой же ахинеей является и его утверждение о том, что вторая крепость Александровская была возведена на «загодя» подготовленном «резервном месте» [118]. В 2020 г., историк Сергей Николаевич Биливненко, также как и большинство его предшественников, считал, что крепость Александровская была построена «на остатках российского ретраншемента первой половины XVIII века» [119, 122]. Точки зрения, что форштадт Александровский берет свое начало в границах «Миниховского ретраншемента» придерживался и историк В.М. Стойчев. Эту мысль он высказал на «Международной научно-практической конференции «AB URBE CONDITA:...», проходившей в октябре 2020 г. в г. Запорожье. В том же году, историк Владимир Иванович Мильчев, писал, что к находящемуся на правом берегу речки Мокрой Московки ретраншементу времен Русско-турецкой войны (1735-1739), в 1770 г. была «достроена» первая крепость Александровская [120, 28-29]. И наконец, бывший запорожский, а ныне киевский историк Петр Анатольевич Бойко, тогда же, в 2020 г., вслед за А.И. Карагодиным и А.Л. Олийныком, «разместил» первую крепость Александровскую между речками Кушугумом и Мокрой Московкой [121, 273/ 285].

Крепость **Никитинская** (1-я) была заложена в 1771 г. Крепость находилась на правом берегу речки Жеребец (Мечетной, Жеребчика, Жеребчячей), в 1 версте (ок. 1 км) от нее. От реки Конки (Конские Воды), куда впадает р. Жеребец, крепость располагалась примерно в 2,7 км. От крепости Александровской до крепости Никитинской (1-й) было 45 верст (48 км). По обеим берегам р. Жеребец, на момент основания этой крепости, были развалины древних сооружений, которые назывались тогда «Татарскими Мечетями». В 2015 г. фрагменты 4-х бастионов крепости еще можно было увидеть посреди поля у с. Таврийского, Ореховского р-на, Запорожской обл. [4, 492]. (N 47.683294, E 35.697506).

Крепость **Григорьевская** была основана в 1771-1772 гг. Запорожскими краеведами и профессиональными историками не раз высказывалось сомнение в ее существовании. Это ошибочное суждение сложилось у исследователей из-за незнания того факта, что эта, уже начавшая

возводиться крепость через некоторое время была брошена. А назначенная вместо нее к строительству новая крепость (условно 2-я), с тем же именем, так и не была создана. Поэтому все изображения этой крепости на картах второй половины 70-х годов XVIII века являются не реальными, а проектными. И оттого все попытки локализовать эту крепость по этим картам были безуспешны. Например, краевед Ю.А. Вилинов, используя карту Днепровской линии 1776 г., на которой изображено всего лишь проектное местоположение крепости Григорьевской (условно 2-й), «нашел» эту крепость там где ее никогда не существовало [4, 441-444; 122, 20-21]. По свидетельству академика И.-А. Гюльденштедта (Гильденштедта) крепость Григорьевская находилась на правом берегу реки Конки, более чем в версте от нее. К 1773 г. у крепости были уже «частично» насыпаны валы, но она стояла пустой [1, 51-54]. От крепости Никитинской (1-й) эта крепость была примерно в 29 верстах (ок. 30,9 км). На карте «Шуберта-Тучкова» XIX в. эта крепость обозначена как бывшее укрепление «Новогеоргиевское». Согласно этой карты крепость находилась примерно в 4 верстах (ок. 4,3 км) от с. Белогорья и примерно в 1,3 верстах (ок. 1 км) от д. Новокарловки (Карловки) [4, 496]. По утверждению белогорьевского учителя Ивана Андреевича Завалия, валы этого укрепления, уже практически уничтоженные хозяйственной деятельностью человека, еще можно было видеть в 1965 г. на правом берегу р. Конки, в 500-700 м от реки, между селами: Луговским, Ореховского р-на, Запорожской обл., Новокарловкой и Богатым, Пологовского р-на, Запорожской обл., недалеко (ок. 2 км) от Новоселковской картонной фабрики (ныне не действует) [4, 495-496]. Запорожский краевед В.Г. Фоменко локализовал эту крепость «к востоку от с. Белогория, между фермой и хутором «Ударник»» [11, 43]. (N 47.523114, E 36.059339 (координаты требуют уточнения)).

В 1773 г. крепости **Кирилловской** еще не существовало. Для нее было только определено местоположение, которое находилось в 17 верстах (18,1 км) от крепости Григорьевской и в 1 версте (ок. 1 км) от источника называвшегося тогда «Конский Колодец». Место под крепость было найдено в 1772-1773 гг. Главным командиром Линии генерал-майором В.А. Чертковым вместе с находившимися на Линии, инженер-полковником Яковом Петровичем Бибиковым (1730-1795) и инженер-майором Исааком Исааковичем (Ивановичем) Брамсом (Браамсом) (ок. 1725-после 1796) [1, 51-54; 2, 127-130]. Впоследствии это проектное местоположение крепости было изменено.

Крепость **Алексеевская** была заложена в 1771-1772 гг. В 1773 г. в недостроенной, в безгарнизонной крепости Алексеевской находилась почтовая станция, при которой несли службу Донские казаки [1, 51-54]. Ныне сохранившиеся валы крепости Алексеевской находятся на левом берегу реки Берды (ок. 600 м от реки), внутри условного треугольника вершины которого: с. Ланцевое, с. Белоцерковка и с. Благовещенка, Бельмакского р-на, Запорожской обл. [4, 498]. (N 47.242102, E 36.775251).

Крепость **Захарьевская** (1-я), также как и другие двуротные крепости, была основана в 1771-1772 гг. Крепость находилась в 30 верстах (32 км) от крепости Алексеевской [1, 51-54]. Валы крепости ныне расположены на левом берегу р. Берды, в 1,2 км от реки, неподалеку (ок. 1 км) от с. Калайтановки, Бердянского р-на, Запорожской обл. [4, 499]. (N 47.059334, E 36.978229).

Крепость **Петровская** находилась у Азовского моря, на левом берегу реки Берды, при ее устье. От нее до крепости Захарьевской (1-й) было 25 верст (ок. 26,6 км). Она была единственной крепостью Линии, местоположение которой, с ее основания, т.е. с 1770 г., не менялось. На месте бывшей крепости ныне находится с. Новопетровка, Бердянского р-на, Запорожской обл. Фрагменты валов крепости Петровской еще можно видеть на территории этого населенного пункта [4, 500]. (N 46.816672, E 36.900523).

В 1773 г. генерал-майор В.А. Чертков обратился в Военную коллегию с рапортом на имя ее вице-президента генерал-аншефа, графа З.Г. Чернышева. К рапорту были приложены указанные выше карта и планы крепостей, а также, выполненные уже при генерал-майоре, планы-проекты крепости Кирилловской и двуротных крепостей, с их внутренними строениями, и планом-проектом, на котором были изображены, как уже строившаяся крепость Александровская (2-я) и форштадт (несостоявшаяся крепость Александровская (1-я)), так и проектировавшиеся: еще один укрепленный форштадт, и укрепленные кварталы для обывателей [1, 524; 2, 127-130]. В рапорте генерал-майор В.А. Чертков, по пунктам, обрисовал ситуацию со строительством Линии и представил на утверждение Военной коллегии свои предложения по дальнейшему строительству и внутреннему устройству ее фортификационных объектов [2, 127-130].

Вице-президент Военной коллегии 16 мая 1773 г., в ответе («диспозиции») на рапорт генерал-майора, одобрил продолжение строительства крепостей Александровской (2-й) и Петровской, в виду того, что их проекты уже были высочайше утверждены. Однако проект нового расширенного предместья для крепости Александровской им был отклонен. Граф также пожелал, чтобы строения

внутри этих крепостей, для экономии древесины, возводились из камня или делались фахверковыми [2, 127-130].

Относительно двуротных крепостей вице-президент Военной коллегии в 1773 г. постановил: во-первых, чтобы все эти крепости строились по утвержденному им проекту крепости Никитинской (проект, на тот момент безымянной крепости, был выполнен генерал-поручиком М.А. Деденевым.- А.М.), во-вторых, постараться найти для этих крепостей новое местоположение, с тем чтобы они находились вблизи речных берегов, для того, чтобы крепостные гарнизоны были обеспечены проточной водой, а плотины, которые должны были быть возведены на этих реках, получили защиту от этих крепостей. Вице-президента не смущало, что строительство двуротных крепостей уже было начато и что на это были потрачены определенные денежные средства и человеческий труд. Однако, все-таки, в случае если таковых мест не оказалось бы, граф был готов оставить крепости на их настоящих местах [2, 127-130].

Батальонная крепость Кирилловская, в которой должно было находиться руководство Линии, на 1773 г. была только в проекте. Как уже отмечалось выше, место под эту крепость определили в 1772 г. или в 1773 г. Главный командир Линии генерал-майор В.А. Чертков вместе со служившими на Линии, инженер-полковником Я.П. Бибиковым и инженер-майором И.И. Брамсом (Браамсом). Место под строительство «средней» крепости находилось, как и предполагалось изначально, почти посередине Линии. Оно лежало в 100 верстах (ок. 107 км) от крепости Александровской и в 96 верстах (ок. 102 км) от крепости Петровской [1, 51-54; 2, 127-130].

Генерал-аншеф, граф З.Г. Чернышев, представленный ему в 1773 г. Главным командиром Линии проект крепости Кирилловской, в целом одобрил, но условиями для его реализации утвердил: во-первых, чтобы эта крепость находилась от берега реки на расстоянии не более как в 2-3 сажнях (ок. 4-6 м) и во-вторых, выглядеть она должна была «таким же образом» как и крепость Петровская [2, 127-130].

Также, из ответа («диспозиции») генерал-аншефа, графа З.Г. Чернышева на рапорт генерал-майора В.А. Черткова, видно, что в 1773 г. и линия, планировавшаяся между истоками рек Конских Вод и Берды, и плотины, которые должны были быть возведены по рекам Конским Водам и Берде, на всем протяжении Днепровской линии, были только на стадии обсуждения их проектов. В «диспозиции» граф З.Г. Чернышев предлагал занять, находившийся за русско-турецкой границей, в 7 верстах (ок. 7,5 км) от Линии, курган Токмак Могилу. Он считал этот курган высотой стратегического значения и предлагал возвести на нем блокгауз [2, 127-130].

Результатом переписки между Главным командиром Днепровской линии генерал-майором В.А. Чертковым и вице-президентом Военной коллегии генерал-аншефом, графом З.Г. Чернышевым, явилось, принятое в 1774 г., решение: строить все двуротные крепости на новых местах. Первоначальное, проектное местоположение крепости Кирилловской также было изменено, и она была заложена 8 июля 1774 г. уже на новом месте [4, 248-250].

Вступивший 17 марта 1774 г. в должность инженер-генерала Михаил Иванович Мордвинов (1725-1782) также принял деятельное участие в судьбе Днепровской линии, так как согласно своих обязанностей, он, помимо прочего, должен был заведовать строительством пограничных крепостей. Вероятно в 1775 г., очевидно в ответ на обращение к нему Главного командира Днепровской линии генерал-майора В.А. Черткова, он предложил для крепостей: Григорьевской, Кирилловской и Алексеевской новое местонахождение (не исключено, что по его воле и другие двуротные крепости должны были поменять свое расположение на местности). Относительно укрепленной линии между истоками рек Конских Вод и Берды, инженер-генерал придерживался проекта генерал-поручика М.А. Деденева [2, 139-140/ 144-145].

Видимо в том же 1775 г., служивший на Линии и находившийся на вакансии инженер-подполковника, надворный советник Алексей Корнилович Шалыгин (1727/32/33-после 1787) составил «Описание» части Днепровской линии с критическим разбором предлагаемых инженер-генералом М.И. Мордвиновым нововведений на Линии. Выбранное генерал-инженером новое место для крепости Григорьевской, находившееся недалеко от соединения двух истоков реки Конских Вод, нареканий со стороны надворного советника не вызвало. Зато с новым местом для крепости Кирилловской, которая уже была заложена в 1774 г., он был категорически не согласен. Надворный советник указывал, что место намеченное генерал-инженером для этой крепости было непригодно из-за трудностей, которые бы возникли со снабжением гарнизона крепости питьевой водой. Так как, во-первых, это место находилось на высоте, что было бы проблемой для устройства здесь колодца. Во-вторых, русло у истока реки Конские Воды, где намечалась к строительству новая крепость Кирилловская, было неглубоким из-за чего вода здесь уже в мае месяце быстро портилась и была непригодна к употреблению. Поэтому надворный советник предлагал место для уже строившейся крепости

Кирилловской не менять. Относительно крепости Алексеевской, которую генерал-инженер также хотел видеть на новом месте, надворный советник указывал, что выбранное генерал-инженером место под строительство этой крепости совершенно непригодно из-за неподходящего для этого рельефа местности. От себя, он предлагал заложить эту крепость у истока реки Берды, в месте отстоящем от первой крепости Алексеевской на 15 верст (16 км) [2, 139-140].

После всех перипетий 1773-1776 гг. по установлению нового местоположения для ряда крепостей Днепровской линии, в которых тон задавали вице-президент Военной коллегии и инженер-генерал Инженерного корпуса, окончательная дислокация крепостей Линии стала выглядеть следующим образом.

Крепость **Александровская** (2-я) находилась недалеко от левого берега речки Сухой Московки впадавшей в Днепр, т.е. в том самом месте, которое для нее 23 мая 1771 г. определил и где начал ее строительство генерал-поручик М.А. Деденев. Почти вся местность, которая находилась под несохранившейся крепостью Александровской (2-й), ограничивается ныне улицами г. Запорожья: Соборным проспектом, Крепостной, Прибрежной автомагистралью и Украинской. Крепость Александровская (2-я) по отношению к крепости Александровской (1-й) была несколько развернута влево. Поэтому и улицы (Запорожская, Авангардная, Приходская) на территории бывшей крепости Александровской (2-й), отражая бывшее устройство крепости, идут относительно улиц старой части города, пересекаящих Соборный проспект перпендикулярно, под углом. Условный центр бывшей крепости находится у дома № 32 по ул. Школьной. Локализуется он, примерно, во внутреннем дворе этого дома. (N 47.822275, E 35.161910).

Основанная в 1774 г. крепость **Никитинская** (2-я) находилась на правом берегу реки Конской (Конских Вод) (примерно в 100 м от реки), недалеко от речки Сухой Камышеватки (Сухой Камышеватой), в 34 верстах (36,3 км) / 35 верстах (37,3 км) от крепости Александровской и в 8 верстах (8,5 км) от первой крепости Никитинской. Сохранившиеся валы этой крепости ныне находятся внутри условного треугольника вершины которого: пгт. Камышеваха, с. Заречное и с. Желтенькое, Ореховского р-на, Запорожской обл. [4, 493-494]. (N 47.699773, E 35.581716).

Крепость **Григорьевская** («Ново Григорьевская») (условно 2-я) должна была находиться в 35 верстах (37,3 км) от крепости Никитинской, рядом с местом где сходились два истока реки Конской (Конских Вод). Иногда, эту никогда не бывшую крепость ошибочно отождествляют с укреплением «Новогеоргиевским», изображенным на карте «Шуберта-Тучкова» XIX в.

Начатая строительством 8 июля 1774 г. крепость **Кирилловская** находилась в 30 верстах (32 км) от крепости Григорьевской у одного из истоков реки Конской (Конских Вод). Сохранившиеся фрагменты валов крепости Кирилловской (цитадель Васильевская) находятся на правом берегу притока р. Конки-речки Малой Токмачки (примерно в 100 м от нее), на территории с. Семеновки, Пологовского р-на, Запорожской обл. [4, 497]. (N 47.319091, E 36.309779).

Крепость **Алексеевская** (условно 2-я), так никогда и не начатая строительством, должна была находиться у истока реки Берды, в 20 верстах (21,3 км) от крепости Кирилловской, а от крепости Алексеевской (1-й) в 19,5 верстах (ок. 20 км 803 м) (по решению от 1774 г.). Если же было утверждено местоположение для этой крепости предложенное в 1775? г. надворным советником А.К. Шалыгиным, то она должна была располагаться в 15 верстах (16 км) от крепости Алексеевской (1-й).

Крепость **Захарьевская** (2-я) начала строиться в 1777 г. между впадавшими в реку Берду речками Каратюк и Каратыш, на левом берегу, при устье, речки Каратюк. Место строительства находилось в 30 верстах (32 км) от крепости Алексеевской. Ныне на территории несохранившейся крепости Захарьевской (2-й) находится с. Захаровка, Мангушского р-на, Донецкой обл. [4, 446]. (N 47.139892, E 36.975552 (координаты требуют уточнения)).

Крепость **Петровская** на Азовском море. От крепости Захарьевской (2-й) до нее было 36 верст (38,4 км) / 37 верст (39,4 км). Местоположение крепости с 1770 г. не менялось. Ныне на месте крепости находится с. Новопетровка, Бердянского р-на, Запорожской обл. Сохранившиеся валы крепости Петровской еще видны на территории этого населенного пункта [4, 500]. (N 46.816672, E 36.900523).

Уже окончательно определенные места для всех крепостей Линии можно видеть на заверенной генерал-майором В.А. Чертковым, «Генеральной карте Днепровской линии...», сочиненной в Комиссии Днепровской линии 29 мая 1776 г. На карте указано только новое местоположение крепостей Линии (для крепостей Григорьевской и Алексеевской предполагаемое). Первые крепости: Никитинская, Григорьевская, Алексеевская и Захарьевская на ней не показаны. На этой карте изображен также, составленный генерал-майором В.А. Чертковым, проект укрепленной линии, идущей от крепости Кирилловской до кургана Токмак Могилы, а от него до крепости Алексеевской. Проект этот, как и подобные ему проекты генерал-поручика М.А. Деденева и надворного советника А.К. Шалыгина, 14 июня 1776 г. был отклонен новым Главным командиром Днепровской линии генерал-аншефом, князем

Г.А. Потемкиным. Вместо этой линии, князь утвердил проект, по которому между крепостями Кирилловской и Алексеевской, как впрочем и между всеми крепостями Днепровской линии, на расстоянии 5 верст (5,3 км) друг от друга, должны были быть сооружены укрепленные селения, с проживающими в них вооруженными поселянами [4, 82/ 138-139/ 441-444].

С 1776 г. строительство Линии должно было вестись силами гарнизонных солдат и сосланных на Линию преступников, так как в 1775 г. истек пятилетний срок наряда для «работных людей» («лопатников» и погонщиков), возводивших Линию с 1770 г. Однако несмотря на то, что новые места для крепостей Линии уже были определены, а объем строительства Линии был сокращен за счет упразднения в 1776 г. линии между истоками рек Конских Вод и Берды, и в том же 1776 г. принятых решений: оставить из трех цитаделей крепости Кирилловской- одну (вероятно ошибка, так как по плану от 5 апреля 1775 г. в крепости должно было быть четыре цитадели.- А.М.), а во всех двуротных крепостях, и в батальонной крепости Кирилловской также, отменить возведение сутеренгов, продолжать строительство на Днепровской линии было практически некому. Генерал-майор В.А. Чертков, неоднократно, в рапортах на имя Главного командира Линии генерал-аншефа, князя Г.А. Потемкина доводил, что при том количестве солдат в гарнизонах крепостей, в которых, согласно штату, наблюдался почти половинный некомплект военнослужащих, Линию будет невозможно достроить ни через 5 лет, как планировалось в 1776 г., ни даже и через 10 лет. На 1776 г. во всех гарнизонных батальонах Линии находилось 1423 рядовых солдат. Из них, исключая: состоявших в инвалидных ротах 322 человека, которых в работу вообще нельзя было употребить, а также больных, пожилых и находившихся в командировках, в строительных работах участвовало, без ущерба для службы, не более 400 человек [2, 149/ 157-158; 4, 469/ 485].

Чтобы уложиться в новый пятилетний, начиная с 1776 г., срок строительства Линии генерал-майор В.А. Чертков предлагал увеличить количество батальонов на ней с четырех уже существовавших, до одиннадцати, а количество присылаемых на Линию преступников довести до 1000 человек (в 1777 г. на Линии состояло: в крепости Александровской- 157 осужденных м.п. и в крепости Петровской- 11 осужденных м.п.). Помимо этого, по мнению генерал-майора, для успешного окончания строительства, на Линии должно было находиться: в караулах- два-три пехотных полка, а для форпостов и разъездов- три полка Донских казаков [2, 148-149/ 151/ 157-158].

Позднее, в 1777 г., генерал-майор (генерал-поручик с 28 июня 1777 г.) В.А. Чертков уже был готов достроить Линию, но при условии: во-первых, полного укомплектования четырех гарнизонных батальонов, во-вторых, прибытия на Линию, утвержденного в 1777 г. в штат Линии, пятого батальона, в-третьих, прекращения отправки солдат из гарнизонных батальонов Линии в армейские полки, в-четвертых, доведения числа присылаемых на Линию преступников до 1000 человек и в-пятых, присылки на Линию, вместо «лопатников», 3 тысяч рекрут, которые должны были бы, в основном, заниматься строительством этого фортификационного объекта. Главный командир Днепровской линии генерал-аншеф, князь Г.А. Потемкин, со своей стороны, обращаясь в Военную коллегию, просил разрешить использовать на строительстве Линии военнослужащих из четырех полков, находившихся на русско-турецкой границе [2, 157-161].

На конец 1777 г. на Днепровской линии шло строительство в крепостях: Александровской, Никитинской, Кирилловской и Петровской. Для крепости Захарьевской, на это время, было подготовлено («разбито») только место ее будущего расположения и выкопано несколько жилых землянок, заготавливались также для ее строительства материалы и припасы. Само строительство этой крепости планировалось начать весной 1778 г. При всех этих крепостях были выстроены кирпичные «заводы», а при крепости Александровской еще и «завод» для изготовления извести. В местах, которые были назначены под крепости Григорьевскую и Алексеевскую, никаких работ, из-за отсутствия рабочих рук, начато не было. Но уже в 1779 г. отмечалось, что строительство во всех этих крепостях из-за отсутствия рабочих практически остановилось. Велись лишь кое-какие, самые необходимые ремонтные работы. Строить было некому, так как в четырех батальонах Линии был большой некомплект солдат- 1180 человек. А из тех кто был налицо, часть солдат, что «поздоровее», была «безменно» на службе, другая часть, «старая дряхлая и увечная», не годилась не то чтобы к работе, но и к обычной строевой службе. «Ссылочных колодников» привлекавшихся к строительству на Линии было менее двухсот человек [2, 162-163; 4, 204-205].

В 1779 г. Главный командир Днепровской линии генерал-аншеф, князь Г.А. Потемкин приказал генерал-поручику В.А. Черткову прекратить все строительные работы в крепостях: Никитинской, Григорьевской, Алексеевской и Захарьевской. Фактически это касалось только крепостей Никитинской и Захарьевской, так как до этого времени в местах определенных для двух других крепостей никаких работ не производилось. С этого времени, сначала генерал-поручик В.А. Чертков, а в 1783 г. новый Командир Днепровской линии, Новороссийский губернатор генерал-майор Н.Д. Языков

ходатайствовали перед высшим начальством о полном упразднении действовавших крепостей Никитинской и Захарьевской, и формально существовавших крепостей Григорьевской и Алексеевской, и о выводе их из под военного управления. При этом генерал-поручик предлагал в ликвидированных крепостях поселить отставных солдат [4, 208/ 211-212/ 248-250].

До 1783 г. в крепостях Александровской, Кирилловской и Петровской еще осуществлялись строительные и ремонтные работы небольшого объема, и даже генерал-майор Н.Д. Языков в 1783 г. еще пытался получить деньги на достройку этих крепостей. Но видимо в 1783 г., после присоединения территории Крымского ханства к России, у высшего руководства уже созрела мысль о полной ликвидации Днепровской линии. Все работы на Линии были свернуты («уничтожены»). Комиссия Днепровской линии со всеми инженерными работниками была переведена в Полтаву. А «каторжные колодники» партиями стали отправляться с Линии на строительство Херсона [1, 72].

10 февраля 1784 г. императрица Екатерина II указом предписала генерал-фельдмаршалу, князю Г.А. Потемкину, в связи с изменившимися границами государства, устроить новые пограничные укрепления и упразднить те, которые были на старых границах. Под ликвидацию попадали и крепости Днепровской линии. Их должно было преобразовать, по возможности, в города и посады. Князь также должен был решить судьбу гарнизонов и артиллерии этих крепостей [1, 71-72]. Однако, фактически вопреки этому указу, Линия, как единый военный фортификационный объект, просуществовала еще до 1797 г., а ее отдельные крепости: Александровская и Петровская до 1800 г. Единственно, пожалуй, что можно было бы считать выполненным согласно этому указу, это то, что форштадт Александровский с 1785 г. стал посадом.

Крепость Александровская (1-я: август 1770-23 мая 1771 гг.; 2-я: 23 мая 1771-1800 гг.)

При проектировке Линии перед генерал-поручиком М.А. Деденевым встала задача по выбору оптимального месторасположения для крепости Александровской. Место предполагаемого строительства будущей крепости Александровской, как вероятно и других крепостей Линии, было выбрано после совместного осмотра территории генерал-поручиком М.А. Деденевым и генерал-поручиком М.-И. фон Бергом в 1769 г. Место это находилось «менее двух верст от Днепра, при устье Московки, впадающей в реку Кочюгур (приток Днепра.- А.М.)» [1, 37-39].

Однако в силу каких-то сомнений по этому поводу, одновременно было разработано два варианта разрешавших эту задачу. Согласно первому варианту крепость Александровская должна была находиться между правым берегом речки Кучюгум (Кучугум) и левым берегом, впадавшей в речку Кучюгум (Кучугум), речки Московки (Мокрой Московки). В этом случае предполагаемое строительство должно было бы вестись практически на месте небольшого земляного укрепления возведенного русскими войсками в 1736 г. во времена Русско-турецкой войны (1735-1739), представлявшего из себя горн-верк (укрепление состоящее из двух полубастионов.- А.М.) замкнутый с горжи (тыльная сторона укрепления.- А.М.) валом, по краям которого находились два редута. Также, согласно этому варианту, рядом с крепостью на речке Московке (Мокрой Московке) должна была быть устроена «плотина для прудов со спусками» для поднятия уровня воды в реке, а на берегу Днепра, напротив крепости, должен был быть построен фельдшанец «для прикрытия пристани» «и выгружающихся привозных материалов» (по другому варианту предполагалось также для этой цели соорудить не один, а два фельдшанца на расстоянии один от другого примерно в 300 сажень (ок. 640 метров), соединенных между собой непрерывным земляным валом). Здесь же, между левым берегом речки Московки (Мокрой Московки) и правым берегом речки Кучюгум (Кучугум) находилось 4 пустующих «хутора» (зимовника) запорожских казаков [4, 447-449].

Второй же вариант по выбору месторасположения крепости Александровской, который и был принят к реализации, предусматривал нахождение крепости на правом берегу речки Московки (Мокрой Московки). На плане 1770 г., когда еще стоял вопрос выбора местонахождения крепости Александровской, на счет этого варианта было указано: «А естли за способное признано будет крепость строить на сем месте то здесь назначена окружность оной фигуры» [4, 447]. Рядом с крепостью в 1770 г. был построен мост, который связывал правый и левый берега речки Московки (Мокрой Московки). В том же 1770 г. для защиты этого моста и в целом строительства крепости, на левом берегу Московки (Мокрой Московки), рядом со старым земляным укреплением 1736 г., которое было уже не в лучшем состоянии, было сооружено земляное укрепление в виде горн-верка замкнутого с горжи валом, в центре которого располагался бастион (есть правда свидетельство более позднего времени, что это укрепление было возведено в 1771 г.- А.М.) [1, 524; 2, 510; 4, 450]. На правом берегу Московки (Мокрой Московки) было 5 пустующих зимовников запорожских казаков. Все они были вне намеченной к строительству крепости [4, 447-449]. Некоторые из них вероятно сохранились даже к 1771 г., т.е. когда уже была начата строением крепость Александровская (2-я) [4, 450].

Строительство крепости Александровской началось во второй половине августа 1770 г. По плану генерал-поручика М.А. Деденева строительство крепости должно было начаться с изготовления и установления по всему периметру строительства, т.е. по наружному краю гласиса, деревянных рогаток (переносное деревянное ограждение, состоящее из бревна с вделанными в него накрест кольями.- А.М.), которые бы обеспечили гарнизон крепости и ее строителей «от нечаянного неприятельского нападения» (такое начало строительства предусматривалось для всех крепостей Линии.- А.М.). Для обороны и жилья, на первое время, также по всему периметру будущей крепости, за рогатками, внутри, предполагалось устроить капониры (сооружение для ведения стрельбы по двум противоположным направлениям.- А.М.) блиндированного (покрытого бревнами и землей.- А.М.) типа, расположенные наподобие редантов (укрепление состоящее из двух фасов образовывавших исходящий угол.- А.М.), а по возможности в виде редутов. Капониры должны были быть сделаны полностью из двухсаженных деревянных брусков, с крышей покрытой землей и дерном. Для отопления в капонирах планировалось изготовить печи. Редутное расположение капониров позволяло бы вести круговую оборону артиллерией и ружьями. После установления рогаток и устройства капониров планировалось приступить к сооружению, перед капонирами, на расстоянии от них 35 (?) футов (ок. 10,5 (?) м), первого наружного земляного укрепления- «бруствера разрезного гласиса» и рва («ровика») перед ним, что позволило бы сделать вокруг всей строящейся крепости надежное укрепление («ретраншемент»). Бруствер (вал) разрезного гласиса с отлогостями и банкетом (площадка для стрелков в виде ступени с внутренней стороны вала.- А.М.) должен был быть толщиной 18 футов (ок. 5,4 м) и максимальной высотой 8 футов (ок. 2,4 м) (по другому варианту: 6 футов (ок. 1,8 м)), ширина рва перед бруствером должна была быть 17 футов (ок. 5,1 м), а глубина 15 футов (ок. 4,5 м). По мысли генерал-поручика М.А. Деденева, вся эта подготовительная работа не только бы защитила войска и строителей крепости от неприятеля, но и позволила бы им до окончательного устройства крепости, спокойно «жить и работу продолжать». Генерал-поручик М.А. Деденев предполагал также, что если на строительстве этих оборонительных укреплений задействовать 2000 работников, то работу по их возведению можно было бы сделать в сорок дней [4, 448-449].

Согласно плану генерал-поручика М.А. Деденева крепость Александровская в фортификационном отношении должна была представлять собою квадрат (основное укрепление) со стороной примерно 400 метров, четыре угла которого образовывали бастионы, по четырем сторонам квадрата, по центру сторон, выступая за них, должны были находиться четыре, отделенные (деташированные) от основной постройки рвами, укрепления (цитадели). Три из которых должны были быть в виде горн-верков замкнутых с горжи валом, на котором в центре располагался бастион. Четвертая цитадель должна была быть больше остальных и замыкаться с горжи не валом с бастионом, а также горн-верком. Перед всеми цитаделями должны были быть устроены «равелины» (фортификационное сооружение треугольной формы, расположенное перед крепостной стеной впереди рва, но скорее это были люнеты – фортификационное сооружение, состоящее из одного-двух валов и боковых валов для прикрытия флангов, но открытое с тыла.- А.М.). Такое инженерное решение, примененное генерал-поручиком М.А. Деденевым при проектировке крепостей Днепровской линии, позволяло сравнительно небольшому гарнизону, не занимая главного вала, находиться в цитаделях и вести из них не только фронтальный, но и фланговый огонь в направлении главного крепостного вала и рва, а также, в случае необходимости, обстреливать внутреннее пространство крепости. Каждая из трех малых цитаделей должна была быть обнесена валом с отлогостями и банкетом толщиной 18 футов (ок. 5,4 м) и максимальной высотой 6 футов (ок. 1,8 м), за ним следовала 7-ми футовая (ок. 2,1 м) берма (площадка (полоса земли) между валом и рвом, предохраняющая от осыпания оборонительной насыпи в ров.- А.М.), далее шел главный ров крепости. Полубастион («рог») малой цитадели должен был состоять из двух валов. Сначала шел вал с отлогостями и банкетом толщиной 18 футов (ок. 5,4 м) и максимальной высотой 16 футов (ок. 4,8 м), а на расстоянии от него в 14 футов (ок. 4,2 м) шел внешний вал с отлогостями и банкетом толщиной 16 футов (ок. 4,8 м) и максимальной высотой 11 футов (ок. 3,3 м), за ним 7-ми футовая (ок. 2,1 м) берма, далее шел главный ров крепости. В цитаделях должны были находиться «цейхаузы и магазейны», «в бастионах или где место способное найдётся» пороховые погреба. Квадратное укрепление должно было быть обнесено главным валом с отлогостями и банкетом толщиной 16 футов (ок. 4,8 м) и максимальной высотой 11 футов (ок. 3,3 м), за которым шла 7-ми футовая (ок. 2,1 м) берма, за которой должен был следовать трапециевидный ров шириной 70 футов (ок. 21 м) и глубиной 12 футов (ок. 3,6 м) (по всему рву, по его центру, планировалось высадить терновник), за ним прикрытый путь шириной примерно 80 футов (ок. 24 м) с деревянными траверсами «наподобие редантов», на котором должен был быть вал с отлогостями и банкетом толщиной 18 футов (ок. 5,4 м) и максимальной высотой 6 футов (ок. 1,8 м). За прикрытым путем должен был находиться треугольный

ров шириной 17 футов (ок. 5,1 м) и глубиной 15 футов (ок. 4,5 м), далее разрезной гласис с банкетом. По краю гласиса планировалось высадить колючий терновник. Квадратное укрепление и цитадели образовывали вместе шестнадцатиконечную звезду. Вал же по периметру всей крепости представлял из себя тридцатидвухконечную звезду. Длина и ширина (с гласисом) крепости Александровской (1-й) должны были быть примерно по 900 м. Такие же размеры предусматривались и у двух других батальонных крепостей. В крепости планировалось построить церковь, помещения для коменданта, плац-майора и комендантской канцелярии, для церковнослужителей, артиллерийской и инженерной команд, для обер-офицеров, солдат и обывателей. В крепости также должны были быть рынок, кордегардия, казармы для «конных с конюшнями», «магазинны для поклажи провианта и протчаго» [4, 447].

23 мая 1771 г., по проекту генерал-поручика М.А. Деденева, ближе к Днепру, в сторону реки Сухой Московки, на расстоянии примерно 500 саженей (ок. 1066 м) от старой крепости и примерно в 300 саженях (ок. 640 м) от реки Днепра, была заложена новая крепость Александровская. Старая же крепость Александровская была превращена в форштадт (оставленная крепость поначалу называлась ретраншементом.- А.М.) [4, 248-250/ 450-451].

Собственно первая крепость Александровская (будущий форштадт) на то время представляла собой только контур незавершенной строительством крепости. С августа 1770 г. по начало 1771 г., по всему периметру этой крепости, был насыпан только, представлявший из себя тридцатидвухконечную звезду, земляной вал (бруствер разрезного гласиса) толщиной 11 футов (ок. 3,3 м) и максимальной высотой 7 футов (ок. 2,1 м), перед которым с внешней стороны после 4-х футовой (ок. 1,2 м) бермы был выкопан трапециевидный ров шириной 17 футов (ок. 5,1 м) и глубиной 9 футов (ок. 2,7 м). Валом и рвом были обозначены и контуры цитадели, единственной начатой, из четырех намечавшихся к постройке в несостоявшейся крепости. Вал (внутренний) цитадели был максимальной высотой 6 футов (ок. 1,8 м), а ров (внутренний) перед ним был шириной 12 футов (ок. 3,6 м) и глубиной 9 футов (ок. 2,7 м). Начатая строительством цитадель представляла из себя горн-верк замкнутый с горжи валом на котором в центре располагался бастион. Размеры цитадели, ее ширина и длина (с бастионом) примерно были: 266,7 м и 249,6 м. По всему периметру строившегося укрепления, перед рвом, для дополнительной защиты, были устроены деревянные рогатки. Размеры всего этого земляного укрепления, его длина и ширина, примерно составляли: 871 м и 836 м (археолог Олег Валентинович Тубольцев в 2020 г. считал, что размеры крепости Александровской (1-й) были 440 м на 440 м [123]). К сооружению основного укрепления так и не успели приступить. В этом «ретраншементе», к 18 октября 1770 г., были построены: три «караульни» (у трех его входов-выходов), «главная квартира» представлявшая собой г-образный дом, «квартира» для коменданта, состоявшая из двух домиков, дом для штаб-офицеров, гауптвахта, шесть больших «землянок» (блиндажей), с разделением на отдельные помещения, для обер-офицеров и рядовых, и лазарет. Внутри цитадели находились: десять больших «землянок» (блиндажей), с разделением на отдельные помещения, в которых вероятно проживал гражданский люд, два пороховых погреба, а также два складских здания для хозяйственного, провиантского и воинского имущества [2, 510; 4, 450].

Обосновывая перенос строительства крепости на новое место, «ближе к реке Днепру», генерал-поручик М.А. Деденев писал, что сделано это «для способнейшаго получения жителям воды (воду из Мокрой Московки для питья старались не использовать.- А.М.) и всево что рекою как для строения равно и пропитания привезено быть может» (местность между Днепром и первой крепостью отличалась сильно развитой плавневой зоной Днепра, а также она была изрезана извилистыми руслами и протоками речек Мокрой Московки и Кучюгум (Кучугум), что вместе, особенно во время паводья, являлось препятствием, которое осложняло путь между крепостью и рекой Днепром.- А.М.). Кроме этого, он указывал, что начатая строением в 1770 г. при речке Мокрой Московке крепость, в которой «желающим жителям довольно места для поселения», может служить также и укреплением (ретраншементом) «от нечаянных каких либо нападений», так как, писал он, «без укрепления на теперешней случай тамо никаких селений произвест нельзя» [4, 450].

По плану генерал-поручика М.А. Деденева от 1771 г. внутри новой крепости должны были находиться церковь, гауптвахта, «генералитетский» дом, комендантский дом, строения («квартиры») для офицерского состава и нижних чинов, провиантские магазины [4, 451].

В фортификационном отношении новая крепость существенно отличалась от первой. Меньшая размером, она должна была состоять также из основного укрепления (условно квадрата), одной цитадели во имя святого апостола Иоанна, перед которой был «равелин» (люнет), и одиннадцати бастионов. Три из которых, носивших имена святых апостолов: Матфея, Луки и Марка, должны были быть деташированными (без рвов вокруг них) и заменить собою ранее планировавшиеся к постройке цитадели. Цитадель и бастионы должны были быть окружены главным валом с отлогостями

и банкетом толщиной 16 футов (ок. 4,8 м) и максимальной высотой 12 футов (ок. 3,6 м), за которым, после 7-ми футовой (ок. 2,1 м) бермы, следовал трапециевидный ров шириной 70 футов (ок. 21 м) и глубиной 10 футов (ок. 3 м) (по всему рву, по его центру, планировалось высадить терновник), за которым шел прикрытый путь шириной в 83 фута (ок. 25 м) с валом с отлогостями и банкетом толщиной 16 футов (ок. 4,8 м) и максимальной высотой 6 футов (ок. 1,8 м), далее следовала 2-х футовая (ок. 0,6 м) берма, за ней треугольный ров шириной 17 футов (ок. 5,1 м) и глубиной 15 футов (ок. 4,5 м), далее разрезной гласис шириной 120 футов (ок. 36 м). Со стороны Днепра гласиса не должно было быть, а был «положен бруствер». По краю гласиса должен был быть высажен терновник. Detaшированный бастион имел вал с отлогостями и банкетом толщиной 16 футов (ок. 4,8 м) и максимальной высотой 11 футов (ок. 3,3 м), далее следовал собственный трапециевидный ров бастиона шириной 5 футов (ок. 1,5 м) и глубиной 5 футов (ок. 1,5 м), далее вал, соединявший бастионы крепости, с отлогостями и банкетом толщиной 16 футов (ок. 4,8 м) и максимальной высотой 6 футов (ок. 1,8 м), за которым, после 7-ми футовой (ок. 2,1 м), бермы шел главный ров крепости. В цитадели вал с отлогостями и банкетом, соединявший ее четыре бастиона («рога»), был максимальной высотой 9 футов (ок. 2,7 м) и толщиной 16 футов (ок. 4,8 м), далее шла 7-ми футовая (ок. 2,1 м) берма, а за ней главный ров крепости. Бастион («рог») цитадели, направленный во вне, имел вал с отлогостями и банкетом толщиной 16 футов (ок. 4,8 м) и максимальной высотой 11 футов (ок. 3,3 м), далее, после 7-ми футовой (ок. 2,1 м) бермы, следовал главный ров крепости, за ним прикрытый путь шириной 52 фута (ок. 15,6 м) с валом с отлогостями и банкетом толщиной 16 футов (ок. 4,8 м), за ним 2-х футовая (ок. 0,6 м) берма, за ней треугольный ров шириной 17 футов (ок. 5,1 м) и глубиной 15 футов (ок. 4,5 м), гласиса нет. Бастион («рог») цитадели, направленный внутрь крепости, имел вал с отлогостями и банкетом толщиной 16 футов (ок. 4,8 м) и максимальной высотой 9 футов (ок. 2,7 м) за которым, после 7-ми футовой (ок. 2,1 м) бермы, следовал собственный трапециевидный ров бастиона шириной 21 фут (ок. 6,3 м) и глубиной 8 футов (ок. 2,4 м), далее шел внутренний двор крепости. «Равелин» (люнет) перед цитаделью имел вал с отлогостями и банкетом толщиной 16 футов (ок. 4,8 м) и максимальной высотой 9 футов (ок. 2,7 м) за которым, после 7-ми футовой (ок. 2,1 м) бермы, следовал главный ров крепости [4, 457/ 458]. Бастионы крепости и цитадель с «равелином» (люнетом) образовывали вместе четырнадцатиконечную звезду. Разрезной гласис крепости образовывал двадцатипятиконечную звезду. Длина и ширина (с гласисом) крепости Александровской (2-й) составляли примерно: 783 м и 860 м (по другим данным: 774 м и 839 м) (археолог О.В. Тубольцев в 2020 г. считал, что размеры крепости Александровской (2-й) были 388 м на 405 м [124]). В крепости были предусмотрены три «выезда» из нее. Также в крепости должен был быть колодец и во рву «пруд» с водой, «глубиною ниже днепровской воды» [4, 451].

Уже к 1772 г. рядом с крепостью Александровской (2-й) действовало два кирпичных завода. Один на левом берегу реки Кучюгум (Кучугум), недалеко от места, где в нее впадала Мокрая Московка, другой на левом берегу Сухой Московки. Выше по течению реки Кучюгум (Кучугум), на правом берегу, находился завод по изготовлению извести [4, 437-440].

Согласно экспликации к карте 1773 г., в крепости Александровской (2-й) должны были быть построены: церковь, купеческие лавки, гауптвахта, дом «генералитетский» со службами, дом для приезжих на шесть семей, квартал для офицеров артиллерийской и инженерной команд, в котором должны были находиться мастерские, цейхгаузы для материалов и инструментов, кузница, квартал для доктора, лекаря и их слугителей, тут же аптека, квартал для коменданта и его канцелярии, квартал для плац-майора и батальонного командира с его канцелярией, квартал из восьми дворов для священников и других церковнослужителей, квартал из восьми дворов для купечества, шесть казарм для нижних чинов и ротных командиров Александровского батальона, две казармы для нижних чинов и офицеров артиллерийской и инженерной команд, двухсводчатый пороховой магазин, в котором должна была находиться также казна крепости, четыре небольших пороховых погреба, гарнизонная школа, лазареты, четыре провиантских магазина, «секверст» и при нем караульная, лаборатория, бассейн и колодцы. В фортификационном отношении характеристики крепости 1771 г. на 1773 г. претерпели не очень существенные изменения [1, 524].

В 1773 г. возник план (неосуществленный), по которому за рекой Сухой Московкой в 752 саженьях (ок. 1603 м) от крепости Александровской (2-й), на линии крепость Александровская (2-я)-форштадт предполагалось создать еще одно, по размерам внешних контуров сопоставимое с крепостью Александровской (2-й), земляное укрепление (ретраншемент). Это новое укрепление должно было представлять собой вал и ров перед ним, которые образовывали тринадцатиконечную звезду. По плану, все три укрепления должны были быть соединены двумя непрерывными земляными валами с рвами перед ними. Оба вала, параллельные друг другу, должны были образовать между форштадтом, крепостью Александровской (2-й) и новым укреплением «коридор» шириной примерно

в 167 саженой (ок. 356 м). В «коридоре», справа и слева от крепости Александровской (2-й), должны были быть построены 18 кварталов на 144 двора «партикулярного строения обывателям». Предполагалось также, что внутри форштадта и нового укрепления «обывательских же дворов в кварталах поместится без утеснения может до пяти сот» [1, 524].

Принявший в 1776 г. главное командование над Линией генерал-аншеф, князь Г.А. Потемкин Ордером от 8 июня 1776 г. утвердил представление Азовского губернатора и Командира линии генерал-майора В.А. Черткова о продолжении строительства фланговых крепостей Александровской и Петровской по проекту генерал-поручика М.А. Деденева [1, 60-61].

5 февраля 1776 г. Указом Сената, «для сбора пошлин», был учрежден ряд таможен, среди которых при крепости Александровской (2-й)- пограничная Александровская таможня и при крепости Петровской «на устье реки Берды, впадающей в Азовское море»- Петровская застава [1, 59]. А уже 5 апреля 1776 г. в крепость Александровскую (2-ю) прибыли таможенные служители, которым комендантской канцелярией, в форштадте, был отведен «казенный дом, о двух покоях». 9 апреля 1776 г. Александровская таможня начала свою работу [1, 59-60]. Указом Сената от 26 мая 1776 г. подтверждалось создание Александровской таможни и учреждалась, подчиненная ей, застава на реке Конские Воды. Для остальных крепостей Днепровской линии Указом было предусмотрено по одному таможенному досмотрщику на крепость. Также по всей Линии должен был действовать таможенный разъезд [1, 60-61].

Согласно описанию Днепровской линии, составленного в 1777 г., крепость Александровская (2-я) была «как внутри так и снаружи не совсем еще окончана; но в разсуждении татар, довольно в оборонительном состоянии». На то время «леса большого» рядом с крепостью не было, его доставляли, если была надобность, по Днепру. Но на приготовление пищи, как указывалось, дерева хватало. Из речки Сухой Московки, рядом с которой располагалась крепость, воду, из-за ее качества, старались не употреблять, опасаясь заболеть лихорадкой и горячкой. Поэтому воду брали из Днепра, хотя в крепости и были колодцы с «посредственной» водой. Нужные товары и продукты гарнизон получал из ближайшего к крепости местечка Новоселицы Азовской губернии, которое находилось в 85-ти верстах (ок. 90 км.) от нее [4, 138-139].

Весной 1778 г. началось строительство, вновь спроектированных, «близ Александровской крепости при реке Конской карантина, таможни и меноваго двора», которые должны были находиться внутри «ретранжаменты» [4, 464; 125, 137-139].

К 1780 г. крепость Александровская (2-я) состояла из одной цитадели (святого апостола Иоанна), обращенной к Днепру, рavelина (люнета) перед ней и одиннадцати бастионов, три из которых были деташированными (святых апостолов: Матфея, Луки и Марка). Цитадель, рavelин (люнет) и бастионы образовывали вместе четырнадцатиконечную звезду. Крепость была окружена сухим рвом, за которым следовали прикрытый путь и разрезной гласис, которые образовывали вокруг основного сооружения двадцатипятиконечную звезду. По всему прикрытому пути были сделаны поперечные «фалверковые траверзы или капониры». У крепости было три входа (выхода). Дороги из крепости (в крепость) соединяли ее с форштадтом, устьем реки Московки и кирпичным заводом. При этом цитадель крепости была еще не совсем окончена. Из трех деташированных бастионов крепости был почти готов только бастион святого апостола Марка, остальные строились; из остальных восьми бастионов (без цитадели) были почти готовы только 5-й, 6-й, 7-й и 8-й. Из назначенных к построению внутри крепости еще не было: церкви, купеческих лавок, дома «генералитетского» со службами, квартала для коменданта и его канцелярии, домов для плац-майора и батальонного командира с его канцелярией, квартала для священников и других церковнослужителей, двухсводного порохового «магазеина», где должна была содержаться и казна, дома для гарнизонной школы, лаборатории. Готовы были уже полностью или частично: гауптвахта, дом для приезжих, квартал для артиллерийских и инженерных штаб и обер-офицеров и в нем: мастерские, двухэтажный цейхгауз и провиантский магазин; квартал для доктора, лекарей и их служителей, аптека; были также готовы: пять из шести батальонных казарм, одна из двух казарм для нижних чинов артиллерийской и инженерной команд и при них «покои» для офицеров тех команд; временный дом для командира инженерной команды, лазарет, находившийся в бастионе святого апостола Матфея, два из четырех малых пороховых погреба; два из четырех, почти готовые, провиантские магазины; острог и при нем караульная, временный сарай для артиллерийских орудий, из пяти-шести, по проекту, колодцев в крепости действовало два с «посредственной» водой, был начат квартал для купечества, в цитадели землянка для караульных; временный инженерный «материальной» цейхгауз, в инженерном квартале фахверковый магазин, был начат двухэтажный «фортификационной» цейхгауз, рядом с цитаделью были готовы несколько траверзов (ретирад). Во рву крепости был выкопан бассейн для воды. Рядом с крепостью, со стороны Днепра, была кузница инженерной команды, угольный сарай и изба «служителям» [1, 525].

К 1782 г. в крепости Александровской (2-й) земляное укрепление было «почти отделано». В самой крепости было построено «каменного строения домов 6, в том числе два фаферковых; фаферкового- 25, в том числе два окладных дерном; деревянного- 6 домов». В Александровском уезде, «по малости заселения», из административных учреждений полагались только: нижний земский суд, уездное казначейство и магистрат. Администрация уезда располагалась в форштадте крепости. Форштадт населяли 7 купцов, 329 мещан и разного звания жителей 47 человек [1, 68-69].

В 1783 г., в отчете, составленном для высшего командования, «Мнение о крепостях Днепровской линии», относительно крепости Александровской (2-й) отмечалось, что эта крепость расположена «не весьма на выгодном месте». Имелось в виду то, что крепость находилась на склоне холма и в ней не хватало питьевой и технической воды. Выход из этого виделся в устройстве в крепости дополнительных колодцев и в усовершенствовании уже имевшегося в крепостном рву бассейна для сбора дождевой, и талой воды. Тем не менее, согласно отчету, крепость как фортификационное сооружение, в целом, была «почти» окончена. В покрытом пути крепости имелись 16 капониров с крышами, покрытыми землей, а «под валом траверзов казематы». Внутри крепости были сделаны для гарнизона 5 длинных казарм с флигилями, батальонный лазарет и «крестообразный» с флигилями и службами дом для приезжего «генералитета» и коменданта. Отмечалось, что этих строений хватало для размещения в них гарнизона и «других чинов». Однако в отчете указывалось, что строения эти сделаны на «слабом» фундаменте. Стены их из-за нехватки лесоматериалов были сделаны не целиком из бревен, а представляли собой каркас из несущих столбов. Внутри него, между дверных и оконных проемов, набивались колья, которые переплетались потом хворостом. Все это потом и внутри, и снаружи обмазывалось глиной. Крыши этих сооружений крылись дранью. Со временем, как указывалось в документе, как сама крепость, так и постройки в ней стали приходить в негодность. Этому способствовал и местный климат. Так покрытие земляных валов крепости дерном во многих местах обвалилось как «от сильных жаров», так и из-за песчаного состава земли. Дрань на крышах «от сильных летних жаров искалолась». Во время дождя крыши зданий протекали, а глиняная обмазка стен смывалась водой. Стены строений зимой сильно промерзали, особенно во время сильных, нередких здесь, ветров. От перепада температур деревянная основа стен гнила и пропадала. Многие стены казарм были «для безопасности от падения подперты бревнами». Внутри крепости были также и «гражданские» строения, многие из которых были сделаны из кирпича, «нужнейшие на извести, а другие на глине». При крепости делался кирпич, который, чтобы удешевить его производство, обжигался не на дровах, а на камыше, бурьяне и навозе [4, 138-139].

Если с начала 1780-х гг. строительные фортификационные работы в крепости Александровской (2-й), впрочем, как и по всей Линии, уже не велись, то текущий ремонт каких-то крепостных сооружений или строительство отдельных зданий, построек в крепости или около нее еще производились. Так, например, 27 июля 1795 г. указом императрицы, данным генерал-губернатору, графу П.А. Зубову, было решено в Екатеринославском и Вознесенском наместничествах устроить сеть городских хлебных магазинов (складов). Один из таких складов, на 5000 четвертей зерна, должен был быть сделан при крепости Александровской (2-й). При складе, который должен был состоять в ведении коменданта, должны были служить два смотрителя из отставных сержантов [39, 738-747].

Крепость Никитинская (1-я: 1771-1774 гг.; 2-я: 1774-1797 гг.)

Крепость Никитинская (1-я) начала строиться в 1771 г. В 1773 г. в этом укреплении располагался гарнизон в один неполный батальон. В крепости и далее продолжал служить гарнизонный батальон (5-й Днепровский батальон), хотя первоначально она считалась двуротной. Крепость находилась в 45 верстах (ок. 48 км) от крепости Александровской, на правом берегу, впадающей в р. Конскую (правый берег), р. Жеребца, в 1 версте (ок. 1,06 км) от этой реки [1, 51-54].

Однако в 1774 г. эта крепость «за худым местоположением» была оставлена. А в 8 верстах (ок. 8,5 км) от нее, на правом берегу р. (Сухой) Камышеватой, была основана новая крепость с тем же наименованием [4, 138-139]. Крепость Никитинская (2-я) находилась в 35 верстах (ок. 37,3 км) от крепости Александровской [4, 248-250].

Земляные крепости Никитинская, Григорьевская, Алексеевская и Захарьевская по проекту были однотипными. Каждая из них представляла собой квадрат (основное укрепление) со стороной примерно 200 м, четыре угла которого образовывали бастионы. По всем четырем сторонам квадрата, по центру их, также должны были находиться, выступающие за квадрат основного укрепления, бастионы. Все эти крепости должны были быть окружены рвом, за которым следовал прикрытый путь, а далее гласис. Их длина и ширина (с гласисом) должны были быть, примерно по 400 м [4, 484].

Новая крепость Никитинская (2-я) состояла из восьми бастионов, которые придавали ей вид восьмиконечной звезды. В 1779 г. еще велись работы по завершению этих бастионов, в двух из

которых были сделаны два из четырех фахверковых капонира. Были также готовы дом коменданта, каменный провиантский магазин и фахверковая гауптвахта. В крепости планировалось также устроить: «деревянной инженерной временной дом», каменный инженерный флигель, кузницу, каменную солдатскую казарму. На покрытом пути должны были быть устроены восемь капониров, а в банетном валу четыре пороховых погреба. В крепости должны были находиться: церковь, помещения для артиллерийских и инженерных служителей, четыре дома для офицеров, дом священника, дом для церковнослужителей, а также лавки, два дома для купцов и казармы. Главный вал крепости с отлогостями и банкетом должен был быть максимальной высотой 14 футов (ок. 4,2 м) и толщиной 14 футов (ок. 4,2 м) [1, 526]. В крепости имелись колодцы.

В 1779 г. по распоряжению Главного командира Днепровской линии генерал-аншефа, князя Г.А. Потемкина «производство» в крепостях Никитинской (2-й), Григорьевской, Алексеевской и Захарьевской (2-й) было прекращено [4, 208].

Крепость Григорьевская (1771/1772-1797 гг.)

Вопреки бытующему мнению крепость Григорьевская реально существовала. Строиться она начала в 1771 г., а к 1773 г. уже были частично готовы валы этого укрепления. Но она так и осталась недостроенной и пустой. Крепость находилась в 34 верстах (ок. 36 км) от крепости Никитинской (1-й), более чем в версте от р. Конской (правый берег) и в 28 верстах (ок. 29,9 км) от р. Жеребца [1, 51-54]. Гарнизона в этой крепости никогда не было, однако коменданты в нее регулярно назначались, числясь в штате Линии.

Крепость Григорьевская, согласно плану 1775 г., должна была состоять, как и другие двуротные крепости Линии, из основного укрепления (квадрата) и 4 бастионов по центру сторон этого укрепления, которые вместе образовывали восьмиконечную звезду. Крепость должны были окружать ров и разрезной гласис, образовывавшие шестнадцатиконечную звезду [1, 527; 4, 484].

В 1776 г. было решено, «за невыгодным местоположением» крепости Григорьевской, строить вместо нее, в другом месте, крепость Ново-Григорьевскую [4, 138-139]. Однако ее строительство так и не было начато [4, 248-250].

Крепость Кирилловская (8 июля 1774-1797 гг.)

Крепость Кирилловская должна была находиться на р. Конские Воды (правый берег), примерно в 17 верстах (ок. 18 км) от крепости Григорьевской и в одной версте от источника Конские Колодези, впадавшего в р. Конские Воды (правый берег) [1, 51-54]. Впоследствии проектное месторасположение этой крепости было изменено. Реальное же строительство крепости Кирилловской началось только 8 июля 1774 г. [4, 248-250]. Крепость Кирилловская находилась в 30 верстах (32 км) от крепости Григорьевской, на правом берегу речки Малой Токмачки, являющейся притоком реки Конки.

Проект батальонной крепости Кирилловской поначалу ничем не отличался от первоначальных проектов батальонных крепостей Александровской и Петровской. Длина и ширина (с гласисом) крепости должны были быть примерно по 900 м. Согласно плану, составленному 5 апреля 1775 г., крепость Кирилловская должна была представлять собой, как и первая крепость Александровская, и как крепость Петровская: квадрат, углы которого образовывали бастионы, по центру сторон квадрата, выступая за них, должны были быть построены четыре цитадели, отделенные (деташированные) от основной постройки рвами, перед цитаделями должны были быть устроены рavelины. Цитадели крепости должны были носить имена: Николаевская, Алексеевская, Васильевская и Дмитриевская. Основное укрепление с цитаделями должно было образовывать шестнадцатиконечную звезду. Ров вокруг крепости и разрезной гласис должны были образовывать тридцатидвухконечную звезду [4, 469].

С 1774 по 1776 г. в крепости Кирилловской работы шли, в основном, по сооружению цитадели Васильевской. К 1 января 1776 г. в цитадели Васильевской уже были готовы: дом инженерной команды со службами (сарай, конюшни, погреб) и рядом временный сарай, капонир на каменном фундаменте. Также, за цитаделью, слева и справа от нее, были готовы 4 капонира. Два из которых были покрыты дерном. Еще 2 капонира были сделаны за крепостью у р. Конские Воды [4, 470].

В 1776 г. проект крепости был существенно изменен. Ордером от 8 июня 1776 г., адресованным генерал-майору В.А. Черткову, Главный командир Днепровской линии генерал-аншеф, князь Г.А. Потемкин из трех (четырех.- А.М.) деташированных цитаделей крепости назначил к строительству только одну цитадель (с рavelином перед ней, но без рва вокруг нее). Князем также были отменены в крепости сутеренги (подземные сооружения.- А.М.) [1, 61].

Согласно проекту 1776 г. основное укрепление крепости Кирилловской с бастионами и цитаделью Васильевской с рavelином должны были образовывать тринадцатиконечную звезду. От трех остальных цитаделей, по новому проекту, остался только их внешний контур. Внутри крепости

должны были быть выстроены: пороховые погреба, церковь, гаубвахта, дома для батальонного командира, плац-майора, адъютанта, лекаря и священника. В крепости также должны были быть: квартал с гостиним двором и 6 домами, квартал для обер-коменданта со службами, квартал для проезжающего через крепость генералитета, два квартала для артиллерийских и инженерных офицеров, два квартала для купеческих домов. Для нижних чинов в крепости были предусмотрены: 3 солдатских казармы и одна для артиллерийских и инженерных служителей. В крепости также должны были быть построены: лазарет, 4 склада для провианта, «секвестр» и при нем караульная, лаборатория со складом и батальонный склад. А также выкопаны колодцы и сделаны капониры [4, 485].

В 1777 г. в описании крепости Кирилловской отмечалось, что эта крепость начала строиться недавно. Однако указывалось, что крепость (вероятно, имелась в виду цитадель Васильевская.- А.М.) «в разсуждении татар по нужде оборонятца может». К этому времени в крепости был выстроен только один дом, «деревянной изрядной», принадлежавший инженерной команде. Офицеры же и солдаты Кирилловского гарнизонного батальона проживали в землянках [4, 138-139].

В 1783 г. в крепости Кирилловской еще продолжались строительные работы. В том же году был составлен новый, еще более упрощенный проект этой крепости, который также не был полностью исполнен. По проекту 1783 г. длина и ширина (с гласисом) крепости должны были быть, примерно: 796 м и 745 м. Фактически к тому времени из всего проекта крепости Кирилловской была построена только цитадель Васильевская и несколько построек вне ее. Да и то земляные валы цитадели даже не были покрыты дерном. Цитадель Васильевская, обращенная к реке Конской, представляла собой горн-верк, перед которым был рavelин (люнет), замыкалась цитадель с горжи также горн-верком. К 1783 г. в цитадели Васильевской были готовы: инженерный дом со службами, который предполагалось переоборудовать для проживания в нем коменданта; временный сарай для скота и повозок, который предполагалось сломать, а на его месте построить артиллерийский цейхгауз; временная кузница и временный артиллерийский цейхгауз (в рavelине), которые также были назначены к слому и временный провиантский магазин (в рavelине). Длина (с рavelином) и ширина цитадели Васильевской составляли примерно: 235 м и 226 м. На территории крепости, вне цитадели, были построены: два временных провиантских магазина (все три временных провиантских магазина крепости, после построения вместо них каменных, предполагалось сломать); дом для цейхквартира и кондукторов; службы для батальонного командира и для плац-майора; помещение гаубвахты, тут же лазарет для ссыльных и секверст; второй секверст; две солдатские казармы; два домика для батальонных капитанов и домик для батальонных поручика и прапорщика; временная деревянная церковь; за крепостью был выстроен кирпичный завод [1, 528; 4, 248-250].

Крепость Алексеевская (1771/1772-1797 гг.)

Крепость Алексеевская находилась примерно в 45 верстах (ок. 48 км) от крепости Кирилловской. В одной версте от крепости была речка Каменная впадающая в р. Берду (левый берег) [1, 51-54].

Крепость Алексеевская начала строиться в 1771 г. по типичному проекту для двуротных крепостей Линии. Согласно экспликациям к плану крепости Алексеевской, составленной 3 марта 1773 г., в крепости должны были быть построены: церковь, гауптвахта, дома: для коменданта, адъютанта, канцелярии, для комендантской прислуги, для капитанов. В крепости также должны были находиться: несколько сараев и конюшен, 2 «людцкия» избы, квартал для инженерных и артиллерийских служителей, квартал для ротных обер-офицеров, 4 солдатских казармы, кварталы для священнослужителей и купечества. Также в ней должны были быть выстроены: 4 пороховых погреба, 2 провиантских «могазейна», артиллерийский и инженерный «могазейны» [1, 529].

В крепости Алексеевской к 1773 г. было почти полностью готово основное укрепление (квадрат) и сделаны, выступающие за квадрат основного укрепления, 4 бастиона. Однако кроме жилья (два капонира обложенные дерном с плетневыми крышами покрытыми землей) для почтовых служителей (до этого была землянка, построенная в 1771 г.) и сарая, крытого камышом со стойлами для почтовых лошадей, выстроенных в 1772 г., других построек в крепости не было. Укрепление в 1773 г. стояло пустым, в нем находилась только почтовая станция Донских казаков [1, 51-54/ 529].

В 1777 г. отмечалось, что «зделанная» крепость Алексеевская «оставлена за худым местоположением», «а новая еще и начала не имеет» [4, 138-139]. В частично выстроенной крепости Алексеевской никогда не было гарнизона, но коменданты в нее, как и в крепость Григорьевскую, назначались. После того как эта крепость была оставлена, новую крепость Алексеевскую строить так и не начали [4, 248-250].

Крепость Захарьевская (1-я: 1771/1772-1777 гг.; 2-я: 1777-1797 гг.)

Крепость Захарьевская (1-я), строительство которой началось в 1771 г., находилась в 30 верстах (ок. 32 км) от крепости Алексеевской и чуть более чем в версте от р. Берды (левый берег). Рядом с Бердой был источник, водой которого пользовались в крепости [1, 51-54]. Крепость была построена вне официальной русско-турецкой границы 1740-х гг., на «барьерной земле», которую Россия, после начавшейся войны, перестала признавать нейтральной территорией, считая ее уже своей землей.

По проекту двуротная крепость Захарьевская (1-я) была подобна крепостям Никитинской, Григорьевской и Алексеевской. 3 марта 1773 г. был «сочинен» план крепости Захарьевской, согласно которому в ней должны были быть выстроены: церковь, гауптвахта, дом для коменданта, дом для артиллерийских и инженерных служителей, дома для ротных обер-офицеров, 4 солдатские казармы, кварталы для священнослужителей и купечества, 4 пороховых погреба, провиантские «магазеины», артиллерийские и инженерные «материальные двory» и капонир. Словом, все тоже самое, что и в крепости Алексеевской. К тому времени (март 1773 г.), кроме землянки, сделанной в 1771 г., других строений внутри крепости еще не было. Однако основное укрепление крепости (квадрат) и выступающие за его стороны бастионы уже были почти готовы [1, 530]. В октябре 1773 г. в крепости было несколько землянок (капониров) покрытых дерном, в которых обитали комендант и гарнизон состоявший из одной роты [1, 51-54].

В 1774 г. крепость Захарьевскую (1-ю) было решено оставить, а вместо нее строить новую крепость Захарьевскую (2-ю). Новую крепость начали возводить в 1777 г. в 30 верстах (32 км) от крепости Алексеевской. Крепость была заложена на левом берегу речки Каратюк при впадении ее в реку Берду (левый берег). В 1777 г. своего гарнизона в крепости не было. Солдаты в количестве 60 человек во главе с офицером отряжались в крепость из гарнизона крепости Кирилловской. Комендант крепости и ее гарнизон проживали «в худых землянках» [4, 138-139]. В 1779 г. все строительные работы в крепости были прекращены. За это время успели построить немного. Сделали только некоторые жилые и хозяйственные постройки, а из оборонительных фортификационных сооружений ничего возведено не было. Первая крепость Захарьевская находилась в 25 верстах (ок. 26,6 км) от крепости Петровской, а крепость Захарьевская (2-я) уже в 37 верстах (ок. 39,5 км) от той же крепости [1, 51-54; 4, 248-250].

Крепость Петровская (август 1770-1800 гг.)

Строительство батальонной крепости Петровской началось в августе 1770 г. на берегу Азовского моря в устье р. Берды (левый берег). Крепость располагалась на косе, которая возвышалась над уровнем моря на две сажени (ок. 4,3 м). Рядом с крепостью находился Бердинский лиман (озеро). Эта крепость, как и крепость Захарьевская, была возведена на бывшей «барьерной земле».

Крепость Петровская, в отличии от других крепостей Линии, не переносилась на новое место, поэтому ее первый проект остался практически без изменений. Этот проект был почти тождествен первоначальным проектам первой крепости Александровской и крепости Кирилловской. В фортификационном отношении крепость Петровская представляла из себя квадрат, со стороной примерно 400 метров. По четырем сторонам которого, по центру сторон, выступая за них, находились четыре, отделенные (деташированные) от основной постройки рвами, укрепления (цитадели), перед которыми были устроены рavelины. Цитадели назывались: Егорьевская, Александровская, Михайловская и Федоровская. Квадратное укрепление, углы которого образовывали бастионы и цитадели, вместе, составляли шестнадцатиконечную звезду. Ров и разрезной гласис по периметру всей крепости образовывали тридцатидвухконечную звезду. Длина и ширина (с гласисом) крепости были примерно по 900 м [1, 531].

К 1773 г. в крепости Петровской уже были готовы четыре деташированные (окруженные сухими рвами) цитадели. Земляные валы цитаделей были немного более сажени (ок. 2,1 м) высотой. Дома в крепости делались из бревен, крыши домов крылись гонтом или камышом. Внутри крепости был колодец, а еще один был вне ее. Строительный лес для крепости, которого в окрестности не было, доставлялся из других мест по Днепру [1, 50-51].

8 июня 1776 г. Главный командир Днепровской линии генерал-аншеф, князь Г.А. Потемкин утвердил представление генерал-майора В.А. Черткова о продолжении строительства крепости Петровской «по ее первоначальному... проекту», и приказал генерал-майору укрепить берег Азовского моря, к которому вплотную подходила крепость Петровская, «пластинами шпунтовыми» и сваями, насыпав за пластинами и перед ними камень [1, 61].

В 1777 г. отмечалось, что крепость Петровская была «не совсем еще отделана, но оборонатца по нужде» могла. В крепости были большие комендантский и инженерной команды дома, была аптека. Солдаты гарнизона проживали в казармах. Гарнизон состоял из одного батальона, в котором

служащие были, в основном, из полков старые солдаты, служили и рекруты, но мало. В крепости часто останавливались приплывавшие морем купцы и «вольные», а также ехавшие посуху в Крымское ханство за солью. Разрешение на ночлег выдавал комендант. Воздух в округе, как отмечалось, был «весма нездоровой» [4, 138-139].

К 1 октября 1780 г. внутри крепости Петровской успели построить: временную, сделанную из камыша, церковь, «набитую глиною» гауптвахту, 3 казармы сооруженные в начале и конце 1770-х гг., «с обмаскою глиною» лазарет, «штабской» инженерный дом, «домик» для инженерных офицеров, деревянный дом для коменданта, мазанку для адъютанта, инженерный и артиллерийский временные цейхгаузы, временный «провиантский» сарай, каменный «секверст», инженерные землянки, таможенную землянку, фахверковые домики для священников, «временныя обывателския землянки и сараи», два капонира «в плацдармах», в инженерном квартале крепости находились: дом для инженер-капитана, в нем же чертежная и контора письменных дел, при нем же людские избы, конюшня, сарай и погреб; дом для обер-офицеров, при нем службы, конюшня, сарай и погреб; «мастерские избы», в Федоровской цитадели для запасного провианта был сделан временный «магазеин»; начато строение еще одного цейхгауза, в крепости также было два колодца [1, 531].

На 1782 г. в крепости Петровской земляные укрепления были «почти совсем отделанныя». В крепости была одна каменная фахверковая церковь. В крепостном колодце вода была «не весьма пресная но к употреблению годная». Рядом с крепостью морской берег был укреплен деревянными сваями. От берега в море уходила, построенная на сваях, пристань длиной 12 сажень (ок. 25,2 м). В крепости действовали таможенная застава и почта [1, 68-69].

В составленном в 1783 г. «Мнении о крепостях Днепровской линии» отмечалось, что крепость Петровская в фортификационном отношении была практически полностью готова. Даже земляные валы крепости «во многих местах были облицованы дерном», правда, со временем, из-за песчаного состава грунта, это покрытие обвалилось. Отмечалось также, что «высокий и крутой» берег моря рядом с крепостью был оббит, для укрепления его, «шпанпланками из пластин». От этого берега в море уходила сделанная на деревянных сваях пристань. К 1783 г. в цитаделях и внутри крепости были сделаны: 3 пороховых погреба (один из них «за ветхостию» был сломан), 6 временных «плетневых и камышем оставленных магазейнов», на прикрытом пути 2 капонира, в цитадели Егорьевской 2 батальонных лазарета (один из которых в 1773 г. сгорел), гауптвахта, 4 батальонных казармы (одна из них кирпичная под земляной крышей) (из них одна в 1776 г. сгорела, другая была в 1782 г. «за ветхостию» сломана), 2 крытых дранкой домика для инженерных штаб и обер-офицеров, инженерной команды «мастерская» и 7 землянок для инженерных нижних чинов. Также в крепости были готовы: 2 домика крытых камышем для священника и других церковнослужителей, деревянный дом со службами для коменданта, 3 колодца. В инженерном квартале крепости были сделаны: крытый железом цехгауз, дом для инженер-капитана и дом для других инженерных офицеров, мастерская «изба», казарма для нижних инженерных чинов. В комендантском квартале были готовы, комендантские: кирпичные «людская изба» под крышей из дерева с кухней и сенями, конюшня, сарай и погреба, плац-майорские и артиллерийской команды: конюшни, сарай и погреба. В цитадели Александровской в земле были вырыты и покрыты земляными крышами 2 «секвестра», а над ними были устроены караульная и лазарет. Вне крепости находились: кирпичный завод с печами и сараями и принадлежавшие инженерной команде кузницы, а также сарай и конюшни для казенных лошадей и волов [4, 248-250].

Линия с редутами (Днепровская линия)

Днепровской линией, как указывалось выше, первоначально, до 1771 г., назывался отдельный фортификационный объект создаваемой Линии. Он-то, собственно, и дал впоследствии название всей строящейся Линии. Это должно было быть фортификационное сооружение, которое бы своими укреплениями закрывало, лишенный естественной водной преграды, участок государственной границы между крепостями Кирилловской и Алексеевской, а точнее: пространство между истоками рек Конские Воды и Берды. Строительство этого фортификационного объекта (Днепровской линии), согласно первому проекту, должно было начаться и закончиться на пятом году строительства всей Линии, то есть в 1775 г.

По первому проекту генерал-поручика М.А. Деденева, это укрепление должно было представлять собой непрерывный земляной вал (бруствер) длиной в 8 верст 35 сажень (8,6 км). Высота этого вала (бруствера) должна была быть 7 футов (2,1 м). Ров перед валом должен был быть шириной 28 футов (8,5 м) и глубиной 14 футов (4,3 м). По всей длине этого вала должны были быть расположены 10 небольших земляных укреплений: 3 ротных крепости и 7 редутов. Гарнизон каждого редута должен был составлять 25 человек. Генерал-поручик М.А. Деденев планировал также на находившемся перед линией, за российской границей, кургане Токмак Могиле устроить, со временем, блокгауз [2, 99/ 502].

Во втором проекте эта линия тянулась 8 верст (8,5 км), от крепости Алексеевской до одного из истоков реки Конских Вод, а на Токмак Могиле также планировалось возвести блокгауз. В истоках рек Конских Вод и Берды, генерал-поручик предполагал поднять уровень воды с помощью плотин [4, 82]. Также, согласно второму проекту сооружение ротных крепостей на этой линии было отменено. По новому плану на линии должно было быть три «двойных» и семь «одинаких» редутов [5, 226-227]. В других документах двойные редуты еще назывались двойными фельдшанцами [5, 228-231]. В этом проекте высота вала (бруствера) линии составляла 5 футов (1,5 м), а ров должен был быть глубиной 9 футов (2,7 м) [7, 134-135].

Из переписки, которая велась в 1773 г. между Главным командиром Днепровской линии генерал-майором В.А. Чертковым и вице-президентом Военной коллегии генерал-аншефом, графом З.Г. Чернышевым можно усмотреть, что до строительства линии между истоками рек Конские Воды и Берда было еще очень далеко. При обсуждении генералами этого фортификационного объекта речь шла, пока что только: об осмотре местности, на которой он должен был возводиться, о создании подробной карты этой местности и о сочинении графических планов этого укрепления [2, 127-130].

Однако сооружение этого оборонительного объекта было отменено так и не начавшись. 14 июня 1776 г. новый Главный командир Днепровской линии генерал-аншеф, князь Г.А. Потемкин по-своему решил судьбу этого фортификационного объекта. В этот день князь рассматривал два новых проекта этой линии. 1-й проект был составлен инженером, надворным советником А.К. Шалыгиным. Этот проект состоял в том, чтобы вести 11-ти верстную (ок. 11,7 км) укрепленную линию от крепости Кирилловской, а закончить ее у одного из истоков реки Берды, примерно в 3 верстах (ок. 3,2 км) от крепости Алексеевской. Также, по проекту инженера, в 3,5 верстах (ок. 3,7 км) от этой линии, на высоком кургане Токмак Могиле, должен был находиться блокгауз. 2-й проект линии был представлен князю генерал-майором В.А. Чертковым. Идея этого проекта заключалась в том, чтобы строить указанную линию от крепости Кирилловской до Токмак Могилы, а от последней вести линию до крепости Алексеевской. В этом случае длина линии должна была составить 15,5 верст (16,5 км) [4, 82].

Однако оба эти проекта, как впрочем и проект (2-й) генерал-поручика М.А. Деденева, были отвергнуты князем. Их реализация, по его мнению, была невозможна уже потому, что Токмак Могила находилась вне российской границы, на территории Крымского ханства. Вместо представленных ему проектов генерал-аншеф, князь Г.А. Потемкин постановил обустроить участок между крепостями Кирилловской и Алексеевской укрепленными селениями. То есть согласно принятому ранее (8 сентября 1775 г.- А.М.) решению, согласно которому по всей «дистанции» Днепровской линии, между крепостями, на расстоянии 5 верст друг от друга, должны были быть устроены «ретраншированные селения». А на Токмак Могиле князь предложил выставить временный казачий пост [4, 82].

10 ноября 1776 г., согласно пожеланию князя Г.А. Потемкина по устройству границы между крепостями Кирилловской и Алексеевской, был составлен новый проект укрепления этого участка. Согласно которому, между этими крепостями должны были быть расположены 2 пятидесятидворовых, обнесенных валом, селения и четыре земляных редута. В каждом из имеющих форму квадрата редуты должны были быть устроены караульная и конюшни, а по углам этого укрепления должны были быть сделаны боннеты (дополнительное укрепление бруствера для защиты обороняющихся.- А.М.) [4, 487-488].

Но и этот проект не был осуществлен. Только в 1780 г. в 10 верстах (ок. 10,7 км) от крепости Кирилловской было устроено воинское поселение отставных солдат- слобода Конская.

Поселения на Днепровской линии (Камышеватая, Жеребец, Конская)

Первоначально Днепровская линия проходила по территориям Самарской и Кальмиуской паланок Войска запорожского. Население этих паланок было крайне малочисленным, так как Войско запорожское, не являясь значительной военной силой, не могло обеспечить его надежной защитой от нападения турок и татар. Если до войны человеческое присутствие на этой земле было обозначено немногочисленными, разбросанными по берегам некоторых рек и речушек, зимовниками запорожских казаков, то после ее начала край стал практически необитаемым.

В 1771 г. генерал-майор, князь А.А. Прозоровский отмечал, что от реки Самары «до самой новой Днепровской линии, как и от оной до Перекопу нигде никакого селения нет. А бывшие прежде зимовники по рекам Калмиусу, Волчей, Быку, тож и по самому Днепру между новой Линией и рекой Самарой в нынешнюю войну все разорены» [38, 427]. А в дневнике ученого-естествоиспытателя и путешественника И.-А. Гюльденштедта, проделавшего в 1773 г. путь от крепости Петровской до крепости Александровской, вдоль рек Берды и Конской и подробно описавшего свой маршрут, нет даже намек на то, что ему в дороге встречались запорожские зимовники [1, 51-54].

2 сентября 1770 г. императрица Екатерина II обратилась с секретным указом к губернатору Слободско-Украинской губернии генерал-майору Евдокиму Алексеевичу Щербинину (1728-1783). В указе, в котором собственно шла речь о территории будущей Азовской губернии, императрица просила генерал-майора Е.А. Щербинина составить, на будущее, план административно-территориального устройства и хозяйственного освоения края лежавшего между Украинской и Днепровской линиями, рекой Кальмиусом и г. Бахмутом. В указе императрица выражала надежду, что указанная территория, надежно защищенная Днепровской линией, в недалеком будущем получит возможность для быстрого заселения и эффективного экономического развития [1, 44].

Интересно, что одними из первых, кто пожелал поселиться на Днепровской линии, были «подданные» Войска Запорожского. Эти люди (крестьяне и простые казаки), спасаясь от тяжелых повинностей, которые налагало на них Войско запорожское, стали селиться как в крепости Александровской, так и рядом в слободах и хуторах. Это вызывало недовольство казацкой старшины, которая не хотела терять своих «подданных», эксплуатация которых приносила ей немалую прибыль [126, 80-82]. Так 26 июля 1771 г. Войска запорожского кошевой атаман П.И. Калнышевский обратился с доношением к командующему Второй армией генерал-аншефу, князю В.М. Долгорукову. В нем он представил список из 35 беглецов, «подчиненных запорожских», из Кодацкой и Самарской паланок и просил князя приказать коменданту крепости Александровской, чтобы он впредь таковых у себя не принимал. Со своей стороны командующий Второй армией сообщил руководству Войска запорожского, что им было предложено коменданту крепости Александровской полковнику В.-Л. фон Фредерздорфу, «чтоб он всех по тому списку казаков собрав, отослал в Кайдак и Самару» и приказано, «чтоб он впредь таковых беглецов в ту крепость не принимал» [24, 87-92].

Подписание (1774 г.) и ратификация (1775 г.) Кючук-Кайнарджийского мирного договора, усилившего геополитические позиции России в Северном Причерноморье, и курс взятый руководством страны на укрепление и централизацию государственного управления, законодательно оформленный принятием «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.), делали ненужным дальнейшее существование, утратившего свое милитарное значение, Войска Запорожского Низового. Которое, помимо прочего, стало «тормозом» для проведения государственной колонизации и развития торговли на Юге страны [126, 154/ 176]. В 1775 г. Войско Запорожское, не вписавшееся в рамки государственного устройства империи, было упразднено. Земли же, которые контролировали запорожские казаки, в 1775-1776 гг. были распределены между Новороссийской и Азовской губерниями.

С 1775 г. руководством края неоднократно рассматривались различные варианты по созданию поселений на Днепровской линии с целью не только увеличить народонаселение на этой территории, но и надежнее укрепить государственную границу.

29 августа 1775 г. Азовский губернатор, Главный командир Днепровской линии генерал-майор В.А. Чертков предложил Новороссийскому и Азовскому генерал-губернатору генерал-аншефу, графу Г.А. Потемкину создать на Днепровской линии, между крепостями, укрепленные селения. На что 8 сентября того же года получил от генерал-губернатора согласие. Поселенцам полагалась «шестилетняя, а выводимым из-за границы десятилетняя... от податей льгота» [4, 67-68]. Предполагалось, что будет создано 30 населенных пунктов. Чтобы осуществить задуманное дело, генерал-майор В.А. Чертков предлагал привлечь к этому, в качестве организатора, бывшего запорожца, а на 1775 г. малороссийского Миргородского полка городничего сотника Григория Ивановича Ляховича [4, 68].

14 июня 1776 г. генерал-аншеф, князь Г.А. Потемкин орденом к генерал-майору В.А. Черткову, постановил, что участок Днепровской линии между крепостями Кирилловской и Алексеевской следует обустроить не как нибудь иначе, а именно укрепленными селениями. То есть сообразно ранее принятому решению, согласно которому по всей «дистанции» Днепровской линии, между крепостями, на расстоянии 5 верст друг от друга, должны были быть устроены «ретраншированные селения» [4, 82].

На 1776 г. проект укрепленного селения представлял собой следующее. Согласно проекту, поселение, состоявшее из пятидесяти дворов, должно было быть обнесено земляным двенадцатиугольным звездобразным валом. В валу предполагалось четыре въезда-выезда с караульной на каждом. По центру поселения должна была быть выстроена церковь [4, 487].

15 апреля 1777 г. Азовский губернатор генерал-майор В.А. Чертков донес рапортом генерал-аншефу, князю Г.А. Потемкину, что представился случай поселить на Днепровской линии, в укрепленных селениях жителей Белгородской губернии, Валуйского уезда. Это были раскольники и «правоверные» сел Черниговка, Лациновка и Богдановка, общее число которых достигало «до пяти тысяч душ». Потенциальные переселенцы готовы были перейти в Азовскую губернию из-за нехватки земельных угодий под их селениями. В рапорте губернатор указывал также, что на Днепровскую линию

«из малороссиан мало желающих перейти на жителство сыскалось». И что на них «как не привыкших иметь прямой оседлости и склонных к переходу с одного на другое место» (вероятно речь шла об обитателях зимовников) «положится не можно» [4, 106-107].

6 июня 1779 г. генерал-поручик В.А. Чертков рапортом генерал-аншефу, князю Г.А. Потемкину предложил, на приказ последнего отправлять на поселение в Азовскую губернию холостых и женатых отставных солдат, селить их на Днепровской линии «по рекам Конской и Берде» «в селениях укрепленных земляными ретранжаментами». Азовский губернатор полагал устроить на Линии всего 25 таких селений (это «сверх начавшихся там малороссийских трех» селений). Каждому населенному пункту, состоящему из пятидесяти дворов, должно было быть отведено 6 тысяч десятин земли. Одно поселение должно было насчитывать 100 человек жителей. Из 25 сел, находившихся друг от друга на расстоянии 5-7 верст, 10 губернатор предполагал отвести отставным солдатам, а 15 проживавшим в Бахмутской провинции, нуждающимся в земле, 2000 однодворцам. И те и другие поселенцы, по мысли генерал-поручика, должны были быть вооружены стрелковым оружием и даже артиллерией, чтобы выполнять на Линии роль пограничной стражи. Поселенцам также должна была быть дана 6-летняя льгота «от всяких земских нарядов» и разрешена продажа «горячего вина» с тридцати копеечной пошлиной с каждого ведра. Указанные селения генерал-поручик В.А. Чертков предлагал построить заранее, до прибытия в них поселенцев, чтобы не отягощать их «обзаведением и обнесением их жилищ ретранжаментами». Губернатор предлагал также, ради экономии, упразднить из семи крепостей Линии четыре: Захарьевскую, Алексеевскую, Григорьевскую и Никитинскую. А на их месте обустроить селения для отставных солдат [4, 202-204].

7 ноября 1779 г. Азовский губернатор генерал-поручик В.А. Чертков вновь обратился к генерал-аншефу, князю Г.А. Потемкину с просьбой упразднить четыре крепости Днепровской линии. С тем, чтобы, обратя их в укрепленные селения, в 200 дворов каждое, поселить в них весной 1780 г. отставных солдат. Всего отставников насчитывалось 963 человека. Из них «престарелых и дряхлых» генерал-поручик предполагал определить в больницы, а «мастеровых» поселить в Екатеринославе. Между крепостями же, на Линии, предполагалось поселить более двух тысяч однодворцев из Бахмутской и Екатерининской провинций Азовской губернии [4, 208].

12 февраля 1780 г. губернатор генерал-поручик В.А. Чертков доносил генерал-аншефу, князю Г.А. Потемкину, что «отставных от службы», «бывших на турецких и татарских границах» солдат было прислано на поселение в Азовскую губернию 1062 человека. Из которых налицо, «за убылью», 543 человека холостых и 422 человека женатых. Из последних, 133 человека были отправлены за их семьями, чтобы они доставили своих жен и детей на новое место жительства. Все солдаты «на первой случай» были размещены в крепостях: Александровской, Никитинской, Кирилловской и Захарьевской. В рапорте губернатор снова просил князя об упразднении четырех крепостей Линии, чтобы «на самых тех местах» устроить селения для отставных солдат [4, 211-212].

22 декабря 1780 г. Азовский губернатор генерал-поручик В.А. Чертков доносил генерал-аншефу, князю Г.А. Потемкину, что «вновь заводимая на новой Днепровской линии при крепостях Кирилловской и Захарьевской из отставных солдат селения, в непродолжительном времени приведутся в желаемое состояние». И что строительный лес для домов на место уже доставлен, а само строительство «с успехом производится». В рапорте генерал-поручика сообщалось также, что солдаты пока проживают в «казенных землянках». Из них 190 человек уже привезли на новое место жительства свои семьи, а еще 192 человека отправлено в Россию за их женами и детьми. И что из холостых поселенцев 12 человек уже женились, а 179 холостых солдат отправлены в Малороссию для приискания себе пары. Губернатор также сообщал князю, что каждой вновь образованной семье из казны выдается, «в награждение», по два рубля [4, 219].

На февраль 1781 г. в воинской слободе Конской, находящейся от крепости Кирилловской в 10 верстах, при 100 дворах находилось отставных солдат и членов их семей- 344 м.п. и 197 ж.п. [65, 274].

18 июня 1781 г. губернаторский товарищ коллежский советник Илларион Спиридонович Алексеев (1742-1798), которому было поручено дело «обселения отставных солдат в Азовской губернии», рапортовал губернатору генерал-поручику В.А. Черткову, что на Днепровской линии «при реке Конской» устроено три слободы (Камышеватая, Жеребец и Конская.- А.М.), в которых дома уже построены «и все салдаты совершенно водворены». И что все необходимое для ведения домашнего хозяйства и хлебопашества им дано [4, 228]. К рапорту была приложена ведомость. Согласно которой на реке Конской было заведено три слободы. Две из которых были по 100 дворов и одна в 50 дворов. 250 домов этих слобод были построены за казенный счет из строевого леса приобретенного в Польше. Дома в слободах были выстроены «в желаемом порядке регулярно». Всего в слободах было поселено 920 человек. Из них 54 холостых переселенца женились (каждая новая семья получала из казны по 3 рубля). Да сверх того, «ис России привезено и в слободах находится жен» 154 и 58 детей обоого

пола. Каждому из 920 поселенцев было выделено на обзаведение хозяйством по 8 рублей, на которые им были куплены: деревянная посуда, сохи, плуги и прочее для хозяйства. А также для каждого двора были приобретены: лошадь с возом, корова, пара овец. А для каждой слободы «для распашки целинной земли по три плуга волов». При слободах был высажен вербовый лес, отмечалось, что около 5 тысяч деревьев принялись. Также прилагались усилия по постройке в слободах церквей и мельниц. Первые два года поселенцы получали бесплатный казенный провиант из армейских на Линии и запасного губернского складов. В первый же год для посева слобожане получили от государства семена проса, ячменя, пшеницы и ржи. Однако в 1780 г. все «посеянное, даже и траву саранча истребила». Но, как отмечалось в ведомости, в 1781 г. «хлеба посеянного преизобильно» и есть надежда, что казенного провианта уже не понадобится, а семян после уборки злаков хватит на новый сев [4, 228-229].

17 ноября 1781 г. Азовский губернатор генерал-поручик В.А. Чертков обратился к чрезвычайному посланнику и полномочному министру при крымском хане действительному статскому советнику Петру Петровичу Веселицкому (1711-1786) с просьбой, чтобы тот довел до хана сведения о случаях, с целью пресечь подобные, когда вооруженные крымские татары, подъезжая к русской границе, к реке Конские Воды, стреляли в сторону солдатских слобод, расположенных на Днепровской линии (конкретно губернатором упоминалась слобода Жеребец) [1, 68].

В 1782 г. в слободе Жеребце, находившейся от крепости Никитинской примерно в 12 верстах, состояло отставных солдат и членов их семей- 362 м.п. и 277 ж.п. В 1784 г. в слободе Жеребце при 79 дворах числилось 517 жителей обоого пола. Слобода Камышеватая (Камышеваха) находилась от крепости Никитинской в 4 верстах [65, 269-270].

В июне 1787 г. отставные солдаты слободы Камышеватой обратились к генерал-фельдмаршалу, князю Г.А. Потемкину с просьбой, чтобы с них сняли задолженность по полученному ими ранее казенному провианту. Провиант был выдан жителями слободы в долг, в связи с неурожайными 1781-1782 гг. В обращении к князю слобожане отмечали, вероятно, надеясь, что этот аргумент будет учтен генерал-фельдмаршалом, что из первоначального числа поселенцев «убыло и померло 30, да дряхлых и к работе вовсе неспособных 15 человек» [127, 171].

В воинской слободе Жеребце на 1787 г. было 47 домов, сооруженных на казенный счет и рассчитанных на две семьи (два двора) каждый. Дома были каркасные, о деревянных столбах, установленных в углах зданий, с венцами сверху. Стены были вальковые. Каждый дом разделялся на две половины, с отдельными на каждую его часть выходами в отдельный двор. Размеры каждого из строений были следующими: длина- 4 1/2 сажени, ширина- 3 сажени, высота- 3 аршина (от пола до потолка). Размеры дверей: 1 1/3 X 1 1/16 аршина. В каждой половине дома было по четыре окна, размером: 10 X 8 вершков. Вся слобода, первоначально, была окружена деревянными рогатками [128, 21].

На 1787 г. в Екатеринославском наместничестве, в селениях, где были определены отставные солдаты, поселенцев обоого пола состояло: в Новомосковском уезде, в д. Жеребце- 362 м.п. и 177 ж.п. (по другим данным: 423 м.п. и 295 ж.п. [128, 22]) при 18000 дес. земли («удобной») и 2060 дес. земли («неудобной»); в д. Павловке (Камышеватая)- 234 м.п. и 93 ж.п. при 6000 дес. земли («удобной») и 908 дес. земли («неудобной»). В Мариупольском уезде, в с. Конской- 315 м.п. и 109 ж.п. при 12000 дес. земли («удобной») и 1027 дес. земли («неудобной») [129, 157/ 221].

В 1792 г. правитель Екатеринославского наместничества генерал-майор В.В. Каховский полагал, что выходящих из Польши российских «дизертиров» (беглых) и старообрядцев можно было бы поселить на Днепровской линии в крепостях: Никитинской, Кирилловской, Захарьевской и Петровской. Где, как он считал, они «имели бы при крепостях надежное пристанище и составили надежное сообщение до Азовского моря» [130, 386-387].

Таким образом, в результате деятельности по осуществлению проекта 1775 г. по созданию на всей «дистанции» Днепровской линии, 25-30 укрепленных селений, было сделано немного. В 1780 г., недалеко от крепостей Никитинской и Кирилловской, были основаны всего лишь три воинские слободы- Жеребец, Камышеватая (Камышеваха) и Конская. И как видим, и в 1792 г. руководство края не оставляло идею разместить на Днепровской линии новых поселенцев. Очевидно, что крепости Линии являлись на то время не худшим пристанищем этого края, где вновь прибывший на поселение мог как-то закрепиться.

Днепровская линия. Периодизация

1-й, 1770-1775 гг. Утвержден проект (второй) Линии. Крепостям Линии были даны имена членов Совета при Высочайшем Дворе. Генерал-поручик М.А. Деденев назначен Главным командиром Линии. Во второй половине августа 1770 г. началось строительство Линии. Под руководством генерал-поручика М.А. Деденева были заложены две фланговые крепости Линии- Александровская (1-я)

и Петровская. На протяжении 1770-1771 гг. во все крепости были назначены коменданты. В 1771 г. для крепости Александровской было выбрано другое местоположение. С 1771 г. на месте крепости Александровской (1-й) стал формироваться форштадт Александровский. С 1771 г. по 1776 г. Главным командиром Линии был, сменивший генерал-поручика М.А. Деденева, генерал-майор В.А. Чертков. При нем было начато строительство большинства крепостей Линии. Двуротные крепости (Никитинская, Григорьевская, Алексеевская, Захарьевская), заложенные в 1771 г. генерал-майором В.А. Чертковым располагались примерно на расстоянии версты от пограничных рек Конских Вод и Берды. В 1771 г. безымянная новая пограничная Линия получила, ставшее впоследствии официальным, название- Днепровская линия. Это наименование она приобрела от одного из своих фортификационных объектов- линии в Линии. С 1773 г. стало возможным привлекать к работам на Линии осужденных преступников. В 1773 г. Военная коллегия решила перенести уже заложенные и начатые строительством крепости (двуротные) ближе к пограничным рекам. Было изменено проектное местоположение крепости Кирилловской. В 1774-1775 гг. было окончательно определено местонахождение для большинства крепостей Линии. В 1774 г. начато строительство крепости Никитинской (2-й) и крепости Кирилловской. В 1775 г. было упразднено Ее императорского величества Войско Запорожское Низовое, а земли данные Войску на период его службы Государству, на которых располагалась и Линия, были распределены в 1776 г. между Новороссийской и Азовской губерниями. И наконец, 1775 г. стал последним годом использования труда работников («лопатников» и погонщиков волов) присылаемых на Линию по наряду.

2-й, 1776-1784 гг. С 1776 г. и по свою смерть Главным командиром Линии становится генерал-аншеф, граф; князь Г.А. Потемкин. С 1776 г. строительство и ремонт крепостей Линии велись силами гарнизонных солдат и заключенных. В 1777 г. началось строительство крепости Захарьевской (2-й). В 1779 г. все строительные работы в двуротных крепостях были остановлены (в крепостях Григорьевской и Алексеевской строительство и не начиналось). После включения в 1783 г. территории Крымского ханства в состав России и перенесения государственной границы к берегам Черного моря, Днепровская линия утратила свой пограничный статус, оказавшись глубоко внутри государства. К 1784 г. строительство на Линии было полностью прекращено. В 1784 г. вышел указ императрицы Екатерины II об упразднении Линии, который однако не привел к ликвидации этого фортификационного объекта.

3-й, 1785-1797 гг. Все эти тринадцать лет Линия существовала в качестве тылового воинского объекта. В 1791 г. умер Главный командир Линии и генерал-губернатор края, генерал-фельдмаршал, князь Г.А. Потемкин-Таврический. В 1797 г. Днепровская линия как единый воинский объект была упразднена. Однако и после этого, крепости Александровская и Петровская еще почти три года (до 1800 г.) числились в штате действующих крепостей Российской империи.

Заключение

Несомненно, главной причиной того, что проект Днепровской пограничной линии 1770 г. так и не был полностью осуществлен- это выгодно менявшаяся для России, в течение сравнительно небольшого промежутка времени, геополитическая ситуация в Северном Причерноморье. Так удачная для России война с Турцией 1768-1774 гг., которая собственно и дала толчок к сооружению Линии, закончилась подписанием между сторонами Кучук-Кайнарджийского мирного договора (до этого был мирный договор 1772 г. между Россией и Крымским ханством, по которому последнее было провозглашено независимым государством). Согласно договору, Крымское ханство было признано Турцией независимым государством. То есть Турция лишилась своего вассала, а Россия получила на своей южной границе самостоятельное, нейтральное государство. Последующие события привели, в конечном итоге, к включению в 1783 г. территории Крымского ханства в состав России и перенесению русской границы к берегам Черного моря. В результате, Днепровская линия утратила свой пограничный статус, оказавшись глубоко внутри государства.

Поэтому, не имевший быть недостаток: денежных средств, рабочей силы и материалов для строительства Линии, был причиной того, что к 1784 г., когда это строительство уже было полностью прекращено, этот фортификационный объект оказался далеко не завершенным. Все это было скорее следствием того, что у Власти, в период строительства Линии, уже были другие, более важные задачи. Перед Россией в то время стоял уже не вопрос защиты существовавшей государственной границы, а задача кардинального решения Черноморской проблемы.

И все же даже указ императрицы Екатерины II 1784 г. об упразднении этого фортификационного объекта, официально подтвердивший утрату Днепровской линией своего первоначального предназначения, не привел к ликвидации Линии. Вероятно реваншистские поползновения Турции к возврату контроля над Крымом, приведшие в конечном итоге к Русско-турецкой войне (1787-1791),

заставили генерал-губернатора края и фактически соправителя императрицы Екатерины II, генерал-фельдмаршала, князя Г.А. Потемкина отложить упразднение Днепровской линии. Что и продлило ее существование в качестве тылового воинского объекта до 1797 г.

Что же касается Днепровской линии как фортификационного объекта и ее проекта, то здесь можно констатировать следующее. Все крепости Днепровской линии, как и предусматривалось проектом, были, одни раньше, другие позже, начаты строительством. Крепости Александровская и Петровская начали возводиться в августе 1770 г. Крепости: Никитинская, Григорьевская, Алексеевская и Захарьевская были заложены и начали строиться в 1771 г. Крепость Кирилловскую начали строить самой последней в 1774 г. При этом, строительство крепости Александровской, из-за неудачно выбранного места, в 1771 г. было остановлено и было начато возведение новой крепости Александровской на новом месте. Из-за решения Военной коллегии от 1773 г. о переносе крепостей: Никитинской, Григорьевской, Алексеевской и Захарьевской на новые места, ближе к пограничным рекам. Крепость Никитинская в 1774 г. была оставлена, и вместо нее, уже в другом месте, началось строительство новой крепости Никитинской. Были оставлены по этой же причине и крепости: Григорьевская, Алексеевская и Захарьевская. Но если крепость Захарьевская все же в 1777 г. начала строиться, то к возведению крепостей Григорьевской и Алексеевской уже больше не приступали. В 1779 г. Главным командиром Днепровской линии было решено в крепостях Никитинской, Григорьевской, Алексеевской и Захарьевской все работы, которые еще велись, прекратить. Естественно, что после такого указания на существовании крепостей, где работы вообще еще и не начинались (Григорьевская, Алексеевская), был поставлен крест.

С самого начала возведения Линии и в течение всего ее сооружения проекты практически всех крепостей Линии подвергались изменению или корректировке. Так проект крепости Александровской после перенесения в 1771 г. ее строительства на новое место был кардинально изменен. Значительному изменению в 1776 г. подвергся и проект крепости Кирилловской. Были несколько изменены в 1776 г. и проекты двуротных крепостей Линии. Пожалуй, крепость Петровская была единственная из крепостей Линии, которая наиболее соответствовала по возведению своему первоначальному проекту. Надо учесть еще и то, что и внутреннее пространство всех крепостей с их жилыми, хозяйственными и военного назначения сооружениями, по большей части, не соответствовало своему первоначальному проекту. Многие из проектируемых сооружений внутри крепостей просто не были построены, какие-то из них были не достроены, некоторые построенные не соответствовали первоначальному плану. Укрепленная линия, которую по плану должны были возвести между крепостями Кирилловской и Алексеевской, так и не была построена. Не были построены на реках Мокрой Московке, Конские Воды и Берде и плотины, которые должны были усилить обороноспособность Линии.

В результате, к 1784 г. наиболее готовыми и обороноспособными крепостями оказались крепости: Александровская, Никитинская и Петровская. В крепости Кирилловской, к этому времени, из всех оборонительных сооружений успели построить только цитадель Васильевскую- крепость в крепости, этим и ограничились, посчитав, что возведенная цитадель «по нужде оборонятца может». В крепости Захарьевской к 1779 г., когда все работы в ней были прекращены, вероятно, успели сделать только некоторые жилые постройки, а из оборонительных фортификационных сооружений ничего возведено не было.

Во всех обороноспособных крепостях Линии: Александровской, Никитинской, Кирилловской и Петровской были собственные гарнизоны, состоявшие из одного батальона каждый (в 1796 г. гарнизонные батальоны были преобразованы в полки). Только в крепость Захарьевскую отряжалось из крепости Кирилловской небольшое воинское подразделение. В крепостях Григорьевской и Алексеевской никогда гарнизонов не было. Во всех гарнизонах Линии наблюдался некомплект офицеров и солдат, так как Линия, утратив свое значение, пополнялась военными служащими по остаточному принципу.

Во все крепости Днепровской линии назначались согласно штату коменданты, а так как крепостей Григорьевской и Алексеевской, можно сказать, и не существовало, то их коменданты, чтобы они находились при деле, назначались служить, например, в Комиссию Днепровской линии. А, к примеру, комендант крепости Алексеевской бригадир А.А. Пеутлинг был командирован служить комендантом в Таганрогскую крепость. Или они могли служить комендантами в крепости Кирилловской, числясь при этом по штату в крепости Алексеевской. Дело в том, что согласно штату Линии в крепостях должны были служить 7 комендантов и один обер-комендант (в крепости Кирилловской должны были находиться комендант и обер-комендант). Фактически же на Линию назначались 6 комендантов и обер-комендант.

Несмотря на то, что Днепровская линия, в силу сложившихся обстоятельств, утратила свою основную функцию- быть защитой государственной границы, ее значение как военного опорного пункта (базы) трудно переоценить. На Линии войска могли получить: провиант, фураж, строительные

материалы, воинские припасы, медицинскую помощь и пристанище для личного состава воинских подразделений. Также на Линии, через систему почтовых станций, которые содержали донские и малороссийские казаки, была организована регулярная доставка военной корреспонденции.

Днепровская линия сыграла заметную роль и в хозяйственном освоении края. Рядом с Линией, под ее защитой, стали появляться казенные и владельческие селения. Через крепости Александровскую и Петровскую, которые являлись административными центрами уездов и таможенными пунктами (с 1776 г.), шел товаропоток как в Россию, так и в обратном направлении. В крепостях Линии появились купцы, стали развиваться торговля и ремесла. В форштадте крепости Александровской были учреждены ярмарки. При крепости Петровской действовала грузовая пристань. Все это способствовало постепенному экономическому развитию края.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). Запорожье, 2014.
2. Макидонов А.В. История Днепровской линии. Новые документы и материалы (1770-1797). Запорожье, 2021.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 123.
4. Макидонов А.В. Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х - начала 1780-х гг. Запорожье, 2016.
5. Макидонов А.В. Первые метрические книги г. Запорожья (Александровска) (1774-1788). Запорожье, 2017.
6. Список Воинскому департаменту, и находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб-офицерам, на 1771 год. В Санктпетербурге.
7. Военная энциклопедия. Т. IX. Петербург, 1912.
8. Архив Государственного Совета. Том первый. Совет в царствование императрицы Екатерины II-й. (1768-1796 гг.). Санктпетербург, 1869.
9. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последняго Коша Запорожскаго. Часть III. Одесса, 1846.
10. Новицкий Я.П. История города Александровска (Екатеринославской губ.) в связи с историей возникновения крепостей Днепровской линии. 1770-1806 г. Екатеринослав, 1905.
11. Фоменко В.Г. Днепровская линия крепостей. Запорожье, 2008.
12. Карагодин А.И. К вопросу о названиях крепостей Новой Днепровской линии // Матеріали перших Новицьких читань. Запоріжжя, 2002.
13. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийскаго края 1730-1823. Часть 1. С 1730 по 1796. Одесса, 1836.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), с 1649 года. Том XLIII. Часть первая. Книга штатов. Отделение первое. Царствование государыни императрицы Анны Иоанновны. 1730-1740. Царствование государыни императрицы Екатерины II. 1762-1796. Царствование государя императора Павла I. 1796-1800. Санкт-Петербург, 1830.
15. Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків. Том 3. Київ, 1991.
16. Шпитальов Г.Г. Військова служба запорозького козацтва в російсько-турецьких війнах 1735-1739 та 1768-1774 років. Запоріжжя, 2004.
17. Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Ново-Сербию // Киевская старина. Том VII. Сентябрь и октябрь. Киев, 1883.
18. Стороженко А.В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904.
19. Документи Богдана Хмельницького 1648-1657. Київ, 1961.
20. Універсали Богдана Хмельницького 1648-1657. Київ, 1998.
21. Жарких М. Терехтемирів. Київ, 2013.
22. Сокур А.Ф. Вознесенівська гора. Запоріжжя, 2003.

23. Молдавский Р.Л. Нова Дніпровська лінія укріплень (1770-1791 рр.) // Запорозька спадщина. Випуск 16. Запоріжжя, 2007.
24. Новицкий Я.П. Материалы для истории запорожских козаков // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии (ЛЕУАК). Вып. V. Екатеринослав, 1909.
25. Масловский Д.Ф. Примечания и приложения к «Запискам по истории военного искусства в России. Царствование Екатерины Великой». Выпуск II-й. С.-Петербург, 1894.
26. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества христового 1778. В Санктпетербурге.
27. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества христового 1781. В Санктпетербурге.
28. ПСЗ, с 1649 года. Том XXIV. С 6 ноября 1796 по 1798. Санкт-Петербург, 1830.
29. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Часть четвертая. С.-Петербург, 1899.
30. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Часть шестая. С.-Петербург, 1900.
31. Гербовник знамен Российской империи, содержащий рисунки гербов городов, провинций, а также знамен полков, их гербов и знаков. 1730-1778 гг. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1411. Оп. 1. Д. 1.
32. ПСЗ, с 1649 года. Том XIX. 1770-1774. Санктпетербург, 1830.
33. ПСЗ, с 1649 года. Том XVI. С 28 июня 1762 по 1765. Санкт-Петербург, 1830.
34. ПСЗ, с 1649 года. Том XXII. 1784-1788. Санкт-Петербург, 1830.
35. ПСЗ, с 1649 года. Том XVIII. 1767-1769. Санкт-Петербург, 1830.
36. ПСЗ, с 1649 года. Том XX. 1775-1780. Санкт-Петербург, 1830.
37. Суворов А.В. Документы. Том II. Москва, 1951.
38. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756-1776). Москва, 2003.
39. ПСЗ, с 1649 года. Том XXIII. С 1789 по 6 ноября 1796. Санкт-Петербург, 1830.
40. Русская старина. Том семьдесят пятый. Июль. С.-Петербург, 1892.
41. Долгоруков С.Н. Хроника Российской Императорской армии. Санктпетербург, 1799.
42. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Часть седьмая. С.-Петербург, 1900.
43. Государственный архив Запорожской области (ГАЗО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 1.
44. Михайловский-Данилевский А.И. Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году. Том первый. Санктпетербург, 1852.
45. ПСЗ, с 1649 года. Том XXV. 1798-1799. Санкт-Петербург, 1830.
46. Общий морской список. Часть I. Санктпетербург, 1885.
47. Сборник военно-исторических материалов. Записки собранныя по повелению императора Павла I о начале регулярного войска, о Ново и Славяно-Сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах. Выпуск XVI. С.-Петербург, 1904.
48. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 98-а. Ч. 1.
49. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 97. Ч. 73.
50. Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России. С.-Петербург, 1879.
51. ГАЗО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5.
52. Путешествия в Малороссию академика Гильденштедта и кн. Долгорукаго // Киевская старина. Март. Киев, 1893.

53. D. Johann Anton Guldensadt. Reisen durch Ruszland und im Caucasischen Geburge. Zweyter Theil. St. Petersburg, 1791.
54. Головка Ю.І. Митниця і карантин Олександрівської фортеці // *Ab urbe condita*: Урбаністичний простір Південної України в останній третині XVIII- першій половині XX ст.: збірка матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 250-й річниці м. Запоріжжя. Запоріжжя, 2020.
55. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православнаго исповедания Российской империи (ПСП и РВПИРИ). Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. Царствование государя императора Петра Феодоровича. Том IV. 1753-28 июня 1762 г. Санктпетербург, 1912.
56. ПСЗ, с 1649 года. Том XXVI. 1800-1801. Санкт-Петербург, 1830.
57. ПСЗ, с 1649 года. Том VII. 1723-1727. Санкт-Петербург, 1830.
58. ПСЗ, с 1649 года. Том V. 1713-1719. Санкт-Петербург, 1830.
59. Барсов Т. Об управлении русским военным духовенством. С.-Петербург, 1879.
60. ПСП и РВПИРИ. Том VIII. 1733-1734 г. Санктпетербург, 1898.
61. ПСП и РВПИРИ. Царствование государыни императрицы Елисаветы Петровны. Том II. 1744-1745 г. Санктпетербург, 1907.
62. ПСЗ, с 1649 года. Том VI. 1720-1722. Санктпетербург, 1830.
63. ПСЗ, с 1649 года. Том XVII. 1765-1766. Санктпетербург, 1830.
64. ПСП и РВПИРИ. Царствование государыни императрицы Екатерины II. Том I. 1762-1772 г. Санктпетербург, 1910.
65. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшаго XVIII столетия. Выпуск 2-й. Нынешние уезды- Бахмутский, Славяносербский, Ростовский на (Д.), Александровский и Мариупольский. Екатеринослав, 1880.
66. Машуков В.Д. О Новомиргороде (Херсонской губернии) // *Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии*. Шестой выпуск. Екатеринослав, 1910.
67. Харлан О.В. Олександрівська ротонда. До питання локалізації місцезнаходження та архітектурно-містобудівні особливості // *Софійські читання*. Матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції «Християнські святині-скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання», (м. Київ, 26-27 трав. 2011 р.). Київ, 2013.
68. Харлан О. Соборний Покровський храм Олександрівська: до питання локалізації місцезнаходження та архітектурно-містобудівних особливостей // *Стратегії дослідження та репрезентації*. Історія Степової України. Запоріжжя, 2021.
69. Махновець Л.Є. Григорій Сковорода. Київ, 1972.
70. Петербургский некрополь. Том третий (М-Р). С.-Петербург, 1912.
71. Петербургский некрополь. Том четвертый (С-Ф). С.-Петербург, 1913.
72. Духовный регламент. Санктпетербург, 1779.
73. Государственный архив Днепропетровской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2.
74. Харлан О.В. Запорозька спадщина в урбаністичному просторі Олександрівська: до питання вивчення архітектурно-містобудівних особливостей і локалізації місцезнаходження унікальних додекагонових православних храмів в м. Запоріжжя // *Ab urbe condita*: Урбаністичний простір Південної України в останній третині XVIII- першій половині XX ст. : збірка матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 250-й річниці м. Запоріжжя. Запоріжжя, 2020.
75. Горбань Г.В. Свято-Покровський собор. Запорожье, 1991.
76. Екатеринославские епархиальные ведомости (отдел официальный). N 4. 15 февраля 1891 г.
77. Екатеринославские епархиальные ведомости (отдел официальный). N 13. 1 июля 1891 г.
78. Екатеринославские епархиальные ведомости (отдел официальный). N 15. 1 августа 1892 г.

79. Макидонов А.В. Метрические книги г. Запорожья (Александровска) (1789-1800). Запорожье, 2023.
80. Борисенко О.Є. Був собор: трохи історії, тісно пов'язаної із сучасністю // «Запорізька правда». 8 травня 1991 р.
81. Стойчев В.М. Православные церкви города Александровска 1770-1917 гг. // Музейний вісник. Випуск 7. Запоріжжя, 2007.
82. Лиман І.І. Православна церква на півдні України (1775-1781) // Джерела з історії Південної України. Том 4. Запоріжжя, 2004.
83. Новицький Я. Твори. Том 4. Запоріжжя, 2020.
84. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642-1700-1890. Варшава, 1890.
85. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Выпуск 1-й. Нынешние уезды- Екатеринославский, Верхне-Днепровский, Новомосковский и Павлоградский. Екатеринослав, 1880.
86. ПСЗ, с 1649 года. Том XXI. 1781-1783. Санкт-Петербург, 1830.
87. Киценко М. Хортиця в героїці і легендах. Дніпропетровськ, 1972.
88. Вечерський В.В. Втрачені об'єкти архітектурної спадщини України. Київ, 2002.
89. Путем апостола Андрея. Очерки истории Православия в Запорожском крае. К 20-летию Запорожской и Мелитопольской епархии. Запорожье, 2012.
90. Павелко И., Стойчев В. От Кичкасской переправы до Вознесенки сквозь XIX век. Путевые заметки. Запоріжжя, 2018.
91. ГАЗО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3 а.
92. ГАЗО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 3.
93. ГАЗО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 4.
94. ГАЗО. Ф.19. Оп. 1. Д. 1.
95. ПСЗ, с 1649 года. Том XXXI. 1810-1811. Санкт-Петербург, 1830.
96. ГАЗО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 7.
97. ГАЗО. Ф.19. Оп. 1. Д. 2.
98. ГАЗО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 8.
99. Новицкий Я.П. Из церковной летописи // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Шестой выпуск. Екатеринослав, 1910.
100. Мышецкий (князь) С.И. История о казаках запорожских,.. Одесса, 1852.
101. Грязнов И. Основание Александровской крепости // «Большевик Запорожья». 28 августа 1940 г.
102. Пешанов В. Запоріжжю 150 років: Чи знаєш ти історію свого міста? // «Червоне Запоріжжя». N 211. 26 жовтня 1956 р.
103. Фоменко В.Г. Звідки ця назва? Дніпропетровськ, 1969.
104. Фоменко В. Откуда начался наш город: Навстречу 200-летию Запорожья // «Индустриальное Запорожье». N 178. 10 сентября 1969 г.
105. Фоменко В. Головна фортеця: До 200-річчя заснування Запоріжжя // «Комсомолец Запоріжжя». N 109. 13 вересня 1969 р.
106. Фоменко В.Г. Хортицкая старина // Заповідна Хортиця. Випуск 1. Запоріжжя, 2006.
107. Фоменко В.Г. Страницы летописи нашего города: К 200-летию Запорожья // «Индустриальное Запорожье». 17 мая 1970 г.
108. Жигалов А. Мунько Т. 1. Столітній... початок біографії [Заснування Олександрівська та його розвиток у дореформений період (1770-1860 роки)]: Від фортеці на Мокрій Московці до гіганта індустрії на Дніпрі. Цикл нарисів до 200-річчя міста Запоріжжя // «Запорізька правда». N 140. 19

липня 1969 р.

109. Запоріжжю 200. Дніпропетровськ, 1970.
110. Вилинов Ю. Городу Запорожье- 900 лет!? Новая концепция определения возраста нашего города // «Наш город». N 166. 24 июня 1992 г.
111. Карагодин А.И. Александровск-Запорожье: этапы городской власти. Пологи: б.и., 2004?.
112. Олійник О.Л. Запорозький зимівник часів Нової Січі (1734-1775). Запоріжжя, 2005.
113. Яків Новицький. Твори у 5 томах. Том 1. Запоріжжя, 2007.
114. Шиханов Р.Б. Жовтневий район міста Запоріжжя (1935-2010 роки): становлення та розвиток місцевих органів влади. Запоріжжя, 2010.
115. Бондар В.О., Козлова І.В. Архівні фонди православних церков міста Олександрівська Катеринославської губернії як історичне джерело // Архіви України. N 5. Київ, 2010.
116. Матеріали до тому «Звід пам'яток історії та культури України. Запорізька область». Кн. 1. м. Запоріжжя. Київ, 2016 // http://history.org.ua/LiberUA/ZvidZap1_2016/ZvidZap1_2016.pdf
117. Лініков В.А. Про дату заснування міста Олександрівська в контексті інформаційної війни // Музейний вісник. N 18. Запоріжжя, 2018.
118. [https://timenews.in.ua/447023/pavel-kravchuk-aleksandrovskij-forshtat-stal-embrionom-iz-kotorogorazrossya-ves-gorod\(06.12.2019\)](https://timenews.in.ua/447023/pavel-kravchuk-aleksandrovskij-forshtat-stal-embrionom-iz-kotorogorazrossya-ves-gorod(06.12.2019)). «Акценти»- Павло Кравчук, Олег Тубольцев // <https://www.youtube.com/watch?v=NxDbQWDHHDc> (10.12.2019).
119. Білівненко С.М. Фактори міського континуїтету в датуванні історії міста Запоріжжя // *Ab urbe condita: Урбаністичний простір Південної України в останній третині XVIII- першій половині XX ст. : збірка матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 250-й річниці м. Запоріжжя.* Запоріжжя, 2020.
120. Мільчев В.І. Запорозький чинник в історії Олександрівської фортеці (1770 / 80-ті pp.) // *Ab urbe condita: Урбаністичний простір Південної України в останній третині XVIII- першій половині XX ст.: збірка матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 250-й річниці м. Запоріжжя.* Запоріжжя, 2020.
121. Бойко Петро. Козацькі зимівники та слободи у формуванні мережі сіл та міст Південної України // *Нариси з історії освоєння Південної України XV-XVIII ст.* Київ, 2020.
122. Вилинов Ю.А. О местонахождении Григорьевской крепости Днепровской линии // *Вестник краеведа.* Запорожье, 1990.
123. [https://timenews.in.ua/453928/zaporozhcam-rasskazali-o-pervyh-nahodkah-na-valah-aleksandrovskoj-kreposti-foto\(28.02.2020\)](https://timenews.in.ua/453928/zaporozhcam-rasskazali-o-pervyh-nahodkah-na-valah-aleksandrovskoj-kreposti-foto(28.02.2020)).
124. Новини Z- Запорізькі археологи дослідили Олександрівську фортецю // <https://www.youtube.com/watch?v=j2vN3uwGyLk> (28.02.2020).
125. Головка Ю. Формування митної мережі Південної України (1775-1819) // *Джерела з історії Південної України.* Т. 8. Запоріжжя, 2007.
126. Полонська-Василенко Н.Д. Заселення Південної України в половині XVIII ст. (1734-1775). Ч. II. Мюнхен, 1960.
127. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. Москва, 1959.
128. Лутай Ф. До історії заснування с. Жеребця на Запоріжжі та заселення Жеребецького району // *Краєзнавство.* N 3. Харків, 1927.
129. *Джерела з історії Південної України.* Т. 10. Запоріжжя, 2009.
130. *Записки Одесского общества истории и древностей.* Том двенадцатый. Одесса, 1881.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТРИ ГЕНЕРАЛА, ИЛИ КТО СОЗДАЛ УКРАИНСКУЮ ЛИНИЮ

Если имена главного проектировщика и строителя Днепровской пограничной линии и даже личного состава инженерных команд возводивших в 1770-е гг. этот фортификационный объект известны, то предшествовавшая по времени этому оборонительному укреплению Украинская пограничная линия, начатая строительством в начале 1730-х гг. на том же крымском направлении, в этом вопросе является фактически белым пятном.

Можно смело утверждать, что исторической науке до сих пор неизвестно, что создателем Украинской линии был генерал-майор от фортификации (инженер-генерал-майор) Петр Петрович де Бриньи. То есть, как это иногда бывает, дело создателя пережило его имя. Правда, в работах, посвященных истории Украинской линии, приводятся фамилия и звание военного инженера, которому сначала Военной коллегией в 1730 г., а потом Правительствующим Сенатом в 1731 г. было поручено строить эту Линию- генерал-майор от фортификации Дебриньи. Однако при этом исследователи редко называют имя этого инженера, очевидно опасаясь по незнанию попасть впросак, но если все же оно ими иногда и приводится, то практически всегда ошибочно [1, 68; 2, 298; 3, 130; 4, 157; 5, 143; 6, 124; 7, 8; 8, 36; 9, 68; 10, 50; 11, 65-66].

Пожалуй еще хуже обстоят дела в литературе справочного характера. Так, например, в «Русском биографическом словаре» в статье о генерале Петре де Бриньи мы находим сведения, которые к подлинному П.П. де Бриньи никакого отношения не имеют. Причем в этом биографическом очерке, составленном, как можно будет увидеть из нижеизложенного, из сведений о службе двух других генералов, нет даже и намек на то, что человек с этим именем имел хоть какое-то отношение к Украинской линии [12, 355-356].

Некоторым оправданием всему этому могут служить следующие обстоятельства. Во-первых, в официальных документах того времени редко указывалось имя офицера. Во-вторых, в 1730-х-1740-х гг. в русской армии служили три генерала (генерал-майоры, впоследствии двое из них стали генерал-лейтенантами), у двоих из которых были одинаковые фамилии (Петр Петрович и Андриан Петрович де Бриньи), а у третьего была похожая фамилия на фамилию первых двух, и имя схожее с именем одного из де Бриньи (Андрей Францевич де Брилли). Фамилия- де Брилли, порой воспринималась историками как некий искаженный вариант фамилии- де Бриньи. В-третьих, личные и служебные пути этих офицеров порой пересекались во времени и пространстве. Мало того, их всех связывали родственные узы.

Перечисленные обстоятельства стали также причиной того, что в работах исследователей, посвященных военной истории России первой половины XVIII в. по поводу этих исторических персонажей царит несусветная путаница. Нередкость, что сведения об одном из них (национальная принадлежность, воинское звание, события личной жизни и военной службы) приписываются другому и наоборот [11, 65-66; 13, 57/111; 14, 149; 15, 68; 16, 82; 17, 164]. Но если ныне жизненный путь А.П. де Бриньи и А.Ф. де Брилли еще можно как-то проследить, то генерал-майор от фортификации П.П. де Бриньи до настоящего времени сколько-нибудь достоверного и связного биографического очерка в исторической литературе не имеет [18, 149-150; 19, 24-26; 20].

Ниже мы приводим краткие биографии всех трех упомянутых нами исторических персонажей, чтобы в дальнейшем историки могли более точно соотносить реалии их служебной карьеры и личной жизни с их именами.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ДЕ БРИНЬИ

Петр Петрович де Бриньи (Petri de Brigni, de Brigny) (Дебрини, Дебриний, Дебриньи) по национальности француз, родился предположительно в 1690 г., католик по вероисповеданию. В русскую службу он был принят инженером лично Петром I во время заграничного путешествия царя во Францию и Голландию. Произошло это по одним данным 17/20 августа 1717 г. в Амстердаме, по другим в Париже [21, 183; 22, 296; 23, 36; 24, 288]. В это же время в русскую армию был принят и его брат Андриан Петрович де Бриньи [18, 149; 25, 102; 26, 309].

В июле 1719 г. инженер-полковник П.П. де Бриньи был переведен из ведомства Походной Санкт-Петербургской канцелярии в Приказ артиллерии [23, 36]. 14 марта 1723 г. инженер-полковник П.П. де Бриньи по Высочайшему повелению посылается к Старой Руссе для осмотра соленого озера, чтобы составить план по устройству доков, в которых, в соленой воде, должен был храниться дубовый лес, предназначенный для кораблестроения [27, 717/757]. В том же 1723 г. он участвует в созданной Петром I Коммисии по строительству Ладожского канала, в которую помимо прочих входили: генерал-лейтенант Бурхард Христоф (Христофор Антонович) фон Миних (1683-1767), инженер генерал-майор Алферий (Арефий) Степанович де Кулон (ск. 1735) и начальник строительства инженер генерал-майор Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев (1675-1747?) [28, 134-135]. В 1724 г. инженер-полковник

П.П. де Бриньи участвовал в разработке проекта укреплений предназначавшихся для усиления обороноспособности Выборгской крепости. Это задание, выдвинутое Военной коллегией в январе 1724 г. было поручено также генерал-лейтенанту Б. К. фон Миниху и генерал-майору А.С. де Кулону. Из трех проектов, которые были составлены этими инженерами, к исполнению был принят проект генерал-майора А.С. де Кулона [1, 167-169]. 10 марта 1725 г. полковник П.П. де Бриньи, в качестве «маршала», принимал участие в траурной церемонии прощания с умершими императором Петром I и его дочерью цесаревной Наталией Петровной (1718-1725) [29, 48].

23 мая 1725 г. инженер-полковник П.П. де Бриньи жалуется чином генерал-майор от фортификации [22, 296; 30, 17]. В 1725 г. генерал-фельдмаршал князь Александр Данилович Меншиков (1673-1729), генерал-майор А.С. де Кулон и инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи осматривали строительство Ладожского канала. По результату осмотра строительства было решено изменить место устья Ладожского канала [31, 674]. В 1726 г. по указу императрицы Екатерины I инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи был послан в Астрахань, «во вновь завоеванные Персидския провинции», в Низовой корпус, в ведение командующего корпусом генерал-аншефа князя Василия Владимировича Долгорукого (1667-1746) «для снятия с Персидских новозавоеванных крепостей, с принадлежащими их ситуаций, планов и учинения проектов». П.П. де Бриньи было также поручено выбрать место для строительства крепости в устье Куры. При этом с инженер-генерал-майором были посланы два столяра иностранца, которые должны были выполнить, согласно указанию императрицы, для большей наглядности, «модели» (макеты) крепостей (в этом же году П.П. де Бриньи исполнял и обязанности генерал-квартирмейстера армии [32, 388]). В 1727 г. инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи, исполнив порученное, прибыл в Санкт-Петербург. В результате, им и его подручными были выполнены макеты крепостей: «Святаго Креста, Дербента, Баке (Баку), Зинзилям, Перебазарью, Ряще, Катерям, Новому Кескеру, Новой Крепости, Аграханскому ретранжаменту, Прорве, Старой крепости Сулацкой». На изготовление указанных моделей и ранее, на создание в «Петергофской маленькой крепости квартир», инженером были потрачены собственные средства, которые ему были, в размере 2500 рублей, возмещены государством в 1729 г. (известно, что П.П. де Бриньи для Петра I была изготовлена модель крепости Нового Бризака, автором проекта которой в 1698 г. был французский военный инженер генерал-лейтенант Себастьян Ле Претр де Вобан (1633-1707) и за которую инженер-полковник получил «довольное награждение») [16, 65; 24, 286-288]. В 1727 г. инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи, некоторое время, управлял Инженерной и Артиллерийской школами, замещая отсутствовавшего в Санкт-Петербурге генерал-майора А.С. де Кулона, в ведении которого эти школы находились [33, 6]. В 1728 г. инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи разработал проект укрепления Уфы, который однако к исполнению принят не был [1, 270]. В 1728-1729 гг. П.П. де Бриньи, по поручению «Инженерной конторы», выполнял задание по осмотру и составлению проектов по усилению обороноспособности регулярных крепостей: Киевской, Черниговской, Переволочинской, Переяславской и Брянской [34, 786]. Высочайшим указом от 11 июня 1729 г., данным из Военной коллегии, инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи был командирован из Киева на Дон, к пришедшей в негодность крепости Транжамент. Для того чтобы сделать проект новой крепости, которая должна была находиться недалеко от прежней на Васильевских буграх или где-нибудь еще поблизости. Предполагалась также и возможность восстановления крепости Транжамент. Однако из-за перелома ноги П.П. де Бриньи выехал из Киева только 6 июля, а 28 июля прибыл в Транжамент (дело было настолько срочным, что пока П.П. де Бриньи болел, вперед его был послан инженер-капитан Матиас Ретч (Рючш, Ретш), который должен был до его прибытия на место подготовить всю нужную документацию). Выполнив задание, инженер-генерал-майор в октябре прибыл в Москву, а в декабре представил по инстанции «о Транжаментской крепости планы и профили», сметы и «мнение» [24, 382-398; 34, 724; 35, 192].

25 мая 1730 г. указом из Военной коллегии инженер-генерал-майору П.П. де Бриньи было предписано «осмотреть места между Орелью и Северным (Северским) Донцом, с целью построить там впоследствии крепость или Линию, для охранения этой части южных пределов от набегов крымских татар». Это поручение инженер-генерал-майором было выполнено к 10 октября 1730 г. [1, 68]. Именным указом от 18 декабря 1730 г. бывшему Смоленскому губернатору, сенатору, генерал-майору Алексею Ивановичу Тарakanову (1671-1760) и инженер-генерал-майору П.П. де Бриньи было поручено осмотреть и описать территорию от Днепра и до Дона, на которой должны были быть поселены «украинские полки» [35, 237]. 15 января 1731 г. из Правительствующего Сената на имя генерал-майора А.И. Тараканова и инженер-генерал-майора П.П. де Бриньи была дана «инструкция» по формированию на южной границе государства («в Украине»), для ее охраны и защиты, 20 поселенных полков. При этом «инструкцией» предусматривалось, «для лучшего охранения» границы, «между Северским Донцом и Берестовой, Нарели (Орелью) рекам и по Северскому Донцу сделать Линию, и усмотря где опасныя места к проходу неприятельскому сделать крепости...» [36, 360-364]. Согласно именного указа от 2 мая 1731 г. генерал-майор А.И. Тараканов и инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи поступили под начало командующего войсками в Малороссии генерал-аншефа графа Иоганна-Бернгарда фон

Вейсбаха (1665?-1735) [35, 244]. 2 мая 1731 г. малороссийский гетман Даниил Павлович Апостол (1654-1734) получил из Коллегии иностранных дел «грамоту», в которой от имени Ее Императорского Величества было указано: «дабы наступающей весны в строении Линии время не упустить, начать ту Линею делать от Днепра по Орели до устья Берестовой, по прежнему плану господина генерал-майора Дебринея...» [37, 96-98]. 31 января 1732 г. на доклад Правительствующего Сената была вынесена высочайшая резолюция о прибытии немедленно в Санкт-Петербург генерал-майора А. И. Тараканова и инженер-генерал-майора П.П. де Бриньи «с потребными ведомостями» о ходе строительства «Украинской линии, крепостей и набора ландмилицких полков» [38, 151]. Зимой 1732 г. генерал-аншеф граф И.-Б. фон Вейсбах сообщил в Кабинет министров Ее Императорского Величества (Кабинет министров), что для доклада отправлен «с планом и с докладными о Линии пунктами» инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи (в 1732-1734 гг. генерал-майор А. И. Тараканов находился на Царицынской линии) [38, 166]. Надо отметить, что под началом у П.П. де Бриньи на Линии служило и трудилось немало военных инженеров. Одним из которых был инженер-капитан-поручик (28 ноября 1732) Даниил Исаакович де Боскет (1705-1785). На Линии Д.И. де Боскет находился с 1732 г. по лето 1735 г. Он активно участвовал в проектировании и строительстве многих фортификационных сооружений входивших в состав Украинской линии [39, 278]. 24 декабря 1733 г. Кабинет министров рассмотрел рапорт инженер-генерал-майора П.П. де Бриньи о ходе работ на Украинской линии летом 1733 г. [40, 617]. 16 февраля 1734 г. Военной коллегией на имя инженер-генерал-майора П.П. де Бриньи была составлена инструкция по плану работ на Украинской линии на 1734 г. Из которой видно, что к этому времени на Линии были почти готовы 10 крепостей, а 7 были заложены [1, 713-715; 41, 572]. Весной 1736 г. главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал граф Б.К. фон Миних в донесении императрице отметил нужность уже построенной Украинской линии в деле защиты государственной границы. Однако он подверг критике как проект Линии, которая по его мнению должна была быть продолжена далее, с тем чтобы прикрыть от неприятеля оставшуюся незащищенной Бахмутскую провинцию, так и лично инженер-генерал-майора П.П. де Бриньи как руководителя работ на Линии. Генерал-фельдмаршал писал, что: «генерал-майор Дебриньи, управлявший по Линии, только испортил дело, потому что сам не смотрел, а полагался на рапорты; на лошади он ездить не может, пешком Линии обходить далеко и трудно, в коляске объезжать нельзя по причине ям и неровностей» [42, 1340]. В 1736 г. инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи входил в состав Комиссии, созданной генерал-фельдмаршалом графом Б.К. фон Минихом по случаю начавшейся войны с Турцией. Комиссия должна была «разсматривать и утверждать проекты наиболее важных и необходимых работ» на Линии [1, 74]. Летом 1736 г. командующий войсками на Украинской линии генерал-лейтенант князь Григорий Алексеевич Урусов (1680-1743) и инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи обращались в Кабинет министров с просьбой о наряде для работ на Линии 5400 человек «рабочих людей» из малороссийских и слободских полков. На что по их вопросу в Кабинете министров 13 июля 1736 г. было вынесено положительное решение [43, 316].

В июне 1736 г. инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи находился в армии генерал-фельдмаршала Петра Петровича (Пирс-Эдмонд) фон Ласси (de Lacy) (1678-1751) при осаде крепости Азов. После сдачи 20 июня 1736 г. турками крепости, инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи некоторое время был комендантом Азова (в должности коменданта П.П. де Бриньи пробыл недолго, так как в 1736/37 г. Азовской крепостью командовали уже обер-комендант артиллерии генерал-майор Яков-Ульрих фон Сперейтор (1668-1750) и комендант полковник Данила Степанович Языков (1685-после 1761) [44, 236]) [45, 85]. 19 сентября 1736 г. генерал-фельдмаршал граф Б.К. фон Миних обратился к императрице с докладом, в котором просил перевести П.П. де Бриньи с Украинской линии. Генерал-фельдмаршал обосновывал свою просьбу тем, что инженер-генерал-майор, «за ножною болезнию», «для осмотра работ верхом по всей Линии ездить не может, а в коляске не способно». Граф Б.К. фон Миних предлагал определить П.П. де Бриньи «для строения и починки» или в крепость Азов, или в крепость Святой Анны. А на Украинскую линию он предлагал назначить к руководству строительством инженер-майора М. Ретча (Ретша), который служил на Линии. И генерал-фельдмаршал добился своего. 26 октября 1736 г. он доложил императрице, что по ее указу от 12 октября 1736 г. инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи от дел по Украинской линии отрешен, а на его место назначен инженер-майор М. Ретш (Ретч) [46, 160/ 199-200].

П.П. де Бриньи была поручена работа по приведению в обороноспособное состояние крепости Азов [46, 199-200]. В этой крепости инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи руководил строительными и ремонтными работами до 1740 г. (в мае 1738 г. Кабинет министров рассматривал доношение П.П. де Бриньи с просьбой о «присылке в Азов, для присмотру над рабочими людьми, инженерных обер-офицеров и кондукторов» [47, 432]) [44, 244/ 246/ 253-254]. Помимо этого, в августе 1737 г. инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи, совместно с вице-адмиралом Петром Петровичем Бредалем (1683-1756), участвовал в экспедиции, инициированной правительством, по изучению состояния Таганрогской гавани. В задачи экспедиции входило определение степени пригодности этой гавани для

дальнейшей эксплуатации и составление плана по ее и крепости Таганрогской восстановлению [48, 183/ 191-192/ 202-203/ 212-213].

3 марта 1740 г. инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи указом императрицы Анны Иоанновны был отправлен в отставку «с награждением пропитания, по указу 1707 г.» [49, 133]. Известно, что еще 22 декабря 1737 г. в «записке» на имя императрицы генерал-фельдмаршал граф Б.К. фон Миних предлагал отправить инженер-генерал-майора П.П. де Бриньи в отставку. В «записке» он писал, что П.П. де Бриньи «Весьма дурно ведет себя, зол и ни во что не может быть употреблен. Самое лучшее, если уволить его от службы с награждением деревни или с пансионом 300 рублей, и столь важное место, какое он занимает, поручить другому» [50, 210-211].

Однако вне службы П.П. де Бриньи пробыл недолго. Этому поспособствовала отставка (6 марта 1741 г.) его недоброжелателя генерал-фельдмаршала графа Б.К. фон Миниха. Комментарием к этому может служить письмо французского дипломата при российском дворе Жака-Иоахима Тротти, маркиза де ла Шетарди (1705-1759) от 8 августа 1741 г. В письме, которое маркиз адресовал министру иностранных дел Франции, говорилось: «Генерал Бриньи, француз, который был несправедливо устранен от службы вследствие ненависти, питаемой к нему фельдмаршалом Минихом, снова вступил на службу и снова поставлен во главе корпуса инженеров. Я узнал от него, что он получил приказ немедленно уехать в Астрахань и как можно скорее заняться укреплением этого города» [51, 262]. Такая спешка была обусловлена беспокойной обстановкой на русско-персидской границе, в связи с угрозой вторжения войск персидского правителя Надир шаха Афшара (1688-1747).

Летом 1741 г., по указу генералиссимуса герцога Антона Ульриха Брауншвейг-Вольфенбюттельского (1714-1774), инженер-генерал-майор П.П. де Бриньи «с командированными с ним инженерными служителями» был отправлен в Астрахань, «для приведения тамошней и прочих крепостей в доброе состояние». При инженер-генерал-майоре находились также флигель-адъютант Вильгельм (Андрей Яковлевич) Пурпур (ск. 1804) и писарь Иван Ищев [22, 296-297; 52, 389]. Инженер-генерал-майором П.П. де Бриньи в 1741 г. был составлен проект Енотаевской крепости, заложенной на правом берегу Волги в 130 верстах от Астрахани [1, 273]. В 1741-1742 гг. им был выполнен проект реконструкции укреплений крепости Черный Яр на Волге (после его смерти этот проект был изменен) и Кизлярской крепости [1, 311; 26, 311]. К 1742 г. инженер-генерал-майором был составлен проект реконструкции Астраханской крепости (этот проект после его смерти также был изменен) [26, 319]. Однако 22 марта 1742 г. генерал-майор от фортификации П.П. де Бриньи скончался (об этом сообщил в Военную коллегию Астраханский губернатор тайный советник Василий Никитич Татищев (1686-1750)), а его дело продолжили уже другие военные инженеры Астраханского инженерного департамента [26, 309; 53, 205].

О семейном положении П.П. де Бриньи известно, что 22 мая 1726 г. в католическом храме Греческой слободы в Санкт-Петербурге была зарегистрирована, в связи с крещением, дочь генерал-майора Иоанна-Франциска (девочка вскоре скончалась). Также, 21 января 1728 г. в том же храме и по тому же поводу у генерал-майора и его супруги Иоанны-Фембри были зарегистрированы сыновья Иоанн (1726-24.02.1794?) и Фредерик-Якоб (р. 1727). Причем восприемниками первого был генерал-фельдмаршал Ян-Казимир Сапега (ок. 1670-1730) и девица Кристина-Елизавета Муник, а второго Фредерик ла Форт (Лефорт) и Иоанн ла Форт (Лефорт) (1698-1749) [54, 42]. На 1742 г. в доме П.П. де Бриньи и его супруги Елизаветы де Бриньи (вероятно, что это была уже вторая его жена) было две дочери и сын [26, 310]. Этого сына П.П. де Бриньи звали Федором (вероятно это был Фредерик-Якоб), родился он в 1727 г. В 1745 г. Ф.П. де Бриньи служил инженер-кондуктором 1-го класса в Азовской крепости [26, 323-324]. У П.П. де Бриньи был еще один сын- Александр (ск. после 1794).

АНДРИАН ПЕТРОВИЧ ДЕ БРИНЬИ

Андриан (Андрей) Петрович де Бриньи (de Brigny) (Дебрини, Дебриний, Дебриньи) родился во Франции. Число и месяц его рождения известны точно: 25 декабря, а год его появления на свет предположительно 1693 г. Андриан Петрович являлся родным братом инженер-генерал-майора Петра Петровича де Бриньи, по вероисповеданию был католиком [25, 102; 26, 309; 55, 154; 56, 317]. А.П. де Бриньи служил во Франции «громушкетером», а затем в корпусе жандармов. В 1717 г. подполковник французской армии А.П. де Бриньи, во время пребывания Петра I за границей в 1716-1717 гг., был принят с тем же чином в русскую воинскую службу [18, 149].

По прибытию в Россию в 1718 г. он был зачислен сначала в Ямбургский драгунский полк, а потом переведен в 1719 г. в Астраханский пехотный полк [18, 149; 19, 24].

17 мая 1720 г. подполковник А.П. де Бриньи был командирован Военной коллегией в Псков, Великие Луки и Смоленск. Инструкцией ему было предписано осмотреть тамошние крепости, начертить их планы с окружающей ситуацией и сделать подробные проекты по усилению их обороноспособности [18, 149; 19, 24; 23, 37]. В 1721 г. А.П. де Бриньи служил на Балтике в команде

генерал-адмирала графа Федора Матвеевича Апраксина (1661-1728), где также находился при инженерном деле [18, 149]. По окончании Северной войны (1700-1721) и заключении Ништадского мирного договора (30 августа 1721 г.) подполковник А.П. де Бриньи прибыл во главе Астраханского пехотного полка из Санкт-Петербурга в Москву [18, 149]. В 1722 г. подполковник А.П. де Бриньи вместе со своим полком, в составе Низового корпуса, принимал участие в Персидском (Каспийском) походе (1722-1723). В период с 27 июля по начало августа 1722 г. на берегу Аграханского залива, в устье р. Аграхани, им был построен, по приказу Петра I, Аграханский ретраншемент [18, 149]. В конце 1722 г., по устному приказу Петра I, А.П. де Бриньи исполнял обязанности генерал-квартирмейстера [18, 149-150; 19, 24]. В конце же 1722 г. подполковник А.П. де Бриньи был направлен для строительства крепости Святого Креста на левом берегу р. Аграхани, при соединении ее с р. Сулак, и возведения плотин на реках Сулак и Прорве. Общее руководство строительством крепости было возложено императором на генерал-майора Гавриила Семеновича Кропотова (ск. 1730). Строительство крепости продолжалось с 1723 г. по 1726 г. Интересно, что А.П. де Бриньи не являясь инженером, все-таки брался за порученные ему дела подобного рода. Отказывался он от этого только в крайних случаях, боясь навредить делу своим непрофессионализмом [18, 150; 19, 24; 32, 344-345]. Место для этой крепости было выбрано 20 сентября 1722 г. Петром I и им же был составлен первоначальный проект крепости [57, 186-187]. 10 марта 1725 г. подполковник А.П. де Бриньи принимал участие в траурной церемонии прощания с умершими императором Петром I и его дочерью цесаревной Наталией Петровной (1718-1725). В числе 12-ти подполковников он нес гроб императора [29, 50].

7 июля 1725 г. А.П. де Бриньи получил «патент» на очередное звание- полковник и был назначен командовать Выборгским пехотным полком [18, 150; 32, 393; 58, 14]. В том же году полковник А.П. де Бриньи был послан из крепости Святого Креста, со своими «рапортами и мнениями», в Сенат. Где доложил, как по его мнению «должно поступать с тамошними народами» [18, 150]. В феврале 1726 г. полковник А.П. де Бриньи участвовал в подавлении мятежа горцев возглавляемых шамхалом Адиль-Гиреем Тарковским (ск. 1732). Во время этой военной операции русскими войсками было «несколько человек взято в плен и отбито множество скота, который был разделен на войско для довольствия» [18, 150]. 18 апреля 1726 г. полковник А.П. де Бриньи из крепости Святого Креста был послан командующим Низовым корпусом генерал-лейтенантом Михаилом Афанасьевичем Матюшкиным (1676-1737) в «Гилян, в Баку и в Дербен для осматривания вновь строящихся крепостей» [32, 345]. 9 ноября 1726 г. А.П. де Бриньи был отпущен в отпуск на 11 месяцев «в дом свой во Францию». После отпуска полковник прибыл к своему полку находившемуся в Калуге [18, 150; 35, 42]. В 1731 г. А.П. де Бриньи был отправлен «за бригадира» во главе Выборгского и Рязанского пехотных полков в крепость Святой Анны [18, 150]. В 1732 г. А.П. де Бриньи был командирован на Царицынскую линию для оценки ее состояния, откуда он прибыл в Военную коллегию с рапортом [18, 150].

4 октября 1733 г. А.П. де Бриньи было присвоено звание генерал-майор и поручено исполнять должность генерал-квартирмейстера [30, 42; 40, 483]. Высочайшим указом от 29 ноября 1733 г. генерал-квартирмейстеру А.П. де Бриньи было поручена «воинская сухопутная экспедиция» «на Воронеже и на Дону», в задачи которой входило: снабжение пограничных крепостей провиантом, учреждение провиантских магазинов, ремонт осадной и полевой артиллерии, а также изготовление фашинов, туров, плетней и кольев. Кроме того, генерал-квартирмейстеру было велено содействовать делу вице-адмирала Матвея Христофоровича Змаевича (1680-1735), который был назначен руководить строительством в Таврове кораблей для Донской флотилии (в 1735 г. умершего М.Х. Змаевича сменил на должности контр-адмирал П.П. Бредаль). Также помимо этого он должен был руководить строительством крепости Святой Анны [18, 150; 19, 24-25; 35, 337; 48, 35-36; 59, 85-88].

В конце 1734 г. А.П. де Бриньи был отправлен в распоряжение командующего Низовым корпусом генерал-аншефа Василия Яковлевича Левашова (1667-1751) для того чтобы найти новое место для крепости (Кизлярской), которую планировали построить взамен упраздняемой по условиям Рештского (21 января 1732 г.) и Гянджинского (10 марта 1735 г.) договоров между Россией и Персией, крепости Святого Креста. Однако при строительстве Кизлярской крепости он пробыл недолго, так как высочайшим указом от 19 июня 1735 г. был вновь определен к делам по должности генерал-квартирмейстера [18, 150; 19, 25-26; 60, 214].

В мае-июне 1736 г. генерал-квартирмейстер А.П. де Бриньи находился в армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси при осаде крепости Азов [18, 150; 45, 83; 46, 77]. В августе 1736 г. он участвовал, в составе Донской армии, в походе в Крым, который закончился безрезультатно [61, 229]. 4 октября 1736 г. генерал-квартирмейстер прибыл в Лубны, где был собран российский генералитет для обсуждения будущей военной кампании и где ведению генерал-квартирмейстера были поручены Усть-Самарский и Самарский ретраншементы и редуты (форпосты) от Самары до Царичанки с войсками в них расположенными. Также он должен был заботиться и об обороноспособности российского гарнизона в Сечи [18, 150; 46, 176/ 181]. В июле 1737 г. генерал-квартирмейстер А.П. де Бриньи участвовал в походе армии генерал-фельдмаршала П. П. Ласси в Крым. 14 июля 1737 г.,

находясь в составе дивизии генерал-лейтенанта графа Густава Отто Дугласа (1687-1771), А.П. де Бриньи участвовал во взятии Карасу-Базара. После похода в Крым он был вновь командирован в Усть-Самарский ретраншемент [18, 150]. В начале октября 1737 г. А.П. де Бриньи совместно с вице-адмиралом Наумом Акимовичем Сенявиным (1681-1738), назначенного руководить Днепровской флотилией, было поручено определить место для верфи, «ниже порогов» Днепра, на которой планировалось строить крупные суда для Днепровской флотилии. В результате, место для «Запорожской верфи» было определено на «Верхнем Хортицком острове» (ныне о. Малая Хортица) [48, 613/ 645-646; 62, 194]. Во второй половине октября 1737 г. генерал-квартирмейстер А.П. де Бриньи, ввиду возможного реванша со стороны Турции, был отправлен к взятому 2 июля 1737 г. русскими войсками Очакову «на сикурс». А зиму 1737 г. он провел в Кизикермене [18, 150; 62, 182-183/ 192]. В конце июня 1738 г. генерал-квартирмейстер А.П. де Бриньи принимал участие в походе армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси в Крым, где А.П. де Бриньи командовал второй дивизией. После взятия 29 июня 1738 г. крепости Перекоп российские войска из-за нехватки воды и фуража были вынуждены в начале июля 1738 г. прервать военную экспедицию [18, 150]. В 1739 г. А.П. де Бриньи был направлен с тремя пехотными полками в Орскую крепость на Оренбургскую пограничную линию. В мае-августе 1739 г. генерал-квартирмейстер А.П. де Бриньи принимал участие в очередном походе армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси в Крым к Перекопу [18, 150; 61, 278].

3 марта 1740 г. генерал-майор А.П. де Бриньи указом императрицы был назначен обер-комендантом в столицу Эстляндии- Ревель. Однако на этой должности он пробыл недолго. Уже во второй половине августа 1741 г. его сменил генерал-майор Михаил Иванович Философов (1690-1748). Возможно, что столь непродолжительное пребывание в этой должности было связано с разрешившейся не в пользу обер-коменданта служебной интригой, которая была развязана против начальника артиллерии Ревельской крепости подполковника Абрама Петровича Ганнибала (ок. 1696-1781). Дело в том, что артиллерии подполковник А.П. Ганнибал был назначен в 1741 г. в Ревельскую крепость на место, которое Ревельский губернатор генерал-аншеф барон фон Ульрих Фридрих Вольдемар Левендалъ (1700-1755) прочил другому человеку. И губернатор, и его союзник в этом деле обер-комендант чинили из-за этого А.П. Ганнибалу всяческие козни. И это притом, что при жизни Петра I А.П. де Бриньи, а также и его брат П.П. де Бриньи были с А.П. Ганнибалом в дружеских отношениях. Однако после рапорта А.П. Ганнибала по этому делу в Петербург, к своему главному начальнику- генерал-фельдцейхмейстеру, гонения прекратились, а генерал-майор А.П. де Бриньи был вскоре после этого смнен на должности [18, 150; 25, 97-103; 49, 135]. Интересна в связи с этим характеристика личности А.П. де Бриньи, данная в 1737 г. генерал-фельдмаршалом графом Б.К. фон Минихом в записке на имя императрицы Анны Иоанновны: «Может быть употреблен, только весьма безпокойного характера, интригант и искательный. Надобно весьма его держать в руках» [50, 211].

В 1741 г., во время Русско-шведской войны (1741-1743), генерал-майор А.П. де Бриньи был назначен в «финляндскую армию» генерал-фельдмаршала, рейхс-графа П.П. фон Ласси. Сначала он в Санкт-Петербурге был определен к командованию пятью пехотными полками, а потом восемью драгунскими полками расквартированными в Новгороде [18, 150; 51, 422/ 578]. 1 декабря 1741 г. А.П. де Бриньи был пожалован чином генерал-лейтенант [30, 63].

11 июня 1742 г. генерал-лейтенант А.П. де Бриньи был назначен начальником Украинской линии и командующим Ландмилицким корпусом расположенным на ней. 6 июля 1742 г. он прибыл на Линию и расположился при Орловской крепости [18, 150; 63, 373; 64, 96]. В 1743 г. А.П. де Бриньи составил, по предписанию Военной коллегии, проект оборонительной Линии «от устья Самары до Лугани, впадающей в Северный Донец». Эта новая Линия должна была обеспечить защитой поселения, которые находились перед Украинской линией. Предусматривался проект и ремонт старой Линии. Проект был рассмотрен и даже утвержден, но к исполнению так и не был принят [1, 80-81]. 30 августа 1744 г. генерал-лейтенант А.П. де Бриньи стал кавалером ордена святого Александра Невского, который был ему вручен императрицей Елизаветой Петровной, «в бытность Ее Величества в Киеве» [65, 198]. В 1745 г., согласно высочайшего указа от 27 июля 1744 г. и ряда сенатских постановлений, А.П. де Бриньи находился «при Темернике», в 30-ти верстах от Черкаска. В его задачу входило найти для крепости Святой Анны другое, более способное место. В команде генерал-лейтенанта числились: минер-капитан Василий Осипович Сипягин (1715-1774), инженер-подпоручик Степан Шишков, а также один инженер-прапорщик и два инженер-кондуктора. 4 июня 1745 г. экспедиция прибыла на место. В результате, для новой крепости было найдено место на правом берегу Дона, примерно в 2-х верстах от устья р. Темерника, рядом с урочищем Богатый Колодезь. Однако перевод крепости Святой Анны состоялся только через 16 лет. На выбранном А.П. де Бриньи месте, в 1761 г. была заложена крепость Святого Димитрия Ростовского (в 1763-1764 гг., уже в звании бригадир, В.О. Сипягин служил обер-комендантом в этой крепости) [1, 258-260; 66, 138-141/ 165/ 294-295/ 351-352/ 371/ 413-414/ 568-573]. В 1746 г. командующий Ландмилицким корпусом генерал-лейтенант А.П. де Бриньи скончался. А на его должность был назначен генерал-лейтенант М.И. Философов [67, 428-429; 68, 361].

А.П. де Бриньи был женат дважды. Известно, что 24 мая 1730 г. в католической церкви Греческой слободы в Санкт-Петербурге он и его супруга Анжелика крестили своего ребенка-девочку по имени Анжелика, восприемником которой был вице-адмирал М.Х. Змаевич [69, 142]. В 1740/41 г., вероятно после смерти супруги, он женился вторично. Его новой женой стала Анна Андреевна де Брилли (26.12.1713-23.09.1750) (похоронена в Шенберге, ныне п. Скайсткальне в Латвии), дочь генерал-лейтенанта Андрея Францевича де Брилли (1682-1754) [49, 90]. 21 марта 1748 г., именным указом, вдове генерал-лейтенанта А.П. де Бриньи была пожалована, в пожизненное владение, мыза Кенигсгоф в Рижском уезде [64, 205].

АНДРЕЙ ФРАНЦЕВИЧ ДЕ БРИЛЛИ

Андрей Францевич де Брилли (Andrea Brilli) (Дебрыл, Дебрилли, Дебриллий) по национальности итальянец, католик, родился 12 сентября 1682 г. в Куреглии близ г. Лугано. Его отцом был Карло Симоне Брилли, женатый на Анне Марии Сороли; оба они были родом из Куреглии. Родители Андреа поженились в Куреглии 24 января 1666 года [70]. А.Ф. де Брилли служил во Франции, потом в Швеции. В 1701 г. в Пруссии, где он намеревался служить, в Берлине, он встретил российского полномочного посла при Датском дворе ближнего стольника Андрея Петровича Измайлова (ск. 1714), который находился здесь по делам службы в связи с коронацией Фридриха I (1657-1713). А.П. Измайлов предложил А.Ф. де Брилли службу российскому престолу. В Москве А.Ф. де Брилли был экзаменован и принят в российскую службу со званием инженер-капитан [71, 91-92; 72, 1144].

А.Ф. де Брилли являлся активным участником событий Северной войны (1700-1721). Уже в 1701 г. он участвовал в ремонте и строительстве фортификационных сооружений г. Пскова [73, 187-188]. В 1703 г. инженер-капитан участвовал в осаде Ниеншанца, а в 1704 г. в осаде Нарвы. В 1705 г. он был при взятии Митава и Бовска [72, 1144; 74, 164; 75, 455]. В 1706 г. А.Ф. де Брилли составил «План укреплений старого Киева» [76, 90]. В том же году, уже майор (1706) А.Ф. де Брилли выполнил план Полоцка с профилем ретраншементов [77, 147]. В 1707 г. он находился в составе войск генерал-майора Родиона Христиановича Боура (1667-1717) осаждавших Быхов. В 1708 г. подполковник (1708) А.Ф. де Брилли был определен в гренадерский полк Ласси. В том же 1708 г. он содействовал укреплению Стародуба, а в 1709 г. Ахтырской крепости. В 1709 г. он участвовал в военных действиях под Почепом и Полтавой. В 1709-1710 гг. А.Ф. де Брилли находился при осаде Риги и был в сражениях под Выборгом и Ревелем. В 1711 г. он участвовал в Прутском походе [72, 1144; 78, 567/ 582/ 1349].

В 1711 г. полковник (1711) А.Ф. де Брилли, сменив на должности бригадира (28 июля 1711) П.П. Ласси, стал командиром гренадерского полка Ласси, которым командовал до 1726 г. [79, 211]. Полк А.Ф. де Брилли находился в составе дивизии генерал-аншефа князя Аникиты Ивановича Репнина (1668-1726). В 1712-1714 гг. А.Ф. де Брилли со своим полком участвовал в сражениях и походах в Померании и в Голштинии. 25 июля 1713 г. при осаде крепости Штеттин А.Ф. де Брилли был ранен. После капитуляции Штеттина полк А.Ф. де Брилли временно вошел в корпус генерал-майора Петра Ивановича Яковлева (ок. 1670-1718) и оставался за границей, для помощи союзникам России, до 1714 г. В начале апреля 1714 г. полк прибыл на квартиры в Смоленск. В продолжении 1715-1721 гг. полк участвовал в походах и сражениях в Польше, в Дании, в Мекленбургии, и в Швеции. После заключения в 1721 г. Ништадского мирного договора полк А.Ф. де Брилли был переведен на квартиры в Ригу [80, 60-76/ 541]. С 1721 по 1727 гг. А.Ф. де Брилли находился в должности коменданта Риги [32, 390; 81, 101; 82, 442]. 30 марта 1726 г. А.Ф. де Брилли был пожалован патент на чин бригадира [83, 11]. 1 января 1727 г. он награждается очередным званием генерал-майор [30, 28].

18 декабря 1730 г. именным указом генерал-майору А.Ф. де Брилли было поручено осмотреть места для «предполагаемых поселений за Волгой, на реке Оке (Соке) до реки Белой, а также местности по Царицынской линии, по Волге и по впадающим рекам в Дон, Иловлю, Хопер и Медведицу» [35, 237].

С 1731 по 1735 гг. генерал-майор А.Ф. де Брилли находился в составе Низового корпуса, где его непосредственным начальником был командир корпуса генерал-аншеф В.Я. Левашов, и где он находился в должности начальствующего над «Бакинской, и протчих Е.И.В. персидских провинций», с резиденцией в Баку [84, 65]. 20 апреля 1735 г., согласно условий Рештского и Гянджинского договоров, по которым Россия возвращала Персии Прикаспийские области и часть Дагестана с отводом российских войск за р. Сулак, генерал-майор А.Ф. де Брилли передал Баку Мусе-хану [17, 349].

А.Ф. де Брилли являлся деятельным участником Русско-турецкой войны (1735-1739). В конце 1735 г. ему была поручена «комиссия» по укреплению артиллерийской мощи крепости Святой Анны [45, 12]. В 1736 г. он участвует в составе Донской армии в осаде Азова [45, 83; 85, 35-36]. 22 января 1737 г. А.Ф. де Брилли становится генерал-лейтенантом [30, 37; 85, 35-36]. В 1737 г. генерал-лейтенант А.Ф. де Брилли участвовал в походе армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси в Крым [45, 109]. В августе-сентябре 1739 г. генерал-лейтенант А.Ф. де Брилли во главе войска состоявшего из небольшой флотилии маломерных, беспалубных судов и отрядов донских казаков и калмыков

находился в «Кубанской экспедиции»- походе, целью которого было взятие турецкой крепостцы Ачуев на Азовском море. Однако из-за неблагоприятных погодных условий (шторма, приливы и отливы), после непродолжительной осады крепостцы 21-22 сентября, задачу по овладению Ачуевым выполнить не удалось [48, 246/ 248-253].

3 марта 1740 г. генерал-лейтенант А.Ф. де Брилли высочайшим указом был отправлен в отставку. Указом предусматривалось «дать ему деревню на аренду, по смерти его, ту, которую он ныне имеет, или пенсию, по указу 1707 года» [49, 133]. До 1737 г. А.Ф. де Брилли владел, на правах аренды, мызой Коурсгоф в Рижском «дистрикте». Однако по прошению генерал-фельдмаршала графа Б.К. фон Миниха на имя императрицы, эта мыза 20 января 1737 г. перешла во владение графа, а А.Ф. де Брилли получил взамен мызу генерал-фельдмаршала- Карисгоф [85, 31].

После смерти императрицы Анны Иоанновны и восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны А.Ф. де Брилли был вновь принят на службу.

Во время Русско-шведской войны (1741-1743) генерал-лейтенант А.Ф. де Брилли в 1742-1743 гг. находился в числе генералитета командовавшего гребным флотом состоявшим из 70 галер, на которых, помимо их экипажей, должно было быть размещено 15 тысяч человек сухопутных войск [45, 213/ 217/ 222/ 227; 86, 85; 87, 115/ 161-162/ 203/ 245-246]. Рядом с А.Ф. де Брилли на галерах находился в должности адъютанта, в чине капитан его сын Иван. 10 февраля 1743 г. генерал-лейтенант А.Ф. де Брилли стал кавалером ордена святого Александра Невского [65, 195]. Высочайшим указом от 25 июля 1744 г. подтверждалось, что 15 июля того же года, во время празднования в Москве в доме Головина окончания войны и «заключения вечного мира со Швецией», А.Ф. де Брилли был награжден «золотой» шпагой с бриллиантами [64, 153; 88, 206-207].

С июня 1747 г. генерал-лейтенант А.Ф. де Брилли находился в российском воинском корпусе, который был расположен «на лифляндских к Литве границах». Русские войска, в силу подписанной 12 июня 1747 г. между Россией и Англией конвенции, были обязаны выступить, по первому требованию Англии, против Пруссии и Франции, с которыми та находилась в состоянии войны на стороне Австрии. В Ревеле под командованием А.Ф. де Брилли были 40 галер и 10 кончечасов, на которых находились 5 полков пехоты. В конце августа 1747 г. А.Ф. де Брилли должен был перевести суда своей флотилии из Ревеля в Ригу, но как и 8 лет назад «жестокий шторм» не позволил ему выполнить и эту задачу. Потрепанная непогодой флотилия была вынуждена возвратиться в Ревель. В следующем году (1748 г.) военной кампании генерал-лейтенанту А.Ф. де Брилли было предписано находиться в Риге [89, 37-40; 90, 640/ 650]. В мае 1748 г. А.Ф. де Брилли командовал корпусом, который располагался в Дерптском, Перновском и Валкском уездах Курляндии. Под его началом были 11 полков (кирасирские, гусарские, драгунские) и 4000 казаков [91, 348]. В 1751-1752 гг. он командовал пехотными войсками [90, 184].

25 апреля 1752 г. высочайшим указом А.Ф. де Брилли был уволен из воинской службы в отставку с производством в следующий чин, т.е. в звание генерал-аншеф [88, 283/289].

Скончался отставной генерал-аншеф в 1754 г. [65, 195].

В семье А.Ф. де Брилли, насколько известно, были дети: дочь Анна-Мария (1713-1750), которая в 1740/41 г. вышла замуж за генерал-майора А.П. де Бриньи и сын Иван (1720?-1767 [93, 748]). И.А. де Брилли участвовал в Русско-шведской (1741-1743) и Семилетней (1756-1763) войнах. 5 марта 1759 г. он был пожалован чином бригадир. Вероятно, у А.Ф. де Брилли была также дочь Анжелика-Екатерина (ск. 1758?), которая в 1741 г., в Риге, вышла замуж за подполковника барона Антона-Андреаса Ивановича фон Миниха (1713-1755), племянника генерал-фельдмаршала графа Б.К. фон Миниха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. СПб., 1865.
2. Багалея Д.И. Очерки истории колонизации степной окраины Московского государства. Москва, 1887.
3. Гісцова Л. Державні установи по управлінню захисною Українською лінією (XVIII ст.) // Вісник Київського університету. Серія історії та права. Вип. 1. К., 1967.
4. Апанович. О.М. Збройні сили України першої половини XVIII ст. Київ, 1969.
5. Галкович Б.Г. Картографічні джерела та їх застосування для вивчення історії України XVIII ст. // Український історичний журнал. N 9. Київ, 1971.
6. Васильев М.Г. З історії будівництва Української оборонної лінії // Український історичний журнал. N 6. Київ, 1997.
7. Заїка Г.П. Українська лінія. Київ-Полтава, 2001.
8. Петрухинцев Н.Н. Основные этапы «ландмилицкой реформы» 1710-1730-х годов // Военное

- прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала 13-17 сентября 2006 года. Ч. 3. СПб., 2006.
9. Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710-1780 гг.). Диссертация.- Москва, 2009.
 10. Пірко В.О. Оборонні споруди в межиріччі Дніпра і Сіверського Дінця (друга половина XVII-XVIII ст.). Донецьк, 2007.
 11. Шпитальов Г.Г. Українська ландміліція. Київ, 2013.
 12. Русский биографический словарь.- Бетанкур-Бякстов. С.-Петербург, 1908.
 13. Шпитальов Г.Г. Донська і Дніпровська флотилії в російсько-турецькій війні 1736-1739 років. Київ, 2015.
 14. Пенской В.В. Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке // Вопросы истории. N 10. Москва, 2000.
 15. Иванцов А.В. Проект перебудови та заселення Української лінії 1764 року // Проблеми археології Подніпров'я, 2012. Дніпропетровськ, 2012.
 16. Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку-Элм, 1993.
 17. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735). Москва, 2010.
 18. Русский биографический словарь.- Дабелов-Дядьковский. С.-Петербург, 1905.
 19. Глиноецкий Н.П. История русского генерального штаба. Том I. 1698-1825 г. С.-Петербург, 1883.
 20. Ksp. Брилли, де (de Brilly) Андрей, генерал-майор, губернатор Баку... // «Наш Баку», 11 мая 2014. [https://www.ourbaku.com/index.php/Брилли,_де_\(Brilly\)_Андрей,_генерал-майор,_губернатор_Баку_\(1731-35\)](https://www.ourbaku.com/index.php/Брилли,_де_(Brilly)_Андрей,_генерал-майор,_губернатор_Баку_(1731-35))
 21. Дневныя записки малороссийскаго подскарбия генерального Якова Марковича. Часть первая. Москва, 1859.
 22. Савельев А. Исторический очерк инженернаго управления в России. С.-Петербург, 1879.
 23. Бенда В.Н. Основание Петром I русского инженерного корпуса в первой четверти XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Часть 2. N 10. Тамбов, 2014.
 24. Сборник императорскаго русскаго историческаго общества (СИРИО). Том сто первый. С.Петербург, 1898.
 25. Дьедонне Гнамманку. Абрам Ганнибал: Черный предок Пушкина. Москва, 1999.
 26. Гусарова Е.В. Астраханские находки. История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI-XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. Санкт-Петербург, 2009.
 27. Описание дел архива морскаго министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Том VI. Санктпетербург, 1891.
 28. Известие фельдмаршала графа Миниха о Ладожском канале // Сын отечества. Часть сорок третья. N IV. Санктпетербург, 1818.
 29. Описание погребения блаженной памяти императора Николая I-го, с присовокуплением историческаго очерка погребений царей и императоров всероссийских и некоторых других европейских государей. Санктпетербург, 1856.
 30. Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. 1809.
 31. Описание дел архива морскаго министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Том II. Санктпетербург, 1879.
 32. СИРИО. Том пятьдесят шестой. С.Петербург, 1887.
 33. Мельницкий Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России. Том I. Часть первая. Санктпетербург, 1857.
 34. СИРИО. Том девяносто четвертый. С.Петербург, 1894.

35. Баранов П. Описание высочайшим указам и повелениям хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII век. Том II. 1725-1740. С.-Петербург, 1875.
36. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (ПСЗ). Том VIII. 1728-1732. СПб., 1830.
37. Судиенко М. Материалы для отечественной истории. Том первый. Киев, 1853.
38. СИРИО. Том сто четвертый.- Юрьев, 1898.
39. Сіткарьова О.В. Військовий інженер генерал-аншеф Данило де Боскет // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини. Вип. 5. Київ, 2008.
40. СИРИО. Том сто шестой. Юрьев, 1899.
41. СИРИО. Том семьдесят шестой. С.Петербург, 1891.
42. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга четвертая. Том XVI-XX. СПб., 1896.
43. СИРИО. Том сто четырнадцатый. Юрьев, 1902.
44. Перепечаева Л.Б. Азов- пограничная крепость России к. XVII - нач. XIX вв. // Очерки истории Азова. Выпуск одиннадцатый. Азов, 2006.
45. Перевороты и войны // Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. Москва, 1997.
46. Всеподданейшия донесения гр. Миниха. Часть I. Донесения 1736 и 1737 годов // Сборник военно-исторических материалов. Выпуск X. С.-Петербург, 1897.
47. СИРИО. Том сто двадцатый. Юрьев, 1905.
48. Материалы для истории русского флота. Часть VI. Санктпетербург, 1877.
49. СИРИО. Том сто тридцать восьмой. Юрьев, 1912.
50. Северный архив. Часть первая. Февраль. N 3. Санктпетербург, 1822.
51. СИРИО. Том девяносто шестой. С.Петербург, 1896.
52. Сенатский архив. Том IV. С.-Петербург, 1891.
53. Торопицын И.В. Записка В.Н. Татищева о планах застройки крепости Черный Яр // Исторический архив. N 2. Москва, 2001.
54. Андреев А.Н. Католик на русской службе Петр Петрович Ласси // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. Т. 15. N 3. Челябинск, 2015.
55. Дневник генерального хоружаго Николая Ханенка. 1727-1753 г. Киев, 1884.
56. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717-1767 гг.). Часть первая (1717-1725 гг.). Киев, 1893.
57. Голиков И.И. Деяния Петра Великого...Том девятый. Москва, 1838.
58. Походный журнал 1725 года. Санктпетербург, 1855.
59. СИРИО. Том сто восьмой. Юрьев, 1900.
60. СИРИО. Том сто одиннадцатый. Юрьев, 1901.
61. Байов А. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736-1739 гг. Кампания 1739 г. С.-Петербург, 1906.
62. Всеподданейшия донесения гр. Миниха. Часть II. Донесения 1737 и 1738 годов // Сборник военно-исторических материалов. Выпуск XI. С.-Петербург, 1899.
63. Сенатский архив. Том V. С.-Петербург, 1892.
64. Баранов П. Описание высочайшим указам и повелениям хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII век. Том III. 1740-1762. С.-Петербург, 1878.
65. Бантыш-Каменский Д. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. Москва, 1814.

66. Сенатский архив. Том VI. С.-Петербург, 1893.
67. Лишин А.А. Акты относящиеся к истории Войска Донского...Том II. Часть II. Новочеркасск, 1894.
68. Сенатский архив. Том VII. С.-Петербург, 1895.
69. Самыловская Е.А. Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. Диссертация. Санкт-Петербург, 2016.
70. Raphael Rues. Andrea Brilli: Ticino officer in the Russian Empire // «Insubrica Historica», Thursday, 24 Mar. 2018 // <https://insubricahistorica.ch/blog/2018/03/24/andrea-brilli-ticino-officer-in-the-russian-empire/#:~:text=Brilli%20managed%20to%20accomplish%20a,reorganise%20the%20militia%20of%20Malorossia>.
71. Энциклопедический лексикон. Том седьмой. Бра-Бял. Санктпетербург, 1836.
72. Татарников К.В. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Москва, 2015.
73. Макеенко Л.Н. Инженеры Ломота де Шампии и Вильгельм Адам Киршенштейн- во главе строительства фортификационных сооружений г. Пскова в 1701 году // Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9-11 июня 2010 года. Санкт-Петербург, 2011.
74. Мегорский Б.В. Новые сведения об осадных работах под Нарвой (к 310-й годовщине взятия крепости) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды пятой Международной научно-практической конференции, 14-16 мая 2014 года. Часть III. Санкт-Петербург, 2014.
75. Журнал государя Петра I с 1695 по 1709. Сочиненный бароном Гизеном // Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Часть третья. СПб., 1787.
76. Пивовар А.В. Карти і плани в джерелознавчих студіях Лідії Пономаренко... Київ, 2012.
77. Гольденберг Л.А. Краткий обзор картографических источников XVIII в. по истории Северной войны (1700-1721 гг.) // Вопросы истории. N 11. Москва, 1959.
78. Письма и бумаги императора Петра Великого. Том девятый. Выпуск второй. Москва, 1952.
79. Татарников К.В. Русская полевая армия. Обмундирование и снаряжение. Москва, 2008.
80. Мерзейковский Э. История 13-го пехотного Белозерскаго генерал-фельдмаршала графа Ласси полка (1708-1893 г.). Варшава, 1894.
81. СИРИО. Том шестьдесят третий. С.Петербург, 1888.
82. СИРИО. Том одиннадцатый. С.Петербург, 1873.
83. Походный журнал 1726 года. Санктпетербург, 1855.
84. Русско-дагестанские отношения в XVIII начале XIX в. Сборник документов. М., 1988.
85. СИРИО. Том сто семнадцатый. Юрьев, 1904.
86. Ордин К. Покорение Финляндии. Том I. С.-Петербург, 1889.
87. Шпилевская Н. Описание войны между Россией и Швециею, в Финляндии, в 1741, 1742 и 1743 годах. Санктпетербург, 1859.
88. Описание дел архива морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Том IV. Санктпетербург, 1884.
89. «Юрнал» вице-адмирала Я.С. Барша. Часть третья. 1741-1755 // Труды гос. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина. Том I (IV). Ленинград, 1957.
90. Материалы для истории русского флота. Часть IX. Санктпетербург, 1882.
91. Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. Москва, 2010.
92. Татарников К.В. Послужные и смотровые списки русской армии 1730-1796 гг. в собрании РГВИА. Том 1. Москва, 2013.
93. ПСЗ. Том XVIII. 1767-1769. СПб., 1830.

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ КОНСТАНТИНОВ (1740–1818)

В истории русской дипломатии второй половины XVIII в. Андрей Дмитриевич Константинов-негромкое имя. Тем не менее, неполные четыре года (1777-1780) пребывания А.Д. Константинова в качестве русского резидента при дворе последнего крымского хана и неполные три месяца 1778 г. во время которых, при его активном участии, был осуществлен вывод христиан с территории Крымского ханства в Россию, сделали это имя известным в исторической науке.

Отец А.Д. Константинова- кефейский (феодосийский) грек, переселившийся во время правления императрицы Анны Иоанновны из Крымского ханства в Россию. Во время русско-турецкой войны 1735-1739 гг., по знанию турецкого и татарского языков, Константинов-старший служил волонтером-переводчиком в русских войсках под командованием генерал-фельдмаршала, графа Бурхарда-Кристофа фон Миниха (1683-1767), а впоследствии, в армии генерал-аншефа Лудольфа-Августа Бисмарка (1683-1750). За службу Дмитрий Константинов (ск. до 1803) был «награжден» чином поручика. Мать Андрея Дмитриевича- дочь Ивана (Федоровича) Савицкого, принадлежавшего к полковой старшине Сумского слободского казачьего полка. Вероятно, что у старшего Константинова был брат Андриян, который на 1803 г. был жив и владел частью их общего имения. У Андрея Дмитриевича были младшие братья: Федор (ок. 1750-15.10.1831), прапорщик в отставке (с 4 марта 1784 г.), владелец (с 1793 г.) д. Крутой в Мариупольском уезде (Федор Дмитриевич был женат на дочери «иностранца» Полтавского уезда поручика Евсея Бунгятова- Прасковье, у четы были дети: Иван (р. 1791), Анна (р. 1800/03) (с 1819 г. замужем за Лаврентием Федоровичем Козловским (1789-1858)), Александр (р. 1801), Олимпиада (р. 1805), Феодосия (р. 1807)) и Николай (р. 1764), который на 1784 г. проживал в Сумах [1; 2, 31-32; 3, 425/ 439; 4, 337].

А.Д. Константинов родился в 1740 г. «В малолетстве» он покинул отчий дом «для наук, а потом вступил в службу и при кончине родителей его не был» [1].

А.Д. Константинов начал службу в 1757 г. в Войске Запорожском Низовом, где был зачислен в Крыловский курень [1; 5, 77-77 об.]. Известно, что в 1765?-1767 гг. А.Д. Константинов служил на Сечи войсковым кантаржием (бук. весовщик). В его обязанности тогда входил контроль за торговой деятельностью казацких паланок, он должен был получать налоги и сборы на торгах, ярмарках и базарах. Вместе с войсковыми таможенниками он обязан был контролировать провоз товаров и скота через запорожские переправы и мосты [6, 63/ 97; 7, 709/ 713]. Помимо должности войскового кантаржия А.Д. Константинов с 1764 г. исполнял обязанности войскового переводчика, числясь под началом Киевского генерал-губернатора, в ведении которого, кроме прочего, находились военные и дипломатические дела на южных границах государства. Прикордонные конфликты и постоянная угроза турецко-татарского вторжения в южные пределы России, держали этот регион в напряженном состоянии- ни войны, ни мира. Поэтому неслучайно, что А.Д. Константинов, знавший «турецкий» язык, был определен к «пограничным делам на ежегодной комиссии против Крыма и Очакова» [1; 5, 77-77 об.] (пограничные споры и всякого рода претензии между татарами и запорожцами разбирались особой комиссией, которая раз в год, весной или летом собиралась на границе). Известно также, что А.Д. Константинов, «с ведома Киевской губернской канцелярии», в 1764 г. служил на Никитинской заставе (правобережье Днепра, район современного г. Никополя, Днепропетровской области) «переводчиком для переводу приходящих с разных турецких и татарских мест в Войско Запорожское Низовое, а временем от Войска отходящих, писем» (назначен на эту должность вместо умершего переводчика Федора Семенова) [5, 77-77 об.; 6, 63]. В августе 1766 г. А.Д. Константинов, под видом купца, был направлен на татарскую сторону для сбора разведывательной информации об устроенных вблизи русских границ слободах и их насельниках. По возвращении (сентябрь того же года) разведчиком был составлен письменный отчет («журнал») о поездке [5, 77-77 об.; 8, 91-96]. Осенью 1768 г. Киевским генерал-губернатором и Главным командиром Новороссийской губернии генерал-аншефом Федором Матвеевичем Воейковым (1703-1778) переводчик А.Д. Константинов, знавший «близко многих ногайских мурз и старшин», был послан «в кочевья Едисанской орды, особенно на Тилигуле и Куяльниках пребывавшая, чтобы преклонить их на Российскую сторону». Однако эта миссия не увенчалась успехом из-за все еще сильного влияния Турции в этом регионе [9, 64]. 2 ноября 1768 г. переводчик А.Д. Константинов уволился из Войска Запорожского и перешел на службу в Киевскую губернскую канцелярию [5, 77-77 об.]. Со второй половины октября по 25 декабря 1769 г. переводчик А.Д. Константинов находился в составе делегации, отправленной от Войска Ее Императорского Величества Запорожского Низового в г. Санкт-Петербург с «пленными и подарками из добычи на поле битвы приобретенной» (булава, знамя, три ногайских мальчика и один хаджибейский турок), которые в качестве «презента» предназначались императрице Екатерине II и цесаревичу Павлу Петровичу (в сентябре-октябре 1769 запорожскими казаками был предпринят рейд на территорию Турции к селению Хаджибей (окрестности современной Одессы), в результате которого было захвачено большое количество скота и пленено 18 турок и татар) [9, 33-35].

Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. А.Д. Константинов с 1769 г. служит переводчиком во 2-ой армии [1; 9, 65-66], командующие которой в период всей военной кампании планомерно проводили в переговорах с ногайцами и татарами политику русского правительства по «отложению» Крыма и Прикубанья от власти Турции, с целью низведения ее влияния в Северном Причерноморье к «моральному небытию».

В 1771 г. А.Д. Константинов командирован в распоряжение Слободско-Украинского губернатора генерал-майора Евдокима Алексеевича Щербинина (1728-1783), которому было поручено ведение дел «татарской негодии» [1]. В ходе переговоров с ногайцами генерал-майор Е.А. Щербинин получил указание Петербурга поддерживать сепаратистские настроения ногайцев по отношению к Крымскому ханству и Турции, не предпринимая при этом решительных шагов по их государственному самоопределению. Дипломатическая работа генерал-майора Е.А. Щербинина по нейтрализации, в военном отношении, ногайских орд, способствовала успеху операции по вводу русских войск (2-ой армии под руководством генерал-аншефа, князя Владимира Михайловича Долгорукова (1722-1782)) 14 июня 1771 г. в пределы Крымского ханства.

В 1772 г., именным Ее Величества рескриптом, А.Д. Константинов был назначен переводчиком при полномочном посланце для переговоров с Крымским ханством генерал-поручиком Е.А. Щербинине [1]. Целью переговоров было склонить татарскую верхушку к подписанию союзного договора с Россией, по которому бы Крымское ханство становилось независимым государством, а Петербург своим военным присутствием в регионе обеспечивал бы неприкосновенность границ ханства от поползновений его бывшего сюзерена - Турции. Дипломатическая игра, начавшаяся в июле 1772 г., в которой генерал-поручик Е.А. Щербинин использовал, как средство давления на татар, позицию союзников России - ногайцев, закончилась 1 ноября 1772 г. подписанием Карасубазарского договора о союзе России и Крыма.

В 1773 г. А.Д. Константинов, в качестве переводчика, находился в Полтаве при бывшем крымском калге (сложил с себя это звание 28 августа 1773 г.), протезируемым Россией на ханский престол в Крым - султане Шагин-Гирее (1746/48-1787) [10, 113].

В связи с новым обострением в отношениях между Крымским ханством и Россией, в 1775 г. А.Д. Константинов, как переводчик, в чине поручика, был отправлен на Кубань, где военными и политическими делами ведал командир Кубанского корпуса бригадир Иван Федорович Бринк (1734-после 1793) [1]. В результате военных и политических действий русской партии на Кубани и в Крыму, ставленник России Шагин-Гирей в январе 1777 г. был провозглашен ногайцами ханом на Кубани, а 29 марта 1777 г. крымский Диван вынес решение о признании Шагин-Гирея ханом и в Крыму.

28 августа 1777 г. Высочайшим Указом за подписью вице-канцлера, графа Ивана Андреевича Остермана (1725-1811), А.Д. Константинов в чине надворного советника назначается в Крым в качестве резидента (дипломатического представителя 3-го ранга) при дворе крымского хана Шагин-Гирея [1]. Несомненно, что действия А.Д. Константинова на посту резидента были всецело обусловлены стремлением России управлять политической ситуацией в Крыму. Перед резидентом, генерал-фельдмаршалом, графом Петром Александровичем Румянцевым-Задунайским (1725-1796) была поставлена задача: «держатъ» хана «и правительство на той стезе, чтоб отнюдь не могли они иметь поползновения на лестные обещания турок» [11, 686]. В связи с этим представляется небезынтересным пассаж из письма А.Д. Константинова к бригадиру (1778) Григорию Дмитриевичу Макарову (1735-1785?), достаточно откровенно характеризующий принципы и технологию дипломатической практики резидента: «...политические резоны требуют держать татар, султанов и черкес в чаянии от стороны нашей особливых себе выгод, а больше угождений» [12, 23-24].

В 1778 г. русским правительством были предприняты действия по переселению жителей-христиан (в основном греков и армян) Крымского ханства на территорию России - в Азовскую губернию. Задача переселения христиан была первоначально возложена на командира Крымского корпуса генерал-поручика, князя Александра Александровича Прозоровского (1733-1809), а позднее, на сменившего его, командующего Крымским и Кубанским корпусами генерал-поручика Александра Васильевича Суворова (1730-1800) и резидента надворного советника А.Д. Константинова, который 23 марта 1778 г. получил предписание командующего вооруженными силами на Юге России генерал-фельдмаршала, графа П.А. Румянцева-Задунайского действовать в этом направлении [11, 351-352]. Переселение христиан, начавшееся в июле 1778 г., было завершено в сентябре того же года выводом из Крыма около 32 тысяч человек. Надо отметить, А.В. Суворова и А.Д. Константинова связывала между собой не просто необходимость делового сотрудничества. Их отношения были отмечены искренним и глубоким уважением друг к другу, можно даже сказать родственными чувствами (историк Вячеслав Сергеевич Лопатин (1936-2023) считал, что А.Д. Константинов мог быть крестным отцом дочери А.В. Суворова - Наталии Александровны (1775-1844) [13, 506]), что, наверное, помогало гениальному и энергичному «куму» А.В. Суворову и компетентному в «обстоятельствах крымских» «куму» А.Д. Константинову в решении общих задач поставленных перед ними правительством [13, 55-56].

Указом от 15 февраля 1780 г. резидент, «по прошению его», был отозван со своего поста и направлен в ведомство Коллегии иностранных дел. На его место был назначен, в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра, статский советник Петр Петрович Веселицкий (1711-1786) [1; 14, 532/ 543].

Однако спокойно покинуть Крым А.Д. Константинову не пришлось. Ведший дела по откупам «у его светлости Шагин-Гирей-хана» калужский купец Прокопий Хохлов, подал жалобу статскому советнику П.П. Веселицкому на бывшего резидента, в которой обвинял последнего во «взятии с него (П. Хохлова) усиленно векселей и других обязательств» на сумму до 100000 рублей [14, 678-680]. Обстоятельства дела были не совсем ясны, претензии были с обеих сторон и поэтому, несмотря на усилия чрезвычайного посланника П.П. Веселицкого как-то уладить ситуацию, дело было передано для решения в Харьковское наместничество [15, 277-278]. Судя по дальнейшей карьере чиновника, официальное решение по жалобе купца на ее развитие существенно не повлияло. С 1780 г. по 1793 г. А.Д. Константинов числился в Коллегии иностранных дел «при переводах», а с 1793 г. «при разных должностях» [16].

Как бы то ни было, но именно 1780 г. в биографии А.Д. Константинова стал тем рубежом, за которым прошлая беспокойная, кочевая жизнь и нелегкая карьера военного переводчика и дипломата, нашли свое оправдание и награду, как на служебном поприще, так и в его личной жизни.

В 1781 г. А.Д. Константинову были пожалованы две ранговые дачи: 11 июня- в Мариупольском уезде, Азовской губернии «по реке Конской с правой стороны»- 6000 десятин земли- деревня Белогорье (ныне Ореховский район, Запорожской области) и 26 июля- в Кизикерменском уезде, Новороссийской губернии «при речке Ингульце»- 9000 десятин земли- деревня Андреевка [1] (в ведомости о землях розданных под поселение помещикам Новороссийской губернии, составленной около 1802 г., за А.Д. Константиновым числится в Херсонском уезде не деревня Андреевка, а деревня Ивановская, доставшаяся ему от дворянина Ивана (Спасского?) [17]. По переписи 1782 г. в слободе Белогорье учтено мужского пола- 28 душ и женского пола- 14 душ [18, 299]. Помимо этой земли, 12 октября 1795 г. в Мелитопольском уезде, Таврической области, по личному распоряжению императрицы Екатерины II от 10 октября 1795 г., Ордером Екатеринославского, Таврического и Вознесенского генерал-губернатора, графа Платона Александровича Зубова (1767-1822) за N 894, А.Д. Константинову было пожаловано 3000 десятин земли, смежных с его имением- д. Белогорье [19]. Занятый делами службы, А.Д. Константинов управление усадьбой Белогорье поручил местному помещику корнету (титулярному советнику) Зиновию Гавриловичу Буницкому [18, 299].

Относительно семейной жизни А.Д. Константинова известно, что Андрей Дмитриевич был женат на Константиновой (в девичестве Анадольской) Марии Ильиничне (1758-после 1830), гречанке по национальности. У которой был брат переводчик Коллегии иностранных дел коллежский асессор (1789); надворный советник (1798); коллежский советник Георгий Ильич Анадольский (1765-после 1839) (впоследствии, уволившись в 1798 г. из Коллегии, занимал административные должности в разных губерниях) и сестра Христина Ильинична Анадольская (р. 1762) (была замужем за капитаном в отставке Алексеем Дмитриевичем Воронцовым (р. 1748)). У четы Константиновых были, сыновья: Петр (р. 1777), Алексей (р. 1778), Николай (1780-после 1825) (капитан в отставке, вдовец по первой жене Василисе Ивановне Криштафович, вступил в брак 27 мая 1820 г. с дочерью (имя неизвестно) титулярного советника Эммануила Ивановича Марка (1738-10.02.1823)), Дмитрий (1782-1838) (супруга Мария Петровна Микульская), Андрей (р. 1783), Александр (р. 1796), Иван (р. 1800), Иван (р. 1802) и дочери: Ольга (1784-1852) (с 18 мая 1825 г. супруга коллежского советника Павла Дмитриевича Товбича (р. 1788)), Надежда (р. 1790?) и Варвара (1798-после 1874) (муж- майор Николай Эммануилович Марк (ск. 08.12.1846)) [1; 3, 437-438; 4, 337; 20; 21; 22; 23, 39/ 67; 24, 33-38].

Через десятилетие после зачисления в Коллегию иностранных дел- 29 ноября 1791 г. Высочайшим Указом за N 158 А.Д. Константинов «за оказанную к службе ревность» был пожалован чином коллежского советника (имеется свидетельство, что коллежским советником А.Д. Константинов был уже в 1789 г. [25, 36]), а через два года- 22 сентября 1793 г. чиновник стал кавалером ордена Святого князя Владимира 4-ой степени, с прибавлением штатного жалованья по 500 рублей в год [1].

Конец карьеры А.Д. Константинова отмечен значительным повышением его служебного статуса. 26 февраля 1797 г. императором Павлом I был подписан Указ Коллегии иностранных дел об учреждении Азиатского департамента, «для отправления дел, касающихся до азиатских народов». А.Д. Константинов с чином статского советника был назначен заместителем начальника департамента, дипломата-востоковеда, действительного статского советника Сергея Лазаревича Лашкарева (1739-1814) [1; 26, 180]. Однако во вновь созданном учреждении А.Д. Константинов проработал недолго. В апреле 1798 г., для «излечения болезней его» чиновник был уволен «на год с сохранением его жалованья» [26, 265], а 25 сентября 1799 г. А.Д. Константинов, по собственному прошению, был уволен в отставку с чином действительного статского советника [1].

Так закончилась служебная карьера человека, который являлся свидетелем и активным участником событий, приведших в конечном итоге, хотел он этого лично или нет, к политической гибели и исчезновению с исторической арены целого государства- Крымского ханства.

Будучи еще на службе, в конце 1795 г., помещик А.Д. Константинов по «своему собственному сердечному влечению и по усиленной просьбе» крестьян деревни Белогорье, которых насчитывалось к тому времени 270 (280) душ мужского пола и 190 душ женского пола [17; 18, 300], стал хлопотать о постройке церкви в селении [18, 299-300]. 25 августа 1796 г. Екатеринославский и Херсонеса Таврического митрополит Гавриил (Григорий Григорьевич Банулеско-Бодони, 1746-1821) «разрешил и благословил во владельческой слободе Белогорье устроить церковь во имя святителя Христова Николая Чудотворца». 1 февраля 1797 г. Новомосковского уезда, второй части благочинный, священник Иаков Кузьмич Белый (1754/55-1804/05) освятил место под церковь и «положил закладку на сооружение оной» [18, 301].

17 марта 1803 г. А.Д. Константинов был внесен в 3-ю часть родословной книги екатеринославского дворянства. В связи с этим приводим описание герба рода Константиновых (был утвержден этот герб или нет, неизвестно). Герб имеет вид щита, разделенного на четыре равные части. По диагонали, сверху вниз, слева направо, в обоих секторах, в золотом поле- по одному, стоящему на задних лапах льву, держащему в правой лапе меч; по диагонали, сверху вниз, справа налево, в обоих секторах, в голубом поле- по одному двулапому якорю. Над щитом- ущербная луна (двурогий месяц), направленная рогами вверх, над луной- серебряная дворянская корона, увенчанная султаном из трех страусовых перьев. Намет на щите черного цвета с золотом, подложенный голубым [1].

О дальнейшей жизни действительного статского советника и кавалера в отставке известно, что он, по мере сил, участвовал в общественной жизни екатеринославского дворянства [27], растил и воспитывал своих детей и наверное вспоминал прошлое, которое ему мог напоминать и портрет Шагин-Гирея, полученный, вероятно, лично от хана [28, 70].

Скончался А.Д. Константинов «на 79 году жизни своей»- 16 марта 1818 г. Похоронен он был в своем имении- селе Белогорье (памятник с могилы А.Д. Константинова перенесен в 2003 г. в ограду церкви Свято-Покровской в г. Орехов, Запорожской области).

Литература и источники

1. Центральный государственный архив автономной республики Крым (ЦГААРК). Ф. 49. Оп. 1. Д. 393.
2. Сурева Н.В. Матеріали до історії дворянських зборів Південної України (остання чверть XVIII-перша чверть XIX ст.) // Південна Україна XVIII-XIX століття. Випуск 6. Запоріжжя, 2001.
3. Заруба В.М. Катеринославські дворяни. Дніпро, 2019.
4. Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). Запорожье, 2014.
5. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 229. Оп. 1. Д. 147.
6. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Опис справ. 1713-1776. Київ, 1994.
7. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734-1775. Том 4. Київ, 2006.
8. Андриевский А.А. Материалы по истории Запорожья и пограничных отношений (1743-1767) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т.17. Одесса, 1894.
9. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последняго Коша Запорожскаго. Ч.3. Одесса, 1886.
10. Русский биографический словарь.- Кнаппе-Кюхельбекер. Т.9. СПб., 1903.
11. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. 1778 г. Т.2. Санкт-Петербург, 1885.
12. Дон и степное Предкавказье. XVIII- первая половина XIX века. (Заселение и хозяйство). Ростов-на-Дону, 1977.
13. Суворов А.В. Письма. М., 1987.
14. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. 1779-1780 гг. Т.3. Санкт-Петербург, 1887.
15. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. 1781-1782 гг. Т.4. Санкт-Петербург, 1889.

16. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова... Санкт-Петербург, 1781-1796.
17. Государственный архив Херсонской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 51.
18. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Выпуск 2-й. Нынешние уезды- Бахмутский, Славяносербский, Ростовский на (Д.), Александровский и Мариупольский. Екатеринослав, 1880.
19. ЦГААРК. Ф. 26. Оп. 12. Д. 83.
20. Государственный архив Запорожской области (ГАЗО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 753.
21. ГАЗО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 62.
22. ГАЗО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 177.
23. Макидонов А.В. Метрические книги г. Запорожья (Александровска) (1789-1800). Запорожье, 2023.
24. Азнабаев Б.А. Драгоман Потемкина в Оренбургской губернии // Наследники «Греческого проекта». Уфа, 2014.
25. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова... Санкт-Петербург, 1789.
26. Кессельбреннер Г.Л. Хроника одной дипломатической карьеры. М., 1988.
27. Национальная библиотека Украины им. В.И.Вернадского. Институт рукописей, ф. V, д. 852.
28. Эварницкий Д.И. Запорожская старина // Труды тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905. Т. 2. М., 1908.

ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ СТАРООБРЯДЦАМИ-ЕДИНОВЕРЦАМИ В 80-х гг. XVIII в. ПОСЕЛЕНИЙ В ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

(к начальной истории Единоверия в Новороссийском крае)

Можно с уверенностью утверждать, что ни один из сколько-нибудь значительных историков XIX-XX вв., избравших предметом своего изучения историю колонизации Новороссийского края, не обошел вниманием тот факт, что в хозяйственном освоении Таврии (Северного Причерноморья) известную роль сыграли крестьяне-старообрядцы, начавшие селиться здесь с 80-х гг. XVIII в.

О неослабевающем, на протяжении довольно длительного времени, интересе исследователей к вопросу об участии крестьян-старообрядцев в колонизации материковой части Таврической области в конце XVIII в., свидетельствуют работы: Аполлона Александровича Скальковского (1808-1898) [1; 2; 3], Николая Никифоровича Мурзакевича (1806-1883) [4], архиепископа Гавриила (Василий Федорович Розанов) (1781-1858) [5], Авксентия Павловича Чиркова (1810-после 1872) [6], Дмитрия Ивановича Багалея (1857-1932) [7], Александра Васильевича Иванова (1837-1911) [8], Федора Федоровича Лашкова (1858-1917) [9], Сергея Анатольевича Секиринского (1914-1990) [10], Елены Иосафовны Дружининой (1916-2000) [11], Людмилы Сергеевны Моисеенковой [12], Александра Владимировича Бельского [13] и других.

Однако нельзя не отметить, что почти во всех исследованиях, как общего плана, т.е. освещавших заселение Таврии различными категориями переселенцев, так и в специально посвященных колонизации края крестьянами-старообрядцами, отмечаются неточности и прямые ошибки: в датировке начала переселения старообрядцев в Таврическую область; в указании последовательности появления во времени старообрядческих поселений; в определении мест откуда прибывали переселенцы; в отнесении поселений края к старообрядческим; в указании количества переселившихся старообрядцев и пр.

Со своей стороны, автор попытался, избежав очевидных ошибок своих предшественников, выстроить, опирающуюся как на уже опубликованные материалы, так и на еще не введенные в научный оборот архивные источники, хронологию основания на севере Таврической области в конце 80-х гг. XVIII в., старообрядческих поселений. В работе также немало внимания уделено возникновению и эволюции Единоверческого согласия, так как появление старообрядцев-единоверцев в Таврии было собственно обусловлено их принадлежностью к этому течению в Расколе.

2 февраля 1784 г. территория Крымского ханства, переставшего существовать как самостоятельное государство с 8 апреля 1783 г., была преобразована в новую административно-территориальную единицу Российской Империи- Таврическую область. В связи с чем перед правительством встали хозяйственные и стратегические задачи по освоению обширного, но малозаселенного края. 10 августа 1785 г. князь Григорий Александрович Потемкин (1739-1791) представил императрице Екатерине II свой доклад «о установлении» Таврической области. В докладе князь просил императрицу рассмотреть и утвердить предлагаемые им способы «к населению» земли, которая, по мнению князя, не имела «еще ни десятой доли жителей по ея пропорции» [14, 119-120]. Второй пункт доклада гласил: «Дозволить всем старообрядцам, которые переселятся на места, лежащая между Днепром и Перекопом, получая попов от архиерея Таврическаго, отправлять служение по старопечатным книгам, приписав к нему в епархию Стародубенския слободы, которая по частому к нему обращению верно узнав места, туда переселятся. Заграничным же прописав сии выгоды, сделать вызов; для первого опыта я уже переселяю Знаменскую слободу из Елисаветградскаго уезда на Конския воды» [14, 120]. Проект князя Г.А. Потемкина по переселению в Таврическую область «на Конския воды» старообрядцев стародубенских слобод Новгород-Северского наместничества и слободы Знаменки, Елисаветградскаго уезда, Екатеринославскаго наместничества, основывался на хорошо известных князю обстоятельствах отношений между властью и Расколом, сложившихся на начало 80-х гг. XVIII в.

Начиная с недолгого правления императора Петра III Федоровича (1761-1762) и на протяжении всего правления императрицы Екатерины II Алексеевны (1762-1796), царствование которой было «серебряным веком» в истории Раскола, светская и церковная власть государства, руководствуясь началами терпимости, стала постепенно расширять, ограниченные некогда, гражданские права «ревнителей древлего благочестия». Благожелательное отношение власти не могло не активизировать внутренней жизни Раскола, в особенности той его ветви-поповщины, которая признавала необходимость для церковной организации священнослужителей трех чинов: дьяконовского, иерейского и епископского. Отсутствие с конца XVII в. в Расколе главного чина церковной иерархии- епископского, рождало в раскольниках чувство несостоятельности, «неправильности» собственной Церкви. Поэтому в новых условиях раскольники получили надежду на организацию своей Церкви сообразно каноническим правилам. Некоторая часть раскольников поповщины, дьяконовского согласия- направления в Расколе по своим догматам наиболее близкого официальной Церкви, во главе со своими лидерами, настоятелем Успенскаго монастыря,

находившегося в Новгород-Северском наместничестве в Новоместском уезде, т.е. в Стародубье, иноком Никодимом (1745-1784) и священником Михаилом Калмыком, после тщетных, многолетних поисков архиерейства, пришли к мысли о получении епископа законным путем - от главенствующей Церкви, причем первым эту идею им подал в 1781 г. и обещал свое содействие в ее осуществлении генерал-губернатор Малороссии, куда территориально входило Стародубье, генерал-фельдмаршал, граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725-1796). На протяжении 1781-1782 гг. монах Никодим и его единомышленники не раз встречались с представителями государственной власти, проводя проект о назначении для них особого, независимого от епархиального архиерея- хорепископа (сан выше иерейского, но ниже епископского, существовал в древней православной Церкви [15, 342]). 18 апреля 1783 г. князю Г.А. Потемкину, в слободе Добрянка, раскольниками было вручено прошение с условиями из 12 пунктов, на которых «придерживающиеся старообрядчества» хотели примириться с главенствующей Церковью.

Надо отметить, что старообрядцы могли иметь в устройении своих дел особую надежду именно на князя Г.А. Потемкина, так как им было наверняка известно, что князь принадлежал «к тем Потемкиным, которые в первые же времена раскола выставили в защиту древнего благочестия замечательных деятелей», одним из которых был прапрадед князя- архимандрит Спиридон (Семен Федорович Потемкин, ск. 1665) [16, 221].

Фактически в условиях дело шло о реабилитации Раскола и создании старообрядческой Церкви: «1) Произнесенная бывшими в царствующем граде Москве в царство великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца, в патриаршество Никона и Иоасафа II патриархов в 1655 и 1667 годах соборами, также в 1720 году чинопринятием клятвы и поречения на двоперстное сложение и на прочее некоторое древнее грекороссийския церкви содержание, с сношением святейших четверопрестольных патриархов разрешить. 2) Отлучившимся грекороссийския церкви в разсуждении содержания старообрядчества церковного отложить, а о некоторых сомнительству подлежащих на воле власти церковной и присоединяющихся оставить. 3) Прислать при указе Ея Императорскаго Величества из Святейшаго Правительствующаго Синода поставленнаго из великороссийской породы хорепископа (т.е. сельского или слободскаго), которому бы, неотнотительне до епархиального архиерея, подлежать Святейшему Правительствующему Синоду, в Слободской Успенский монастырь, состоящий в Новгород-Северском наместничестве, в Новомеском уезде, между вновь учрежденными Рябковским и Злынским посадами, с нижеследующим наставлением. 4) Которому предписать, чтобы по прибытии в именованный монастырь благословил к новопостроенной часовне прирубить алтарь и во имя Пресвятыя Богородицы честнаго ея успения освятить в церковь по чиносодержанию первенствующия церкви. 5) В котором (монастыре), в разсуждении поместных соборов иже во Анкире, правила 13, и иже во Антиохии 10, поставлять ему по собственному избранию тамо монашествующих мужей, благоговейных и искусных в чтении писания, во иеродиаконны и иеромонахи и отправлять службу Божию, яко то вечерняя, утренняя, литургия и прочее возследование церковное, по старопечатным книгам, которыя, по повелению блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея России самодержца и по благословию святейшаго Иосифа патриарха, в царствующем граде Москве печатаны, не нарушая положеннаго в оных чиносодержания и двоперстнаго сложения как в благословении, так и в крестном себя знаменовании, и осмогласнаго пения св. Иоанна Дамаскина и прочаго старообрядчества. 6) Предписать ему как в Малой России, так и в разных епархиях великороссийскаго государства придерживающихся старообрядчества по желанию их освящать им церкви и, по собственному их избранию, мужей благоговейных же и искусных в чтении писания посвящать в диаконы, совершать в пресвитеры и быть им под паствою его. 7) Таинством св. мира для церквей освящения и крещения младенцев снабдить из Св. Синода. 8) От окрестных поелику в разсуждении соблажняющихся о обливательном крещении как духовных, так и светских сообщения в молитвенных храмах свободными предписать. 9) Иеромонахов, священников и диаконов, прежде сего в разсуждении содержания старообрядчества церковного отлучившихся грекороссийской церкви, которые согласными сему себя объявят, и по справке явятся, что правильному запрещению не подлежат, таковых из под наименования, по состоявшемуся в 1776 году указу Св. Синода, светских исключить и позволить им отправлять всякое по их званию священнодействие церковное. Постриженных же при старообрядчестве всякаго звания и рода мужескаго и женскаго пола не перестригать и впредь желающих в монашество по силе законов дозволять постригать. 10) Вышеименованный Успенский монастырь, не включая в штат, оставить на своем пропитании; монашествующих же как в оном, так и в прочих монастырях и селениях, сколько сему согласных будет, подушных окладов и рекрутских наборов свободить, и под начало из прочих епархий не пересылать, и из вышеписаннаго Успенскаго монастыря в другия епархии не переводить. 11) Дозволить впредь желающим соблюдать старообрядчество церковное состоять под паствою имеаго быть при старообрядчестве епископа. 12) Как здешних, так и прочих в великороссийских

городах купцов и мещан, имеемых состоять под паствою того епископа, к бритию бород и ношению немецкаго платья не принуждать» [17, 374-376].

В июле 1783 г. монах Никодим с письменной доверенностью от 1500 человек своих единомышленников отправился в г. Санкт-Петербург (весной 1784, во время эпидемии чумы, разразившейся в Новороссии, погибло около 250 человек елисаветградских раскольников, подписавших доверенность [1, 161-162]), чтобы в личном контакте с представителями высшей светской и духовной власти государства попытаться провести «условия» раскольников. В столице монаха Никодима ждала несомненная удача. По протекции князя Г.А. Потемкина, он был принят императрицей Екатериной II и имел возможность в личной беседе с Ее Величеством изложить обстоятельства своего дела.

Об определенных трудностях существовавших у правительства, при выработке решений по поводу прошений раскольников, свидетельствует переписка того времени между императрицей Екатериной II и князем Г.А. Потемкиным. Императрица Екатерина II- князю Г.А. Потемкину: «Я рассуждаю, что, подтвердив сей доклад, подам повод ко многим подобным от раскольников прошениям, из чего родиться может Церкви нашей неприятное: иногда раскольникам род привилегии таковой, что раскольники, всегда избегая местных Архидиаконов установленной власти, захотят быть у избранных ими Архидиаконов, чего тогда избежать иначе не можно будет, как разве подчинив все раскольники в России единому Архидиакону, чрез что войти могут в состояние прочих в России христианских исповеданий, кои не нашей веры. Сей пункт поныне всегда избегаем был с ними, и по сию пору о сем никто, а наипаче духовный чин слышать не хотел. И для того советую без всякой огласки и без формального установления, чтоб посредством Вашим Архидиаконов Херсонский и Московский между собою зделали так, чтоб овцы были целы, а волки сыты. О делах же Церкви едва ли и прилично устанавливать что-либо, минуя Синод». Князь Г.А. Потемкин- императрице Екатерине II: «В силу Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, нам с Преосвященным Гавриилом Митрополитом данного, о приискании способов к удовлетворению старообрядцев, живущих в Белоруссии, Малой России и Екатеринославском наместничестве, соображая все обстоятельства, мы находим лучшим способом поручить их Архидиакону, которого Епархия будет в Херсоне Таврическом, а между тем, когда угодно будет Высочайшей воле, чтоб повелеть Митрополиту Новгородскому отписать к Архидиакону Белорусскому и Славянскому, чтоб помянутым старообрядцам священников давать и по старым обрядам службу отправлять дозволить. Когда же дастся Архидиаконом в Тавриду, тогда о сих народах подробно предпишется» [18,192].

11 марта 1784 г. императрицей Екатериной II на имя митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила (Петр Петрович Петров-Шапошников, 1730-1801), был дан Указ следующего содержания: «Вследствие прошения поданного от имени жительствоющих в Белорусском, Малорусском и Екатеринославском наместничествах старообрядцев, Мы желаем, чтобы Ваше преосвященство сообщили преосвященным архиепископам Могилевскому (Георгию- Григорий Осипович Конисский, 1717-1795) и Славенскому (Никифору- Николай Стефанович Феотоки, 1731-1800) о даче священников помянутым старообрядцам по их прошениям, и о дозволении им службу Божию исправлять по их обрядам, дав знать сим архидиаконам (сообщая содержание Указа архиепископу Никифору, митрополит Гавриил, рекомендовал ему «делать исполнение с ведома его светлости князя Григория Александровича Потемкина, впрочем не относить онаго ни к Консистории, ни к другой команде, а если обстоятельства потребуют, то писать» к нему (митрополиту) [19.- Кн.1, 82]), что таково есть Наше соизволение, покуда общее по представленным от означенных старообрядцев просьбам последует дальнейшее распоряжение» [17,379; 20,290; 21.- № 8, 218]. Таким образом, решение по ключевому для старообрядцев вопросу- возможность иметь собственного епископа, откладывалось правительством на неопределенное время. Однако, сделанные властью уступки могли вселить в просителей надежду на успешный исход их дела в будущем.

12 мая 1784 г., заболев, скончался монах Никодим; его начинание продолжили: казначей Успенского (никодимовского) монастыря Виталий, зыбковский купец Иван Кузнецов и монах Покровского монастыря Иоаким (Евдоким), а впоследствии архимандрит Иоасаф [15,336; 17, 380]. Об одной из попыток, предпринимавшихся старообрядцами в этом направлении, сообщает в своих воспоминаниях очевидец события Карп Мартынович Маркианов (1754-после 1831): «от московских и стародубовских (старообрядцев) поверенные два человека- один чернец, другой старик из купцов, повсюду князя (Г.А. Потемкина) преследовали, даже и в Елисаветграде в доме Красноглазова. Когда позван был я к Его Светлости, князь лично у меня спросил: 1) здешние стародубские слободы имеют ли желание иметь законных священников и церкви на старых обрядах? 2) знаю-ли я поверенных, от старообрядцев уполномоченных, требующих епископа себе особеннаго? И когда отвечал я, что знаю, князь промолвил: «объяви им, чтобы они оставили епископа просить; священников дадут им и церкви на старых обрядах иметь дозволят, если в Таврическую область на жительство пожелают» [22, 532-533].

Архимандрит Иоасаф (1743?-25.09.1808) принадлежал к ветковскому согласию; монашествовал в стародубском Покровском монастыре. Во время путешествия в Грецию и Палестину, целью которого было отыскание для старообрядцев архиерея, Иоасаф в 1781 г., на Афоне, в Симона Петра обители был рукоположен епископом Герсовским и Святогорским Герасимом в иеромонахи, а во время пребывания в Иерусалиме в 1782 г., Антиохийским патриархом Даниилом (ск. после 1791) он был посвящен в сан архимандрита. В 1784 г. архимандрит Иоасаф возвратился через Польшу в Россию, в Новгород-Северское наместничество. В конце 1784 г. архимандрит Иоасаф, продолжая дело скончавшегося монаха Никодима, был во главе депутации старообрядцев в г. Санкт-Петербурге, где помимо прочего, лично от себя, подал митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу прошение, «в котором писал, что он чтит Греко-российскую Церковь, приемлет все ея таинства и предания и желал бы побуждать к тому же и прочих своих единоверцев; посему для этой цели он просил митрополита, согласно завещанию монаха Никодима, оставить его, Иоасафа, строителем Никодимовой пустыни (Успенского монастыря.- А.М.) и разрешить ему в ней священнодействовать» [13,78-79; 15, 338-340; 23, 7 и 29; 24].

26 августа 1785 г. князь Г.А. Потемкин получил от императрицы Екатерины II рескрипт от 13 августа 1785 г., по делам вверенных ему губерний [1, 177; 19.- Кн. 1, 82]. 9-тая статья рескрипта, свидетельствовавшая о Высочайшем одобрении 2-го пункта проекта князя по заселению Таврической области от 10 августа 1785 г. гласила: «для поселения старообрядцев назначить места лежащая между Днепром и Перекопом, с тем что они будут получать попов своих от архиерея Таврической области определенного, приписав к епархии его и слободы их в Черниговском и Новгород-Северском наместничествах лежащая, и дозволяя всем им отправлять служение по старопечатным книгам. А дабы рассеянных вне границ Империи нашей старообрядцев вызвать в Россию, можете публиковать сии свободы им дозволенные». В тот же день, 26 августа, князь Г.А. Потемкин сообщил митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу о получении рескрипта императрицы, «как ради сведения оного, так и для подлежащих, в сходственность Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повеления, распоряжений» [20, 284-285].

27 августа 1785 г., в столице генерал-губернатором Екатеринославского наместничества и Таврической области, генерал-фельдмаршалом, князем Г.А. Потемкиным было дано «Объявление» за № 1154, в котором были окончательно определены условия союза между властью и старообрядцами, и которое должно было освободить старообрядцев, искавших законного епископства, от иллюзий насчет создания собственной Церкви. Текст «Объявления», который был сообщен и «депутату от старообрядцев Московских, Малороссийских и Новороссийских, отцу Иоасафу», гласил: «Ея Императорское Величество, простирая матерное свое попечение на придержающихся обрядам прежде печатных книг, благоволила подать им в оном способы следующие: которые из них пожелают поселиться на землях Таврической области, по левую сторону реки Днепра лежащих, и объявить соединение свое святой восточной греко-российской Церкви, матери нашей,- те, получа священников, от Таврическаго архиерея зависящих, будут навсегда пользоваться обрядом и чином церковным по их обычаю. Весьма выгодным почитается переселение на те ж земли, по доброй однако же воле, слобод старообрядческих Черниговскаго и Новгород-Северскаго наместничеств, а доколе они пребудут еще в прежних местах, то чтоб и тех селений жители, желающие прибегнуть к пастырям церковным, могли на таком же основании пользоваться Высочайшею милостию. Высочайше указано помянутыя слободы приписать к таврической епархии, яко того древняго Херсона, откуда проистек в Россию свет Евангельския истины, восприятыя благоверным князем Владимиром. К сему уведомлению имею присовокупить, что Всемилостивейше мне повелено, для сих старообрядцев, на вышеупомянутых землях соорудить монастырь каменный и несколько приходских церквей. Таковой милости Монаршей причасны и все те, вне границ Российских пребывающие, которые возвращения в недра отечества своего восхотят, в Области Таврической в отведенной для них округе, утвердить там свое пребывание» [1, 280-281; 4, 308-309; 17, 380; 25; 26]. Тогда же князь Г.А. Потемкин обратился к делегации старообрядцев, находившихся в столице, со следующим посланием: «Из объявления моего известно вам, коль милосердно Ея Императорское Величество Всемилостивейшая Наша Монархиня снизоити изволила ко удовлетворению вашему; от вас уже самых теперь зависит под благоразумным руководством Архиерея Таврическаго воспользоваться выгодами вам данными. Сей пастырь имеет вскоре следовать в свою епархию чрез Крычев где как священнаго, так и мирского чина желающие на предложенном основании приступят к сему делу и могут к нему явиться» [1, 281].

Однако, как не сбылись надежды старообрядцев на назначение им от Святейшего Правительствующего Синода хореепископа, так и не оправдались ожидания власти на скорое и многочисленное заселение старообрядцами Таврической области. Дело переселения старообрядцев Стародубья (Новгород-Северского наместничества) в Таврию сдвинулось с места только через два года- в 1787 г.

Несомненно, что деятельность монаха Никодима и архимандрита Иоасафа была определяющей в становлении, в 80-х гг. XVIII в., союза между староверами и главенствующей Церковью, на определенных, приемлемых для обеих сторон условиях (впоследствии «правила» этого согласия, названного митрополитом Московским Платоном (Петр Георгиевич Левшин, 1737-1812)- Единоверием, были утверждены 27 октября 1800 императором Павлом I Петровичем (1796-1801).- А.М.). Однако результата, к которому в конечном итоге пришли раскольники во главе с архимандритом Иоасафом в 1785 г. (имеются в виду условия «Объявления» князя Г.А. Потемкина от 27 августа 1785 г.) еще в 1780 г. достигли и воспользовались его плодами, т.е. получили законно освященный храм и законно поставленного священника, а также возможность употреблять в богослужении старопечатные книги, и старые обряды- старообрядцы слободы Знаменки, Елисаветградского уезда, Елисаветградской провинции, Новороссийской губернии. И они же, согласно 2-го пункта доклада князя Г.А. Потемкина от 10 августа 1785 г., назначенные «для первого опыта» к переселению в Таврическую область, оказались действительно первой и самой многочисленной группой старообрядцев поселившихся «между Днепром и Перекопом».

Во время правления императрицы Анны Иоанновны (1730-1740) была предпринята одна из первых попыток водворить на землях Новороссии, в «Заднепрских местах»- территории будущих Новой Сербии и Новослободского казачьего поселения, раскольников, проживавших за пределами России. Так в Указе от 16 марта 1734 г., правителю края, Киевскому генерал-губернатору, генерал-аншефу, графу Иоганну-Бернгарду фон Вейсбаху (1665?-1735) было предписано селить здесь «выходящих из Польши беглых людей и крестьян», в число которых входили и раскольники. Однако в силу различных причин, главным образом военно-политического характера, в первой половине XVIII в. количество раскольников на территории края было незначительным [15, 269; 27, 76].

В начале 50-х гг. XVIII в. правительство, с целью ускоренного освоения региона и создания надежной защиты для северных, более заселенных территорий от угрозы турецко-татарского вторжения, сделало ставку на иностранцев, выходцев из Австрийской империи, единоверцев русским: сербов, македонцев, молдаван и др. Поселения иностранных выходцев в административно-территориальных и военных округах- Новой Сербии (1752) и Славяно-Сербии (1753) носили военно-земледельческий характер. 14 мая 1754 г. южнее Новой Сербии и граничащая с ней, была образована новая административно-территориальная единица- Новослободское казачье поселение (полк). На это же время приходится и интенсивный приток в Новороссию раскольников. Поощряемые правительством к возвращению на родину различными льготами, приверженцы старой веры, которые в свое время, спасаясь от преследования властей, покинули пределы России и обосновались на территориях Молдавского княжества и Речи Посполитой, стали селиться в Новослободском казачьем полку. Появление в крае раскольников заставило коменданта крепости Святой Елисаветы, бригадира Алексея Ивановича Глебова в 1756-1757 гг. отвести землю для поселения их отдельными слободами. В 1756 г. в Новослободском казачьем полку раскольники основали слободы: Россоховатку и Калиновку, в 1757 г.: Злынку, Клинцы, Лысую Гору и др. [27, 91]. Указами от 22 марта и от 11 июня 1764 г. Новая Сербия, Новослободской казачий полк и Славяно-Сербия были преобразованы в Новороссийскую губернию. В 1765 г., по учреждении губернии, в штате Елисаветградской провинциальной канцелярии была утверждена должность «раскольничего» командира и пограничного комиссара в штаб-офицерском чине, в ведении которого находились раскольники [28, 143] (должность занимал секунд-майор Николай Лукьянович Черников.- А.М.). Указом от 22 марта 1764 г. всем «проживающим в Польше и других государствах российским подданным» предоставлялось право селиться на землях вновь образованной губернии. Русские переселенцы, в число которых входили раскольники, поступавшие в «разряд поселян», получали по 12 рублей на каждую душу «без возврата». Неимущие переселенцы, для ведения хозяйства, получали земельные наделы и освобождались от несения податей на срок от 6 до 16 лет. Территория Елисаветградской провинции, Новороссийской губернии- земли бывших Новой Сербии и Новослободского казачьего полка, была разделена на 70 округов, из которых 16 выделялись для раскольников и прочих иностранцев, «которые особыми слободами селиться пожелают» [27, 102]. Все это не могло не сказаться на численности раскольников в Новороссийской губернии. Если в 1764 г. в Елисаветградской провинции проживало 4990 раскольников обоего пола, то на начало 1765 г. их уже числилось 6759 душ обоего пола, из них крестьян- 5254 душ обоего пола, купцов и цеховых- 1505 душ обоего пола [27, 103-104]. За период с 1764 г. по 1767 г. в Елисаветградской провинции раскольники основали следующие слободы: в 1764 г.- Новую Высь, Ивановскую, Плоскую, Галагановку, Злынку, Красноярскую; в 1765 г.- Золотаревку и Покровскую; в 1766 г.- Гончаровку, Калантаевку, Зыбку и в 1767 г.- Антоновку, Уховку, Веселый Кут и Никольскую [27, 105]. На начало 1768 г. в Елисаветградской провинции проживало уже только мужского пола раскольников- 5999 душ [27, 106]. В 1773 г. по ведомости, составленной в Новороссийской губернской канцелярии, раскольников в губернском центре- г. Кременчуге и в Елисаветградской провинции показано 12650 человек обоего пола [3, 773]. По ведомости 1775 г. численность раскольников в Елисаветградской провинции составила: 12286

человек обоего пола, из них государственных крестьян- 10117 человек обоего пола, купцов и цеховых- 1337 человек м.п., что составляло 12,46% от общего числа всех жителей провинции. Русские раскольники, по численности, в Елисаветградской провинции в 1775 г. находились на третьем месте после малороссов (64,94%) и молдаван (18,47%) [27, 109].

Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг., «между 1772 и 1773 годами», воспользовавшись перемирием в боевых действиях, командующий Первой армией, генерал-фельдмаршал, граф П.А. Румянцев вывел на поселение в Новороссию из Польши и Бессарабии 1242 семьи русских раскольников [1, 89; 2.- Ч.1, 214; 3, 772]. Возможно, что к этой же группе переселенцев принадлежали и раскольники, вышедшие в 1772 г. из Молдавии и основавшие в Елисаветградской провинции, Новороссийской губернии, около Черного леса, слободу Знаменку (ныне пгт. Знаменка-Вторая, Кировоградской области.- А.М.) [29; 30]. Заселением слободы Знаменка «беглыми российскими людьми», выходцами из «Молдавии и Безарабии», занимался осадчий Иван Панкеев (ск. ок. 1783), которому, на основании закона от 22 марта 1764 г., было выдано из казны, за каждую выведенную душу, по 1 рублю 50 копеек, да сверх того, от общества слободы Знаменки дано 1150 рублей [20, 284; 31]. Во вновь основанной слободе раскольники в 1776 г. выстроили часовню, в которой служба отправлялась их духовным отцом, вышедшим с ними из Молдавии, беглым от официальной Церкви, иеромонахом Арсением и «другими приходящими к ним священниками» [5, 152; 32; 33, 122].

Около 1779 г. знаменские раскольники обратились с прошением к архиепископу Славянскому и Херсонскому Евгению (Елевферий Петрович Булгарис, 1715-1806), возглавлявшему епархию с 1775 г. по 1779 г. Знаменцы просили архиепископа Евгения «позволения построить церковь, иметь священника из своей среды и употреблять старинные книги». Однако Преосвященный не оказал снисхождения к просьбе знаменцев и требовал от них безусловного отречения от раскола и исповедания православной веры.

Между тем знаменцы не оставили своего дела и, заручившись рекомендательным письмом губернатора, 14 февраля 1780 г. обратились с прошением уже к приемнику архиепископа Евгения- архиепископу Славянскому и Херсонскому Никифору. В прошении к архиепископу Никифору раскольники слободы Знаменки (116 человек, 110 дворов.- А.М.) Елисаветградского уезда, Елисаветградской провинции, Новороссийской губернии, за подписью их духовного отца- иеромонаха Арсения, представили свое исповедание православной веры, в котором они «всех раскольнических толков» отрицались и признавали, что «Церковь греко-российская есть истинная, вселенская, соборная, апостольская, и в ней догматы, таинства и чиноположения согласны Божией славе, и преданиям Святых апостолов, и Вселенских соборов, а вне греко-российской Церкви находящиеся состоят в заблуждении», признавали «пред Всемогущим Богом клятвою, что истинно и не лицемерно желают к православной греко-российской Церкви присоединиться, но как она и с братиею их привыкли к служению по старопечатным книгам и старинному по оным пению, то по новопечатным книгам службы отправляемой слушать не могут, просили чтоб не лишать служения Божественной литургии и по чиноположению церковному христианских треб, благословить им построить, в означенной их слободе, во имя Знамения Пресвятыя Богородицы церковь, и по построению оной дать Святаго мира, так же, кого изберут они по чиноположению восточной Церкви, рукоположить во иерея в той церкви, с тем архипастырским снисхождением, чтоб ему дозволено было отправлять церковную службу по старопечатным книгам и старинному святаго Дамаскина пению, и чтоб ему по всем делам принадлежать единственно» ведению епархиального архиерея и его Духовной консистории [32; 33, 128-129; 34, 953-954].

Архиепископ Никифор руководствуясь мыслью, что «не разбирчивость между старыми и новыми книгами, но свидетельство непорочныя веры спасает нас», «без затруднения» принял условия присоединения знаменских раскольников к православной Церкви. 15 февраля 1780 г. архиепископом было определено следующее: «1) Елисаветградской Успенской церкви священнику Димитрию Смолодовичу в состоящей у них (знаменцев) часовне прочесть им (знаменцам) положения приобщения раскольников, молитвы и лично объяснить, что они все присоединены к католической и апостольской греко-российской Церкви, истинныя и правоверныя чада Ея и братия православных христиан (первоначально предполагалось, что этот обряд должен был совершить, в ближайшей к слободе Знаменке церкви, кременчугский протоиерей Евфимий Завуровский.- А.М.). 2) Дабы впредь никто из православных христиан не дер-зал их ни именовать, ни почитать раскольниками, но всех бы их христианами правоверными, яко же и мы почитаем и именуем. 3) Дозволили им по прошению ...тому же священнику, Димитрию Смолодовичу церковь во именование Знамения Пресвятой Богородицы в показанной их слободе Знаменке на том месте, где часовня состояла заложить. 4) Оную церковь непосредственно в ведомстве нашем и консистории нашей мы оставили, так же служение и исправление треб христианских имеет на старопечатных книгах, только бы оныя в России были печатанные, також и пение по их обыкновению отправлять позволяем, равным образом избранного ими кандидата во иерея, ежели достоин явится, рукоположить обещаем» [21.- № 6, 150; 32; 34, 953-954].

Без промедления в слободу Знаменку архиепископ Никифор направил елисаветградского священника «мужа почтенного и ученаго»- Димитрия Смолодовича (1747-1809), который и совершил обряд «обращения» знаменских раскольников, «после того, как они публично, согласно чиновоследованию, установленному в России... отреклись раскола и исповеди православную веру» [33, 129]. Возможно, что именно дело о воцерковлении знаменцев побудило архиепископа Никифора составить и издать в г. Полтаве, 25 марта 1780 г. «Окружное послание» ко «всем именующим себя староверами в Славенской и Херсонской епархии обитающим», в надежде, что и другие раскольники обратятся «без отлагательства к святой матери нашей Церкви» [1, 275-278; 33, 111]. 3 мая 1780 г. в слободе Знаменке, на месте часовни, была заложена церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы. Священник Д. Смолодович благословил основание церкви, о чем и представил «доношение» архиепископу Никифору [32]. 16 июня 1780 г. в слободе Знаменке состоялся обряд освящения вновь построенной церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы, который совершил, объезжавший епархию, архиепископ Никифор. Священнослужителем в церковь был определен слободы Сухаревой священник Стефан Попов, который, по договоренности старообрядцев с архиепископом Никифором, должен был отправлять службу до тех пор, пока не «явится достойный... из них» [32; 33, 129].

То как отнеслись новороссийские раскольники к миссионерской деятельности в их среде архиепископа Никифора в целом и к обращению знаменцев в частности, можно судить по их частной переписке: «Из Елисаветграда писал ко мне племянник за известие тако: здесь к нам в Елисаветград приехал архиепископ Славенский и Херсонский Никифор и был у нас в часовне, уговаривал много наших людей часовенных под свое благословение и дабы им быть под его паствою, обнадеживал их, что он дозволит из той часовни церковь освятить и кого пожелают из своих поставить им священника, по старопечатным книгам и служить дозволить, и всякия христианския потребы отправлять тому священнику по старообрядчеству. И такая речи от имени Его Преосвященства (архиепископ Никифор, родом грек, говорить и писать на русском языке свободно не мог.- А.М.) говорил Елисаветский священник Дмитрий (Смолодович.- А.М.) троекратно, точно все молчали, а на третьем возглашении из середины подали голос, что они не желают. 16 дня июня месяца (1780 г.- А.М.) оной архиепископ Никифор приехал в слободу Знаменку и похитил там многих жителей, ибо они от него приняли священника, и освятит им церковь...» [1, 278-279; 35].

1 февраля 1781 г. на имя архиепископа Никифора старостой слободы Знаменки, Мартьяном (Мартыном) Ивановичем Ивановым (1733- после 1786 [36]) от знаменского общества было подано «доношение», в котором знаменцы просили Преосвященного дать им документ, который подтверждал бы факт присоединения их к православной Церкви, и объяснял «на каком основании» устроена и освящена их церковь, и который, по словам знаменцев, мог бы привлечь и многих других раскольников, которые «желают присоединиться» [32]. 3 февраля 1781 г. архиепископ Никифор, за своей подписью и «при печати», выдал знаменцам грамоту: «Ведение о Знаменской церкви и староверцах, во уверение, что члены ея суть истинныя христовой Церкви чада», в которой, вкратце, излагалась история обращения знаменских раскольников [21.- № 7, 183; 32].

Между тем, дело присоединения знаменских раскольников к православной Церкви в Святейшем Правительствующем Синоде было встречено с «недоумением и неудовольствием». На письмо архиепископа Никифора от 3 августа 1780 г. к члену Синода- архиепископу Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу и его же «рапорт» в Синод от 13 августа 1780 г., в которых архиепископ Никифор доносил о знаменском деле, более года не было никаких известий. И только письмо архиепископа Гавриила от 11 октября 1781 г. разъяснило наконец причину столь долгого молчания «высшей власти». Архиепископ Гавриил сообщал, что сделанное архиепископом Никифором «снисхождение» знаменским раскольникам в отношении обрядности и использования в церковной службе старопечатных книг, чуть было не стало причиной отмены акта принятия знаменцев в православную Церковь; и только опасение возможных волнений в среде раскольников, и надежда, что обращенные вполне «образуются», и во всем согласятся с главенствующей Церковью, остановили Синод от крайней меры [33, 123-124]. Огорченный таким известием архиепископ Никифор 18 декабря 1781 г. отправил письма архиепископу Гавриилу и князю Г.А. Потемкину; к письмам архиепископ приложил свое сочинение: «Краткое повествование о обращении раскольников селения Знаменки...», в котором, оправдывая дорогое его сердцу дело, подробно представлял обстоятельства обращения, объяснял «основания, доказательства, примеры, опираясь на которые» он принял раскольников в Церковь [33, 124-138]. Очевидно желая заручиться поддержкой князя Г.А. Потемкина, архиепископ Никифор, в письме к князю, делал акцент на общественной пользе обращения раскольников, которое по мысли Преосвященного, могло утвердить последних больше не «колебаться относительно постоянного пребывания в Русском государстве», а также могло привлечь «из чужих стран и других подобных» [33, 118].

Неизвестно, чем бы в конце концов закончилось это дело, если бы не активная, в этом же направлении, деятельность, описанная выше, монаха Никодима и его приверженцев, приведшая,

в конечном итоге, к тому же результату (Указ императрицы от 11 марта 1784 г.- А.М.), к которому пришли знаменцы четырьмя годами ранее. Таким образом, именно знаменские старообрядцы положили начало примирению между Расколом и главенствующей Церковью, заключив с властью союз, который позже, с 1800 г., стал официально называться- Единоверием.

Весной 1784 г. знаменцы (на то время в знаменском приходе на 127 дворов приходились: 431 душа м.п. и 412 душ ж.п. [29]; однако согласно реестру казенных и владельческих селений Елисаветградского уезда на 1784 г., в селе Знаменка числились м.п.- 481 душа, ж.п.- 405 душ [37]), желая иметь священника из своей среды, обратились с прошением к князю Г.А. Потемкину «о поставлении им во священники удостоиваемого к сему по благоговейной своей жизни тогож села жителя, молдавского выходца- Карпа Мартьянова», являвшегося сыном знаменского старосты- М.И. Иванова. С подобной же просьбой знаменцы отнесли 11 июня 1784 г. и к архиепископу Никифору [22,533; 29]. В г. Кременчуге Карп Мартынович (Мартьянович) Маркианов (1754- после 1831) (имя его отца стало его фамилией, а впоследствии и фамилия Мартьянов была переименована на Маркианов.- А.М.) получил от князя Г.А. Потемкина рекомендательное письмо от 20 июня 1784 г. к архиепископу Славянскому и Херсонскому Никифору и «...отправлен был с курьером и письмом княжеским к преосвященному для пострижения в попы» в епархиальный центр- полтавский Крестовоздвиженский монастырь [22, 533; 29]. После непродолжительного обучения, 29 июня 1784 г. (в Петров день), в полтавской Успенской церкви, К.М. Маркианов был рукоположен архиепископом Славянским и Херсонским Никифором в иереи [22, 533; 29]. 30 июня 1784 г. К.М. Маркианов получил грамоту на священство в церковь своей родной слободы [29], став, таким образом, первым в истории русской православной Церкви священником, выбранным старообрядцами-единоверцами из своей среды и посвященным в сан православным архиереем. В церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы слободы Знаменки, Елисаветградского уезда, Екатеринославского наместничества, отец Карп служил до переселения знаменцев в Таврию в 1786 г. Вместе с ним в церкви службу отправляли «церковник» Вавила Васильевич Щербаков и пономарь Ерофей Семенович Панкеев (р. 1740) [29; 36].

Между тем князь Г.А. Потемкин, перед которым, как наместником Таврии, стояла задача по освоению недавно приобретенного Россией края, решил соединить чаяния раскольников, которые еще не стали как знаменцы «правоверными», но стремились к единению с православной Церковью, с собственными планами по заселению Таврической области. Однако «для первого опыта» по переселению старообрядцев, была выбрана слобода Знаменка, Елисаветградского уезда, Екатеринославского наместничества. Все свои действия в этом направлении князь Г.А. Потемкин непременно согласовывал с императрицей Екатериной II, о чем свидетельствует письмо князя-императрице: «В Екатеринославской губернии находятся раскольники, вышедшие из заграницы, которые требуют позволения иметь церкви в следствие обещания, данного всем приходящим в Россию свободно пользоваться отправлением службы Божией по их закону. Наконец, подали с некоторым присоединением к церкви, что здесь и прилагается. Пользуясь таковым способом, не угодно ли будет Высочайшей воле назначить им селиться на степи крымской, дав Епископа той стране, к которому и их, и стародубовских привязать, также и белорусских, и сему повелеть мне с Новгородским Архиереем для поднесения Вашему Императорскому Величеству составить проект» [18,191-192].

В Ордере за № 401 от 28 октября 1784 г. к правителю Екатеринославского наместничества, бригадиру Ивану Максимовичу Синельникову (1741-1788), генерал-фельдмаршал, князь Г.А. Потемкин писал: «Весьма бы желательно чтоб Знаменские раскольники склонились проситься на Таврической степи по речке Белозерке. Вам известны изящные тамошние места (по утверждению историка Дмитрия Ивановича Яворницкого (1855-1940), полковнику И.М. Синельникову еще в 1782 г., в этих же краях, на левом берегу реки Днепра, около Плетенецкого лимана, было пожаловано 16819 десятин, 768 кв. сажень земли, на которой впоследствии была основана слобода Ивановка [38, 53-54]), дайте им об них знать, и изъясня все выгоды тамошняго пребывания, посоветуйте им учредить там свое жительство, скажите, что дома им построятся от казны, церковь каменная и монастырь, и что доставятся разные выгоды. Сие для того наипаче желательно что имев там достаточное число земли можно будет умножать селение, желающих с ними поселиться, чево по скудости земли в настоящем пребывании быть не может. Я буду ожидать от вас скорого на сие донесения, а между тем с особливим пребываю почтением» [20, 283-284].

Уже 12 января 1785 г. бригадир И.М. Синельников сообщал, по порученному ему делу, управлявшему канцелярией князя Г.А. Потемкина- полковнику Василию Степановичу Попову (1743-1822): «Знаменские старики (старообрядцы.- А.М.) отправились на Белозерку, а Мартьян попов отец (староста с. Знаменки.- А.М.) здесь, и кажется мне что пойдут туда жить охотно, но прежде не соглашаются доколе не осмотрят места и не представят кондиции, о какой и будут писать сами свое желание. Днепр у нас не замерзает, а потому думаю и сии старики живут в Никополе чтоб лутче по льду обозреть в Великом лугу острова» [39]. Письмом от 2 апреля 1785 г. генерал-майор И.М. Синельников доносил в канцелярию князя: «Знаменских раскольников дворов 125 мужеска пола 499 душ, и ежели

дано будет по 50 рублей на двор, полагая в оном 4 души, а всего 6250 рублей и льготы на 5 лет, то без сумления, передвинутся они на Белозерку; дав притом им время на избытие своих домов и на переселение нынешнее лето, которым, начав весною, перейти они совсем туда будут должны; и сею малою потерею казенных денег будет там селение началом ко умножению народа; а церковь, или обещанный монастырь, как угодно строить; а к тому же надобно знать, что сия слобода правоверная, в коей и священник Мартьянов сын, то мне кажется, им монастырь не надобно» [39; 40, 270-271].

3 апреля 1785 г. князем Г.А. Потемкиным был дан Ордер за № 108 на переселение: «Села Знамянки выборному Мартьяну (знаменский староста М.И. Иванов.- А.М.) и всем жителям. Я дал уже знать чрез господина губернатора Екатеринословскаго о желании моем доставить вам для поселения места обильныя и плодоносныя на левом берегу реки Днепра. Попечение о пользе вашей побудило меня к сему намерению. Не изчисляя премногих выгод сего переселения скажу вам только, что земли дается вам там довольное число так чтобы нетолько для вас оной было достаточно, но и для вновь приходящих. Воздвигнется церковь или монастырь каменный казенным иждевением; дома вам также построены будут из казны, и дастся льгота на несколько лет. Вы найдете изобилие земли, рыбныя ловли и удобность к скотоводству во всем преимуществующия против настоящего вашего пребывания. Душевно желая вам добра, предприемлю я сие в истинную вашу пользу, за что вы сами конечно меня благодарить будете» [1, 171172; 20, 284; 41].

Между тем правитель Екатеринославского наместничества генерал-майор И.М. Синельников предписал, «всходство полученнаго им от ...князя Григория Александровича Потемкина, в ордер предписания», Елисаветградского уезда земскому исправнику, капитану Федору Александрову (ск. до 1790), принять меры по переселению знаменцев «в самой скорости», а «находящемуся в г. Никополе премьер-майору Артельнову» взять под «присмотр и распоряжение» будущее поселение, «дабы, оное построено быть могло в виду Никополя с надлежащим устройством». Также распоряжением правителя наместничества городничему г. Бериславля, секунд-майору (Ивану Осиповичу) Волку было предписано из паромов, находящихся в его распоряжении, отправить один в ведомство премьер-майора Артельнова «для переправы чрез реку Днепр оных переселенцов без замедления» [36].

Однако, как видно из воспоминаний К.М. Маркианова, свидетеля и участника переселения, написанных им в 30-х гг. XIX в., знаменцы, «несмотря на выгодное переселение: 1) что дома их, иные ничего не стоящие, были щедро заплачены, 2) по 50 рублей на каждого из казны и 3) льгота 8-летняя», неохотно шли на переселение [22, 533]. К тому же на месте против г. Никополя, выбранном князем Г.А. Потемкиным для поселения знаменцев, «с таким намерением, чтобы в путешествии государыне (имеется в виду поездка императрицы Екатерины II в 1787 г. в Крым.- А.М.) из никопольского дворца показать селение в местах, дотоле не обитаемых», старообрядцы не желали селиться. Чтобы не затягивать переселение, место под будущее поселение им дано было выбрать самим; в итоге знаменцы избрали землю на западном берегу озера Белозерский Лиман [22, 533].

По «справке» о количестве жителей в слободе Знаменке, Елисаветградского уезда, Екатеринославского наместничества, предоставленной в 1785 г. в Екатеринославскую казенную палату из Елисаветградского нижнего земского суда оказалось, что «по сочиненной в 1782-ом году ревизии (проведение 4-й ревизии было объявлено Манифестом от 16 ноября 1781 г., ревизские сказки подавались до 1 июля 1782 г., это была первая по счету ревизия на территории Новороссии.- А.М.) Елисаветградского уезда в слободе Знаменке состоит в написании великороссийских казенных поселян, мужеска пола душ- четыреста во семдесят, к ним прибыло по 785 год- дватцать восем, и убыло дватцать четыре, затем налицо почитается- четыреста восемдесят три (фактически: 484; женского пола: 394.- А.М.); в том числе: из вышедших из заграничных мест (т.е. из Молдавии.- А.М.)- четыреста семдесят одна, да переселившихся Воронежского наместничества из Валуйской степи- двенадцать... земли же под оною слободою три тысячи двесте пятьдесят десятин» [36]. Помимо этой «справки», Елисаветградского уезда земский исправник, капитан Ф. Александров, следуя «предписанию» генерал-майора И.М. Синельникова, о составлении «ведомости» о числе переселяемых знаменцев, представил, составленную в конце 1785-начале 1786 г., при рапорте в Екатеринославскую казенную палату, «ведомость» с указанием имен и возраста, «назначенных слободы Знаменки для переселения на левую сторону реки Днепра поселянах, с показанием дворов, и в них мужеска и женска полу душ... в которой показано: мужеска пола- пятьсот сорок одна, а женска- четыреста шездесят восем душ» (фактически: 546 душ м.п.; 460 душ ж.п.; дворов по «ведомости»- 147.- А.М.) [36].

7 февраля 1786 г. правитель Екатеринославского наместничества, генерал-майор И.М. Синельников сообщал в канцелярию князя Г.А. Потемкина: «Хотя и не получил я от вас на представление мое резолюции Его Светлости о заплате за сторгованные у знаменцев семдесят дворов денег; но как жители оногo села, изготоясь к известному на весну переселению, не прочтут уже своих жилищ; следовательно и опустошать могут, а не которые распродают в посторонние руки; то

и принужден я учинить заплату им, как за те семьдесят дворов, о коих уже имеете вы доставленную от меня ведомость тысячу пятьдесят рублей пятьдесят копеек; так и за вновь сторгованные восемь, о коих также прилагается, за рукою г. Стромберха ведомость, девяносто один рубль пятьдесят копеек; а всего, за семьдесят восемь дворов, тысяча сто сорок два рубли, из имеющейся у меня Его Светлости суммы; с таким намерением, что ежели обещанные Его Светлости русские крестьяне весною сюда и не будут, то до того будут в те дома впущены формируемые из заграницы поселенцы могущие по прибытии крестьян переселиться на другое место, дабы тем сохранить и жилища и церковь готовую, от переселения тех знаменцов остаться на месте долженствующую» [40, 273; 42].

Из последующих сообщений генерал-майора И.М. Синельникова правителю княжеской канцелярии следует, что к концу мая 1786 г. переселение знаменцев в Таврическую область уже состоялось. Письмо от 25 мая 1786 г. : «Где-ж крестьяне, обещанные в дома знаменских раскольников кои куплены и караулим их, хотя уже тех-бы, 300 душ прислали которые сторгованы Державиным (имелся в виду Тамбовский губернатор, действительный статский советник Гавриил Романович Державин (1743-1816), с которым И.М. Синельников находился в родственных отношениях; его жена-Авдотья Васильевна Синельникова (урожденная Страхова) (1758-1825) приходилась Г.Р. Державину двоюродной племянницей.- А.М.). Он ко мне писал что 1000 ищет, да еще не сыскал, и притом хвалит вас до небес и благодарит от всего сердца называя вас прямо добрым человеком» [40, 278; 42]. Письмо от 30 мая 1786 г.: «У знаменских все 172 (142?- А.М.) двора куплены и дома целы и сады сбережены и ожидаю русских крестьян обещанных 1000 душ» [40, 279; 42].

То, что переселение знаменцев состоялось весной 1786 г., документально подтверждается и «сообщением» Екатеринославского наместнического правления в Таврическое областное правление от 12 ноября 1790 г., в котором говорится, что знаменские «поселяне» «переселены в Таврическую область прошлаго, 1786, года в марте, апреле и мае месяцах» [36].

Переселение знаменцев на новое место жительства, как видно из архивных документов, проходило не совсем гладко. В августе 1790 г., во вновь образованной слободе Знаменке (будущей Большой Знаменке), Днепровского уезда, Таврической области, была проведена областным «экономии директором» перепись «казенных поселян и выведенных из Польши» (под «выведенными» имелись в виду десятеро знаменских крестьян бежавших, при переселении в Таврию на территорию Польши, в слободу Гречковка, принадлежавшую генерал-майору, князю Францишке-Ксаверию Любомирскому (1747-1819) и которые к 1790 г. были возвращены в таврическую Знаменку при посредничестве генерал-аншефа Петра Абрамовича Текели (1720-1792)). По результатам переписи 1790 г. оказалось, что было «назначено к переселению, как из приложенной при сообщении Екатеринославской казенной палаты ведомости видно: мужеска 541, женска 468 пола душ (фактически: 546 м.п., 460 ж.п.- А.М.), с того числа осталось на прежних жительствох: мужеска 31, женска 20; бежало: мужеска 24, женска 12; померли: мужеска 68, женска 49 душ, а затем найдено налицо: мужеска 418, женска 380, в коем числе и из числа двенадцати переселившихся из Воронежского наместничества сыскано толко мужеска 9 душ, да родившихся на поселении от всех вышеписанных семей: мужеска 90, женска 86 душ» [36].

Таким образом, если придерживаться официального расчета количества переселенцев, то можно вывести «окончательное» число елисаветградских знаменцев, переселившихся в Таврическую область: мужского пола- 486 (492.- А.М.) и женского пола- 436 (428.- А.М.) человек.

В своих мемуарах, бывший знаменский священник, К.М. Маркианов вспоминал, что на новом месте переселенцы, оседавшие на севере Таврической области, поначалу чувствовали себя не очень уютно: «из них многие на прежние свои жилища возвращались по причине чрезмерной трудности, когда селились: 1-е воздух дикой, не очищенной от паров, происходивших из плавен, не проходимыми камышами и трущобником лесным покрытых; 2-е мошка столько была сильна- душила даже рогатый скот, в ноздри набившись, в день нельзя было работать, а ночью комар не давал покою... К тому еще третья (беда): оврахи или суслики в таком были множестве в поле, чтобы не было посеянное, истребляли все до последняго на ниве, тоже самое, как сарана... поселяне отчаялись было иметь когда либо свой хлеб, в Елисаветградском и Павлоградском уездах зажинали и покупали». Спасение пришло неожиданно: «появились в множестве хори; сии истребили оврахов почти без остатка» [22, 535]. Тем не менее и на новом пристанище жизнь знаменцев стала входить в нормальное русло. 17 мая 1787 г. Екатеринославский и Херсонеса Таврического архиепископ Амвросий (Авраам Никитич Серебренников, 1745-1792) благословил грамотой, «по прошению Таврического губернатора, новонаселенной слободы Знаменки священника Карпа Маркианова с причтом, вновь, из разобранной часовни, церковь во именование Знамение Пресвятой Богородицы» заложить. Обряд закладки церкви архиепископ поручил провести «никопольскому, Покровской церкви протопопу Григорию Кременчугскому» [43]. К 1788 г. знаменцы уже настолько обжились на новом месте, что пожелали устроить у себя в селении «одного торгу в каждую неделю по понедельникам и трех ярманок в год», о чем и представили прошение правителю Таврической области действительному статскому советнику Василию Васильевичу Каховскому (1738-1794). Снесшийся по этому поводу с князем Г.А. Потемкиным-Таврическим правитель

области получил от князя Ордер за № 2714 от 15 мая 1788 г., в котором тот одобрял предпринятое знаменцами дело, считая, что «оное ко взаимной и общественной служит пользы» [44, 75; 45]. Постепенно в слободе начало расти население; на август 1790 г. в Знаменке, Днепровского уезда уже проживало переселенцев и членов их семей: 576 (582.- А.М.) душ м.п. и 522 (514.- А.М.) души ж.п. [36].

В 1793 г. в слободской церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы служило два священника: К.М. Маркианов и В.В. Щербаков (рукоположен в сан иерея в 1788 г. [46; 20, 288-289]) и дьякон Афиноген Иванович Кирсанов (р. 1750 г.; в 1798 г. переведен в слободу Днепровку, в церковь во имя святого Архистратига Михаила [47]) [48]. По ведомости 1793 г. «о состоящих в области Таврической российских селениях, с показанием в них числа жителей мужеска и женска пола, церквей и священнослужителей при оных находящихся» в казенном селе Большой Знаменке числилось «переселившихся из Екатеринославского наместничества» (имелись в виду елисаветградские знаменцы.- А.М.)- 618 душ м.п. и 510 душ ж.п., а также «вышедших из-за граничных мест» (возможно, что эти переселенцы поселились в слободе Знаменке в 1787 г., возможно также, что значительная часть из них были выходцами из Польши.- А.М.)- 364 (304(?)) душ м.п. и 232 душ ж.п. [27, 148; 48]. К пятой ревизии, объявленной именованным Указом от 23 июня 1794 г. и проводившейся с 1795 по 1796 гг., существенного изменения в количестве жителей населявших слободу не произошло. По ведомости «из поданных к последней пятой ревизии сказок» в Большой Знаменке числилась 921 душа м.п. [9, 57].

Видимо в том же 1786 г., когда было положено основание слободе Знаменке (Большая Знаменка), севернее ее, на левом берегу р. Днепр, где ранее планировалось поселить в виду г. Никополя знаменцев, была основана и слобода Каменка (Малая Знаменка; ныне г. Каменка-Днепровская, Запорожской области). Когда знаменцы отказались селиться на запланированном для них князем Г.А. Потемкиным месте, он оставил их, но намерения своего основать поселение на берегу р. Днепр не бросил. Старосте слободы Знаменки М.И. Иванову князем было приказано «чтобы непременно выходцами, какого-бы звания не были, водворять против Никополя на первый раз хотя одну Набережную улицу, которая удобнее могла быть видима из никопольского дворца во время шествия и пребывания государыни в дворце» (императрица Екатерина II побывала в г. Никополе 10 апреля 1787.- А.М.) [22, 533-534].

Слободу Каменку (Малую Знаменку) большинство исследователей относили к старообрядческим поселениям Таврической области. Однако, на наш взгляд, об обратном свидетельствуют как приведенные выше воспоминания К.М. Маркианова, так и докладная записка Екатеринославского духовного правления 1795 г. «о состоянии старообрядческих поселений Новороссийского края», в которой слобода Малая Знаменка не упоминается. О слободе Большой Знаменке в документе говорится: «Там же (в Таврической области) переведенцами и из заграницы выходцами населена слобода Знаменка старообрядческая, до 400 домов; в ней церковь во имя Знамения Пресвятыя Богородицы освящена, по благословию того-же преосвященного (архиепископа Амвросия.- А.М.) на новом антимиинсе; служба Божия отправляется, на клиросах чтут и поют по старым минеям и октоихам, а божественная литургия и требы по новоисправленным служебникам и требникам; при церкви определены три православные священника и диакон, по их избранию; слобода вся в церковь ходит, а в отлучках как в святую четырехдесятницу, так и в разные случаи во всех великороссийских церквах приобщаются святых тайн» [8, 75-76; 20, 285; 49]. Вероятно, что в Каменке (Малой Знаменке), с начала ее основания, проживали и старообрядцы-единоверцы. Однако видимо и количество слобожан-староверов, и их влияние на общественную жизнь слободы были незначительны, так как в 1794 г. в Малой Знаменке была открыта первая, общеправославная церковь во имя Святителя Николая. По ведомости 1793 г. в Малой Знаменке, которая была населена великороссийскими и малороссийскими крестьянами, выходцами из-за границы (очевидно, из Польши.- А.М.), проживало- 709 душ м.п. и 418 душ ж.п. [48]. По пятой ревизии в слободе значилось- 729 душ м.п. [9, 57]. Под слободами Большой Знаменки и Малой Знаменки в начале 90-х гг. XVIII в., числилось общей земли- 33715 десятин [50, 105].

Представляется, что в 80-90-х гг. XVIII в. небольшие старообрядческие общины могли существовать и в других селениях Таврической области. Об этом косвенно свидетельствует, в частности, и докладная записка от 13 октября 1811 г. казначея Корсунского старообрядческого монастыря, иеромонаха Филарета на имя Таврического губернатора генерал-лейтенанта Андрея Михайловича Бороздина (1765-1838). В докладе иеромонах Филарет приводит список городов и сел Таврической губернии, в которых на 1811 г. проживали старообрядцы-единоверцы. Помимо рассмотренных выше селений Большой Знаменки и Малой Знаменки в списке значатся: города-Севастополь, Перекоп, Алешки и Кинбурнская крепость; казенные селения- Днепровка, Маячка, Большие Копани и Збурьевск (Збурьевка); помещичье село- Каховка [51].

К старообрядческим поселениям, основанным по воле князя Г.А. Потемкина «между Днепром и Перекопом», исследователи, в разное время, относили также села: Водяное, Белозерку (Большую Белозерку), Рогачик (Нижний Рогачик), Лепатиху (Большую Лепатиху). В связи с этим считаем уместным привести в статье историю основания, в 80-90-х гг. XVIII в., этих и некоторых других,

помещичьих и казенных (государственных крестьян) поселений, на отводимых в ходе государственной колонизации края землях, лежащих по левому берегу реки Днепр и реки Конской (Конки), вниз по течению, начиная от ее (Конки) впадения с востока в Великий Луг, т.е. по северо-западной границе Мелитопольского и Днепровского уездов, Таврической области.

Деревня **Катериновка (Царицынский Кут)**, Мелитопольского уезда- принадлежала статс-даме, графине Екатерине Васильевне Скавронской (урожденной Энгельгард) (1761-1829). 12 тысяч десятин земли, смежной с ее же селом Григорьевским, были отведены графине по Ордеру князя Г.А. Потемкина-Таврического за № 2876 от 2 июля 1790 г. [52; 53].

Слобода **Большая Васильевка (Васильевка)**, Мелитопольского уезда- владелец бригадир В.С. Попов. 29 тысяч десятин земли, «включая в дачу берега по течению речек Кара Чокрак- левый и Ян Чокрак- правый» были отведены бригадиру по Ордеру князя Г.А. Потемкина-Таврического за № 3733 от 27 июля 1788 г. [52; 54] (ранее, Ордером князя за № 1685 от 14 июл(н)я 1787 г.- коллежскому асессору Игнатьеву, там же было пожаловано 4 тысячи десятин земли по обоим берегам реки Ян Чокраку и по левому берегу реки Конки [55; 56, 5]). По ведомости 1793 г. в селе значились- 361 душа м.п. и 286 душ ж.п. [48]. К 1796 г. в селе числились- 673 души м.п. [9, 57].

Деревня **Павловка**, Мелитопольского уезда- принадлежала полковнику Алексею Ивановичу Писемскому (1739-1794), а впоследствии его вдове Александре Николаевне Писемской (урожденной Ворониной) (1744-после 1805). 6 тысяч десятин земли «против дачи его (А.И. Писемского) и поручика Сычевского», находившейся в Павлоградском уезде, отведены полковнику по Ордеру князя Г.А. Потемкина-Таврического от 17 июня 1787 г. [55; 56, 3-4]. По ведомости 1793 г. в деревне- 40 душ м.п. и 31 душа ж.п. [48]. По 5-й ревизии в деревне числились- 135 душ м.п. [9, 57].

Слобода **Балки**, Мелитопольского уезда- основана в августе/сентябре 1796 г. казаками Глинского уезда, Черниговского наместничества (м.п.- 824 души, ж.п.- 724 души). Под дачей 7 тысяч десятин земли [57].

Деревня **Благовещенка**, Днепровского уезда- владелец титулярный советник (1795) Моисей Михайлович Иваненко (ок. 1754-1816). Земля в количестве 12 тысяч десятин была куплена М.М. Иваненко в 1797 г. у генерал-поручика Андрея Яковлевича Леванидова (1747-1802). Генерал-поручик А.Я. Леванидов приобрел эту дачу в 1795/96 г. у генерал-поручика Николая Алексеевича Татищева (1739-1823). Генерал-майору и лейб-гвардии Преображенского полка премьер-майору Н.А. Татищеву дача (пустошь Плетенецкая) в 12 тысяч десятин земли была пожалована Ордером князя Г.А. Потемкина за № 445 от 20 сентября 1786 г. [52; 58; 59]. По ревизии 1795 г. в деревне- 331 душа м.п. [9, 57].

Деревня **Ивановка**, Днепровского уезда- принадлежала генерал-майору И.М. Синельникову, позднее его вдове А.В. Синельниковой. Возможно, что эта дача была получена генерал-майором по Ордеру князя Г.А. Потемкина за № 444 от 20 сентября 1786 г., согласно которому И.М. Синельникову отводилось 12 тысяч десятин земли «близ урочища Маячки», т.е. между дач бригадира В.С. Попова и полковника А.И. Писемского, но И.М. Синельников, видимо, по какой-то причине, выбрал землю, на которой впоследствии была основана слобода Ивановка. Имеется также свидетельство историка Д.И. Яворницкого, согласно которому слобода Ивановка основана на земле, отведенной И.М. Синельникову в 1782 г. [38, 53-54; 52]. По ведомости 1793 г. в деревне- 195 душ м.п. и 151 душа ж.п. [48]. По 5-й ревизии- 188 душ м.п. [9, 57].

Слобода **Днепровка**, Днепровского уезда- основана в 1788г. старообрядцами Новгород-Северского наместничества. Земля отведена согласно Ордера князя Г.А. Потемкина-Таврического за № 2327 от 11 сентября 1787 г. [60].

Слобода **Водяная**, Днепровского уезда- относилась исследователями к старообрядческим поселениям [6, 467; 11, 123; 13, 84]. Князь Г.А. Потемкин, удовлетворенный успешным переселением елисаветградских знаменцев в Таврическую область, Ордером от 25 августа 1786 г., данным на имя правителя Екатеринославского наместничества генерал-майора И.М. Синельникова, предписывал: «Одобрив рачительное старание ваше по выгодном переселении на Белозерку казенного села Знаменки, рекомендую вашему превосходительству и еще к занятию пустых мест области Таврической принадлежащих, как для нужного в тех местах пристанища, так и для возбуждения к выходу и поселению на изобилующих многими выгодами землях заграничных людей, переселить ис тогоже Елисаветградского уезда слободу Гончарскую и деревню Тонконоговку, водворя их на левом берегу Днепра, ниже Берислава, при урочище Голинкой из коих в первой двесте тридцать пять, а в последней восемьдесят восемь имеется мужеска пола душ, и потщится так чтоб сии селения могли быть перемещены в означенные места будущую весною, предуготовя их к тому нынешнею осенью, а для одобрения первоначального их обзаведения снабдить каждой двор по дватцати рублей, и позволить им в ползу их продать свои дома и прочее строение, на что изтребовать от Екатеринославской казенной полаты сумму, на щет Таврической области сколько по числу дворов будет оной потребно, земли им в том новом месте отвезть на каждую душу по пятнадцати десятин, и дать льготы на десять лет» [61].

«По справке в экспедиции директора экономии (Екатеринославского наместничества.- А.М.) оказалось, что Елисаветградского уезда в вышеупомянутых воинских слободах состоит на нынешний -787- год душ, в Гончарской, онаж и Водяная (в своих воспоминаниях К.М. Маркианов приводит еще одно название этого селения- Водяна балка.- А.М.) мужеска двесте тритцать сем, а женска пола двести дватцать две, поселянских дворов сорок восем, а земли отмежеванной в -1772- году тысяча двесте сорок восем десятин, в Тонконоговке душ мужеска пола восемдесят восем, а женска восемдесят сем, дворов дватцат четыре, а земли отмежеванной в -767- году семсот восемдесят десятин, жители обеих сих селений платят казне подати за каждую десятину земли по пяти копеек» [61]. Однако ни гончарцы (водянцы), ни тонконоговцы, на предложенной им земле «на левом берегу реки Днепра ниже Береславля при урочище Голинкой» селиться не пожелали, «за невыгодностью оной». Поверенные от этих селений просили отвести им под поселение «найденную ими удобнейшую на берегу Днепра, выше переведенных из слободы Знаменки старообрядцов, при урочище Кучугур и Мамай Сурки» [62]. Ордером от 17 июня 1787 г. князь Г.А. Потемкин-Таврический предписал правителю Таврической области действительному статскому советнику В.В. Каховскому: «переводимых в Тавриду, Екатеринославского наместничества, Елисаветградского уезда из слободы Гончарской и деревни Тонконоговки жителей, поселить, по желанию их, на берегу реки Днепра выше переведенных прежде из слободы Знаменки старообрядцов при урочище Кучугур и Мамай Сурки... ежели просимая ими земля никому не отведена, то под их поселение отвести оную и нужное сделать им пособие,.. щитая на всякую душу по пятнатцати десятин» [62]. Выбранная переселенцами земля была отмежевана им по указу Таврического областного правления в августе 1787 г. уездным землемером подпоручиком Василием Петровичем Калчигиным (ск. после 1816) [62]. Однако, повидимому, из назначенных в 1787 г. к переселению малороссийских крестьян слободы Гончарской (Водяной) и деревни Тонконоговки- 325 душ м.п. и 309 душ ж.п. [61], на земли Таврической области перешли далеко не все. Так в ведомости за 1793 г., в казенном селе Водяное, Днепровского уезда значатся: «переведенных из Екатеринославского наместничества- 128 м.п. и 124 ж.п. души» (т.е. гончарцы (водянцы) и тонконоговцы), а также «из Киевского наместничества- 121 (111(?)) м.п. и 105 ж.п. душ» (в 1791 г. Киевского наместничества 111 казаков и подсосудков, назначенных в числе прочих на поселение в Кавказскую губернию, по своей воле пожелали поселиться в Таврической области. В апреле 1794 г. экономии директором Таврической области из них было найдено на месте, в слободе Водяной- 86 человек [63]) и «вышедших из (губерний(?)) малороссийских- 338 м.п. и 290 ж.п. душ» [48]. В ведомости 1796 г. в слободе Водяной числилось поселян м.п.- 658 душ [9, 57]. Земли под слободой по ведомости 1794 г.- 13554 десятины [50, 105].

Слобода **Каменка (Малая Знаменка)**, Днепровского уезда- поселение государственных крестьян, основано в 1786 г. по распоряжению князя Г.А. Потемкина.

Слобода **Знаменка (Большая Знаменка)**, Днепровского уезда- поселение государственных крестьян, основано весной 1786 г. крестьянами-старообрядцами слободы Знаменки, Елисаветградского уезда, Екатеринославского наместничества в силу Ордера князя Г.А. Потемкина за № 108 от 3 апреля 1785 г. [41]. Предки автора этой книги Македоновы принадлежали к старообрядческой общине с. Большой Знаменки. Игнатий Македонов- жена Анисия, их сын Тимофей Игнатьевич Македонов- жена Агафия Парфеновна Македонова (1820-25.02.1889), их сын Дмитрий Тимофеевич Македонов (1837-ок. 1910)- жена (с 1858? г.) Евдокия Ивановна (Агаркова?) (12.02.1840-18.12.1872), их сын Сидор Дмитриевич Македонов (1862-весна 1920)- жена (с 9 ноября 1880 г.) Вера Ивановна Гончарова (1863-1929/32), их сын Степан Сидорович Македонов (28.10.1881-весна 1920)- жена (с 1908/09 г.) Ксения Яковлевна Гончарова (15.01.1888-1935), их сын Андрей Степанович Македонов (с него фамилия стала писаться- Макидонов) (18 августа 1911-декабрь 1943)- жена (с 25 сентября 1938 г.) Мария Гавриловна Оноприенко (06.02.1911-26.08.1999) (г. Запорожье, кл. Леваневское- уч. 21, р. 1, м. 25), их сын Владимир Андреевич Макидонов (01.07.1937-21.12.2022) (г. Запорожье, кл. Южное (Первомайское)- уч. 25, р. 1, м. 8)- жена (с 11 июня 1961 г.) Валентина Григорьевна Ковбаса (07.02.1940-19.08.2023) (г. Запорожье, кл. Южное (Первомайское)- уч. 25, р. 1, м. 11), их сын Андрей Владимирович Макидонов (р. 12.03.1962).

Старообрядческий мужской монастырь во имя Пресвятой Богородицы Корсунской, Днепровского уезда- основан в урочище Мамай Сурка монахами-старообрядцами Новгород-Северского наместничества в силу Ордера князя Г.А. Потемкина-Таврического за № 2327 от 11 сентября 1787 г. [60].

Деревня **Карай Дубина**, Днепровского уезда- владелец подполковник Иван (Ян) Никитич Рокасовский (1762?-1826?). 9 тысяч десятин земли были отведены подполковнику по Ордеру князя Г.А. Потемкина за № 449 от 21 сентября 1786 г. [52]. Около 1793 г. дача, по купле, перешла во владение супругов князя и княгини Вяземских [59]. По ведомости 1793 г. в деревне- 40 душ м.п. и 26 душ ж.п. [48]. По ревизии 1795 г.- 95 душ м.п. [9, 57].

Деревня **Ушкалка**, Днепровского уезда- принадлежала княгине Елене Никитичне Вяземской (урожденной Трубецкой) (1745-1832). 12 тысяч десятин земли были отведены княгине по Ордеру князя Г.А. Потемкина за № 129 от 23 марта 1786 г. [52]. По ведомости 1793 г. в деревне- 14 душ м.п. и 15 душ ж.п. [48].

Деревня **Бабина**, Днепровского уезда- владение супругов князя и княгини Вяземских. По ведомости 1793 г. в деревне- 54 души м.п. и 56 душ ж.п. [48]. К 1796 г. в деревне- 70 душ м.п. [9, 57].

Деревня **Рогачик (Нижний Рогачик)**, Днепровского уезда- причислялась А.А. Скальковским к старообрядческим поселениям [2.- Ч.2, 213]. Владелец- действительный тайный советник, князь Александр Алексеевич Вяземский (1727-1793). Дача в 12 тысяч десятин земли была отведена князю по Ордеру князя Г.А. Потемкина за № 129 от 23 марта 1786 г. Ордером № 129 князю и княгине Вяземским отводилось «по 12 тысяч десятин на левом берегу Днепра по урочищам: Рогачику, Карайтебину, Мамай Сурке и Балик Бабиной» [52]. Помимо этого Ордером князя Г.А. Потемкина за № 449 от 21 сентября 1786 г. князю А.А. Вяземскому была пожалована земля «с плавнями Басайскою, Рогачицкою и Царскою» [52]. На 1793 г. в селе числились- 147 душ м.п. и 77 душ ж.п. [48]. По 5-й ревизии в селе- 527 душ м.п. [9,57].

Деревня **Белозерка (Большая Белозерка)**, Днепровского уезда- причислена А.А. Скальковским к старообрядческим поселениям [3, 776]. Основана ок. 1804 г., по прошению поселянина Пономаренко, поверенного от казенных крестьян селений Водяной и Малой Знаменки, Днепровского уезда [64].

Деревня **Лепатиха (Малая Лепатиха)**, Днепровского уезда- принадлежала французскому эмигранту, графу Людовику де Клермон-Тоннеру (1740-е/1761-1799/1827). Граф Л. де Клермон-Тоннер- агроном, член российского Вольного экономического общества; в 1799 г. был издан его «Журнал о земледелии», посвященный императору Павлу I. 29 марта 1795 г. графу Л. де Клермон-Тоннеру Ордером графа Платона Александровича Зубова (1767-1822) за № 216 было пожаловано 6 тысяч десятин земли в «Днепровском уезде при реке Днепре» при урочище Лепатиха, в соседстве с графом Г.А. Шуазелем-Гуффье [52]. В 1798 г. граф Клермон-Тоннер управитель дел графа Семена Гавриловича Зорича (1745-1799) в Белорусской губернии. По свидетельству К.М. Маркианова, граф Клермон-Тоннер скончался в своем имении, в деревне Лепатихе, «там и погребен, не имея памятника» (очевидно в 1799 г.- А.М.) [22, 537]. 21 апреля 1799 г. Высочайшим Указом, по просьбе графини Клермон-Тоннер (супруги графа), дача Лепатиха была принята в казну, а вместо нее был пожалован фольварк Тяложский с деревнями: Бодяки, Шарки, Алексеево, Кулаги, Мостики и Игорковая в Бабыновецком старостве, Витебского уезда, Белорусской губернии [65; 66, № 35]. По ревизии 1795 г. в деревне- 165 душ м.п. [9, 57].

Деревня **Лепатиха (Большая Лепатиха)**, Днепровского уезда- причислена А.А. Скальковским к старообрядческим поселениям [2.-Ч.2, 213]. Владелец французский эмигрант, граф Мари-Габриэль-Флоран-Огюст (Гавриил Августович) де Шуазель-Гуффье (1752-1817). Граф Шуазель-Гуффье- дипломат и археолог, член Французской академии. С 1783 по 1792 г. граф являлся послом Франции в Константинополе. 16 января 1793 г. граф получил политическое убежище в России. 23 января 1797 г. «королевской французской службы генерал-майор», граф Шуазель-Гуффье был пожалован чином тайного советника. С 9 апреля 1797 г. граф начальник над экспедицией мраморной ломки и прииска цветных камней в Пермской губернии. Граф становится вице-президентом Академии художеств и директором всех Императорских библиотек. 27 июня 1797 г. тайный советник, граф Шуазель-Гуффье назначается президентом Академии художеств. В 1802 г. граф возвращается во Францию. 29 марта 1795 г. графу Шуазель-Гуффье Ордером графа П.А. Зубова за № 216 было пожаловано 12 тысяч десятин земли в «Днепровском уезде при реке Днепре» при урочище Лепатиха, в соседстве с графом Клермон-Тоннером [52]. 30 апреля 1796 г. Высочайшим Указом было повелено о «приеме от графа Шуазель-Гуффье, отведенной ему в Таврической области земли, при урочище Лепатихе и всеми на ней заведениями с надлежащей описью в казенное ведомство» [67; 68]; взамен графу было выделено имение- «село Хотечев с принадлежащими к нему селениями» во Владимирском уезде, Волынской губернии [69, 277]. По ревизии 1795 г. в деревне- 168 душ м.п. [9, 57].

Деревня **Князь Григорьевка**, Днепровского уезда- принадлежала генерал-майору Александру Николаевичу Самойлову (1744-1814). Ордером князя Г.А. Потемкина за № 375 от 31 августа 1786 г. А.Н. Самойлову было выделено «двенадцать тысяч десятин на левом берегу Днепра и на Царевском острове осьмсот десятин земли» [52]. В 1797 г., по купле, село Князь Григорьевка перешло во владение к генерал-майору Гавриилу Михайловичу Рахманову (1757-1827) и вероятно к вдове его брата- генерал-поручика Николая Михайловича Рахманова (1746-1793)- Елизавете Петровне Рахмановой, матери Григория Николаевича Рахманова (1787-1841) (Херсонский губернатор в 1809-1816 гг.). После смерти Г.М. Рахманова, «по духовному завещанию», 5680 десятин земли и 312 душ м.п. крестьян и дворовых людей перешли к его вдовой невестке [70]. По ведомости 1793 г. в деревне- 73 души м.п. и 69 душ ж.п. [48]. К 1796 г. в деревне- 274 души м.п. [9, 57].

Деревня **Завадовка**, Днепровского уезда- владелец тайный советник Петр Васильевич

Завадовский (1739-1812). Орденом князя Г.А. Потемкина за № 395 от 5 сентября 1786 г. П.В. Завадовскому было пожаловано «на острове Царевском семьсот десятин и на левом берегу Днепра двенадцать тысяч десятин земли» [52]. На 1793 г. в деревне- 205 душ м.п. и 184 души ж.п. [48]. По 5-й ревизии в деревне- 14 душ м.п. [9, 57].

Деревня **Каирка (Западные Каиры)**, Днепроовского уезда- поселение казенных крестьян, основано в 1786 г. В августе 1786 г. капитан Карп Матвеевич Смолдавский (Молдавский) руководил переселением из слободы Алешки к речке Западная Каирка партии «русских дезертиров», выведенных из Молдавии. Он же занимался обустройством их поселения. По списку, составленному 14 августа 1786 г., переселенцев значилось 164 человека обоего пола (48 семей); по утверждению же самого капитана, было выведено 148 человек обоего пола [71]. По ведомости 1796 г. в деревне- 372 души м.п. [9, 57].

Слобода **Дурицкая (Андреевка; Софиевка Нассауская)**, Днепроовского уезда- владелец принц Карл-Генрих-Никола-Оттон де Нассау-Зиген (1745-1808); его супруга-принцесса Каролина (по первому браку княгиня Сангушко (урожденная Гоздская) (ок. 1751-1804)). Орденом князя Г.А. Потемкина за № 108 от 9 января 1787 г. принцу было пожаловано «на Таврической степи, начиная от Западного Каира вниз по реке Днепру» 12 тысяч десятин земли. 7 сентября 1805 г. принц продал землю вдове графа Станислава-Феликса Потоцкого (1752/53-1805)- графине Софии (по первому браку графиня де Витт (урожденная Маврокодатос Скарлатос де Челиче (Клевоне) (1765-1822)). 3 мая 1807 г. от Потоцкой дача перешла к сыну графини Софии от первого брака- полковнику, графу Ивану Осиповичу де Витту (1781-1840), а уже от последнего, по купле, сделка состоялась 15 февраля 1808 г., к капитану в отставке Николаю Андреевичу Константинову (1780-после 1825). Н.А. Константинов являлся сыном действительного статского советника (1799) Андрея Дмитриевича Константинова (1740-1818), который в 1777-1780 гг. был российским резидентом при дворе Крымского хана Шагин-Гирея (1746/48-1787) [52; 72; 73]. По ведомости 1793 г. в деревне- 26 душ м.п. и 26 душ ж.п. [48]. К 1796 г. в деревне- 78 душ м.п. [9, 57].

Деревни **Каховка, Никольская и Преображенская**, Днепроовского уезда- принадлежали полковнику Дмитрию Матвеевичу Куликовскому (1752-1808). Орденом князя Г.А. Потемкина-Таврического за № 190 от 17 января 1791 г. полковнику было отведено «при реке Конской 12 да при Перекопе 9, а всего 21 тысячу десятин» земли [52; 74; 75]. Д.М. Куликовский поступил на службу в 1760 г. подпрапорщиком, в том же году он получил чин сержанта. В 1763 г.- прапорщик. Участник Русско-турецкой войны (1768-1774). В 1768 г.- поручик; в 1770 г.- капитан; в 1773 г.- секунд-майор в 3-м Малороссийском компанейском полку. Участвовал в боевых действиях: в 1769 г.- в отдельном отряде с гренадерскими ротами под Бендерами; в 1770 г.- под Бендерами с гренадерской ротой, в прикрытии осадных работ и отбитии неприятельских вылазок; в 1771 г.- в корпусе генерал-квартирмейстера Фридриха-Вильгельма Боура (1731-1783), во время похода к Дунаю; затем в корпусе генерал-поручика Рейнгольда-Вильгельма фон Эссена (1722-1788), под командою генерал-майора П.А. Текелли, в сражениях под Бухарестом и Журжей; в 1772 г.- в походе к Дунаю; в 1773 г.- под Силистрией, Гирсовым, Кирассе, Базарчуком, при Шумле. С 1781 г. Д.М. Куликовский- премьер-майор. В 1783 г.- премьер-майор 3-го Черниговского легкоконного карабинерского полка. В 1783 г. Д.М. Куликовский находился в составе русских войск в Польше. С 1784 г.- при дежурстве генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского. Около 1785 г.- подполковник. С 1788 г.- полковник. С 25 августа 1788 г. Д.М. Куликовский- советник Таврической казенной соляной экспедиции [76, 2-3]. В конце 1798-начале 1799 гг. Д.М. Куликовский был арестован «за содержание для партикулярных услуг 4-х солдат в своей деревне», в связи с чем находился под стражей в Киево-Печерской крепости [66, № 31]. Освобожден после смерти императора Павла I. Проживал в гражданском браке с Елизаветой Ивановной Овсянниковой, которую «откупил» у ее мужа- секунд-майора? (Тимофея Афанасьевича) Овсянникова. В 1807 г. Д.М. Куликовский был назначен общим начальником милиции Таврической губернии [77, 4]. Похоронен в старообрядческом монастыре во имя Пресвятой Богородицы Корсунской, в склепе церкви, во имя великомученика Димитрия Солунского, построенной в 1802 г. на его (Д.М. Куликовского) средства [5, 201]. По ведомости 1793 г. в деревнях Каховке- 121 душа м.п. и 101 душа ж.п. и Николаевке (Никольской)- 7 душ м.п. и 6 душ ж.п. [48]. По 5-й ревизии в деревнях: Каховке- 863 души м.п., Николаевке- 87 душ м.п., Преображенской- 231 душа м.п. [9, 57].

Старообрядческий мужской монастырь во имя Пресвятой Богородицы Корсунской, Днепроовского уезда- основан в 1797 г. По просьбе игумена Иоасафа с братией, Корсунский монастырь, расположенный рядом с селом Большой Знаменкой, в урочище Мамай Сурка, из-за «невыгодности местоположения», по Указу императрицы Екатерины II от 5 апреля 1796 г., был переведен в 1797 г. ниже по реке Днепр в урочище Фролово, «в смежность дачь помещика полковника Куликовского и казенного селения Казачьяго Лагеря». Монастырю было отведено 5 тысяч 447 десятин земли.

Село **Алешки**, деревни **Кардашинка и Казачьи Лагеря**, Днепроовского уезда- поселения государственных крестьян, во владении которых на 1794 г. числилось 89893 десятины земли [50, 103].

Интенсивное заселение села Алешки относится к 1786 г., когда из Молдавии стали прибывать в большом количестве «русские дезертиры» [78]. Орденом князя Г.А. Потемкина-Таврического от 16 августа 1787 г., данным правителю Таврической области- действительному статскому советнику В.В. Каховскому, в селе Алешки была учреждена нижняя расправа для Днепровского и Мелитопольского уездов [79]. К 1796 г. в селе Алешки числились- 1086 душ м.п., в деревне Кардашинке- 153 души м.п., в деревне Казачьи Лагеря- 334 души м.п. [9, 57].

Слобода **Любовичи (Голая Пристань)**, Днепровского уезда- Орденом князя Г.А. Потемкина за № 941 от 19 апреля 1787 г. польскому шляхтичу, принявшему российское подданство, Николаю Любовичу была пожалована земля «под поселение 150 семей». На 1794 г. под дачей числилось 11023 десятины земли [50, 102; 52; 80]. По ревизии 1795 г. в деревне Голой Пристани значились- 208 душ м.п. [9, 57].

Село **Збурьевское (Збурьевка)**, Днепровского уезда- до 1792 г. российское укрепление (ретраншемент), впоследствии- селение казенных крестьян. На 1794 г. под селением числилось 17244 десятины выгонной земли [5, 198; 50, 102]. К 1796 г. в селе значились- 253 души м.п. [9, 57].

Деревня **Рыбачья**, Днепровского уезда- владелец действительный тайный советник, князь А.А. Вяземский. Под дачей на 1794 г. 3958 десятин земли. На 1793 г. в деревне крестьян- 300 душ м.п. и 60 душ ж.п. [48; 50, 102].

Дача **Ивановка?**, Днепровского уезда - владелец бригадир; генерал-майор Иван Никитич Болтин (1735-06.10.1792), член Военной коллегии, историк. Земля «от дачи генерал-прокурора, князя А.А. Вяземского по Днепровскому лиману вниз к Прогнойным соляным озерам» была пожалована бригадиру Высочайшим Указом от 28 ноября 1783 г. 29 апреля 1792 г. генерал-майору была выдана грамота, подтверждавшая его право на владение указанной дачей [81]. На 1794 г. под дачей 4280 десятин земли [50, 102].

Дача **Прогнойная**, Днепровского уезда- владелец действительный тайный советник, граф Александр Андреевич Безбородко (1747-1799). На 1794 г. под дачей 4613 десятин земли [50, 102].

Крепость **Кинбурн**, Днепровского уезда- с 1774 г. в составе России. На 1794 г. под крепостью числилось 11950 десятин выгонной земли [50, 102]. К 1796 г. в крепости значились- 15 душ м.п. [9, 57].

Таким образом, из ранее приведенного списка поселений, основание которых историки относили к концу XVIII в. и числили старообрядческими, можно однозначно исключить слободу Водяную, и деревню Белозерку (Большую Белозерку), первую- как заселенную малороссийскими крестьянами, а вторую- как основанную в начале XIX в. Если же руководствоваться официальным документом: докладной запиской Екатеринославского духовного правления за 1795 г., в которой были собраны сведения о старообрядческих церквях и приходах Екатеринославской и Херсонеса Таврического епархии, и согласно которой на то время в Таврической области существовало только три старообрядческих поселения: слобода Знаменка (Большая Знаменка), слобода Днепровка и Корсунский монастырь, то и остальные селения списка- деревню Рогачик (Нижний Рогачик) и деревню Лепатиху (Большую Лепатиху) относить к старообрядческим нет достаточных оснований.

Как уже отмечалось выше, надежды князя Г.А. Потемкина на скорый приток в Таврическую область, в места «по левую сторону реки Днепра лежащих», старообрядцев из Черниговского наместничества и Новгород-Северского наместничества, выраженные в «Объявлении» от 27 августа 1785 г.- не оправдались. Только с 1787 г. дело по переселению стародубских старообрядцев в Таврию стало обретать реальные черты.

Начало появления раскольников на западной границе государства- в Стародубье, т.е. в Малороссии, в Стародубском полку, относится к 60-м гг. XVII в. Бежавшие от преследования светской и церковной власти раскольники основывали свои поселения как на полковых и магистратских, так и на землях частных владельцев. За сравнительно небольшой промежуток времени раскольниками в крае были заведены следующие земледельческие и купеческие слободы: Понуровка, Белый и Синий Колодези, Замышева, Митьковка, Воронок (1687), Деменка (1691), Клинцы, Лужки, Шеломы, Зыбка (1701), Злынка (1701), Тимошкин Перевоз (1703), Климова (1708), Чуровичи (1709), Городище (1709), Ардонь Чернецкая (1711), Млынка (1712), Свяцкая (1714). Несмотря на притеснения со стороны местной и центральной властей, положение стародубских раскольников было значительно лучшим, чем у их единоверцев в Великороссии. В 1716 г., на основании Указа царя Петра I Алексеевича, раскольники края «сделались совершенно независимыми от власти малороссийских владельцев, духовных и светских и были причислены к ведомству Киевской губернской канцелярии», в ведении которой находилось 16 слобод [82, 611]. Указом императора Петра I от 28 февраля 1722 г. было постановлено: переписать раскольников, оценить их имущество, определить их доходы и неукоснительно придерживать взимания двойного оклада с раскольников, который был введен на них в 1716 г. [83, 84]. По переписи 1723 г. в Стародубском полку числились, принадлежавшие раскольникам: 373 двора грунтовых, 159 бобыльских хат и 50 пустых [82, 612]. В 1735 и 1764 гг. русское правительство дважды предпринимало военные операции по ликвидации крупнейшего оплота раскола

за пределами России, находившегося в Речи Посполитой- раскольнической колонии Ветки. В 1764 г. Ветка была разорена окончательно, что привело к расцвету Стародубья, сделавшегося духовным центром дьяконовского течения в поповщине, главою которого стал монах Никодим, а после его смерти- архимандрит Иоасаф. По состоявшейся в 1767 г. «румянцевской описи» в Стародубье принадлежали раскольникам: 713 дворов, 767 бобыльских хат и 565 пустых дворов и хат [82, 612]. В 1781 г. было проведено «статистическое описание Малороссии», которое выявило в 16 стародубских раскольнических слободах: 2101 двор, 3188 хат и 397 бездворных хат и келей [82, 612]. Согласно правительственного Указа от 16 сентября 1781 г. Малороссия с января 1782 г. разделялась на три наместничества: Киевское, Черниговское и Новгород-Северское. Полковое административно-территориальное устройство Малороссии было упразднено. 27 января 1782 г. было открыто Новгород-Северское наместничество, состоявшее из 11 уездов: Новгород-Северского, Стародубского, Погарского, Мглинского, Глуховецкого, Кролевецкого, Коропского, Сосницкого, Конотопского, Новоместского и Сурожского. В 1785 г., согласно постановлениям генерал-губернатора Малороссии, генерал-фельдмаршала, графа П.А. Румянцева-Задунайского раскольнические слободы были переименованы на посады, а их насельники были расписаны по сословиям: купцов, мещан и государственных крестьян [83, 87].

В начале 1787 г. к князю Г.А. Потемкину обратился поверенный от старообрядческих обществ Новгород-Северского наместничества, житель посада Шеломы, Новоместского уезда- Федор Захарович Носов, которому было поручено старообрядцами, решившими переселиться в Таврическую область, выяснить детали тех условий, которые в общих чертах были продекларированы в «Объявлении» от 27 августа 1785 г. На запрос старообрядцев князь Г.А. Потемкин ответил 25 марта 1787 г. пространным обращением, данным в г. Киеве- к «Придерживающимся обряда старопечатных книг», которое гласило: «Как вследствие объявленного мною Высочайшаго Ея Императорскаго Величества дозволения о поселении старообрядцам в области Таврической и о приписании к тамошней епархии слобод их в Черниговском и Новгородско-северском наместничествах лежащих, получил я от обществ старообрядческих чрез повереннаго их Федора Носова отзвыи требующие разрешения моего, то оно и преподаяю я в следующем. 1-е. Для избрания места под поселение свое могут, придерживаясь старообрядчества, ныне же прислать своих поверенных к губернатору области Таврической, господину действительному статскому советнику и кавалеру Каховскому, от котораго и будут им способная земли отведены. 2-е. Переселяющиеся освобождаются от податей на полтора года, с тем, чтобы оставшиеся, пользуясь их землею, должны делать сей платеж. 3-е. Переселенцы сии могут свободно продать дома свои в нынешних их селениях состоящие. 4-е. Чтoб имеющиеся на них недоимки взыскиваемы уже были в Таврической области и чтoб по выезде своем исключены они были из прежних мест ведомством и платежом о том в наместническая правления Черниговское и Новгородско-северское от меня писано, так как и о немедленном снабжении желающих переселиться письменными на то видами. 5-е. Для построения домов дано будет по несколько бревен и латвин, за которые ими заплата должна быть учинена в пять лет, дастся так же заимообразно хлеба на год, который возвратит в казну в три года. 6-е. Переселяющиеся освобождаются на три года от всякого постоя и нарядов; за перевозки и за переправы платить они не обязаны и подается некоторое способствование бедным. 7-е. Чтo принадлежит до податей и прочих взысканий по протечении льготных лет, то в этом поступлено будет сообразно с государственными положениями. 8-е. Касательно монастырей, определения во оныя настоятелей и к мирским церквам священников, так же принятия беглых попов и диаконов не подозрительных; то о сем должно отнести к преосвященному Амвросию архиепископу Екатеринославскому и Таврическому и какое о том с ним постановление сделано будет, не премину я приложить старание о произведении онаго в действо» [17, 380-381; 60; 84].

Получив разъяснение князя, Ф.З. Носов в апреле 1787 г. обратился в Новгород-Северское наместническое правление и объявил о намерении старообрядцев переселиться в Таврическую область (в апреле же старообрядцы, «подвергнуть себя желающие» пастве архиепископа Амвросия, получив 19 апреля рекомендательное письмо князя Г.А. Потемкина, имели возможность встретиться с Преосвященным [4, 309-310]). В наместническом правлении было выяснено, что к переселению готовы старообрядцы (мещане и крестьяне) Новоместского и Стародубского уездов наместничества; при этом было определено: учитывая, что князем Г.А. Потемкиным «к здешнему господину губернатору, генерал-поручику и кавалеру» Илье Богдановичу Бибикову (1739-1806) было прислано «сообщение» «о безудержной сих переселенцев отправки», «помянутых переселенцев, на основании Его Светлости позволения» «отпустить по пашепортам не задерживая нимало и хотябы на них были и партикулярные доимки, кои впредь... взысканы должны... уже на новом месте» [85]. Однако, при всем этом, переселение старообрядцев наталкивалось на определенные трудности, что отмечается в письме князя Г.А. Потемкина-Таврического от 25 июня 1787 г. к генерал-поручику И.Б. Бибикову, в котором правителю наместничества сообщается о жалобах старообрядцев на то, что их удерживают от переселения [11, 124].

В то же самое время, когда осадчий Ф.З. Носов занимался переселением в Таврию старообрядцев-мирян, старообрядческий архимандрит Иоасаф, ставший после смерти в 1784 г. монаха Никодима, настоятелем стародубского Успенского (никодимовского) монастыря и главой направления в Расколе Стародубья, которое шло на союз с официальной Церковью, предпринимал усилия по организации в Таврической области старообрядческого монастыря.

11 сентября 1787 г. в г. Кременчуге Ордером за № 2327, данным на имя действительного статского советника В.В. Каховского, князь Г.А. Потемкин-Таврический предписывал: «Поставляя за долг пещись о заселении области Таврической Вашему Превосходительству, предписываю на тот конец по близости селения Знаменка по речке Конской, ежели при сих урочищах есть праздная и ни с каким препятствием не соединенная земля, отвести потребное число десятин в ней под построение старообрядческого монастыря и для имеющих в оном или около того поселиться старообрядцев, к заведению хлебопашества и скотоводства до трех тысяч десятин и для беспрепятственного тою землею владения дать план и межевые книги начальнику их Иоасафату. В случае же там какой либо неудобности имеете позволить им избрать для того самого другое приличное место и землю отвести оныя на таком же основании» [4, 310; 50, 90-91; 60]. Исполняя требования князя, правитель области В.В. Каховский, из г. Симферополя, в отношении за № 634 от 25 сентября 1787г. пишет: «Преподобнейший отец Иоасаф, архимандрит старообрядческого исповедания. Его Светлость, высокоповелительный господин генерал-фельдмаршал, Екатеринославский, Таврический и Харьковский генерал-губернатор и разных орденов кавалер, князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический, повелел мне изволить, поблизости селения Знаменка по речке Конской, ежели при сих урочищах есть праздная и ни каким препятствием несоединенная земля, отвести потребное число десятин под построение старообрядческого монастыря, а для имеющих в оном или около того поселиться старообрядцев к заведению хлебопашества и скотоводства до трех тысяч десятин. А как между Знаменкой и дачей князя Вяземского (действительный тайный советник, князь Александр Алексеевич Вяземский, 1727-1793.- А.М.) остается в немалом пространстве земля свободная, никем не занятая, изобилующая многими выгодами, то предложив ее ныне Таврическому областному правлению о командировании землемера для отводу и обмежеванию, в силу повеления Светлейшего князя, для монастыря и под поселение потребного числа десятин земли, и о снабжении затем Вашего преподобия планом и межевыми книгами. О чем с удовольствием имею случай известить Ваше преподобие, можете Вы благонадежно между тем избрать по благоусмотрению Вашему под построение монастыря способное и выгодное место. Верю притом с моим совершенным почтением с коим всегда пребыть честь имею. Милостивый государь мой, Вашего преподобия покорнейший слуга» [86]. В тот же день- 25 сентября 1787 г., действительный статский советник В.В. Каховский отнесся и к осадчному Ф.З. Носову, которого так же заверил, что старообрядцам будет выделена земля «между селением Знаменкою и дачею Его Сиятельства, князя Александра Алексеевича Вяземского» [60].

Между тем, к 28 сентября 1787 г. Ф.З. Носов уже вывел из Новгород-Северского наместничества 223 старообрядца обоего пола, которые однако, в виду близкой зимы, были «по частям» оставлены в г. Крюкове, г. Крылове и слободе Зыбкой, Екатеринославского наместничества [60]. Восстанавливая события того времени, можно прийти к выводу, что архимандрит Иоасаф с братией перешли в Таврическую область осенью 1787 г., где на отведенной им земле в 3000 десятин, в урочище Карай Дубина, ниже слободы Знаменки, положили начало основанию старообрядческого монастыря. 31 декабря 1787 (1788?) г. архиепископом Екатеринославским и Херсонеса Таврического Амвросием, по ходатайству князя Г.А. Потемкина-Таврического от 3 декабря 1788? г. [4, 310; 24], была дана благославляющая грамота на строительство в Таврической области старообрядческого монастыря и церкви в нем [17, 381]. Зимой монахи провели в землянках, а весной 1788 г. к ним присоединились старообрядцы-миряне и еще пятеро монахов Успенского монастыря, выведенные из Новгород-Северского наместничества Ф.З. Носовым (22 июня 1788 г. осадчий сообщил правителю области В.В. Каховскому, что им весной 1788 г. выведено из Новгород-Северского наместничества еще 302 души обоего пола, из которых «большою частию люди... бедная». Всего, по утверждению осадчего, что следует из его рапорта правителю области от 21 июля 1788, им было выведено «для водворения в границах Таврической области»- 102 старообрядческих семьи [60]).

Скрупулезный подсчет переведенных Ф.З.Носовым старообрядцев, по имеющимся в архивных делах именованным ведомостям и другим документам, позволяет сделать вывод, что количество старообрядцев Новгород-Северского наместничества, поселившихся в Таврической области, было почти на порядок меньше тех 3000 душ, о которых сообщал историк Ф.Ф. Лашков в одной из своих работ [9, 56]. По трем именованным ведомостям, составленным в 1791 г. следует, что к переселению было назначено 362 души мужского пола и 211 душ женского пола; из них действительно переселились в Таврическую область и основали слободу Днепровку- старообрядцы, крестьяне и мещане Новгород-Северского наместничества, Стародубского и Новоместского уездов, слобод: Воронки, Еленки, Млынки, Чуровичи, Шеломы, Зыбкой, Злынки и Климовой, в количестве- 216 душ м.п. и 134 душ ж.п. [60; 85]. Эти

цифры подтверждаются и ведомостью 1793 г., в которой «придержавшихся старообрядства, перешедших из Екатеринославского (имеются в виду старообрядцы временно оставленные в 1787 г. Ф.З. Носовым в г. Крюкове, г. Крылове и слободе Зыбкой.- А.М.) и Новгородско-Северского наместничеств»- 204 души м.п. и 163 души ж.п. [48].

Как пишет в своих воспоминаниях К.М. Маркианов, новгород-северские старообрядцы «весною (1788 г.- А.М.) старались о водворении: кроме всякого пособия (т.е. не получив материальной поддержки от власти.- А.М.), изнурились и до последнего имущества истощились, стараясь вновь землю распахали, не зная того, что от знаменской межи по течению реки верст до 30-ти, до урочища Лепатихи, земля князю Вяземскому уже назначена». Когда выяснилось, что земля занятая старообрядцами принадлежит помещику «оне с плачем, разорившись, принуждены переселяться... поселяне избрали себе место выше селения Водяной. Поселясь и там, нашли неудобство: песчаные кочугуры затрудняли проезд в пахотное поле, что понудило их к вторичному (скорее можно говорить, что это уже третье переселение стародубцев.- А.М.) переселению в поды» [22, 534-535].

Так была основана старообрядческая слобода Днепровка, которая по своему месторасположению одно время называлась Подовкой. Обустройством поселения руководил, назначенный смотрителем слободы Днепровки подполковник Григорий Михайлович Артельнов. На первоначальное обустройство, по просьбе осадного Ф.З. Носова, переселенцам, «по числу наличных душ», были выданы в долг наличные деньги на покупку провианта, «на шестимесячное содержание» и строительного леса, который старообрядцы, являясь «большою частию промышленные и охотные к разным оборотам» предполагали сами «сплавывать по Днепру» со своего прежнего места жительства [60]. Как уже было отмечено, в ведомости за 1793 г. в слободе Днепровке проживало, «придержавшихся старообрядства»- 204 души м.п. и 163 души ж.п. Помимо них в ведомости отмечены 72? колониста, выведенных из России [48]. Возможно, что под «русскими колонистами» имелись в виду курские дворцовые и экономические крестьяне, которые в количестве 66 человек перешли сначала в Екатеринославское наместничество, а уже оттуда, около 1793 г., переселились в Таврическую область, в слободу Днепровку. В апреле 1794 г. экономии директором Таврической области, из курских было найдено в слободе Днепровке: 42 дворцовых и 2 экономических крестьянина [63]. В 1794 г. под слободой числилось 14339 десятин земли [50, 105]. К 1796 г. в слободе значились 347 душ мужского пола [9, 57]. До 1796 г. в слободе Днепровке, в которой к 1795 г. насчитывалось «до двухсот домов», своей церкви не было, почему днепровцы были приписаны к Знаменскому (Большезнаменскому) приходу. Церковь днепровцам заменяла часовня, в которой служба проходила по старинным книгам, требы же в часовне исправляли знаменские священники [8, 76; 20, 285-286; 49]. В 1796 г., после постройки в слободе церкви во имя Святого Архистратига Михаила, первым ее священником стал Елисей Легков, а с мая 1798 г. эту должность занимал, переведенный из слободы Большой Знаменки-А.И. Кирсанов [47]. Дальнейшую судьбу Единоверия в слободе Днепровке лаконично описал в своих воспоминаниях К.М. Маркианов: «Сначала они (днепровцы), держась старообрядчества, воздвигнули самобеднейшую церковь, которая и теперь (30-е гг. XIX в.- А.М.), имели и священника; но когда присовокупились к ним народы, в множестве староверства не знающие,- уничтожили старообрядство» [22, 535].

Пришлось переселяться в 1788 г. из урочища Карай Дубина и монахам. «Архимандрит (Иоасаф) прибегнул к знаменским; сии во уважение уступили полосу земли (1728 десятин на 1794 г. [50, 104]), на которой, в горе Мамайсурке (Мамай Сурка), и был построен монастырь с церковью» [22, 534]. Неизвестно сколько в монастыре во имя Корсунской Пресвятой Богородицы было первоначально монахов. В именной ведомости за 1791 г., в которой зарегистрированы старообрядцы Новгород-Северского наместничества, перешедшие в Таврическую область в 1788 г., значатся переселившимися и шестеро монахов Успенского (никодимовского) монастыря: Виталий, Пахомий, Венедикт, Кирилл, Филарет и переселившийся в 1789 г.- Питирим [85]. К 1790 г. в монастыре была построена деревянная церковь во имя Корсунской Пресвятой Богородицы, которая в том же году была и освящена [23, 11]. Монастырь строился на средства монахов и «доброхотных дателей», из казны же монахи на строительство не получали ничего.

Между тем, несмотря на то, что монастырь уже существовал и действовал, а архимандрит Иоасаф был его главою, главенствующей Церковью статус монастыря, его монахов и самого настоятеля еще не было определен. И только после обращений архимандрита Иоасафа к князю Г.А. Потемкину-Таврическому и к главе епархии-архиепископу Амвросию, в которых он просил о присоединении всех переселившихся старообрядцев к православной Церкви, и о своем официальном «определении в тот монастырь настоятелем», последовал ряд указов, которыми закреплялось положение монастыря и его насельников. Указом за № 800 от 8 августа 1791 г., данным из Святейшего Правительствующего Синода, на имя архиепископа Екатеринославского и Херсонеса Таврического Амвросия, архимандрит Иоасаф был официально признан игуменом Корсунского монастыря. На основании Указа Синода, постановлением архиепископа Амвросия от 30 сентября 1791 г.,

архимандриту Иоасафу были посланы Указы Екатеринославской духовной консистории от 18 октября 1791 г., в которых было предписано игумену Иоасафу «о смотрении за монастырем и монашествующими, так и о должном игумену сих последних повиновения». Помимо этого, монахи Дорофей и Серапион были утверждены, первый- иеромонахом, а второй- иеродиаконем [24].

В сентябре 1792 г. монастырская церковь сгорела. В 1795 г. вместо нее, с тем же названием и пределом во имя Иоанна Златоустого была выстроена новая церковь, и в том же году бывшая в монастыре часовня была обращена и освящена в церковь во имя Святителя Николая Чудотворца [5, 199; 23, 11]. К 1796 г. в Корсунском монастыре насчитывалось «монашествующих 35 и послушников их же единообрядцев 20 человек, трудами коих заведено (было) хлебопашество и скотоводство»; служба в монастыре отправлялась по старопечатным книгам [8, 78; 49].

Однако на новом месте, в урочище Мамай Сурка, около села Большой Знаменки, монахи нашли многие неудобства для существования монастыря. В 1795 г. игумен Иоасаф с братией обратились к правителю края генерал-фельдцейхмейстеру, графу П.А. Зубову, с просьбой о переносе монастыря «на остров называемый Хортицкой, состоящий на реке Днепре, против Александровской крепости». В прошении игумен, описывая трудности и беды монастырского бытия, отмечал, что место на котором располагается Корсунский монастырь «стеснено горами, владельческими дачами, нет лесу даже и на дрова, да и неудобно к насаждению овощей, да и по отдаленности Днепра, нет рыбной ловли и здоровой воды для употребления нашего, от чего многие бывают больны и умирают» [8, 74-75; 49]. Прошение возымело действие (надо отметить, что монахи, постоянно нуждавшиеся в строительном лесу и топливе, и ранее, начиная с 1788 г., обращались к власти с просьбами о помощи [8; 49]), уже 15 февраля 1796 г. правитель Екатеринославского наместничества генерал-майор Иосиф Иванович Хорват (1750-1814/15) ходатайствовал перед князем П.А. Зубовым, с целью «успокоения на всегда старообрядческого игумена Иоасафа с братией, яко нуждающихся крайне на настоящем их поселении, дозволить им перейти на вновь избираемое ими удобное место в Таврической же области при урочище Фролово» [8, 76; 49].

На доклад князя П.А. Зубова от 26 марта 1796 г. на Высочайшее Имя, о возможном переводе Корсунского монастыря на новое место, последовал Указ императрицы Екатерины II от 5 апреля 1796 г., в котором императрица повелевала перенести монастырь «в удобнейшее в той же области место, снабдив тот монастырь потребными для него тремя тысячами десятин земли из числа пустопорожных и никому не отданных» [8, 79; 49].

7 апреля 1796 г. князем П.А. Зубовым было предписано распоряжением за № 345 правителю Таврической области генерал-майору Семену Семеновичу Жегулину (1733-1823), выделить для монастыря, переводимого «в урочище Хролово (Фролово), которое окружается реками Днепром и Конскою в смежность дач помещика полковника Куликовского (Дмитрий Матвеевич Куликовский (1752-1808)) и казенного селения Казачьего Лагеря,.. до трех тысяч десятин из самых удобнейших хлебопашеству и сенокосению участков», причем «действия переселения» старообрядцев предоставлялись «собственному их распоряжению» [8, 79-80; 49]. В свою очередь генерал-майор С.С. Жегулин 19 июля 1796 г. обратился в Таврическое областное правление с предписанием за № 518 об отводе 3 тысяч десятин земли переводимому в урочище Фролово Корсунскому монастырю [87]. Согласно Указа Таврического областного правления за № 34 от 11 августа 1796 г. и Ордера областного землемера, капитана В.П. Калчигина от 21 августа 1796 г., уездный землемер, подпоручик Василий Писемский к 8 февраля 1797 г. отмежевал «в Днепровском уезде пустоши Фроловой плавни для устройства вновь старообрядческого монастыря» 3 тысячи десятин удобной земли и 2447 десятин 775 квадратных сажень неудобной, на которую уездным землемером был «сочинен план с межевыми книгами» [88].

14 марта 1797 г. игумен Иоасаф получил из Таврического областного правления «владельческий Указ и план с межевыми книгами», «под новостроящийся старообрядческий монастырь», в чем и расписался [87]. Таким образом- 14 марта 1797 г. можно считать датой основания (и уже в третий раз) на новом месте, в урочище Фролово, старообрядческого монастыря во имя Корсунской Пресвятой Богородицы. Несколько ранее, 30 октября 1796 г., архимандритом Иоасафом была получена официальная грамота от епархиального архиерея- митрополита Екатеринославского и Херсонеса Таврического Гавриила (Григорий Григорьевич Банулеско-Бодони, 1746-1821), которой митрополит благословлял перевод монастыря на новое место и построение в нем храма во имя Святителя Николая Чудотворца [23, 13].

В рассматриваемый нами период с 1787 по 1797 гг. и очевидно, что и далее во времени, при игумене Иоасафе, Корсунский старообрядческий монастырь являлся центром Единоверия в Новороссийском крае. Деятельность настоятеля Иоасафа и монастырской братии была направлена на обращение в православную веру «раскольников закоснелых в своем заблуждении», и миссионерская работа в этом направлении велась не без успеха. К 1799 г. старообрядцами, приведенными к Единоверию игуменом Иоасафом, были выстроены «церкви православныя, в городах

Елисавете, Кременчуге, местечке Крылове и селении Троицком, состоящем при реке Днепре», в которых богослужение отправлялось «благословенными от законного архипастыря священниками, по старопечатным книгам» [20, 286-287; 89, 1051-1053]. Игуменом Иоасафом предпринимались также попытки склонить к возврату на родину «живущих за границами российских беглых старообрядцев»- «почему некоторые и вышли» [8, 75; 49].

Подводя некоторый итог всему вышеизложенному, надо отметить, что бытующее до настоящего времени в исторической литературе представление о количестве старообрядцев-единоверцев, осевших на севере Таврии в 80-х гг. XVIII в. и числе основанных ими поселений, не подтверждается архивными материалами. Известные автору документальные источники свидетельствуют, что «между Днепром и Перекопом» в эти годы существовало только три поселения, которые с полным правом можно отнести к старообрядческим, это: слобода Большая Знаменка, слобода Днепровка и Корсунский монастырь. На эти три поселения к 1793 г., т.е. даже уже с родившимися в Таврии детьми переселенцев, приходилось немногим больше 2-х тысяч (2146 [48; 49]) старообрядцев обоего пола (согласно доклада Екатеринославского и Херсонеса Таврического митрополита Гавриила в Святейший Синод от 1 июля 1795, в его епархии (Таврическая область, Черниговское и Новгород-Северское наместничества) с 1789 по 1795 гг. к Единоверию присоединились- 3556 м.п. и 2968 ж.п., всего 6524 человека (в это число не вошли прихожане Малой Знаменки, Елисаветграда, Кременчуга и Николаева) [19.- Кн. 2, 282-283]).

Возможно количественный результат переселения мог быть и более впечатляющим, если бы власть могла пойти на более смелые уступки старообрядцам. Показательно, что старообрядцы-единоверцы обрели своего епископа только в 1918 г., а клятвы на староверов Московского Поместного Собора 1667 г., были сняты собором Русской Православной Церкви в 1971 г. Наверное прав был Василий Васильевич Розанов (1856-1919), когда писал, что начало Единоверия, как «живой акт веры (у раскольников) встретило живое сердце (у нас) (граф П.А. Румянцев, архиепископ Никифор.- А.М.)- и великое слияние началось, принцип единства был найден. Но пришел «ум» и схитрил: он дал раскольникам попов и не дал архиерея- дело было для ума не в вере, а в подчинении...» [90, 59].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731-1823. Ч. 1. Одесса, 1836.
2. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. Одесса, 1850; то же: Ч. 2. Одесса, 1853.
3. Скальковский А.А. Русские диссиденты в Новороссии // Киевская старина. Т.17. Кн. 4. Киев, 1887.
4. Мурзакевич Н.Н. Сведения о некоторых православных монастырях епархий Херсонской и Кишинеvской // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. 2. Одесса, 1848.
5. Архиепископ Гавриил (Розанов). Хронологико-историческое описание церквей епархии Херсонской и Таврической // ЗООИД. Т. 2. Одесса, 1848.
6. Чирков А. Топографическое описание Корсунского монастыря, находящегося в Днепровском уезде Таврической губернии на левом берегу Днепра // ЗООИД. Т. 12. Одесса, 1881.
7. Багалеv Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры // Киевская старина. Т. 25. Кн. 4-5-6.; то же: Т. 26. Кн. 7. Киев, 1889.
8. Иванов А.В. О поселении раскольников в пределах нынешней Таврической губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). № 7. Симферополь, 1889.
9. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. № 24. Симферополь, 1896.
10. Секиринский С.А. К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII века // Известия Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе. Т. 23. Симферополь, 1957.
11. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М., 1959.
12. Моисеенкова Л.С. Старообрядцы в Таврической губернии в конце XVIII-начале XX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 5. Симферополь, 1996.
13. Бельский А.В. Единоверчество и единоверческий Корсунский монастырь: возникновение, история

- и лица // Культура народов Причерноморья. № 6. Январь. Симферополь, 1999.
14. Бумаги князя Г.А. Потемкина-Таврического. 1774-1788 гг. // Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. СПб., 1893.
 15. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки поповщины // Собрание сочинений. Т. 7. М., 1976.
 16. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Москва-Иерусалим, 1994.
 17. Петров Н.И. Раскол и единоверие с царствования Екатерины II до царствования Николая I // Труды Киевской духовной академии. Т. II. Кн. 8-9. Киев, 1881.
 18. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769-1791. М., 1997.
 19. Лебедев Е.Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу // Христианское чтение. Январь-март. СПб., 1903.
 20. Мурзакевич Н.Н. Материалы для истории Новороссийской православной Иерархии // ЗООИД. Т. 9. Одесса, 1875.
 21. Греков В.А. Начало единоверия в русской церкви, положенное Преосвященным Никифором Феотоки в слободе Знаменке, бывшего Екатеринославского наместничества // Екатеринославские епархиальные ведомости. №№ 6-8. Екатеринослав, 1895.
 22. К истории колонизации Новороссии // Киевская старина. Т.11. Кн. 3. Киев, 1885.
 23. П.В.З. (протоиерей В.В. Знаменский?). Корсунский первоклассный мужской монастырь Таврической епархии. Симферополь, 1897.
 24. Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского. Институт рукописей (НБУ ИР). Ф. V. Д. 568.
 25. НБУ ИР. Ф. V. Д. 567.
 26. Центральный государственный архив автономной республики Крым (ЦГААРК). Ф. 26. Оп. 4. Д. 307.
 27. Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII-первой половине XIX века (1719-1858 гг.). М., 1976.
 28. Пашутин А.Н. Исторический очерк г. Елисаветграда. Кировоград, 1992.
 29. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 150.
 30. ГАОО. Ф. 37. Оп. 1-а. Д. 52.
 31. НБУ ИР. Ф. V. Д. 808.
 32. НБУ ИР. Ф. V. Д. 468.
 33. Кем и когда положено начало Единоверию в Русской церкви // Братское слово. № 2. М., 1892.
 34. Лебедев Е.Е. Судьба первого единоверческого храма и его прихода // Прибавления к Церковным ведомостям. № 32. 5 августа. СПб., 1889.
 35. НБУ ИР. Ф. V. Д. 738.
 36. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 98.
 37. НБУ ИР. Ф. V. Д. 471.
 38. Яворницький Д.І. Дніпрові пороги. Дніпропетровськ, 1989.
 39. ЦГААРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 501.
 40. Мурзакевич Н.Н. Письма правителя Екатеринославского наместничества Ивана Максимовича Синельникова правителью канцелярии, для доклада Светлейшему князю Г.А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. Т. 9. Одесса, 1875.
 41. НБУ ИР. Ф. V. Д. 491.
 42. ЦГААРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 502.
 43. НБУ ИР. Ф. V. Д. 499.

44. ИТУАК. № 11. Симферополь, 1891.
45. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 155.
46. ГАОО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 256.
47. Государственный архив Херсонской области (ГАХО). Ф. 198. Оп. 1. Д. 21.
48. НБУ ИР. Ф. V. Д. 522.
49. ЦГААРК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1.
50. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. № 25. Симферополь, 1896.
51. ЦГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1.
52. НБУ ИР. Ф. V. Д. 437.
53. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 254.
54. ЦГААРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 153.
55. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 116.
56. ИТУАК. № 8. Симферополь, 1889.
57. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 344. Д. 429.
58. ЦГААРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 147.
59. ГАХО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 51.
60. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 130.
61. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 85.
62. ЦГААРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 148.
63. ЦГААРК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 25.
64. ЦГААРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 526.
65. ЦГААРК. Ф. 26. Оп. 12. Д. 57.
66. Описание сенатских дел исторического архива Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1917.
67. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 448.
68. ЦГААРК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 5.
69. Материалы для истории Подольской губернии. Каменец-Подольский, 1885.
70. ЦГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 6029.
71. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 30.
72. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 120.
73. ЦГААРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 685.
74. ЦГААРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 281.
75. ЦГААРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 256.
76. ИТУАК. № 13. Симферополь, 1891.
77. ИТУАК. № 49. Симферополь, 1913.
78. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 3. Д. 27.
79. НБУ ИР. Ф. V. Д. 372.
80. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 126.
81. ЦГААРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 297.

82. Лилеев М.И. Из начальной истории раскола в Стародубье // Киевская старина. Т. 26. Кн. 9. Киев, 1889.
83. Мащенко С. Старообрядці на Придесенні // Сіверянський літопис. № 5. Чернігів, 2000.
84. НБУ ИР. Ф. V. Д. 498.
85. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 133.
86. НБУ ИР. Ф. V. Д. 570.
87. ЦГААРК. Ф. 799. Оп. 3. Д. 300.
88. ЦГААРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 412.
89. Макаревський Феодосій. Матеріали для історико-статистичного опису Катеринославської єпархії. Церкви та приходи минулого XVIII століття. Дніпропетровськ, 2000.
90. Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992.

К.М. МАРКИАНОВ – СВИДЕТЕЛЬ И ИСТОРИК КОЛОНИЗАЦИИ НОВОРОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

(к истории одной публикации)

К сожалению, документ, о котором пойдет речь в данной статье, незаслуженно обделен вниманием историков. Письмо Карпа Мартыновича Маркианова, а именно оно имеется в виду, опубликованное историком Аполлоном Александровичем Скальковским (1808-1898) в 1885 г. в журнале «Киевская старина» [1], вплоть до настоящего времени было вне поля зрения большинства исследователей, посвятивших свои работы истории освоения Северного Причерноморья во второй половине XVIII-начале XIX вв.

Между тем, уже при публикации письма, в предисловии к документу, было справедливо отмечено, что «...это частное, простое и незатейливое письмо дает более для истории, чем десяти официальных бумаг» [1, 531].

Как исключение, упоминание о письме К.М. Маркианова и ссылки на него, можно встретить в следующих публикациях: в исследовании историка Дмитрия Ивановича Багалея (1857-1932), посвященном заселению Новороссийского края, опубликованном в 1889 г. в журнале «Киевская старина» [2]; в газетной статье 1956 г. краеведа Иннокентия Петровича Грязнова (1893-1976), приуроченной автором к юбилею основания г. Каменки-Днепровской Запорожской области [3]; и в работе современного исследователя творчества А.А. Скальковского- Вадима Михайловича Хмарского, изданной в 1994 г. [4].

Так в своей работе Д.И. Багалея неоднократно ссылаются на письмо К.М. Маркианова, иллюстрируя выдержками из его текста примеры неудачной колонизации края [2, 482/ 484]. В статье И.П. Грязнова, в популярной форме, на материале письма, с обширными цитатами из этого документа, краеведом была представлена история заселения Каменско-Днепровского района Запорожской области во второй половине XVIII в. В книге В.М. Хмарского, в которой он приводит перечень всех работ А.А. Скальковского, содержащих в том или ином объеме материал археографического характера, упоминается документ, опубликованный историком в журнале «Киевская старина» и посвященный «...истории колонизации Южной Украины»- письмо К.М. Маркианова [4, 20].

В настоящей статье автор предпринял попытку датировать письмо К.М. Маркианова, так как его текст прямого указания на время составления не содержит; попытался определить кому было адресовано послание; в работе также приводятся некоторые факты биографии К.М. Маркианова, которые позволяют по-новому взглянуть на содержание этого интереснейшего документа.

В 1885 г., в 11 томе мартовского номера журнала «Киевская старина», под редакционным заглавием- «К истории колонизации Новороссии» было напечатано частное письмо, автором которого являлся, как было указано в редакционном предисловии к письму, «...священник с. Знаменки, Херсонской губернии, современник и отчасти очевидец описываемого в письме...»- Карп Маркианов [1, 531]. Письмо, содержащее информацию по истории, археологии, природе и даже палеонтологии Мелитопольского и Днепровского уездов Таврической губернии (административно-территориальное деление дано автором на время опубликования письма.- А.М.), было получено редакцией журнала «...от почтенного историка «Новой Сечи»- А.А. Скальковского. Примечательно, что в редакции исторического журнала и очевидно к этому были достаточно серьезные основания, никоим образом не отождествляли А.А. Скальковского с адресатом К. Маркианова. В предисловии к документу было отмечено, что «письмо писано в последние годы прошлого или первые нынешнего столетия, по просьбе неизвестного лица, очевидно занимавшегося собиранием сведений о заселении Новороссии» [1, 531]. Однако в целом, создается впечатление, что в редакции журнала имели весьма смутное представление не только о том, кем и когда был создан этот документ, но и о его содержании: в подзаголовке к публикации было отмечено, что в письме идет речь «...о заселении некоторых мест бывшей Елисаветградской провинции» [1, 531] (в 1764-1783 гг. административно-территориальная единица Новороссийской губернии.- А.М.). В действительности, текст документа, начинающийся с событий 1784 г., посвящен истории крестьянской и помещичьей колонизации Таврической области во второй половине XVIII в. Все это приводит к мысли, что возможно и самому инициатору публикации- А.А. Скальковскому, не были в точности известны все обстоятельства, связанные с написанием этого документа. Так в 1887 г., в своей статье, опубликованной также в журнале «Киевская старина», он, ссылаясь на ранее изданное письмо К. Маркианова, аттестует его автора так же как «...священника с. Знаменки Херсонской губернии...» и в этой же статье само письмо характеризуется им как «современное» [5, 776]. Едва ли историк стал бы утверждать подобное, будь ему известны некоторые детали биографии автора письма.

Карп Маркианов (Мартьянов) родился в 1754 г. в крестьянской семье. От рождения его имя и фамилия- Карп Мартынович (Мартьянович) Иванов, однако, как это нередко случалось в XVIII в. на Руси, имя его отца стало его фамилией- Мартьянов; впоследствии и фамилия Мартьянов была

переименована на Маркианов. Его отец- Мартин (Мартьян) Иванович Иванов (р. 1733), в 80-х гг. XVIII в. был старостой слободы Знаменки, Елисаветградского уезда, Елисаветградской провинции, Новороссийской губернии (надо думать, что именно на его имя был составлен Ордер князя Григория Александровича Потемкина (1739-1791) за № 108 от 3 апреля 1785, данный «Села Знамянки выборному Мартьяну и всем жителям» [1, 533-534; 6; 7; 8; 9]), мать- Матрона Устиновна Иванова (р. 1739) [8]. Карп Мартынович был женат на уроженке раскольничьей слободы Плоская, Елисаветградской провинции- Стефаниде Устиновне Быковой (1753-14.01.1813) [9; 10, 281].

Как и все знаменцы Ивановы были приверженцами старой, дониконовской веры. В 1772 г., во время Русско-турецкой войны (1768-1774), в числе других раскольников, возможно, при непосредственном участии в их судьбе генерал-фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцева (1725-1796), они вышли из Молдавии [5, 772; 9; 11]. Где в свое время нашли прибежище из-за гонений в России на приверженцев «древлего благочестия» и поселились в Елисаветградской провинции, Новороссийской губернии, где рядом с Черным лесом основали слободу Знаменку (ныне пгт. Знаменка-Вторая, Знаменского района, Кировоградской области.- А.М.). В 1780 г. знаменские раскольники, по их просьбе, были присоединены архиепископом Славянским и Херсонским Никифором (Николай Стефанович Феотоки, 1731-1800) к православной Церкви; причем за ними сохранялось право употреблять в богослужении старопечатные книги и старые обряды. От православной Церкви знаменцы получили законно поставленного священника и законно освященный храм во имя Знамения Пресвятой Богородицы. Это был первый единоверческий (так впоследствии назовут союз старообрядческой и православной Церквей.- А.М.) храм и приход в России.

В 1784 г. тридцатилетний К.М. Маркианов, «...по благоговейной своей жизни...» знаменским обществом был избран для посвящения в священники [9]. При этом сам князь Г.А. Потемкин в личном обращении от 10 мая 1784 г. к архиепископу Славянскому и Херсонскому Никифору ходатайствовал за К.М. Маркианова [9]. В г. Кременчуге К.М. Маркианов получил от князя рекомендательное письмо от 20 июня 1784 г. к архиепископу и «...отправлен был с курьером и письмом княжеским к преосвященному для пострижения в попы» в г. Полтаву [1, 533; 9]. После непродолжительного обучения, 28 июня 1784 г. в Крестовоздвиженской церкви полтавского монастыря, К.М. Маркианов был посвящен архиепископом Никифором в диаконы, а уже 29 июня (в Петров день.- А.М.) в полтавской Успенской церкви рукоположен архиепископом в иереи [1, 533; 9]. 30 июня 1784 г. К.М. Маркианов получил грамоту на священство в церковь своей родной слободы [9]. До 1786 г. он служил священником в церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы в слободе Знаменке, Елисаветградского уезда, Екатеринославского наместничества. После инициированного князем Г.А. Потемкиным переселения знаменцев весной 1786 г. в Днепровский уезд, Таврической области, отец Карп служил сначала в часовне вновь основанной слободы Знаменки (с. Большая Знаменка), а впоследствии (17 мая 1787 г. архиепископом Екатеринославским и Херсонеса Таврического Амвросием (Авраам Никитич Серебренников, 1745-1792) была дана грамота, благословлявшая закладку церкви в слободе [12]) служил в церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы. В браке у Карпа Мартыновича и его супруги Стефаниды Устиновны, насколько нам известно, родилось два сына: Василий, который до 1807 г. служил в чине губернского канцеляриста, а в 1807/08 г. перешел в духовное звание и стал диаконом в Златоустовской? церкви села Большой Знаменки; в 1811 г. он был рукоположен в священники, и служил в этом звании до 1831/32 г., и Петр, который тоже пошел по стопам отца. Как нам известно, он уже в 1837 г. был священником в большезнаменской церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы и служил в ней, по крайней мере, до 1840 г. [13; 14; 15]. В 1800 г., во время правления императора Павла I, когда порядок и закон утверждались нередко жестоко, формально и на скорую руку, священник К.М. Маркианов, по доносу односельчанина Игната Комарова, которого священник публично обличал в церкви «...в различных несправедливостях и поборках...», которые тот допускал как поверенный от села Большой Знаменки при размежевании земель, был привлечен к уголовной ответственности, осужден, лишен сана, бит кнутом, и сослан в Забайкалье в Нерчинскую каторгу «...в работу...» [16, № 80; 17]. О том, что подобное «правосудие» было типично для павловского времени, свидетельствует также история «...несчастливого пастора Зейдера...», в чем-то похожая на историю осуждения и освобождения К.М. Маркианова [18, 288-291; 19, 155-156]. В 1801 г. родственник К.М. Маркианова, очевидно отец жены одного из сыновей Карпа Мартыновича, «цесарский» (австрийский.- А.М.) грек Килев, обратился с прошением на имя генерал-прокурора о пересмотре дела осужденного. К прошению Килев, которому даже не было известно место ссылки родственника, приложил «...свидетельства с подписями многих поселян...» села Большой Знаменки, подтверждавших несправедливость обвинения приходского священника [16, № 80]. Однако, очевидно, что только смерть императора Павла I и приход к власти его сына- императора Александра I, решили это дело в пользу невинноосужденного. В 1801 г. К.М. Маркианов был освобожден и вернулся в родное село. 28 апреля 1802 г. Указом Его Императорского Величества, данным из Святейшего Правительствующего Синода, архиепископу Новороссийскому и Днепровскому Афанасию (Алексей Иванов, 1746-1805), бывшему священнику

К.М. Маркианову, «...для безбедного же его содержания и в вознаграждение за претерпенное им наказание...» была назначена пожизненная пенсия в 25 рублей в год, и предлагалось «...определить сходственно желания его в церковно причетническую должность...» [17]. К.М. Маркианов поначалу отказался от должности причетника, ссылаясь на свой возраст, на слабое здоровье, «...от случившегося...нечаянного поражения...» и на ослабевшую память [17]. Однако видимо, дело было не в возрасте и памяти бывшего священника, очевидно К.М. Маркианов считал, что подобная компенсация ни морально, ни материально не соответствовала степени перенесенного им «поражения». Тем не менее, расписки К.М. Маркианова в получении пенсии свидетельствуют, что, по крайней мере с 1803 г. по начало 1804 г., он все-таки числился в должности причетника [17]. Вскоре, однако, в жизни К.М. Маркианова произошло событие, которое намного улучшило материальное положение и повысило социальный статус бывшего священника. 10 апреля 1804 г. Указом Его Императорского Величества, объявленным обер-прокурором Синода князем Александром Николаевичем Голицыным (1773-1844), К.М. Маркианов был пожалован чином городского секретаря с ежегодной пенсией в 200 рублей [17], т.е., после почти двадцатилетнего служения Церкви, К.М. Маркианов стал вполне светским человеком. Есть также свидетельство, что ему было пожаловано дворянство. К сожалению, найденные нами архивные материалы позволяют проследить судьбу К.М. Маркианова лишь до января 1813 г. [10, 281].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что называть К.М. Маркианова священником А.А. Скальковский мог только в том случае, если он имел в виду его прошлый, а не «современный» историк социальный статус. Представляя автора «современного» письма священником «с. Знаменки Херсонской губернии» историк был прав только в том, что слобода Знаменка, Елисаветградского уезда, Екатеринославского наместничества, которую К.М. Маркианов, как и большинство знаменцев, покинул еще в 1786 г., с 1803 г., т.е. со времени, когда К.М. Маркианов уже не был священником, в связи с административно-территориальными преобразованиями, стала числиться в Херсонской губернии.

Содержание документа также не дает оснований отнести его ко времени «современному» ни началу деятельности А.А. Скальковского как историка, ни тем более к 80-м гг. XIX в., когда письмо было опубликовано, т.к. оно, почти полностью, посвящено событиям, связанным с заселением Таврической области в 80-90-х гг. XVIII в. Автору удалось определить дату, которая собственно завершает временной ряд письма. Установленный год несколько выбивается за приведенные временные рамки, что, однако, является исключением, т.к. К.М. Маркианов, в своем повествовании, был ограничен темой заданной «неизвестным лицом», которое интересовало заселение края, проходившее «...по воле князя Потемкина...» [1, 535].

В письме, к сожалению с некоторыми неточностями, К.М. Маркианов упоминает о покупке капитаном в отставке Николаем Андреевичем Константиновым (1780-после 1825) (Н.А. Константинов являлся сыном Андрея Дмитриевича Константинова (1740-16.03.1818), который начал свою служебную карьеру в 1757 г. переводчиком в Войске Запорожском, в 1777-1780 гг. был русским резидентом при дворе Крымского хана Шагин-Гирея (1746/48-1787), а закончил службу в 1799 г. в чине действительного статского советника [20; 21].- А.М.) деревни Дурицкой у полковника, графа Ивана Осиповича (Иосифовича) де Витта (1781-1840); сделка состоялась 15 февраля 1808 г. [1, 537; 22]. Дача ранее принадлежала (с 9 января 1787 г.) принцу Карлу-Генриху-Николе-Оттону де Нассау-Зигену (1745-1808) и его жене- принцессе Каролине (ок. 1751-1804); 7 сентября 1805 г. принц продал землю вдове графа Станислава-Феликса Потоцкого (1752/53-1805)- графине Софии (1765-1822); 3 мая 1807 г. от Потоцкой дача перешла к сыну графини Софии от первого брака- графу И.О. де Витту, а уже от последнего к Н.А. Константинову [22; 23]. Итак, 1808 г.- эта дата позволяет утверждать, на основании анализа только текста письма, что оно было написано не ранее первого десятилетия XIX в.- не более того. Видимо все-таки, что А.А. Скальковский не опирался на содержание документа, когда заявлял о его «современности».

В 1956 г. в районной газете «Знамя коммунизма», каменско-днепровским краеведом И.П. Грязновым была выдвинута гипотеза, ничем правда не подкрепленная, которая объясняла появление в «Киевской старине» письма К.М. Маркианова из рук А.А. Скальковского тем, что именно историк, на заре своей творческой деятельности, был адресатом К.М. Маркианова [3], т.е. тем самым «неизвестным лицом» из редакционного предисловия к письму, занимавшимся «...сбором сведений о заселении Новороссии».

Действительно, в 1835 г., т.е. за пятьдесят лет до опубликования в печати письма К.М. Маркианова, А.А. Скальковский, тогда начинающий историк, совершил свою первую археографическую экспедицию по городам и селам Новороссии. Целью историка, построившего свой маршрут примерно в той последовательности, в какой шла колонизация Новороссии в XVIII-начале XIX вв., было собрать материал для написания истории края. Результатом этого путешествия явились, изданные в г. Одессе: в 1836 г.- первая часть, а в 1838 г. вторая часть его книги- «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731-1823» (далее: «Обозрение»).

В предисловии к первой части своего труда, оценивая результаты путешествия и описывая свой маршрут, историк отметил, что в селе Знаменке (с. Большая Знаменка, Днепровского уезда, Таврической губернии.- А.М.), в котором он побывал во время экспедиции, им были отысканы сведения «...о первых поселениях старообрядцев на берегах Днепра» [24, VII]. Из сообщения историка следовало, что сведения о старообрядцах, в отличие от «...небольших, весьма сбивчивых, но поэтических преданий о Сечи Запорожской...» [24, VII], полученных им в Никополе, Бериславле и Каховке, носили более конкретный характер. Далее в книге автором была приведена, в нескольких строках, история поселения старообрядцев «...близ Днепра, на реке Белозерке, где теперь Большая Знаменка и в других местах» [24, 171]. Впоследствии А.А. Скальковский возвращался к этой теме и в других своих работах, связанных с историей колонизации Новороссийского края, незначительно дополняя и варьируя сообщенное им в «Обзрении» [5, 775-776; 25, 214].

А.А.Скальковский, как следует из дневника историка, который он вел и во время своей первой археографической экспедиции, побывал в селе Большой Знаменке в среду, 3 июля 1835 г. [26, 83]. Был он здесь по пути из г. Екатеринослава в г. Херсон. Выехав из Никополя на перекладных в 6 часов вечера, он, как можно предположить, к 8-9 часам вечера прибыл в с. Большую Знаменку. В дневнике историк отметил: «...был в Большой Знаменке где есть крепость...» [26, 83]. В селе А.А. Скальковский долго не задержался, покинув его, он доехал до с. Каиры, где и заночевал, а утром выехал на с. Каховку, переехал на пароме р. Днепр и через г. Бериславль отправился в г. Херсон, куда он и прибыл в 5 часов вечера, потратив, в общем, на дорогу от г. Екатеринослава 47 часов [26, 83]. Вот за то время, что историк провел в с. Большой Знаменке, он и «отыскал» те сведения о старообрядцах-первопоселенцах, которые потом легли в основу его сообщения о них в «Обзрении».

Мог А.А. Скальковский ознакомиться в селе и с подлинными документами конца XVIII в., которые имели прямое отношение к истории переселения старообрядцев на берега Днепра: грамотой архиепископа Славянского и Херсонского Никифора [27, 955], возможно, что это была грамота от 3 февраля 1781 г., данная крестьянам слободы Знаменки, Елисаветградского уезда, Елисаветградской провинции, Новороссийской губернии, «...во уверение, что она суть истинные Христовой церкви чада...» [6] (елисаветградские старообрядцы, жители слободы Знаменки в 1780 г. официально отреклись от раскола и были приняты в лоно православной Церкви.- А.М.) и Орденом князя Г.А. Потемкина за № 108 от 3 апреля 1785 г., данным «Села Знамянки выборному Мартьяну и всем жителям» [7] (согласно Ордера, старообрядцы, крестьяне слободы Знаменки, Елисаветградского уезда, Екатеринославского наместничества весной 1786 г. переселились в Таврическую область, где неподалеку от озера Белозерский Лиман основали слободу Знаменку (впоследствии село Большая Знаменка.- А.М.)). Первый документ до 1870 г. хранился в сельской церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы, а Ордер князя Г.А. Потемкина до 1851 г. находился в архиве сельского правления. Оба документа впоследствии были утрачены [27, 955-956]. Как бы то ни было, но с одним из этих документов, а именно с Орденом князя Г.А. Потемкина, А.А. Скальковский ознакомился до издания первой части «Обзрения», т.е. до 1836 г.- историк опубликовал его в этой работе в качестве примечания к краткому очерку о поселении старообрядцев «...близ Днепра, на реке Белозерке...» [24, 171-172].

История первой археографической экспедиции А.А.Скальковского, без сомнения, является веским аргументом в пользу версии краеведа И.П. Грязнова. Однако следует иметь в виду, что 30-е гг. XIX в. были временем становления и интенсивного развития исторической науки в Новороссийском крае. Помимо А.А. Скальковского и в одно время с ним, по пути изучения «темной» истории Новороссии, шли и другие «бытописатели стран и городов, доселе не тронутых рукою летописцев». Одним из таких исследователей был епископ; архиепископ (с 1832 г.) Екатеринославский, Херсонский и Таврический; с 1837 г.- Херсонский и Таврический Гавриил (Василий Федорович Розанов, 1781-1858). Занимаясь в эти же годы светской и церковной историей Новороссийского края, епископ Гавриил и своим подчиненным прививал «склонность к исследованиям древностей».

Под влиянием личности и трудов Преосвященного оказался и ректор Екатеринославской духовной семинарии (с 20 августа 1823 г.), настоятель Григорьевского Бизюкова монастыря (с 4 октября 1827 г.), иеромонах; архимандрит (с 1 ноября 1827 г.) Иаков (Иосиф Иванович Вечерков, 1792-1850). Так совместными трудами епископа Гавриила и архимандрита Иакова в 1828-1831 гг. было записано «слово» «устное повествование» о былом столетнего старца- Никиты Леонтиевича Коржа (1731-1835). С 1828 по 1830 гг. архимандрит Иаков неизменно сопровождал епископу Гавриилу при его ежегодном, по делам службы, обозрении епархии. Эти путешествия, в какой-то степени, являлись и археографическими экспедициями, во время которых собирались и фиксировались сведения об истории объезжаемой епархии; делал такие записи в своем путевом дневнике и архимандрит Иаков.

В 1831 г. архимандрит Иаков, самостоятельно, как благочинный монастырей епархии, совершил поездку из г. Екатеринослава в Крым. Это была его последняя поездка по епархии, так как в конце

этого года архимандрит был вызван в г. Санкт-Петербург «на чреду священнослужения и проповеди слова Божия». 19 марта 1832 г. он был избран, а 27 марта 1832 г. хиротонисан в епископа Саратовского и Царицынского. Впоследствии, с 15 января 1847 г. Преосвященный Иаков становится епископом; архиепископом (с 3 апреля 1849 г.) Нижегородским и Арзамасским. 19 ноября 1849 г. архиепископ Иаков был вызван в г. Санкт-Петербург для присутствования в Святейшем Синоде. Скончался Преосвященный Иаков в столице, 20 мая 1850 г.

Путешествие архимандрита Иакова в Крым началось в 15 часов, 9 мая 1831 г. Маршрут поездки проходил через: г. Александровск (10 мая)- с. Камышеваху- г. Орехов- с. Балки (11 мая)- с. Благовещенку- с. Днепровку (12 часов, 11 мая)- с. Малую Знаменку («полуденные часы», 11 мая)- с. Большую Знаменку (ок. 14 часов, 11 мая 1831)- далее маршрут пролегал через с. Лепатиху- с. Каиры, где архимандрит остановился на ночлег, далее, через р. Днепр к Бизюкову монастырю (12 мая)- г. Бериславлю- переправа через р. Днепр- с. Каховку- с. Чаплинку- г. Перекоп- г. Симферополь (13 мая)- г. Севастополь (15 мая)- Балаклавский Георгиевский монастырь (15 мая) [28, 80-86].

Вот, что пишет в своем путевом дневнике архимандрит Иаков о посещении с. Большой Знаменки: «На ровной долине, на берегу Днепра, находится село Знаменка- село большое, стройное, с каменной церковью. Здесь я заезжал в дом благочинного и виделся с стариком Маркиановым, бывшим священником, а по обстоятельствам несчастным лишенным сего сана. Старец Маркианов из старообрядцев поселенник, переселенец из Молдавии, избранный и протезируемый в священника князем Потемкиным» [28, 81-82].

Очевидно, что архимандрит Иаков, который по словам его биографа, не оставлял «без внимания ни одного памятника, сколько-нибудь важного для истории или археологии, и ни одного замечательного события», не мог не оценить уникальности информации о прошлом, которой владел К.М. Маркианов [28, 87]. Следовательно, можно предположить, что обещание «доставить... ведомость о поселении здешняго округа» бывший священник дал именно архимандриту Иакову [1, 532]. Возможно также, что способ (запись живой речи рассказчика), каким в свое время были запечатлены воспоминания другого «старца»- Н.Л. Коржа, не был применен из-за лимита времени у занятого делами службы архимандрита.

Письмо К.М. Маркианова не датировано, однако есть указание, что написано оно в «День Преполовления» [1, 538]. Церковный праздник Преполовление Пятидесятницы отмечается в среду, на 25-й день после праздника Пасхи (в 1831 г. праздник Преполовления приходился на 13 мая.- А.М.). Так как К.М. Маркианов, как он сам отметил в письме, с ответом «довольно...промедлил», логично предположить, имея в виду его адресатом архимандрита Иакова, что это уже следующий, после большезнаменской встречи 11 мая 1831 г.- 1832 г. Пасха в 1832 г. приходилась на 10 апреля, следовательно, письмо могло быть написано в среду, 4 мая 1832 г., т.е. за три года до посещения села А.А. Скальковским [1, 532].

Все вышеизложенное позволяет считать, что письмо К.М. Маркиановым, независимо от того, кому оно было предназначено, вероятнее всего, написано в 30-х гг. XIX в. Однако вопрос об адресате К.М. Маркианова не может быть решен окончательно до тех пор, пока не будет выяснено каким образом его письмо попало к историку А.А. Скальковскому.

В заключение надо отметить, что появление письма К.М. Маркианова у А.А. Скальковского может быть связано с именем историка Николая Никифоровича Мурзакевича (1806-1883). Н.Н. Мурзакевич имел на руках оригинал «Путевых заметок...» архимандрита Иакова; возможно, что среди бумаг архимандрита, находившихся у историка, могло быть и письмо К.М. Маркианова [28, 86]. В этом случае письмо К.М. Маркианова могло попасть к А.А. Скальковскому после смерти Н.Н. Мурзакевича в 1883 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. К истории колонизации Новороссии // Киевская старина. Т. 11. Кн. 3. Киев, 1885.
2. Багалея Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры // Киевская старина. Т. 25. Кн. 5-6. Киев, 1889.
3. Грязнов И.П. Повествование очевидца // «Знамя коммунизма». № 156. 30 декабря. Каменка-Днепровская, 1956.
4. Хмарський В.М. Скальковський А.О.- археограф. Київ, 1994.
5. Скальковский А.А. Русские диссиденты в Новороссии // Киевская старина. Т. 17. Кн. 4. Киев, 1887.
6. Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского. Институт рукописей (НБУ ИР). Ф. V. Д. 468. Л. 14.

7. НБУ ИР. Ф. V. Д. 491.
8. Центральный государственный архив автономной республики Крым (ЦГААРК). Ф. 799. Оп. 1. Д. 98.
9. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 150.
10. ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 189.
11. ГАОО. Ф. 37. Оп. 1а. Д. 52.
12. НБУ ИР. Ф. V. Д. 499.
13. ГАОО. Ф. 37. Оп. 1а. Д. 120. Д. 137. Д. 253.
14. ГАОО. Ф. 37. Оп. 1а. Д. 295.
15. Государственный архив Херсонской области. Ф. 198. Вязка 3. Оп. 1. Д. 59.
16. Описание сенатских дел исторического архива Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1917.
17. ГАОО. Ф. 37. Оп. 1а. Д. 124.
18. Цареубийство 11 марта 1801 г. М., 1990.
19. Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел I. М., 1990.
20. ЦГААРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 393.
21. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 229. Д. 147.
22. ЦГААРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 685.
23. Рудницький Г.А., Макідонов А.В. Софіївка // «Кримська світлиця». № 13. 29 березня. Сімферополь, 2002.
24. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731-1823. Ч. 1. Одесса, 1836.
25. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч.1. Одесса, 1850.
26. ГАОО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 82.
27. Лебедев Е.Е. Судьба первого единоверческого храма и его прихода // Прибавления к Церковным ведомостям. № 32. 5 августа. СПб., 1889.
28. Путевые заметки ректора Екатеринославской духовной семинарии, архимандрита Иакова Вечеркова, впоследствии епископа Саратовского, архиепископа Нижегородского // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Вып. 6. Екатеринослав, 1910.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А**
Абросимова С.В. 15
Авдеенко А.И. 21, 25
Аврамов А.И. 73
Аврамов А.М. 73
Аврамов В.М. 73
Аврамов Е.М. 73
Аврамов И.С. 72, 73, 84, 85, 117, 118
Аврамов М. 73
Аврамов М.М. 73
Аврамов П.И. 73
Аврамов П.М. 73
Аврамов С. 73
Аврамова Е.Ф. 73
Аврамова (Скопивая) С.П. 73
Александр I (Александр Павлович) 100, 101, 119, 193
Александра Павловна 110
Александров Ф. 176
Алексеев А.Г. 90, 91, 100
Алексеев И. 94
Алексеев И.С. 143
Алексеев П. 109
Алексей Михайлович 100, 169
Альвинцев И.И. 80, 87
Амброз А.К. 23
Амвросий (Подобедов) 101
Амвросий (Серебренников) 110, 111, 112, 117, 177, 184, 185, 186, 193
Анадольская (Константинова) М.И. 165
Анадольская (Воронцова) Х.И. 165
Анадольский Г.И. 165
Андреев Н.А. 91
Аничкова (Деденева) М.В. 29, 60
Анна Иоанновна 34, 55, 69, 155, 157, 159, 163, 172
Апостол Д.П. 154
Апраксин С.Ф. 35, 70
Апраксин Ф.М. 156
Апраксина (Разумовская) А.Ф. 31
Арапов Е.С. 14
Арсений 173
Арсеньев И.Т. 65
Арсеньева (Тутолмина) В.М. 65
Арсеньева (Тутолмина) Е.М. 64
Арсеньева (Тутолмина) М.Т. 65
Артельнов Г.М. 186
Архаров И.П. 80
Афанасий (Иванов) 193
Афанасьев А. 88
Афанасьев Ф. 88
Афшар шах Н. 155
- Б**
Бабкин А.А. 52
Бабюх В.А. 24
Багaley Д.И. 168, 192
Байер фон Вейсфельд А.-Г. 76
Байер фон Вейсфельд (фон Шиневская) А.-Д. 76
Байер фон Вейсфельд (фон Ренненкампф) А.-Ш. 76
Байер фон Вейсфельд Г.-А. 76
Байер фон Вейсфельд (фон Анреп) Е.-Э. 76
Байер фон Вейсфельд (фон Брадке) Е.-Я. 76
Байер фон Вейсфельд (фон Липхарт) Е.-Я. 76
Байер фон Вейсфельд К.-Г. 76
Байер фон Вейсфельд К.-И. 76
Байер фон Вейсфельд (фон Липхарт) М.-Е. 76
Байер фон Вейсфельд О.-Р. 65, 76
Байер фон Вейсфельд (фон Берендт/ фон Страйльборн) У. 76
Байер фон Вейсфельд Ф.-Г. 76
Байер фон Вейсфельд (фон Глазенапп) Я.-Е. 76
Байер фон Вейсфельд Я.-И. 76
Балабин И.Т. 109
Бальмен (Девьер) (де) Е.А. 75
Банк Б.И. 73, 88, 89, 119
Банк (Вейнговская) Е.М. 89
Баратов С.Ю. 103
Барзин (Брозин) И.И. 98
Барков 96
Баталзин М.А. 91
Баторий С. 56
Башев И.Ф. 67
Безбородко А.А. 183
Беланга П. 77
Белангов А.П. 77
Белый И.К. 166
Бельский А.В. 168
Беляева Л.Г. 17
Берг (фон) М.-И. 6, 39, 53, 56, 131
Бердяев Н.М. 86
Бибииков А.И. 73
Бибииков И.Б. 184
Бибииков Я.П. 127, 128
Бибиикова (Вырубова) К.И. 73
Билецкий А.В. 23
Биливненко С.Н. 17, 126
Билинская (Кошевская) М.Ф. 109
Билинский П.К. 109, 120
Билый В.В. 15
Бисмарк Л.-А. 34, 69, 163
Бицов К.Н. 98
Бобылев И.Г. 91
Бойко А.В. 4, 10, 16, 126
Бойко П.А. 17, 126
Болтин И.Н. 183
Бондарь В.А. 16, 126
Боплан (де) Г.Л. 22, 23
Бороздин А.М. 178
Боскет (де) Д.И. 23, 154
Боур Р.Х. 158
Боур Ф.-В. 182
Бочаров Н. 91
Брадке (Байер фон Вейсфельд) (фон) Е.-Я. 76
Брадке (фон) К.-И. 76
Брайчевская (Смиленко) А.Т. 23
Брамс И.И. 127, 128
Брауншвейг-Вольфенбюттельский А.У. 155
Бредаль П.П. 154, 156
Бречинский И.И. 99
Брилли (Бриньи) (де) А.А. 158, 159
Брилли (Миних) (де/ фон) А.-Е. 159
Брилли (де) А.Ф. 152, 158, 159
Брилли (Сороли) А.М. 158
Брилли (де) И.А. 159
Брилли К.С. 158
Бринк И.Ф. 164
Бриньи (де) А. 155, 158
Бриньи (Брилли) (де) А.А. 158, 159
Бриньи (де) А.П. 152, 155, 156, 157, 158, 159
Бриньи (де) Е. 155
Бриньи (де) И. 155

- Бриньи (де) И.-Ф. 155
Бриньи (де) П.П. 3, 152, 153, 154, 155
Бриньи (де) Ф.-Я. 155
Буженинов М.С. 90
Булгаков А.И. 94
Булгаков В.И. 94
Булгаков И.И. 94, 100
Булгакова А.И. 94
Булгакова Н.Н. 94
Булгакова П.С. 94
Булич В.П. 103
Булич Г.П. 103
Булич (Чорба) Е.М. 103
Булич Е.П. 103
Булич К.П. 103
Булич М. 103
Булич М.П. 103
Булич П. 103
Бунгятов Е. 163
Бунгятова (Константинова) П.Е. 163
Буницкий З.Г. 165
Бутлер (фон) Э.-И. 34, 69
Быков И.А. 94
- В**
Варашков Р.И. 120
Вассерман Б.И. 36, 71
Вахонин С. 91
Вахтин А.И. 90, 91
Вейсбах (фон) И.-Б. 56, 154, 172
Венедикт 186
Вениамин (Пуцек-Григорович) 28, 59
Вердеревская (Тутолмина) В.А. 64
Веридин Ф. 91
Веселицкий П.П. 144, 165
Веселовский И. 107
Ветошников 94
Вечерский В.В. 111
Вилинов Ю.А. 16, 21, 125, 127
Вимпфен (фон) Г.Ф. 68
Виталий 170, 186
Витт (де) И.О. 182, 194
Власенко С.Н. 25
Власов О.Ю. 25
Вобан (де) С.Л.П. 153
Воейков Ф.М. 58, 163
Волк И.О. 176
Волков В.С. 65, 74
Волков И. 120
Волкова Е.И. 74
Волконский С.Ф. 34, 69
Вольский Ф. 97
Воронцов А.Д. 165
Воронцова (Анадольская) Х.И. 165
Выезжев П. 91
Вырубов А.П. 73
Вырубов В.П. 73
Вырубов И.П. 73, 87, 118, 119
Вырубов П.И. 73
Вырубов П.П. 73
Вырубов С.П. 73
Вырубова А.П. 73
Вырубова (Елецкая) Е.М. 73
Вырубова (Свиньи́на) Е.П. 73
Вырубова (Биби́кова) К.И. 73
Вырубова (Гагарина) Л.И. 73
Вырубова (Высоцкая) М.Г. 73
- Вырубова (Грецова/ Кологривова) Н.А. 73
Вырубова (Зацепина) Н.А. 73
Вырубова (Новосильцева) Н.И. 73
Вырубова (Колтовская) С.П. 73
Высоцкая (Потемкина) П.А. 64
Высоцкий П.Е. 64
Вяземская (Трубецкая) Е.Н. 181
Вяземские 180, 181
Вяземский А.А. 4, 5, 6, 11, 54, 181, 183, 185
Вяземский М.С. 80, 87
- Г**
Гавриил (Банулеско-Бодони) 118, 166, 187, 188
Гавриил (Петров-Шапошников) 170, 171, 174
Гавриил (Розанов) 14, 168, 195
Гаврилов И.А. 25
Гагарин П.И. 73
Гагарин П.С. 108
Гагарина (Вырубова) Л.И. 73
Газе К.Б. 22
Гайворонская (Кошевская) Е.Ф. 108
Гайворонский К.Д. 108
Гайдук Т. 120
Галкин И. 91
Ганина Н.А. 23
Ганнибал А.П. 157
Георгий (Конисский) 170
Герасим 171
Гетцен (фон) (де Роберти) А. 79
Гетцен (фон) Е.П. 79
Гилев П. 92
Гинкуль А.С. 80, 87, 119
Гладченко С.М. 22
Глебов А.И. 52, 172
Глебов Н.И. 36, 71
Глебов П.Н. 36, 71, 90
Глик/ Глюк (Граак) А.-А. 34, 69
Глик (Глюк) Э.-Г. 34, 69
Гоголев П.И. 74, 86, 117, 118
Голицын А.М. 5, 6, 11, 12, 54
Голицын А.Н. 194
Головин 159
Головко К.Г. 55
Головко Ю.И. 100
Голубцова (Деденева) С.Н. 29, 60
Гоняков П. 91
Горбань Г.В. 105
Горлов 96
Гостищев Ф. 97
Граак (Глик/ Глюк) А.-А. 34, 69
Граак (фон) Г.-Б. 34, 69
Грабовский (Грибовский) И. 107
Гранобарский Е.П. 111, 119, 120
Греч Н.И. 75
Грибанов Г. 92
Грибовский (Грабовский) И. 108
Гринченко В.А. 23
Грязнов И.П. 15, 125, 192, 194, 195
Гудович И.В. 87, 118
Гюльденштедт И.-А. 66, 74, 76, 127, 141
- Д**
Давыдов Н.Л. 122
Даниил 171
Даронов П. 92
Деденев А.Е. 29, 60
Деденев А.З. 28, 60

- Деденев А.И. 28, 59
 Деденев А.М. 31, 62
 Деденев А.О. 28, 59
 Деденев А.П. 28, 60
 Деденев В.А. 29, 60
 Деденев В.В. 29, 60
 Деденев В.Е. 29, 60
 Деденев В.П. 28, 60
 Деденев Г.З. 28, 59
 Деденев Г.М. 28, 29, 60
 Деденев Г.О. 28, 59
 Деденев Д.Л. 28, 60
 Деденев Е.А. 28, 29, 60
 Деденев Е.В. 29, 60
 Деденев З.З. 28, 59, 60
 Деденев З.К. 28, 59, 60
 Деденев И.А. 28, 59, 60
 Деденев И.З. 28, 59
 Деденев И.Л. 28, 59
 Деденев И.М. 28, 60
 Деденев И.П. 28, 60
 Деденев К.П. 28, 60
 Деденев К.С. 28, 59
 Деденев Л.И. 28, 60
 Деденев Л.О. 28, 59
 Деденев М.А. 6, 10, 12, 28, 29, 30, 31, 39, 40, 41, 43, 45, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 98, 102, 123, 124, 128, 129, 131, 132, 133, 135, 140, 141, 144, 145
 Деденев М.И. 28, 60
 Деденев Н.Е. 29, 60
 Деденев О.И. 28, 59
 Деденев П.В. 28, 60
 Деденев П.З. 28, 60
 Деденев П.И. 28, 60
 Деденев С.Г. 28, 60
 Деденев Ф.В. 28, 60
 Деденев Я.М. 28, 60
 Деденева А. 28, 60
 Деденева (Корсакова) А. 28, 60
 Деденева А.Б. 28, 59
 Деденева А.В. 29, 60
 Деденева (Разумовская) А.В. 31, 62
 Деденева (Наумова) А.Е. 29, 60
 Деденева (Кострова) А.И. 28, 60
 Деденева (Полибина) А.И. 28, 60
 Деденева А.М. 28, 30, 31, 60, 62
 Деденева В. 28, 59
 Деденева Е.А. 28, 59
 Деденева Е.И. 28, 59
 Деденева (Крекшина) Е.П. 30, 31, 62
 Деденева (Стойкина) Е.С. 29, 60
 Деденева И. 28, 60
 Деденева К. 28, 60
 Деденева Л.Н. 28, 59
 Деденева М. 28, 60
 Деденева (Аничкова) М.В. 28, 60
 Деденева (Кострова) М.И. 28, 60
 Деденева М.М. 28, 60
 Деденева Н.В. 29, 60
 Деденева (Корсакова) Н.М. 28, 60
 Деденева П.М. 29, 60
 Деденева С.В. 29, 60
 Деденева С.А. 29, 60
 Деденева (Храповицкая) С.А. 31, 62
 Деденева С.И. 28, 60
 Деденева С.К. 28, 60
 Деденева (Голубцова) С.Н. 29, 60
 Деденева У.И. 28, 60
 Деденева Ф.Е. 28, 60
 Деденева Ю.А. 31, 62
 Деденева (Пушкина) N.И. 29, 60
 Демидов И.В. 35, 36, 70
 Ден С.И. 34, 69
 Державин Г.Р. 30, 31, 61, 62, 177
 Дерюгин В. 96, 122
 Диц (фон) Т.-Ю. 39, 50
 Добровольский А.В. 23
 Долгоруков В.В. 153
 Долгоруков В.М. 13, 15, 58, 142, 164
 Домашний Т.Я. 112
 Домашняя (Кошевская) А.Т. 112
 Домашняя Е.А. 112
 Домков А. 92
 Донцов И.П. 120
 Дорофей 187
 Драган А.П. 110
 Дружинина Е.И. 168
 Дуглас Г.О. 157
 Евгений (Булгарис) 173
 Екатерина I 153
 Екатерина II 3, 4, 5, 6, 10, 11, 13, 24, 31, 37, 39, 40, 50, 51, 54, 55, 58, 61, 63, 64, 71, 72, 79, 81, 85, 101, 102, 131, 142, 145, 146, 163, 165, 168, 170, 171, 175, 176, 178, 182, 187
 Екатерина Павловна 110
 Елена Павловна 110
 Елизавета Петровна 3, 35, 70, 159
 Еремеева (Крекшина) А.И. 31, 62
 Еремеева (Румянцева) А.И. 31, 62
 Ермаков 57
 Ермаков Д.Е. 77, 86
 Ефимьев Н. 66
 Жегулин И.К. 114, 115
 Жегулин С.С. 187
 Жедерак (де) Н. 53
 Жигалов А.К. 16, 125
 Жученков Я.С. 123
 Жученкова (Яковченкова) Т. 123
 Заболоцкий 96
 Завадовский П.В. 182
 Завалий И.А. 127
 Завуровский Е. 173
 Зайцов И.А. 114
 Замотаев А.И. 94
 Замотаев Д.И. 94
 Замотаев И.Ф. 94, 119
 Замотаев М.И. 94
 Замотаева Е.С. 94
 Захарин А.М. 114, 115
 Зацепин А.Н. 73
 Зацепина (Вырубова) Н.А. 73
 Збурировский Д.К. 118
 Зейглер И.Х. 73
 Зейдер 193
 Златьковский С.Г. 119
 Змаевич М.Х. 156, 158
 Зорич С.Г. 181

- Зотра Я. 35, 70
Зубов П.А. 59, 136, 165, 181, 187
Зуев В.Ф. 22
Зыков А.И. 91, 92
- И**
Иаков (Вечерков) 9, 195, 196
Иваненко М.М. 179
Иванов 122
Иванов А.В. 168
Иванов М.И. 174, 175, 176, 178, 193, 195
Иванов Ф.А. 98, 100
Иванова М.У. 193
Игнатович В. 118
Игнатъев 179
Измайлов А.П. 158
Иоаким 170
Иоасаф 170, 171, 172, 182, 184, 185, 186, 187, 188
Иоасаф II 169
Иов (Базилевич) 103
Ищечков И. 155
- К**
Казмин С.С. 89
Калагеорги (Темлицкая-Темкина) Е.Г. 64
Калагеорги И.Х. 64
Калмык М. 169
Калнышевский П.И. 99, 142
Калчигин В.П. 180, 187
Канивченко И. 97
Капарулин И. 91
Каптюх Ю.В. 21
Капуани (фон Аппель) Е. 75
Капуани Я. 75
Капуани (Девиер) 75
Караватка Е.И. 72
Караватка М.М. 37, 65, 71, 72, 77, 78, 108, 113, 117
Караватка П.А. 72, 113
Караватка (Кошевская) Х.М. 72, 108
Карагодин А.И. 5, 16, 17, 55, 126
Карешин Ф.А. 73
Карл II 37, 72
Карташов Е.Г. 21
Карцов М.М. 90
Кафтырева (Скуратова) Д.В. 63
Каховский В.В. 117, 144, 177, 180, 183, 184, 185
Каховский М.В. 86
Кемпен А.М. 91
Килев 193
Кирилл 186
Кирсанов А.И. 178, 186
Китхаузен (Пальменбах) (фон) Я.-М. 37, 72
Киценко Н.П. 111
Клермон-Тоннер (де) Л. 181
Князьков Ю.П. 4, 16, 126
Коваленская А.Г. 106
Коваленская Е.И. 106
Коваленская М.И. 106
Коваленская Н.И. 106
Коваленский В.И. 106
Коваленский Г.И. 106
Коваленский И.А. 72, 106, 107, 108
Коваленский И.И. 106
Коваленский М.И. 106
Коваленский П.И. 106
Коваленский С. 106
Ковылин М. 91
- Козлова И.В. 16, 126
Козловская (Константинова) А.Ф. 163
Козловский Л.Ф. 163
Колтовская (Вырубова) С.П. 73
Колтовский Ф.Д. 73
Колтуновский И. 120
Колубакин Н.И. 90
Комар А.В. 23
Комаров И. 193
Кондратович А. 107
Константин VII Багрянородный 3, 21, 23
Константин Павлович 110
Константинов А. 163
Константинов А.А. 165
Константинов А.Д. 3, 163, 164, 165, 166, 182, 194
Константинов А.Ф. 163
Константинов Д. 163
Константинов Д.А. 165
Константинов И.А. 165
Константинов И.Ф. 163
Константинов Н.А. 165, 182, 194
Константинов Н.Ф. 163
Константинов П.А. 165
Константинов Ф.Д. 163
Константинова (Савицкая) 163
Константинова (Козловская) А.Ф. 163
Константинова (Марк) В.А. 165
Константинова (Криштафович) В.И. 165
Константинова В.Н. 25
Константинова (Анадольская) М.И. 165
Константинова (Микульская) М.П. 165
Константинова Н.А. 165
Константинова (Товбич) О.А. 165
Константинова О.Ф. 163
Константинова (Бунгятова) П.Е. 163
Константинова Ф.Ф. 163
Константинова (Марк) Н.Э. 165
Корбала (Кошевская) Е.Ф. 104
Корбала И.С. 120
Корбала Ф. 104, 120
Корж Н.Л. 195, 196
Коробков 96
Корсаков И. 28, 60
Корсаков Т. 28, 60
Корсаков Ф. 91
Корсакова (Деденева) А. 28, 60
Корсакова (Деденева) Н.М. 28, 60
Костомаров Н.И. 13
Костров А.Л. 28, 60
Костров П.С. 29, 60
Кострова (Деденева) А.И. 28, 60
Кострова (Деденева) М.И. 28, 60
Кочерин Е.А. 94
Кочерина Е.Г. 95
Кочерина Е.П. 94
Кочерина К.Е. 94
Кошаровский С. 100
Кошевская А.М. 104
Кошевская (Домашняя) А.Т. 112, 116
Кошевская А.Я. 104, 116
Кошевская Е.К. 112
Кошевская Е.С. 112
Кошевская (Слюсаренко) Е.С. 104
Кошевская Е.Ф. 109
Кошевская (Гайворонская) Е.Ф. 108
Кошевская (Корбала) Е.Ф. 104
Кошевская К.Ф. 108

- Кошевская М.И. 104
 Кошевская М.С. 104
 Кошевская (Билинская) М.Ф. 109
 Кошевская (Мочульская) С.Ф. 108, 116
 Кошевская (Романова/ Караватка) Х.М. 72, 120
 Кошевский А.С. 104, 112
 Кошевский В.С. 112
 Кошевский В.Я. 104
 Кошевский Г.С. 112
 Кошевский Д.Ф. 108
 Кошевский И.И. 104
 Кошевский И.М. 104
 Кошевский И.С. 112
 Кошевский И.Т. 104
 Кошевский Л.С. 112
 Кошевский М.Т. 104
 Кошевский П.С. 112
 Кошевский Р.Т. 104, 107, 108, 109
 Кошевский С.М. 104
 Кошевский С.Р. 104, 109, 112, 116
 Кошевский Т.С. 112
 Кошевский Ф.Р. 104
 Кошевский (Романов) Ф.Р. 72, 104, 108, 109, 110, 112, 115, 116, 117, 118, 119, 120
 Кошевский Ф.Ф. 108
 Кошевский Я.Р. 104
 Кошевский Е.К. 112
 Кошевский П.С. 112
 Кошевский Я.С. 112
 Кошевский Я.Ф. 108
 Кошлатый В.П. 21
 Кравчук П.П. 17, 126
 Красноглазов 170
 Красовский А. 116, 117
 Крат 98
 Крекшин П.Н. 31, 62
 Крекшина (Еремеева) А.И. 31, 62
 Крекшина (Ладыженская) А.(Л./ Ф.) 31, 62
 Крекшина (Деденева) Е.П. 30, 31, 62
 Кременчугский Г. 177
 Кропотов Г.С. 156
 Крылов 96
 Кубеников 96
 Кузнецов А. 91
 Кузнецов В. 91
 Кузнецов В.А. 113
 Кузнецов И. 170
 Кузьмин А.С. 21
 Кузьмин П. 79
 Кузьмин-Караваев Ф.П. 52
 Кузьмиченко И.Д. 100
 Куликовский Д.М. 182, 187
 Кулон (де) А.С. 152, 153
 Купцов И. 91
 Куржупов И.А. 106
 Кученев К.Я. 122
- Ладыженская (Крекшина) А.(Л./Ф.) 31, 62**
 Ланов А.Н. 67
 Ланов И.Н. 67
 Ланов Н.Я. 59, 65, 67, 109
 Ланов П.Я. 67
 Ланов Я.В. 67
 Ланова Е.М. 67
 Ланова Н.Н. 67
 Ларионов П. 91
- Ларуй Н.Н. 68, 119
 Ласси (де) Б.П. 87
 Ласси (фон) П.П. 34, 35, 69, 70, 154, 156, 157, 158
 Лашкарев С.Л. 165
 Лашков Ф.Ф. 168, 185
 Леванидов А.Я. 63, 179
 Леванидова (Черткова) А.В. 63
 Левашов В.Я. 156, 158
 Левендаль (фон) У.Ф.В. 157
 Левченко 112
 Левченко М.П. 21
 Легков Е. 186
 Лем (Лейм) И.М. 30, 61
 Леман (фон) И.-Г. 35, 70
 Леонтьев И.П. 35, 70
 Лефорт И. 155
 Лефорт Ф. 155
 Лидик Ф. 91
 Лиников В.А. 17, 126
 Липхарт (фон) Г.-Ф. 76
 Липхарт (Байер фон Вейсфельд) (фон) Е.-Я. 76
 Лихачев А.А. 64
 Лихачева (Потемкина) Д.А. 64
 Ломан (фон) Я. 35, 70
 Лопатин В.С. 164
 Лопухин В.А. 35, 70
 Лопушанская М. 116
 Луговской И. 91
 Луканин Д.Я. 119
 Луканина П.И. 119
 Лукин И. 91
 Лукьянов И. 73
 Львов Н.А. 30, 61
 Львова (Черткова) А.И. 62
 Любович Н. 183
 Любомирский Ф.-К. 177
 Ляссота (фон Стеблау) Э. 22
 Ляхович Г.И. 142
- Мазур Г. 96**
 Майдель (фон) (де Роберти) Е.-Н. 79
 Майдель (фон) П.-А. 79
 Мазепа И.С. 55
 Макаров Г.Д. 164
 Макаровский Ф.П. 110, 115
 Македонов/ Макидонов А.С. 180
 Македонов Д.Т. 180
 Македонов И. 180
 Македонов С.Д. 180
 Македонов С.С. 180
 Македонов Т.И. 180
 Македонова А. 180
 Македонова А.П. 180
 Македонова (Гончарова) В.И. 180
 Македонова (Агаркова?) Е.И. 180
 Македонова (Гончарова) К.Я. 180
 Макидонов А.В. 180
 Макидонов В.А. 180
 Макидонова (Ковбаса) В.Г. 180
 Макидонова (Онопrienко) М.Г. 180
 Маклаков 122
 Малиновский П.П. 108
 Малинская А. 107
 Малинский А.С. 107, 118
 Малинский В.С. 107
 Малинский С.М. 107, 116, 118

- Мальцов Ф. 120
Мария Павловна 110
Мария Федоровна 110
Марк (Константинова) В.А. 165
Марк Н.Э. 165
Марк Э.И. 165
Марк (Константинова) Н.Э. 165
Маркианов В.К. 193
Маркианов/ Иванов К.М. 170, 175, 176, 177, 178, 180, 181, 186, 192, 193, 194, 196
Маркианов П.К. 193
Маркианова (Быкова) С.У. 193
Маслов А.М. 52
Масловский А.Ф. 98
Матюшкин М.А. 156
Махатовский Е.М. 120
Матвеев Я. 91
Медведев И.П. 23
Медер А.А. 67
Медер А.И. 53, 65, 66, 67
Медер (фон Химмельгауф) А.-К.Х. 67
Медер В.И. 67
Медер (фон Герард) М.И. 67
Медер П.А. 67
Медер П.И. 67
Медер Т.Н. 67
Медер Ф.И. 67
Медер Э. 67
Мельников П.П. 111
Мельницкая А.М. 117
Мельницкая Е.М. 117
Мельницкая Е.Я. 117
Мельницкий Г.М. 117
Мельницкий М.А. 117, 118, 120, 121
Меншиков А.Д. 153
Мерещенко С. 97
Микешин А.Ф. 37, 72
Миллер (фон) А.А. 67
Миллер (Стараго) Л.И. 67
Миллер М.А. 23
Мильчев В.И. 17, 25, 126
Миних (Брилли) (де/ фон) А.-Е. 159
Миних (фон) А.-А. И. 159
Миних (фон) Б.-К. 10, 34, 69, 125, 152, 153, 154, 155, 159, 163
Миранда (де) С.-Ф. 75
Михельсон И.И. 86
Мишуков З.Д. 35, 70
Моисеенкова Л.С. 168
Монталамбер (де) М.Р. 30, 61
Мордвинов М.И. 128
Москаленко (Нагирный) В.И. 9, 10, 14, 17, 125
Мочульская (Кошевская) С.Ф. 108
Мочульский Т.А. 108, 120
Муник К.-Е. 155
Мунтян Г. 121
Мунько Т. 16, 125
Мурзакевич Н.Н. 12, 13, 168, 196
Муса-хан 158
Мусин-Пушкин А.И. 31, 62
Мусин-Пушкин А.С. 90
Мышецкий С.И. 14, 17
- Нагирный И. 9
Назаров Я. 91
Наковальнин Ф.А. 52
- Нассау-Зиген (де) (Сангушко/ Гоздская) К. 182, 194
Нассау-Зиген (де) К.-Г.-Н.-О. 182, 194
Наталья Петровна 153
Наумов П.А. 29, 60
Наумова (Деденева) А.Е. 29, 60
Неелов А.П. 104
Неелов П.В. 104
Неелова А.П. 104
Неелова Е.П. 104
Неелова (Савурская) М.Е. 103, 104
Никифор (Феотоки) 170, 173, 174, 188, 193, 195
Никодим 169, 170, 171, 172, 184
Никон 169
Новак Т. 121
Новицкая А.Я. 105
Новицкая Е.Я. 105
Новицкая М.Я. 105
Новицкая О.Я. 105
Новицкий К.Я. 105
Новицкий П.Я. 105
Новицкий Я.П. 3, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 54, 55, 57, 58, 80, 89, 98, 100, 105, 106, 108, 111, 124, 125, 126
Новосильцев А.Т. 95
Новосильцев Е.И. 73
Новосильцев Т.Т. 95
Новосильцева М.И. 95
Новосильцева (Вырубова) Н.И. 73
Норов П. 56
Носов Ф.З. 184, 185, 186
- Обернибесов А.Я. 66, 68, 77, 86, 117, 118
Овсянников Т.А. 182
Овсянникова Е.И. 182
Озерецковский П.Я. 101
Олийнык А.Л. 16, 17, 126
Орлов (-Чесменский) А.Г. 4, 5, 6, 11, 12, 54
Орлов Г.Г. 5, 6, 12, 39, 54, 93, 94
Орловская (Рунич) М.И. 88
Орловский Е.И. 88
Осмнин Г. 91
Остапенко М.А. 21
Остерман Ф.А. 56
- Павел I (Павел Петрович) 101, 107, 110, 163, 165, 172, 181, 182, 193
Павелко И.С. 116
Павлова (Тутолмина) N.M. 64
Павловский Д.П. 100
Пальменбах (фон) Г.-М. 34, 35, 37, 69, 70
Пальменбах (фон) И.-Г. 37, 72
Пальменбах (фон) М.-А. 37, 72
Пальменбах (фон) О.-Г. 37, 72
Пальменбах (Стокенберг) (фон) Ш.-С. 37
Пальменбах (Фредерздорф) (фон) Я.-Е. 34, 37, 69, 72
Пальменбах (фон Китхаузен) (фон) Я.-М. 37, 72
Панин А.П. 88
Панин В.А. 88
Панин Н.И. 4, 6, 11, 12, 54
Панин П.И. 6, 12, 54, 63
Панина А.М. 88
Панина Е.А. 88
Панкеев Е.С. 175
Панкеев И. 173
Пахомий 186

- Первов В. 91
 Пестов П. 91
 Петр I 9, 100, 152, 153, 155, 156, 157, 183
 Петр III 168
 Петров Д. 100, 103
 Петров И. 28, 59
 Пеутлинг А.А. 66, 77, 146
 Пеутлинг (фон Ламбсдорф) М.-Д. 77
 Пешанов В.Ф. 16, 125
 Пивоваров Ф.М. 116, 118
 Пироговский А. 116
 Писемская (Воронина) А.Н. 179
 Писемский А.И. 179
 Писемский В. 187
 Питирим 186
 Пишчевич С.С. 103
 Платон (Левшин) 172
 Плетнева С.А. 23
 Повалишин Ф.В. 79
 Повалишина (де Роберти) А.-Ш.-М. 79
 Подгоредский Л.Д. 96
 Полибин Т. 28, 60
 Полибина (Деденева) А.И. 28, 60
 Попов В.С. 175, 179
 Попов И.А. 114
 Попов С. 174
 Портнов И.П. 114
 Пот 98
 Потапов И.А. 52, 53
 Потемкин А.В. 63
 Потемкин (-Таврический) Г.А. 4, 11, 54, 58, 59, 63, 64, 75, 83, 85, 95, 98, 106, 121, 122, 123, 130, 131, 135, 137, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 168, 169, 170, 171, 172, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 193, 194, 195, 196
 Потемкина (Лихачева) Д.А. 64
 Потемкина (Скуратова) Д.В. 63
 Потемкина (Самойлова) М.А. 64
 Потемкина (Энгельгард) М.(Е.)А. 64
 Потемкина М.И. 63
 Потемкина Н.А. 64
 Потемкина (Высоцкая) П.А. 64
 Потоцкая (Витт/ Клевоне) С. 182, 194
 Потоцкий С.-Ф. 182, 194
 Приходько П.В. 114
 Прозоровский А.А. 85, 95, 141, 164
 Пурпур В. 155
 Путимцев В. 108
 Путимцев И. 122
 Пушкин О.А. 29, 60
 Пушкина (Деденева) Н.И. 29, 60
 Пяткин М.А. 115
- Разумовская (Деденева) А.В. 31, 62**
Разумовская (Апраксина) А.Ф. 31, 62
 Разумовский В.И. 31, 62
 Разумовский К.Г. 4, 5, 6, 11, 54
 Рахманов Г.М. 181
 Рахманов Г.Н. 181
 Рахманов Н.М. 181
 Рахманова Е.П. 181
 Ребриков П.П. 56, 95
 Регунов К. 91
 Репнин А.И. 158
 Репнинская/ Воейкова (Ушакова) Е.Н. 64
- Ретч (Рючш) М. 153, 154
 Ригельман А.И. 90
 Рикорд А.И. 76
 Рикорд А.-М. 76
 Рикорд (Ребадо) А.-М. 76
 Рикорд А.-М.-Ф. 76
 Рикорд Б. 76
 Рикорд В. 76
 Рикорд Г.И. 76
 Рикорд Ж. 76
 Рикорд И. 76
 Рикорд И.И. 75, 76
 Рикорд (Метцель) М. 76
 Рикорд М.И. 76
 Рикорд М.-М. 76
 Рикорд (Мурси) М.-Ф. 76
 Рикорд (Конте) О. 76
 Рикорд П.И. 76
 Рикорд Т. 76
 Ринальди А. 29, 30, 61
 Риччи-Заннони Д.А. 23
 Роберти (де) А.Ф. 79
 Роберти (де) (фон Гетцен) А.Ф. 79
 Роберти (де) (Повалишина) А.-Ш.-М.Ф. 79
 Роберти (де) В.Ф. 79
 Роберти (де) Е.-Д.Ф. 79
 Роберти (де) (фон Фок) Е.-Е. 79
 Роберти (де) (фон Майдель) Е.-Н.Ф. 79
 Роберти (де) К.Ф. 79
 Роберти (де) М.Ф. 79
 Роберти (де) О.-П.-Я.Ф. 79
 Роберти (де) Ф.-А.Ф. 79
 Роберти (де) (фон Цанген) Ф.-Е. 79
 Роберти (де) Ф.Я. 53, 65, 68, 79
 Роберти (де) Ф.-Я.Ф. 79
 Роберти (де) (де Кастро де ла Серда) Э.-А. 79
 Розанов В.В. 188
 Рокассовский И.Н. 180
 Россинский М. 98, 99, 100
 Роткирх (фон) А. 75
 Роткирх (фон) А.-Д. 75
 Роткирх (Крейч) (фон) А.-Е. 75
 Роткирх (Розе) (фон) А.-М. 75
 Роткирх (Луциус) (фон) А.-Э.-Ю. 75
 Роткирх (фон Стенбок) Б.-Э. 75
 Роткирх (фон) Г.-А. 75
 Роткирх (фон Фрейманн) Г.-В. 75
 Роткирх (фон) Г.-Г. 75
 Роткирх (фон) И.-В. 75
 Роткирх (фон) И.-Г. 75
 Роткирх (фон) К.-Г. 75
 Роткирх (фон) К.-М. 75
 Роткирх (фон) Л.-Е. 75
 Роткирх (фон) М.-А. 75
 Роткирх (фон) М.-Е. 75
 Роткирх (Хек) (фон) М.-Е. 75
 Роткирх (фон) О.-Г. 65, 74, 75
 Роткирх (фон) Ф.-Л. 75
 Роткирх (фон) Х.-Г. 75
 Роткирх (фон) Э.-О.-Е. 75
 Роткирх (фон Хаак) Я.-М. 75
 Роткирх (фон) Я.-С. 75
 Рудиченков С.Т. 123
 Рудиченкова (Сидяченкова) Н. 123
 Румянцев (-Задунайский) П.А. 4, 5, 11, 36, 54, 71, 75, 83, 95, 99, 164, 169, 173, 182, 184, 188, 193
 Румянцева (Еремеева) А.И. 31, 62

- Рунич Г.В. 88, 113
Рунич Е.Г. 88
Рунич (Орловская) М.И. 88
Рунич П.Г. 88
Руссо Ж.-Б. 63
- Савицкая (Константинова) 163
Савицкий И.Ф. 163
Савловский И.П. 112
Савурская И.В. 103
Савурская (Неелова) М.Е. 103
Савурский Е.Т. 103, 106
Савурский П.Е. 104
Саитов В.И. 30, 31, 62
Салимовский 97
Салков И. 94
Салков С.М. 94
Салтыков Н.И. 37, 72
Самойлов А.Н. 181
Самойлов Н.Б. 64
Самойлова (Потемкина) М.А. 64
Самойлович П.П. 113
Самуил (Миславский) 102
Сапега Я.-К. 155
Сахновский М.Н. 104
Свистунов П.С. 37, 72
Секиринский С.А. 168
Семенов Ф. 163
Семичев Д.И. 63
Семичева (Черткова) Н.Д. 63
Сенявин А.Н. 53
Сенявин Н.А. 157
Серапион 187
Сербинов Т.И. 114
Сергер И. 98
Середа А.Г. 23
Сибиряков А.Д. 80
Сидяченкова (Рудиченкова) Н. 123
Син А.Ч. 21, 22
Синельников И.М. 175, 176, 177, 179
Синельникова (Страхова) А.В. 177, 179
Синельщиков М. 91
Сипягин В.О. 157
Скавронская (Энгельгард) Е.В. 179
Скальковский А.А. 3, 4, 5, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 54, 55, 168, 181, 192, 194, 195, 196
Сковорода Г.С. 103, 107
Скопивая (Аврамова) С.П. 73
Скопивой И.М. 73
Скопивой М. 73
Скопин Ф. 91
Скорняков-Писарев Г.Г. 152
Скуратов И.И. 63
Скуратова (Кафтырева) Д.В. 63
Скуратова (Потемкина) Д.В. 63
Смолдавский/ Молдавский К.М. 182
Слоновский И.С. 116
Смиленко (Брайчевская) А.Т. 23
Смирнов Г.Ф. 73
Смолодович Д. 173, 174
Соколов А.Н. 79, 80, 86, 87
(Спасский) И. 165
Спект Н. 37, 72
Спект (Стокенберг/ фон Пальменбах) Ш.-С. 37, 72
Сперейтор (фон) Я.-У. 154
Спиридон (Потемкин) 169
- Станиславская А.Л. 120
Станиславская Е.Л. 120
Станиславская М.Л. 120
Станиславская П.Р. 120
Станиславская Т.Л. 120
Станиславский А.Л. 120
Станиславский В.Л. 120
Станиславский Г.Л. 120
Станиславский Д.Л. 120
Станиславский Л.Ф. 120
Станиславский С.Л. 120
Стараго И.Я. 67
Стараго (Миллер) Л.И. 67
Стойкина (Деденева) Е.С. 29, 60
Стойков В.П. 78
Стойков И. 78
Стойков П.С. 78, 86
Стойков С.П. 78
Стойкова (Ульянова) А.П. 78
Стойкова (Прокопович) Е.П. 78
Стойкова М. 78
Стойкова (Михайлович) У.П. 78
Стойчев В.М. 17, 25, 111, 112, 116, 126
Стокенберг Г.-И. 37, 72
Стокенберг (фон Пальменбах) Ш.-С. 37, 72
Стоцкий 100
Стратимирович А.С. 78
Стратимирович Г.С. 78
Стратимирович Е. 78
Стратимирович И.Е. 78
Стратимирович Н. 78
Стратимирович Ф.Е. 78
Стратиневич А. 78
Стратиневич М. 78
Стромберг 177
Ступин А. 91
Суворов А.В. 83, 164
Суворова Н.А. 164
Сукин Ф.И. 67
Сулима И.С. 103
Сурченко С.В. 21
Суханов Г.А. 80
Сычевский 179
- Тараканов А.И. 153, 154
Тарковский А.-Г. 156
Татищев В.Н. 155
Татищев Н.А. 179
Таубе Г. 65, 67, 68, 77, 79, 115
Тевяшова (Черткова) Е.С. 63
Текели П.А. 177, 182
Темлицкая-Темкина (Калагеорги) Е.Г. 64
Тетерин Ф. 91
Тимофеев В. 122
Тисаревская А.И. 107
Тисаревская А.Ф. 107
Тисаревская (Шик) И.Ф. 99, 107
Тисаревский И.Ф. 107
Тисаревский М.Ф. 107
Тисаревский П.Ф. 107
Тисаревский Ф.К. 99
Ткаченко В.Г. 21, 25
Товбич (Константинова) О.А. 165
Товбич П.Д. 165
Томилов Р.Н. 92
Тон К.А. 112

- Трубецкой Н.Ю. 4, 5, 11, 54
Тубольцев О.В. 133, 134
Турк (ден) А. 78
Турк (ден) Г. 78
Турк (ден) (Келдерманс) Г. 78
Турк (ден) К. 78
Турк (ден) М. 78
Турк (ден) П. 78
Турк (ден) Ф. 78
Турк (ден) Э. 78
Турк (ден) (ван Леент) Э. 78
Турченко Ф.Г. 21, 22
Тутолмин А.Т. 64
Тутолмин И.И. 64
Тутолмин Н.И. 64
Тутолмин Т.И. 59, 64
Тутолмина (Вердеревская) В.А. 64
Тутолмина (Арсеньева) В.М. 65
Тутолмина (Арсеньева) Е.М. 64
Тутолмина (Языкова) Е.Н. 65
Тутолмина (Арсеньева) М.Т. 65
Тутолмина (Павлова) Н.М. 64
Тырк Г. 78
- Уваров П.И. 90
Удалов И.А. 57
Украинцов Ф.А. 123
Украинцова (Шестакова) У. 123
Ульяновский В.И. 15
Унжин А. 92
Урванцев М. 91
Урусов Г.А. 154
Урусова (Черткова) В.В. 63
Ухтомский Д.М. 53
Ушаков А.Ф. 64
Ушакова (Репнинская/ Воейкова) Е.Н. 64
- Фалкенклоо (фон Кенклоо) П.Я. 68
Фаншмит (фон Шмит) З.З. 91
Федоров А. 109
Федоров Н.Ф. 73
Феодоров И. 30, 61
Феодосий (Макаревский) 13, 15, 106, 112
Фермор В.В. 29, 60
Филарет 178, 186
Философов М.И. 157
Фирсов М.А. 87
Фливерк А.М. 52
Фоменко В.Г. 4, 9, 16, 17, 18, 54, 125, 127
Фонвизин Д.И. 31, 62
Франций А.Д. 99
Фредерздорф (фон) В.-Л. 3, 12, 13, 16, 24, 34, 35, 36, 37, 53, 57, 58, 65, 69, 70, 71, 72, 125, 126, 142
Фредерздорф (Пальменбах) (фон) Я.-Е. 34, 37, 69, 72
Фрейгольд Е.Я. 75
Фрейгольд (Шне) Х.М. 75
Фрейгольд Я.Ф. 75
Фридрих I 158
Фридрих II 35
Фрич З.-Р. 77
Фрич И. 76
Фрич И.-К. 77
Фрич И.-Т. 77
Фрич (Гетце) К.-М. 77
- Фрич (Петц) Р.-Е. 77
Фрич С.-Е. 77
Фрич Ф.И. 76, 77
- Хандалеев А.Д. 110, 111
Харлан А.В. 103, 105
Хмарский В.М. 192
Хмельницкий Б.-З.М. 56
Хомутов Н.А. 53
Хорват И.И. 187
Хорват И.С. 103
Хохлов П. 165
Храповицкая (Деденева) С.А. 31, 62
Храповицкий А.В. 79
Храповицкий М.Е. 31, 62
Хренов Г. 91
Хрисимов Н.Н. 23
Хруцова (Черткова) Н.А. 63
- Цегельников П. 120
Цедерстрем У.-Р. 79
Цырков И.М. 89
- Чеканов А. 123
Чекменев С. 91
Черников Н.Л. 172
Черный И.А. 105, 106
Чернышев З.Г. 5, 6, 12, 37, 39, 50, 51, 54, 72, 90, 127, 128, 141
Чернявская И.Т. 116
Чернявский П. 120
Чернявский П.Ф. 116, 119
Чертков А.Н. 62
Чертков В.А. 30, 37, 52, 53, 56, 58, 61, 62, 63, 64, 71, 83, 88, 95, 98, 102, 103, 104, 107, 122, 123, 124, 127, 129, 130, 135, 137, 139, 141, 142, 143, 144, 145
Чертков Д.В. 63
Чертков И.А. 62
Чертков Н.В. 63
Черткова (Леванидова) А.В. 63
Черткова (Львова) А.И. 62
Черткова (Урусова) В.В. 63
Черткова (Тевяшова) Е.С. 63
Черткова М.В. 63
Черткова (Хруцова) Н.А. 63
Черткова (Семичева) Н.Д. 63
Чефаридзев И. 80, 122
Чирков А.П. 168
Чирков Т. 91
Чихачева Т.И. 28, 59
Чичагов П.В. 79
Чудинцев Н. 122
Чухлиб Т.В. 55
Чухрай Р.В. 21, 22
- Шагин Гирей 76, 95, 164, 165, 166, 182, 194
Шалыгин А.К. 128, 129, 141
Шаповалов Г.И. 21, 23
Шарыгин И. 91
Шатов И.С. 91
Швалеф Ф. 99
Шварц (фон) Г.А. 119

- Шварц (фон) Н.А. 119
Шевченко В.Г. 21
Шевченко (Ševčenko) И.И. 23
Шевченко Т.К. 16, 126
Шелтышев Г. 91
Шелудяков И. 99
Шестакова (Украинцова) У. 123
Шетарди (де ла) Ж.-И. 155
Шик И.-Г. 99, 107
Шик (Тисаревская) И.Ф. 99, 107
Шик М. 99
Шиловский Е.В. 90
Ширяева М.М. 16, 126
Шиханов Р.Б. 16, 25, 126
Шиц (фон) А.О. 87, 118
Шишков С. 157
Шпак С. 121
Шрейтерфельт (фон) Г.-К. 37, 72
Штокс А.В. 94
Штокс В.Ф. 94
Штокс Е.В. 94
Штокс М.В. 94
Штокс М.Т. 94
Штофельн (фон) К.Ф. 36, 71
Штром Н. 88
Штром П.Ф. 88
Штром Ф.Н. 88, 91
Шуазель-Гуффье (де) Г.А. 181
- Щ**епов В.А. 114
Щепунов Е.К. 94
- Щепунова А.О. 94
Щербаков В.В. 175, 178
Щербинин Е.А. 10, 11, 142, 164
- Э**нгельгард В.А. 64
Энгельгард (Потемкина) М.(Е.) А. 64
Эссен (фон) Р.-В. 182
Эттинген (фон) Ф. 35, 70
- Ю**машев И.Т. 89
Юмашев Т.П. 87, 89, 119
Юмашева Е.Т. 89
Юмашева К.Т. 89
Юмашева (Скиба) М.И. 89
- Я**ворницкий Д.И. 9, 175, 179
Языков Д.Н. 64
Языков Д.С. 64, 154
Языков Н.Д. 59, 64, 130, 131
Языков П.Г. 37, 72
Языков П.Н. 64
Языков С.С. 64
Языкова Е.Н. 64
Языкова (Тутолмина) Е.Н. 65
Языкова (Ушакова) Е.Н. 64
Языкова С.Д. 64
Яковлев П.И. 55, 158
Яковченкова (Жученкова) Т. 123

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Совет при Высочайшем Дворе (1769-1770),
именами членов которого, его глава, императрица Екатерина II
в 1770 г. назвала крепости Днепровской линии

Императрица
Екатерина II

Генерал-прокурор Сената,
князь А.А. Вяземский

Вице-канцлер
Коллегии иностранных дел,
князь А.М. Голицын

Генерал-фельдмаршал,
князь А.М. Голицын

Генерал-фельдмаршал,
граф К.Г. Разумовский

Первоприсутствующий
в Коллегии иностранных дел,
граф Н.И. Панин

Вице-президент Военной
коллегии, генерал-аншеф,
граф З.Г. Чернышев

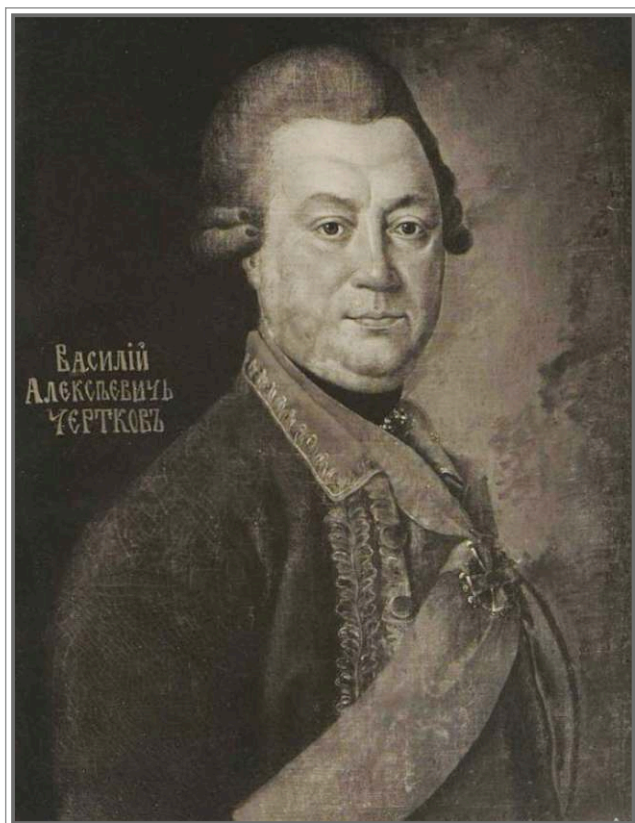
Генерал-фельдцейхмейстер,
над фортификациями
генерал-директор,
граф Г.Г. Орлов

Генерал-аншеф,
граф П.И. Панин

Братья Григорий
и Алексей (слева)
Орловы. Именем
генерал-аншефа,
графа А.Г. Орлова,
не входившего
в Совет,
предположительно
названа крепость
Алексеевская

Главный командир (1771-1776); Командир (1776-1782) Днепровской линии, Азовский губернатор (1775-1782), генерал-майор; генерал-поручик (1777) Василий Алексеевич Чертков

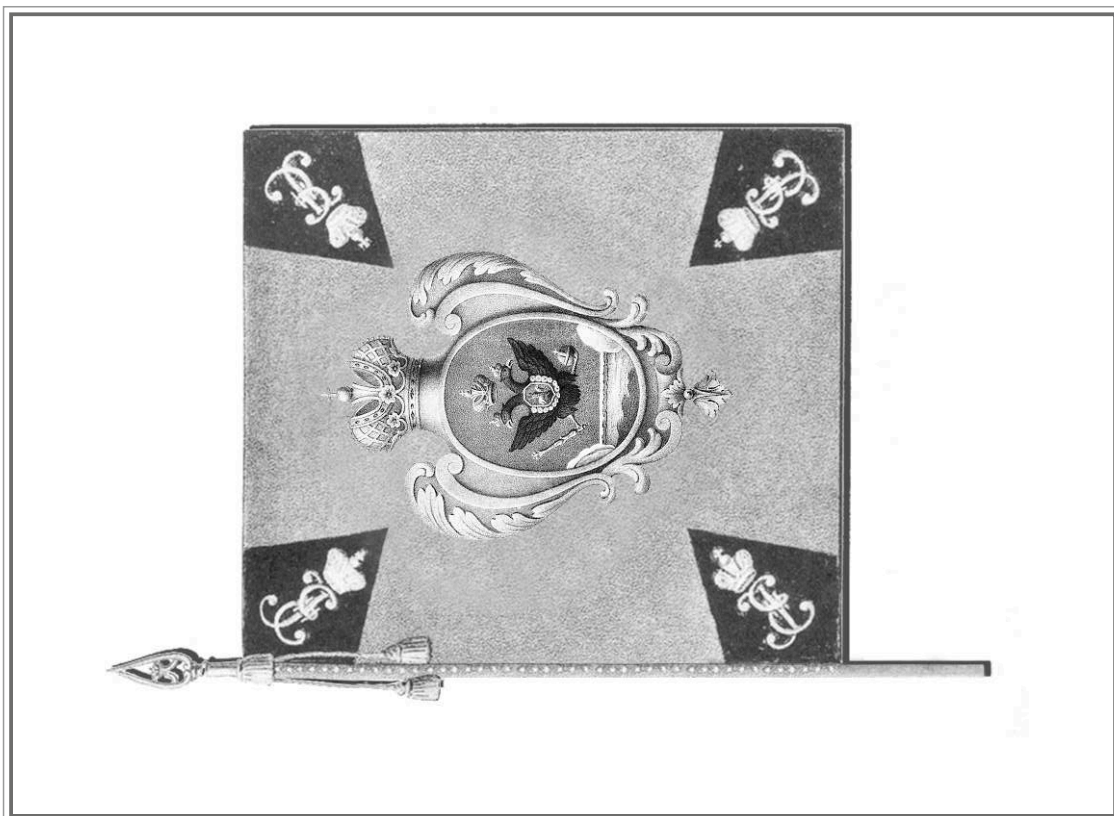
Главный командир Днепровской линии (1776-1791) генерал-аншеф; генерал-фельдмаршал (1784), граф; князь (1776) Григорий Александрович Потемкин-Таврический

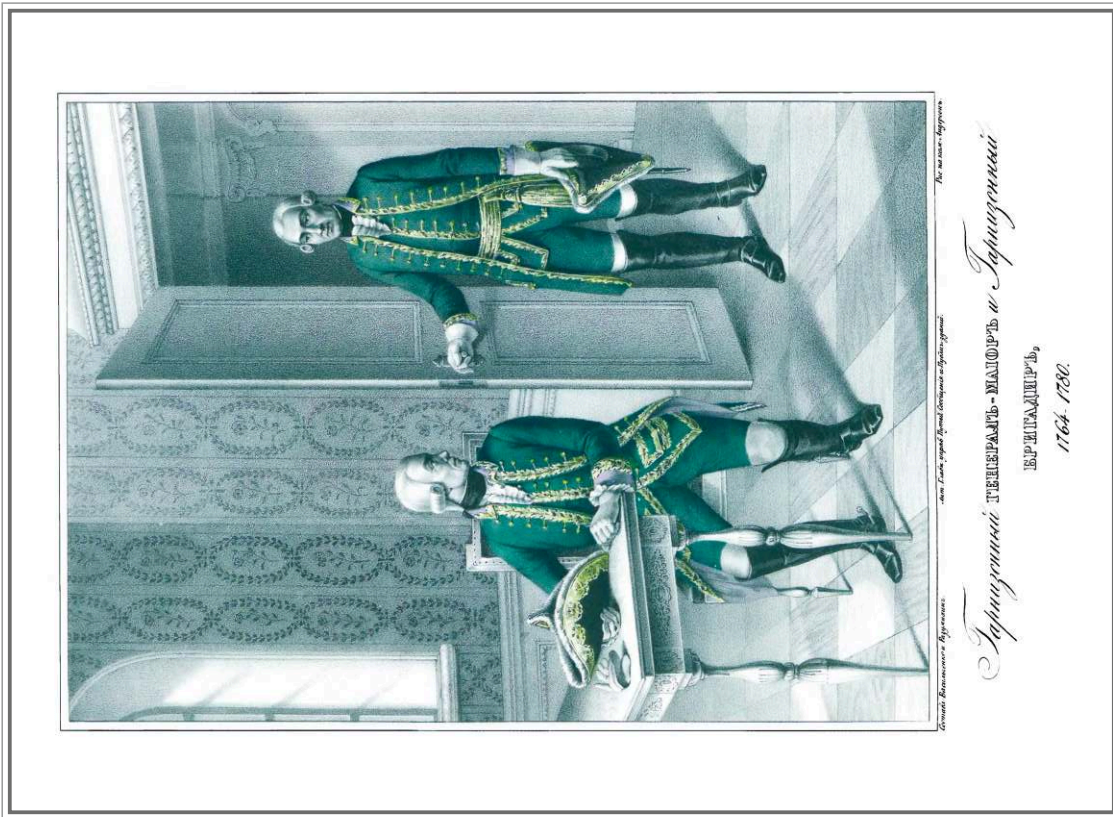
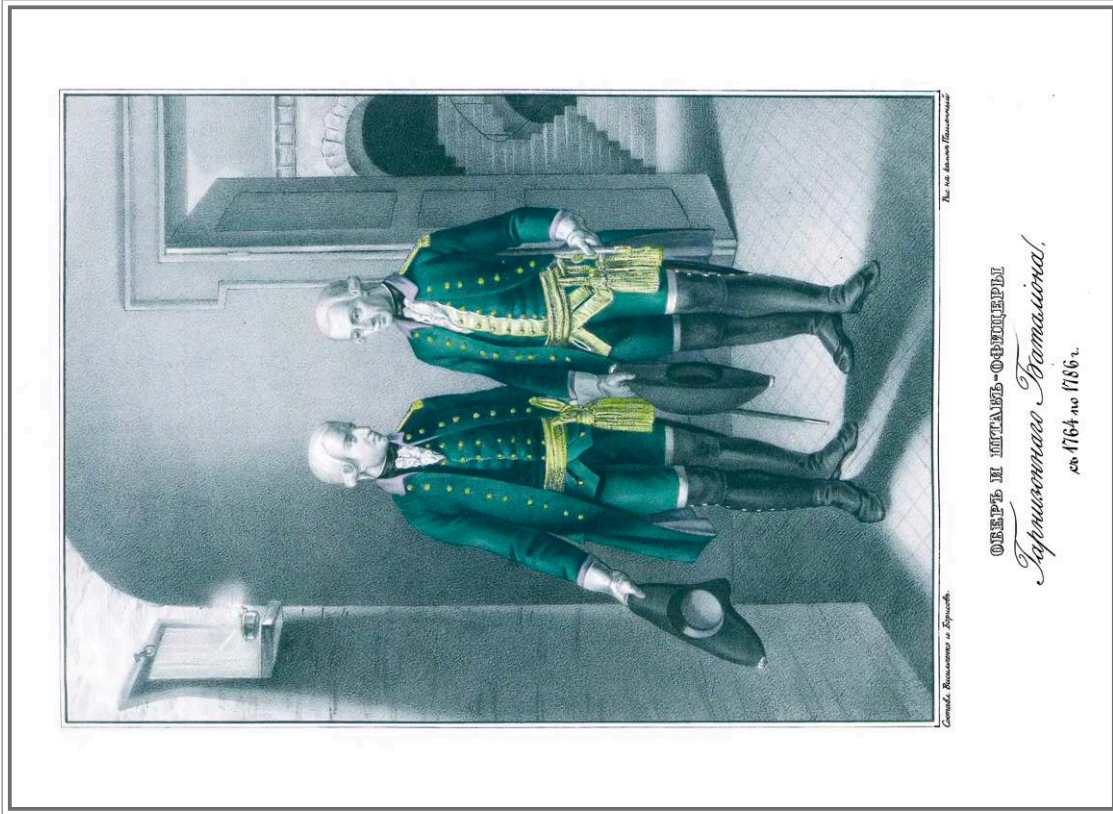
Генерал-поручик; генерал-аншеф (1773) Магнус-Иоганн фон Берг

Инженер-генерал-майор Александр Иванович Ригельман. В 1770–1771 гг. участвовал в строительстве Днепровской линии

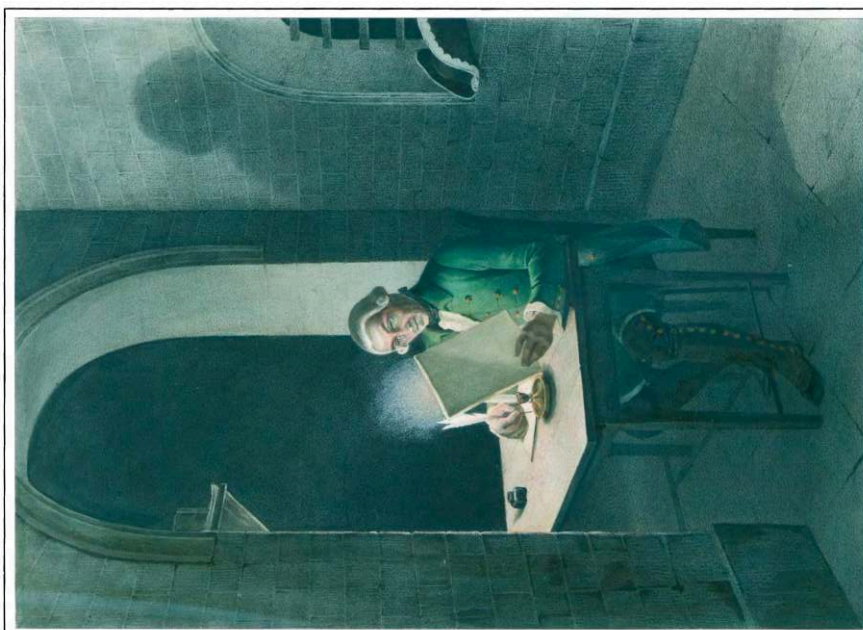
Герб и знамя (реконструкция) гарнизонных батальонов Днепровской линии

Семин, Пётр
«Вен. Св. Св. урядов. Духов. Соборна и Душпа. урядов.»
Рис. на картоні в музеї в Запорожжі

РАДОВИЙ И НЕСТРОБОВИЙ
Запорожского Полтавскаго
1764. 1786.

Семин, Пётр
«Вен. Св. Св. урядов. Духов. Соборна и Душпа. урядов.»
Рис. на картоні в музеї в Запорожжі

ШИСАРЬ
Запорожского Полтавскаго
1764. 1786.

Слева направо: Офицер артиллерии в Бресте. Полковник артиллерии. Полковник артиллерии в Бресте.

ОФИЦЕР-ОФИЦЕР, ПИОНЕР И ИНЖЕНЕР
Известия из Бреста, с 1763 по 1786 год.

Слева направо: Офицер артиллерии в Бресте. Полковник артиллерии. Полковник артиллерии в Бресте.

МАСТЕРОВИЙ
Известия из Бреста, с 1763 по 1786 год.

Слева: Александровск. Справа: Киев. По рис. Шенгеля-Бурмана.

КАНОНИЕРЪ

Приказаний Артиллерии, с 1763 по 1786 годъ.

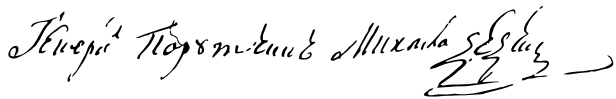
Слева: Александровск. Справа: Киев. По рис. Шенгеля-Бурмана.

ОФРМЦЕВЪ ПИРЪ МАСТЕРОВЪ И МАСТЕРОВЪ

Приказаний Артиллерии, с 1763 по 1786 г.

Подписи представителей светской и духовной власти Днепровской линии

Главные командиры и Командиры

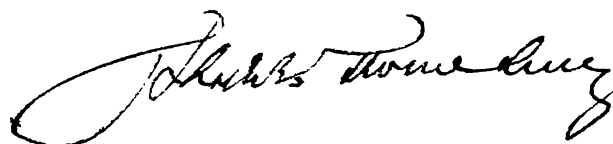
Проектировщик Днепровской линии
генерал-поручик М.А. Деденев. 13 февраля 1770 г.

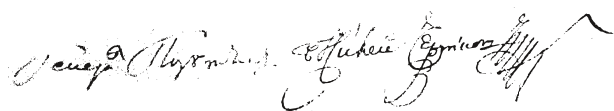
Главный командир Днепровской линии
генерал-поручик М.А. Деденев. 1771 г.

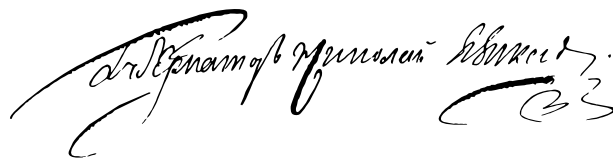
Главный командир Днепровской линии
генерал-майор В.А. Чертков. 1771 г.

Главный командир Днепровской линии
генерал-аншеф, князь Г.А. Потемкин. 1776 г.

Командир Днепровской линии
генерал-поручик В.А. Чертков. 1778 г.

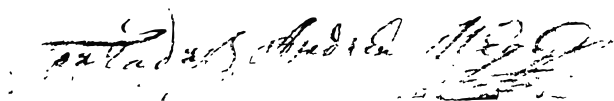

Командир Днепровской линии
генерал-майор Н.Д. Языков. 1783 г.

Командир Днепровской линии (1783)
генерал-майор Т.И. Тутолмин. (Подпись 1772 г.)

Обер-коменданты и коменданты

Обер-комендант Днепровской линии
бригадир А.И. Медер. 1773 г.

Обер-комендант Днепровской линии
генерал-майор Н.Я. Ланов. 1786 г.

подполковник Исаев Григорий 23

Обер-комендант Днепровской линии (1788-1789)
бригадир И.Я. Стараго. (Подпись 1785 г.)

Бреггериус Г. Таубе

Обер-комендант Днепровской линии
бригадир Г. Таубе. 1791 г.

Бреггериус Г. Таубе

Обер-комендант Днепровской линии
бригадир А.Я. Обернибесов. 1797 г.

Полковник В.-Л. фон Фредерздорф

Комендант крепости Александровской
полковник В.-Л. фон Фредерздорф. 1773 г.

Полковник М.М. Караватка

Комендант крепости Александровской
полковник М.М. Караватка. 1791 г.

Полковник И.С. Аврамов

Комендант крепости Александровской
полковник И.С. Аврамов. 1794 г.

Полковник И.П. Вырубов 2-й

Комендант крепости Александровской
полковник И.П. Вырубов 2-й. 1798 г.

Полковник В.С. Волков

Комендант крепости Никитинской
полковник В.С. Волков. 1791 г.

Полковник О.-Г. фон Роткирх

Комендант крепости Григорьевской (1770)
полковник О.-Г. фон Роткирх. (Подпись 1776 г.)

Полковник О.-Р. Байер фон Вейсфельд

Комендант крепости Алексеевской (1771)
полковник О.-Р. Байер фон Вейсфельд. (Подпись 1765 г.)

Бригадир А.А. Пеутлинг

Комендант крепости Алексеевской
бригадир А.А. Пеутлинг. 1786 г.

Бригадир А.Я. Обернибесов

Комендант крепости Алексеевской
бригадир А.Я. Обернибесов. 1791 г.

Полковнику Андре Старому

Обер-комендант Днепровской линии (1788-1789)
бригадир И.Я. Старого. (Подпись 1785 г.)

*Полковнику
Г. Таубе*

Обер-комендант Днепровской линии
бригадир Г. Таубе. 1791 г.

Полковнику де Роберту

Комендант крепости Петровской
полковник Ф.Я. де Роберти. 1776 г.

Бригадир Г. Таубе

Комендант крепости Петровской
бригадир Г. Таубе. 1779 г.

Полковнику Александру Соколову

Комендант крепости Петровской
полковник А.Н. Соколов. 1791 г.

Командиры гарнизонных батальонов

*Александровского батальона
подполковник Александр Афанасьев*

Командир Александровского гарнизонного батальона
подполковник А. Афанасьев. 1776 г.

Полковнику Ф.Н. Штрому

Командир Александровского гарнизонного батальона
подполковник Ф.Н. Штром. 1779 г.

Полковнику Г.В. Руничу

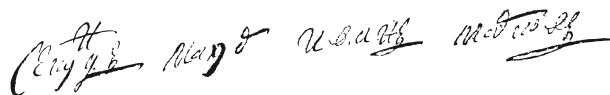
Командир Александровского гарнизонного батальона
премьер-майор Г.В. Рунич. 1793 г.

Полковнику Банку

Командир Александровского гарнизонного батальона
премьер-майор Б.И. Банк. 1794 г.

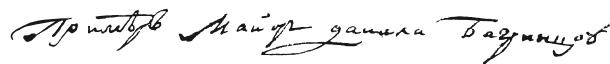
Командир Александровской инвалидной роты
майор Т.П. Юмашев. 1800 г.

Командир 5-го Днепровского гарнизонного батальона
секунд-майор И. Марков. 1772 г.

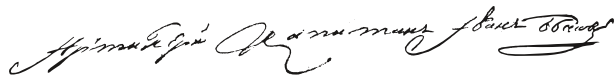

Командир Кирилловского гарнизонного батальона
секунд-майор Т.С. Каменев. 1776 г.

Командир Петровского гарнизонного батальона
премьер-майор Д. Багринцов. 1779 г.

Командиры артиллерийских команд

Командир Александровской артиллерийской команды
артиллерии капитан И.А. Быков. 1779 г.

Командир Александровской артиллерийской команды
артиллерии подпоручик Е.К. Щепунов. 1793 г.

Командир Александровской артиллерийской команды
артиллерии поручик И.Ф. Замотаев. 1800 г.

Командиры инженерных команд

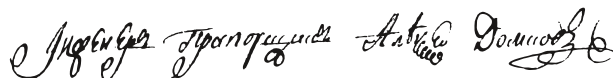
Командир Александровской инженерной команды
инженер-капитан Ф.Н. Штром. 1776 г.

Командир Александровской инженерной команды
инженер-подпоручик З.З. Фаншмит (фон Шмидт). 1780 г.

Командир Никитинской инженерной команды
инженер-подпоручик Ф.И. Маслов. 1777 г.

Командир Никитинской инженерной команды
инженер-прапорщик А. Домков. 1779 г.

Командир Кирилловской инженерной команды
надворный советник А.К. Шалыгин. 1775 г.

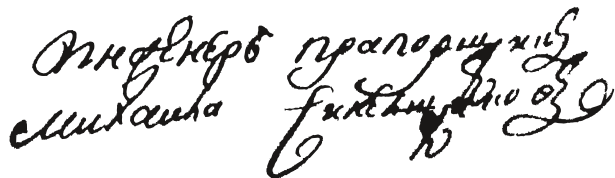
Командир Кирилловской инженерной команды
инженер-поручик С.И. Замошников. 1777 г.

Командир Кирилловской инженерной команды
надворный советник А.К. Шалыгин. 1775 г.

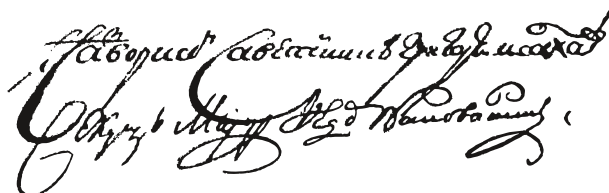
Руководитель строительства крепости Петровской (1770-1771)
инженер-подполковник; инженер-полковник
А.И. Ригельман. (Подпись 1779 г.)

Командир Петровской инженерной команды
инженер-прапорщик М. Синельщиков. 1777 г.

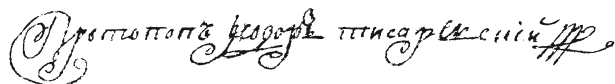

Командир Петровской инженерной команды
инженер-поручик С.И. Лавров. 1778 г.

Присутствующие в Комиссии Днепровской линии
надворный советник Г.Д. Шахов и секунд-майор Ф.А. Наковальнин. 1777 г.

Священники

Днепровской линии церковный наместник
протоиерей Ф.К. Тисаревский. 1780 г.

Форштадта Александровского церкви Покровской
протоиерей Р.Т. Кошевский. 1782 г.

Посада Александровского церкви Покровской

Посада Александровского церкви Покровской (1785)
священник П. Алексеев. (Подпись 1786 г.)

Посада Александровского церкви Покровской

Посада Александровского церкви Покровской
священник Ф.Р. Кошевский. 1787 г.

Священник (подпись)

Посада Александровского церкви Покровской
священник С.Р. Кошевский. 1791 г.

Крепости Александровской воинской церкви

Крепости Александровской воинской церкви
Александро-Невской священник Ф.Р. Кошевский. 1790 г.

Крепости Александровской воинской церкви Александро-Невской

Крепости Александровской
воинской церкви Александро-Невской
священник Ф. Романов (Кошевский). 1799 г.

Крепости Александровской воинской церкви Александро-Невской

Крепости Александровской
воинской церкви Александро-Невской
протоиерей Ф. Романов (Кошевский). 1800 г.

Крепости Никитинской воинской церкви Богословской

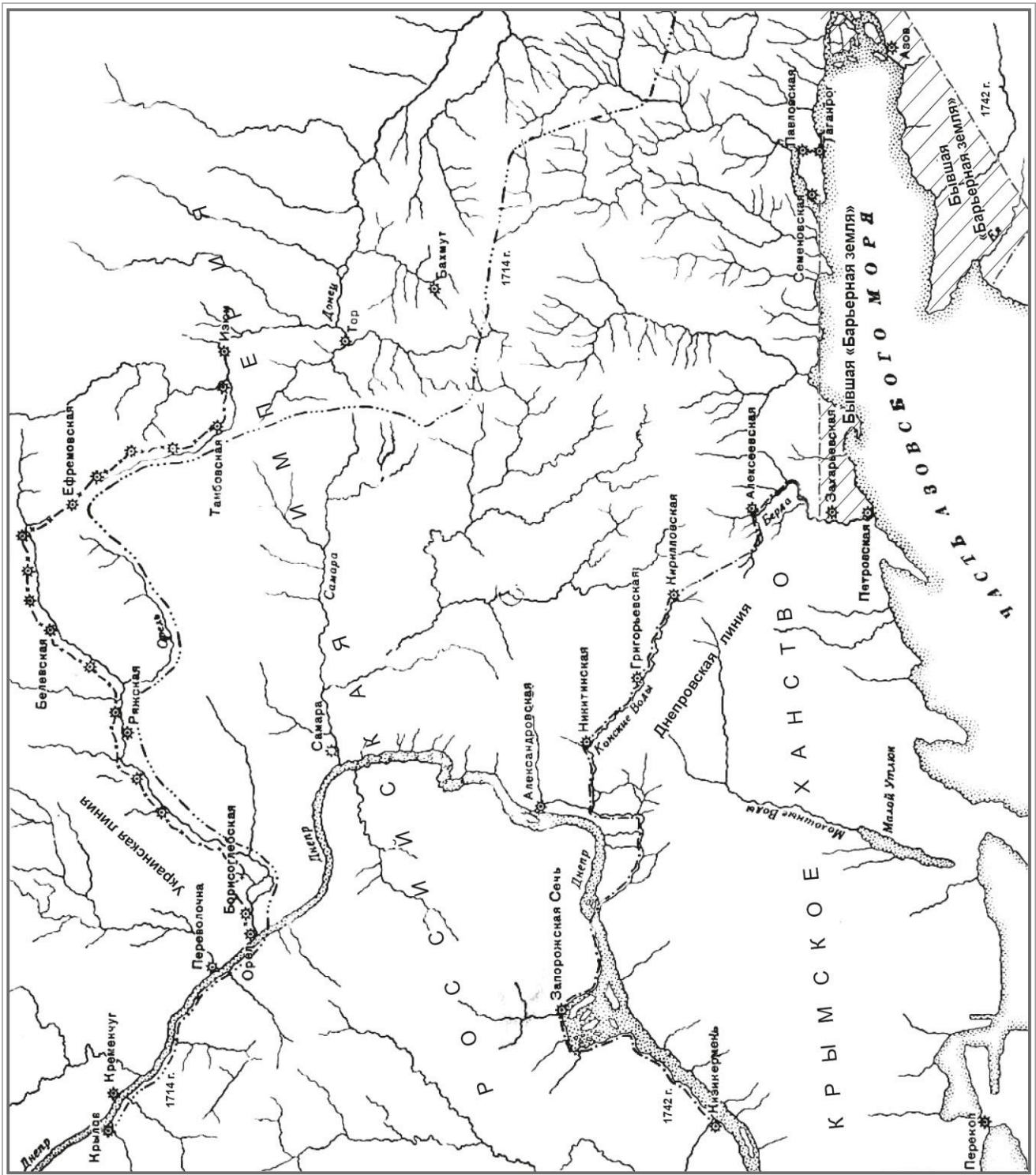
Крепости Никитинской воинской церкви Богословской
священник С.М. Малинский. 1795 г.

Крепости Кирилловской воинской церкви Матфеевской

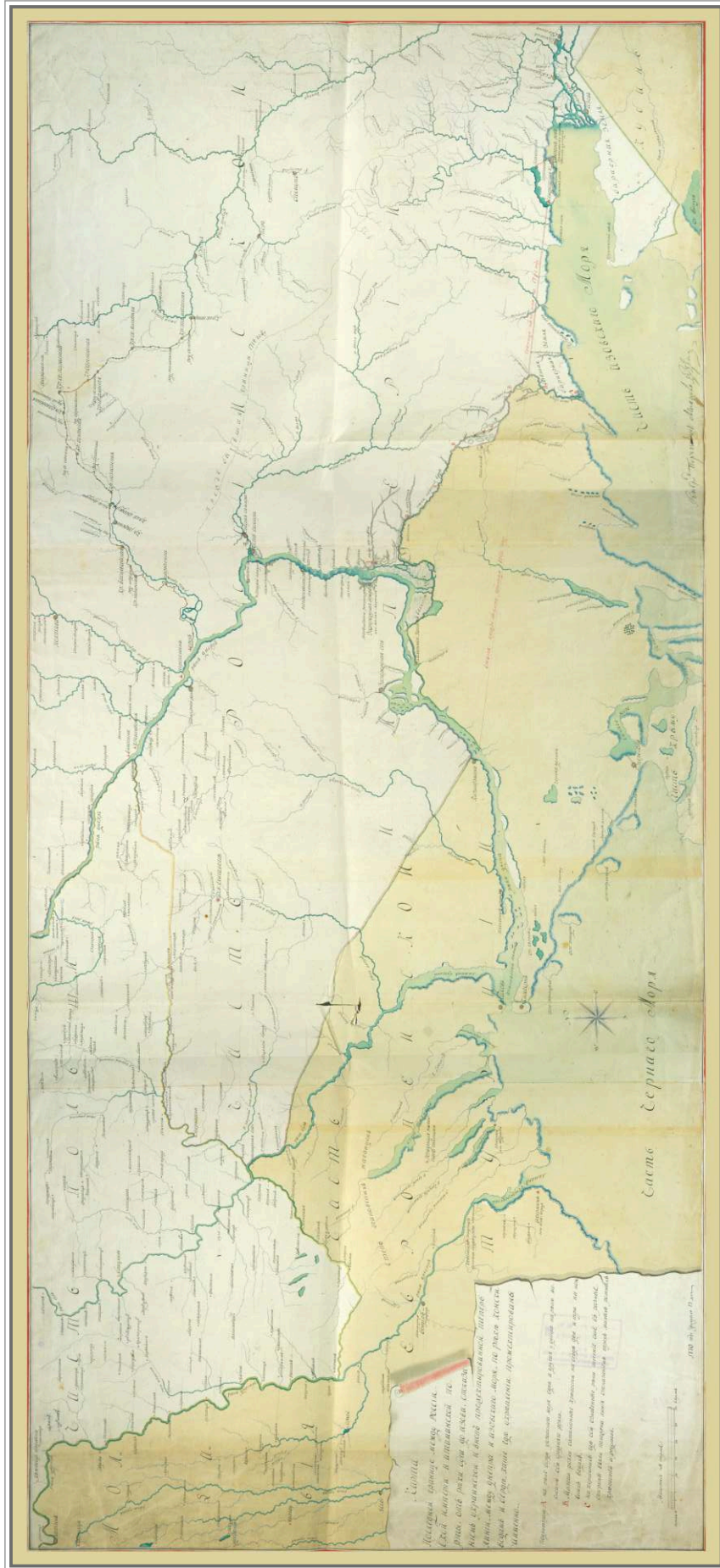
Крепости Кирилловской воинской церкви Матфеевской
священник Ф.Р. Кошевский. 1784 г.

Крепости Петровской церкви Георгиевской

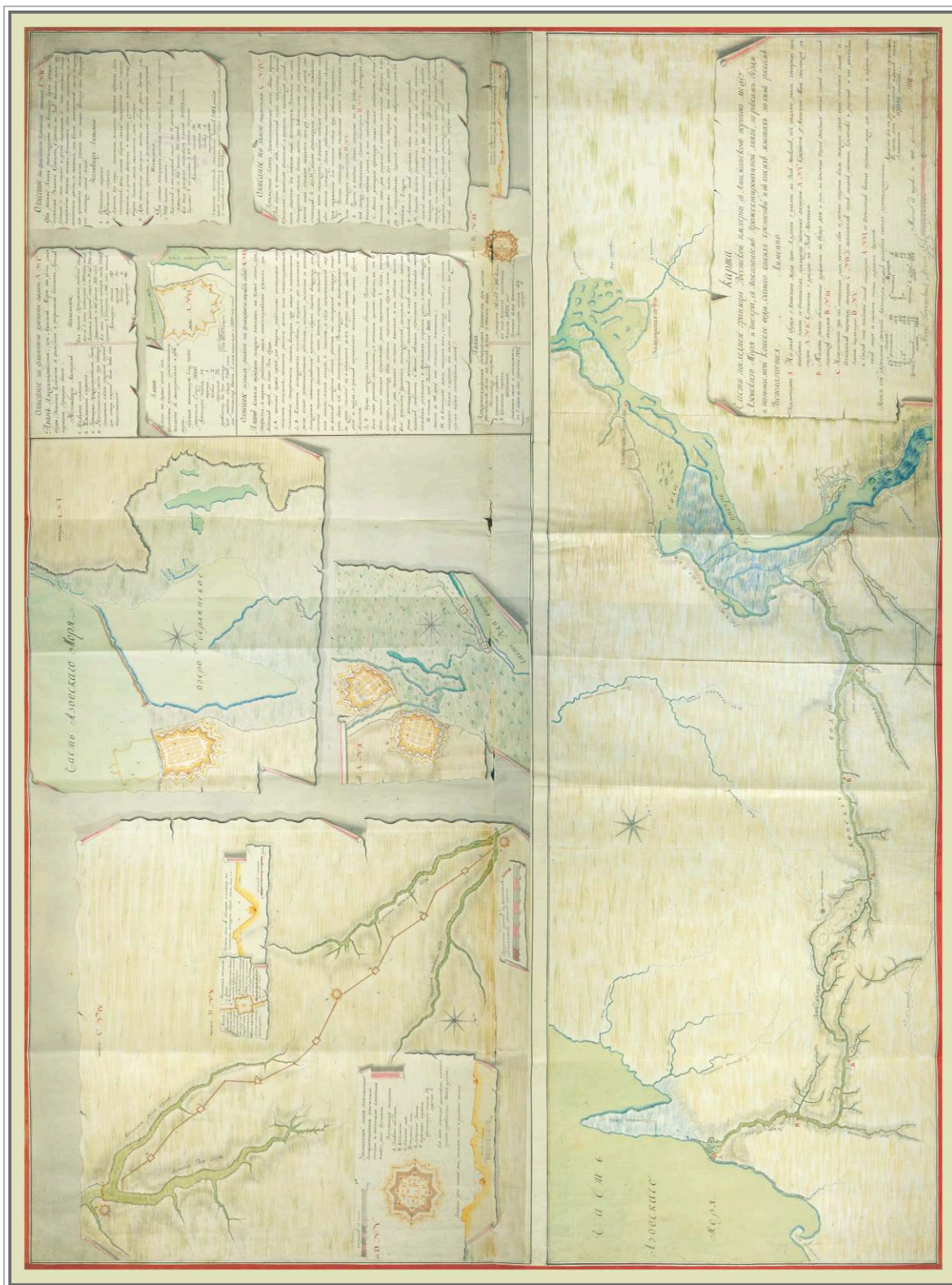
Крепости Петровской церкви Георгиевской
священник М.А. Мельницкий. 1801 г.

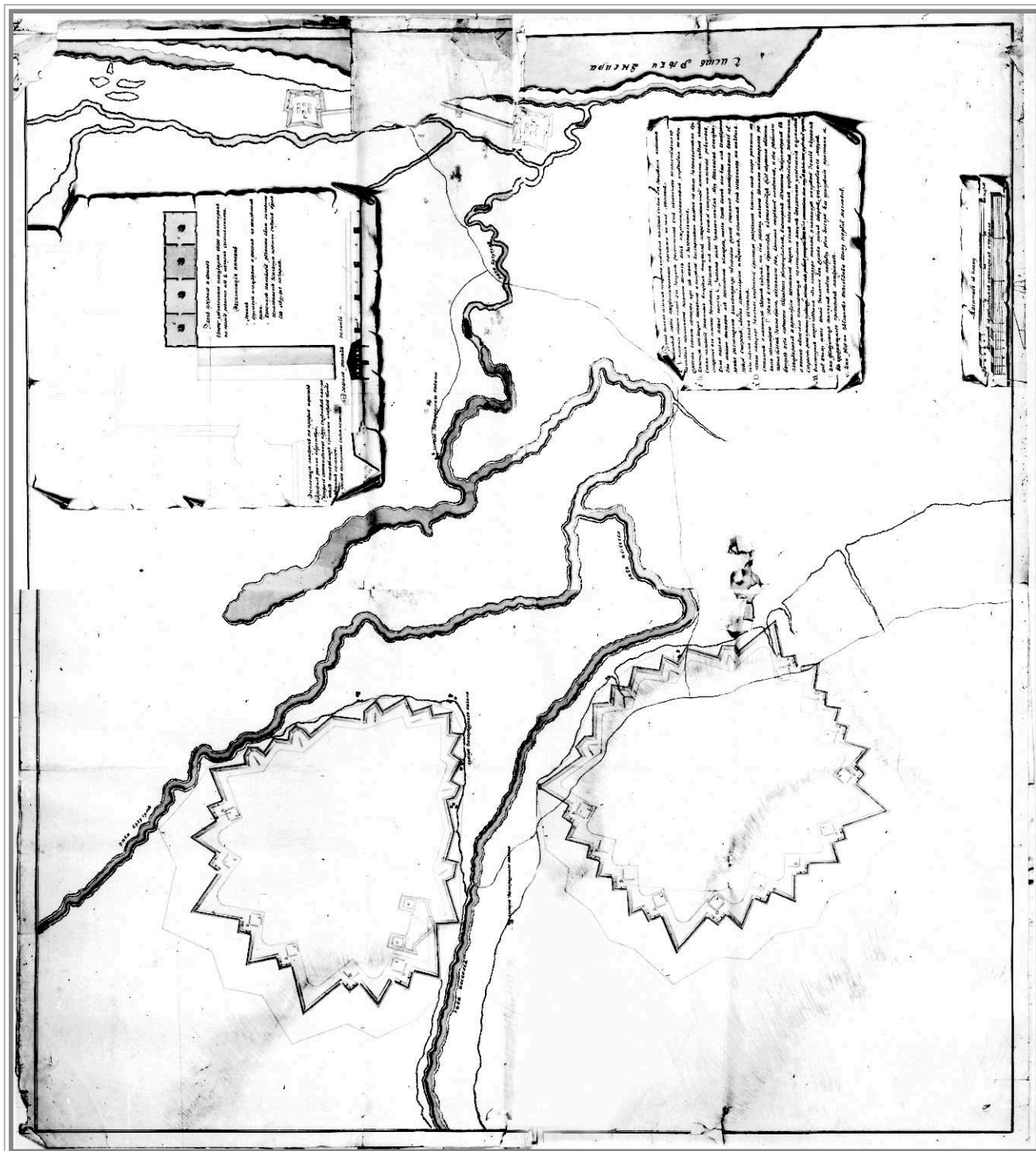
Украинская и Днепровская линии. 1770–1774 гг.

«Карта последней границе между Российской империи и Атаманской порты, от реки Буга до Азова, с показанием Украинской и вновь прожектированной теперь Линии, между Днепра и Азовского моря, по реке Конским Водам и Берде, какие где укреплении прожектированы». 13 февраля 1770 г. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 424. Оп. 1. Д. 29. Л. 1

«Карта части последней границы Российской империи с Атаманскою портоною между Азовскаго моря и Днепра, с показанием проектированной Линии, по рекам Берде и называемой Конские Воды, сколько каких крепостей и в каких местах по сим рекам располагается», с планами фортификационных сооружений. 13 февраля 1770 г. РГВИА. Ф. 424. Оп. 1. Д. 29. Л. 2

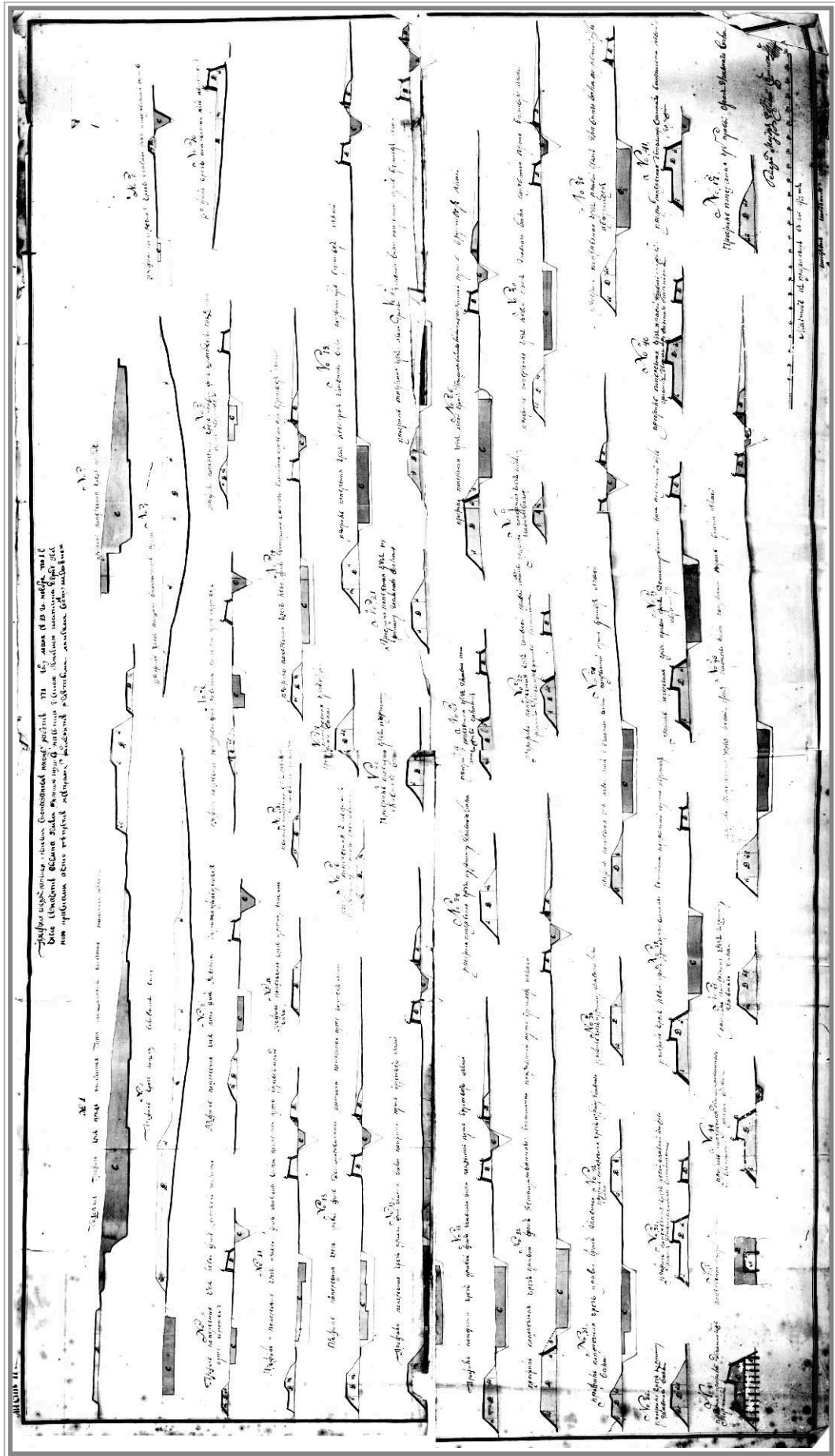
Проект двух вариантов расположения крепости Александровской на левом и правом берегах реки Мокрой Москвы. 1770 г. Запорожская областная универсальная научная библиотека (ЗОУНБ) (коллекция В.Г. Фоменко)

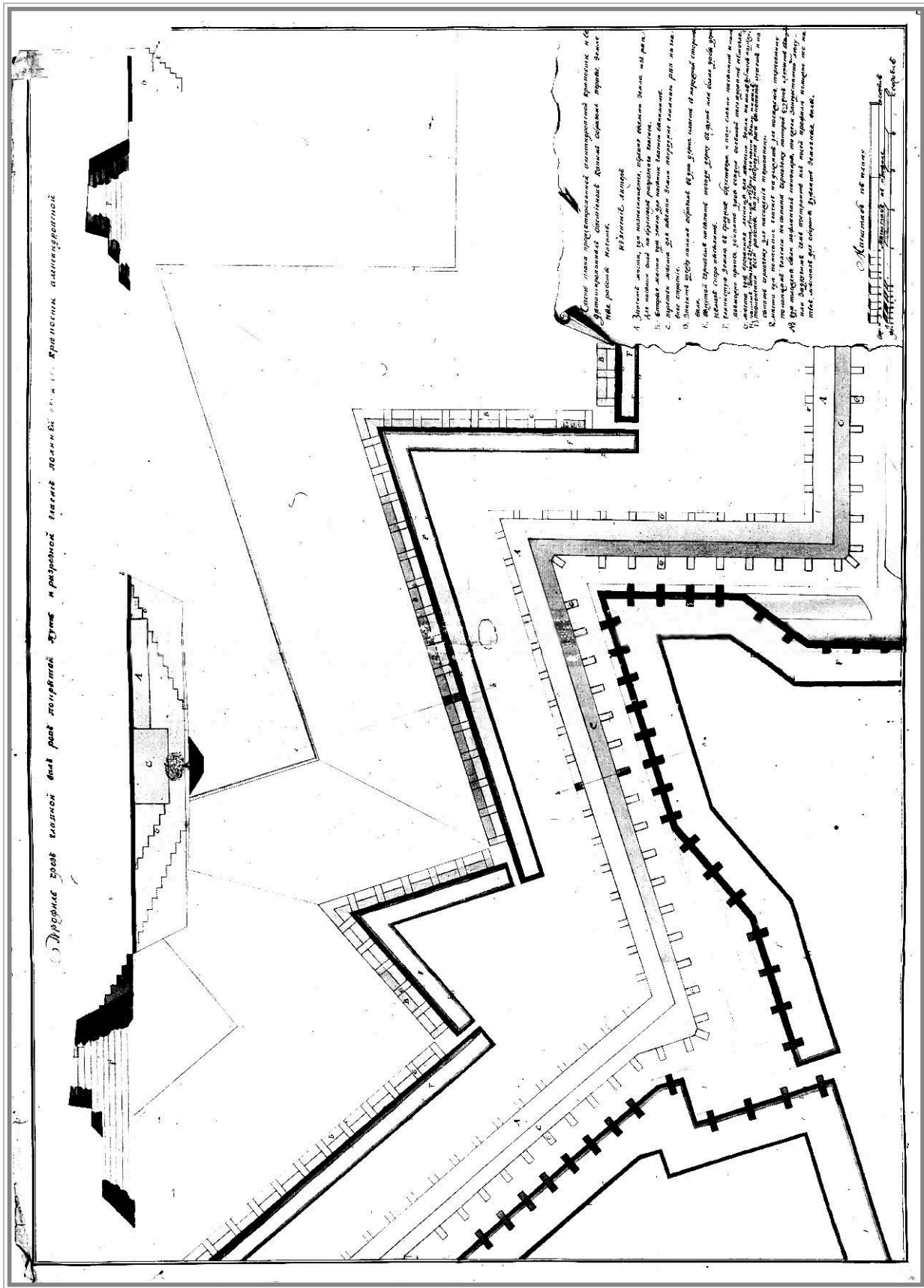
Проект варианта расположения крепости Александровской на левом берегу реки Мокрой Московки. 1770 г. РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 5032

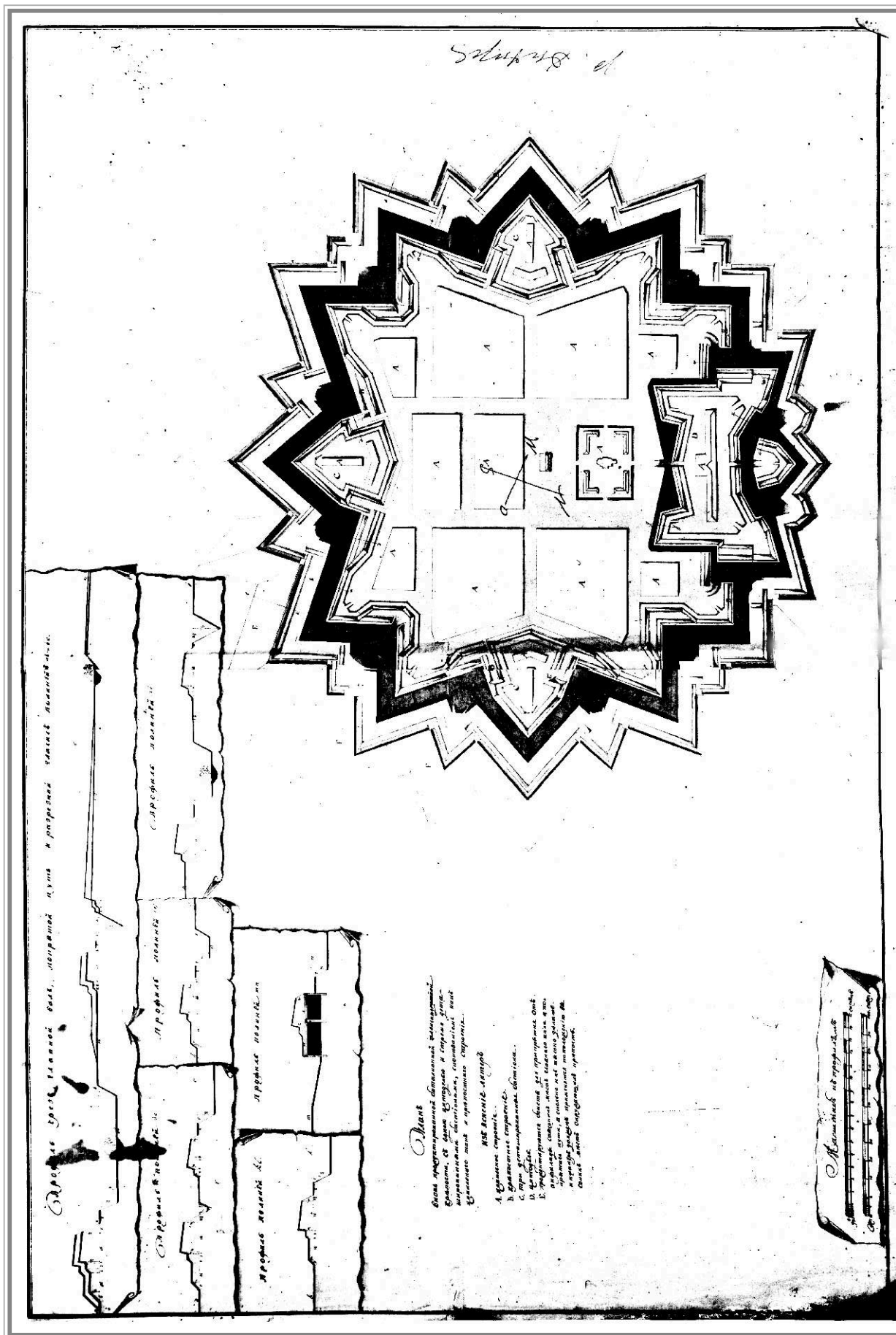
Проект двух вариантов расположения крепости Александровской
на левом и правом берегах реки Мокрой Москвовки. 1770 г.
ЗОУНБ (коллекция В.Г. Фоменко)

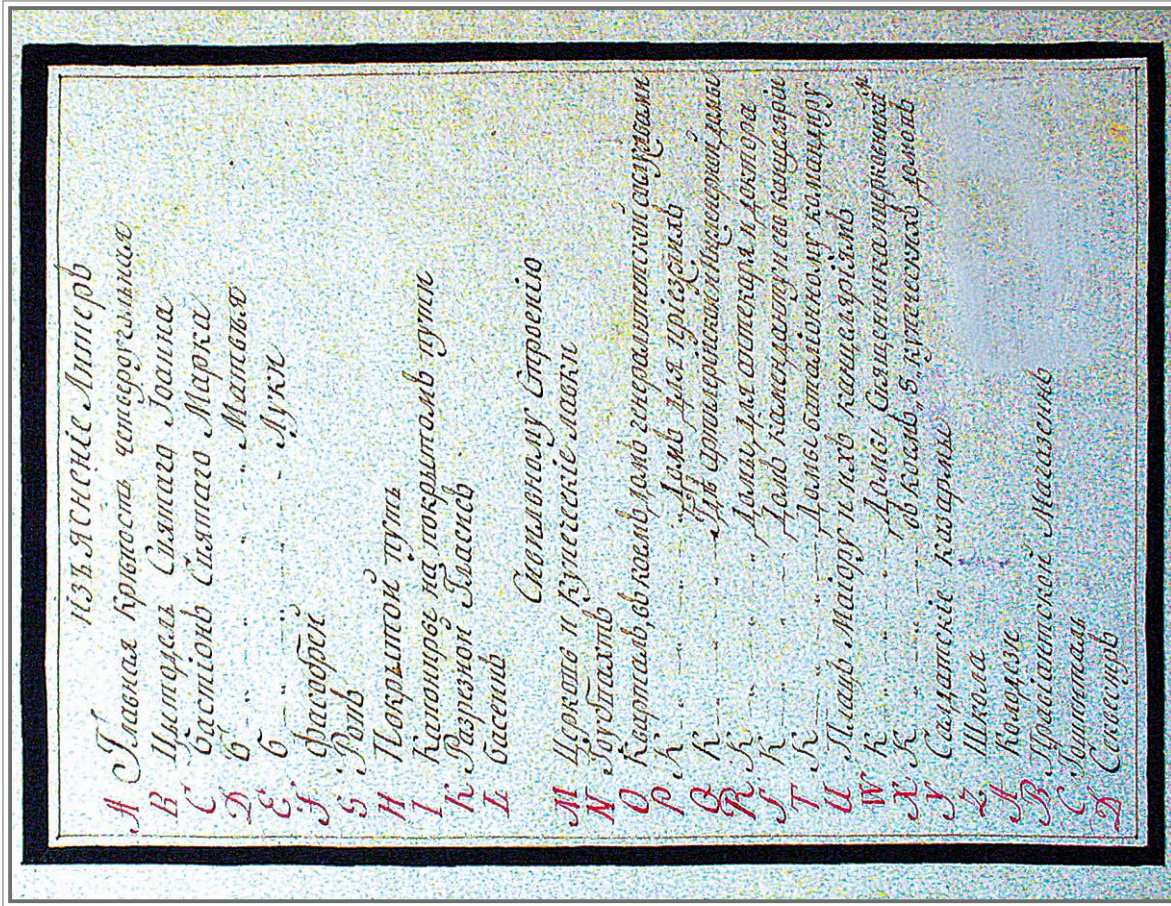
Профили крепости Александровской с показанием выполненных в ней работ к 1 ноября 1771 г. ЗОУНБ (коллекция В.Г. Фоменко)

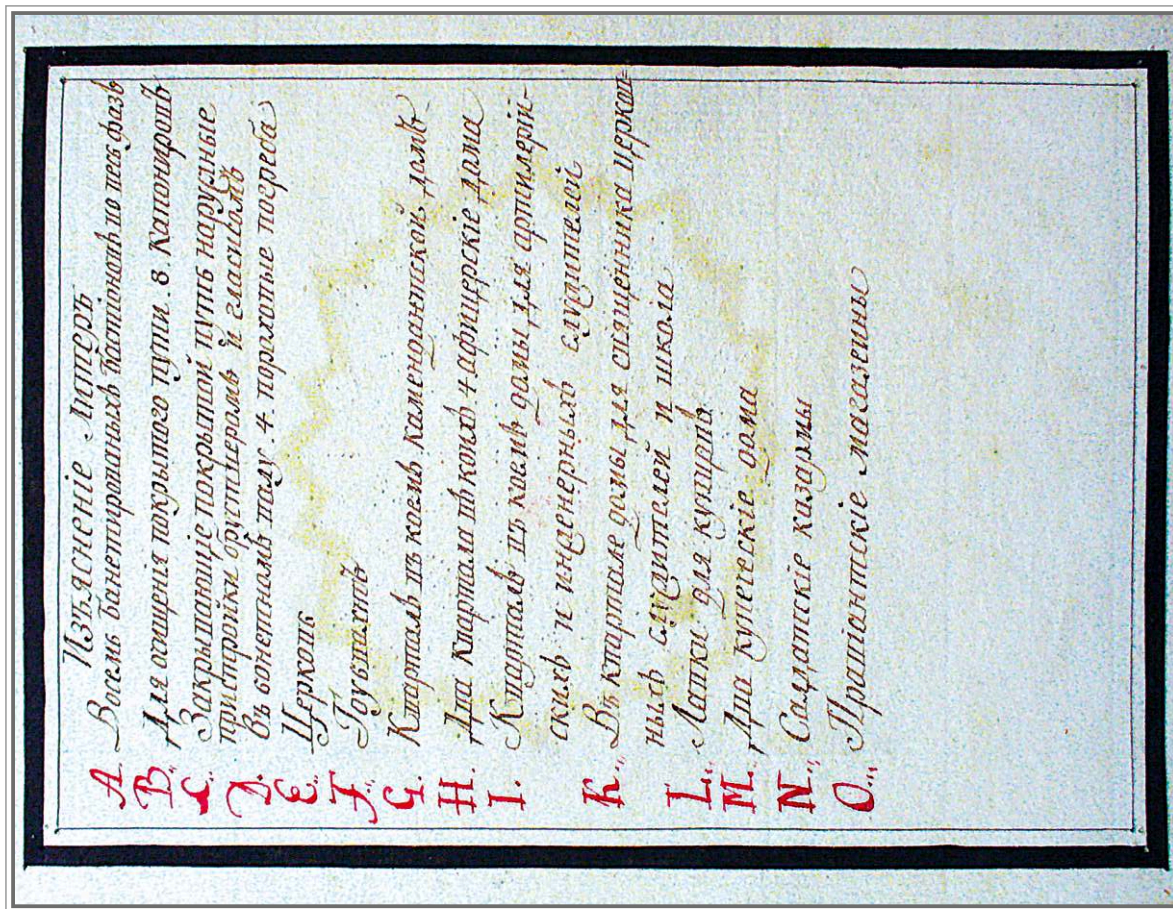
Часть плана проектируемой крепости Александровской. 1770–1771 гг. ЗОУНБ (коллекция В. Г. Фоменко)

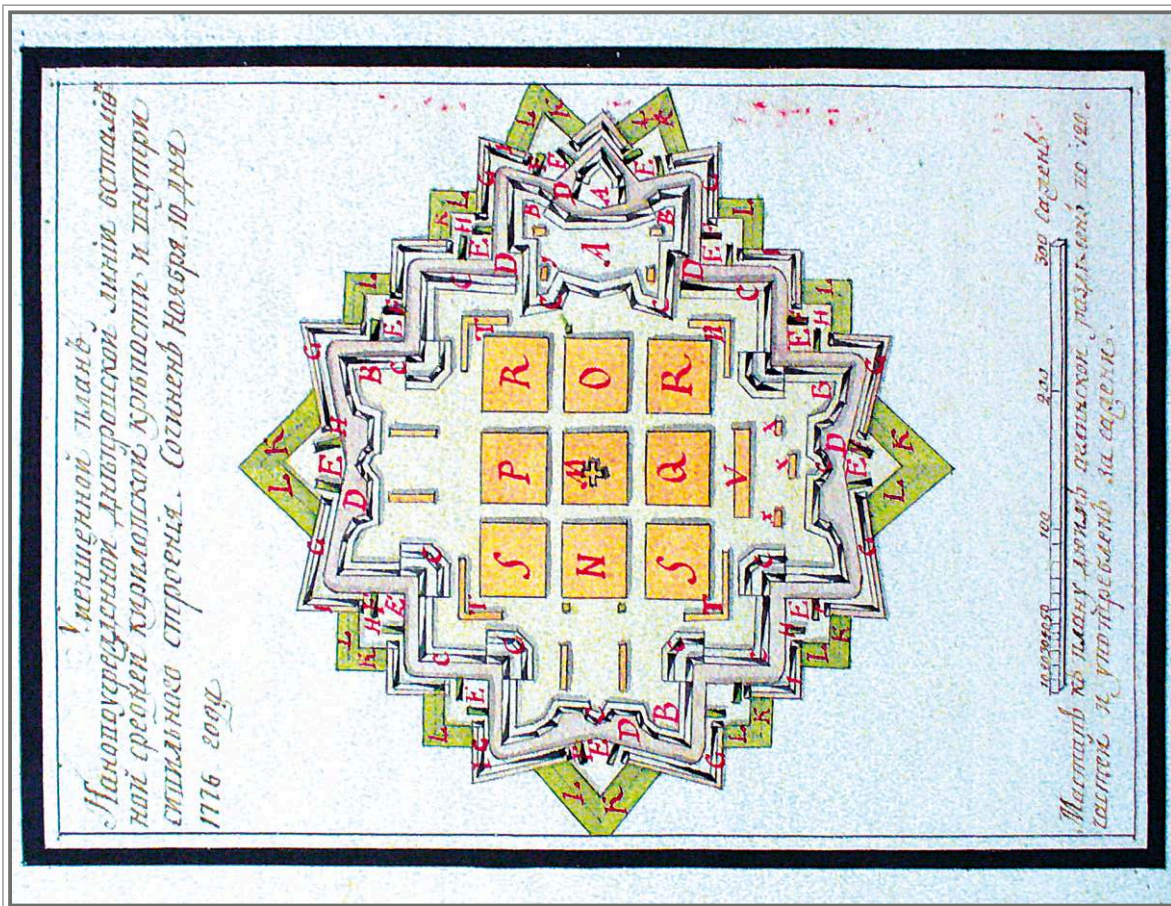
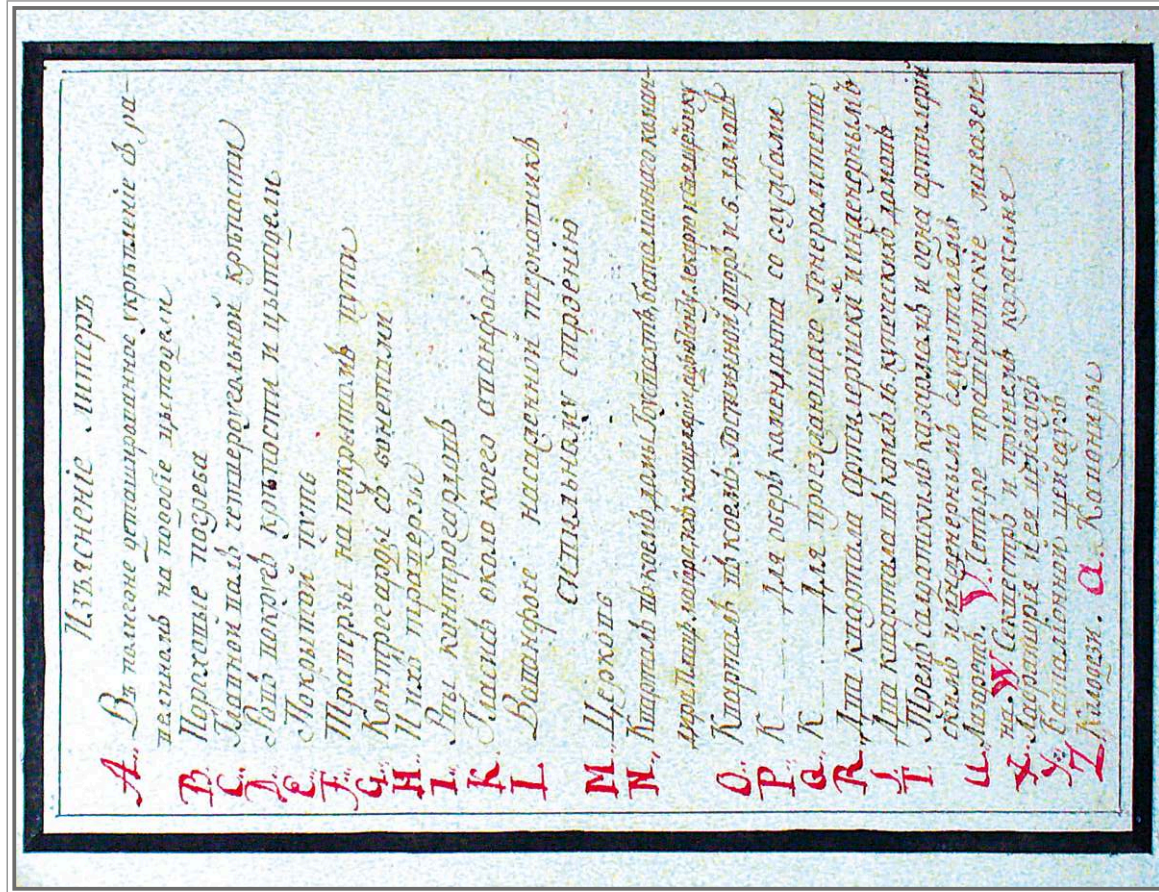
План крепости Александровской. 1770-е гг. ЗОУНБ (коллекция В. Г. Фоменко)

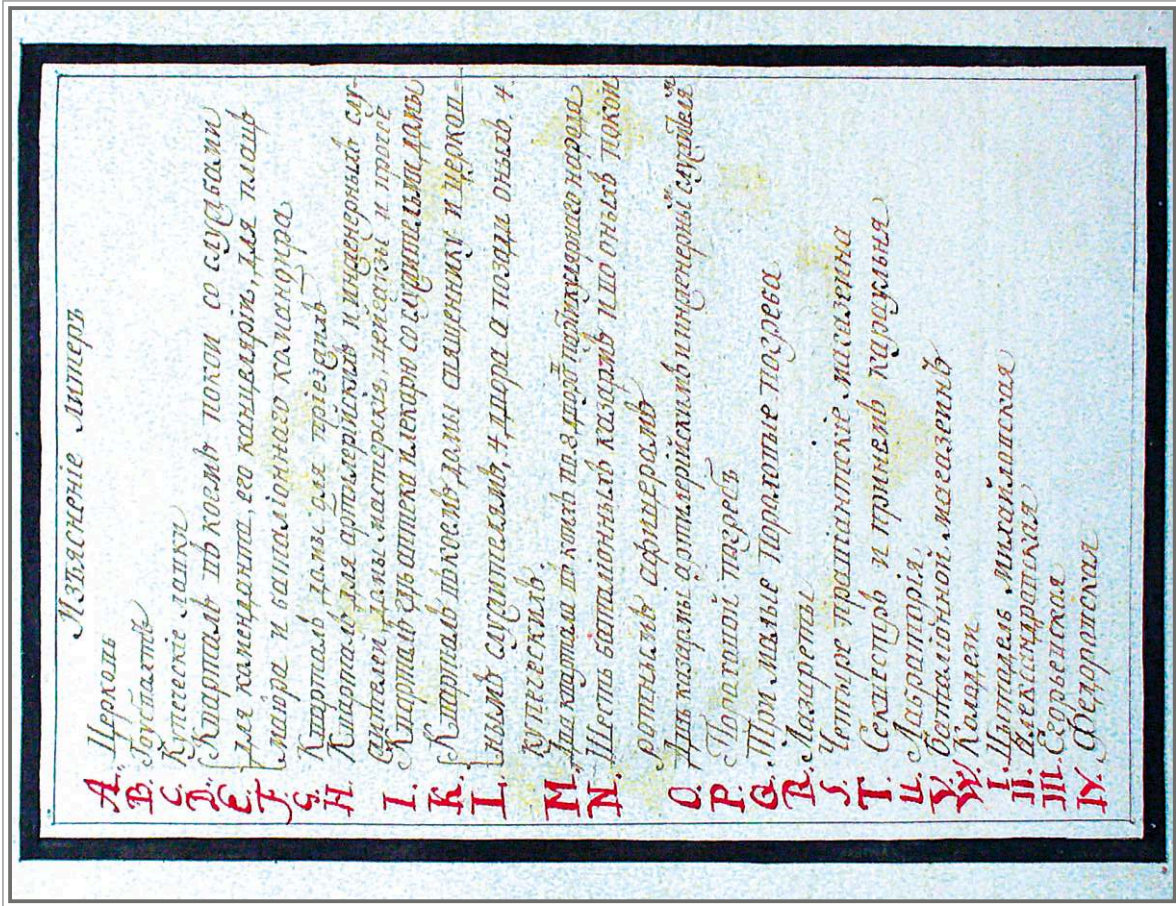
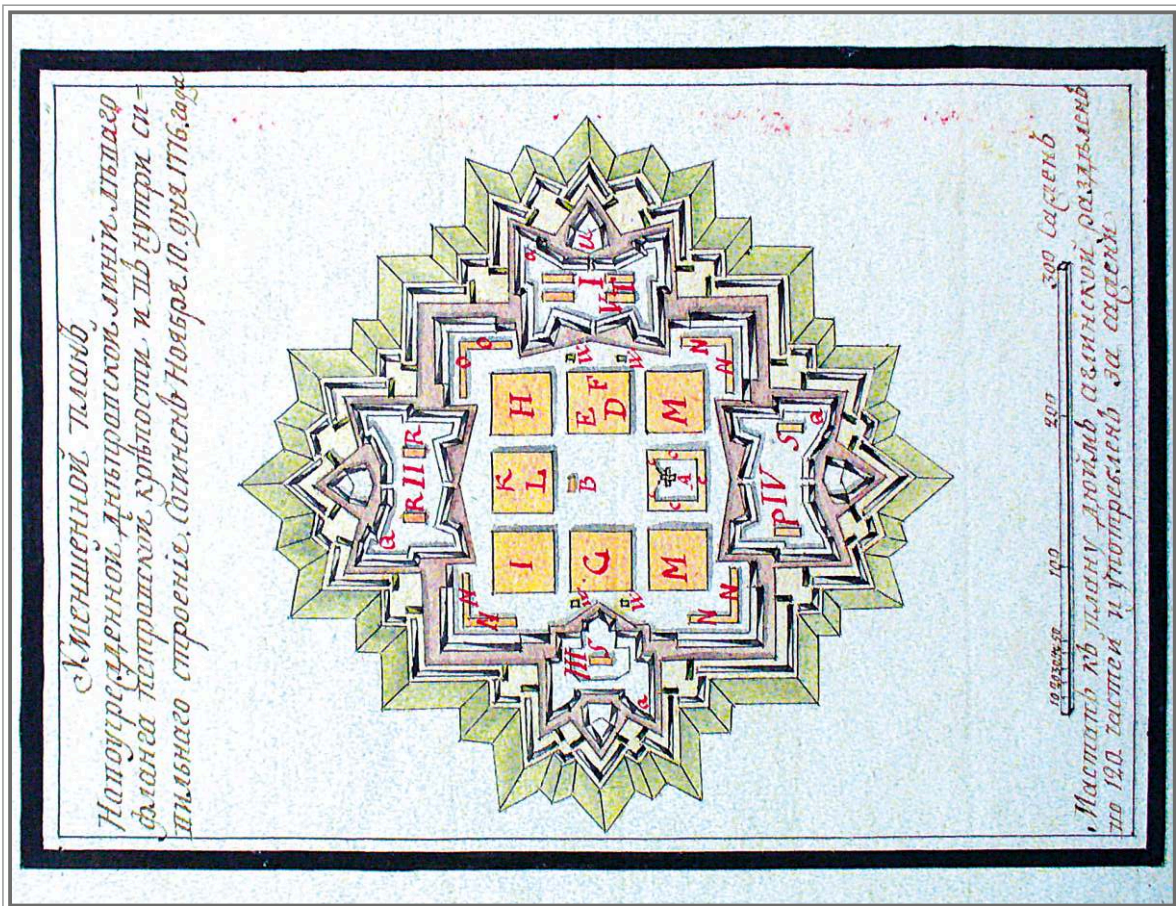
План крепости Александровской. 10 ноября 1776 г. «Днепровской линии уменшенные крепости». Национальная парламентская библиотека Украины (НПБУ)

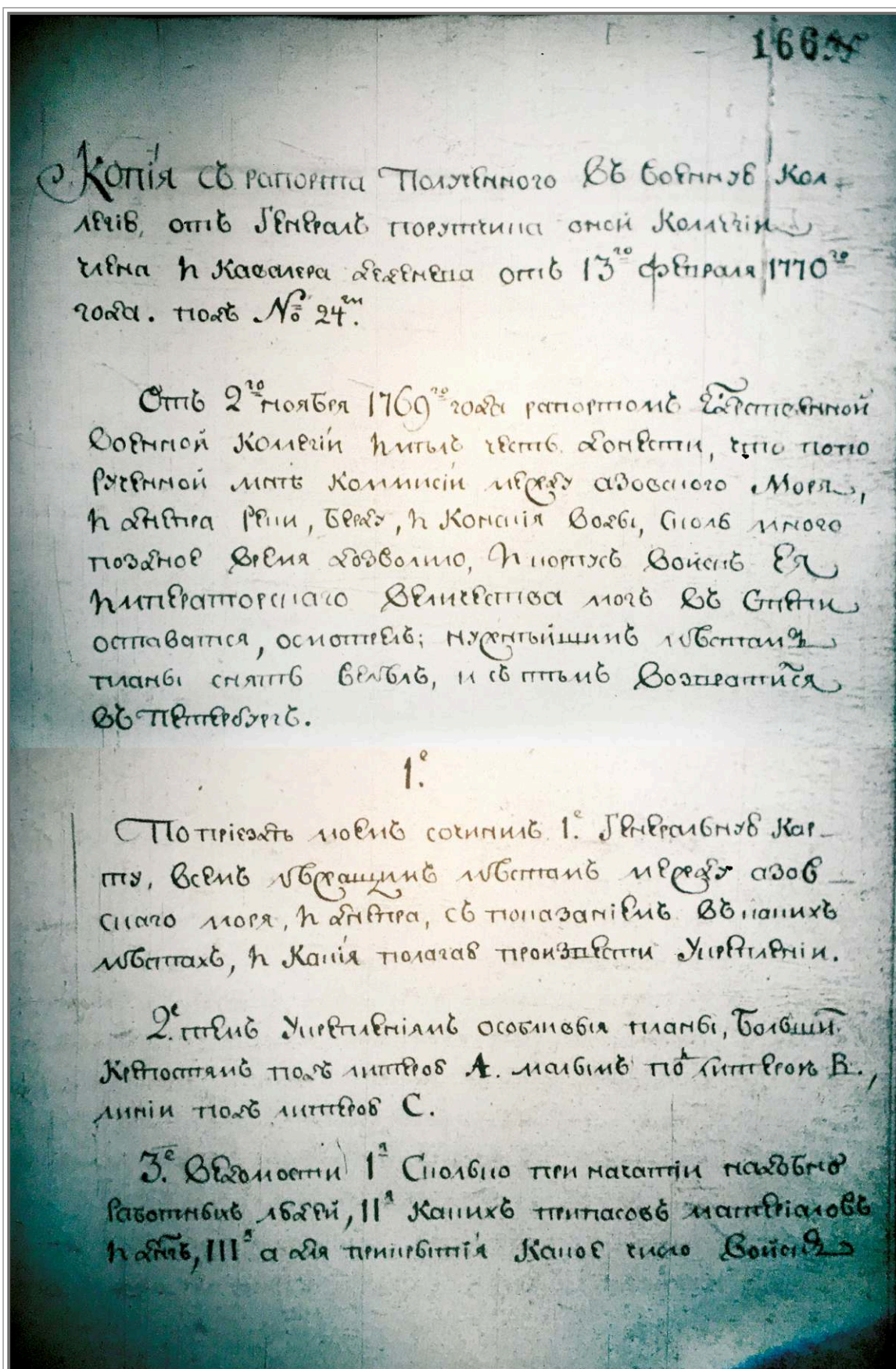
План одностипныхъ крепостей: Никитинской, Григорьевской, Алексеевской и Захарьевской. 10 ноября 1776 г.
 «Днепровской линии уменьшенные крепости». НПБУ

План крепости Кирилловской. 10 ноября 1776 г. «Днепровской линии уменьшенные крепости». НГБУ

План крепости Петровской. 10 ноября 1776 г.
 «Днепровской линии уменьшенные крепости». НПБУ

Первый лист рапорта генерал-поручика М.А. Деденева в Военную коллегию с первым проектом новой пограничной Линии. 13 февраля 1770 г. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 123. Л. 166

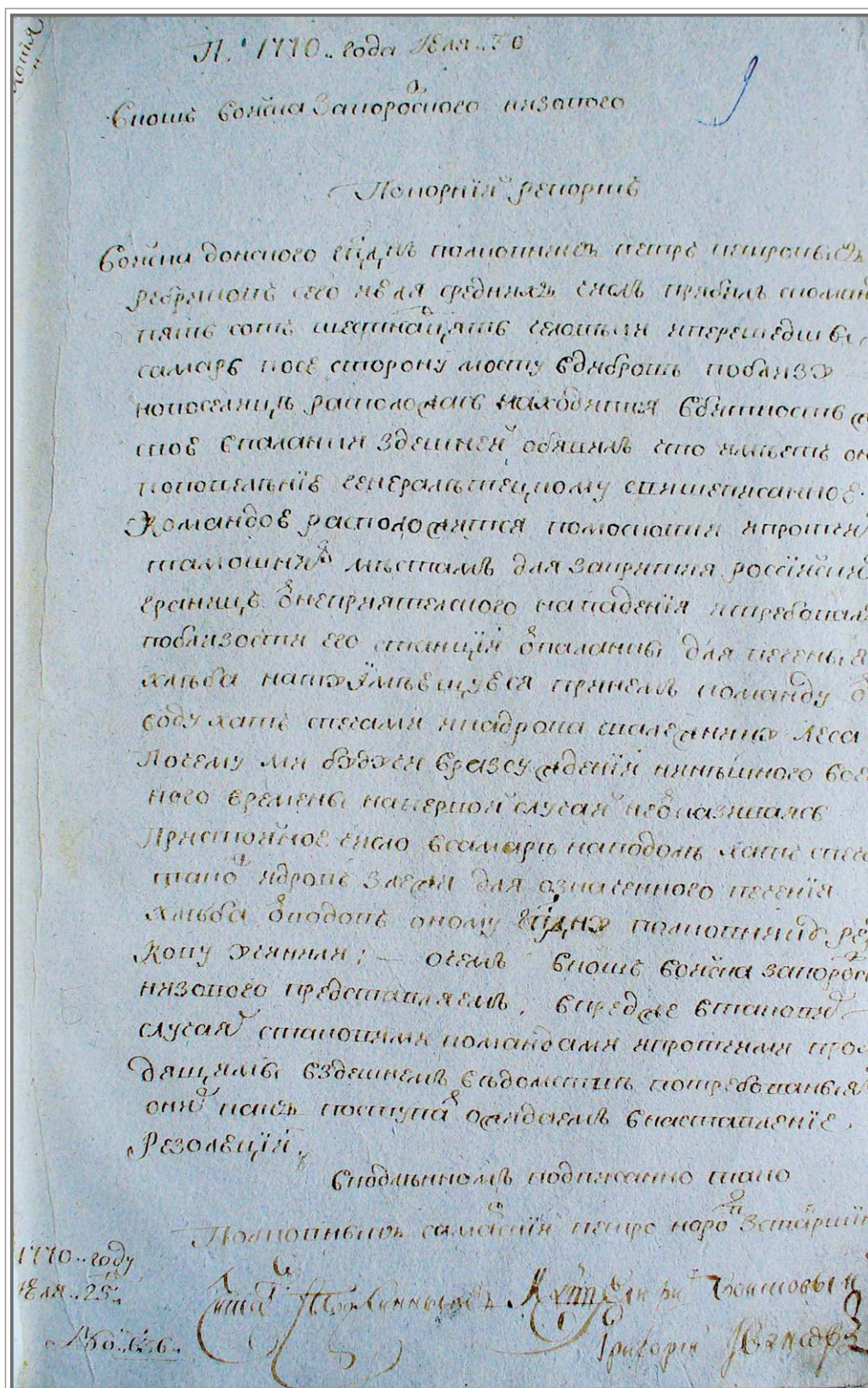
№ 3. 176

Ведомость 1.

наименое число напелной слуги и национ французской
штюности работных материалов лбуеи содвело
его опыль, Заработных денег и пролиантца
пистири миа полагаетца

	число лбуеи		встах ме		мднх ва		квстаб	
	рбулх	портнх	рбулх	портнх	гтхлх	%	рбулх	портнх
Мотатенинаб	2160		5	9720				
стпоярать	10							
плоттенинаб	100							
позмелрть железари	20							
для деиания интнхса пелен жлолтбх палня побрудаменты интнх мнхав инмелнхнхав	200		7	2142	1500		117	1½
онопанинхав	10							
иттого	2500							
Заработных денег				11862				
пролиантца					1500		117	1½
для перевозни матте рналотъ жинсттнхмен тотъ балотъ стрида тотъ ствнххх ттотъ мнхав	300		5	1350	180		14	½
иттого	2800			13212	1680		131	2

«Ведомость I» из первого проекта новой пограничной Линии, приложенная к рапорту генерал-поручика М.А. Деденева в Военную коллегию. 13 февраля 1770 г.

Рапорт Самарской паланки полковника Петра Норова в Кош Войска Запорожского Низового о прибытии к Новоселице Войска Донского полковника Петра Петровича Ребрикова с командой в 516 казаков, которые должны были «расположиться по Московки и прочим тамошним местам для закрытия российских границ от неприятельского нападения», чтобы обеспечить безопасное строительство новой пограничной Линии (Днепровской линии). 25 июля 1770 г. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (ЦГИАК Украины). Ф. 229. Оп. 1. Д. 260. Л. 9

2. рой авгуина 16 августа. Казеке трансакара
 ену за авгоина гадван в Коша, сего
 авгуина 11. гдетта амтавоу гдетта
 сароу ки кауем тисковки кртоавовки
 доу рваро без гаве т дупора мого саро
 тно. деля лбо титавов о дну галмо
 мангшоуо нада мта дн. Кедто аров
 мткар Латвоорачки обавов в от ртви
 гратуру аотреду гавов дн оскри
 софотена дна кртоавов прова дн в
 асла авов на тавова гдетта арови
 в коу дн дн в гдетта мта сн каов
 паров кауавов аотгшов в тавов
 саравушов мта. /

13

Сообщение в Кош Войска Запорожского Низового, в котором корреспондент пишет, что 11 августа по Днепру, мимо его хутора, прошло около ста плотов направлявшихся к устью реки Московки, для строительства новой Линии. Командовавший этими плотами офицер сообщил корреспонденту, что приказано употребить «все меры» «чтоб сей осени сооружена была крепость (Александровская.- А.М.) и новая Линия». 16 августа 1770 г.

ЦГИАК Украины. Ф. 229. Оп. 1. Д. 260. Л. 26 об.

По. 1770. 12. августа 1770. г.

В. Л. фон Фредерздорф

Полковник

Александровской крепости

Самарской паланки

Кош Войска Запорожского Низового

о том, что прибывший в паланку комендант крепости Александровской полковник В.-Л. фон Фредерздорф 12 августа обратился с «промеморией» к руководству паланки. В которой «объявлял», что он и его «команда» состоявшая из батальона солдат и гражданских рабочих следуют к речке Московке «к поселению». В связи с чем он «требовал» выделить ему двух казаков «знающих тракт на оную речку Московку». Что со стороны руководства паланки и было исполнено. 17 августа 1770 г. ЦГИАК Украины. Ф. 229. Оп. 1. Д. 260. Л. 32 об.

Рапорт Самарской паланки полковника П. Норова в Кош Войска Запорожского Низового о том, что прибывший в паланку комендант крепости Александровской полковник В.-Л. фон Фредерздорф 12 августа обратился с «промеморией» к руководству паланки. В которой «объявлял», что он и его «команда» состоявшая из батальона солдат и гражданских рабочих следуют к речке Московке «к поселению». В связи с чем он «требовал» выделить ему двух казаков «знающих тракт на оную речку Московку». Что со стороны руководства паланки и было исполнено. 17 августа 1770 г. ЦГИАК Украины. Ф. 229. Оп. 1. Д. 260. Л. 32 об.

Из этого Кош Войска Запорожского Низового, августа 19го
 сообщают слышно от Глоцкого Епифана
 у сего Московии будут строит городъ,
 укрепленный также как и Киев. Куда
 послышут казны воеводы так идутъ
 Луки Е

Сообщение в Кош Войска Запорожского Низового, в котором корреспондент пишет,
 что в Самарской паланке «слышно», что при устье реки Московки будет построен город,
 укрепленный также как и Киев. 19 августа 1770 г.

ЦГИАК Украины. Ф. 229. Оп. 1. Д. 260. Л. 27

47

Находящемуся при заставе нашей Днепровской
 запорожской полковника Гейдана Поддубинича,
 Отъ Александровской крепости имать следо
 вать поднимать для обозначения порогов по
 сему новоформированного батальона Гейда
 Поддубинича Панина, того ради изволите
 поспешити показанного Гейда Поддубинича
 Панина дабы ему знающего во всем том,
 гдебы имеющиеся пороги показать мог
 своим местам, ибо эти пороги понынешнему
 военному времени показанию надобности
 состоитъ.

Малютин Иван

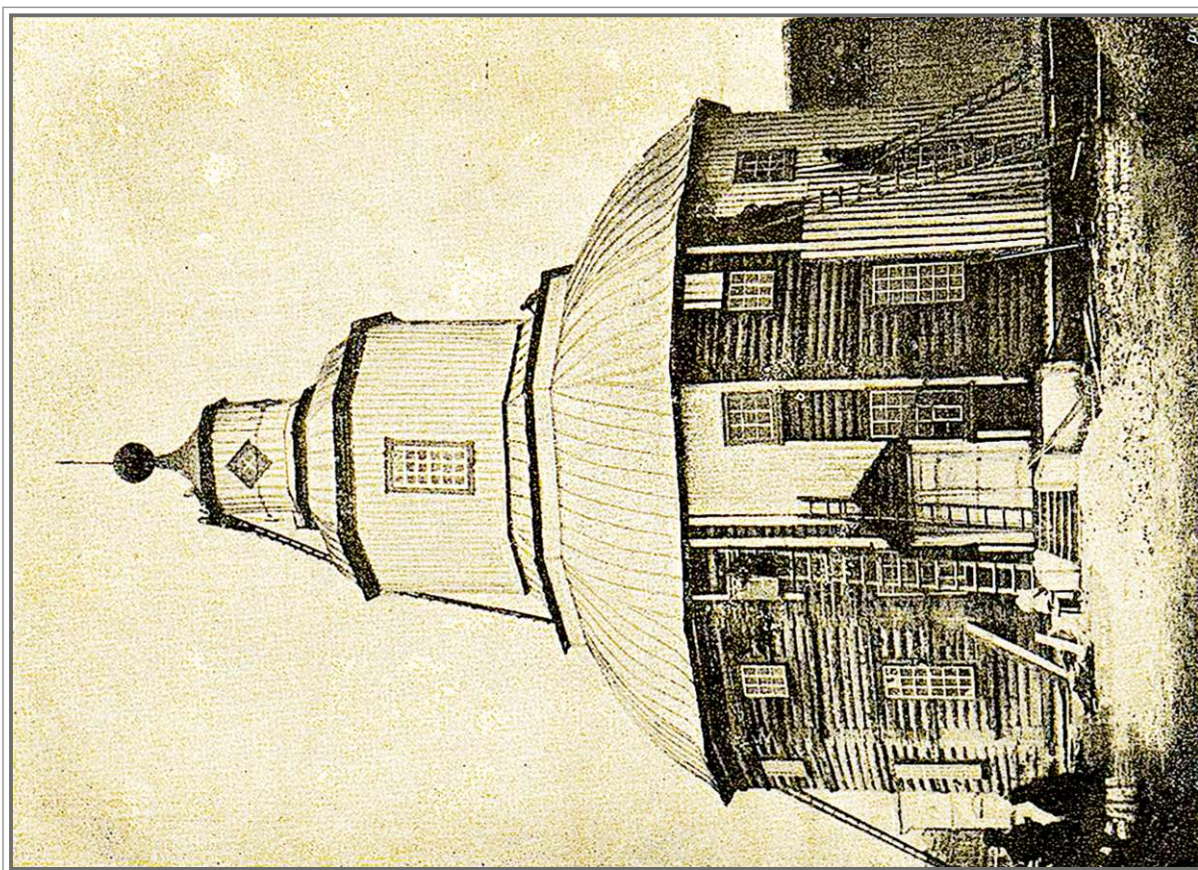
Полковникъ Фредерхдорфъ

Волыкъ Емста Сорочови Андрияри Григорий Иванъ

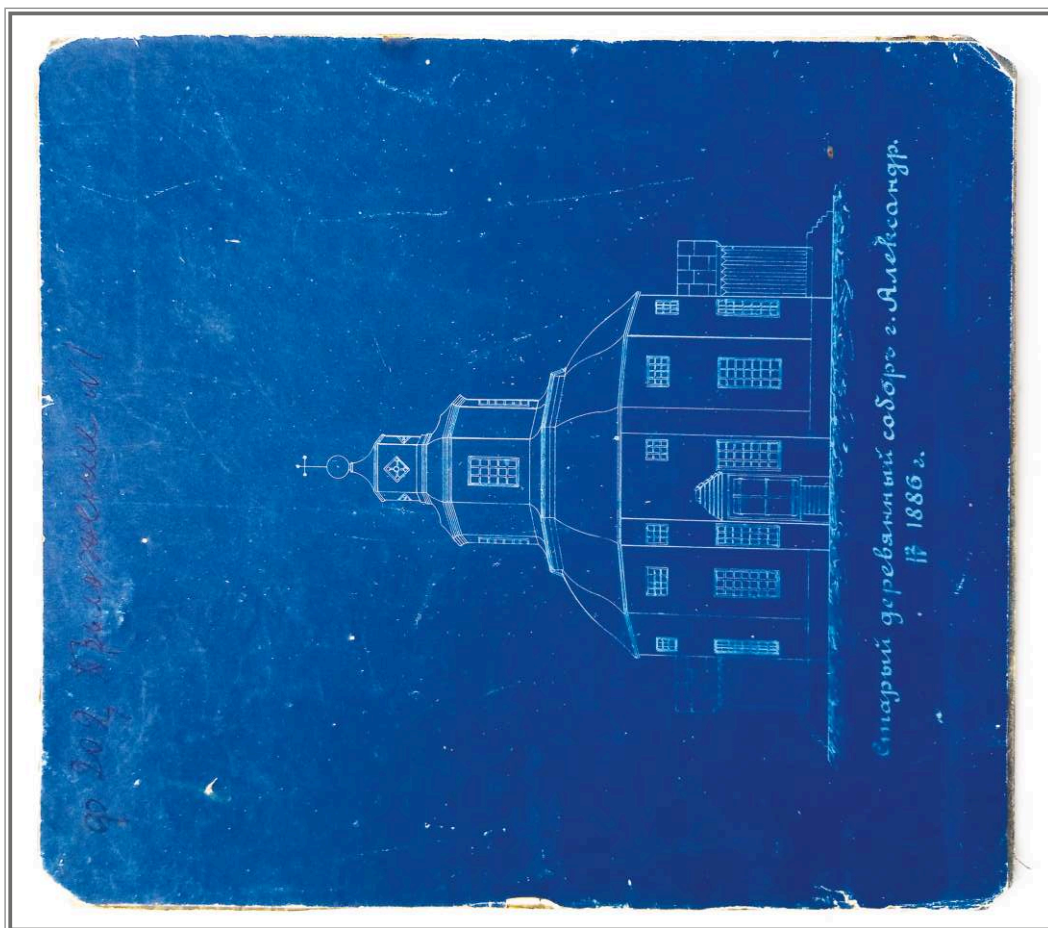
25 августа
 1770. годъ

Иван Петрович Малютин

Предписание коменданта крепости Александровской полковника В.-Л. фон Фредерздорфа, данное из «лагеря при реке Московке», начальнику (полковнику) запорожской заставы на Днепре, в котором он сообщает тому, что для описания порогов от крепости Александровской направляется командир Александровского пограничного батальона подполковник Андрей Петрович Панин (1724-1775). Для чего запорожский полковник должен оказать подполковнику содействие, «дав ему знающего в оном человека, чтоб имеющиеся пороги показать мог». 25 августа 1770 г. ЦГИАК Украины. Ф. 229. Оп. 1. Д. 260. Л. 47

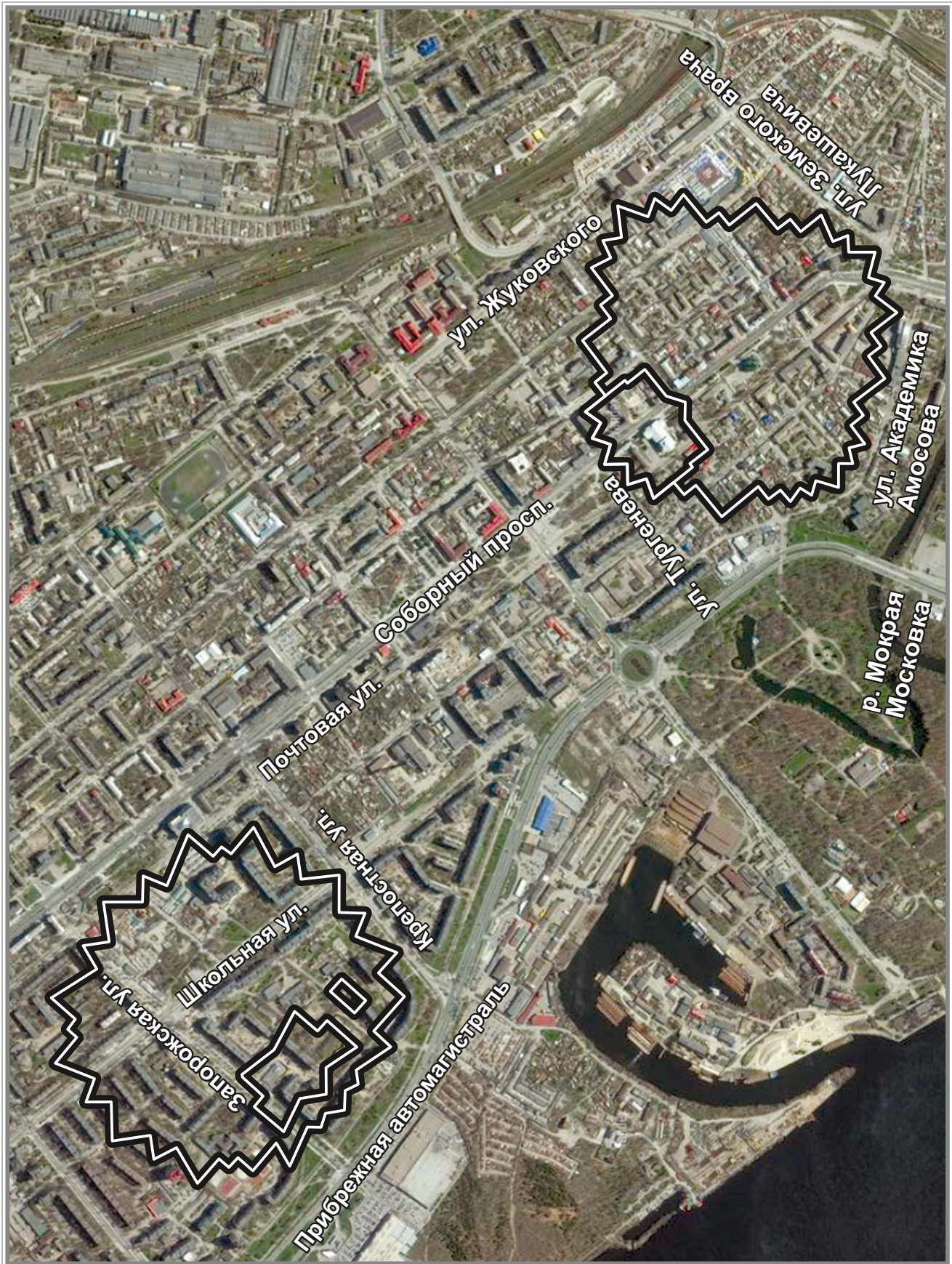
Церковь соборная Покровская (1789-1886), г. Александровск.
 Фото второй половины XIX в. Надпись на фото: «Пересъёмка воспрещена. Р.К.».
 Я. П. Новицкий «История города Александровска...». Екатеринбург, 1905 г.

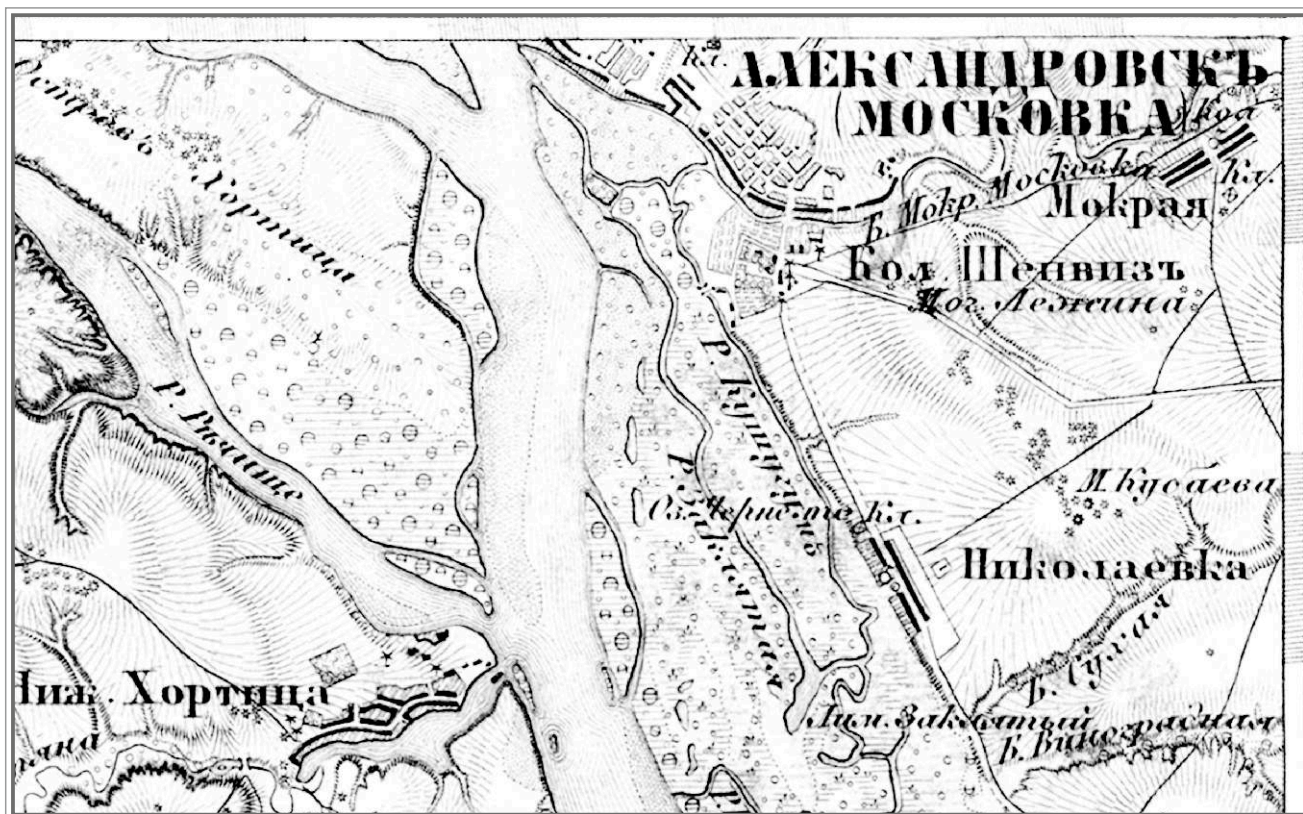
Собор Покровский, г. Александровск. 12 апреля 1886 г. («Синька»);
 Институт рукописей Национальной библиотеки Украины
 им. В. И. Вернадского. Ф. 202. N 214. Приложение N 1

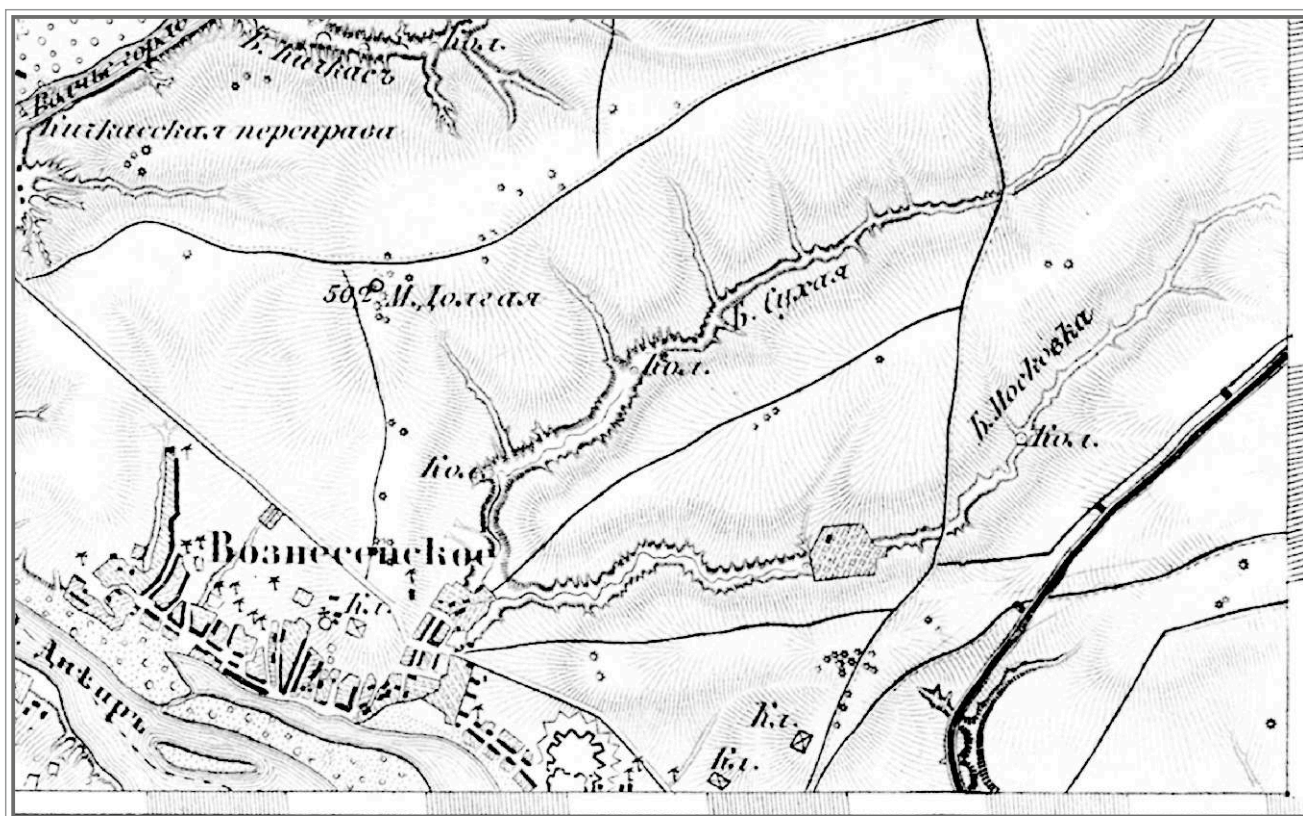
Крепость Александровская (2-я) (контур с плана 1780 г.). Снимок со спутника

Контуры несохранившихся крепостей Александровской (1-й) и Александровской (2-й). Снимок со спутника

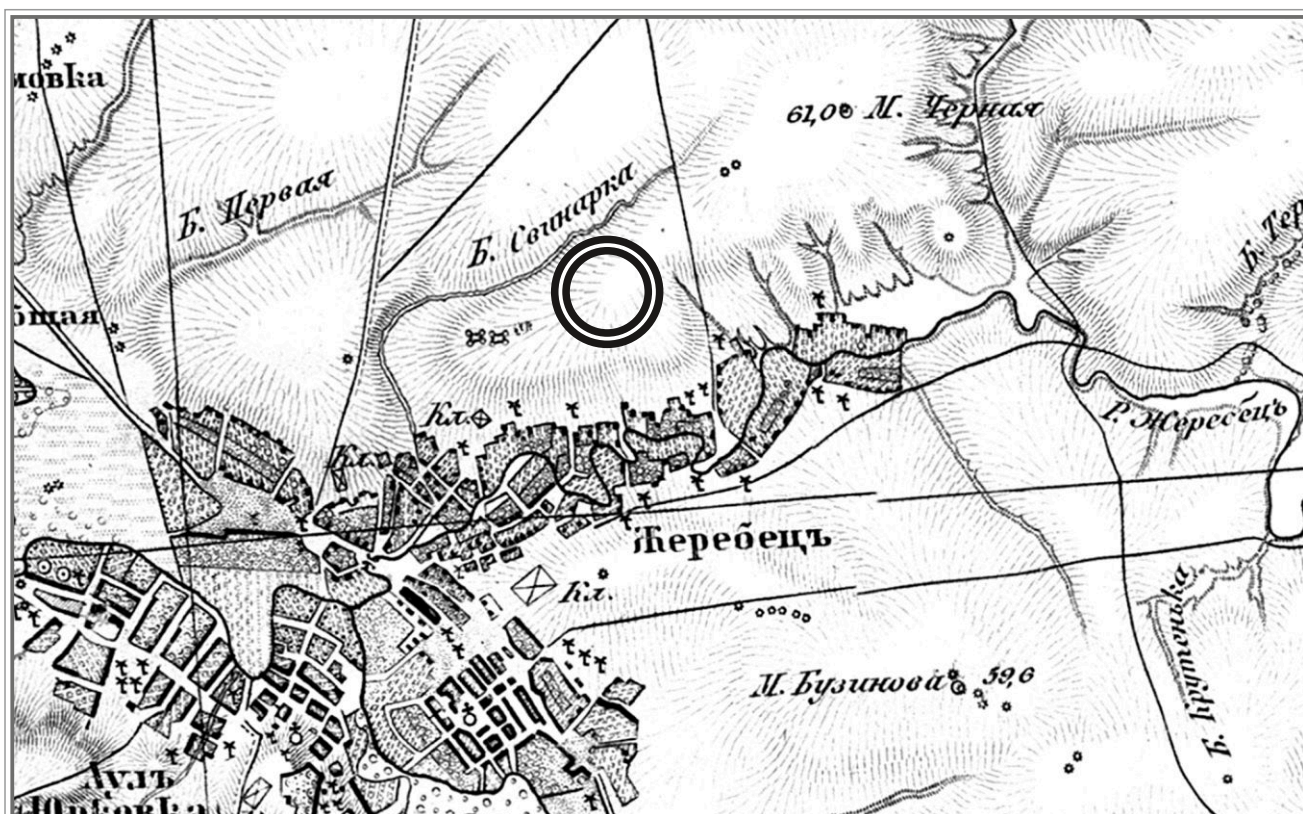
Крепость Александровская (1-я). Карта XIX в.

Крепость Александровская (2-я). Карта XIX в.

Крепость Никитинская (1-я) (в контуре). Снимок со спутника

Территория, на которой находилась крепость Никитинская (1-я) (в контуре). Карта XIX в.

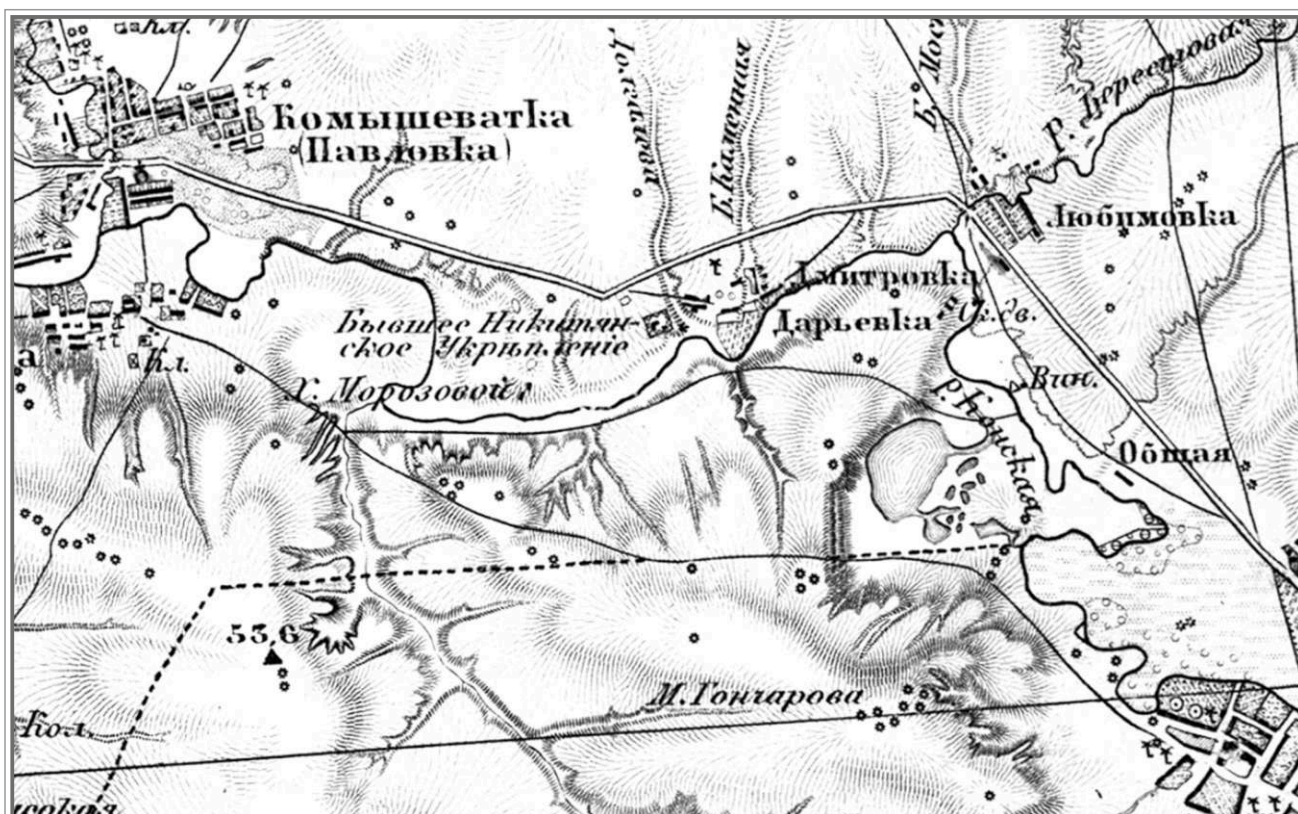
Крепость Никитинская (2-я). Снимок со спутника

Крепость Никитинская (2-я). Аэрофотоснимок

Крепость Никитинская (2-я). Аэрофотоснимок

Крепость Никитинская (2-я). Карта XIX в.

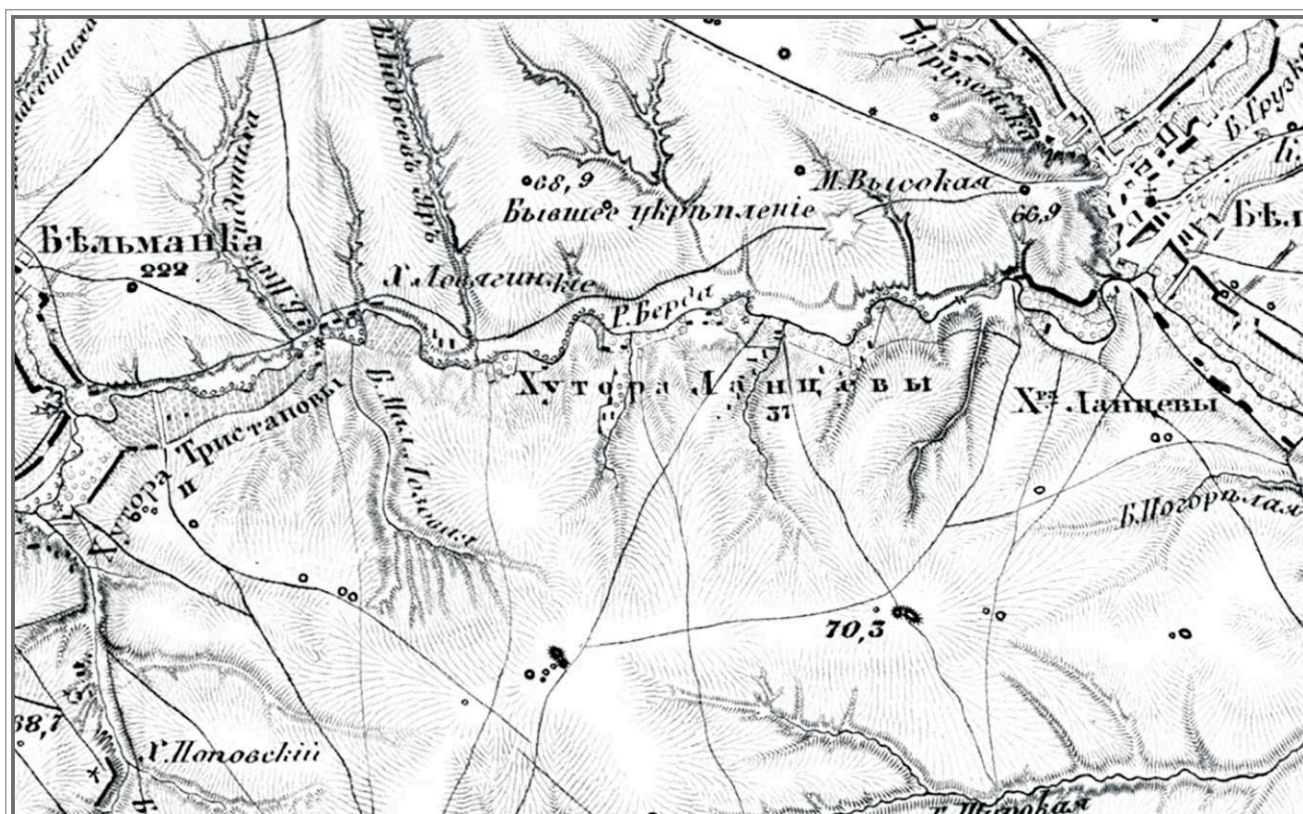
Предполагаемое местонахождение крепости Григорьевской (в контуре). Снимок со спутника

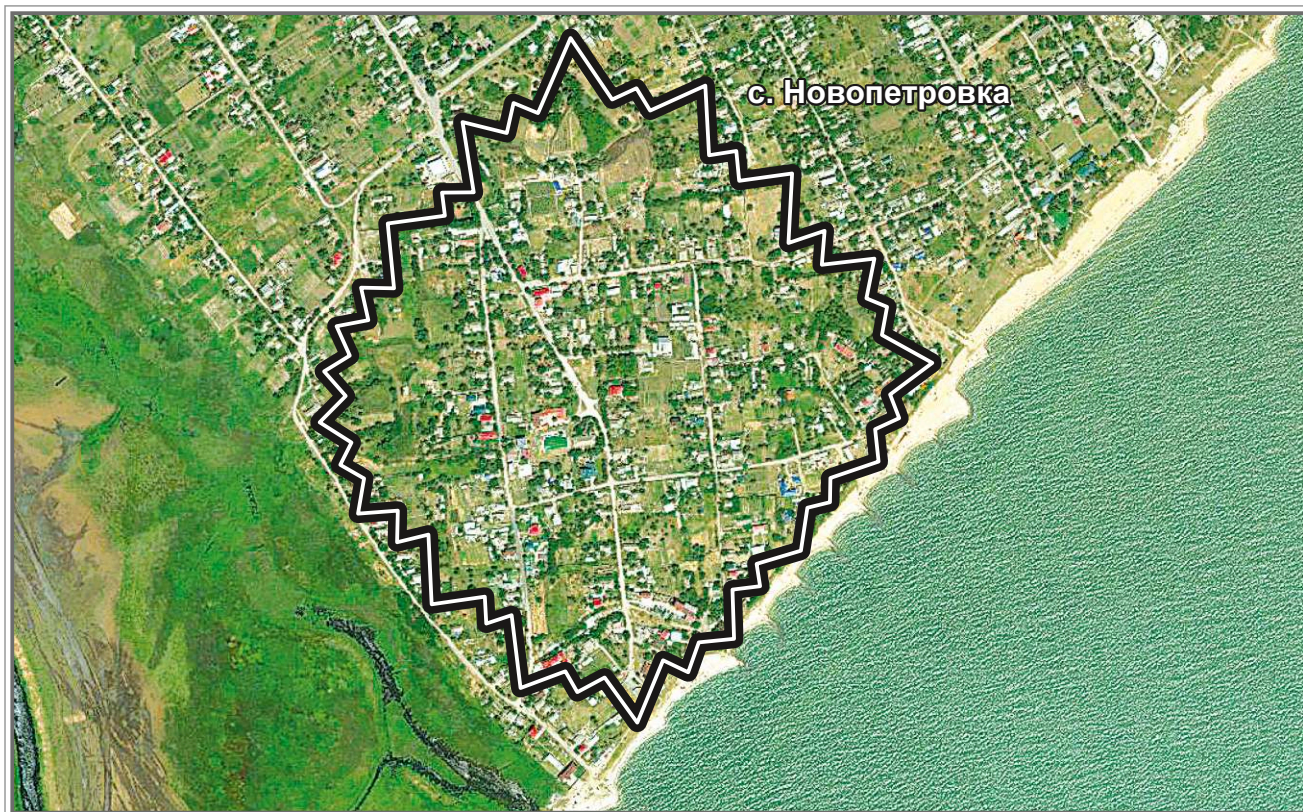
Крепость Григорьевская («Новогеоргиевское укрепление»). Карта XIX в.

Крепость Алексеевская. Снимок со спутника

Крепость Алексеевская. Карта XIX в.

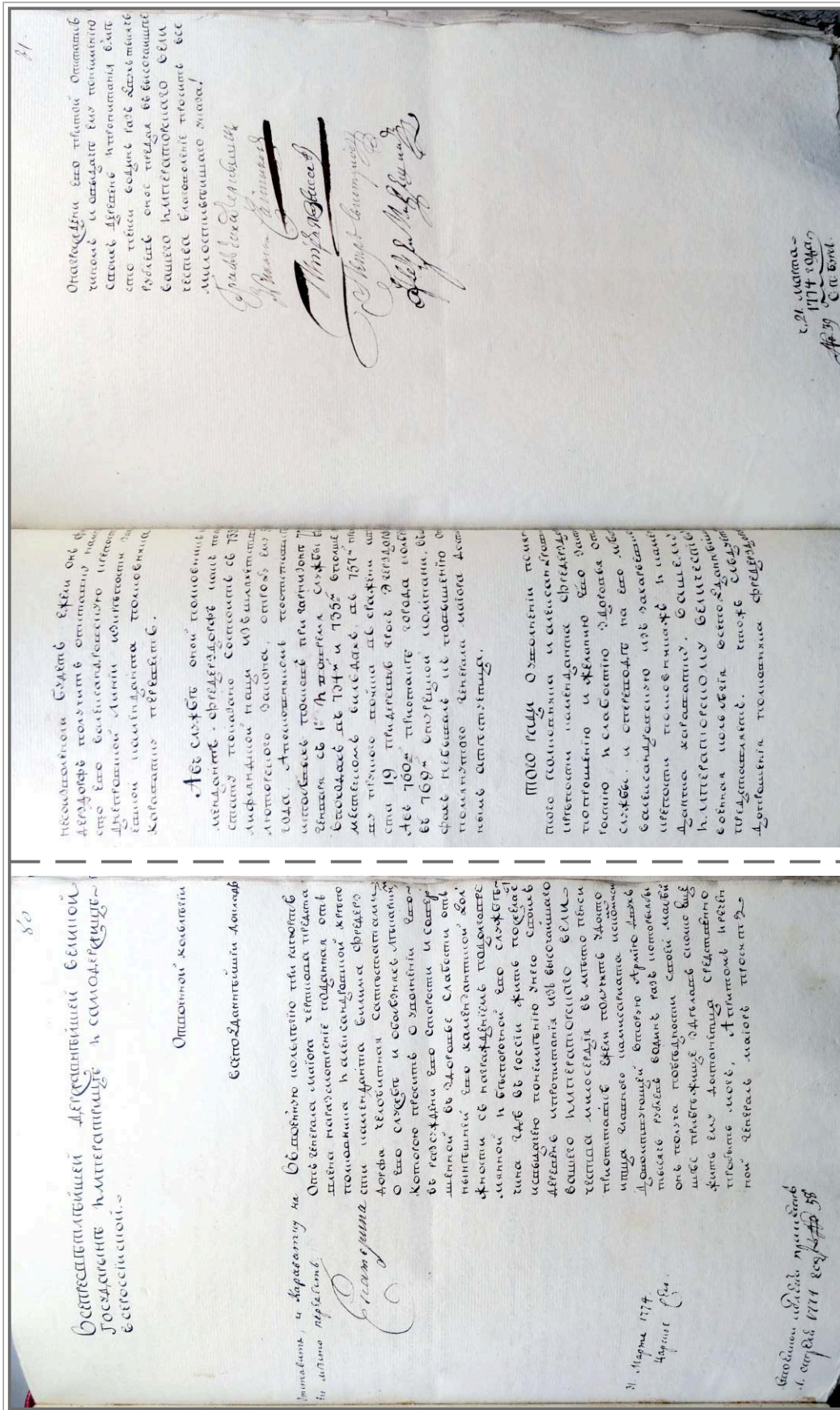
Крепость Петровская (контур с плана 1780 г.). Снимок со спутника

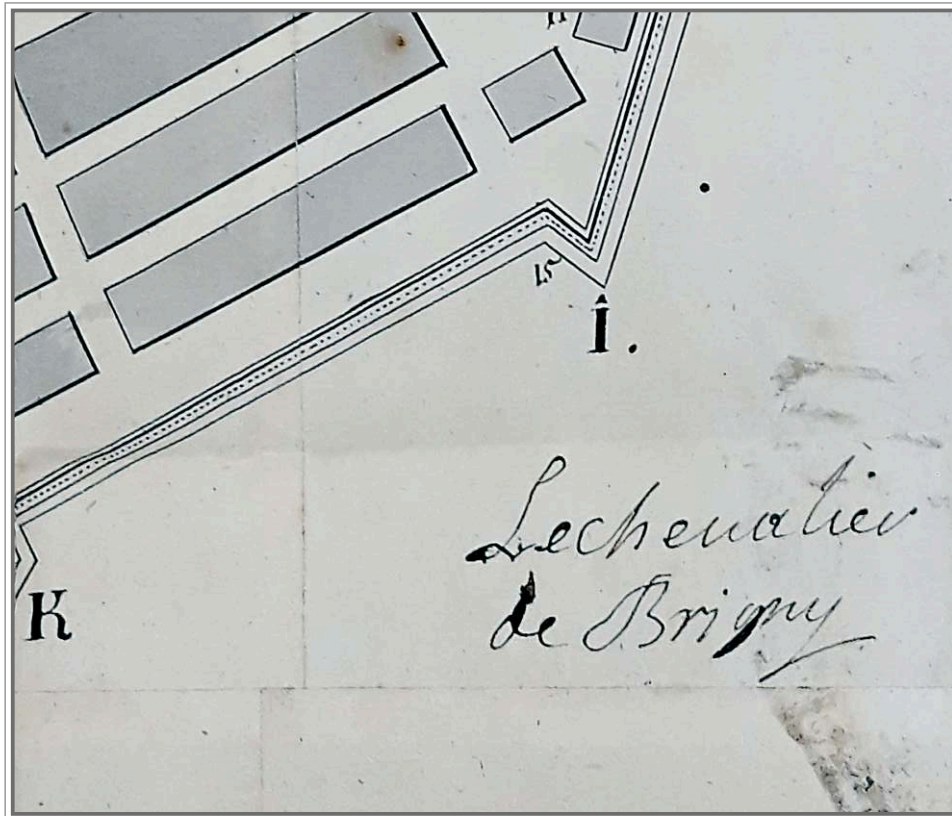
Крепость Петровская. Карта XIX в.

«Геометрической специальной план Павлоградского уезда посада Александровского и выгонной земли с хуторами... снят 1798-го года октября 11-го дня...». Государственный архив Запорожской области, ф. 230, оп. 1, д. 938 а

Доклад Военной коллегии императрице Екатерине II по поводу отставки коменданта крепости Александровской полковника В.-Л. фон Фредерздорфа.
РГВИА. Ф. 2. Оп. 13. Д. 69. Л. 80-81

План (фрагмент) города-крепости Бахмута, подписанный инженер-генерал-майором Петром Петровичем де Бриньи. 1732 г. РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 4003

Эпитафия с захоронения Анны Андреевны де Бриньи (урожденной де Брилли) (1713-1750). Латвия, п. Скайсткалне

Памятник с могилы А. Д. Константинова,
находящийся ныне в ограде храма Свято-Покровского
в г. Орехове Запорожской области. Фото автора. 2006 г.

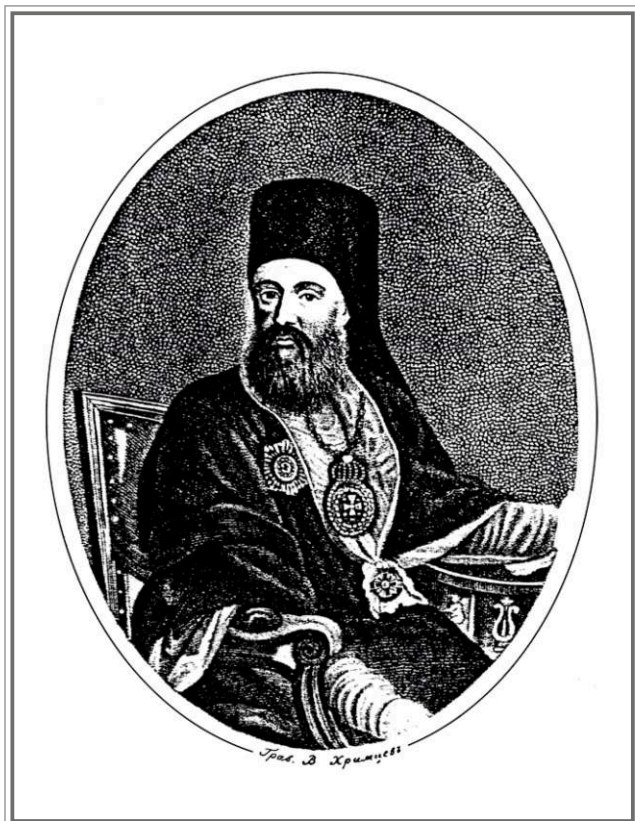
Просвѣщеннѣйшій Владыко! /
 № 601 Милостивый Государь Ной и Архи-
 епископъ .

По принесенной мнѣ отъ Общества села Зна-
 менки прошенію, о поставленіи мнѣ во священниче-
 скую должность не сему по благоволенію своей жи-
 зни моего села жителя жолдашнаго выходца —
 Карпа Мартыянова, Ваше просвѣщенство Повор-
 но прошу рѣшительно сего избранаго въ священ-
 ной потѣ сая, и отречь мнѣ отъ помянутое село
 Знаменку, а сподъ изъ продолженія Святсшаго бѣв
 оня изымаюся, отъ мѣ не оставитъ я дати надлежа-
 щее посылкія. Пробытая въ протсей свѣтлинѣ
 поестеніемъ и преданностію

Вашего Просвѣщенства
 Милостиваго Буря моего и Архипастыря

Покорный Слуга
 Ной Нойковъ

май 10го дня
 1784 года

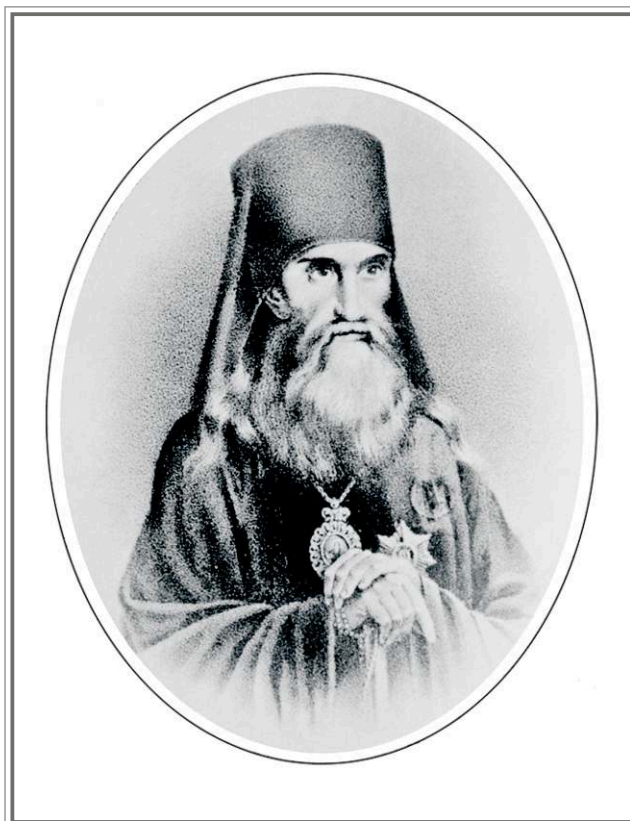
Славенский и Херсонский архиепископ
Никифор (Феотоки) (1731–1800)

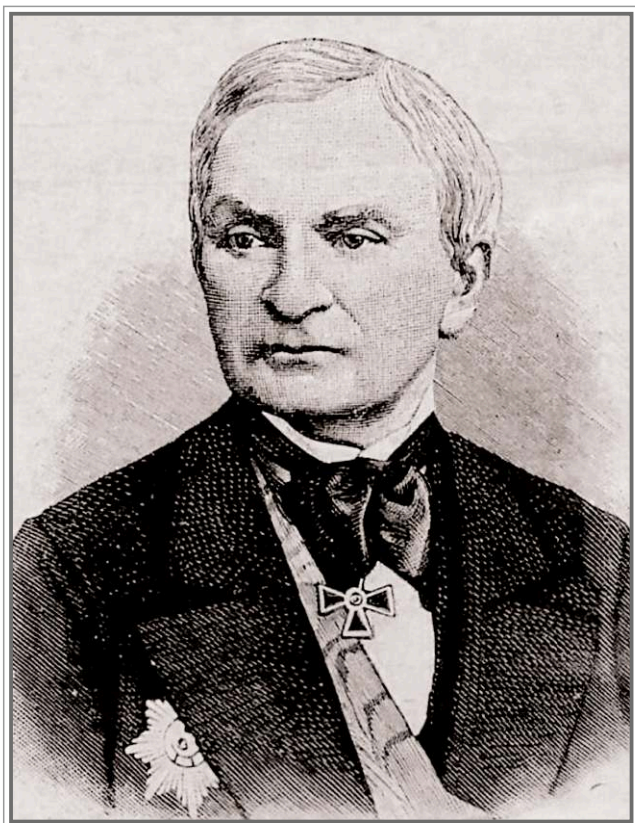
Правитель Екатеринославского наместничества (1784–1788),
генерал-майор Иван Максимович Синельников
(1741–1788)

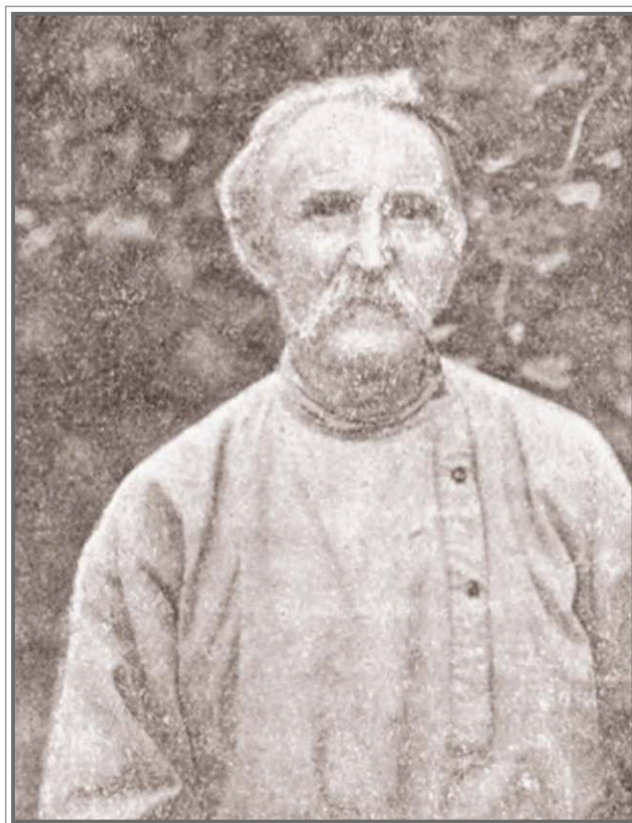
Правитель Екатеринославского наместничества (1788–1794),
генерал-майор Василий Васильевич Каховский
(1738–1794)

Архиепископ Иаков (Вечерков)
(1792–1850)

Аполлон Александрович Скальковский
(1808–1898)

Яков Павлович Новицкий
(1847–1925)

Виктор Гаврилович Фоменко
(1900–1976)

Андрей Владимирович Макидонов

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ, АЛЕКСАНДРОВСК?	4
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	7
ЧТО ЗНАЛ ПЕРВЫЙ ИСТОРИК г. АЛЕКСАНДРОВСКА (ЗАПОРОЖЬЯ) ОБ ОСНОВАНИИ ЭТОГО ГОРОДА	9
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	18
НЕВЕРНЫЙ ОТВЕТ: $2024 - 1770 = 1072$	21
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	25
КРАТКИЕ БИОГРАФИИ ОСНОВАТЕЛЕЙ г. ЗАПОРОЖЬЯ (АЛЕКСАНДРОВСКА)	28
МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЕДЕНЕВ	28
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	31
ВИЛЬГЕЛЬМ-ЛЮДВИГ ФОН ФРЕДЕРЗДОРФ	34
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	38
ИСТОРИЯ ДНЕПРОВСКОЙ ЛИНИИ (1770–1797).....	39
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	147
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	152
ТРИ ГЕНЕРАЛА, ИЛИ КТО СОЗДАЛ УКРАИНСКУЮ ЛИНИЮ	152
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	159
АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ КОНСТАНТИНОВ (1740–1818)	163
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	166
ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ СТАРООБРЯДЦАМИ-ЕДИНОВЕРЦАМИ В 80-х гг. XVIII в. ПОСЕЛЕНИЙ В ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ (<i>к начальной истории Единоверия в Новороссийском крае</i>)	168
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	188
К.М. МАРКИАНОВ – СВИДЕТЕЛЬ И ИСТОРИК КОЛОНИЗАЦИИ НОВОРОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. (<i>к истории одной публикации</i>)	192
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	196
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	198
ИЛЛЮСТРАЦИИ	208

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Андрій Володимирович МАКІДОНОВ

ІСТОРІЯ м. ЗАПОРІЖЖЯ (ОЛЕКСАНДРІВСЬКА). ПОЧАТОК

(російською мовою)

Текст публікується в авторській редакції.

Відповідальний за видання *Володимир Миколайович Систеров*
Дизайн обкладинки *Видавництво «СТАТУС»*

Відповідальність за достовірність фактів, цитат, власних імен та інших даних несе автор. Думки, положення і висновки, висловлені автором, не обов'язково відображають позицію редакції.

Видавець:

ТОВ «Видавництво „Статус“»

Адреса редакції: Україна, 69057, м. Запоріжжя,
Соборний просп., буд. 158, оф. 249.
моб. +38 (068) 448-11-28, mail@status.zp.ua
http://status.zp.ua

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції *серія ДК № 5316 від 03.04.2017 р.*

Чому автори обирають «СТАТУС»

ПРОФЕСІЙНО. ЯКІСНО. СТАТУСНО.

Креативний дизайн	Якісна верстка	Чудовий друк	Книжковий папір	Різноманітна палітурка
Індивідуальний підхід до кожної книги	Світові стандарти наукового оформлення	Konica Minolta bizhub PRO 1200, Xerox WorkCentre 5775	Holmen Book Cream береже зір, продовжує вік книги	Тверда, м'яка, клейова (втачку), на скобу та пружину

status.zp.ua

Здано в набір 07•III•2024. Підписано до друку 31•V•2024. Формат 60x84 1/8. Папір офсетний № 1. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 32,55. Обл.-вид. арк. 24,63. Друк. арк. відбиток 390,60. Наклад 12 прим. Замовлення № 11 071/03.2024-А. Ціна договірна.

Макет розроблений та віддрукований:

Фізична особа-підприємець Наталія Олександрівна Систерова, тел.: +38 (066) 541-41-01

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції *серія ДК № 5315 від 03.04.2017 р.*

ISBN 978-617-8040-70-3

НАШІ ПАРТНЕРИ:

Книжкова палата України
імені Івана Федорова

Видавництво
«Наукова думка»

Запорізька
обласна рада

К. НОВАЯ АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКАЯ
К. СТАРАЯ АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКАЯ
ИЕРУСАЛМСКАЯ

Село Ванджиская

М. КИТАЙСКАЯ
ПЕРЕВОЗЪ

Селкумъ Евакъ

Земля долины

Нагайскихъ

Отъ

Ю ШИХЪ

61

Озеро Могольнѣ Бѣга

Село Котани

Урочище село Котани

ская
ская

90 00 а

а с а н с

Х. Никитинская

ТОНСКИЕ

Х. Тригорьевская

Х. Кирилловская

Днепровская
Дина

Х. Алексеевская

Полтава

Х. Волыревская

Х. Петровская

Кол. Волыновка

Кол. Вердунская

Андрей Владимирович МАКИДОНОВ

- К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). (2008)
- Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. (2011)
- Днепровская линия (1770–1797). (2014)
- Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х – начала 1780-х гг. (2016)
- Первые метрические книги г. Запорожья (Александровска) (1774–1788). (2017)
- История Днепровской линии. Новые документы и материалы (1770–1797). (2021)
- Метрические книги г. Запорожья (Александровска) (1789–1800). (2023)

